

Б. Ц. УРЛАНИС

РОСТ НАСЕЛЕНИЯ
В ЕВРОПЕ

(ОПЫТ ИСЧИСЛЕНИЯ)

ОГИЗ—ГОСПОЛИТИЗДАТ—1941

В книге на основе статистических, экономических и исторических материалов делается попытка изучения динамики населения Европы за длительный исторический период. При этом устанавливается связь между темпами роста населения, с одной стороны, и характером общественной формации — с другой. В последней части работы излагаются вопросы взаимоотношения между экономическими и демографическими процессами.

349

ЧАСТЬ I

1. ВВЕДЕНИЕ

Проблемы населения имеют большое значение при изучении развития производительных сил и производственных отношений. Многочисленные буржуазные социологи, историки и политико-экономы неоднократно рассматривали проблемы населения, пытаясь дать им научное разрешение. Однако все их попытки установить какой-либо закон населения не получали исторического подтверждения.

Наиболее известный из всех законов населения, выдвинутых буржуазными экономистами и демографами, был «закон», предложенный Мальтусом. Сущность этого «закона» заключается в том, что рост средств существования не поспевает за ростом населения; рост средств существования происходит в арифметической прогрессии, а рост населения — в геометрической. Отсюда — избыточное население, «не приглашенное к банкетному столу природы»; для этих «лишних людей» нет пищи на земле, они должны исчезнуть, а покуда они не исчезли, будут бедность, пороки, болезни, нищета, т. е. все те рычаги, при помощи которых природа репрессивно восстанавливает равновесие между количеством людей и количеством пищи.

Теория Мальтуса была выдвинута им в самом конце XVIII в. под прямым влиянием французской революции 1789 г. Французский народ, изнывавший под ярмом феодальной эксплуатации, восстал. Революционные бури на континенте могли перекинуться и на Англию. Необходимо было удержать английский народ в повиновении. И вот здесь на сцену явилась теория Мальтуса, назначение которой состояло в том, чтобы показать непричастность общественного строя к страданиям масс. Бедность и нищета суть результат перенаселения; если бы рабочие были благоразумны и не обзаводились большой семьей, то тогда господствовало бы довольство и сытость, — вот в чем смысл теории Мальтуса.

Были и другие попытки установить «естественный закон населения». Например, в 1830 г. Садлер (Sadler) выступил со своим законом, согласно которому плодovitость населения обратно пропорциональна плотности. Эта теория фетишизирует плот-

ность населения, придавая ей роль решающего фактора, управляющего размножением населения. Подобное понимание плотности населения дало впоследствии повод ряду буржуазных демографов оперировать этим соотношением, хотя и несколько в иной форме. Ферхюльст (Verhulst), Фарр (Farr), Кетле, в наше время — Пэрль (Pearl) и Рид (Reed) при суждении о динамике населения в своих работах также исходят либо из численности населения, либо из плотности, что по сути дела одно и то же.

В прогивовес всем этим «теориям», пытавшимся найти «вечные», «неизменные» и «естественные» законы населения, Маркс и Энгельс совершенно по-новому осветили вопросы населения. Маркс установил, что законы населения определяются характером производственных отношений, способом производства. Для капиталистического способа производства Маркс устанавливает, что «...капиталистическое накопление постоянно производит, и притом пропорционально своей энергии и своим размерам, относительно избыточные, т. е. избыточные по сравнению со средней потребностью капитала в самовозрастании, а потому излишнее или добавочное рабочее население...»¹ Исходя из этих положений, Маркс формулирует свой основной тезис о законах населения: «Следовательно, рабочее население, производя накопление капитала, тем самым в возрастающих размерах само производит средства, которые делают его относительно избыточным населением. Это — свойственный капиталистическому способу производства закон населения, как и всякому особенному историческому способу производства в действительности свойственны свои особенные, имеющие историческое значение, законы населения. Абстрактный закон населения существует только для растений и животных, пока в эту область исторически не вмешивается человек»².

Таким образом, по Марксу, избыточное рабочее население является необходимым результатом капиталистического накопления, более того, оно является условием существования капиталистического способа производства. Это избыточное рабочее население образует промышленную резервную армию, которая поставляет капиталистам «...постоянно готовый, доступный для эксплуатации человеческий материал, независимый от границ действительного прироста населения»³.

Из этого вытекает, что в капиталистическом обществе существует относительное перенаселение, т. е. население, которое в силу самого характера капиталистического способа производства оказывается выброшенным из производственного процесса. Избыточное, «лишнее» население образует собой резервную промышленную армию, которая постоянно давит на рынок труда.

¹ Маркс, Капитал, т. I, 1935, стр. 501.

² Там же, стр. 502.

³ Там же, стр. 503.

Это относительное перенаселение, говорит Маркс, «...есть тот фон, на котором движется закон спроса и предложения труда»¹.

Таким образом, закон населения, установленный Марксом, не является биологическим законом. Он исходит из определенных общественных отношений и отнюдь не обусловливается какими-либо природными факторами, будь то географические или биологические.

Закон населения, установленный Марксом, не является вечным законом, так как относится к определенному историческому этапу со свойственными ему особенностями, имеющими исторический характер и историческое значение.

В послесловии ко второму изданию «Капитала» Маркс приводит выдержку из рецензии русского автора на I том «Капитала», появившейся в 1872 г. в «Вестнике Европы»². По мнению Маркса, автор этой рецензии удачно очертил «то, что он называет моим действительным методом». В этой рецензии написано, между прочим, следующее: «Маркс отказывается, например, признавать, что закон увеличения народонаселения один и тот же всегда и повсюду, для всех времен и для всех мест. Он утверждает, напротив, что каждая степень развития имеет свой закон размножения..»³ Для нас интересен тот факт, что Маркс специально приводит выдержку из статьи русского автора, подчеркивающую связь степени развития человеческого общества с особенностями и характером роста населения.

Ленин в одном из своих наиболее ранних произведений (1894 г.) развил и углубил марксов закон населения. Останавливаясь на критике Маркса со стороны Ланге, Ленин указывает, что этот последний «...просто не понял смысла заявления Маркса. Маркс противопоставляет в этом отношении человека — растениям и животным на том основании, что первый живет в различных, исторически сменяющихся, социальных организмах, определяемых системой общественного производства, а, следовательно, и распределения. Условия размножения человека непосредственно зависят от устройства различных социальных организмов, и потому закон народонаселения надо изучать для каждого такого организма отдельно, а не «абстрактно» (разрядка наша.— Б. У.), без отношения к исторически различным формам общественного устройства. Разъяснение Ланге, что абстракция есть выделение общего из однородных явлений, обращается целиком против него самого: мы можем считать однородными условия существования только животных и растений, но никак не человека, раз мы

¹ Там же, стр. 509.

² Седьмой год, т. III, кн. V, май, стр. 427—436. Статья подписана И. К-н под названием «Точка зрения политико-экономической критики у Карла Маркса». Эта статья принадлежит перу известного впоследствии экономиста и статистика И. И. Кауфмана, который в ту пору только еще начинал свою научную деятельность.

³ Маркс, Капитал, т. I, стр. XXII.

знаем, что он жил в различных по типу своей организации социальных союзах»¹. В другом месте того же сочинения Ленин, полемизируя с П. Струве, пишет: «Примеры автора (т. е. Струве.— Б. У.) говорят против него: они говорят о невозможности построить абстрактный закон народонаселения, по формуле о соответствии размножения со средствами существования, игнорируя исторически особые системы общественных отношений и стадии их развития»².

Два года спустя Ленин вновь возвращается к вопросам о законе населения. Poleмизируя с Сисмонди и с «отечественными сисмондистами», Ленин пишет: «что значит «ставить вопрос о населении на социально-историческую почву»? Это значит исследовать закон народонаселения каждой исторической системы хозяйства отдельно и изучать его связь и соотношение с данной системой»³. Из этого видно, что Ленин особенно подчеркивал связь закона народонаселения с определенной системой хозяйства и общественных отношений.

В трудах товарища Сталина марксов закон населения получает свое дальнейшее развитие. Разбирая вопрос о взаимоотношении роста населения с характером общественного строя, товарищ Сталин пишет:

«Конечно, рост народонаселения имеет влияние на развитие общества, облегчает или замедляет развитие общества, но он не может быть главной силой развития общества, и его влияние на развитие общества не может быть определяющим влиянием, так как сам по себе рост народонаселения не дает ключа для объяснения того, почему данный общественный строй сменяется именно таким-то новым строем, а не каким-нибудь другим, почему первобытно-общинный строй сменяется именно рабовладельческим строем, рабовладельческий строй — феодальным, феодальный — буржуазным, а не каким-либо другим строем.

Если бы рост народонаселения являлся определяющей силой общественного развития, более высокая плотность населения обязательно должна была бы вызвать к жизни соответственно более высокий тип общественного строя. На деле, однако, этого не наблюдается»⁴.

Нетрудно видеть, что в приведенных выше высказываниях Маркса, Ленина, Сталина красной нитью проходит вопрос о неразрывной связи роста населения с общественным строем, со способом производства. В этом — основа марксистского понимания закона населения. Не абстрактный, не естественный, не вечный закон населения, а закон населения конкретный, исторический, имеющий значение лишь для определенного способа

¹ Ленин, Соч, т. I, стр. 319. «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве».

² Там же, стр. 324 (разрядка наша — Б. У.).

³ Там же, т. II, стр. 44, «К характеристике экономического романтизма».

⁴ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 549.

производства, лишь для определенных производственных отношений, лишь для определенной общественной формации.

Однако одного установления неразрывной связи между законом населения и общественной формацией еще недостаточно. Нужно формулировать самый характер закона населения для каждой общественной формации. Далее, нужно дать статистические иллюстрации, которые подтвердили бы наличие действия этого закона. Все это было сделано Марксом. Маркс раскрыл механизм капиталистического накопления, показал, как это накопление создает избыточное население, резервную промышленную армию. Маркс привел статистические иллюстрации и дал сопоставление темпов роста населения в Англии за период 1811 — 1861 гг с темпами роста национального богатства. Кроме того, Маркс подробно остановился на Ирландии, представляющей особый интерес вследствие падения численности населения в этой стране.

Часто смешивают закон населения и закон роста населения. Например, некоторые переводят марксово выражение *Populationsgesetz* как закон роста населения. Между тем это совсем не одно и то же. Закон населения охватывает весь комплекс проблем, возникающих при изучении воспроизводства и распределения рабочей силы в пределах определенной общественной формации. Говоря же о росте населения, мы имеем в виду часть проблемы, а именно вопрос о темпах воспроизводства населения в условиях того или иного общественного строя. Понятно, что изучение только одного роста населения не дает оснований для установления закона населения. Но при этом можно считать бесспорным, что изучение темпов воспроизводства населения может дать ценные и важные материалы для характеристики закона населения в связи с общими темпами общественного воспроизводства.

* * *

Несмотря на важность изучения темпов роста населения в связи со сменой общественных формаций, этому до сих пор уделялось очень мало внимания. Нет недостатка в трудах, в которых эти темпы были бы исчислены, но нет попыток исследовать эти темпы в более отдаленные исторические периоды и рассматривать их по определенным общественным формациям.

Это происходит потому, что историки в большинстве случаев очень мало интересуются статистикой вообще и статистикой населения в частности. Нам известно множество трудов по истории стран и народов, трудов, в которых слово «население» даже не упоминается.

Некоторые историки просто приводят цифры, не давая ни источников, ни критики, ни каких-либо иных дополнительных указаний. Так, например, в недавно вышедшем учебнике по истории

средних веков¹ указывается, что во Франции в XVI в. было 15 млн. человек, а в Англии — в 5 раз меньше. Ниже мы покажем, что наши расчеты привели совсем к другим цифрам: население Англии в ту эпоху не в 5, а, пожалуй, всего только в 2,5 раза было меньше населения Франции.

Иногда историки ограничиваются тем, что приводят несколько цифр из разных источников, не подвергая их какой-либо обработке. Так, например, поступает Маколей в своей «Истории Англии».

Некоторые историки сами производят оценку численности населения. Например, Дюбо (Dubos) полагал, что во Франции в эпоху нашествия франков было 17 млн. человек—цифра, кстати сказать, весьма маловероятная. Имеются также некоторые историки, говорящие о 13 млн. населения варварских германских племен. Можно привести еще оценки, также малопригодные. Мирабо-отец, например, полагал, что в Испании времен Цезаря было 52 млн. человек, а Уоллес (Wallace) оценивал население Галлии в ту же эпоху в 32 млн. человек!

Для полноты картины следует указать, что некоторые историки более внимательно относились к вопросам населения и сами производили расчеты. Так поступил, например, знаменитый Гиббон, который дал расчет населения Римской империи, правда, не совсем обоснованный. Можно привести еще пример Ниссена (Nissen), который в III томе своего труда «Italischen Landeskunde» определяет население Италии в эпоху Августа в 16 млн. человек. Кстати, этот расчет был полностью опровергнут Белохом (Beloch) (о нем см. ниже), написавшем по этому поводу специальную статью².

Из этого краткого обзора легко убедиться в том, что многие историки очень мало сделали для того, чтобы пролить свет на вопросы истории населения.

Между тем совершенно очевидно, что для общей оценки истории хозяйства и культуры необходимо знать динамику населения, так как этот показатель может дать много важного и ценного. Более того, чтобы лучше представить себе будущую динамику населения, надо изучить прошлое.

Многие экономисты не считали нужным интересоваться историей населения. Классики буржуазной политической экономии почти совершенно не касаются этого. Мальтус также почти не дает никаких материалов по истории населения. Современные буржуазные экономисты также оставляют этот вопрос в стороне. Кунов, например, в своей «Всеобщей экономической истории» даже не упоминает о населении, Зомбарт в своем «Современном капитализме» говорит о населении вскользь. Несколько более этим интересуется Шмоллер.

¹ «История средних веков», т. II. М. Соцэжгиз, 1939, стр. 298.

² Die Bevölkerung Italiens im Altertum. «Beiträge zur alten Geschichte», v. 3, 1903, S. 471—490.

Тем не менее надо указать, что среди историков, экономистов и статистиков немало ученых, которые придают большое значение вопросам истории населения. Среди них в первую очередь следует назвать профессора античной истории Римского университета Карла-Юлиуса Белоха.

К.-Ю. Белох (1854 — 1929 гг.) в 1886 г. издал труд о населении греко-римского мира¹. В этой работе он дал превосходный критический анализ самых разнообразных материалов, из которых можно было почерпнуть сведения о численности населения античного мира, разрушил все прежние представления о чрезвычайно большой населенности в античную эпоху и путем ряда сопоставлений показал, что на самом деле население было гораздо менее значительным. Помимо этого своего основного труда, Белох дал еще ряд работ по истории населения. Он написал труд по истории населения Италии. В 1900 г. он опубликовал две очень интересные и ценные статьи о населении Европы в средневековую эпоху и в эпоху Возрождения.

Помимо Белоха, можно назвать еще ряд других ученых, интересовавшихся историей населения, например, Инама-Штернегга (Inama-Sternegg), Ушера (Usher), Левассера (Levasseur), Момберта (Mombert) и Уилкокса (Willcox).

Помимо этих сводных работ, имеются еще сотни других исследований, рассматривающих отдельные города, деревни, области и страны с точки зрения истории населения.

Белох в предисловии к своему труду о населении античного мира писал следующее: «История хозяйства как наука только возникает. Но ее, может быть, важнейшая отрасль, именно—историческое учение о населении вообще до сих пор еще не нашла научной трактовки. Пожалуй, имеются отдельные исследования, но никто еще не сделал попытки представить все собранные материалы на значительной территории и за значительный период времени на основе систематического собирания и критического анализа»². С тех пор как Белох написал эти строки, прошло более полувека: в этот период демография в целом и в частности история населения шагнули далеко вперед. Ряд исследователей не ограничивались определением численности населения, но и сделали попытки определения темпов роста населения в прежние времена. Однако некоторые из этих расчетов нельзя считать удовлетворительными.

Например, русский статистик В. Покровский в статье «Население» в старом энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона³ пишет следующее: «До какой степени медленно увеличивалось население в средние века, можно судить по следующим данным: по Левассеру, в Галлии считалось во времена Цезаря 6 700 тыс. жителей, при Антонинах — 8½ млн., при Карле Великом — не бо-

¹ Beloch, Die Bevölkerung der griechisch-römischen Welt, Leipzig 1886.

² Ibid., p. V.

³ Т. 40, стр. 634.

лее 9 млн.; следовательно, за 650 лет население увеличилось на $\frac{1}{2}$ млн., т. е. меньше чем на 1% в столетие».

Однако мы полагаем, что уровень точности использованных материалов не допускает вычисления темпов. К тому же разница между двумя цифрами настолько мала, что нет оснований приписывать ее вековой тенденции роста населения.

Немецкий статистик Фиркс (Fircks)¹ также дает расчет, который заслуживает быть отмеченным. Фиркс сопоставляет две цифры: одну — население европейских провинций Римской империи во II в. н. э., другую — население всей Европы в 1800 г., т. е. 45 млн. и 160 млн. человек. Таким образом, получается, что за 1700 лет рост — в 3,5 раза, или 0,75‰ в год. Далее, Фиркс делает поправку в 20 млн. на эмигрантов из Европы и приходит к цифре в 0,82‰ в год. Однако нам представляется, что сравнивать II в. с XIX в. вряд ли целесообразно. Многие народы, населявшие Европу в 1800 г., еще не были во II в. в пределах европейских границ. Затем, период в 1700 лет охватывает различные общественные формации — от рабовладельческого строя до эпохи промышленного капитализма. Выводить какой-либо единый темп для всего этого громадного исторического промежутка в 1700 лет можно лишь для самых общих сопоставлений. Мы уже не говорим о том, что Фиркс сопоставляет население европейских провинций Римской империи со всей Европой в 1800 г. Между тем известно, что в состав Римской империи входила далеко не вся Европа: за Рейном и Дунаем владения римлян были невелики.

Французский статистик Моро де Жонэ (Moreau de Jonnés) также сопоставляет рост в двухтысячелетний период (от завоевания Галлии Римом до середины XIX в.) с ростом в его время и пишет следующее: «Прирост населения в современной Европе в 3 раза быстрее, чем в течение 20 веков, истекших со времени римского завоевания»². Здесь также налицо смешение эпох и периодов.

Эти примеры показывают нам, что расчет темпов роста за длительный исторический период не был достаточно обоснован

* * *

В настоящей работе делается некоторая попытка в сводном виде представить динамику населения Европы, разумеется, не претендующая на полноту собранного и разработанного материала. Огромное количество ценных источников данных о населении оказалось для автора вне пределов досягаемости. Кроме того, большое количество разного рода косвенных материалов также не было использовано автором. Все это говорит о том, что предлагаемая читателю работа является не более, чем о п ы т о м исчисления динамики. При этом мы взяли только одну сторону вопроса — об изменениях числен-

¹ Fircks, *Bevölkerungslehre und Bevölkerungspolitik*, S. 294.

² Moreau de Jonnés, *Elements de statistique*, 1856, p. 415

ности населения — и сделали попытку увязать этот вопрос с общественными формациями.

Центр тяжести нашей работы лежит в отыскании темпов роста, в вопросе сравнительно мало освещенном и разработанном, так как большинство авторов, писавших по истории населения, обычно ограничивалось определением населения на тот или иной момент времени.

В настоящем исследовании взята только Европа; все другие части света оставлены вне всякого рассмотрения. При этом мы главным образом интересовались Западной Европой, так как именно в странах Западной Европы можно наблюдать развитие капитализма во всех его стадиях. Восточная Европа, т. е., главным образом, наша страна, привлекается нами лишь в той мере, в какой это нужно для получения общеевропейских итогов. История населения в России требует специального большого исследования.

Все первобытное общество и эпоху варварства мы оставляем в стороне (за небольшими исключениями), начиная свое исследование лишь с 1000 г. Именно к этому времени все европейские племена уже более или менее прочно осели на занятых ими землях, и феодальные отношения стали интенсивно развиваться.

Концом исследуемого периода являются 30—40 е годы XX в. Материал по статистике населения Западной Европы доведен до 1939 г. включительно.

Начиная с раннего средневековья, мы получаем возможность проследить демографическую историю нескольких стадий общественных формаций. Перед нами, во-первых, эпоха феодализма, основой производственных отношений которого «...является собственность феодала на средства производства и неполная собственность на работника производства,— крепостного...»¹ Затем из недр феодального строя возникает капиталистический строй, основой производственных отношений которого «...является капиталистическая собственность на средства производства при отсутствии собственности на работников производства...»²

Однако капиталистический строй не сразу возникает в том виде, в каком мы находим его сейчас. Эволюция капиталистических производственных отношений проходит через несколько этапов. Капиталистический строй открывается эпохой первоначального накопления К ней можно причислить XVI, XVII и XVIII вв.; эту эпоху, начиная с промышленной революции в конце XVIII в. и французской революции в 1789 г., сменяет эпоха промышленного капитализма, на протяжении которой происходило наиболее полное развитие капиталистического строя. Далее, на рубеже XIX и XX вв. капитализм переходит в новую, высшую стадию, он становится капитализмом империалистическим, «...когда некоторые основные свойства капитализма стали превращаться в свою противо-

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, стр 555—556

² Там же, стр 556

положность, когда по всей линии сложились и обнаружались черты переходной эпохи от капитализма к более высокому общественно-экономическому укладу. Экономически основное в этом процессе есть смена капиталистической свободной конкуренции «капиталистическими монополиями»¹.

Таким образом, изучая Европу, начиная со средних веков, мы получаем возможность проследить динамику населения различных стадий общественных формаций. Общественные формации, предшествовавшие феодализму, а именно первобытно-общинный строй и строй рабовладельческий, как уже было указано, не вошли в круг нашего рассмотрения. Также вне рассмотрения остается и высшая общественная формация — коммунизм. Исследование ее требует специальной работы, посвященной населению СССР.

Исследование динамики населения под углом зрения смены общественных формаций представляет интерес также и потому, что со стороны ряда буржуазных ученых можно отметить попытки затушевать эту связь и тем самым оторвать демографические процессы от экономических. Например, русский экономист-публицист Жуковский писал, что к началу XIX в. население Европы значительно увеличилось по сравнению с 2 000 лет тому назад². Эти совершенно неверные утверждения могли возникнуть лишь при отсутствии разработки вопроса о динамике населения за длительный период времени по отдельным этапам экономического развития

Отдавая себе ясный отчет в том, что в ряде случаев источники, используемые нами, недостаточно надежны, что методы, примененные нами, часто могут быть признаны спорными, мы все же придерживаемся того взгляда, что лучше иметь приближенные расчеты, чем не иметь никаких. Нам нужно знание общих тенденций, общих закономерностей, нужна суммарная характеристика эпохи, а для этого вовсе не обязательны абсолютно точные, скрупулезные расчеты.

В этом же духе высказываются также и историки, придающие значение вопросам населения. Например, немецкий историк Котцке (Kotzschke), проф. Лейпцигского университета, в своем фундаментальном труде по экономической истории средних веков пишет: «Точная оценка населения в античную эпоху невозможна. Но по крайней мере приблизительно правильное представление статистического характера настолько важно, даже необходимо для суждения о тогдашнем положении (по сравнению со средними веками), что даже возможность больших ошибок при оценке допустимее, чем полный отказ от них»³.

Американский ученый профессор Ушер разделяет эту точку

¹ Ленин, Соч., т. XIX, стр. 141—142, «Империализм, как высшая стадия капитализма».

² См. Жуковский, Население и земледелие, стр. 24.

³ Kotzschke, Allgemeine Wirtschaftsgeschichte des Mittelalters, 1924, S. 16.

зрения: «Общие проблемы истории населения не требуют особой точности (разрядка наша.— Б. У.) в отношении абсолютной численности населения. Мы нуждаемся лишь в некотором знании уровня плотности населения на различной территории и в вековой тенденции роста населения в течение больших периодов времени»¹.

Задача исследователя состоит в том, чтобы по отдельным отрывочным фактам составить полную картину, пусть даже недостаточно точную. На протяжении значительной части нашей работы мы попытались представить себе характер динамики населения в те периоды, когда регулярной демографической статистики еще не существовало.

2. ИСТОЧНИКИ И МЕТОДЫ

Можно ли определить темп роста населения в отдаленные от нас исторические периоды,— вот первый вопрос, который возникает в данном исследовании.

Известно, что статистика численности населения возникла сравнительно недавно. Регулярные переписи населения начались в США в 1790 г., в Англии и Франции — в 1801 г., в Бельгии — в 1846 г., в Италии — в 1861 г., в Германии — в 1875 г., в ряде стран и до сих пор еще ни разу не было переписи населения (например, в Абиссинии, Либерии, Эквадоре, Афганистане, Аравии и др.). Таким образом, регулярные переписи населения дают картину динамики лишь за несколько десятков, максимум за 100—150 лет.

Другая ветвь статистики населения, статистика движения населения, в большинстве стран не старше, а моложе, чем переписи населения. Например, в Англии данные о естественном движении населения имеются с 1837 г., во Франции — с 1801 г., в Германии — с 40-х годов XIX в., в США полный охват регистрацией браков, рождений и смертей был достигнут лишь в 1933 г. Во многих странах и до сих пор нет регулярной публикации данных о естественном движении населения.

Из этого видно, что современная статистика населения может обеспечить нас рядами не очень большой давности: 100, 150, максимум 180 лет при 30, 40, 50 годах во многих других странах.

Между тем продолжительность общественной формации захватывает периоды в 200, 300, 500, 800, даже 1 000 лет. Можно ли при таких условиях говорить о статистической иллюстрации роста населения на протяжении нескольких общественных формаций? Казалось бы, это дело совершенно невозможное и обречено на провал. Такого мнения придерживается, например, известный американский биолог Ист (East), «напугавший» весь мир своей книгой «Человечество на перепутье». В этой книге² Ист пишет:

¹ Usher, The history of population and settlement in Eurasia, «Geographical Review», 1930, I, p 113

² East, Mankind at the cross-roads, p. 65.

«Как быстро население земли увеличивалось в прошлом — это величина неизвестная, и она останется неизвестной и впредь». Однако мы не разделяем пессимизма, свойственного Исту. Конечно, восстановить картину движения населения в доисторические времена — задача невыполнимая. Но ведь Ист не только это имел в виду. Как видно из приведенного в его книге графика, он начинает свою кривую роста населения с 1790 г., полагая, очевидно, что до этого времени нельзя рассчитывать на сколько-нибудь точные статистические данные. Подобные представления встречаются и у ряда других авторов, не идущих дальше конца XVIII в. или даже начала XIX в. Мы полагаем, что подобная позиция не совсем верна. Она проистекает в результате недооценки материалов по истории населения. Не следует думать, что первые данные о населении появились вместе с регулярными переписями. На самом деле они значительно древнее. Конечно, нечего и говорить, что степень точности и полноты старых данных совсем иная, нежели переписей населения современного типа. Все же ни в коем случае не следует пренебрегать всем тем богатством, которое дает нам история.

Известно, что знание численности населения было крайне необходимо для государственной власти чуть ли не с момента ее возникновения. Государственная власть всегда нуждается в финансовых средствах для содержания своего аппарата и нуждается в армии для ведения войн. Следовательно, собирая налоги и формируя войска, государственная власть еще в древние времена неизбежно сталкивалась с необходимостью знания численности своих подданных. Поэтому налоговые материалы, сохранившиеся до нашего времени, могут служить отправной точкой в расчетах.

Ведение войн также дает нам некоторые материалы о численности населения. Прежде всего государство было заинтересовано в определении числа людей, способных носить оружие. Иногда численность армии может дать известное представление о размерах населения. Некоторые используют число участвовавших в битвах или же число павших на поле брани. Правда, часто эти цифры являются неверными. Например, Геродот оценивал армию Ксеркса в 1 400 тыс. человек, что, согласно единодушному мнению историков, является грубым преувеличением.

Ряд ценных материалов дает церковная статистика. По некоторым странам мы имеем количество конфирмованного населения, на основе которого можно получить численность населения.

Во многих случаях представление о численности населения мы получаем на основе материалов о числе родившихся и умерших, так как эти записи велись еще в XVI в.

Из всех перечисленных источников основным является налоговый. Но при сборании налогов государство обычно интересовалось не числом людей, а числом семейств, так как именно семья (дым, очаг, хозяйство) являлась единицей обложения. В связи с этим возникает проблема редуцирования количества семейств в количество населения. Эту редуцицию можно произве-

сти, установив определенный множитель. Если нам известно, что семья состоит из 5 человек, то тогда легко от семьи перейти к численности населения. Но о размере семьи имеется очень мало материалов. А priori можно сказать, что число членов семьи не менее четырех, так как иначе был бы не рост, а падение численности населения. И с другой стороны, число членов семьи не более 5—6 человек, так как иначе налицо был бы бурный рост населения, чего на самом деле не было. Из этого явствует, что действительные размеры семьи в прежние времена колебались между 4 и 5. Материалы о переписях в ряде городов (Ипр, Нюрнберг, Гейдельберг) подтверждают это. В сельских местностях картина такая же. По переписи 1685 г. по 6 деревням вокруг Франкфурта — в среднем 4,26 человека на семью¹.

Близкие цифры мы получаем и по значительно более раннему периоду. По материалам, разработанным Инама-Штернегом² и относящимся к крестьянам в VIII и IX вв., количество детей на 23% превышало количество родителей. Это приводит к размеру семьи в 4,46 человека, если считать только родителей и детей.

Далее, следует указать, что размер семьи зависит от того, включаются ли в ее состав люди, связанные кровным родством, или же в нее входят все лица, принадлежащие данной хозяйственной единице, как, например, прислуга, нахлебники и т. п. Во втором случае размер семьи должен быть несколько повышен, даже при небольшом росте населения.

Кроме того, следует еще принять во внимание, что в ряде случаев экономические причины препятствовали дроблению семьи; тогда, например, женатые сыновья со своими женами и детьми продолжали жить в доме отца, образуя одну большую семью.

Надо еще сказать, что выбор множителя зависит также от полноты учета. Если много семей пропущено, то, принимая завышенный множитель, тем самым как бы компенсируют этот недостаток.

Помимо источников государственного происхождения, в настоящей работе использован и ряд источников местного характера. Среди них следует назвать некоторые городские переписи, которые насчитывают многовековую историю, далее, материалы внутривладельческого феодального учета. Так, например, по Франции имеются материалы аббатства Сен-Жермен де Прэ, относящиеся к IX в.

Все материалы, которые были в нашем распоряжении, использованы, главным образом, под углом зрения плотности населения. Определяя среднюю плотность населения, мы получаем возможность осуществить своего рода контроль в пространстве. Плотность населения в условиях однородности социально-экономических форм и естественно-географических

¹ См. K. Bücher, Die Bevölkerung von Frankfurt am Main im XIV und XV Jahrhundert, Tübingen 1886, S. 668.

² См. Inama-Sternegg, Deutsche Wirtschaftsgeschichte, B. I, S. 514, Leipzig 1879; процент исчислен нами.

факторов известным образом связана с уровнем развития производительных сил. Это дает нам возможность производить некоторые расчеты, которые могут рассматриваться как приблизительно верные.

В связи с этим сошлемся на американского демографа Рейтера (Reuter), полагавшего, что «исчисления, основанные на соответствующем исследовании числа людей, которые могут прокормиться на данной территории при определенном состоянии социальных условий и промышленного развития, вероятно, приблизительно точные»¹.

Наряду с контролем в пространстве можно осуществить нечто вроде контроля во времени. Это производится следующим образом. Допустим, к цифре численности населения в 1500 г. мы пришли, ведя линию от средневековой статистики. И к этой же цифре мы могли прийти, спускаясь вглубь, ведя нить от цифр 1700 г. Если при таком смыкании рядов получится лишь небольшое расхождение, то это будет говорить о пригодности результатов.

Контрольную роль может играть и сравнение темпов. В ряде случаев обнаруживается дефектность материала, если проверка его показывает несуразно большие темпы.

Помимо всего этого, следует отметить, что наши ошибки, как об этом сможет судить читатель, не могли быть тенденциозными, а раз так, то вполне возможно, что случайные ошибки в одну сторону, вероятно, компенсировались ошибками в противоположном направлении. В этом отношении итоги по Европе могут быть более надежными, чем материалы по отдельным странам. Выдающийся английский демограф Карр-Саундерс (Carr-Saunders), приводя расчеты Белоха по средневековой Европе, предпосылает им следующее замечание: «Можно считать, что итоги по Европе в целом все же достаточно хорошо отражают общее положение вещей, чтобы сделать возможным получить какое-нибудь представление о темпах роста в течение последующих столетий»².

Исходя из этого, мы вообще склонны считать, что изучение истории численности населения может быть более продуктивно именно в масштабе частей света, охватывая большое число стран. Только тогда и возможна взаимная согласованность различных материалов, контроль и проверка их.

Особо скажем об оценках численности населения. Здесь следует различать качество оценки. Одно дело, когда оценку делает добросовестный современник на основе тщательного изучения какой-либо страны, живя сам в ней длительное время. К такого рода оценкам принадлежат, например, цифры Гвичардини (Guicciardini) о населении Нидерландов в XVI в. И совсем другое дело, когда эта оценка делается без всякого знания страны. Примеров таких оценок можно привести немало. Теолог Воссюс (Vossius) в XVII в. население всей Европы определил в 30 млн, а филолог

¹ Reuter, Population problems, Philadelphia 1923, p. 91.

² Carr-Saunders, The growth of the population of Europe, «European civilization», ed L. Eyre, v. V, p. 331.

Канц (Canz) — в 10 млн. человек. Обе эти цифры абсолютно неверны. Крупные ошибки допускают также и специалисты в этой области. Например, Ричиоли (Riccioli), который хорошо изучил население Европы, в отношении других частей света дал совершенно неверные оценки. Так, для Австралии он считал население в 100 млн., тогда как там было едва 2 млн. человек, т. е. в 50 раз меньше. В оценках населения Китая цифры колебались от 150 млн. до 450 млн., по Корею — от 8 млн. до 16 млн. человек. Оценками населения приходится пользоваться и до сих пор там, где нет переписей. Например, по Ирану (Персия) фигурировали оценки в размере от 8 млн. до 10 млн., а произведенная в 1933 г. перепись насчитала 15 млн. человек.

Ввиду недостаточной надежности оценок численности населения мы предпочитали оценки уровня плотности. Здесь ошибки менее велики, так как в уровне плотности очень сильно ошибиться труднее. Правда, не все разделяют такую точку зрения. Зомбарт, например, предпочитает вообще цифр не называть, ограничиваясь фразами о «крайне редком населении» и т. д. При этом он даже пишет, что, «к сожалению, мы не имеем никакой возможности хотя бы приблизительно определить плотность населения того времени»¹ (имеется в виду эпоха раннего средневековья).

Мы считаем это совершенно неверным. Даже для той далекой эпохи кое-какие фрагменты данных до нас дошли. Идя по пути хотя бы приблизительных оценок, мы все же делаем какой-то шаг в направлении к истине, в то время как, отказываясь вовсе от этих оценок, мы остаемся стоять на месте.

3. КРАТКИЙ ОЧЕРК НАСЕЛЕННОСТИ ДРЕВНЕГО МИРА

Не останавливаясь специально на античной эпохе, мы все же сочли уместным, прежде чем перейти к средневековью, в самых кратких чертах дать характеристику населения древнего мира.

Интересно отметить, что весьма долгое время господствовали представления, что мир постепенно пустеет, что предстоит полное обезлюдение. Эти представления были свойственны некоторым древним. Греческий историк Диодор, во времена Августа, считал, например, что в эпоху Нина и Семирамиды, мифических основателей ассирийского и вавилонского государств, населения было гораздо больше, чем в его время.

Диодор сообщал, например, что Нин имел пехоту в 1,7 млн. и кавалерию в 210 тыс. человек, что королева Семирамида заставляла работать в Вавилоне 2 млн. и имела пехоту в составе 3 млн. и кавалерию в 500 тыс. человек. Мир в I в. н. э. казался Диодору опустевшим. Эта же концепция перешла к писателям XVII в., которые тоже полагали, что происходит не рост населения, а его непрерывное падение.

Надо думать, первым из этих писателей был филолог Юстус Липсиус (Lipsius), который в специальном сочинении о величине

¹ Зомбарт, Современный капитализм, т. I, стр. 56.

Рима пришел к выводу, что число жителей в древнем Риме равнялось 4 млн. человек. Для других городов древности Липсиус тоже называл такие же огромные цифры¹. Десятилетием позднее на вопросе о населении древнего мира остановился Воссюс, который пришел к еще большим цифрам населения города Рима. Он полагал, что в Риме было 14 млн человек, считая при этом, что население Рима было больше, чем население трех крупных христианских государств его времени².

Подобные представления о населении древнего мира от писателей XVII в. перешли к писателям XVIII в. Наиболее известным среди них был знаменитый философ Монтескье, который несколько из своих персидских писем посвятил вопросам населения.

В 112-м письме³ он писал следующее: «Есть люди, уверяющие, что в одном только древнем городе Риме жило некогда больше народу, чем в любом большом королевстве нынешней Европы». О других европейских странах Монтескье в этом же письме писал следующее: «Греция так пустынна, что не включает и сотой части своих древних обитателей. Испания, когда-то столь населенная, представляет собой ныне только зрелище безлюдных деревень, а Франция — ничто по сравнению с той древней Галлией, о которой повествует Цезарь. Северные страны сильно опустели. Польша и Европейская Турция теперь уже почти совсем не населены» Заканчивая, Монтескье пишет «В конце концов, мысленно обозревая землю, я нахожу на ней только полное обветшание, будто ее только что опустошили чума и голод. Рассчитав с наибольшей точностью, какая только возможна в таких вопросах, я пришел к выводу, что теперь на земле осталась едва одна десятая часть людей⁴, живших на ней в древности. И удивительно то, что ее население уменьшается с каждым днем, и, если так будет продолжаться, через 10 столетий она превратится в пустыню».

Многие другие ученые разделяли эту точку зрения. Например, некий Милак (Milack) в своей анонимной брошюре под названием «Schutzschrift für unsere Mitbürger im Reiche der Möglichkeit»⁵ пишет, что Испания в античную эпоху имела 52 млн, Италия — 26 млн человек. Вся Европа в ту пору, по Милаку, насчитывала 400—500 млн человек!

Из этого видно, что отсутствие статистических сведений не давало возможности современникам знать об основном истори-

¹ Lipsius, Magnitudo Suburbiorum Romae et hominum in tota Roma multitudo Opera omnia Vesaliae 1675 T Tertius, Capit 3, p 756 и сл., цит по Mombert, Die Anschauungen des 17 und 18 Jahrhunderts über die Abnahme der Bevölkerung, «Jahrb f Nationalök u Stat», 1931 B 135, S 482

² Vossius, Variarum Observationum liber, London 1685, цит по Mombert, op cit, p 482

³ См Шарль Монтескье, Персидские письма, М 1936, «Academia», стр 236—239

⁴ Между прочим, в других вариантах этого письма говорится не об одной десятой, а об одной пятидесятой

⁵ Цит. по Mombert, op cit, p 487 Брошюра Милака вышла в 1772 г

ческом факте — факте роста населения. Некоторым ученым казалось, что население стабильно, но многие были совершенно убеждены в том, что население уменьшается в своей численности. Почвой для этого отчасти служила общая идеализация древнего мира, свойственная эпохе Возрождения, культ античности породил совершенно преувеличенные представления о населенности древнего мира. Население Римской империи при Августе оценивалось в 410 млн человек (Ричиоли, XVII в.).

Против всех этих преувеличений выступил в 1752 г знаменитый английский философ Давид Юм со специальной работой «О населенности древнего мира». В этом труде он не давал новых оценок, но резко и основательно раскритиковал все старые представления.

Знаменитый английский историк Гиббон, как было уже указано, также интересовался вопросами населения и определил численность населения Римской империи при Антонинах в 120 млн человек. К этой цифре он пришел следующим путем: римских граждан было 20 млн, жителей провинций — вдвое больше, т. е. 40 млн, всего свободных — 60 млн, рабов — столько же. Итого — 120 млн человек. Расчет, как видим, чрезмерно смелый и мало обоснованный.

Помимо Гиббона, ряд других ученых оценивал население Римской империи, но в их оценках не хватало достаточно хорошего знания истории и правильного использования всех источников, которые остались нам от античного мира. Впервые это сделал Белох, который на основании тщательного анализа всего материала определил население Римской империи в 54 млн человек (к моменту смерти Августа).

Более подробно результаты работы Белоха¹ могут быть представлены в таблице на стр. 20.

Из приведенных цифр видно, что в некоторых странах античного мира уровень плотности был чрезвычайно высок. Наибольшую плотность дает Египет — 179 человек на 1 км². Этот уровень плотности превзойден современным Египтом лишь в 2,5 раза. Высокая плотность древнего Египта объясняется чрезвычайно благоприятными условиями для земледелия вдоль берегов Нила. Менее высокая плотность, но все же довольно значительная, была в странах Малой Азии. В Европе плотность была ниже, даже в самой Италии — 24 человека на 1 км². В Галлии плотность падала до 6,3 человека и в дунайских странах до 4,7 человека на 1 км². Что же касается еще более отдаленных от Рима стран, то в них плотность населения была, наверно, ниже.

Следует указать, что оценка Белоха им самим была определена как минимальная, в ряде случаев действительно он дал слишком заниженные оценки, не доверяя источникам древности. В позднейших своих работах Белох несколько повысил цифры, первоначально им данные.

¹ Beloch, op cit, S. 507.

Население Римской империи к 14 г. н. э., по расчетам Белоха

Страны	Территория (в тыс км ²)	Население (в млн)	Плотность (че- ловек на 1 км ²)
Италия	250	6 0	24
Сицилия	26	0,6	23
Сардиния и Корсика	33	0,5	15
Испания	590	6,0	10
Нарбонская Галлия	100	1,5	15
Галлия	535	3,4	6,3
Дунайские страны	430	2,0	4,7
Греческий полуостров	267	3,0	11
Итого в Европе	2 231	23,0	10
Азиатские провинции	135	6 0	44
Остальная Малая Азия	412	7,0	17
Сирия	109	6,0	55
Кипр	9,5	0,5	52
Итого в Азии	665,5	19,5	30
Египет	28	5,0	179
Киренаика	15	0,5	33
Остальная Африка	400	6,0	15
Итого в Африке	443	11,5	26
Всего	3 339,5	54,0	16

Так, например, для Египта впоследствии Белох принимает не 5, а 7 млн. жителей¹, для Италии — не 6, а 7—8 млн. и т. д. В целом для всей империи времен Августа Белох исчислил население в 70 млн человек, добавляя при этом, что «желающий может поднять цифру до 80», понимая, очевидно, цифру в 80 млн. как высший предел, а 60 млн. как низший. Но даже высшая оценка Белоха заметно ниже цифры Гиббона и цифры другого исследователя населения древнего мира, Цумпта (Zumpt), который принимал население Римской империи в 120 млн. человек (расчет был сделан им в 1840 г.)².

¹ Некоторые новейшие авторы считают, что в Египте к концу эпохи Птолемеев было 8—8,5 млн, а в I в. н. э. даже 8,5—9 млн человек. См. об этом Walek-Czerniecki, *La population de l'Egypte ancienne*. «Congres international de la population», Paris 1938, t. 2, p. 13.

² Укажем еще на расчет Витерсгейма (Wietersheim) (для II в.), полагавшего в европейской части Римской империи 45 млн жителей, в азиатской — 27—28 млн, в африканской — 16—18 млн, итого — 88—91 млн. См. об этом Rummel, *Die Bevölkerungslehre*, «Schonbergs Handbuch d. Pol. Oekon.», 1886, 2 Aufl., B. II, S. 922.

Но нас больше интересует не население Римской империи в целом, а население Европы в античную эпоху. Как известно, значительная часть Европы не входила в состав Римской империи, и в то же время значительные владения Рима были вне Европы.

Белох дает для европейских провинций Римской империи цифру в 23 млн. человек. К этому надо прибавить еще Британию, которая была завоевана позднее (около 1 млн. человек, см. стр. 45). Кроме того, Европу населяли разнообразные германские племена, сарматы, эсты, веныды и др.

Численность германских племен составляла примерно 3 млн. человек (см. стр. 24). Численность славянских племен была, вероятно, несколько более этой цифры. Если мы учтем еще другие племена неримской Европы к 14 г. н. э., то приходим примерно к цифре в 10 млн. человек. Таким образом, население всей Европы в ту эпоху может быть ориентировочно представлено цифрой в 33 млн. человек¹.

В I и II вв. население Европы, надо думать, возрастало, так как в этот период не было особенно изнурительных и кровопролитных войн. Большое значение для роста населения имело прекращение борьбы между племенами, после того как они подпадали под римское владычество. С другой стороны, в самой Италии и Сицилии, а также в очагах старой культуры (Греция) уже начался упадок рабовладельческого хозяйства, который приводил к уменьшению населения. Таким образом, население Европы к началу III в. возросло только за счет провинций империи. Каршtedt (Kahrstedt)² полагает, что население Испании возросло до 9 млн., Галлии — до 8 млн., дунайских стран — до 3 млн., тогда как Италия и Греция едва сохраняли свое прежнее население в 10 млн. В целом для Европы к началу III в. численность населения можно определить примерно в 36—37 млн. человек.

Белох считает даже, что рост был гораздо более значительным, полагая, что население увеличилось в 1,5 раза за первые два столетия.

Конец II в. н. э. представлял собой, вероятно, кульминационную точку в динамике населения древнего мира. В III и IV вв. Римская империя уже клонится к упадку. Она начинает терять свои владения (Британия, задунайские владения), рабовладельческий строй начинает себя изживать; ввоз рабов приходит к концу, так как человеческие ресурсы покоренных стран оказа-

¹ Трудно, конечно, отстаивать точность этой цифры, но мы полагаем, что она все же не так далека от истины, как оценки некоторых других демографов. Рейтер, например, полагал, что в Европе к началу нашей эры население составляло, вероятно, менее 5 млн. человек (Reuter, op cit, p 92). Тут же отметим, что Шмоллер в «Grundriss der allgemeinen Volkswirtschaftslehre» (1908, T. I, S 171) дает цифру в 30 млн. человек, а Покровский — в 26 млн. человек (Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, т. 40, стр. 631), считая, что на неримскую Европу приходилось всего 3 млн. человек.

² Kahrstedt, Bevölkerung im Altertum, «Handwörterbuch der Staatswissenschaften», B. II, 4 Aufl., S. 669.

лись использованными. В то же время сила варварских племен (главным образом германцев) непрерывно возрастает, натиск их увеличивается, и одряхлевшая империя уже не в состоянии противопоставить им достаточную силу.

«Всеобщее обеднение, сокращение торговых сношений, упадок ремесла, искусства, уменьшение населения, упадок городов, возврат земледелия к более низкому уровню — таков был конечный результат римского мирового господства»¹.

Говоря об эпохе упадка античной культуры, небезынтересно привести расчеты английского историка Форда (Ford)² о населении Западной и Восточной Римской империи в 395 г.:

Население Римской империи к концу IV в. по расчетам Форда
Западная Римская империя

	Кв. миль (в тыс.)	Население (в млн.)
Италия	118	10
Галлия	250	15
Бретань	56	3
Испания	230	12
Паннония, Далмация	116	10
Африка	140	5
Итого	910	55

Восточная Римская империя

Балканский полуостров	165	12
Малая Азия	214	32
Кипр, Чилизия и др.	36	5
Армения и Колхида	20	1,5
Месопотамия	20	1,5
Сирия	80	7
Египет и Киренаика	200	6
Итого	735	65
Всего	1 645	120

В противоположность расчетам Белоха цифры Форда не могут считаться надежными. Получается, что за 380 лет население европейских провинций Римской империи возросло с 23 млн. до 62 млн. человек, что совершенно неправдоподобно. Если даже за этот период население Европы и возросло, то речь может идти об увеличении порядка десятков процентов, но никак не сотен.

В IV в. наступает эпоха великого переселения народов. Под натиском различных варварских племен Западная Римская империя была разрушена, и на ее обломках варварские народы строят новые государства, создают свою культуру. Возникает новая общественная формация — феодализм.

¹ Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства. Сочинения Маркса и Энгельса, т. XVI, ч. I, стр. 125. (Разрядка наша — Б. У.)

² Ford, The Byzantine Empire, London 1911, p. 11; цит. по Andreades, De la population de Constantinople sous les empereurs byzantins, «Metron». 1920, v. I, № 2, p. 113.

ЧАСТЬ II

ФЕОДАЛИЗМ

1. ВВЕДЕНИЕ

До нас не дошло почти никаких материалов о численности населения варварских племен. Позднейшие исследования тоже очень мало света проливают на этот вопрос. Нам остается высказать только несколько общих соображений о демографических процессах в период варварства.

Варварские племена, населявшие Европу, размножались сравнительно быстро. Этому способствовал переход к моногамии, к установлению семьи в современном понимании этого слова. Случаи кровосмешения, неизбежные при групповом браке и сильно снижавшие плодovitость, значительно сократились. Обычай детоубийства, который был сильно распространен среди кельтов и англо-саксов, стал постепенно исчезать, особенно после принятия христианства¹. Вытравливание плода также стало практиковаться реже. По Вестготской Правде, женщина за вытравливание плода могла быть отдана в рабство любому лицу, по усмотрению короля².

К этому времени варвары уже постигли искусство доения коровы и стали употреблять в пищу молоко³. Это бесспорно значительно способствовало снижению детской смертности, которая в ту эпоху была крайне велика. В связи с этим Энгельс пишет: «Обильному мясному и молочному питанию арийцев и семитов и особенно благоприятному влиянию его на развитие детей следует, быть может, приписать выдающееся развитие обеих этих рас»⁴. Переход на оседлое состояние также способство-

¹ Правда, еще *Lex Frisionum* во времена Карла Великого давал матерям право убивать детей сразу после их рождения. Кроме того, известно, что в X и XI вв. жители Шлезвига бросали новорожденных в море. См. об этом *Н а п а и е г, Soziale Hygiene im Mittelalter, «Handwörterbuch d. soz. Hygiene», В. II, S. 427.*

² *Ж у л и ш е р, История экономического быта Западной Европы, изд. 8-е, т. I, стр. 89.*

³ Приручение животных, дающих молоко, Энгельс относит к средней ступени варварства; германцы эпохи Тацита (I в. н. э.) относятся им к высшей ступени варварства (см. Э н г е л ь с, Происхождение семьи, частной собственности и государства, Сочинения Маркса и Энгельса, т. XVI, ч. I, стр. 12—13).

⁴ *М а р к с и Э н г е л ь с, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 13.*

вал повышению рождаемости. Кроме того, после крушения Римской империи варвары в значительной части Европы уже перестали быть поставщиками рабов. Все это, вместе взятое, не могло не привести к росту населения. Во многих источниках мы находим указания о необычайной плодovitости варваров.

Однако сколько-нибудь заметный рост населения происходил лишь, так сказать, в «мирное» время; возросшее население очень скоро вступало на путь войн с соседними племенами, в которых погибала значительная доля всего прироста.

* * *

Переходя к разбору материалов по отдельным странам, отметим, что мы исходим из неизменной территории, игнорируя фактические исторические изменения государственных границ в сторону увеличения или сокращения. В качестве такой неизменной территории взяты границы, существовавшие до войны 1914—1918 гг.

2. ГЕРМАНИЯ

Германские племена поселились на территории современной Германии более двух тысяч лет тому назад. Еще Цезарь и Тацит описывали их довольно подробно, однако ни тот, ни другой не дали даже приблизительной оценки численности германских племен. Зато другие древние писатели все же говорили о числе их воинов. Так, например, Плутарх отмечает, что у одних кимвров и тевтонов было 300 тыс. воинов, Диодор говорит о 400 тыс., а Ливий о 500 тыс. человек¹. Все эти оценки, основанные на жертвах боя, конечно, весьма преувеличены, так как издавна повелось правило преувеличивать потери врагов на поле брани и преуменьшать свои собственные.

Так или иначе, но эти цифры говорят нам, что германские племена уже в первые века нашей эры были многочисленны. Во всяком случае, если говорить о порядке цифр, то их надо считать не сотнями тысяч, а миллионами.

Для определения примерной численности германских племен пытались опираться на численность отдельных кланов с последующим помножением на их число. Однако эти расчеты дают широкие пределы колебаний: минимальный расчет приводит к 3 млн., максимальный — к 12 млн., как оценивает Зибель (Sybel)².

Бэре (Behre), приводящий эти расчеты, приходит к цифре в 3 000—3 600 тыс. человек. Шмоллер дает несколько меньшую цифру, он говорит о 2—3 млн. германцев в эпоху Цезаря.

¹ См. O. Behre, *Geschichte der Statistik in Brandenburg — Preussen bis zur Gründung des königlichen statistischen Bureaus*, Berlin 1905, S. 2. Оценки относятся к первым векам нашей эры.

² Sybel, *Die Entstehung des deutschen Königstums*, Frankfurt 1831, S. 80; цит. по Behre, *op. cit.*, S. 3.

Примерно к этой же цифре мы приходим, если исходить из плотности населения в 4—5 человек на 1 км², которую дает Дельбрюк (Delbrück)¹. При этом Дельбрюк добавляет, что эта цифра ближе к верхней границе, к максимуму. Тут же Дельбрюк ссылается на Зеринга (Serling), который плотность населения в остальбских поместьях определял в 4 человека на 1 км².

Следует отметить, что плодovitость германских племен особенно возросла при переходе к земледелию, который закончился в основном приблизительно к концу I в. н. э.

Писатель конца IV в. Аммиан (Ammianus) пишет о германцах, как о народе, который быстро восстанавливает всякую убыль в своей численности.

Однако при всем этом не приходится говорить об особенно значительном росте населения германских племен в первое тысячелетие нашей эры. Бурная эпоха великого переселения народов, принесшая с собой беспрестанные войны, не создавала условий для быстрого роста населения. Все же в эпоху Карла Великого численность германских племен была, вероятно, заметно выше, чем в эпоху Тацита (ок. 55—120 гг.).

Переходя к оценке плотности населения Германии к концу первого тысячелетия, следует указать, что самым ранним материалом является «перепись» племени вандалов, произведенная Гейзерихом в 429 г., перед его знаменитым походом в Испанию и Африку. До нас дошла цифра в 80 тыс. человек. В это число, вероятно, входили дети и старики, рабы и свободные².

От численности в 80 тыс. человек весьма трудно перейти к плотности населения, так как вандалы не вели оседлого образа жизни. Все же долгое время их племена населяли примерно территорию между Вислой и Одером. Если грубо считать эту территорию в 50—100 тыс. км², то получим плотность примерно 1—2 человека на 1 км². Однако научное значение этой цифры, конечно, весьма невелико.

Более надежные материалы дает немецкий историк Лампрехт (Lamprecht). Он установил среднюю плотность населения округов Кобленца и Трира на основании материалов о населенных пунктах. Используя архивные источники, он определял век первого упоминания данного населенного пункта. Таким путем

¹ См. Delbrück, Geschichte der Kriegskunst im Rahmen der Politischen Geschichte, В. II, 3 Aufl., Berlin 1921, S. 13—14. Имеется русский перевод: «История военного искусства в рамках политической истории», М. 1937, Военгиз, ч. II, стр. 27—29.

² Некоторые историки это оспаривают. Зэкк (Seeck), например (см. его статью «Die Statistik in der alten Geschichte», «Jahrb. f. Nationalök. u. Stat.», 1897), считает, что в это число вошли только воины, так как Гейзерих не мог интересоваться численностью всего народа. Хори (Haury) также говорит о 80 тыс. воинов («Byzantinische Zeitschrift», 1905). Однако надо учесть, что перепись была произведена для учета количества необходимых судов; следовательно, Гейзериха интересовало все население, а не только военное. На этом настаивает знаток истории того времени Л. Шмидт (Schmidt), см. его «Zur Frage nach der Volkszahl der Wandalen», «Byzantinische Zeitschrift», 1906, В. 6, S. 620—621.

Лампрехт распределил по векам все 1 180 населенных пунктов, имевшихся на этой территории в 1237 г. В результате это исследование может быть представлено в такой таблице¹:

Население района реки Мозель (округа Кобленц и Трир) за 800—1237 гг., по расчетам Лампрехта

Г о д ы	Количество населенных пунктов	Население в них (в тыс.)	Плотность населения на 1 км ²
800	100	20	1,5
900	250	60	4,6
1000	350	80	6,2
1050	470	100	7,7
1100	590	140	10,8
1150	810	180	13,8
1200	990	220	16,9
1237	1 180	250	19,2

В материалах Лампрехта прежде всего удивляет скачок в плотности населения от 800 к 900 г.; вряд ли он в действительности имел место. Вообще для этих материалов Лампрехта характерен недоучет численности населения в прежние века, так как вполне возможен факт существования поселений без того, чтобы сохранились материалы, упоминавшие о них. Если Лампрехт к 1000 г. дает плотность 6,3 человека на 1 км², то в действительности, надо думать, она достигала значительно больших величин. Зато в восточной части Германии население было гораздо более редкое.

Вопроса о плотности населения Германии в ту эпоху касается Кёчке, который пишет следующее: «Открытые плодородные земли, обеспеченные водой, имели сельскохозяйственную плотность населения в 10—20 и больше человек на 1 км². Но так как совершенно незаселенная земля (леса, болота) в эпоху ранних Каролингов составляла по крайней мере половину всей площади, то следует цифру средней плотности для всей Германии существенно снизить, примерно на треть. Мы не очень далеко отойдем от истины, если оценим плотность населения во всех областях немецких поселений в эпоху поздних Меровингов в 5—6 человек на 1 км² (300 человек на 1 кв. милю), в следующем столетии несколько больше, в эпоху дома Сальверов — 8—10 человек на 1 км² (500 на 1 кв. милю)»².

Белох, определяя плотность населения Германии в эпоху Карла Великого, утверждает, что она должна была быть менее 10 человек на 1 км², но значительно более 5 человек. В общем, беря Германию до реки Эльбы и ее притока Залы, он дает цифру в 3 млн. человек, что приводит к 9 человекам на 1 км²; для остальной Германии Белох предполагает плотность значительно более низкую.

¹ См. Lamprecht, Deutsches Wirtschaftsleben im Mittelalter, B. I, Leipzig 1886, S. 163. Данные о плотности населения исчислены нами.

² Köttschke, Grundsätze der Deutschen Wirtschaftsgeschichte, 2 Auf., 1921, S. 73.

Таким образом, имеются авторитетные указания о том, что к началу XI в. плотность населения Германии составляла в среднем 8—10 человек на 1 км². Если мы к тому же учтем, с одной стороны, указания Дельбрюка о том, что плотность населения германских племен уже в первые века нашей эры составляла 4—5 человек, а с другой стороны, тот факт, что в первое тысячелетие германские племена довольно сильно размножились, то цифра в 10 человек на 1 км² представится довольно правдоподобной для оценки уровня средней плотности¹.

Последовавшие вслед затем столетия принесли с собой значительный рост населения германских государств. Об этом свидетельствует ряд фактов.

Во-первых, известно, что в ту эпоху производилась усиленная раскорчевка лесов и превращение лесной площади в пахотную площадь. Увеличение пашни должно было обеспечить возрастающее население хлебом. Одновременно с этим совершается постепенный переход от залежной системы земледелия к трехпольному севообороту. Раскорчевка лесов производилась в очень больших размерах. Имеются указания, что в XI в. обширные области в Германии были покрыты дремучими лесами, изобилующими медведями, волками, лесными кабанами².

Во-вторых, известно, что в XII, XIII и XIV вв. немцы усиленно колонизовали земли в восточном направлении. В эпоху Каролингов густо заселены были, главным образом, Рейнская область, Вестфалия, Швабия и, отчасти, Бавария. В XII—XIII вв. немцы колонизовали Богемию, Мекленбург; колонизация Бранденбурга началась в середине XII в., распространившись затем на Мейссен, восточную Тюрингию, восточную Голштинию. В XIII в. заселяется Померания. Вслед затем колонизируется Силезия, в которой до 1350 г. возникло уже 1 500 новых селений со 150—180 тыс. жителей. В XIII и XIV вв. заселяется Познань³. Только в конце XIV в. эта экспансия на восток прекращается. Еще ранее немецкие рыцари из Тевтонского ордена получили сильный отпор от славянских народов (1242 г., Ледовое побоище).

Подобная колонизация объяснялась, главным образом, тем, что крестьян привлекали выгодные условия. Земля предоставлялась им «в наследственное владение в качестве эквивалента за расчистку и улучшение почвы»⁴. Но в то же время в районах давнишнего заселения не ощущалось обезлюдения. Из этого можно сделать вывод о росте населения.

В-третьих, в тот период было основано множество городов. Например, в XIII в. было основано 400 городов, в XIV в.—

¹ Указанную цифру плотности германских племен в 10 человек на 1 км² называет Энгельс, однако, к значительно более раннему периоду (см. «Происхождение семьи, частной собственности и государства», Сочинения Маркса и Энгельса, т. XVI, ч. I, стр. 123).

² См. Кулишер, цит. соч., т. I, изд. 8-е, стр. 67.

³ См. Кулишер, цит. соч., т. I, изд. 8-е, стр. 129—130.

⁴ Там же, стр. 129.

300 городов, в XV в.— 100 городов¹. Значительный рост городов также отражает общий рост населения.

Таким образом, факт значительного роста населения германских государств на протяжении XI—XV вв. не подлежит сомнению. Теперь попытаемся установить численность населения на конец этого периода, т. е. к 1500 г.

Белох² оценивает плотность населения Германии к 1500 г. в 20 человек на 1 км². Эту же цифру называет немецкий историк Кечке³. Указанная плотность населения хорошо согласуется с оценкой численности населения, данной королем Максимилианом (1459—1519 гг.). Король Максимилиан предполагал произвести перепись жителей для точного учета взрослого мужского населения. Он исходил из 30-тысячной армии, по одному на 400 человек, полагая, что в Германии тогда было 12 млн. человек.

Американский ученый, профессор Ушер⁴, принимает для 1340 г. плотность населения Германии в 17 человек на 1 км². Так как, несмотря на эпидемию чумы в XIV в., население к 1500 г. было все же выше, чем в 1340 г., то оценка Ушера также почти соответствует оценкам Белоха и Кечке. И по нашим расчетам, изложенным в третьей части настоящей работы, к 1500 г. плотность населения Германии также равнялась 20 человекам на 1 км².

Принимая плотность в 20 человек на 1 км² к 1500 г., мы можем сопоставить ее с плотностью в 1000 г., которую мы приняли равной 10 человекам на 1 км². Получается за 500 лет рост в 2 раза, или 0,14% в год. При этом надо иметь в виду, что значительные массы немецкого населения покидали территорию будущей Германии и заселяли австрийские земли.

К сожалению, почти нет никаких материалов, при помощи которых мы могли бы проконтролировать правильность приведенного темпа роста. Правда, темпы роста для Кобленца и Трира (в районе Мозеля) дает Лампрехт⁵, но приводимые им цифры не могут считаться характерными для всей Германии и достаточно точными даже для указанных районов:

*Темпы роста населения по расчетам
Лампрехта за 800—1237 гг*

Период (годы)	% ежегодного роста населения
800—900	1,1
900—1000	0,3
1000—1050	0,45
1050—1100	0,7
1100—1150	0,5
1150—1200	0,4
1200—1237	0,35

¹ См. Inama-Steinergg, Deutsche Wirtschaftsgeschichte, Leipzig 1899, В III, Teil I, S 22

² Beloch, Die Bevölkerung Europas im Mittelalter, «Z. f. Sozialwissenschaften», 1900, S 418.

³ Köttschke, op cit, S. 73.

⁴ Usher, op cit, p. 119

⁵ См Lamprrecht, op cit, В I, S 163—164

В среднем для 1000—1237 гг. получаем прирост в 0,48% в год, т. е. значительно более исчисленного нами процента¹. Момберт к этим темпам Лампрехта относится с большой осторожностью. Он пишет: «Здесь дело идет об утверждениях, основа которых так непрочна, что они могут дать не более чем самую грубую прикидку. Все, конечно, зависит от случайностей имеющихся сведений о времени первого упоминания данного места»².

Белох также критически расценивает исчисления Лампрехта. Он пишет: «Следует отметить, что статистика населенных пунктов имеет тем больше пропусков, чем дальше в глубь веков мы идем. Следовательно, в 800 г. существовало много населенных пунктов, которые не упоминались в летописях того времени. Сильное увеличение населенных пунктов от 800 к 900 г. (от 100 к 250) также большей частью объясняется указанным обстоятельством и в 900 г. число населенных пунктов без сомнения было много больше 250»³.

Другой проверкой для нас могут послужить материалы исследования Глея (Gley)⁴.

По Глею, население Миттельмарка, части Бранденбурга, расположенного между Эльбой и Одером, увеличилось с 25—26 тыс. в 1150 г. до 160 тыс. человек в 1624 г. Это дает рост в 6 раз почти за 500 лет, т. е. 0,35% в год. Подобный значительный рост объясняется усиленной колонизацией этого района в рассматриваемый период. Поэтому ясно, что процент роста для всей Германии должен быть значительно ниже, чем для Миттельмарка.

Третьим источником для суждения о росте населения в ту эпоху может служить оценка того же Кечке. Он полагает, что население Остфранкского государства с территорией в 350 тыс. км² увеличилось с 2,5—3 млн. в IX в. до 3—3,5 млн. в эпоху Сальверов, т. е. в XI в. Это дает рост на 20% за 150 лет. Мы берем 150 лет, а не 200, так как Кечке говорит о поздних Меровингах, т. е. имеется в виду самый конец IX в., а не его середина. При пересчете на год получаем 0,12% роста в год. Далее, Кечке оценивает рост населения расширившегося Франкского государства в 700 тыс. км² с 5—6 млн. в середине XI в. до 7—8 млн. в середине XII в. Это дает рост на 20% за 100 лет, т. е. 0,18% в год.

Сопоставляя исчисленные по трем источникам темпы ежегодного прироста населения — 0,48, 0,35; 0,12; 0,18,— мы видим,

¹ Удивительно только, как такие, совершенно невероятные для средневековья, бурные темпы роста населения представляются Зомбарту медленными. Так, он приводит эти темпы роста населения в качестве иллюстрации своего предположения о том, что до XIII в. в Германии «происходил, вероятно, медленный рост населения» (Зомбарт, Современный капитализм, т. I, полутом I, стр. 254).

² Mombert, Bevölkerungslehre, 1929, p. 54.

³ См. его статью о населении Европы в средние века, стр. 406.

⁴ Gley, Die Besiedlung d. Mittelmark von d. slavischen Auswanderung bis 1624 1926, цит. по Mombert, op. cit., S. 72.

что полученный нами выше темп роста в 0,14% больше приближается к исчислениям Кечке¹.

Повышенные темпы двух других источников объясняются в первом случае неполнотой учета в начальный период, во втором случае — колонизацией. Можно быть совершенно уверенным, что численность населения всей Германии в целом не увеличивалась в среднем почти на 0,5% в год, как это получается по Лампрехту. Населенные пункты основывались, конечно, значительно раньше, чем о них встречаются упоминания. Это и привело Лампрехта к преувеличенному представлению о росте населения

В период 1000—1500 гг. население в германских государствах не развивалось равномерно, а обнаруживало значительные колебания. Главный источник этих колебаний — голод, войны, эпидемии. В условиях примитивной организации сельскохозяйственного производства колебания урожайности были очень велики. К тому же транспортные условия были таковы, что снабжение продовольствием неурожайных районов было весьма затруднено. Дороги были очень плохи, в большинстве районов их вовсе не было. Существовавшие дороги были до крайности узки, идеалом считалась такая дорога, «где может проехать невеста, не зацепив воз с покойником»². Кроме того, значительную часть года они находились вовсе в непроезжем состоянии. Перевозка товаров совершалась, главным образом, на вьючных животных. Двухколесные повозки были редкостью, так как частенько переворачивались на дорогах, которые нередко представляли собой либо вспаханное поле, либо луга, поросшие травой³.

Торговля хлебом была развита слабо. К тому же на дорогах были непрестанные грабежи, зачастую организованные самими королями.

Кроме того, следует еще учесть, что способы хранения продуктов также были очень ненадежны.

Все эти условия приводили к тому, что неурожай превращался в голод, вызывавший значительную смертность населения. Об этом можно судить хотя бы по колебаниям хлебных цен. В голодный год в XIII в. цена на рожь в 6 раз превышала цену урожайного года⁴.

Какие же до нас дошли материалы о голоде в Германии в средние века? Уолфорд (Walford)⁵ составил сводку о голоде и

¹ Уместно при этом указать еще, что темп роста населения Германии исчисляет также и Белох в своей статье о населении средневековой Европы. Он считает, что за 300 лет (1050—1350 гг.) население Германии увеличилось на 80%. Это дает 0,26% в год. Однако это был период наиболее быстрого темпа роста населения. Если же взять период 1000—1500 гг., то средний темп будет мало отличаться от нашего.

² Кулишер, цит соч., т. I, изд. 8-е, стр. 274

³ См. там же

⁴ Lamprecht, op. cit., B. I, S. 599

⁵ Walford, The famines of the world past and present, «Journal of the Statistical Society», v 41, № 3

эпидемиях мира В этой сводке о германском средневековье имеются следующие записи:

851 г. Голод
968 г. Голод
1012 г. Бесконечное количество умерших от голода
1123—1124 гг. Голод
1248 г. Голод

Из этого короткого перечня голодных лет вовсе не следует, что в остальные годы не было голода. Здесь приведены, очевидно, годы наиболее сильных голодовок. Особенно велик голод 1125 г (в сводке Уолфорда значится 1123—1124 гг) Некоторые источники отмечают, что от этого голода умерла половина тогдашнего населения Автор известной работы о голоде Куршманн (Curschmann) насчитал 64 голодных года в IX в, 60 — в XI в (о X в. нет полных данных). Эти голодные годы сопровождаются эпидемиями, голод вызывал каннибализм «Летописцы сообщают, что в 793, 868, 869, 896, 1005 и 1032 гг происходило людоедство и не в качестве единичных фактов, а как массовое явление. «Человек пожирал человека», откапывали трупы и питались ими. Более сильные убивали слабых, жарили их и съедали, матери убивали своих детей, чтобы утолить голод их мясом»¹

Из этого видно, что голод в средние века играл роль крупного фактора, задерживающего рост населения. Возникает вопрос, можно ли считать, что этот фактор действовал равномерно из одного столетия в другое? Так как причиной неурожая являются метеорологические факторы, казалось бы, нет особых оснований предполагать, что в каком-либо одном столетии они складывались более благоприятно, нежели в другом. Количество неурожайных лет в одном столетии, надо думать, незначительно отличалось от количества неурожайных лет в другом столетии. Климатическим факторам могла противостоять, главным образом, техника земледелия, но на протяжении средних веков она изменялась незначительно. Из этого следует, что влияние голода могло сократиться только в результате улучшения хранения продуктов, более развитой хлебной торговли и т. д.

Однако все-таки нельзя предполагать, что из века в век влияние голода было одинаково. На численность населения оказывали влияние особенно сильные неурожаи, повторявшиеся 2—3 года подряд; а подобное несчастное сочетание неурожайных лет могло быть и не в каждом столетии.

В применении к Германии можно, например, предположить, что XII век был более неблагоприятным, чем XI. Для XI в. Куршманн насчитывал два случая всеобщего голода, а для XII в. — пять. Самое начало этого века ознаменовалось всеобщим голодом 1100—1101 гг, затем 1124—1126, 1145—1147, 1150—1151, 1195—1198 гг. В XIII в. замечается некоторый поворот к

¹ Кулишер, цит. соч., т I, изд 8-е, стр 101, на основе материалов книги Curschmann, Hungersnote im Mittelalter, 1900

лучшему. О всеобщем голоде можно говорить только для 1225—1226 гг. Затем следует интервал в 90 лет, когда снова на Германию обрушился сильный голод 1315—1317 гг.¹

Голод в XV в. в условиях возрастающей хлебной торговли имел, вероятно, несколько менее пагубные последствия, чем голод в предшествующие столетия.

Теперь скажем несколько слов об эпидемиях в Германии в период 1000—1500 гг. Чумные эпидемии известны в Германии еще с XI в. В 1008, 1058 и 1098 гг. были сильные эпидемии чумы. Бюхер с 1326 по 1400 г. насчитал в Германии 32 года эпидемий, в 1400—1500 гг.—около 40. Инама-Штернегг для второй половины XIV в. насчитал 14 лет чумы, из них половина случаев коснулась почти всех немецких земель. Из эпидемий XV в. большая часть приходится на первую половину; из эпидемий второй половины XV в. Инама указывает лишь на 1463—1465 и 1480—1485 гг., когда наблюдались более или менее распространенные чумные заболевания².

Из всех чумных эпидемий наибольшее значение имела эпидемия чумы в 1348—1349 гг., известная под названием «черной смерти». В Германии эта эпидемия коснулась в меньшей степени, чем, например, Англии, Италии, но и здесь она была значительна. Сколько-нибудь надежных цифр о доле населения, погибшего от эпидемии, нет. Фигурируют лишь оценки, имеющие небольшую степень достоверности. По мнению некоторых, погибла четверть, по мнению других—треть, даже половина всего населения. Единственные статистические материалы имеются по городу Бремену: в 1349 г. в нем умерло от чумы в четырех приходах 1 816, 1 415, 1 922 и 1 813, итого 6 966 «по имени известных лиц, не считая бесчисленного числа людей, которые умирали на улицах, на кладбищах и вне городских стен»³. Для Бремена это составляет четвертую часть населения. Кроме того, до нас дошли сведения, что в 1349 г. во Франкфурте за 172 дня умерло 2 тыс. человек от чумы, что также составляет четверть всего населения города⁴. Но при этом надо учесть, что в городах распространение эпидемий происходило гораздо быстрее и уносило больше жизней. В Бремене, как портовом городе, зараза, занесенная из других стран, вероятно, получила особенно большое распространение.

Для всей Германии ущерб от «черной смерти» вряд ли превысил одну седьмую часть всего населения. Ганауэр (Hanauer), например, указывает, что ущерб от чумы 1348—1349 гг. в Германии составил 1 250 тыс. человек. Эта цифра и положена в основу наших расчетов.

¹ См. Curschmann, *op. cit.*, S. 39.

² См. Inama-Sternegg, *op. cit.*, p. 22.

³ *Ibid.*, p. 22. Надо думать, что 6 966 человек — это граждане города, а остальные — пришлое население.

⁴ См. Hanauer, *op. cit.*, S. 427.

Вообще в XIV в. в Германии условия для роста населения складывались неблагоприятно. Вслед за чумой 1348—1349 гг. в скором времени последовали другие эпидемии. Шмоллер указывает, например, что если чума 1348 г. распространилась на две трети населения, то чума 1361 г. распространилась на половину, 1371 г.—на одну десятую, 1382 г.—на одну двадцатую¹. Надо еще сказать, что и в XV в. в Германии были сильные эпидемии чумы в 1449, 1460—1463, 1473, 1482—1483 гг. В 1412 и 1482 гг. во Франкфурте погибла от чумы треть всего населения. Некоторый рост эпидемий от XI к XIV в. является, повидимому, результатом роста торговли с Востоком и ростом городов при полном отсутствии каких-либо гигиенических мероприятий.

Из пяти столетий периода 1000—1500 гг. наименьший прирост дало столетие «черной смерти»: к 1400 г. численность населения, вероятно, все же превысила уровень 1300 г., но, возможно, не более чем на 5%. Наибольший прирост дал, повидимому, XIII век, в котором интервал между сильными голодовками был особенно велик. Надо думать, в то столетие прирост приближался к 25%; значительно меньший прирост дал XI век, век частых голодовок и крупных эпидемий.

3. ФРАНЦИЯ

Франция густо населена уже с давних пор. Еще во времена Римской империи почти вся территория современной Франции была заселена галльскими племенами. О населении Галлии в ту эпоху некоторые цифры дает Цезарь, но они, как признают теперь все историки, являются весьма преувеличенными. Причина этих преувеличений кроется в желании выставить себя в свете победителя могущественного противника, а также в желании изобразить завоеванную страну более богатой, чем она была в действительности. Основываясь на материалах Цезаря, получается, что в ряде районов Галлии (ныне департамент Уазы или кантон Валлис) население в ту эпоху равнялось современному.

Корректируя материалы Цезаря, Белох оценивает население Галлии в 3 400 тыс. человек, что дает плотность в 6,3 человека на 1 км². К этому следует добавить еще юг современной Франции—Нарбонн, который был заселен гораздо более густо. Для него Белох давал цифру в 15 человек на 1 км², что дает 1,5 млн. человек. Всего, таким образом, получается 4 900 тыс. жителей с плотностью в 7,7 человека на 1 км².

В своих более поздних работах Белох повышает цифру плотности Галлии до 10—11 человек на 1 км², принимая цифру в 6—7 млн. населения².

¹ См. Schmollel, Die historische Entwicklung des Fleischkonsums, «Zeitschr f. d. ges. Staatswissensch», 1871, B. 27, S. 301.

² Beloch, Die Bevölkerung im Altertum, «Zeitschr für soz. Wissenschaften», 1899, B. II, S. 617.

Известный французский демограф Левассер, автор капитального трехтомного труда по населению Франции, очень подробно занимается определением численности населения Франции в период варварства. В результате он приходит к цифре в 6,7 млн. человек для Франции в границах до мировой войны.

Хотя выставленные Белохом и Левассером цифры населения Франции не могут считаться достаточно обоснованными, все же можно считать установленным, что в первые века нашей эры территория современной Франции была уже довольно густо заселена галльскими племенами. Более того, имеются некоторые основания предполагать, что в I и во II вв. население галльских племен довольно интенсивно возросло. Шмоллер¹, например, полагает, что если в эпоху Августа население современной Франции составляло 5 млн. человек, то в эпоху Антонинов (т. е. конец II в.) оно увеличилось до 8 млн.

Некоторые склонны представить себе население Франции в эпоху варварства в еще более значительных цифрах. Так, например, Кавеньяк (Cavaignac)² исходил из того, что население Галлии увеличилось с 12 млн. в эпоху Флавия до 16 млн. при Антонинах. Но эта цифра крайне сомнительна; принимать ее — это значит предполагать, что сельскохозяйственная плотность современной Франции сейчас такая же, какой она была почти 2 тыс. лет назад.

После крушения Римской империи период сравнительно мирного существования галлов закончился. Начался период германского нашествия, затем последовало нашествие норманнов, венгров и мавров. Последнее закончилось знаменитой битвой при Пуатье (732 г.), положившей предел арабской экспансии в Европе. Все эти непрерывные войны не могли не сказаться на динамике населения, численность которого бесспорно сократилась.

Кавеньяк³ высказывает следующие предположения: сильное падение в III в., стабилизация в IV в., сильное падение в V в., стабилизация в VI, VII, VIII вв., сильное падение в IX и X вв.

Теперь возникает вопрос, как определить численность населения Франции в эпоху раннего средневековья? Какие материалы могут быть положены в основу?

Считается, что единственным документом, который может дать представление о населенности Франции в ту эпоху, является составленный аббатом Ирминоном инвентарь имений монастыря Сен-Жермен де Прэ, относящийся к началу IX в. Этот документ был опубликован Гераром (Guérard) в 1834—1836 гг. Согласно приведенным в нем материалам, в этом районе проживало 10 282 человека, а если учесть и рабов, то около 12 тыс. человек. Для того чтобы определить плотность населения, надо

¹ См. Schmoller, Grundriss der allgemeinen Volkswirtschaftslehre, Erster Teil, 1908, S 172

² См. Cavaignac, Notes de démographie antique, «Journal de la Société de Statistique de Paris», 1935, I, p. 9.

³ Ibid, p. 9.

знать территорию, на которой проживали эти 12 тыс. человек. Если взять только сельскохозяйственную площадь (17 тыс. га), то получится 72 человека на 1 км². Если же взять всю территорию аббатства, то плотность падает до 10 человек¹ на 1 км².

Вот здесь и возникает вопрос, какая же была плотность населения для Франции той эпохи? Можно ли процент лесистости в этом аббатстве считать характерным для всей Франции? Левассер, подробно разбирая этот источник, считает, что на этот вопрос надо ответить положительно. На этом основании он распространяет полученную плотность на всю Францию и получает 5 284 тыс. жителей².

Белох³ иначе использует материалы этого аббатства. Во-первых, он получает плотность не в 72 и не в 10, а в 30 человек на 1 км², исходя из 37 тыс. га⁴ и 12 тыс. человек. Однако найденную плотность он считает очень высокой, так как этот район Франции, по его мнению, был заселен значительно плотнее остальных. Поэтому для всей Франции Белох считает возможным принять половину этой цифры, т. е. 15 человек на 1 км².

Этими же материалами интересовался также Фердинанд Ло (Lot). Ло в своей статье, посвященной разбору этого документа⁵, приходит к исчислению плотности населения в 34—39 человек на 1 км², если считать 13 тыс. жителей в аббатстве, и в 37—42 человека на 1 км², если считать 14 тыс. жителей. Исходя из этих данных, Ло полагает, что для всей Франции той эпохи можно принять сельскохозяйственную плотность в 40 человек на 1 км². Далее Ло пишет следующее: «Сельское население современной Франции немногим больше. По сравнению с 24,5 млн. в 1886 г. оно упало до 22 млн. к началу XX в., что дает 41 человек на 1 км², плотность, очень близкая к той, какая была при Каролингах». Таким образом, по мнению Ло, за целое тысячелетие плотность сельскохозяйственного населения Франции не изменилась. Однако за эту тысячу лет сельское хозяйство Франции подверглось столь коренным изменениям, что подобное предположение мало вероятно.

Сопоставляя результаты, полученные тремя исследователями, разбиравшими материалы этого аббатства, мы видим весьма резкие колебания в полученных цифрах: от 5 млн. Левассера до 22 млн. Ло. Однако из того, что материалы аббатства позволяют слишком широкую интерпретацию, еще нельзя делать вывод об

¹ При этом количество людей повышается до 22 012 (считая живущих в лесах и т. д.), а количество гектаров до 221 тыс.

² См. Levasseur, *Population française*, t. I, p. 136. Вероятно, на этих же материалах базировался и Ушер в своей книге «An introduction to the industrial history of England», когда указывал для Франции IX в. население в 5,5 млн. человек.

³ См. указанную статью о населении в средние века, стр. 408.

⁴ Остается неясным, откуда Белох взял цифру площади в 37 тыс. га, в том числе 14 тыс. га под лесом, когда у Герара имеется цифра 221 тыс. га всего, в том числе 198 тыс. га под лесом.

⁵ Lot, *Conjectures demographiques de la France aux IX siècle* «Moyen-age», 1921.

их непригодности¹. Мы полагаем, что материалы этого аббатства, используемые в отношении плотности населения, все же могут играть некоторую роль в определении численности населения Франции в ту эпоху.

Наилучшее использование этих материалов будет заключаться в том, чтобы взять общую площадь аббатства (включая леса) и все население. Именно такой метод находится в соответствии с обычными исчислениями плотности для страны в целом.

Левассер и пошел по этому пути, получив 10 человек на 1 км². Однако распространять эту плотность на всю страну — дело, как предполагает и сам Левассер, в высшей степени рискованное. В аббатстве Сен-Жермен де Прэ под лесом находилось 89,6% всей территории. Вряд ли этот процент может считаться типичным для всей Франции. По всей вероятности, процент лесистости во Франции в целом был ниже, и, следовательно, средняя плотность была выше 10 человек на 1 км². Поэтому расчет Левассера, возможно, несколько преуменьшает население Франции.

Все же остальные авторы использовали материалы аббатства, на наш взгляд, не вполне правильно, так как исключали леса и т. д. Известно, что при исчислении общей плотности населения по стране в целом обычно леса не исключают, тем более этого не следует делать, когда в основу кладется материал по небольшой территории.

Материалы аббатства можно использовать еще и в другом направлении. Французский историк Эмбар-де-ля-Тур (Imbait-de-la-Tour)², исследуя этот же источник, дает на основе оценок Герара сопоставление населения семи деревень этого прихода в IX и XIX вв.:

Население деревень в районе аббатства Сен-Жермен де Прэ в IX и XIX вв

Название деревни	Население в начале IX в	Население в конце XIX в
	человек	
Emant	449	557
Comb-la-Ville	360	676
Moisang	152	182
Palaiseau	656	2 464
Frinay sur Oise	248	1 506
Thiais	557	1 760
Villeneuve St-Georges	484	2 262
Итого	2 906	9 407

¹ К такому выводу, например, склоняется Луццато (Luzzato) в своей статье «Popolazione» в «Enciclopedia Italiana», v 27, p 916—917.

² См Imbart-de-la-Tour, Les paroisses rurales dans l'ancienne France, Deuxieme partie, «Revue historique», 1897, v. LXIII, p. 12.

Получается рост более чем в 3 раза (точнее 3,24). К концу XIX в сельское население Франции составляло около 20 млн. Если это население уменьшить в 3,25 раза, то получим около 6 млн. человек для всей Франции IX в.

Наконец, к цифре населения Франции в 1000 г можно подойти по линии оценки уровня плотности населения на основании сопоставления с уровнем плотности в соседних странах. Для Германии мы выше приняли плотность равной 10 человекам на 1 км², для Англии (это мы покажем ниже) — 13 человекам на 1 км². Можно считать установленным, что в 1000 г. плотность населения Галлии была выше, нежели в Германии и Англии. Если в Германии восток в ту пору был вовсе не заселен или заселен крайне слабо, если в Англии северные части ее тоже были с очень редким населением, то этого нельзя сказать о Франции. Уже в эпоху Каролингов почти вся Франция была заселена; к 1000 г. во Франции не было районов с плотностью в 2—3—4 человека, как это имело место в Англии и Германии. Поэтому как германский, так и английский уровни плотности не подходят для Франции. Если в Англии было 13 человек на 1 км², то во Франции, вероятно, не менее 16 человек на 1 км²; в пересчете на территорию современной Франции это даст 9 млн. человек.

Таким образом, имеем три цифры населения Франции: 5 млн. на основании плотности населения по аббатству Сен-Жермен де Прэ, 6 млн. на основании роста населения деревень этого же аббатства и 9 млн. человек на основании оценки уровня плотности по сравнению с Англией. Расхождение получилось довольно значительное. При этом надо учесть, что данные аббатства относятся к IX в. Но за период 800 — 1000 гг. население Франции, вероятно, возросло процентов на 15 — 20. В соответствии с этим численность населения при оценке в 5 млн. увеличится до 6, а при оценке в 6 млн. — до 7 млн. и расхождение уменьшится. Из этих трех цифр населения Франции к 1000 г. мы отдаем предпочтение наиболее высокой цифре, как, вероятно, ближе соответствующей действительности¹. Уровень лесистости в аббатстве Сен-Жермен де Прэ был, вероятно, более значительным, чем для Франции в среднем. Трудно предположить, чтобы к концу X в. вся Франция на девять десятых была покрыта лесом. Сравнение с Англией дает, пожалуй, более основательный критерий. Поэтому на основу наших дальнейших расчетов мы кладем цифру в 9 млн. человек для 1000 г. Вряд ли население Франции в ту пору было ниже этой цифры.

Если территория аббатства Сен-Жермен охватывала менее 0,5% территории всей Франции, то эпоха расцвета феодальных отношений оставила нам документ, который охватывал население уже значительной части всей страны. Мы имеем в виду налоговые списки 1328 г.

¹ Бутуль предполагает, что в ту эпоху было даже около 10 млн. человек. См. G. Bouthouil, Population dans le monde, p. 11.

Материалы этих списков долгое время находились в архивах и лишь в 1840—1841 гг. опубликованы Дюро-де-ля-Маль (Dureau-de-la-Malle) в «Bibliothèque de l'École des Chartes» (т. I). Эти списки давали цифру приходов по отдельным округам Франции и цифру числа «очагов» («feux»). Всего было сосчитано 2 411 149 очагов в 24 150 приходках¹. Но от этих цифр не очень легко перейти к цифре численности населения Франции.

Чтобы осуществить это, нужно решить два вопроса:

1. Какое количество человек приходилось на один очаг.

2. Какая часть Франции была внесена в эти списки.

Для ответа на первый вопрос нужно сначала выяснить, что представляет собой понятие «очаг». Есть ли это семья, дом, хозяйство, или что-нибудь другое? Большинство ученых склоняется к тому, что очаг можно приравнять семье. Белох полагает, что в этом отношении не может быть никаких сомнений². Если это так, тогда необходимо определить количество человек на одну семью.

Левассер очень подробно останавливается на вопросе о выборе множителя для превращения количества семей в количество человек. Необходимость такого множителя возникает в материалах не только по Франции, но и по всем странам до периода подушных переписей.

Левассер приводит большое количество разнообразных оценок числа членов семьи. Эти оценки колеблются от 3 до 5 человек. Среди них интересно отметить, что Вольтер в своем знаменитом «Философском словаре» исходит из 4,5 человека (в статье «Население»). Сам Дюро-де-ля-Маль также кладет в основу 4,5 человека. Но Левассер считает более правильным исходить из 4 человек на семью. Белох принимает множитель 5, считая, что если в отношении размера семьи он допускает преувеличение, то, учитывая необложженные семейства, множитель 5 даст более близкий к действительности результат. Ковалевский также считает более правильным определить коэффициент 5.

Возьмем три варианта множителя (4, 4,5 и 5) и применим их к числу очагов:

При 4 членах на семью получаем	9,6	млн.	человек
» 4,5 » » » » »	10,8	»	»
» 5 » » » » »	12,0	»	»

Теперь остается решить второй вопрос: какая часть Франции была учтена этими списками? Оказывается, неучтенная территория захватывала очень большую часть Франции. Белох говорит, что не были учтены Бретань, Орлеан, Шартр, Фландрия, Берн, графство Авансон, город Руан и еще несколько мелких округов. Однако Белох преуменьшает площадь неучтенной территории. Дюро-де-ля-Маль, опубликовавший все эти материалы, указы-

¹ Гийяр (Guillard) приводит цифру в 2 493 763 «очага». См. Guillard, *Elém. de stat. humaine*, p. 28.

² См. указанную статью о населении в средние века, стр. 411.

вает, что они охватывают лишь территорию королевских доменов. Если это так, то тогда списки 1328 г. охватили лишь две пятых населения Франции (Дюро-де-ля-Маль принимает даже меньшую дробь). Левассер, однако, нашел, что в некоторой части списки охватывают земли ряда графов, виконтов и других феодалов.

Основываясь на числе приходов, Левассер приходит к дроби $\frac{24}{43}$, характеризующей охват Франции этими налоговыми списками. Однако Левассер из осторожности принимает половину как показатель охвата учетом 1328 г. Некоторые исследователи повышают эту дробь, доводя до трех пятых¹. Бодрильяр (Baudrillart) также считает, что учетом было охвачено больше половины всей Франции².

Пользуясь приведенными коэффициентами, рассчитаем численность населения Франции к 1328 г. Воспроизведем в табличной форме различные варианты:

Численность населения Франции в 1328 г. в зависимости от доли охвата и размера семьи (в млн человек)

Размер семьи	Доля охвата		
	$\frac{2}{5}$	$\frac{1}{2}$	$\frac{3}{5}$
4 человека	24,0	19,2	16,0
4,5 »	27,0	21,6	18,0
5 »	30,0	24,0	20,0

Комбинация трех вариантов одного признака с тремя же вариантами другого дает в результате уже девять вариантов численности населения. Эти варианты колеблются от 16 до 30 млн. человек³. Пределы колебаний хотя и велики, но все же они здесь уже значительно меньше, чем при оценке населения Франции в IX в., где максимальный вариант превышал минимальный не в 2, а в 4 раза.

На каком же из этих девяти вариантов следует остановиться? Левассер принимает центральный вариант, давая для Франции

¹ См., например, Henry Sée, *Peut-on évaluer la population de l'ancienne France*, «Revue d'écon. Polit.», 1924, v. 38, № 4, p. 650.

² См. его статью в «Journal des économistes», 1885, № 5, p. 176

³ Сам Дюро-де-ля-Маль, основываясь на том, что материал охватывает треть Франции, пришел к цифре населения в 34 625 тыс. человек, добавляя при этом, что полученная им цифра значительно ниже действительной (он предполагал даже, что население Франции достигало 60 млн.) Некоторые (например, Бодрильяр), снижают цифру до 25 млн. человек, Ковалевский (Kowalewsky, *Oekonom. Entwicklung Europas*, S. 367) соглашается с Бодрильяром. Однако как 25, так и 34 млн.—цифры неправдоподобные. Если их принять, то получится, что уровень сельскохозяйственной плотности во Франции сейчас ниже, чем 600 лет назад.

1328 г. цифру населения в 20—22 млн. человек¹, однако далеко не всегда середина ближе всего к истине. В данном случае мы полагаем, что расчет Левассера преувеличивает население Франции. Он сам говорит о дроби $\frac{24}{43}$, как о степени охвата; однако более тщательное изучение вопроса о степени охвата страны, сделанное Ло², привело к иному соотношению: не $\frac{24}{43}$, а $\frac{24\ 500}{40\ 864}$, что дает три пятых для всей Франции. К этому же соотношению приводит и расчет Гийяра³, который исчислил неучтенную площадь в 193 тыс. км², что дает около двух пятых всей территории современной Франции, оказавшейся вне охвата налоговыми списками 1328 г. Указанная дробь (три пятых) наиболее точно отражает степень полноты охвата списков 1328 г. Размер семьи мы считаем более правильным принимать равным 4,5 человека. Таким образом, население Франции в тот период вероятнее всего выражалось цифрой 18 млн. человек⁴.

Подойдем к этому вопросу еще с точки зрения плотности населения. 18 млн. человек для территории в 536 тыс. км² дает 34 человека на 1 км². Белох же исходит из 35 человек и Левассер из 40 человек. При этом Белох указывает, что в департаментах Сены и Уазы в XIV в. плотность населения без Парижа составляла 50 человек на 1 км². Нормандия имела 40, Лангедок — 35, в центре страны и на юго-западе — 20 человек. Эти цифры интересны не своей абсолютной величиной, но в своем взаимоотношении. В некоторых районах плотность населения была в 2,5 раза больше, чем на юго-западе. Если Левассер в среднем исходит из 40 человек на 1 км², то это значит, что он допускает для ряда районов плотность, значительно превышающую эту среднюю. Получается, что в отдельных районах плотность населения в XIV в. достигала 60—70 человек на 1 км², что весьма мало вероятно. Трудно предположить, чтобы во Франции XIV в. даже отдельные районы достигали бы такой высокой плотности⁵.

¹ Цифру Левассера принимают также многие другие авторы, например Usher (op. cit., p. 119), Bouthoul («Population dans le monde», p. 25), Coville («L'histoire de la France», IV, 2, 20), Rabinowicz («Le problème de la population en France», p. 195).

² См. Lot, L'état des paroisses et deux feux de 1328, «Bibliothèque des Ecoles des Chartes», 1929, v. XC, p. 299.

³ Guillard, op. cit., p. 29.

⁴ Наша цифра близко подходит к оценке Гийяра (цит. соч., стр. 25), который исходит из цифры 15 850 тыс. человек населения Франции.

⁵ Правда, некоторые авторы считают это возможным. Даже такой знаток средневековья, как Томпсон (J. W. Thompson), считает возможным говорить о том, что плотность населения во Франции в канун Столетней войны «была почти равна современной». Более того, так как города были малы и их было немного, то Томпсон считает, что деревни в XIV в. были более населены, чем сейчас (см. его «Economic and Social History of Europe in the later Middle Ages», p. 46).

Далее, Томпсон еще раз указывает, что «сельскохозяйственное население

Даже если мы возьмем нашу оценку, то, сопоставляя ее с примерной оценкой численности населения Франции к 1000 г., мы видим значительный рост населения. И действительно, истекшие три столетия (XI, XII и XIII) были столетиями сравнительной стабилизации экономической и политической жизни французского государства. Эти столетия не были особенно насыщены войнами, если не считать крестовых походов и религиозных войн. Эти же столетия ознаменовались ростом городской жизни, раскорчевкой лесов для пашни, т. е. тем же, что было и в Германии. Отличие Франции состояло, главным образом, в том, что она была стеснена в своих границах и возможности территориальной экспансии для нее отсутствовали. Зато в этот период французы более полно и продуктивно использовали юго-западные части и центр.

Разобранный нами налоговый учет относится к 1328 г. Спустя 20 лет после него во Франции, как почти во всей Европе, разразилось страшное бедствие — эпидемия чумы. Эта эпидемия проникла во Францию из Италии в 1347 г. Первая провинция, подвергшаяся эпидемии, Туссэн, потеряла, как рассказывают, около двух третей своего населения. Далее, эпидемия распространилась на Лангедок, затем захватила центр и север страны, достигнув Парижа. За полтора года, которые она длилась, эпидемия чумы принесла большие потери. Трудно определить их размеры. Есть указания, что в Монпелье вымерло девять десятых всего населения, что в провинции Лангедок умерла одна шестая всего населения. Эту последнюю цифру можно считать применимой для всей Франции в целом. Таким образом, если до чумы во Франции было около 18 млн. человек, то после чумы, вероятно, только около 15 млн.¹

Эпидемия чумы свирепствовала тогда, когда Франция уже находилась в состоянии войны с Англией. В 1338 г. началась англо-французская война, которая длилась с перерывами до

ние Франции с XIV в. незначительно возросло и даже уменьшилось в некоторых районах» (стр. 110). Некоторые поддерживают эту точку зрения. Так, например, Люс (Lucé) пишет, что «население Франции в первой половине XIV в. было по крайней мере равно, а может быть даже несколько и превышало население современной Франции, если мы возьмем те части страны, которые тогда были населены, и исключим города» (см. его «Hist. de V du Gueslin», 1882 p 47; цит по Coultou, The medieval vantage, p. 441). Однако Coultou и Ripenne, на которого он ссылается, признают такую оценку сильно преувеличенной. Действительно, ставить на одну доску уровень сельскохозяйственного производства начала XIV в. и конца XIX в. — это весьма сомнительный прием. Историк Ланглуа (Langlois) также полагает, что население округов вокруг Парижа даже в самые лучшие времена средневековья нельзя сравнить с теперешним населением. Для 1467 г. Ланглуа насчитал лишь немного более одной восьмой современного количества (см. «Revue historique», 1905, p. 299 etc.; цит. по Coultou, The medieval vantage, p. 442).

¹ Белох дает несколько более высокий процент потерь населения от чумы (20—25%). Ковалевский же, вероятно, преувеличивает, когда говорит, что от чумы погибло от трети до половины населения Франции (см. Kowalewsky, Die oeconomiche Entwicklung Europas, B. V, S. 382).

1453 г. Эта война известна под названием Столетней войны, побившей всякие «рекорды» длительности.

Столетняя война велась англичанами на территории Франции. Вследствие этого влияние войны во Франции было очень значительно. Урон населению война принесла не столько в виде непосредственных военных потерь, сколько в результате общего расстройтва экономики и усиления феодальной эксплуатации крестьянства. Французское крестьянство, не выдержав гнета этой эксплуатации, восстало. Крестьянские волнения начались еще в 20-х годах XIV в., но особенно большие размеры они приняли в 1358 г., когда разразилась так называемая Жакерия; это восстание было вскоре подавлено, и феодалы свирепо расправились с крестьянством. Количество казненных достигало нескольких десятков тысяч только в первые недели после восстания. Подобные свирепые репрессии резко сказались на общей численности населения. Жакерия была не последним крестьянским восстанием. Конец XIV в. также отмечен восстаниями в городе и в деревне.

О том разорении, которое внесли чума, Столетняя война и восстания, можно судить, например, по следующим данным о числе очагов в округе Бокэ́р и Ним¹:

	Годы	Число очагов
	1328	102 268
перед	1345	92 017
	1345	75 783
около	1370	22 637
	1387	7 882

Хотя падение числа очагов вызвано не только уменьшением населения, но и освобождением части хозяйств от обложения, тем не менее общая картина сильного упадка видна достаточно отчетливо².

¹ «Histoire générale du Languedoc», t. IV, p. 305 etc., Paris 1742; цит. по Белухе в указанной статье о населении в средние века, стр. 413.

² Вообще XIV век для Франции был тяжелым. Это видно хотя бы из следующего списка (см. Robbins, The effects of the black death on the economic reorganization of France and England, «Journal of Political Econ.», 1928, VIII, p. 453).

Robbins заимствовала этот перечень из книги Levasseur, Les prix, p. 111 ff, 1893, и из книги: Délisle, Etude sur la condition de la classe agricole et l'état de l'agriculture en Normandie au moyen age (Paris, 1903), p. 639—641.

1304 г. — голод	1349—1351 гг. — чума	
1305 г. — »	1358—1359 гг. — голод	из-за необ-
1310 г. — »	рабочанных полей	
1315 г. — »	1360 г. — голод	
1316/17 г. — тяжелая зима	1363 г. — »	
1325 г. — засуха	1371 г. — тяжелая зима	
1330 г. — »	1374 г. — голод	
1334 г. — голод, большая смертность	1375 г. — »	
1342 г. — наводнение	1390 г. — »	
1344 г. — голод	1410 г. — »	

Лишь в конце XV в., в царствование Людовика XI, Франция обрела сравнительно спокойное состояние, которое, надо думать, привело к некоторому росту населения.

Теперь определим численность населения Франции к 1500 г. Если к 1328 г. оно равнялось примерно 18 млн. человек, к 1350 г.—примерно 15 млн., то сто лет спустя, т. е. в 1450 г., в период восстаний и войны с англичанами, численность населения Франции, вероятно, еще более сократилась. По исчислениям французских историков¹, население Франции к концу Столетней войны сократилось на треть по сравнению с тем числом, которое было до начала войны. Это дает вместо 18 млн. 12 млн. человек; более вероятно, пожалуй, цифра в 13—14 млн. человек к 1450 г. Зато в последние четыре десятилетия XV в. налицо был некоторый рост населения.

Исходя из этого, можно считать, что к 1500 г. население Франции составило около 15 млн. человек. Более точные исследования, исходящие из цифры населения в 1700 г. и динамики за 1500—1700 гг., привели нас к цифре населения в 15,5 млн. для 1500 г. (см. стр. 141, ч. III настоящей работы). Эту цифру следует сопоставить с 9 млн. в 1000 г. Таким образом, за полтысячи лет господства феодализма во Франции население даже не удвоилось. В среднем ежегодный темп роста в период 1000—1500 гг. равняется 0,11%, т. е. меньше, чем в Германии за тот же период.

Нам неизвестны какие-нибудь материалы о темпах роста населения Франции в тот период, которые можно было бы сопоставить с нашими. Единственно, о чем мы можем упомянуть, это о расчетах Белоха, дающего рост за 800—1300 гг. на 66%. Это дает 0,10% в год. В другом месте за период 1050—1350 гг. Белох исходит из роста в 50%; это дает 0,14% роста. Таким образом, наша цифра роста находится между двумя цифрами Белоха. Кроме того, интересно еще привести расчеты Моро де Жонэ, который для периода 500—1700 гг. определяет для Франции средний ежегодный прирост 1 на 1000, т. е. 0,1%². Этот процент недалек от нашего.

Говоря о темпах роста населения Франции в эпоху расцвета феодализма, отметим еще темп, вычисленный Итальянским статистическим институтом и опубликованный в «Трудах Римского демографического конгресса», том VII³.

В этих «Трудах» приводятся таблицы количества населения большинства стран мира за возможно более длинный исторический период. Помимо этих основных таблиц, приводятся еще средние ежегодные темпы роста населения, вычисленные на основе данных о численности населения, приведенных ранее.

¹ Fcville, Enquête sur l'habitation en France, v. II, p. 87; цит. по East, Hist. geogr. of Europe, p. 78.

² См. Moreau de Jonnés, Eléments de Statistique, 1856, p. 293.

³ Verhandlungen des Internationalen Kongresses für Bevölkerungsforschung», B. VII, табл. VII (все таблицы помещены после 285 стр.).

Кроме того, приведены таблицы коэффициентов брачности, рождаемости, смертности и естественного прироста.

В отношении Франции в таблицах приведены следующие, заимствованные из известного словаря Мэлхолла (Mulhall) данные о ранних годах: в 1328 г.— 10 млн., в 1515 г.— 14 млн., в 1599 г.¹ — 16 млн. человек. Цифра для 1328 г. слишком низка. Даже если взять Францию в границах той эпохи, то и тогда подобная оценка будет преуменьшенной: английские владения во Франции до начала Столетней войны захватывали лишь примерно 100-километровую полосу вдоль Бискайского залива на юге Франции (Бордо, Байонна). Для 1515 и 1599 гг. цифры Мэлхолла даны уже в других государственных границах. Это обстоятельство не допускает вычисления темпов, между тем Итальянским статистическим институтом они все же были вычислены и получены следующие цифры: для 1328—1515 гг.— 0,27%, а для 1515—1599 гг.— 0,17%. Как выяснилось после нашей проверки, даже арифметически эти темпы вычислены неверно: в первом случае мы получили не 0,27, а 0,18%. Из этого видно, что эти темпы ни в коем случае не могут быть использованы для проверки наших цифр.

В заключение сделаем попытку очертить динамику численности населения Франции в период X—XV вв. В период 1000—1328 гг. население Франции росло довольно равномерно. Правда, для XII в. имеются сведения о годах довольно большого голода (1123—1124, 1146, 1193—1196 гг.), которые отразились на росте населения.

Войн в XI—XIII вв., как мы уже указывали, было не очень много. Наибольший ущерб населению приносили многочисленные феодальные усобицы, которые при недостаточно сильной королевской власти достигали больших размеров. Однако с течением времени власть все в большей степени сосредоточивается в руках короля, феодальные усобицы затихают. В XIII в., при Людовике IX (1226—1270 гг.), на королевских землях войны между феодалами были запрещены, а в других областях Франции затруднены. В результате этого, а также менее частых голодовок XIII век был особенно значителен по росту населения. Максимум населения Франция в период 1000—1500 гг. достигла перед эпидемией «черной смерти». Вторично эту численность населения Франция достигла, надо думать, лишь в XVII в. Выше мы исчислили средний темп роста в 0,11%. Но в отдельные периоды темп роста был значительно более высокий (например, в 1250—1300 гг.). Зато два последних века дали не рост, а падение.

4. АНГЛИЯ

О населении Британии в первые века нашей эры весьма трудно сказать что-либо определенное. Приведем оценку населения Британии в эпоху римского завоевания, которую дают Коллин-

¹ Mulhall, Dictionary of Statistics, p. 445. В «Трудах Римского демографического конгресса» (т. VII) — опечатка, напечатано 1519 г.

вуд (Collingwood) и Майрс (Myres)¹. Основываясь на числе городов и деревень той эпохи, они приходят к выводу, что население романизированной части Британии составляло 500 тыс. человек, а население нероманизированной части — тоже 500 тыс. Итого для Британии они дают 1 млн. человек, добавляя при этом, что эта цифра «не очень далека от истины». Дополнительной характеристикой численности населения в ту эпоху может служить тот факт, что одних римских легионеров в Британии было 40 тыс. человек². Уже одно это число римских войск говорит о сравнительно большом населении острова.

При определении населения Англии к начальному периоду эпохи феодализма мы оказываемся в более выгодном положении по сравнению с тем, в котором находились при определении населения Германии и Франции. Вместо прикидок и оценок по Англии мы имеем документ огромного историко-статистического значения: перепись Вильгельма Завоевателя.

Известно, что в 1066 г. нормандский герцог Вильгельм высадился с войском у берегов Англии с намерением покорить эту страну; в ту эпоху Англию населяли англо-саксы, за несколько веков до этого переселившиеся на острова с европейского континента. Англо-саксы не смогли оказать Вильгельму должного сопротивления; в битве при Гастингсе они были разбиты, Лондон вскоре сдался добровольно, и в конце 1066 г. Вильгельм был коронован как английский король. Последовавшие вслед за этим годы были годами кровавого усмирения свободного англо-саксонского крестьянства, которое не желало подчиняться нормандским феодалам. После того как Вильгельм подавил крестьянское восстание и добился всеобщего подчинения, перед ним встала задача создания основ нового государственного строя. Но для Вильгельма Англия была совершенно чужой страной, он не знал ни ее населения, ни ее имущества, ни ее богатств. Вследствие этого ему трудно было производить обложение, определять свои военные ресурсы и т. д. Необходимость познания завоеванной страны и привела его к мысли об организации всеобщего поземельного кадастра, нечто вроде поземельной переписи. Эта перепись и была осуществлена в 1083—1086 гг., т. е. спустя всего 16—20 лет после завоевания.

Перепись официально имела название «*Liber iudiciarius sen sensualis Willelmi I regis Anglice*», но впоследствии получила известность под названием «Книги страшного суда» («*Domesday Book*»). Перепись производилась путем опроса выборных от населения на собрании окружных судов. Круг вопросов, включенных в перепись, был очень велик. Но с точки зрения численности населения нас интересует лишь один из них — число хозяйств. Так как и эта перепись исходила из похозяйственного

¹ См. их книгу «*Roman Britain and the English settlements*», Oxford 1937, p. 180.

² *Ibid*, p. 181.

принципа, то мы опять вынуждены вводить некоторые множители, чтобы перейти к численности населения.

«Книга страшного суда» дает следующие сведения о числе хозяйств, или семейств¹:

Распределение хозяйств в Англии в 1086 г. по «Книге страшного суда»

	Число хозяйств
Вассалы короля	1 400
Феодалы, подчиненные другим феодалам	7 871
Полнонадельные крестьяне	108 456
Мелкие крестьяне	89 977
Свободные крестьяне, пользующиеся землей при паличии определенных ограничений	23 090
Свободные граждане (главным образом рыцари)	12 384
Рабы	25 156
Священники	995
Прочие (французы, жители Уэльса, рыболовы, рабочие соляных промыслов, нищие)	13 913
Итого	283 242

При использовании материалов «Книги» возникает весьма важный вопрос о степени широты географического охвата при этой переписи. Имеются указания, что она не коснулась всей Англии. Прежде всего вне учета остались Лондон, Винчестер и другие города. Затем, не подверглись учету четыре разоренных в ту эпоху графства: Нортумберланд, Кумберланд, Вестморланд и Дэрхам. Вся остальная территория, повидимому, была учтена полностью.

Возникает вопрос, каков же удельный вес неучтенной территории? Белох указывает, что 300 лет спустя в первых трех указанных графствах было 70 тыс. человек, а в Лондоне 40—50 тыс. жителей. Роджерс (Rogers) говорит даже, что в Лондоне было всего 35 тыс. человек. Кроме того, известно, что в Англии в XIV в. было еще всего пять городов свыше 5 тыс. жителей: Йорк (11 тыс.), Бристоль (9,5 тыс.), Ковентри (7 тыс.), Норвич (6 тыс.) и Линкольн (5 тыс. человек). Всего для неучтенной территории Белох принимает одну пятнадцатую общего итога, т. е. 6,7%; другими словами, учтенная территория составляет 93,3%.

Совсем иначе определяет этот процент Инама-Штернегг. В своей статье «Bevolkungswesen»² он пишет следующее: «Данные «Книги страшного суда» распространяются на обрабатываемую площадь в 5 млн. акров, а это составляет по крайней мере 35% всей земли». На следующей странице он повторяет это утверждение, повышая процент охвата с 35 до 40. Таким образом, по Инама-Штернеггу, все материалы «Книги страшного

¹ Нижеприведенная таблица составлена на основе следующих источников а) Inama-Sternegg, Die Bevölkerung des Mittelalters «Handwörterbuch d Staatswissenschaften», 1924, 4 Aufl, B 2, S 678, б) Inman, Domesday and Feudal Statistics, 1900, p 2, в) L Brentano, Eine Geschichte der wirtschaftlichen Entwicklung Englands, 1917, B. I, S. 127—128.

² «Handwörterbuch der Staatswissenschaften», B. II, S 678.

суда» надо увеличить в 2,5 раза, чтобы получить итоги для всей Англии.

Таким образом, в оценке полноты охвата получается резкое расхождение: по Белоху — 93%, по Инама — 35—40%. Кто из них прав?

Более тщательное изучение этого вопроса заставляет считать правильным расчет Белоха, а не Инама-Штернегга. Действительно, на каком основании Инама говорит о 35—40%? Почему он считает, что 5 млн. акров — это 35% всей земли? Разве ему известна площадь всей обрабатываемой земли в Англии в 1086 г.? Нет, такая величина ему не была известна и не могла быть известна. Ему известна только территория всей Англии, но эта величина не сопоставима с 5 млн. акров по «Книге страшного суда». Кроме того, Инама, возможно, не учел того, что значительная часть земли, находившаяся под паром, оказалась неучтенной в 1086 г. Крупный авторитет по «Книге страшного суда» Мэйтлэнд (Maitland) указывает, что в ту эпоху было одинаково развито двухпольное и трехпольное хозяйство. А из этого следует, что 5 млн. акров посевной площади требует 9 млн. акров пашни¹. Если бы Инама вместо 5 млн. акров взял 9 млн, то удельный вес учтенной площади следовало бы увеличить чуть ли не вдвое!

Между тем цифра в 9 млн. акров пашни вполне согласуется с цифрами XVII в. Грегори Кинг в самом конце XVII в. определял размеры пашни в Англии и Уэльсе в 11 млн. акров².

Различные историки Англии, касавшиеся вопроса о полноте учета по «Книге страшного суда», говорят только о пропущенных графствах, упомянутых выше. Но эти графства с городами вместе вряд ли составляли больше одной десятой. Даже если четыре графства взять просто по сравнению с количеством остальных 40, то и тогда получится одна одиннадцатая. Историк статистики Ион (John), который довольно подробно разбирает «Книгу страшного суда», также нигде не говорит о большом недоучете.

Мэйтлэнд в своем классическом труде о «Книге страшного суда» также ничего не говорит о недоучете. Он приводит данные о количестве семей по отдельным графствам и сопоставляет их с современной территорией этих графств; делением количества акров современной территории на количество семей по «Книге страшного суда» Мэйтлэнд получает количество акров всей территории на одну семью, т. е. показатель, обратный плотности населения. Исчисление показателей плотности говорит о том, что Мэйтлэнд считает данные по указанным графствам исчерпывающими. Об этом говорит и его сопоставление с пахотной площадью 1895 г. Приведем эти данные по 12 графствам³.

¹ См. Maitland, *Domesday Book and beyond*, Cambridge, 1897, p. 437.

² См. Арнольд Тойнби, *Промышленный переворот в Англии в XVIII в.*, 1897, стр. 24.

³ Maitland, *op. cit.*, p. 435.

Пахотная площадь по 12 графствам Англии в 1086 и 1895 гг (в тыс акров)

Графства	Пахотная площадь в 1086 г.	Пахотная площадь в 1895 г.	Вся территория современного графства
Суссекс (Sussex)	371	298	933
Сэррей (Surrey)	141	133	461
Беркшайр (Berkshire)	251	204	462
Дорсет (Dorset)	280	188	632
Сомерсет (Somerset)	577	207	1 042
Девон (Devon)	957	581	1 667
Букингам (Buckingham)	269	165	476
Оксфорд (Oxford)	317	228	485
Глостер (Gloucester)	589	269	797
Бэдфорд (Bedford)	187	155	298
Нортхэмптон (Northampton)	352	215	640
Линкольн (Lincoln)	605	1 017	1 695

По большинству графств пахотная площадь за 900 лет сократилась; это объясняется тем, что значительная часть пашни теперь стала пастбищем для скота. Однако сопоставление пахотной площади 1086 г. со всей современной территорией графства показывает, что «Книга страшного суда» охватывала, по всей вероятности, всю обрабатываемую площадь того времени. О том, что охват «Книгой страшного суда» равен двум пятым всей Англии, у Мэйтленда нет никаких указаний. Более того, Мэйтленд исчисляет численность населения Англии этого времени, не вводя никаких поправок на недоучет. Свое исчисление он сопровождает следующей сноской: «В то время как историки-экономисты могут все же спорить, была ли численность населения Англии в 1346 г. равна 5 млн. или только 2,5 млн. (C u n n i n g h a m, English Industry, I, p. 304), споры о 1085 г. неуместны»¹. Из этого явствует, что исчисленную им цифру количества населения для Англии Мэйтленд считает достаточно надежной и вовсе не требующей увеличения в 2,5—3 раза, на чем настаивает Инама-Штернегг.

Другой английский историк, Инман (Inman)², также касается вопроса об учете населения по «Книге страшного суда». Инман указывает на возможность недоучета населения в части западного Йоркшира и во всем северном Ланкашире. Однако он тут же указывает на случаи повторного учета населения. Он вовсе не считает, что данные «Книги страшного суда» надо увеличить в 2,5 раза. Кстати отметим, что и сам Инама не увеличивает исходную цифру (1,2 млн. человек) в 2,5 раза. Это привело бы его к 3 млн. человек, а он называет лишь 2,5 млн., но и эта цифра резко преувеличена.

¹ Maitland, op. cit., p. 437

² Inman, op. cit., p. 5.

Все же можно, пожалуй, признать, что недоучет по «Книге страшного суда» был, вероятно, более значительным, чем предполагал Белох; конечно, вполне возможны случаи пропусков и помимо четырех графств, опущенных полностью. Историк Англии Лаппенберг (Lappenberg)¹ говорит о пяти графствах, в которых не было произведено переписи, причем он указывает их площадь: 334 кв. мили по сравнению с 2743 милями для всей Англии. Таким образом, по территории неучтенные районы составили около 12%, по населению они составили, вероятно, не более 10%, если учесть, что пропущенные графства находились в разоренном состоянии. Население городов составляло около 3—4%; если мы примем во внимание некоторый недоучет даже в районах переписи, то в общем можно считать, что следует сделать накидку в 20%.

Дальше возникает необходимость в определении числа душ на семью. Ушер исходит из шести человек, Белох — из пяти, Инама — из четырех. Мэйтлэнд также касается вопроса о выборе множителя. Он указывает на необходимость учесть, что «вокруг каждого большого монастыря группировалось много ремесленников, слуг и бедняков, которые, как общее правило, не были переписаны присяжными. Мы должны также вспомнить монахов, монахинь и каноников и большие хозяйства баронов и прелатов. Далее, ни в коем случае не могло быть, чтобы при высокой детской смертности семейство обычного виллана было в среднем больше, чем семейство современного крестьянина или ремесленника, хотя кровные узы были сильнее, чем в настоящее время. Женатые братья с женами и детьми довольно часто жили в одном доме и могли быть записаны как одно хозяйство, потому что они владели нераздельным наследством. С другой стороны, мы имеем основания предполагать, что в восточных деревнях многие мужчины были учтены более чем один раз»².

Исходя из этого, Мэйтлэнд принимает цифру в 5 человек на семью, но сам не уверен в правильности этого, ставя это в виде вопроса. Он пишет так: «Должны ли мы на этом основании множить записанное количество семей на 5?»³. Мы берем 5, полагая, что такая цифра будет, пожалуй, более верной.

Теперь сопоставим различные расчеты на основе «Книги страшного суда» (см. стр. 50—51).

Более наглядно эти юенки можно представить в виде оживы (см. рис. 1, стр. 52).

Остается только пожалеть, что даже такой, казалось бы, надежный материал, как перепись 1086 г., дает значительные колебания в определении численности населения. Максимальная оценка Инама-Штернега более чем в 2 раза превышает минимальную Баллода и Шмоллера. Однако к оценкам Инама мы

¹ Lappenberg, Geschichte von England, Hamburg 1837, B. II, p. 153.

² Maitland, op. cit., p. 437.

³ Ibidem, p. 437.

Различные варианты расчетов населения Англии к 1086 г. на основе «Книги страшного суда»

№№ по пор.	Автор	Название книги	Количество семей	Число цело- век на семью	Учтенное население (в тыс.)	Поправка на недоучет	Всего (в тыс.)
1	Ballod	«Grundriss der Statistik», S. 14	—	—	—	—	едва 1 200
2	Beloch	«Die Bevölkerung Europas im Mittelalter.» «Z. f. Soz. Wiss.», 1900, S. 408—409	283	5	1 400	+ 1/14	1 500
3	Brentano	«Eine Geschichte d. wirtsch. Entwicklung Englands», B. I, Jena 1927, S. 128	300	5	1 500	—	1 500
4	Brodnitz	«Englische Wirtschaftsgeschichte», S. 61	—	—	—	—	1 500
5	Haushofer	«Bevölkerungslehre», S. 10	—	—	—	—	1 200
6	Hesse	«Wörterbuch d. Volkswirtschaft», B. III, S. 386 . .	300	4	1 200	+ более 100%	2 500
7	Inama-Sternegg	«Handwörterbuch d. Staatswissenschaften», B. II, S. 678—679	300	4	1 200	+ более 100%	2 500
8	Inman	«Domesday and Feudal Statistics», p. 5	283	—	—	—	1 800
9	Kötzschke	«Allgemeine Wirtschaftsgeschichte», S. 341 . . .	283	—	—	—	1 500
10	Lappenberg	«Geschichte v. England», Hamburg 1837, B. II, S. 153	283	—	—	—	2 000
11	Luzzato	«Enciclopedia italiana», v. 27, p. 1916	300	4—4,5	—	—	1 200—1 350
12	Mac Culloch	«A description and statistical account of the British Empire», v. 1, p. 396	301	5	1 505	645 тыс. чел.	2 150

№№ по пор.	Автор	Название книги	Количество семей	Число чел.- век на семью	Ученное население (в тыс.)	Поправка на недоучет	Всего (в тыс.)
13	Maitland	«Domesday book and beyond», p. 437	275	5	1 375	—	1 375
14	Mulhall	«Dictionary of Statistics», p. 444	—	—	—	—	2 150
15	Prinzing	«Das Bevölkerungsgesetz», «Allg. Stat. Arch.», B. 6, Halbband II, S. 15	—	—	—	—	1 500
16	Rabinovicz L.	«Le problème de la population en France», Paris 1929, p. 118	283	—	—	—	1 800
17	Schmoller	«Grundriss d. allg. Volkswirtschaftslehre», Teil I, 1908, S. 171	—	—	—	—	1 200
18	Seebohm	«Fortnightly Review», v. VII, New series	—	—	—	—	2 000
19	Steffen	«Studien zur Geschichte der englischen Lohnarbeiter mit besonderer Berücksichtigung der Veränderungen ihrer Lebenshaltung», Stuttgart 1901, B. I, S. 463	—	—	—	—	2 000—2 500
20	Trevelyan	«History of England», 1937, p. 148	—	—	—	—	1 250—1 500
21	Turner	«History of Anglo-Saxons», 5 ed., v. III, p. 258	—	—	—	—	свыше 2 000
22	Usher	«An introduction to the industrial history of England», 1921, p. 93—94	283	6	1 698	102 тыс. чел.	1 800
23	Наш расчет	—	283	5	1 415	+20%	1 700

Примечание: Расхождения в оценках населения Англии по «Книге страшного суда» объясняются частично также и тем, что некоторые авторы, вероятно, подразумевали Англию вместе с Уэльсом.

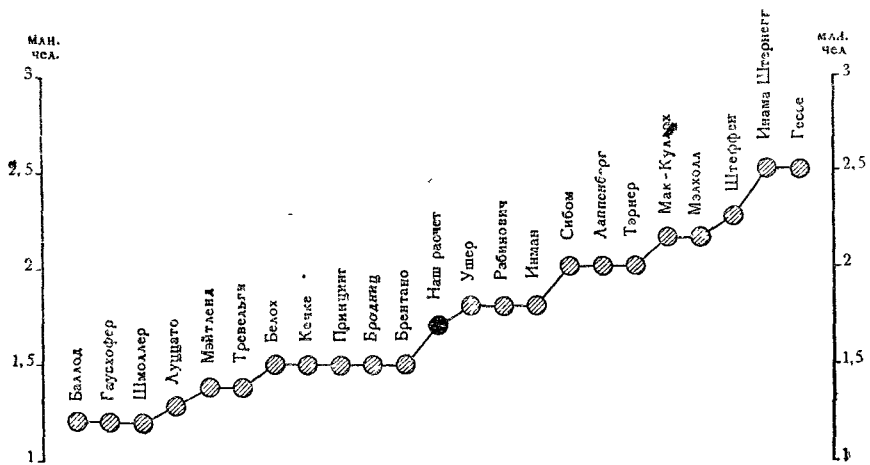

Рис. 1. Численность населения Англии в 1086 г. по оценкам и расчетам различных ученых

должны отнестись критически, по соображениям, уже приводившимся выше. Предположение Инама о 35—40-процентном охвате переписью должно быть отвергнуто; в самом деле, почему бы Вильгельму, с такой решительностью взявшемуся за это дело (а надо сказать, что сопротивление феодалов и крестьян было очень велико), ограничиться лишь третью покорившейся ему страны? Ведь ему же нужны были не «структурные показатели», а абсолютные данные, необходимые для закрепления феодальной эксплуатации народных масс.

Итак, мы считаем, что в 1086 г. собственно Англия, т. е. без Уэльса, Шотландии и Ирландии, имела около 1 700 тыс. жителей, что дает 43 человек на 1 км². Этот уровень плотности весьма хорошо согласуется с экономическим строем тогдашней Англии по сравнению с Германией, Италией (см. ниже) и другими странами. Кстати отметим, что наш расчет является медианой в ряду всех других.

Теперь нам осталось еще передвинуть цифру населения с 1086 на 1000 г. На протяжении 1000—1086 гг., по всей вероятности, имел место некоторый прирост населения. Например, Гнайст (Gneist)¹ указывает, что при короле Эдуарде Исповеднике число семейств было 258 тыс. по сравнению с 283 тыс. во время короля Вильгельма. Данные об этом взяты из той же «Книги страшного суда», так как в ней собирались сведения и за прошлое время. Получается рост на 10% за 30—40 лет; так как при учете числа хозяйств в 1083—1086 гг. на прежнее время бесспорно имел место недоучет, то правильнее будет этот прирост принять для всего периода 1000—1086 гг. Получаем 1,5 млн. че-

¹ «Englisches Verwaltungsrecht», В. I, Berlin 1867, S. 118.

ловек; прирост в 200 тыс. человек за 86 лет может показаться малым, но стоит только вспомнить о кровавом завоевании Англии, чтобы понять, какой ущерб в людях это означает.

«Книга страшного суда» не является единственным демографическим памятником феодальной Англии. Спустя почти три века¹ после нее в Англии был введен подушный налог (poll tax). Введение этого налога потребовало сведений о численности всего подлежащего обложению населения, т. е. старше 14 лет.

Результаты этого учета были следующие: 1 376 442 человека светских и 29 161 духовных, всего 1 405 603 человека². Возникает вопрос: какую долю во всем населении составляют дети до 14 лет? При отсутствии данных о возрастной структуре средневекового населения очень трудно дать на это сколько-нибудь точный ответ.

В Англии в 1841 г. впервые в истории этой страны были получены сведения о возрастном составе; тогда на лиц до 14 лет приходилось 35% всего населения. Можно ли этот процент принять и для средневековой Англии? Структура населения в 1841 г. значительно отличалась от структуры в 1377 г. Во-первых, воспроизводство населения в 1841 г. было гораздо сильнее, чем в 1377 г. Это давало больший процент молодых возрастов в 1841 г., нежели в 1377 г. С другой стороны, низкая продолжительность жизни увеличивает удельный вес молодых возрастов. В Индии, например, в 1931 г. было 40% населения моложе 15 лет. Исходя из этого, мы считали бы правильным принять для 1377 г. 35%, полагая, что одно компенсирует другое. Отметим, что Белох исходит из трети³, а Инама тоже упоминает о трети, но, правда, неизвестно, идет ли речь у него о трети всего населения или же о трети населения старше 14 лет;

¹ Была попытка определить численность населения Англии к концу XII в. Эта бесславная попытка принадлежит французу Полю Фабру (Fabre) из Лилля. На основании данных о числе плательщиков специального налога в пользу римского папы (48 тыс. человек) и полагая, что число остальных семейств в 5 раз больше, т. е. 240 тыс. человек, он получает 288 тыс. домов. Считая на каждый дом 10 человек, он определяет численность населения Англии к 1164 г. в 2 880 тыс. душ. Трудно придумать более произвольный и условный расчет! См. его статью «Eine Nachricht über die Bevölkerungsziffer Englands zu Zeiten Heinrichs II», «Zeitschrift f. soz. u. wirtsch. Geschichte», 1893, В. I, S. 149—153. Об этом «исчислении» см. также у Liberman, English Historical Review, XI, p. 746. Некоторые сведения о росте населения приводит Бродниц по округу Сан-Поль; в нем в 1086 г. было 500 человек, а в 1222 г. — уже 1 300 (см. его «Englische Wirtschaftsgeschichte», S. 61).

² У Мак Куллоха («Statistical account of the British Empire», 1854, т. I, p. 396) приводится цифра 1 367 239 человек.

³ Несколько лет ранее Белох давал иные цифры. В своей статье «Zur Bevölkerungsgeschichte des Altertums» («Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik», 1897, В. 13, Н. 3, S. 337) он пишет, что в условиях стационарного населения лица до 17 лет составляют 30% всего населения, а в условиях роста населения (например, в Греции, Италии в эпоху расцвета) — 35%. Ясно, что если речь идет не о 17, а о 14 годах, то эти проценты должны были быть еще более снижены.

из арифметических расчетов видно, пожалуй, что он берет треть всего населения.

Далее, нужно еще сделать поправку на неимущее население, не подлежащее обложению. Белох здесь оперирует 20% прибавки, а Инама считает, что необлагаемое население уже учтено при прибавке одной трети. Не имея каких-либо других материалов, будем считать недоучет в размере 15%.

Наконец, нужно еще учесть, что графства Честер и Дэрхам облагались другим способом и в сводку не включены. Так как эти графства составляли лишь 5 тыс. км², то, принимая для них плотность в 20 человек на 1 км², получаем, следуя Белоху, 100 тыс. человек.

Сопоставим имеющиеся у нас варианты расчета населения Англии на основе налога 1377 г.:

Различные варианты расчетов населения Англии на основе подушного налога 1377 г.

№№ по порядку	Источники	Отправная цифра числа жителей старше 14 лет (в тыс.)	Удельный вес населения до 14 лет (в %)	Поправка		Всего (в тыс. человек)
				на необложное население (в %)	на графства Честер и Дэрхам (в тыс. человек)	
1	2	3	4	5	6	7
1	Ballod (op. cit., S. 20)	—	—	—	—	2 500
2	Beloch (op. cit., S. 409—410)	1 406	33,3	+ 20	+ 100	2 600
3	Chalmers (см. Denton, England in the Fifteenth Century p. 130)	—	} + 50	—	—	2 353
4	Inama-Sternegg (op. cit., S. 679)	1 500		—	—	почти 2 500
5	Inman (op. cit., p. 121)	—	—	—	—	2 380
6	«Jahrb. f. Nationalök. u. Stat.» (1864, B. 2, S. 472—473)	1 367	33,3	+ 10	—	3 069 ¹
7	Mulhall (op. cit., p. 444)	—	—	—	—	2 360
8	Prunzing (op. cit., S. 15)	—	—	—	—	2 500
9	Rogers («Econ. Interp. of History», p. 157)	1 500	33,3	162 тыс. человек	—	2 500
10	Schmoller (op. cit., S. 171)	—	—	—	—	2 500
11	Thorham (Annals of Commerce, v. 1, p. 583—584; цит. по Denton, op. cit., p. 130)	—	—	—	—	2 500
12	Usher (op. cit., p. 89, 94)	—	33,3	+ 20	—	2 500
13	Наш расчет	1 400	35,0	+ 20	+ 100	2 700

На этот раз расхождение между отдельными расчетами совсем невелико. Это придает полученным цифрам большую достоверность.

Итак, население Англии к концу XIV в. составило примерно 2,7 млн. человек. Но надо учесть, что всего 30 лет до этого

¹ Вторая цифра (3 069) дана Инманом с учетом того, что часть холостых старше 14 лет ускользнула от обложения.

в Англии была эпидемия «черной смерти»; для Англии эта эпидемия была особенно чувствительна.

Эпидемия чумы проникла в Англию в августе 1348 г. 1 августа чума появилась в портовом городе Мелькомб (графство Дорсет), затем она распространилась на север к Бристолу, которого достигла к концу августа. Далее она пошла на восток, захватила Оксфорд и 1 ноября достигла Лондона. Через два месяца эпидемия достигла восточного берега Англии (Норвича) и затем распространилась на все Британские острова.

Потери человеческих жизней от этой эпидемии были очень велики. Правда, и по Англии трудно дать сколько-нибудь точную цифру потерь. Современники той эпохи размеры эпидемии значительно преувеличили. Так, например, говорилось, что в Норвиче в 1349 г. погибло 53 374 человека. Несмотря на кажущуюся точность, эта цифра совершенно неправдоподобна, ибо, как указывает Роджерс, число жителей Норвича и даже графства Норфолк было в 2 раза меньше этой цифры. Более надежные сведения оставил Найтон (Knighton), который был каноником в Лестере и жил некоторое время после этих событий. Он исчислил, что смертность в трех приходах Лестера составила 1 480 человек, что дает менее половины населения.

Возникает вопрос: каково же было население Англии до эпидемии? По этому поводу существуют большие разногласия. Некоторые авторы, например Сибом (Seebohm), дают такой расчет: население Англии к 1377 г. равнялось 2,5 млн., за период 1349—1377 гг. никакого роста населения не происходило, эпидемия унесла половину всего населения, следовательно, в Англии до эпидемии было 5 млн. человек. Другие авторы (например Инман) склоняются к цифре в 4 млн. человек.

Однако надо думать, что как та, так и другая цифры преувеличены. Роджерс справедливо указывает, что уровень сельскохозяйственной техники в Англии того времени не был настолько велик, чтобы прокормить такое население.

Роджерс пришел к выводу, что с момента вступления на престол Эдуарда III (1327 г.) до конца XVI в. средняя продукция пшеницы в Англии и Уэльсе составляла 2,5 млн. кварталов. Считая квартал на человека, он полагал, что население Англии и Уэльса составляло 2,5 млн. человек¹. В другом месте Роджерс высказывается еще более категорически: «Население Англии и Уэльса с начала экономической истории до конца XVI столетия ни когда (разрядка наша.— Б. У.) не превышало 2,5 млн. человек, а часто было даже меньше этой цифры»². Каультон (Coulton) также полагает, что Роджерс, оценивавший население в 2,5 млн. человек, гораздо ближе к истине, чем Сибом. Действительно, цифра в 5 млн. является маловероятной. Для доказательства этого можно воспользоваться податными списками

¹ См. Rogers, *Economic interpretation of History*, p. 53.

² *Ibidem*, p. 157.

1327 г. Эти списки не настолько полны и совершенны, чтобы по ним можно было дать картину численности населения Англии в целом к 1327 г, но они все же могут быть использованы для того, чтобы показать нереальность цифр в 4—5 млн. жителей для Англии до эпидемии чумы.

По пяти графствам сопоставление податных списков 1327 и 1377 гг. дает такой результат¹:

Сопоставление податных списков 1377 г со списками 1327 г по пяти графствам

Графства	1327 г	1377 г
	человек	
Лестер	26 826	50 760
Стаффорд	21 712	35 982
Сомерсет	62 814	87 072
Суссекс	43 278	58 310
Вустер	28 098	25 758
Итого	182 728	257 882

Конечно, сопоставление очень условно: число жителей в 1327 г. получено Ушером путем умножения числа хозяйств на 6. Такой коэффициент он избрал, основываясь на работе Поуэлла (Powell) по графству Суффолк (он исследовал податные списки этого графства в 1283 г); большой размер этого коэффициента (вместо обычных 5—4) объясняется тем, что в податные списки самые бедные семейства не включались.

Даже если недоучет бедного населения был больше, чем это предполагают Поуэлл и Ушер, мы ни в коем случае не можем сказать, что в 1327 г население этих графств было в 2 раза больше, чем в 1377 г, как это получается по Сибому².

Ушер впадает в другую крайность. На основе податных списков 1327 г. он определяет население Англии в 2 025 тыс., а к 1377 г в 2 500 тыс. Получается так, как будто бы никакой эпидемии не было, население, по Ушеру, растет, и растет довольно сильно. С этим также трудно согласиться.

Если предположить, что к 1377 г. население Англии составило 2,7 млн, то вероятно, что за 28 лет после эпидемии оно несколько возросло. Можно считать, что этот рост составил примерно 400 тыс. человек, считая 0,5% в год. Тогда население к концу эпидемии составит 2,3 млн. человек. Если считать, что уцелело примерно 70% всего населения, то получим, что перед эпидемией насчитывалось около 3,3 млн человек. За 1327—

¹ См Usher, An introduction to the industrial history of England, p 94

² Некоторые авторы пытаются поддерживать Сибому Так, например, Дэвенпорт (Davenport) в своем исследовании о норфолькском мэноре также высказывает взгляд, что «в течение 1376—1566 гг. население мэнора было почти в 2 раза меньше, чем в начале XIV столетия» (Davenport A Norfolk manor 1086—1565, p. 105) Однако, во-первых, Дэвенпорт исходит из косвенных показателей (часть пустующих домов и т. д.), во-вторых, этот район мог быть вовсе не характерным для Англии в целом.

1348 г. население несколько возросло, поэтому для 1327 г. можно принять население в 3 млн. человек; цифра Ушера в 2 250 тыс для этой же даты, по нашему мнению, слишком низка.

Предположение историков о том, что в Англии половина населения погибла от чумы, является преувеличенным¹. Однако о том, что «черная смерть» вызвала значительное и очень чувствительное сокращение населения, можно судить хотя бы по экономическим показателям после эпидемии. Этот период характеризуется крайним недостатком рабочих рук, приведшим к резкому повышению цен на них². Со всех сторон слышны были жалобы на отсутствие сельскохозяйственных рабочих. Во многих районах хлеб погиб на полях, так как некому было его убирать. Некоторые современники исчисляли, что около трети всей земли оставалось невозделанной. На сельскохозяйственные работы посылали женщин и детей. Правительство вступило на путь законодательных мероприятий, ограничивающих зарплату сельскохозяйственных рабочих. Все это говорит за то, что население Англии действительно сократилось на заметную величину. Следуя более осторожным расчетам экономистов, а не историков, мы будем считать, что доля погибшего населения простиралась до трети, но никак не более. В общем, можно предположить, что население Англии в результате эпидемии сократилось на 1 млн. человек. Примерно такое же понижение дает Штеффен (Steffen), тщательно исследовавший историю английского рабочего класса. Штеффен полагает, что в 1348 г. (до чумы) население Англии составляло 3,5—4 млн., а в 1349 г. (после чумы) — 2,5 млн.³

Некоторые демографы склонны считать убыль населения еще меньшей. Карр-Саундерс⁴, например, пишет, что «кажется вполне

¹ О том, что чума сократила население вдвое, говорят Кэннингем (Cunningham), Сибом, Крейтон (Creighton), Гаске (Gasquet), Пэдж (Page), а Дентон (Denton) считает, что погибло еще больше. Академик Петрушевский также полагает, что чума уменьшила население Англии «едва ли меньше чем на половину» (Петрушевский, Восстание Уота Тайлера, Соц. эжигз, М 1937, изд 4-е, стр 244). При этом он добавляет в своих примечаниях «К этому выводу склоняются все исследователи, изучавшие Черную смерть 1348—1349 гг, и он теперь может считаться общепринятым в исторической литературе» (стр. 456) Однако историки, определяя в таком проценте убыль населения, ничем его не подтвердили Между тем легче это опровергнуть, чем подтвердить Если, по словам Роджерса, среднее ежегодное производство пшеницы в XIII—XVI вв составляло 2,5 млн кварталов, то откуда могли появиться 5 млн кварталов пшеницы, которые потребовались бы для прокормления вдвое большего населения Англии и Уэльса? Кроме того, если исходить из падения численности населения вдвое, то темпы роста в последующие столетие получаются слишком высокими, что также мало правдоподобно

² Стоимость обмолота пшеницы увеличилась на 33%, овса — на 85%, цена на женский труд возросла в 2—3 раза См Roge is, Economic interpretation of History, 9 ed, 1921, p. 17.

³ См. Steffen, Studien zur Geschichte der englischen Lohnarbeiter, В I, S. 463.

⁴ См. указанную статью в семитомнике «European civilisation», v V, p 330.

основательным предположить, что население в 1300 г. было приблизительно такое же, как и в 1377 г.», а Белох¹ считает даже, что уже к 1377 г. население почти полностью возместило убыль от эпидемии «черной смерти».

В соответствии с высказанными предположениями динамика населения Англии в XIV в. может быть представлена в следующих цифрах (в тыс.):

Годы	Годы
1300 2 800	1350 2 300
1327 3 000	1377 2 700
1348 3 300	1400 2 800

Получается, таким образом, что за столетие в целом население Англии не возросло. Это находится в соответствии с фактами экономической и политической жизни Англии. Действительно, XIV век был весьма неблагоприятным. Об этом можно судить, например, из следующего списка²:

1315—1316 гг.	— голод, пшеница — 15 — 16 шилл. за квартал (в 3 — 4 раза выше обычного уровня цен)
1321 г.	— полуголодный год, пшеница — 11 шилл. (в 2 раза выше обычного уровня цен)
1325 »	— всеобщая засуха,
1331 »	— засуха
1344 »	— ,
1348—1349 гг.	— «черная смерть»
1351 г.	— всеобщий голод, пшеница — 10 шилл. (в 2 раза выше обычного)
1361—1362 гг.	— засуха
1369 г.	— голод, пшеница — 11 шилл. 10 пенс. (в 2 раза выше обычного)
1374 »	— засуха
1377 »	— ,

Последняя четверть XIV в. не была благоприятной для роста населения. В 1381 г. разразилось знаменитое восстание английского крестьянства под руководством кровельщика Уота Тайлера. Это восстание было крайне жестоко подавлено; огромное количество крестьян было казнено, вся страна покрылась виселицами. Тем не менее восстание сыграло большую роль: оно подорвало основы феодальной эксплуатации, английское крестьянство постепенно начинает выходить из крепостного состояния.

XV век в истории Англии ознаменовался продолжением войны с Францией и междоусобной войной Алой и Белой Роз. Эти войны оказали, конечно, значительное влияние на динамику населения. Английский историк Дентон³, специально занимавшийся XV веком, оценивает ущерб от войны Роз «не меньше чем в размере 10% населения». Некоторые с этим не соглашаются. Роджерс, например, полагает, что от войны Роз пострадало, глав-

¹ См. его статью о населении Европы в средние века, стр. 410.

² См. Thompson, op. cit., p. 380—381.

³ См. Denton, op. cit., p. 115—116. При этом он указывает, что одних солдат было убито 84 998 (это составит 3—4% населения).

ным образом, дворянство, участвовавшее в ней со своими людьми. Крестьянство же от этой войны, по мнению Роджерса, особенно не страдало. Бродниц (Brodnitz) также соглашается с тем, что оценка Дентона несколько преувеличена, добавляя при этом, что «во всяком случае бесследно война не прошла»¹.

Однако независимо от степени влияния войны Роз на динамику населения нам важно здесь подчеркнуть, что XV век для Англии — это век начавшегося крушения феодальных отношений и в то же время век развития промышленности. Это сказалось в некотором улучшении положения рабочих. Маркс в «Капитале» называет XV век золотым веком «для английского рабочего в городе и деревне». Доказательством правильности мысли Маркса может служить следующая диаграмма², из которой виден рост реальной зарплаты в XV в. (рис. 2).

Автор работы по истории английского наемного труда Штеффен, ссылаясь на указания хроникеров того времени, считает, что в XV в. население Англии росло много медленнее, чем в 1350—1400 и 1550—1650 гг. Учитывая войну Роз, можно предположить, что в это столетие население возросло примерно на 10%. Это приводит нас к цифре 3,1 млн. человек для Англии в 1500 г. В III части нашей работы мы также исчислили население Англии к 1500 г., идя от цифры 1700 г.; там мы пришли к цифре в 3,3 млн. человек; эту цифру мы и положили в основу дальнейших расчетов, хотя при этом получается, что XV век дал почти 20% роста.

Некоторые историки представляют себе динамику населения Англии за этот период в несколько ином свете. Бродниц, например, полагает, что в XV в. никакого роста населения не было. Говоря о XV в., он пишет следующее: «Объективно можно установить во всяком случае, что важнейший фактор экономического прогресса никакого благоприятного развития не обнаружил: население после чумы (имеется в виду чума 1348—1349 гг.— Б. У.) осталось стабильным на уровне 2,5 млн. человек»³. С подобным утверждением мы не можем согласиться. Во всех странах

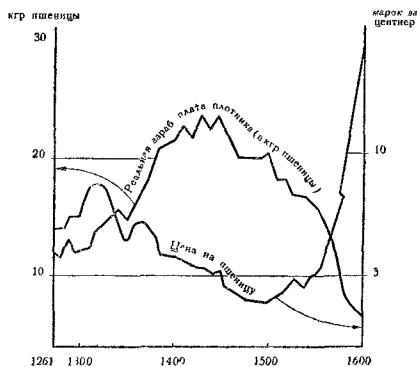

Рис. 2. Динамика цен на пшеницу и реальной заработной платы плотника в Англии в XIII—XVII вв. (слева — масштаб для заработной платы, справа — для цен на пшеницу)

¹ Brodnitz, Englische Wirtschaftsgeschichte, 1913, S. 428.

² График взят из статьи W. Abel, Bevölkerungsgang und Landwirtschaft im ausgehenden Mittelalter im Lichte der Preis und Lohnbewegung, «Schmoller's Jahrbuch», 1934, S. 62.

³ Brodnitz, op. cit., S. 426.

Европы убыль от чумы довольно скоро восстанавливалась. Почему Англия должна быть исключением? Для этого нет каких-либо специальных оснований.

Кроме того, предположение о том, что в Англии к 1500 г. было всего 2,5 млн. человек, не согласуется с материалами, относящимися к более позднему времени (см. часть III).

Теперь сделаем некоторые расчеты темпов роста населения Англии за период 1000—1500 гг.

Для 1000 г. мы приняли 1,5 млн. жителей Англии, а для 1500 г. — 3,3 млн. Это дает средний ежегодный темп роста в 0,16% в год. Получается темп роста несколько больший, чем в Германии, и значительно более высокий, чем во Франции. Если взять период 1086—1377 гг., т. е. от «Книги страшного суда» до «подушного налога», то средний ежегодный темп роста составит не 0,16, а 0,14%. Так как к 1377 г. население Англии еще не оправилось от чумы, то снижение среднего темпа вполне понятно.

По вопросу о темпах роста населения Англии за этот период не существует единодушия среди историков. Некоторые из них вообще исходят из того, что на протяжении всего этого периода население было стабильным. Такой точки зрения придерживается, например, Роджерс. С Роджерсом соглашается и Кулишер, который говорит, что в средневековый период «население Англии находилось в стационарном состоянии»¹. На этих же позициях стоит и Инама-Штернегг², который, правда, сам признает, что его утверждение имеет лишь гипотетическую ценность. Подобные утверждения проистекают лишь при предпосылке 40% учета «Книгой страшного суда». Если же с такой низкой цифрой охвата не считаться, тогда предположения о стабильной численности населения отпадут.

Белох, напротив, приходит к темпам, почти не отличающимся от наших. Он говорит о росте за 300 лет на 70%, или по 20% за столетие; это дает 0,18% роста в год.

Теперь представим себе характер динамики численности населения Англии в промежуточные столетия.

На протяжении всего этого периода неурожаи не раз постигали Англию. Неурожай вызывал огромный рост цен на хлеб. Роджерс указывает, что в период 1261—1540 гг. средняя цена на квартал пшеницы была 5 шилл. 11½ пенс. Но колебания цен были очень велики. В отдельные благополучные годы цена на пшеницу падала до 2 шилл. 10½ пенс., как, например, в 1287 г., но в неурожайные годы подымалась до 16 шилл., как, например, в 1316 г. Ясно, что такая высокая цена на хлеб при отсутствии денег у крестьян для многих означала голодную смерть. Смертность от голода достигала в Англии больших размеров в XI, XII и XIII вв. и в начале XIV в. Карр-Саундерс особенно

¹ Кулишер, История экономического быта Западной Европы, т. II, изд. 8-е, стр. 5.

² См. его статью в «Handwörterbuch d. Staatsw», изд. 4-е, стр. 679.

подчеркивает голод в 1194—1196, 1257—1259 и 1315—1316 г. Рейтер говорит о голоде в Англии в 1005 г.¹ Конец XIV в. ознаменовался крестьянскими восстаниями, вызвавшими в результате значительную убыль населения. В XV в. на численность населения влияли в неблагоприятном смысле войны Роз. Несмотря на то, что годы, следовавшие после эпидемии «черной смерти», отличались необычайной плодovitостью браков, которые стали заключаться в более молодом возрасте, все же заполнение пробела в размере трети населения потребовало свыше 100 лет. Кстати отметим, что некоторые авторы склонны считать, что для ликвидации последствий чумы потребовались большие сроки. Например, американский демограф Томпсон пишет, что понадобилось три с половиной века для того, чтобы численность населения вновь вернулась к исходному уровню². Это, конечно, преувеличение. Беох, наоборот, предполагает, что уже за 40 лет вся убыль была ликвидирована.

Итак, можно считать, что средний темп роста населения Англии в эпоху расцвета феодализма равнялся 0,16% в год. В отдельные периоды рост населения, разумеется, сменялся убылью, но как средняя характеристика эта цифра может быть использована.

Несколько слов скажем об Уэльсе, Шотландии и Ирландии. Ни «Книга страшного суда», ни подушный налог 1377 г. не коснулись этих стран, поэтому нет никаких хоть сколько-нибудь надежных материалов для суждения о численности населения. Приходится встать на путь определения средней плотности.

Для Англии 1086 г. средняя плотность была определена выше в 13 человек. В Уэльсе, Шотландии и Ирландии население было более редкое. Даже в 1801 г. в Шотландии плотность населения была в 3 раза ниже, чем в Англии и Уэльсе.

Для определения плотности населения Шотландии к 1086 г. мы можем воспользоваться материалами «Книги страшного суда» по северным графствам Англии. В этих графствах население было гораздо более редким и не достигало 4 человек на 1 км². В графствах, граничащих с Уэльсом, население было более густое, но все же значительно ниже среднеанглийской плотности. Исходя из этого, можно сказать, что в ту эпоху плотность населения Уэльса была почти в 2 раза ниже, чем в Англии, и составляла примерно 6 человек на 1 км², в Шотландии — в 3 раза ниже, в Ирландии — в 1,5 раза ниже. Это даст около 1 млн. человек к 1000 г. К 1500 г. население Шотландии и Уэльса значительно возросло; менее возросло население Ирландии. В общем можно примерно считать, что население этих частей Британских островов составляло к 1500 г. 1 700 тыс. человек, в том числе 300 тыс. — Уэльс, 600 тыс. — Шотландия и 800 тыс. — Ирландия. Белох для 1377 г. дает цифру в 1 500 тыс. Однако он допускает ошибку, считая общую площадь Уэльса, Шотландии и Ирландии в 160 тыс. км² вместо 180 тыс. км².

¹ См Reuter, Population problems, p. 248.

² См Thompson, Population problems, p. 236.

Мэлхолл¹ дает следующие цифры населения для Шотландии и Ирландии:

Население Шотландии и Ирландии по Мэлхоллу (в тыс.)

Г о д ы	Шотландия	Ирландия	И т о г о
1066	350	1 000	1 350
1381	400	1 100	1 500
1528	550	770	1 320

Основания для этих цифр остались неизвестными. К тому же выставленная Мэлхоллом динамика населения Ирландии внушает большие сомнения. Если Мэлхолл предполагает, что в течение первого тысячелетия кельты так усиленно размножались, что достигли 1 млн человек, то почему этот рост во втором тысячелетии вовсе приостановился, а затем сменился убылью к началу XVI в? Во всяком случае, можно сомневаться в том, что в эпоху норманнского завоевания в Ирландии плотность населения была почти такая же, как и в самой Англии.

Если Мэлхолл приводит преувеличенные цифры населения Ирландии, то Петти², с другой стороны, давал цифры слишком низкие. Так, для момента вторжения англичан (1170 г.) Петти называет цифру в 300 тыс. человек, а для 1470 г — 600 тыс. человек; основой для этих цифр Петти служило предположение об удвоении численности населения на протяжении 200—300 лет; между тем в свете всех имеющихся материалов можно предположить, что в ту эпоху население размножалось гораздо более медленными темпами.

5. ИТАЛИЯ

Италия является единственной из крупных европейских стран, по которой еще для античной эпохи имеются данные переписей населения. Конечно, римские цензы по своему устройству весьма мало напоминают современные переписи. Тем не менее эти цензы дают известное представление о численности населения.

Результаты цензов показали следующее количество римских граждан:

Г о д ы	Число жителей (в тыс.)
28 г до н э	4 063
8 » до н э	4 233
14 » н. э.	4 937
48 » н. э	5 984

Таким образом, за три четверти столетия число римских граждан увеличилось почти наполовину. На основании этих данных нельзя делать вывода о среднем естественном приросте, так как

¹ Mulhall, op cit, p 444

² См Вильям Петти, Экономические и статистические работы, М Соц экгиз, 1940, стр. 102

в известной мере этот прирост происходил в результате ввоза рабов; часть этих рабов потом отпускалась на свободу, они причислялись к римским гражданам и попадали в ценз.

Данные цензов не дают полного представления о населении Апеннинского полуострова. Известно, что значительная часть римских граждан, учтенных цензом, проживала вне Апеннинского полуострова и смежных островов. Так, например, к 28 г. до н. э. было около 100 колоний и муниципий вне современной Италии. О населении этих колоний нет данных. С другой стороны, надо прибавить еще рабов, живших в Италии; их число Белох определяет в 1,5 млн. Кроме того, нужно сделать еще поправку на неучтенные районы северной Италии и на острова. Если все это принять во внимание, то можно прийти к примерной цифре в 7 млн. человек для 14 г. н. э.¹ Это даст плотность населения для Италии 24 человека на 1 км², для Сицилии — 23, для Сардинии и Корсики — 15.

Дальнейшие столетия внесли радикальные изменения в экономическую и политическую жизнь Римской империи. Рабовладельческое хозяйство клонилось к упадку, античный общественный строй начал себя изживать. В то же время натиск варваров становился сильнее и серьезнее. Наконец, в 410 г. Рим был взят Аларихом, вождем вестготов. Это означало конец Западной Римской империи.

Уже задолго до своего окончательного падения Римская империя обнаруживала признаки деградации. В частности замечалась убыль населения. Существует расхождение между историками по вопросу о том, в какой период Италия имела максимум жителей. Некоторые считают, что при Антонинах (т. е. II в.), другие утверждают, что раньше. Проверить это невозможно. Но во всяком случае к моменту падения Рима численность населения римских граждан уже перешла точку кульминации.

Первые века после падения Рима дали, несомненно, дальнейшую убыль населения. Нашествия готов, вандалов, лангобардов сопровождались огромными разрушениями. Население в значительной части было уничтожено, уцелевшее обращено в рабство, ассимилировалось варварами. В условиях кровавых войн и жестоких разрушений, конечно, никакого роста населения не было; наоборот, можно не сомневаться, что имела место убыль населения. Об этом можно судить по населению города Рима, которое упало до 300 тыс. человек при Константине (IV в.), до 100 тыс. при

¹ Некоторые историки склонны сильно преувеличивать население Италии в античную эпоху. Например, население Италии в эпоху Августа Ниссен определял в 16 млн, Тэнней Франк (Tenney Frank) — в 14 млн, Рэссель (Russel) в своей статье о средневековом населении («Social Forces», 1937, V 15, № 4, p 503—511) также берет цифру Франка, хотя в отношении других стран он придерживается цифр Белоха. Подобная позиция Рэсселя тем более непонятна, что он в своей статье всячески подчеркивает важность и ценность расчетов Белоха и в то же время по самой главной стране древнего мира вместо 7 млн по Белоху ставит 14 млн по Франку.

Аларихе, до 60 тыс. в эпоху борьбы вестготов с Велизарием¹. В первые века после завоевания Италии варварами страна «являла картину полного одичания. Оросительные и осушительные сооружения пришли в полный упадок, и места, где раньше были цветущие поля, покрылись иссохшими пустынями и болотами... в других местах земля обрастала деревьями и кустарниками и образовывались те могучие леса, о которых говорят нам источники того времени»². По свидетельству современников, поля были покинуты людьми и лишлись своих земледельцев.

Вполне вероятно после этого, что население Италии упало с 7 млн. до 5 млн. человек и на таком уровне находилось несколько сот лет. Эта цифра соответствует предположениям Гартмана (Hartmann), согласно которым людские потери от готских войн в Италии измеряются миллионами³.

Автор труда по экономической истории Италии профессор Дорен (Doren)⁴ также называет 5—6 млн. как цифру населения Италии к моменту падения Западной Римской империи.

Последние 1—2 столетия первого тысячелетия были несколько более благоприятными для роста населения, варвары постепенно культивировались, экономический порядок начинал налаживаться.

Трудно сказать, каков был уровень численности населения Италии к 1000 г. Никаких материалов документального порядка нет. Можно только сказать, что уровень плотности населения Италии был выше, чем в других странах Европы. Германия и Англия к 1000 г. в значительной части были почти вовсе не заселены. Во Франции тоже некоторые районы были еще сравнительно слабо заселены. В Италии же положение было несколько иным. Апеннинский полуостров еще римлянами был освоен для занятия земледелием. После крушения империи, действительно, много земли было заброшено и часть пашни заросла лесом, но примерно к XI в. эти сравнительно молодые леса уже начали вырубать. К началу XI в. в Италии было мало районов с редким населением, если не считать горных местностей. На этом основании мы можем принять среднюю плотность для Италии значительно более высокой, чем для Франции. Если для этой последней мы исходили из 16 человек на 1 км², то для Италии, в которой процент лесистости был меньше, чем во Франции, мы должны принять примерно 22—24 человека. Это даст 7 млн. жителей. Такая цифра населения Италии для 1000 г. вполне вероятна. Именно к началу второго тысячелетия страна, можно сказать, «зализала раны», причиненные ей варварскими нашествиями, и вернулась к численности населения античной эпохи.

¹ См Ballod, Grundriss d Statistik, S. 13

² Зомбарт, Современный капитализм, т. I, полутом I, М. 1931, стр. 55.

³ См L. M. Hartmann, Geschichte Italiens im Mittelalter, B I, 1897, S 353—355. Гартман тут же отмечает, что цифра в 5 млн. убыли от одних только африканских войн Юстиниана, называемая византийским историком Прокопием, не является правдоподобной, так как население Италии не было настолько значительным, чтобы уменьшиться на 5 млн. человек.

⁴ Doren, Italienische Wirtschaftsgeschichte, Jena 1934, S. 29.

Цифра в 7 млн. человек может получить подтверждение еще и с другой стороны. Для X и XI вв. имеются материалы о населении Сицилии. Маджоре-Перни (Maggiore-Perni)¹ указывает, что в X в. население Сицилии составляло 2 млн. человек, а в XI в. — 1 900 тыс. Если только в одной Сицилии население достигало таких значительных цифр, то вполне вероятно, что на Апеннинском полуострове население составляло около 5 млн. человек.

XI, XII и XIII века принесли с собой подъем Италии в результате стабилизации экономического порядка. Наряду с этим замечаются сдвиги в уровне агротехники, производится осушение болот, увеличивается запашка пустующих земель, появляются мелиорационные повинности, обязательства крестьян в отношении феодалов начинают принимать денежную форму². Наряду с этим начинается развитие городской жизни, подготовившей наступление Ренессанса. Эти века принесли значительный рост международной торговли, в которой итальянские города играют ведущую роль. Слава Венеции, Генуи, Флоренции распространяется далеко за пределами Апеннинского полуострова.

Венеция, вытесняя Константинополь (ее называли «Второй Константинополь»), становится главным посредником между Средней Европой и Ближним Востоком. Генуя, основывая многочисленные колонии и захватив ряд земель, в частности в Крыму, конкурирует с венецианцами. Флоренция на всю Европу приобретает известность своими сукнами. Эти города, образовавшие с близлежащими вокруг них территорией маленькие республики, дают первые материалы для суждения о численности населения средневековой Италии.

Наиболее ранний источник относится к 1255 г. Он представляет собой перечень семейств в отдельных деревнях области Пистойя, в Тоскане. Этот перечень дает 7 357 семейств: считая 4,5 человека на семью, получаем 32 тыс. человек. Площадь этой области — 700 км²; плотность, следовательно, равнялась 46 человек на 1 км².

Тот же XIII век дает в наши руки и более значительный материал, так как в конце этого века в королевстве обеих Сицилий был введен посемейный налог в размере $\frac{1}{4}$ унции золота на семью. Это дает возможность подойти к численности населения. Инама-Штернег сообщает, что указанный налог в 1275 г. дал в Неаполе 45 тыс. золотых унций, а в Сицилии 15 тыс. На этом основании считают, что в Неаполе было 180 тыс. семей, а в Сицилии — 60 тыс. Придавая множитель 5, Инама получает 900 тыс. человек для Неаполя и 300 тыс. для Сицилии, итого 1 200 тыс. человек для всего королевства. Однако эта цифра нам ничего не дает. Королевство обеих Сицилий составляло треть территории всей совре-

¹ См. Maggiore-Perni, *La popolazione di Sicilia dal X al XVIII secolo*, Palermo 1892, сар. 3, 7; цит. по книге Virgili, *Il problema della popolazione*, 1924, p. 426.

² См. Doren, *op. cit.*, p. 148.

менной Италии. Если распространить этот итог на всю Италию, получается чрезмерно низкая цифра — 3,5 млн. населения. Правда, уже в XIII в. плотность населения на севере полуострова, вследствие начавшегося индустриального развития, была выше, чем на юге, все же количество жителей неправдоподобно мало; очевидно, большая часть населения не подвергалась обложению. Об этом свидетельствует также и тот факт, что при испанском господстве число обложенных семейств значительно поднялось. Если в неаполитанской части королевства, без города Неаполя, в 1465 г. было 233 тыс. обложенных семейств, то в 1561 г. — уже 483 тыс., а в 1595 г. — 555 тыс. Подобный скачок — результат не роста населения, а роста охвата населения обложением. Эти цифры дают уже около 2,5 млн. жителей, что приводит к плотности населения в 34 человека на 1 км². Именно эта цифра хорошо согласуется с данными о плотности для остальных частей Италии. Из этого делаем вывод, что данными налога 1275 г. пользоваться не следует.

Для Италии той эпохи Белох¹ приводит три других источника. Один из них дает число очагов в XIII в. в областях, соответствующих нынешним провинциям Асколи, Мачерата, Анкона. Число очагов — 99 600, умножая на 5, получаем около 500 тыс. человек; деля на территорию (8 тыс. км²), приходим к цифре 60 человек на 1 км². Эти районы, расположенные вдоль Адриатического моря, должны были давать плотность, намного превышающую среднюю для всей Италии. Это превышение не может быть меньше, чем в 1,5 раза, поэтому для всей Италии это даст максимум 40 человек на 1 км².

Другой источник относится к провинции Романья в 1377 г. Всего там насчитывалось 54 тыс. очагов, т. е. 270 тыс. человек, на территории 8,5 тыс. км²; получается плотность в 30 человек на 1 км². Но и этот материал не очень характерен, так как охватывает район с 40% городского населения. Низкая цифра плотности и в этом случае — результат неполного учета облагаемых семейств.

Третий источник относится к Тоскане 1338 г., по которой Белох исчислил плотность в 60 человек на 1 км² без главного города и 85 с включением Флоренции.

Из сопоставления всех этих источников видно, что на основании приведенных материалов очень трудно определить среднюю плотность населения Италии к 1500 г. Цифры по отдельным областям дают колебания от 30 до 60; где-то в этих пределах и лежит средняя плотность населения.

Для значительно более точного определения численности населения Италии воспользуемся сводкой, сделанной Белохом в его специальной статье по населению Италии в XVI, XVII, XVIII вв. Правда, материалы, положенные в основу этого свода, относятся скорее к середине XVI в., чем к его началу, но, учитывая, что

¹ Указанная статья о населении в средние века, стр. 416.

период 1500—1530 гг. был весьма неблагоприятен для роста населения Италии (войны), эти материалы можно считать относящимися к 1500 г. без большой опасности преуменьшить численность населения.

Свод Белоха состоит из следующих данных¹:

Государство	Годы	Население (в тыс.)	Плотность на 1 км ²
Сицилия	1570	1 070	42
Неаполитанское государство . . .	1561	2 700	34
Папская область	—	1 600	38
Тоскана	} 1562	800	33
Лукка			
Венеция	1548	1 600	53
Милан	1542	1 000	62
Пьемонт	1569	1 050	46
Мантуя	1581	120	48
Модена, Парма, Пьяченца	—	525	50
Вальтеллина	—	50	15
Генуя	1535	400	65
Сардиния	—	250	10
Итого	—	11 165	39

Можно считать, что к 1500 г. население Италии составило 11 млн. человек².

Таким образом, за пять столетий население Италии возросло с 7 млн. до 11 млн.³ Это дает всего 0,09% в год.

Белох, говоря о темпах роста населения в средние века, принимает для Италии темп, одинаковый с Францией, т. е. 50% за 300 лет. Однако имеющиеся, хотя и отрывочные, данные о населении говорят, что в общем темп роста населения Италии был, пожалуй, слабее, чем во Франции. Правда, весьма трудно отстаивать правильность исчисленных темпов. Достаточно только снизить исходную цифру с 7 до 6, как темп роста сразу изменится:

¹ См. Beloch, La popolazione d'Italia nei secoli 16, 17, 18, «Bull. de l'Inst. Int. de Stat.», 1888, v. 3, p. 39.

² Однако Мэлхолл (цит. соч., стр. 441) для 1480 г. дает лишь 9,2 млн. человек, но, очевидно, и в отношении Италии Мэлхолл брал другие территориальные границы. Поэтому с этим расхождением можно не считаться.

³ При этом следует учесть, что динамика населения протекала неодинаково во всей Италии. Есть указания, например, что в Сицилии имел место не рост, а падение населения вплоть до XV в., вероятно, в результате миграционных процессов. Маджоре-Перни (цит. соч., стр. 3 и 7) указывает, что население Сицилии выражалось в следующих цифрах (в тыс.)

X век	2 000
XI век	1 900
Конец XII в.	1 750
Конец XIII в.	1 550
Конец XIV в.	1 150
1469 г.	1 180
Конец XV в.	1 050

вместо 0,09 он будет равен 0,12. Но и на этот раз он будет все же ниже темпа Франции. Таким образом, не отставая точности приведенных расчетов, мы все же считали бы наш вывод о более слабых темпах роста Италии по сравнению с Францией имеющим некоторое основание.

Обращаясь к исчислению населения в промежуточные века, вряд ли нужно снова говорить о войнах, голоде и эпидемиях. Роль этих факторов в Италии была не меньше, чем в других европейских странах. Только в отношении эпидемий можно, пожалуй, сказать, что в Италии их роль была более значительной. Причина этого лежит в сильном развитии городской жизни, а города средневековья при всяком отсутствии городского благоустройства представляли собой рассадник заразы. Кроме того, Италия в своих торговых отношениях была теснее связана с Востоком, который был «поставщиком» эпидемических инфекций.

Крестьянские восстания также имели место в Италии еще в начале XIV в., но, вследствие того что гнет феодальных отношений в Италии был несколько слабее, чем в других странах, эти восстания не выходили из локальных границ. Более значительными были восстания горожан (Кола ди Риенци), но и они не имели особенного влияния на численность населения.

Говоря о росте населения Италии за период 1000—1500 гг., следует выделить XIII век как век, давший особенно значительное увеличение. Рост городов в этом столетии был настолько велик, что забирал весь прирост сельских местностей; более того, абсолютная численность населения в них даже падала. Это развитие было прервано чумой 1348—1349 гг. Ущерб для Италии был очень велик. Считают, что в городах погибло 40—60% населения, в сельских местностях значительно меньше¹. Так как население городов в Италии составляло значительную часть всего населения, то это обстоятельство влияло понижающим образом на общий темп роста населения.

6. ИСПАНИЯ И ПОРТУГАЛИЯ

Пиренейский полуостров был густо заселен еще тогда, когда принадлежал Риму. Некоторое представление о плотности населения в те времена дает Плиний, который был прокуратором имперских провинций в Испании. Плиний указывает, что в северо-западной части Испании было 691 тыс. свободного населения («libera capita»). Территория, о которой говорит Плиний, составляет около 84 тыс. км², таким образом плотность получается равной 7 человекам на 1 км², и «если при этом дети не учитывались, то 12 человекам на 1 км²»². Принимая эту плотность, Белох получает 7 млн. человек, если считать, что Плиний учитывал детей, и 5 млн., если считать, что он их не учитывал. Раз неизвестно,

¹ См. Dore n, op. cit., p. 633.

² Статья Белоха о населении в древние века, стр. 616.

какое из этих предположений верно, Белох берет середину и исходит из 10 человек на 1 км², что дает 6 млн. человек.

На протяжении первого тысячелетия население Пиренейского полуострова испытало радикальные изменения. В V в. этот полуостров был завоеван вестготами, которые очень скоро там стали заводить феодальные порядки, раньше, чем в других странах. Однако господство вестготов в Испании длилось недолго. В 711 г. эта страна была завоевана арабами. Арабы не довольствовались Испанией и сделали попытку завоевания Франции. Пройдя значительную часть территории Франции, арабы в 732 г. встретились с войсками Карла Мартелла и были разбиты. Отказавшись от дальнейшей территориальной экспансии, арабы закрепились в Испании. Господство арабов в Испании привело к большому экономическому подъему страны. Сильно росла культура, значительно возросла торговля. Но особенно больших успехов достигли мавры в сельском хозяйстве. Они оросили поля Кастилии и Арагонии, развели огромные оливковые леса вокруг Севильи, широко распространили культуру тутовых деревьев в Гренаде, Мурсии и Валенсии. Наряду с сельским хозяйством развивалась промышленность (например, производство шелковых тканей). О расцвете народного хозяйства страны свидетельствует также многочисленное население городов (Кордова считалась крупнейшим городом Европы после Константинополя), существовавших в эпоху владычества мавров.

Какова же была плотность населения в ту эпоху?

Известно, что к 1000 г. государство мавров в Испании находилось в периоде своего наибольшего расцвета. Если в античную эпоху в Испании было 10 человек на 1 км², если для соседней Франции мы приняли плотность населения в 16 человек, для Италии в 22—24 человека, то можно приближенно считать, что к 1000 г. на Пиренейском полуострове плотность населения была 14—15 человек на 1 км².

Это дает около 8—9 млн. жителей. Вряд ли эту цифру можно считать преувеличенной. В эпоху расцвета мавританского владычества экономический уровень Испании был примерно такой же, как и во Франции, и был, наверно, ниже, чем в Италии, в сердце бывшей Римской империи.

После 1000 г. господство мавров в Испании начало клониться к упадку. На севере Испании образовалось королевство Кастилия и Леон, которое взяло на себя инициативу изгнания мавров из Испании. XI век принес арабам большие потери; испанцы все сильнее и энергичнее заставляли арабов отступать к югу. Однако в XII в. испанцы снова были оттеснены на север. Лишь в начале XIII в., после битвы при Лас Навас де Толоса, господству мавров в Испании наступил конец. К 1262 г. вытеснение мавров было закончено, если не считать Гренадского княжества, в котором господство мавров было ликвидировано лишь в конце XV в.

Изгнание мавров из Испании повлекло за собой экономический упадок страны. Изнурительные войны за отвоевание Испа-

нии привели, разумеется, к падению численности населения; преследование оставшихся в Испании мавров и евреев еще ускорило этот процесс. Однако XIV и XV века вновь поставили Испанию в ранг мировых держав. Испанское королевство захватило земли в Европе, испанский флот приобрел славу «непобедимой армады», открытия Колумба еще более укрепили расцвет Испании.

Таким образом, на протяжении периода от 1000 до 1500 г. Испания пережила два этапа: первая половина, приведшая с собой понижение численности населения, и вторая половина, давшая повышение. Если считать, что вторая половина лишь компенсировала понижение первой, то тогда население 1500 г. будет одинаково с населением 1000 г. Однако не следует делать столь необоснованных предположений. В нашем распоряжении имеются, пусть отрывочные, но все же некоторые цифровые материалы, для того чтобы осветить вопрос о численности населения Испании к 1500 г.

Наиболее ранний материал охватывает Каталонию и Арагонию. В 1359 г. в Каталонии был произведен учет семейств. Материалы этого учета были опубликованы в 1856 г. и обработаны Конрадом (Conrad)¹. Согласно данным этого учета, в Каталонии было в 1359 г. 87 214 очагов, т. е. 450 тыс. жителей, если считать 5 человек на семью, и 400 тыс., если считать 4,5 человека. Исходя из последней цифры² при площади в 36 тыс. км², получаем 11 человек на 1 км². При этом надо учесть, что цифра относится к 1359 г., т. е. спустя 10 лет после эпидемии чумы. Между тем известно, что и в Испании чума принесла большие опустошения. На острове Майорка чума в 1348 г. унесла 30 тыс. человек, что составляет очень значительную часть всего населения острова. В Сарагосе в течение нескольких месяцев от чумы ежедневно умирало 300 человек³. Вероятно, и в Испании чума унесла около одной пятой всего населения. Исходя из этого, заключаем, что плотность населения до чумы была выше: вместо 11 следует считать 14 человек на 1 км².

Для 1404 г. имеются данные по Арагонии⁴: 42 863 очага, умножая на 6⁵, получаем 250 тыс. человек, деля на 47 тыс. км² территории, получаем 5 человек на 1 км². Таким образом, мы получили

¹ Conrad, Ein Beitrag zur Beurteilung der Bevölkerungsverhältnisse Spaniens im Mittelalter, «Jahrb. f. Nationalök. u. Stat.», B. I, S. 183—188.

² Хотя Конрад настаивает на том, что 5 человек на семью — это скорее минимальная цифра, чем средняя, мы все же считаем, что более правильно взять 4,5 человека.

³ См. Goury du Roslan, Essai sur l'histoire économique de l'Espagne, Paris 1888, p. 199.

⁴ См. указанную статью Беллоха о населении в средние века, стр. 414; по материалам Zurita, Anales de la corona de Aragon, III, Zaragoza 1562—1579, p. 189.

⁵ Как Чиббарно (см. Cibrario, Della economia politica del medio evo), так и Беллох (указанная статья, стр. 414) исходят из коэффициента 6; мы также остановимся на нем, учитывая необходимые поправки на недоучет.

две цифры плотности: одна из них характеризует наиболее передовые районы страны, другая—наиболее отсталые; для богатой и торговой Каталонии — 14 человек, для бедной и горной страны Арагонии — 5 человек. Простая средняя дает 9,5 человека, но так как районы Арагонии не очень типичны для остальной Испании, то среднюю следует несколько повысить, оценив плотность Испании к концу XIV в. в 10 человек. В течение XV в. население Испании возросло; об этом свидетельствует повторный учет населения по Арагонии: в 1429 г.— 42 683 очага, в 1495 г.— 50 391 очаг¹, т. е. почти на 20% за две трети века. Для всего столетия и для всей Испании можно предположить рост на 30%. Таким образом, плотность населения возросла примерно с 10 до 13 человек. Это даст 6,5 млн. жителей для всей Испании (без Португалии) к 1500 г.

Сопоставим полученную нами цифру с рядом других исчислений. Надо сказать, что вопрос о численности населения Испании привлекал к себе большое количество исследователей. Оценки численности населения Испании делали немцы (Gams, Conrad, Wirminhaus, Häbler), французы (Moreau de Jonnés, Block, Girard), англичане (Hendricks), американцы (Usher), наконец, сами испанцы (Conzalez, Uztáriz, Zurita, Salazar и др.). При таком обилии работ, казалось бы, нам не будет стоить большого труда определить население. На самом деле это не так. Оценки колеблются в очень широких пределах — от 4 млн. до 24 млн.

Основная цифра, которая фигурирует во многих расчетах,—это цифра, даваемая генеральным счетчиком (contador mayor) Алонсо Кинтанилья (Quintanilla), которому было поручено разработать проект организации постоянной армии. О цифрах Кинтанилья сообщают испанские историки Гонсалес (Gonzalez) и Клеменсин (Clemensin). По сведениям Кинтанилья, относящимся к 1492 г.², в Кастилии (не считая Гренады) насчитывалось 1 500 тыс. vecinos, т. е. семей; если считать на 1 vecino 5 человек, то получаем 7,5 млн. для одной Кастилии. Гонсалес берет даже более 5 человек на семью и приходит к цифре в 7,9 млн. для всей Кастилии. На основе цифры Кинтанилья Кольмейро (Colmeiro) определяет общее количество семей по Испании в 1 800 тыс. человек. Считая 5 человек на семью, он получает 9 млн. Далее, он прибавляет 1 млн. на «неизбежный недоучет» и приходит к цифре в 10 млн. для всей Испании³.

На этих же цифрах Кинтанилья базируется и Гури дю Рослан (Goury du Roslan). Он делает такой расчет: 1,5 млн. семей на Кастилию соответствуют 1,8 млн. семей на всю Испанию (это он

¹ См. A. Girard, La population de l'Espagne dans les temps modernes, «Revue d'histoire moderne», 1928, p. 432.

² Все ученые, говоря о цифре Кинтанилья, пишут о 1482 г.; расхождение в 10 лет возникло, как установил Жирар (Girard), вследствие ошибки Гонсалеса (Girard, op. cit., p. 426), у которого обычно заимствуют эти материалы.

³ См. Colmeiro, Historia de la economia politica en Espana. t. I, p. 239.

берет у Кольмейро), или 8 млн. человек. Об этой цифре в 1,5 млн. семей для Кастилии упоминает также Инама-Штернегг.

Между тем нам кажется весьма сомнительным, чтобы цифра Кинтанильи могла быть положенной в основу. Имея цель создания постоянной армии, Кинтанилья был склонен к преувеличению цифры населения, чтобы перед Фердинандом и Изабеллой набросать картину могущества принадлежащего им королевства, так сильно укрепившегося их супружеством. Кроме того, самый факт, что цифра является круглой, показывает, как справедливо говорит Геблер (Häbler)¹, что дело идет не о цензе, как некоторые думают, а о простой оценке на основе материалов некоторых феодальных властителей. К отрицательной оценке данных Кинтанильи приходит также и Ушер². Он пишет, что «эти цифры при серьезном анализе должны быть исключены». Жиран также пишет, что эти цифры являются «скорее приблизительной оценкой, чем официальной переписью»³.

Геблер, подробно изучая население Испании в ту эпоху, отвергая данные Кинтанильи⁴, понижает цифру с 7,5 млн. до 3 млн. человек; считая 1 250 тыс. для остальной Испании, Геблер приходит к выводу, что к 1480 г. во всей Испании было 4 250 тыс. жителей. Здесь Геблер впадает в другую крайность и делает ошибку в сторону преуменьшения. Цифра Кинтанильи ошибочна, но уже не настолько, чтобы взять только 40% от нее. В этом преуменьшении сказалось желание Геблера дать картину пышного расцвета Испании в XVI в. Если бы он принял более высокую цифру для 1480 г., то это не оставило бы «места» для прироста населения. Он сам указывает, что, принимая цифру в 3 млн. человек, он «оставляет достаточно места для успешного развития страны» при Изабелле. Самую свою оценку в 3 млн. он сопровождает словами о том, что такой оценкой он «оказывает значительную честь памяти Изабеллы»⁵.

Таким образом, если Кольмейро дал преувеличенную цифру, то Геблер дал преуменьшенную. Намеченная нами выше цифра в 6,5 млн. и лежит между этими двумя оценками.

К этой цифре можно притти и с другой стороны. В 1594 г. в Испании был произведен учет семейств. Беря множитель 5 человек на семью, этот учет дал 6 701 тыс. человек. Но часть терри-

¹ См Häbler, Die wirtschaftliche Blüte Spaniens im XVI Jahrh. und ihr Verfall, Berlin 1888, S. 145.

² См. Usher, The history of population and settlement in Eurasia, «Geographical Review», 1930, p. 113.

³ Girard, op. cit., p. 425. Ненадежность цифры Кинтанильи видна также и из того, что 1,5 млн. vesinos он делит в свою очередь опять-таки на две круглые цифры: 250 тыс. vesinos на феодальных землях и 1 250 тыс. на королевских.

⁴ Цифры Кинтанильи приведены также в испанской «Enciclopedia» (т. XXI, стр. 484—485), где тут же указывается, что население Кастилии и Леона в 1541 г. составляло 4 457 тыс. Спрашивается: как могло получиться, что в период 1480—1540 гг., когда Испания переживала полосу расцвета, население ее сократилось чуть ли не вдвое!

⁵ Häbler, op. cit., p. 147.

тории этим учетом была пропущена. Хендрикс (Hendricks)¹ по этой неучтенной территории взял цифры за другие периоды (Наварра — 1553 г., Арагон — 1495 и 1609 гг., Валенсия — 1609 г., Каталония — 1553 г., Алава — 1599 г., Бискайя — 1708 г., Гвипускоа — 1558—1559 гг.) и получил в итоге 1 641 358 семей, или 8 206 791 человека. XVI век заметно увеличил численность населения Испании. Если это увеличение принять равным 25%, тогда для 1500 г. мы получим 6,6 млн. человек, т. е. цифру, почти совпадающую с нашей. Конечно, если бы мы взяли 10% роста за 1500—1600 гг., то тогда для 1500 г. мы получили бы не 6,6, а 7,4 млн. человек. Но цифра в 10% роста за столетие расцвета совершенно неправдоподобна, гораздо уместнее выдвинуть цифру в 25%, которая и приводит к 6,6 млн. человек.

Отметим еще некоторые другие оценки населения Испании к 1500 г. Жирар² исходил из 7,2 млн. человек. Мерримэн (Merriman), считая 4 человека на *vesino*, пришел к 7,5—8 млн. человек³. Зато несколько других исследователей называли более высокие цифры. Гамс (Gams) дал цифру в 9 320 691 человек⁴, исходя из 5 человек на *vesino*. Кавеньяк считал даже, что население Испании в эту эпоху составляло 10—12 млн. человек⁵. Однако Жирар справедливо рассматривает все эти оценки и расчеты как преувеличенные.

При определении населения Португалии следует исходить из следующих соображений. Природные условия Португалии более благоприятствуют высокой плотности населения, чем в Испании. Наличие плодородной равнины, благоприятное расположение с точки зрения международной торговли привели к тому, что Португалия к 1500 г. была населена в среднем в 1,5 раза гуще, чем Испания; это дает 17—18 человек на 1 км², а в пересчете на всю территорию 1 500—1 600 тыс. человек. Если мы сопоставим эту цифру с цифрой в 1 750 тыс. для 1732 г., то получим правдоподобную картину динамики населения.

В целом Испания и Португалия имели к 1500 г., вероятно, около 8,5 млн. человек⁶, т. е. несколько меньше, чем предпо-

¹ См. Hendricks A review of the statistics of Spain, «Journal of the statist soc.», 1860, p. 151—152.

² Girard, op. cit., p. 3.

³ См. Merriman, The rise of the Spanish power, t. II, p. 156; цит. по Girard, op. cit., p. 3.

⁴ См. Gams, Kirchengeschichte von Spanien, t. III, S. 468 ff; цит. по Girard, op. cit., p. 3.

⁵ Cavaignac, Notule sur la population de l'Espagne vers 1500 (Séances et travaux de l'Acad. des Sciences morales et pol., 1919, XI—XII, t. 192); цит. по Girard, op. cit., p. 3.

⁶ Некоторые, главным образом немецкие, статистики склонны преувеличивать население Пиренейского полуострова к 1500 г. под впечатлением мощи испанской державы. Так, например, Ференци (Ferenczi) говорит о 9 млн. к 1492 г. (см. «Migrations», «Encicil of Social Sciences», p. 431), а Принцинг (Prinzling, Das Bevölkerungsgesetz, «Allg. Stat. Arch.», 1904, S. 14) о 10 млн. населения, Гмелин (Gmelin, «Allg. Stat. Arch.», B. 6, Halbband I, S. 241) даже о 20 млн. человек. Эту же цифру называет русский

жено выше для 1000 г. Такое положение можно понять, если мы учтем, что к 1000 г. мавританская культура в Испании находилась в зените, а христианская культура в Испании к 1500 г. еще была на пути к своему могуществу; датой, которой для мавров был 1000 г., для христианской Испании является примерно 1560, но не 1500 г. Вот почему падение по сравнению с 1500 г. может иметь известные основания.

В заключение укажем, что некоторые авторы дают для Испании очень высокие цифры численности населения, которые никак не согласуются друг с другом.

Так, например, Конрад¹ считает, что при Антонинах население Испании достигало 9 млн. человек. Далее, он указывает, что к концу средних веков Испания насчитывала 11 млн. человек, и тут же говорит, что к 1575 г. население можно принять равным 6 750 тыс. Таким образом, по Конраду, получается, что XVI век принес колоссальное уменьшение численности населения. Об этом же он говорит и в своей статье, посвященной статистике средневековой Испании. В этой статье он считает, что в период 1359—1553 гг. в Испании население сократилось вследствие феодальных войн и чумы 1472 и 1487 гг.² Однако предположение о сокращении населения в Испании в этот период не согласуется с историей Испании в XVI в.

По Геблеру, XVI век дал удвоение численности населения. Если даже Геблер и ошибается, то уже во всяком случае трудно поверить в справедливость обратного предположения — о падении почти в 2 раза, как это делает Конрад. По всей вероятности, Конрад был введен в заблуждение Вейсом (Weiss), который в своей книге «L'Espagne depuis le règne de Philippe II jusqu'à l'avènement du Bourbons» (Paris 1844, p. 71), ссылаясь на Августина де Блаз (de Blas), приводит для Каталонии 1553 г. цифру 326 970 жителей, т. е. меньше, чем в 1359 г. Однако простое сопоставление двух цифр 1359 и 1553 гг. не дает оснований для каких-либо выводов. Точность данных того периода была слишком незначительна, тем более если эти данные идут в разрез со всей историей страны.

Но Конрад не одинок. Аналогичные цифры приводит Мэлхолл. По Мэлхоллу, население Испании в 1480 г. составляло 8 800 тыс. человек, а в 1580 г. — 8 150 тыс.³ Таким образом, за 100 лет расцвета испанской монархии, по Мэлхоллу, население сократи-

статистик Янсон, полагая, что вследствие эмиграции в Америку население Испании сократилось с 20 млн до 7 млн (к началу XVIII в.) (см его «Сравнительную статистику населения», Спб 1892, стр. 12). Однако всякие рекорды преувеличения побил Франко Саласар (Salazar), который оценивал население Испании в ту эпоху в 24 млн. (см. Goury du Roslan, op. cit., p. 197).

¹ Conrad, Grundriss zum Studium der politischen Oekonomie T. 4, Statistik, I, Allgemeine Statistik, Bevölkerungsstatistik, Iena 1923, 5 Aufl., S. 68.

² См его статью в «Jahrb. f. Nationalök. u. Stat.», 1880, S. 185.

³ См. Mulhail, Dictionary, ed. 4, p. 441.

лось на 650 тыс. человек. По Баллоду, население Испании с 1488 по 1585 г. сократилось на 1 млн. человек (с $7\frac{3}{4}$ до $6\frac{3}{4}$). Оснований для таких предположений мы не видим. Можно не соглашаться с Геблером, полагая, что удвоение населения за 100 лет преувеличивает картину, но приходиться к противоположным выводам вряд ли будет правильно.

Исчисление среднего темпа роста населения по Испании невозможно, так как мы получили не рост, а падение за период 1000—1500 гг. Даже в случае роста исчисление среднего темпа для Испании нецелесообразно, так как период 1000—1500 гг. очень неоднороден.

В связи с этим интересно отметить, что Белох¹ для периода 1050—1350 гг. также не принял никакого темпа роста (в отличие от других стран), а исходил из стабильного уровня численности населения. Однако период 1050—1350 гг. ознаменовался борьбой христиан с мусульманами, борьбой, которая, вероятно, привела к значительному сокращению населения.

7. ДУНАЙСКИЕ СТРАНЫ И БАЛКАНЫ

Если по Англии мы имели статистический источник не только в конце интересующего нас в этой части периода, но и в начале, если по Франции такой источник мы имели лишь в конце периода, то по дунайским странам мы оказываемся в значительно более худшем положении. у нас нет данных ни для конца, ни для начала периода. Поэтому ни Белох, ни Инама, ни Ушер по этим странам даже не дают каких-либо оценок.

Значительная часть дунайских стран еще в античную эпоху была заселена различными племенами. Все эти племена были подчинены Римской империи.

На правом берегу Дуная находились Паннония и Далмация, на левом берегу — большая страна Дакия. В этих странах римляне основали ряд небольших городов.

Определяя численность Римской империи в эпоху Августа, Белох для дунайских стран дает территорию в 430 тыс. км² с населением в 2 млн человек и с плотностью в 4,7 человека на 1 км². Эти данные основываются на сообщениях о количестве повстанцев в 6—8 гг. н. э. Белох полагает, что цифра количества повстанцев (800 тыс. человек, в том числе 200 тыс. вооруженных мужчин) взята из провинциального ценза². В последующих своих работах Белох повышает оценку численности населения в ту эпоху до 3 млн, что дает плотность в 7,5 человека на 1 км².

За первое тысячелетие нашей эры в этих частях Европы произошли большие изменения. Придунайские страны к этому времени заселяли уже другие племена, большей частью славянские. На левом берегу поселились чехи, моравы, словаки; в районе

¹ Указанная статья о населении в средние века, стр. 421, 422.

² См. Beloch, Die Bevölkerung der griechisch-römischen Welt, 1886, S. 462.

современной Венгрии незадолго перед этим поселились мадьяры, отступившие от печенегов.

Таким образом, почти вся территория бывшей Австро-Венгрии к 1000 г. была заселена. Были даже довольно значительные города. Например, известно, что в Ольмюце в 1139 г. было 14 тыс. жителей, по масштабам той эпохи — город не маленький. Однако население было все же довольно редкое, особенно в низовьях Дуная. Имеются указания о том, что в эпоху Саксонского дома число чехов не превышало 250 тыс.¹ Площадь, занимаемая чехами, равнялась примерно 50 тыс. км²; это дает плотность в 5 человек на 1 км². И действительно, можно считать, что в общем плотность населения в дунайских странах к 1000 г. была несколько ниже, чем в германских государствах. Если для Германии мы приняли 10 человек на 1 км², то для придунайских стран следует взять еще более 8 человек на 1 км². Принимая площадь всей предвоенной Австро-Венгрии в 675 тыс. км², мы получим общее население этой части Европы в 5,4 млн. человек.

За период 1000—1500 гг. население на территории Австро-Венгрии значительно возросло. Весьма значительные размеры приняла иммиграция немцев в Богемию, Тироль. Больших размеров достигли горные промыслы (добыча соли, железа, меди, свинца, серебра и золота), так как земли оказались богаты ископаемыми (Тироль впоследствии называли «Калифорнией XV века»). В международной торговле Австрия и Венгрия также начинают приобретать значение.

Для определения населения на 1500 г. по этим странам материал очень ненадежный. Белох для 1600 г. оценивает население Австрии в 7 млн. человек, в том числе по Богемии — 4 млн., Альпийским землям — 2 млн., в Передней Австрии — 1 млн.

Этот расчет несколько преувеличен. Во-первых, перепись 1754 г. дает всего 6 млн. человек, во-вторых, имеются некоторые указания (по налоговым регистрам), что в Богемии к 1600 г. было всего 2 млн. человек². Исходя из этого, мы примем для австрийских земель население к 1500 г. в 5 млн. человек. По Венгерскому королевству нет даже оценок. Можно только считать, что плотность населения в Венгрии к 1500 г. была в общем такая же, как и в австрийских землях. Тогда население Венгрии также составит примерно 5 млн. человек. А всего население предвоенной Австро-Венгрии — 10 млн. человек³. Между тем в части III

¹ См. Peisker, Knechtschaft im Bohmen Praha 1890, S 31, цит по Behre, op cit, S 9.

² См. Anton Gindely, Geschichte der Bohmischen Finanzen von 1526 bis 1618, «Denkschriften d Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften», Philosoph. historische Classe, B 18, 1869, S 120. Gindely исходит из следующих соображений. В Богемии было 150 930 постоянных (ansassigen) семей. Далее, он считает, что число непостоянных жителей равнялось числу постоянных. Число человек на семью он принимает равным 6.

³ Этот наш расчет почти совпадает с расчетом Мэлхолла, который для Австрии (вероятно включая в ее состав и Венгрию) в 1480 г. дает 9,5 млн. человек.

нашей работы, ведя нить от 1700 г., мы пришли к несколько большей численности населения в 1500 г.: вместо 10 млн.—11,5 млн. человек. Эту последнюю цифру мы и положим в основу, считая ее более правильной. По сравнению с 1000 г. цифра в 11,5 млн. дает рост более чем в 2 раза, т. е. 0,15% в год.

Демографическая история Балканского полуострова еще более туманна. В 1000 г. на Балканском полуострове уже преобладали многочисленные славянские племена. Греческое население продолжало заселять лишь южные части полуострова. В ту эпоху на Балканах существовали два оформившихся государства: Болгарское царство и Византия. Экономически Византия была очень развитым государством. В ней были большие города (Константинополь, Адрианополь), развитая промышленность (главным образом шелковая), интенсивная торговля (порт Салоники). Все это заставляет предполагать довольно значительную плотность населения в Византии, которую можно считать примерно в 15—16 человек на 1 км². Плотность населения Болгарского царства была значительно ниже, вероятно 9—10 человек на 1 км². В среднем можно считать для Балканского полуострова 13—14 человек на 1 км²; так как территория его составляет около 500 тыс. км², то это дает население в 7 млн. человек.

Эта цифра представляется до некоторой степени правдоподобной по следующим основаниям. Константинополь, столица Византии, был в ту пору крупнейшим европейским городом и центром международной торговли в IX—XI вв. Андреадес (Andreaedes) в своей статье¹, посвященной населению Константинополя, приходит к выводу, что население Константинополя от IV до XII в. редко опускалось ниже 500 тыс. человек, приближаясь обычно к цифре 800 тыс.—1 млн. Следовательно, уже по одному тому, что население Константинополя приближалось к миллиону, население всего Балканского полуострова должно было составить несколько миллионов человек.

Интересно отметить некоторые попытки определения прежнего населения Балканского полуострова. Так, например, английский историк Форд² дает 12 млн. человек, что соответствует 29 человекам на 1 км². Однако расчеты Форда (см. выше, стр. 22) сильно преувеличены. Чтобы подойти ближе к истине, нужно их, пожалуй, уменьшить вдвое. Андреадес, приводя цифры Форда, также считает их преувеличенными, добавляя при этом, что и «все, что известно о византийской жизни, указывает на невозможность такого густого населения»³.

Другой англичанин, Холмс (Holmes)⁴, определил население Византийской империи в VI в. в 56 млн. При этом он руковод-

¹ «De la population de Constantinople sous les empereurs byzantins», «Metron», 1920, v. I, № 2, p. 105—106.

² Ford, The Byzantine Empire, London 1911, p. 11; цит. по Andreaedes, op. cit., p. 113.

³ Andreaedes, op. cit., p. 113.

⁴ Holmes, W. G. The age of Justinian and Theodora, London 1905, v. I, p. 134—137.

ствовался следующим соображением: население Турции в начале XX в. составляло, по его расчетам, 28 млн. человек, а население Византии в VI в. имело, по его мнению, вдвое более густое население. При этом он ссылается на наличие крупных городов, которые теперь почти не имеют значения: «Салоники и Адрианополь прежде имели по 300 тыс. человек, теперь 70 тыс., Антиохия прежде — 500 тыс., теперь — 7 тыс., Александрия прежде — 750, теперь — 230; многие другие большие города вовсе исчезли.. Учитывая все это, оценка в 100 млн. населения Восточной империи в ее лучшие дни не может быть преувеличенной; и даже тогда плотность населения равнялась бы только $\frac{1}{3}$ от современной Англии». Его аргументация действительно была бы убедительной, если бы приведенные цифры населения городов в какой-нибудь степени соответствовали действительности. На самом же деле крупным городом в Европе был только Константинополь, столица империи, все же другие города вовсе не были так значительны. Лучший знаток этих вопросов, Белох, также называет Константинополь единственным крупным городом Европы в эпоху раннего средневековья; следующие города, идущие на большом от него расстоянии, — это арабские города Кордова и Палермо; об Адрианополе и Салониках Белох даже не упоминает¹.

Кроме того, как показал Андреадес, Турция в начале XX в. имела не 28 млн., а 46 млн. человек. Далее, в VI в. не могло быть такой высокой плотности населения, так как, как указывает Андреадес, уже в эпоху Полибия и Плутарха депопуляция давала себя чувствовать. Андреадес, полагая, что более правильно сравнивать Византию с Турецкой империей в начале XIX в., считал возможным, что в 1800 г. население было такое же, как и в 1200 г. Исходя из этого, Андреадес пришел к выводу, что в VIII—XIII вв. население Византийской империи колебалось в пределах 15—20 млн человек, что дает плотность населения в 25—35 человек на 1 км²; на Балканах в целом плотность населения была значительно ниже.

Период 1000—1500 гг. принес с собой сначала упадок, а затем и гибель Византийской империи. Ее прежнее положение посредника в международной торговле между Востоком и Западом было поколеблено крестовыми походами. Растущее болгарское, а затем и сербское государство нанесли Византии серьезные удары. Наконец, в 1453 г. пал Константинополь под натиском турок, и Византийская империя прекратила свое существование. К 1500 г. уже весь Балканский полуостров был завоеван турками. Непрестанные войны и усобицы, с одной стороны, и потеря международного значения, с другой стороны, не могли привести к значительному росту населения. Можно примерно считать, что население Балкан к 1500 г. не превышало 8 млн, весь прирост населения за 1000—1500 гг. приходился на северную часть Бал-

¹ См В e l o c h, Die Volkszahl als Factor und Gradmesser der historischen Entwicklung, «Historische Zeitschrift», 1913, B 15, S. 335.

кан (рост и укрепление сербского государства), в южной части, вероятно, происходило уменьшение населения, являвшееся результатом упадка византийской культуры.

8. ШВЕЙЦАРИЯ, БЕЛЬГИЯ, ГОЛЛАНДИЯ, СКАНДИНАВИЯ

О плотности населения Швейцарии к 1500 г. имеются данные по отдельным кантонам. На основании этих данных (см. часть III) мы пришли к выводу, что население Швейцарии составило 750 тыс. человек. За период 1000—1500 гг. население Швейцарии значительно возросло. Имеются, например, следующие цифры населения части (примерно трети) кантона Невшатель (цифры получены на основании числа семей по церковным опросам)¹.

Г о д ы	Человек	Г о д ы	Человек
1228	800	1512	3 000
1454	1 620	1531	3 105

За 300 лет — рост в 3—4 раза; население всей Швейцарии в целом росло, конечно, менее бурно. Например, Амман (Ammann)² исчислил, что население западной Швейцарии увеличилось за 1416—1558 гг. на 20—25%. При этом надо учесть, что как раз на этот период приходится выдвигание Женевы с ее ярмарками, которые приобрели международное значение. Исходя из приведенных материалов, будем считать, что население всей страны увеличилось примерно в 2 раза, поэтому для 1000 г. можно считать 400 тыс. жителей.

В отношении Бельгии численность населения к 1500 г. можно определить с большей точностью. Виллемс (J. F. Willems)³ сообщает, что по налоговым данным в 1480 г. в провинции Антверпен проживало 91 тыс. в городах и 122 тыс. в сельских местностях; итого 213 тыс. человек. Если Виллемс имел в виду современные границы провинции Антверпен, то это дает плотность в 70 человек на 1 км². Более обширную территорию охватывают данные Маршала (Marshall) и Богера (Bogaerts)⁴. Они дают для 1435 г. по Брабанту 92 418 очагов, или примерно 500 тыс. человек, при территории в 11 тыс. км²; это дает плотность в 45 человек на 1 км². Во Фландрии, расположенной вдоль морского побережья, плотность была не ниже, а выше, чем в Брабанте. В среднем для Бельгии 1500 г. примем плотность в 50 чело-

¹ «Zeitschrift für Schweiz. Statistik», 1876, S 105

² См. Н е к т о р А м м а н н, Die Bevölkerung des Westschweiz im ausgehenden Mittelalter, «Festschrift für Friedrich Emil Welti», Aarau 1937, цит. по E. Keyser, Die Erforschung der deutschen Bevölkerungsgeschichte im Jahre 1937, «Vierteljahrsschrift f. Sozial und Wirtschaftsgeschichte», 1939, В. 32, Н. 1.

³ Цит. по И н а м а, op. cit., «Handwörterbuch», S 681

⁴ См. «Bibliothèque des antiquités belgiques», I, p 80—94, цит. по указанной статье Белоха, стр 418

век на 1 км², так как уже тогда Бельгия принадлежала к числу самых густо населенных частей Европы. Исходя из плотности в 50 человек, получаем 1,5 млн. для населения Бельгии в ее современных границах.

К 1000 г. торговое значение этих районов еще не было столь значительным. Однако и в ту эпоху Фландрия, например, была очень густо населена; об этом имеются сообщения, относящиеся к 1127 г. В общем можно считать, что уже к 1000 г. Бельгия была сравнительно густо населенным уголком Европы.

Материалы о росте населения Бельгии в период 1000—1500 гг. весьма скудны. Все же некоторое представление о темпах дает сопоставление учета населения в Брабанте в 1374 г. с учетом 1435 г., т. е. 61 годом позже. За этот период плотность населения возросла с 36 человек на 1 км² до 45, т. е. на 25%¹. В предшествующие века рост был, вероятно, не такой значительный; можно предположить, что в среднем численность населения Бельгии увеличивалась на 20% в столетие, что дает возрастание в 2,5 раза за 500 лет. Это приводит к 600 тыс. человек к 1000 г., т. е. 20 человек на 1 км². Этот уровень плотности был несколько выше уровня соседних стран.

Территория современной Голландии к 1500 г. была заселена в общем менее плотно, чем Бельгия; только юг и запад Голландии, где расположены были города — центры мировой торговли (Амстердам), могли по плотности населения сравниться с Брабантом, северная же часть Голландии была заселена сравнительно слабо, с плотностью примерно 20 человек на 1 км². Для Голландии в целом можно принять 40 человек на 1 км² (см. часть III, стр. 175). Это даст 1 300 тыс. жителей; для 1000 г. можно принять цифру в 500 тыс. человек.

По Дании, несмотря на наличие весьма ранних сведений о численности населения, это последнее определить довольно затруднительно. В Дании в XIII в. было нечто схожее с английской «Книгой страшного суда»; мы имеем в виду поземельную перепись Вольдемара II в 1231 г. Однако дошедшие до нас материалы этой переписи дают почву для противоречивых выводов о населении Дании в XIII в. Некоторые исследователи приходят к довольно значительным цифрам; например, Velschow дает 1 550 тыс. человек, Erslev — 1 млн., Нильсен (Nielsen)² — 1 250 тыс. Инама дает 910 тыс. только для сельского населения. В то же время Белох, ссылаясь на другую работу Velschow, говорит о 340 тыс. человек. Более достоверные данные имеются по отдельным частям Дании. Нильсен, например, указывает, что в 1232 г. в провинции Халланд было 56 тыс. жителей, а в 1750 г. — 57 тыс. жителей. На этом основании он приходит

¹ Об учете 1435 г. см. выше, стр. 79, об учете в 1374 г. см. Joseph Cuvelier, Les dénombrements de foyers en Brabant (XIV—XVI siècles), Bruxelles 1912, р. IX—XII; цит. по указанной статье Ушера, стр. 118—119.

² См. Nielsen, Dänische Wirtschaftsgeschichte, S. 7. Тут же приведены и другие оценки.

к выводу о стабильности населения за весь период от 1300 до 1750 г.

В отношении Дании этот вывод, пожалуй, справедлив. Имеется ряд указаний, что действительно в течение целых столетий население Дании почти не увеличивалось. Во-первых, чума 1348—1349 гг. вызвала в Дании особенно большие опустошения. Во-вторых, XIII и XIV вв. характеризуются постоянными феодальными войнами, которые весьма губительно отражались на численности населения.

Укажем еще, что имеются оценки и за более отдаленные периоды. Инама-Штернегг для VIII в. дает 550 тыс. человек, для X в. 800—900 тыс., для начала XIII в. 1 500 тыс. Эти цифры, впрочем, малодостоверны. Трудно допустить, чтобы в ту эпоху имел место такой бурный рост населения. Во всяком случае можно не сомневаться, что Дания была густо населена с давних пор. К 1000 г. уровень плотности населения Дании был выше, чем в Германии; если считать, что уровень плотности в Дании был на 20% выше, чем в Германии, то мы получим среднюю плотность в 12 человек на 1 км². Это даст около 500 тыс. человек для Дании в целом. В первые столетия население возрастало (если не считать большого голода в 1086 г., значительно снизившего численность населения), затем рост его остановился; к 1500 г. количество жителей в Дании можно считать равным примерно 600 тыс.

Для Швеции и Норвегии данные могут быть почерпнуты из материалов о сборе в пользу папского престола (так называемый *Peterspfennig*). Эти материалы приводят к цифрам в 600 тыс. человек для Швеции и в 300 тыс. для Норвегии к XIV в. Эпидемия чумы коснулась и этих стран. Полагают, что население после эпидемии составляло лишь две трети прежнего уровня. Не имея более точных цифр, будем считать приведенные выше цифры как показатели населения Норвегии к 1500 г., а для Швеции примем 650 тыс., исходя из того, что Сундберг (*Sundbärg*) для 1600 г. дает 900 тыс. человек (см. часть III, стр. 174). Для Швеции и Норвегии в 1000 г. можно принять цифру в 600 тыс. человек. Мы принимаем прирост лишь в 60% за 500 лет, учитывая, что норманны уже в ту пору в довольно большом количестве покидали свои родные места (стоит только вспомнить норманские завоевания во Франции, в Англии, колонизацию Прибалтики, заселение Исландии, даже открытие Америки!).

9. РОССИЯ

О численности населения России (в границах 1914 г.) к началу второго тысячелетия нашей эры мы можем иметь лишь весьма смутное представление. Известно лишь, что уже к этому времени почти вся обширная равнина была заселена различными народами: на территории теперешней Украины жили древляне,

поляне; севернее жили радимичи, вятичи, кривичи и другие племена; сравнительно густо были заселены районы вокруг Новгорода. В общем можно сказать, что население группировалось вокруг пути «из варяг в греки». Все указанные районы составляли территорию единого Киевского государства.

Плотность населения значительно колебалась в пределах Киевского государства: на юге, в среднем Приднепровье, она была довольно велика. В других районах население было более редким. В соответствии с большинством исторических памятников и археологических раскопок можно теперь считать установленным, что в значительной части Киевской Руси в сельском хозяйстве была подсечная система земледелия (подготовка пашни путем сжигания леса), требовавшая значительных земельных просторов на душу населения.

П. Н. Третьяков, автор специального исследования об этом виде земледелия, указывает, что подсечная система существовала, например, в Белоруссии вплоть до XVI в. «Новгородская область знает ее в XVI—XVII вв. До этого же времени сохранились подсеки в верховьях Волги и ряде других мест севера Восточной Европы»¹.

На этом основании можно предположить, что плотность населения в Киевской Руси была ниже плотности, например, Германии, где уже к этому времени была широко распространена трехпольная система земледелия. Наряду с сельским хозяйством были развиты бортничество, охота и рыболовство².

Следует указать еще, что в Киевской Руси были распространены также и различные промыслы. Имеются летописные сказания, говорящие о том, что в городах жили плотники, древоделы, мостники, лучники, бондарники, гончарники, кожевники, медники, скорняки, сапожники, шапошники, рыбаки и др.³

О большом населении в Киевской Руси свидетельствует и сам город Киев. Согласно отзывам современников, в Киеве в конце X и начале XI в. было 400 церквей, 8 рынков и «несметное множество народа». «Адам Бременский» во второй половине XI в. называет Киев соперником Константинополя (а ведь в Константинополе население приближалось к 1 млн. человек! — Б. У.) Митрополит Киевский Илларион в своем знаменитом «Слове»

¹ П. Н. Третьяков, Подсечное земледелие в Восточной Европе, «Известия Государственной академии истории материальной культуры», т. XIV, в. 1, 1932, стр. 12

² Многие историки полагали, что именно эти промыслы и были основными занятиями населения Киевской Руси и что будто бы с сельским хозяйством оно познакомилось позднее. Однако против этих взглядов говорят лингвистические сравнения. Слово «жито», обозначающее хлеб, одинаково как у восточных, так и у западных славян; точно так же слова пахать, целина, жатва, сноп и др. «Все это показывает, что земледелие вообще, и в частности хлебопашество, было широко распространено у славян в древнейшие периоды» (П. И. Лященко, История народного хозяйства СССР, т. I, М., Соцэжгиз, 1939, стр. 57)

³ Лященко, цит. соч., стр. 99—100.

называет Киев городом, «блистающим величием», Лаврентьевская летопись под 1124 г. говорит, что в Киеве был грандиозный пожар, причем «церквей единых изгоре близ 600». Весьма вероятно, что здесь кое-что и преувеличено, но несомненно, во всяком случае, что Киев в XI в. — один из больших городов европейского масштаба¹. Такой большой и многолюдный город мог существовать только при наличии многонаселенного государства.

Помимо Киева, в Киевском княжестве (после распада единого Киевского государства) было более 40 городов, в Волынском — тоже 40, в Галицком — около 40, в Туровском — более 10, в Черниговском с Северским, Курским и Землей Вятичей — около 70, в Рязанском — около 15, в Переяславском — около 40, в Суздальском — около 20, в Смоленском — около 8, в Полоцком — около 16, в Новгородском — около 15. Во всех русских областях в летописях упоминается свыше 300 городов².

О населении этих городов некоторые материалы можно почерпнуть из сведений о пожарах, эпидемиях, о строительстве церквей, об археологических раскопках

Например, в 1211 г. сгорело в Новгороде 15 церквей и 4 300 дворов, в 1183 г. Владимир на Клязьме сгорел почти весь с 32 церквами, «в 1211 г. погорел Ростов едва не весь с 15 церквями, в 1221 г. погорел весь Ярославль с 17 церквями»³.

По эпидемиям летописи оставили такие записи: в 1230 г. «в Смоленске погибло от мору 30 тыс. человек, в Новгороде в 1390 гг. по одному иностранному известию (Кранца) погибло ст мору 80 тыс. человек, в Москве во время Тохтамышева взятия по одним известиям погибло 24 тыс. человек, по другим — вдвое меньше»⁴.

Кое-что могут дать и указания археологов

Например, С. В. Юшков указывает, что в двух городах, расположенных у устья реки Ольшаны и у устья реки Свинки, население «было довольно многочисленным, о чем свидетельствует большой курганный Некрополь X—XII вв., в котором насчитывается 3 862 кургана»⁵. О том, что города были довольно многочисленны, говорит также и тот факт, что в пяти из них (Киев, Новгород, Ростов, Переяславль, Белгород) имелись тысяцкие, т. е. число взрослых мужчин превышало тысячу человек и, следовательно, население в целом превышало 5 тыс. человек.

Некоторое представление о цифре населения мы можем почерпнуть из размеров русской армии. По описаниям греческого историка Льва Диакона, князь Игорь подступил к столице Византии «с великим ополчением на 10 000 судов». Этот же Диакон

¹ Б. Д. Греков, Киевская Русь, М. 1939, стр. 14

² С. М. Соловьев, История России с древнейших времен, изд. 3-е, кн. I, стр. 705.

³ Там же, стр. 702.

⁴ Там же, стр. 1210

⁵ Юшков, Очерки по истории феодальных отношений в Киевской Руси, Академия наук СССР, Институт истории, 1939, стр. 23.

сообщает, что армия Святослава, приведенная им в Болгарию, состояла из 60 тыс. русских¹.

Сохранились еще летописные материалы о походе Олега на Византию в 907 г. Летописец сообщает, что в этом походе у Олега было 2 тыс. лодок, каждая на 40 человек, итого 80 тыс. человек. Кроме того, конница насчитывала 8—10 тыс. коней². Получается почти стотысячная армия. Многие историки склонны считать, что эти цифры сильно преувеличены. Быть может, это и верно. Но ведь надо учесть, что Олег заставил сдаться Царьград, а Византия была очень сильна в военном отношении (правда, в X в. военная мощь ее уже начала слабеть). Из этого можно заключить, что армии Киевской Руси были действительно очень многочисленны.

Из всего сказанного следует сделать вывод, что Киевская Русь к началу XI в. была государством, население которого измерялось миллионами. Чтобы более точно подойти к цифре населения, возьмем мерку плотности населения.

Территория Киевского государства была весьма значительной. Его владения тянулись до северных озер и морей, где располагались племена: чудь заволочская, весь, карелы и др., платившие дань Киеву. В формировании общерусской армии участвовали многие племена. Так, например, в походе Олега участвовали ильменские славяне, кривичи, древляне, радимичи, поляне, северяне, хорваты, дулебы, тиверцы, чудь, меряне³.

Трудно очертить точно территорию Киевского государства в X—XI вв. Академик Б. Д. Греков дает территорию, равную примерно 1,8 млн. км² (исчислено нами). В учебнике «История СССР» (карта № 3) территория Руси в IX—XI вв. равняется около 1,1 млн. км² (исчислено нами)⁴. Столь значительная разница возникла, главным образом, вследствие того, что академик Греков огромные территории севера включил в состав Руси, а в учебнике «История СССР» они не включены. Но мы не будем придерживаться точных границ Киевской Руси, которые к тому же определить невозможно. В основу определения территории мы положим границу, соответствующую административному делению в XIX в. Это поможет нам лучше осуществить сопоставление с материалами позднейшего периода и даст нам более однородные территории.

¹ См. Греков, цит. соч., стр. 238—239.

² См. Разин, История военного искусства с древнейших времен до первой империалистической войны, ч. II, стр. 35.

³ Там же, стр. 35.

⁴ При этом мы исходили из того, что в состав Киевского государства в 1000 г. полностью входило 13 губерний б. Европейской России (Петербургская, Псковская, Витебская, Смоленская, Виленская, Минская, Могилевская, Волынская, Черниговская, Тульская, Калужская, Московская, Тверская) и частично входили 11 губерний (60% Гродненской, 50% Киевской, 40% Подольской, 80% Полтавской, 20% Харьковской, 50% Курской, 90% Орловской, 80% Рязанской, 70% Ярославской, 90% Владимирской, 90% Новгородской). Кроме того, в состав Киевского государства входило около 60 тыс. км² земли, отошедшей впоследствии к Австро-Венгрии.

Исходя из этого, северные районы, хотя они, пожалуй, и должны быть включены в состав Киевской Руси, учтены нами совсем по особой мерке. С другой стороны, мы прибавим на востоке и юго-востоке около 250 тыс. км² территории, которая не входила в состав Киевской Руси. Всего площадь Киевской Руси в таких условных границах составит 1 330 тыс. км². Даже после исключения севера нельзя сказать, чтобы мы получили однородную, с точки зрения плотности населения, территорию. На юге, в районах, близких к Киеву, плотность населения была значительно выше, чем на новгородских землях, которые тогда считались «неродимыми», и поэтому у новгородцев земледелие не было основным источником средств существования. Еще более низка была плотность на московских землях, которые в 1000 г. были сравнительно мало колонизованы, а коренное население этих мест было немногочисленно.

В общем можно считать, что плотность населения южных районов Киевской Руси была ниже средней плотности населения среды, например, германских племен. Следовательно, речь может идти о цифре меньшей, чем 10 человек на 1 км².

С другой стороны, мы можем подойти к цифре плотности, отправляясь от техники земледелия. Значительная часть этих районов представляла собой степь, на которой существовало переложное хозяйство. Б. Д. Греков пишет: «Леса на юге были выжжены и вырублены довольно рано, и чем южнее, тем их становилось меньше, пока степь не делалась господствующей. В степях подсеки быть не может. Скифы, которые давно вдоль Днепра занимались земледелием, не выжигали леса для устройства своих пашен. Если бы это было иначе, Геродот не преминул бы об этом упомянуть. Их орудия производства говорят о том же»¹. В другом месте Б. Д. Греков указывает, что «подсека в качестве господствующего способа земледелия в IX—XI вв. для некоторой части Киевщины исключается. Более длительное ее бытование было возможно лишь на севере, в Новгородской земле, и на северо-востоке, в бассейне Волги — Оки»². На этом основании мы можем считать, что юг Киевской Руси уже тогда был не богат лесом, а представлял собой, в значительной доле, степь, которая «начинает ю подлинного перелога»³. По нашей таблице на стр. 376 переложному хозяйству соответствует примерно 4—10 человек на 1 км². Учитывая, что срок забрасывания земель в ту пору был довольно значителен, мы полагаем, что для юга Киевской Руси плотность населения не превышала 6 человек на 1 км².

Земли, расположенные к северу от Приднепровья, к 1000 г. были заселены реже. Для центральной земледельческой полосы, белорусских земель и Новгородской Руси при оценке уровня плотности следует исходить из того, что там в ту пору в ряде

¹ Б. Д. Греков, Киевская Русь, М. 1939, стр. 38.

² Там же, стр. 38.

³ Там же, стр. 41.

районов преобладало подсечное хозяйство (2—3 человека на 1 км² — см таблицу на стр 376), а в других районах — переложное (4—10 человек на 1 км²). В общем можно считать, что средняя плотность равнялась 4 человекам на 1 км². Наконец, для московских земель, которые в ту пору были в значительной степени покрыты лесами, плотность населения, вероятно, не превышала 2 человек на 1 км². При этом надо учесть¹, что спустя 5—6 веков плотность населения в Замосковском крае равнялась примерно 6—7 человекам на 1 км².

Приведенные оценки плотности дают следующие цифры населения:

Население Киевской Руси к 1000 г

Р а ю н ы	Т е р р и т о р и я (в км ²)	П л о т н о с т ь н а с е л е н и я н а 1 км ²	Н а с е л е н и е (в тыс)
Юг Киевской Руси ² . .	320	6	1 920
Центрально-земледельческая половина, Белоруссия, Новгородская Русь ³	710	4	2 840
Московские земли ⁴	300	2	600
И т о г о	1 330	4,03	5 360

Таким образом, получается, что население Киевской Руси (не считая северных районов) составляло свыше 5 млн человек.

Если же считать Киевское государство в его действительных исторических границах (т е площадь — 1,1 млн км²), то население его выразится цифрой 4,5 млн человек⁵.

Теперь перейдем к определению населения в остальных частях России в границах 1914 г.

Польско-литовско-эстонские земли населены были примерно так же плотно, как и юг Киевской Руси. В отношении польско-литовских земель некоторое глухое указание дают исчисления Павинского (Pawinski) и Яблоновского (Jablonowski), определив

¹ Исчислено по материалам книги Ю В Готье, Замосковский край в XVII в, М 1906, стр 269

² Имеются в виду следующие губернии Киевская, Волынская, Подольская, Харьковская, Полтавская, Черниговская

³ Курская, Орловская, Тульская, Рязанская, Воронежская, Тамбовская, Смоленская, Могилевская, Витебская, Минская, Псковская, Петербургская, часть Новгородской губернии

⁴ Московская, Тверская, Ярославская, Костромская, Владимирская, Калужская губернии

⁵ Упомянем о расчете населения Киевской Руси, произведенном историком Беляевым. Беляев пришел к цифре в 15 млн человек исходя из того, что армия Олега в 907 г насчитывала всего 50 тыс человек, и приняв пропорцию Моро де Жонэ 1 воин на 30 душ. Об этом см у Н П Огановского, Закономерность аграрной эволюции, т II, стр 30. Однако мы не считаем допустимым строить расчет на цифрах армии Олега, так как они имеют полуполегендарный характер.

ших для большей части Польши 1578 г 3 058 тыс человек¹ Считая территорию, охваченную этим расчетом, примерно в 250 тыс км², получаем плотность населения в 12 человек на 1 км².

Некоторые материалы о населении Польши имеются и за более ранний период Так, например, к 1335 г. на основе сбора налогов в пользу папского престола Белох в другой своей статье (о населении Европы в средние века, стр 420) определил (по материалам Theiner «Monumenta Polonica») население Польши в 260 тыс семей, т е 1 250 тыс Считая площадь в 150 тыс км², Белох получил плотность населения в 8 человек на 1 км² Учитывая, что за период 1335—1578 гг. население Польши довольно значительно возросло, получается, что оба эти источника вполне согласуются друг с другом К 1000 г плотность населения была значительно меньшая, чем в 1335 г Поэтому, принимая для этих районов уровень плотности в 5 человек, мы, вероятно, не очень далеко отойдем от истины

Северные районы были населены крайне редко. Еще в 1794 г средняя плотность в Архангельской и Вологодской губерниях равнялась 0,6 человека на 1 км², а в Вятской и Пермской губерниях — 3,7 человека В 1678 г плотность населения в Архангельской губернии в границах петровских времен равнялась 1,2 человека на 1 км², но надо учесть, что эта губерния захватывала некоторые довольно населенные территории Южная граница этой губернии подходила почти вплотную к Нижнему Новгороду

О чрезвычайно редком населении севера говорят также и материалы, относящиеся к XVI в Так, например, в Чердынском уезде 6 Пермской губернии по писцовым книгам 1570 г значилось около 1,5 тыс дворов² на территории около 70 тыс км² Если считать 6—7 человек на двор, то мы получим около 10 тыс человек, что даст 0,14 человека на 1 км² Правда, Чердынский уезд вследствие своих природных условий (часть территории гористая) имел плотность населения значительно более низкую, чем Пермская губерния в целом

Важно также еще отметить, что к 1000 г в этих районах земледелие было очень слабо распространено Господствующим занятием была охота Это видно хотя бы из того, что единичной обложки еще даже в начале XVI в был лук³ Все это говорит о том, что эти территории имели весьма редкое население

¹ См Inama Sternegg, op cit, «Handwörterbuch d Staatswissenschaften», В II, S 684

² «Материалы по оценке земель Пермской губернии», т III, в I, Чердынский уезд, Пермь, Статистическое бюро Пермского губернского земства, 1901, стр 98

³ «Из уставной грамоты, данной чердынским пермякам в начале XVI в, видно, что пермяки платили ясак с лука Очевидно, еще в то время пермяки жили преимущественно охотой» См «Материалы по оценке земель», стр 88

В общем для всех северных земель можно принять плотность населения к 1000 г. примерно в 0,2 человека на 1 км².

Поволжье Среднее и Нижнее было населено более густо по сравнению с севером, но очень редко по сравнению с Киевской Русью. Часть территории была занята волжскими болгарами, часть — башкирами, часть — половцами, кочевавшими тогда на левом берегу Волги. (На донские степи половцы переселились в середине XI в.) В целом, учитывая весьма экстенсивный характер использования земли этими народами, мы считаем, что плотность населения в этих районах вряд ли превышала 0,7 человека на 1 км². При этом мы исходили из того, что в Нижнем Поволжье еще в 1794 г. плотность населения равнялась 1,4 человека на 1 км². Правда, в Среднем Поволжье в 1794 г. плотность населения равнялась 10 человекам на 1 км².

Наконец, нам осталось еще определить плотность населения в районах Дона и будущей Новороссии; тогда в этих районах преобладали кочевники-скотоводы — печенеги и хозары, не раз опустошавшие русские земли. Для кочевников-скотоводов характерна низкая плотность населения. Исходя из плотности населения ряда кочевых племен в более позднюю эпоху, можно примерно считать, что плотность населения кочевников юга России к 1000 г. равнялась 1,2 человека на 1 км²¹.

В итоге мы получаем такой расчет (см. табл. на стр. 89).

В целом численность населения в границах бывшей европейской части России к 1914 г. может быть представлена примерно цифрой в 8,5 млн. человек к 1000 г.

Эта цифра в течение веков увеличивалась медленно, так как славянским племенам приходилось выдерживать на себе всю тяжесть сопротивления набегам кочевников. А эти набеги в XI и XII вв. становились очень частыми. В результате этого наблюдается постепенный отлив населения в новые районы, более отдаленные от кочевников. Это привело к сравнительному запустению Приднепровья и к возвышению Московского государства.

К концу XII в. масса славян сосредоточивается на Верхней Волге, Оке и их притоках.

Но и в этих районах славяне скоро стали объектом нападения: полчища Батые вторглись в Русь и произвели колоссальные

¹ Мейцен (A. Meitzen, *Der Boden und die landwirtschaftliche Verhältnisse des Preussischen Staats*, 1868) считает, что для прокормления семьи кочевника нужно 300 голов скота (главным образом овец и коз). Тот же Мейцен указывает, что по вегетационным условиям Оренбургских степей на 1 кв. географической миле могут просуществовать 1800 голов скота, т. е. 6 семейств. (Об этом см. Brentano, *Agrarpolitik*, 2 Aufl., 1925, S. 72) Считая по 6—7 человек на семью, получаем около 36—42 человек на 1 кв. миле, или 0,7 человека на 1 км². Так как вегетационные условия в Донских степях значительно благоприятнее, чем в Оренбургских, плотность кочевого населения в этих районах могла быть более высокой; к тому же норма в 300 голов имеет в виду зажиточную семью. При бедном существовании Мейцен говорит о 100 головах скота; если считать в среднем 200 голов, то получается плотность около 1 человека на 1 км².

Население России к 1000 г.

Части страны	Территория (в км ²)	Плотность населения на 1 км ²	Население (в тыс.)
Киевская Русь (в условных границах)	1 330	4,03	5 360
Польско-литовско-эстонские племена ¹	320	5,00	1 600
Северные племена (финские и др.) ²	2 230	0,20	446
Среднее Поволжье (болгары, башкиры), Нижнее Поволжье (половцы) ³	990	0,70	693
Кочевники южных степей (печенеги, хозары) ⁴	400	1,20	480
Итого . .	5 270	1,63	8 379

опустошения. Монгольское иго на много лет задержало рост населения России. Относительно монгольского ига Маркс пишет, что татары «установили господство систематического террора, основами которого являлись опустошения и массовые избиения. Так как в сравнении с их колоссальными завоеваниями они были немногочисленны, то... путем повторной резни они уничтожали народы, которые поднимались у них в тылу»⁵.

На протяжении всего периода 1000—1500 гг. войны на Руси были обыденным явлением. Для иллюстрации мы можем привести следующую таблицу⁶.

Число лет войны и мира в истории России за 1000—1500 гг.

Века	Число лет войны	Число мирных лет	Итого
XI	33	67	100
XII	63	37	100
XIII	47	53	100
XIV	44	56	100
XV	48	52	100

В среднем почти половина лет приходилась на годы войны. К сходным цифрам пришел Соловьев для периода 1055—1228 гг. Он исчислил 80 лет усобиц и 93 года мира. Однако эти

¹ Привислинский край и губернии Виленская, Ковенская, Курляндская, Лифляндская, Эстляндская.

² Финляндия и губернии Олонеккая, Архангельская, Вологодская, Вятская, Перская, часть Новгородской.

³ Саратовская, Симбирская, Пензенская, Казанская, Нижегородская, Уфимская, Самарская, Оренбургская, Астраханская губернии.

⁴ Бессарабская, Херсонская, Таврическая, Екатеринославская губернии, Область Войска Донского. Не вся эта территория была занята кочевниками. На территории Бессарабии и части Херсонщины проживали оседлые племена (тиверцы и уличи).

⁵ Marx, Secret diplomatic history, p. 78.

⁶ Таблица составлена нами на основе хронологического указателя войн А. С. Лазинского, 1901 г.

усобицы не были повсеместны, а часто имели локальный характер. Например, для этого же периода Соловьев указывает, что Киевское княжество было местом усобиц не более 23 раз, Черниговское — не более 20 раз, Волынское—15, Галицкое — не более 6, Туровское — 4, Полоцкое — 18, Смоленское — 6, Рязанское — 7, Суздальское — 11, Новгородское — 12¹.

Войны приносили с собой большой урон населению. «По тогдашним понятиям воевать значило — опустошать, жечь, грабить, брать в плен». Особенно страдало население от половцев, которых мелкие князья брали себе в союзники в борьбе с другими князьями. «Кроме постоянного участия в усобицах княжеских, половцы и сами по себе нередко пустошили русские волости. Летопись указывает 37 значительнейших половецких нападений (надо думать, за период 1055—1228 гг.— Б. У.), но видно были другие, не записанные подробно по порядку. Черниговское и Переяславское княжества страшно страдали: Святослав Ольгович Черниговский говорит, что у него города пусты, живут в них только псаря да половцы. Владимир Глебович Переяславский говорит, что его волость пуста от половцев»².

Эпидемии также не были редким гостем. Еще в XI в. (1092 г.— Друк, Полоцк) летописцы отмечали распространение каких-то язв, вызывавших повальную смертность. Сильный мор был в Новгороде в 1158 г., «от смрада нельзя было пройти от торгова сквозь город». После сравнительно благополучного в этом отношении XIII в. наступил XIV век. Буря «черной смерти», которая пронеслась над Западной Европой в 1347—1349 гг., в России разразилась на 2—3 года позже. В 1351 г. начался мор в Пскове, затем он появился в Новгороде, а затем в Смоленске, Киеве, Чернигове, Суздале, Глухове, Белозерске, Ладоге, а в 1353 г. и в Москве. Убыль населения от эпидемии была очень значительна. В некоторых городах не осталось ни одного человека (Глухов, Белозерск). В Москве от чумы умерли митрополит, великий князь Симеон Гордый, два сына его и брат его. Все же надо сказать, что вследствие низкой плотности населения и сравнительно мало развитой торговли (общение с городом), а также быть может вследствие холодного климата ущерб от этой эпидемии в России был в процентном отношении намного меньше, чем в Западной Европе. Если для Англии, Италии и других стран речь идет о сокращении населения на треть или четверть, то для России речь может идти о сокращении, вероятно, не более чем на 5—6%.

Как и в Западной Европе, в России через 10—12 лет после «черной смерти» началась новая эпидемия чумы. В 1363 г. мор начался в низовьях Волги, затем он стал свирепствовать в Нижнем Новгороде, потом в Рязани, Коломне, Переяславле, Москве, Твери, Владимире, Суздале, Дмитрове, Можайске, Волоке,

¹ Соловьев, цит. соч., кн. I, стр. 705—706.

² Там же, стр. 706—707.

Белоозере: «бедствие продолжалось не один год, обходя разные города». Помимо этого, летописцы упоминают о море в 1373, 1375 (Киев), 1387 (Смоленская область: «из самого Смоленска вышло только 5 человек живых и затворили город»), 1389 (Псков), 1390 гг. (Новгород), но это были эпидемии локального характера. Более разрушительные эпидемии были в XV в. «В 1417 г. мор с кровохарканием и жалезою опустошил Новгород, Ладогу, Русу, Порхов, Псков, Торжок, Дмитров и Тверь». В 1420 г. мор начал опустошать северо-восточную полосу — Кострому, Ярославль, Юрьев, Владимир, Суздаль, Переяславль, Галич, Плесо, Ростов («хлеб стоял на нивах, жать было некому»). Кроме того, значительные эпидемии были еще в 1423 («в Новгороде, Кореле и по всей Русской земле»), в 1425 (Галич, Москва), 1441—1443 гг. (Псков). И во второй половине XV в. были значительные эпидемии, например, в 1467 г. в результате осады Новгорода возник мор, от которого умерло 48 тыс. человек, «а во всех пятинах свыше 250 тыс. человек»¹.

Несмотря на такие неблагоприятные условия, население хотя и медленно, но все же возрастало; к 1500 г. оно увеличилось на три четверти, так как, по нашим расчетам в части III, оно составило около 15 млн. человек. Это дает в среднем в год 0,11% роста.

10. СВОДНЫЙ ОЧЕРК

Используя весьма скудный материал, имевшийся в нашем распоряжении, сделаем попытку представить население средневековой Европы в количественном выражении.

Свод наших исчислений может быть дан в следующей таблице²:

Предположительная динамика населения Европы за 1000—1500 гг.

Годы	Население Европы	Абсолютный прирост за весь период	Средний прирост за год	Процент роста	
				за столетие	в среднем за год
	в млн		в тыс.		
1000	56,4	—	—		
1100	62,1	5,7	57	10,1	0,10
1200	68,0	5,9	59	9,5	0,09
1250	72,9	4,9	98	15,7	0,14
1300	78,7	5,8	116		0,15
1350	70,7	—8,0	—160	—0,8	—0,21
1400	78,1	7,4	148		0,20
1450	83,0	4,9	98	16,1	0,12
1500	90,7	7,7	154		0,18

¹ Материал об эпидемиях в России заимствован у Соловьева, История России, кн. I, стр. 1221—1224, 1535.

² Цифры по отдельным странам приведены в сводной таблице на стр. 414—415.

Прежде чем комментировать полученные цифры, сделаем сопоставление с различными другими исчислениями населения Европы в средние века.

Русский статистик В. И. Покровский¹ дает для Европы 1480 г. 40 млн. человек. Даже если он имел в виду лишь Западную Европу, то и тогда преуменьшенность этой оценки не подлежит сомнению. Только население Франции, Германии и Италии вместе составляло около 40 млн. человек.

Известный статистик Баллод² дает для 1350 г. цифру в 100 млн. человек. Эта цифра также значительно расходится с нашей (70,7 млн. у нас). Никакого обоснования для этой цифры Баллод не приводит: ее «круглость» показывает, что она взята весьма приближенно.

Американский демограф Рейтер дал оценку населения Европы к 1066 г. в следующих словах: «Невероятно, чтобы к моменту норманского завоевания, учитывая состояние культуры того времени на континенте Европы, могло бы существовать население, намного превышающее 10 млн. человек»³. Подобная оценка явно неверна. Цифра населения, которую Рейтер принимает для всего континента, более подходит, например, для одного Пиренейского полуострова!

Оценки других статистиков и экономистов значительно более интересны.

Немецкий экономист Шмоллер оценивает население Европы к 1500 г. в пределах от 60 млн. до 80 млн. человек. По нашим же расчетам — 91 млн., т. е. на 14% больше верхнего предела его оценки.

Немецкий статистик Фиркс⁴ пишет, что «в XII и XIII вв., несмотря на большие потери от крестовых походов, в Европе насчитывалось от 50 до 60 млн. жителей». Если мы для середины XII в. в наших расчетах возьмем 65 млн., а для середины XIII в. — 73, то увидим, что оценка Фиркса расходится с нашей на 20—30%.

Более тесная согласованность получается при сопоставлении с оценкой Рюмелина (Rümelin)⁵. Определяя число умерших от чумы 1348—1349 гг. в 25 млн. человек, Рюмелин полагает, что эта цифра составила треть всего населения, которое он считает, следовательно, равным 75 млн.; согласно нашим расчетам, население в этот момент равнялось 85 млн. Только далее начинается большее расхождение: Рюмелин полагает, что от чумы умерла треть, и дает цифру в 50 млн. после чумы, у нас же получается 71 млн., так как мы исходили из значительно меньшего ущерба от чумы.

¹ См. старый энциклопедический словарь Брокгауза, ст. «Население».

² Ballo d, Grundriss d. Statistik, 1913, S. 21.

³ См. Reuter, op. cit., p. 92.

⁴ Fircks, op. cit., S. 91.

⁵ См. Rümelin, Die Bevölkerungslehre, «Schönbergs Handbuch d. Polit. Ökon.», 2 Aufl., B. II, S. 923.

Особенно близко к нашим цифрам подошли цифры американца Рэсселя¹. Рэссель считает, что к 1000—1050 гг. население Западной Европы составило 35 млн. Из всей Европы Рэссель исключал Россию, дунайские страны, Балканы. По нашим же расчетам, Западная Европа в понимании Рэсселя насчитывала к 1000 г. 35,4 млн. человек, а к 1100 г.—38,4 млн.; из этого видно, что цифра Рэсселя, относящаяся к 1000—1050 гг., в точности совпадает с нашими исчислениями.

В общем же надо сказать, что среди многих историков, статистиков и демографов существует, по нашему мнению, довольно расплывчатое представление о численности населения Европы в средние века и его динамике. Так, например, такой крупный знаток демографии, каким является Кучинский, пишет, что население Европы в 1300 г. было таким же, как и в 1600 г. По его мнению, рост населения начался лишь с XVIII в.² Многие другие демографы также склонны представить средневековые как эпоху стационарного населения. Так, например, Рейтер пишет: «В течение средних веков население было почти стационарным»³. Баллод дает для 1350 г. 100 млн., а для 1700 г.—110 млн., исходя также из того, что за 1350—1700 гг. население возросло всего на 10%⁴.

Приведенная нами таблица дает известные основания предполагать, что представления о стабилизации населения являются недостаточно обоснованными. Несмотря на всю неполноту использованных нами материалов и всю условность примененных методов, общая картина роста населения в средние века вряд ли может быть оспорена. Конечно, этот рост был очень медленным, но все же он был.

Особенно распространена точка зрения, согласно которой рост населения происходил только в XI, XII и XIII вв. Далее же уверяют, что население остановилось в своей численности, даже начало убывать. Впервые, надо думать, такую точку зрения высказал Шмоллер⁵, заявив в одной из своих работ, что в период 1250—1450 гг. едва ли может быть речь об общем увеличении населения Германии. К Шмоллеру присоединился Зомбарт, утверждавший, что убыль населения происходила и в других странах. Он говорил, что в Англии население росло только в период между «Книгой страшного суда» и «сотенными свитками», затем до 1500 г. остается в том же положении⁶. Такая

¹ См. Russell, Medieval population, «Social Forces», 1937, v. 15, № 4, p. 504.

² См. Kuczynski, Population movements, p. 23.

³ Reuter, op. cit., p. 92.

⁴ Balloд, op. cit., p. 21. Эти же цифры приводит в своем труде Woytinski, Welt in Zahlen, Berlin 1925, B. I, S. 24

⁵ См. Schmoller, op. cit., «Zeitschrift für d. ges. Staatswissenschaft», 1871, S. 299—300.

⁶ Зомбарт, Современный капитализм, т. I, полутом I, стр. 254; в русском издании ошибочно указан 1150 г. вместо 1500 г.

картина, по мнению Зомбарта, была в Германии, Франции, Бельгии и т. д.

С подобной точкой зрения мы не можем согласиться. Во Франции, действительно, Столетняя война вызвала убыль населения, во всех же остальных странах, кроме чумы 1348—1349 гг., не было особых причин к тому, чтобы население остановилось в своем росте или даже стало убывать¹.

О росте населения за первое тысячелетие нашей эры можно говорить весьма и весьма условно.

Общая численность населения Европы к началу нашего летоисчисления составляла, по исчислению Белоха (с нашими дополнениями, см. стр. 21), около 33 млн. человек.

Для 1000 г. выше мы пришли к цифре в 56,4 млн. человек. Однако цифры в 33 млн. и 56 млн. сопоставимы лишь очень условно. Полученный рост почти в 75% за 1000 лет нельзя рассматривать как средний прирост за этот период. В первые два века нашей эры население Европы, надо полагать, увеличивалось. Далее наступил упадок Рима, за ним — великое переселение народов, нашествие новых племен из Азии. Все это тысячелетие было настолько богато событиями, что весьма трудно делать сопоставление цифр для начала и для конца периода.

В связи с этим интересно указать, что Белох в другой своей статье² делает попытку рассчитать прирост населения Европы за первые 200 лет нашей эры, т. е. от момента своей прежней оценки (14 г. н. э., год смерти Августа) и до начала III в. Методика расчета Белоха следующая. Он определяет население европейских провинций Римской империи в 1600 г. в 50 млн. человек (Италия — 13 млн., Испания — 10 млн., Франция, Швейцария, часть Германии — 20—25 млн., Британия — 4 млн.). С другой стороны, на этой же территории (только без Британии) в эпоху Августа было 20 млн. человек. «Население в III в. должно находиться между этими двумя величинами. Средняя будет 35 млн.», — пишет Белох. Далее, Белох выражает некоторое сомнение, не высока ли эта цифра, так как население в Италии и Испании со времени Августа не очень существенно увеличилось. Но он тут же это сомнение отводит, так как считает возможным, что Галлия в III в. имела население вдвое большее, чем при Цезаре. Кроме того, говорит Белох, за эти столетия сильно выросло население дунайских стран и Франции. Исходя из этого, Белох определяет население европейских провинций Римской империи к началу III в. «немного менее 50 млн. человек». Он, правда, тут же оговаривается, что эта цифра не претендует на абсолютную правильность. Все же он считает, что возможна

¹ Некоторые географы приближаются к этой точке зрения. Кречмер (Kretschmer), например, пишет: «Если невозможно установить в достаточной надежных цифрах численность населения из года в год или из столетия в столетие, то все же на основе различных обстоятельств можно констатировать постепенный рост населения, начиная с древних времен». См. его «Historische Geographie von Mitteleuropa», S. 496.

² Указанная статья о населении в древние века, стр. 619.

ошибка не более 20% в обе стороны. Это означает, что он для европейских провинций Римской империи в III в. н. э. оценивал население не менее 40 млн. и не более 60 млн. человек.

Надо сказать, что эта оценка Белоха, в противоположность другим его расчетам, сделана недостаточно основательно.

Во-первых, трудно предполагать, что население европейских провинций Римской империи за первые два века увеличилось настолько же, насколько за последующие 13 веков после этого! Если принять расчеты Белоха, то получается, что за первые два столетия нашей эры население Галлии увеличилось с 5 млн. до 10 млн., а затем, с 200 до 1940 г., — с 10 млн. до 40 млн. Выходит, что темп роста в период 200—1940 гг. почти в 5 раз меньше, чем в период 0—200 гг. Как будто бы в первые два века нашей эры не было ужасных голодных годов, не было войн и т. д., не было импорта рабов в Рим! Конечно, это не так. Поэтому с расчетами Белоха мы не можем согласиться. Одно только мы должны вывести из этого: определение темпов роста за первое тысячелетие нашей эры — дело весьма сомнительное и рискованное. В связи с этим приведенную выше цифру (75% роста за 1000 лет) можно использовать лишь как глухое указание на то, что в первом тысячелетии средний рост населения был примерно в 2 раза ниже, чем в эпоху расцвета феодализма.

Теперь перейдем к рассмотрению нашей таблицы за 1000—1500 гг.

График ее можно представить в следующем виде:

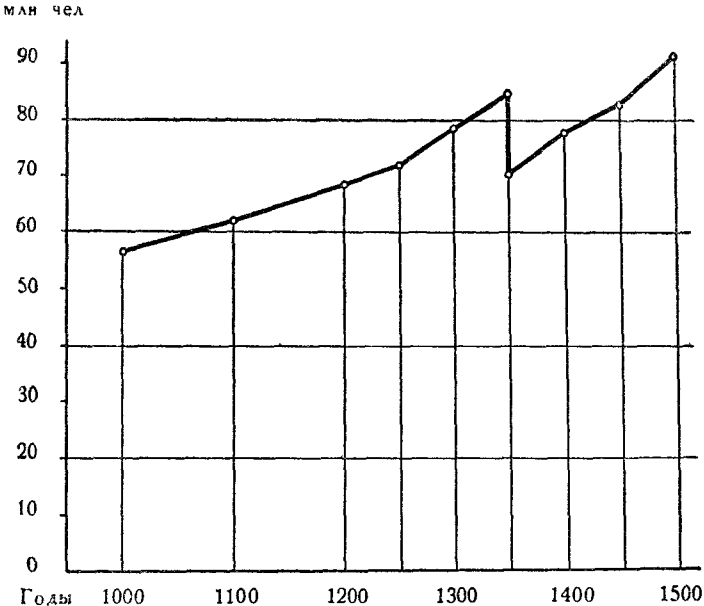

Рис. 3. Предположительная динамика населения Европы в 1000—1500 гг.

Из графика видно, что население Европы в целом неуклонно возрастало, за исключением периода 1300—1350 гг., когда «черная смерть» причинила колоссальный урон европейскому населению. Чтобы дать более правильную картину динамики населения, мы соединили кривой наши точки за 1300—1350 гг. так, чтобы не получилось представления о медленном снижении населения за этот период; падение населения произошло в течение двух-трех лет; мы это и характеризовали почти вертикальным падением кривой населения, предварительно несколько повысив цифру населения по сравнению с 1300 г.

Неуклонный (за исключением чумы середины XIV в.) рост населения Европы может вызвать некоторые недоумения. Всем известно, что история феодализма есть история непрерывных войн, частых голодных годов и эпидемий, история крестьянских восстаний, история непомерной феодальной эксплуатации крестьянства. Как же с этим согласуется рост населения?

Подобное недоумение, с первого взгляда, закономерно. Но следует учесть, что мы даем здесь общую тенденцию развития, которая, несмотря на все неблагоприятные обстоятельства, все же имела место. Надо помнить, что мы здесь оперируем не с отдельными годами и даже не с десятилетиями, а со столетиями. Если бы условия средневековой жизни были хоть скольконибудь благоприятнее для народа, то за 100 лет рост был бы во много раз более значительным.

К тому же не следует представлять себе XI—XV вв. как эпоху полного застоя в области сельскохозяйственной техники. В эту эпоху сельскохозяйственная продукция увеличивалась как путем экстенсификации, так и путем интенсификации. Шел процесс расширения посевных площадей, главным образом, путем расчистки лесов и осушения болот. Наряду с этим постепенно улучшалось использование земли. Если в XI в. даже во многих частях Западной Европы еще существовала залежная система (не говоря уже о Восточной Европе, где залежная система удержалась в ряде районов до XX в.), то к XV в. трехполье стало господствующей формой. Введение трехполья означало увеличение сборов хлебов как вследствие сокращения доли пустующей пашни, так и в результате распространения озимых посевов, дающих значительно большие урожаи, чем яровые. В структуре посевов хлебов также замечаются сдвиги. Вместо преобладания овса и ячменя, на первое место выдвигаются постепенно рожь и пшеница, имеющие большее продовольственное значение. Сельскохозяйственные орудия за это время совершенствовались. Если на вилах Карла Великого весь сельскохозяйственный инвентарь заключался в лопатах, кирках, серпах и мотыгах, то уже к XV в. плуги и бороны получили большое, хотя и не повсеместное, распространение. Если в X—XI вв. скот в качестве тяговой силы мало применялся, а лошадь использовалась только для военных целей, то в XV в. лошадь уже не только тащит плуг, но и впрягается в телегу для различных хозяйствен-

ных надобностей. Таким образом, движение вперед все же было. На это указывает также Энгельс: «На средние века смотрели как на простой перерыв в ходе истории, причиненный тысячелетним всеобщим варварством. Никто не обращал внимания на великие шаги вперед, сделанные в течение средних веков: расширение культурной области Европы, великие жизнеспособные нации, образовавшиеся там в тесном взаимном соседстве, наконец, огромные технические успехи XIV и XV столетий»¹. В соответствии с этим рост населения также имел место. Однако темп роста населения был невелик. Достаточно сказать, что в XI и XII вв. средний ежегодный прирост населения всей Европы составлял около 60 тыс. человек, т. е. был меньше, чем в настоящее время ежегодный прирост одной Москвы. Прирост населения в феодальную эпоху был крайне ничтожен, но все же он был, и отрицать его вовсе не следует.

В XIV в. рост населения был оборван эпидемией «черной смерти». Мы уже указывали, что трудно установить размер убыли от нее. Многие ученые говорят об одной трети населения, некоторые даже о половине всего населения.

Например, известный русский географ А. И. Воейков пишет следующее: «Черная смерть в середине XIV столетия унесла половину населения в большей части Европы, а в некоторых странах и две трети»².

Более подробно оценкой ущерба от чумы занимался Геккер (Hecker), на цифры которого обычно все ссылаются. Геккер пишет:

«Из всех представлений о величине человеческих потерь в Европе наиболее вероятным является гибель четверти населения от чумы. Если в настоящее время в Европе проживает 210 млн. человек, то в XIV столетии численность населения, чтобы избежать более высоких цифр, которые легко могли бы быть оправданы, равнялась, по крайней мере, 105 млн. человек. Следовательно, можно с уверенностью и без преувеличений считать, что Европа вследствие эпидемии черной смерти потеряла 25 млн. человек»³. Из этого видно, что имеющая широкое хождение цифра Геккера обоснована очень слабо. Во-первых, Геккер совершенно не был осведомлен о цифре населения Европы до эпидемии и потому грубо принял ее равной половине населения в момент, когда писал свою книгу (английское издание 1846 г.). Во-вторых, считая, что погибла четверть всего населения, он не учел, что в Восточной Европе урон от эпидемии был значительно меньше, чем в Западной. Между тем некоторые склонны считать цифру Геккера даже преуменьшенной.

¹ Энгельс, Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии, М., Госполитиздат, 1938, стр. 22.

² Проф. А. И. Воейков, Распределение населения земли в зависимости от природных условий и деятельности человека, Спб. 1914, стр. 71.

³ J. F. G. Hecker, Die Grossen Volkskrankheiten des Mittelalters, Berlin 1865, Herausgegeben A. Hirsch, S. 55.

Мы считаем, что все эти оценки очень преувеличены. Конечно, вполне возможно, что в отдельных городах и районах умирало девять десятых всего населения, как уверяют летописцы, но в целом по стране, и тем более по всей Европе, ущерб был гораздо менее значителен. Мы этот ущерб определили в размере одной пятой—одной шестой населения, точнее, около 14—15 млн. человек¹, так как к 1348 г. население Европы составило примерно 85 млн. и к 1350 г.—71 млн. человек.

Наша оценка ущерба от чумы в 1,5 раза меньше цифры Геккера. Рюмелин и Принцинг², следуя Геккеру, говорят о 25 млн. человек. Баас (Baas) также дает ее, прибавляя еще цифру в 23 млн. жертв для Востока и 13 млн. для Китая³. Получается, что мы определили ущерб от «черной смерти» в 1,5 раза ниже, чем большинство авторов, занимавшихся этим вопросом. Но на самом деле это не так. Подобные преувеличенные оценки являются отчасти результатом несколько преувеличенного представления о населении Европы перед чумой 1348 г. Геккер, например, исходил из 105 млн. человек и получил 25 млн. как четверть этой цифры. По нашим же расчетам, население Европы того времени не достигало этой цифры. Если бы мы тоже взяли четверть, то получили бы не 25, а 21 млн. человек. Однако, повторяем, мы считаем более правильным говорить в целом для всей Европы об убыли одной пятой—одной шестой населения⁴.

Существуют мнения⁵, что Европе понадобилось 350 лет, чтобы достигнуть численности населения 1348 г. Это, конечно, преувеличение. Принцинг определяет период восстановления в 100 лет⁶. По нашим же расчетам, население достигло прежнего уровня через 110—120 лет.

Рассматривая график абсолютных приростов (стр. 99), мы видим, что в XIII и XV вв. рост населения был значительнее, нежели в XI и XII вв. Начался интенсивный международный обмен, улучшился транспорт, хранение продуктов—все это обеспечило меньшую смертность от голода. Крестьянству в XV в., несмотря на поражение в восстаниях, удалось все же несколько улучшить свое положение; оковы феодальных отношений уже в меньшей степени связывали крестьянство, обработка трудом

¹ Белох в указанной статье, стр. 422, дает еще меньшую убыль от чумы (всего 10 млн. человек); Шмоллер («Grundriss usw.», Teil I, S. 175) тоже говорит о 8—12 млн. человек.

² См. Prinzing, Bevölkerungsgesetz, «All. Stat. Arch.», B. 6, S. 14.

³ «Geschichte der Medizin», 1876, 253; цит. по Willcox, Intern. Migration, v. I, p. 44.

⁴ Историк средневековья Томпсон также считает, что «представление об убыли половины и трети всего населения не соответствует действительности. Сомнительно даже, чтобы убыль достигала даже четверти населения» (J. Thompson, op. cit., p. 381).

⁵ W. S. Thompson. Population problems, New York and London 1935, p. 236.

⁶ Prinzing, op. cit., S. 14.

постепенно заменялась оброком, сначала натуральным, затем денежным. Позорные законы, оскорбляющие человеческое достоинство (например, право первой ночи), постепенно отменялись. Кроме того, усиление королевской власти вызывало уменьшение феодальных войн, которые изнуряли население и увеличивали гнет феодальной эксплуатации.

В области промышленного развития также заметны некоторые сдвиги: в XII в. появляется шелковая промышленность, в XIII—XIV вв. сильно растет шерстяная промышленность, а в южной Германии — льняная промышленность, в XV в. развивается горная промышленность, изобретаются порох, компас, книгопечатание, эти, как говорит Маркс, «...необходимые предпосылки буржуазного развития...»¹ К концу XV в. во многих частях Европы почва уже была подготовлена для развития капитализма.

При среднем возрастании населения Европы на 70% географическое распределение этого прироста весьма различно. Юг Европы дал весьма незначительный прирост. Зато страны Центральной и Восточной Европы за этот период значительно увеличили свое население.

11. РОЖДАЕМОСТЬ И СМЕРТНОСТЬ В XI—XV вв.

Для периода 1000—1500 гг. нет никаких материалов о движении населения. Люди рождались, заключали браки, умирали, но все эти явления оставались без регистрации.

Правда, церковная регистрация имеет весьма далекое прошлое. В отдельных приходах записи о родившихся и умерших появляются еще в конце VI в.² Но лишь по постановлению Тридентского собора в 1563 г. католическое духовенство обязано было вести метрические записи. Таким образом, в отдельных местах факты, характеризующие движение населения, регистрировались. При этом регистрировались не рождения, а крещения, не смерть, а погребения, не браки, а венчания. Все же и эти

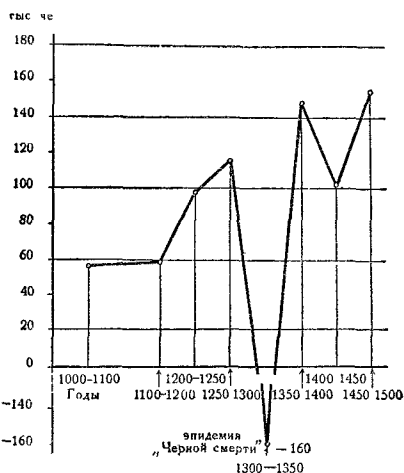

Рис. 4. Предположительная динамика ежегодных абсолютных приростов населения Европы за период 1000—1500 гг.

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. XXIII, стр. 131.

² См. С. А. Новосельский, Смертность и продолжительность жизни в России, стр. 9.

источники дали бы нам очень важные материалы для суждения о демографических процессах той эпохи. Но, к сожалению, никакой обработке и сводке эти церковные книги не подвергались.

Первый случай статистического использования этих записей принадлежит мэру города Лондона Джону Граунту, написавшему на основе их первый труд по демографии. Но это уже было во второй половине XVII в. И после Граунта ученые, интересовавшиеся этим вопросом, вынуждены были обращаться к отдельным пасторам с просьбой о присылке соответствующих материалов. Так, например, пришлось поступить английскому астроному Галлею, получившему от пастора Неймана материалы о смертности в Бреславле.

Отсутствие каких-либо сводок первичных записей в период их регистрации побудило статистиков нашего времени предпринять шаги по использованию архивных материалов. К счастью, в некоторых местах эти архивы уцелели. Благодаря этому по ряду городов удалось восстановить картину динамики населения в очень отдаленную эпоху¹. Но города составляли лишь незначительную часть всего населения (например, в Англии в XIV в. городское население составляло 8%, а в XI в. — 4%), и притом совершенно не характерную для всего населения. Рождаемость и смертность в городах резко отличались от рождаемости и смертности в сельских местностях (смертность в городах была выше, рождаемость ниже). Между тем в сельских местностях архивы церковных записей сохранились в гораздо меньшем количестве, чем в городах. Правда, по отдельным деревням статистикам удалось свести кое-какие материалы, но все они относятся к гораздо более поздним эпохам.

Полное отсутствие статистических материалов ставит нас в очень тяжелое положение. Нам остается лишь весьма грубо и приближенно попытаться наметить интенсивность рождаемости и смертности в эту отдаленную от нас эпоху.

Прежде всего отметим одну характерную особенность естественного движения населения в средние века — это колеблемость рождаемости и, особенно, смертности. Если в наше время рождаемость и смертность по годам колеблются в очень узких пределах, то в эпоху господства феодальных отношений эти колебания были во много раз сильнее.

¹ Однако в отношении восстановления статистики городов осталось сделать еще очень много. Инама-Штернегг в своей статье «Die Quellen der historischen Bevölkerungsstatistik» (Stat. Monatschr., 1886) указал, что в ряде городов имеющиеся архивы церковных книг остаются без обработки и инвентаризации. Так, например, по Италии имеются церковные книги в Ливне (с 1457 г.), Сиене (с 1379 г.), Пиенце (с 1466 г.). Во многих бельгийских городах имеются книги с начала XVI в., а в Брюсселе даже с 1406 г. По Англии имеются архивы, начиная с 1570 г. С тех пор как об этом писал Инама-Штернегг, прошло 50 лет, которые принесли с собой большое развитие демографии. Кое-что сделано и в отношении разработки и публикации этих материалов, но все же сравнительно еще очень мало.

Причина этих колебаний кроется, главным образом, в резких изменениях условий жизни. Один год, сравнительно благоприятный, хлеб у населения есть, войны нет, эпидемий нет — смертность на низком уровне. Но достаточно, чтобы в следующем году был неурожай, и смертность резко подымается.

Некоторое представление об этом могут дать изменения цен на хлеб. Колебания цен на хлеб были очень значительны. В хорошие годы цена на зерно была в 8—10 раз выше, чем в урожайные годы. Об этом мы знаем по дошедшим до нас сведениям о динамике цен.

Даже если взять не погодные данные, а средние за 25 лет, то и в этом случае получаются заметные колебания. Для характеристики приведем следующую таблицу¹:

Цены на пшеницу (средние за 25 лет) в марках за центнер в 1201—1400 гг.

Годы	Англия	Франция	Верхняя Италия		Германия (Страсбург)
			Генуя	Пьемонт	
1201—1225	4,95	3,72	4,07	—	—
1226—1250	5,50	6,05	4,34	—	—
1251—1275	6,93	5,55	6,16	—	3,21
1276—1300	7,36	6,87	9,58	10,67	5,15
1301—1325	9,30	9,53	10,96	8,89	21,47
1326—1350	6,53	7,99	—	12,50	7,98
1351—1375	7,65	10,02	—	12,06	6,38
1376—1400	5,46	4,75	—	—	4,85

Насколько значительны были колебания хлебных цен одного года к другому, видно хотя бы из того, что средняя за четверть века превышает среднюю за предыдущую четверть века более чем в 4 раза (см. последний столбец за 1300 — 1325 гг.).

За этими видимыми для нас резкими колебаниями хлебных цен стояли оставшиеся скрытыми от нас колебания смертности.

Известно, что если из коэффициента рождаемости вычесть коэффициент смертности, получится коэффициент естественного прироста. Такой коэффициент в целом для столетия был нами исчислен выше. Из этого следует, что, если бы нам был известен коэффициент рождаемости, мы могли бы определить коэффициент смертности, и наоборот.

Для наметки уровня рождаемости необходимо предварительно обратиться к динамике рождаемости в XVIII, XIX и XX вв. Рассматривая эту динамику по различным западноевропейским странам, можно прийти к выводу, что долгое время по всем странам коэффициент рождаемости колебался вокруг некоторого постоянного уровня. Перелом произошел в последней четверти

¹ Указанная статья Абея, табл на стр. 35.

XIX в., когда регулирование числа детей со стороны супружеских пар привело к постепенному снижению коэффициента. Только в Финляндии и во Франции этот перелом наступил ранее.

И действительно, в прежнее время, при отсутствии контрацепции (предохранение от зачатия) и широкого применения аборт, колебания рождаемости не могли происходить в очень широких пределах. Точно так же вряд ли могли иметь место какие-либо сильные тенденции к росту или падению.

В начале XIX в уровень рождаемости в Европе можно считать равным 38—39 на 1 тыс. (см. стр. 238).

Теперь возникает вопрос: как от этой цифры перейти к коэффициенту рождаемости в средние века? Для того чтобы этот переход стал возможен, мы должны были иметь ответы на следующие вопросы: какова была потенциальная и фактическая плодовитость, какова была половая и возрастная структура средневекового населения, какова доля женщин, состоявших в браке, каков был средний брачный возраст? К сожалению, на эти вопросы мы не имеем статистических ответов. Мы можем только высказать те или иные гипотетические соображения.

Вопросами эволюции потенциальной плодовитости человека (*fecundity*) занимался Карр-Саундерс. Карр-Саундерс пришел к выводу, что с ростом цивилизации и культуры производительная способность человека возрастает. Таково же было мнение Дарвина. Так, например, он писал: «Имеются основания предполагать, что воспроизводительная сила варваров меньше, чем воспроизводительная сила цивилизованных рас»¹. Английский ученый Хиип (Heap) также указывает, что «в высшей степени вероятно, что воспроизводительная сила человека растет с ростом цивилизации... Это есть результат регулярного снабжения хорошей пищей и других стимулирующих факторов, действующих в современном цивилизованном обществе». Это приводит к тому, что «зачатие у здоровых женщин возможно почти во всякое время в течение возраста, способного к деторождению»².

Из этого можно сделать вывод, что в средние века потенциальная плодовитость была выше, чем в варварский период. Если согласиться с наличием тенденции к увеличению производительной силы человека по мере роста культуры, то тогда надо также считать, что потенциальная плодовитость в начале XIX в. была выше уровня феодальной эпохи. Однако это превышение, если и имело место, было не очень велико, так как рост потенциальной плодовитости возможен в довольно узких пределах.

Удельный вес бесплодных браков в XIX в. был больше, чем в XIV—XV вв.; главная причина физического бесплодия — венерические заболевания. По расчетам Принцинга 48%

¹ Darwin, *Descent of Man*, p. 132; цит. по Carr-Saunders, *Population problem*, p. 101.

² Цит. по Carr-Saunders, *op. cit.*, p. 101.

бесплодных браков в Германии вызваны гонорреей¹. 5—6 столетий тому назад распространение венерических заболеваний было менее значительным (если не считать сильного распространения их в период конца XV и начала XVI в.), чем к началу XIX в.; поэтому и случаев бесплодия было меньше.

В отношении половой структуры населения в средневековой Европе вряд ли была существенная разница с современным положением. Перевес мальчиков при рождениях, надо думать, имел место и тогда. Гмелин² для периода 1559—1650 гг. в г. Галл исчислил 104,08 мужских рождений на 100 женских. В середине XVIII в. Зюсмильх установил близкую к указанному числу пропорцию: 105 мальчиков на 100 девочек. С другой стороны, смертность мужчин и тогда была значительно выше смертности женщин. В результате этого женщины преобладали над мужчинами по своей численности. По городам имеются материалы, свидетельствующие о таком преобладании. Так, например, в Нюрнберге в XV в. на 100 мужчин было 117 женщин, в Роштоке — 130, во Фрейбурге — 117³.

Возрастная структура средневекового населения, вероятно, несколько отличалась от возрастной структуры населения начала XIX в. К сожалению, все переписи, которые производились в прежнее время, не давали возрастной структуры. Только в XVIII в. мы получаем первые цифры о распределении населения по возрасту. По Швеции удельный вес населения в возрасте 15—50 лет в 1751—1775 гг. составлял 49,7%; так как женщин было примерно на 13% больше, чем мужчин, то мы получим, что в середине XVIII в. в Швеции удельный вес женщин в возрасте 15—50 лет составлял 26,4%, что несколько меньше, чем в 1935 г. (27,2%). Более характерный для средневековой Европы материал дает русская перепись 1710 г. Например, по Киевской губернии было переписано 274 993 человека в возрасте 15—50 лет из общего числа в 593 314 человек. Это дает 46%; считая число женщин равным числу мужчин, получаем 23%⁴. По Сибирской губернии, которая тогда захватывала значительную часть Европейской России, имеются сведения о распределении населения по возрасту отдельно женщин и мужчин. Переписано было женщин в возрасте 15—50 лет 127 881 из общего населения 541 388 человек, что дает 23,6%⁵. В Индии по цензу 1931 г.

¹ А. Grotjahn, *Geburtenrückgang und Geburtenregelung*, Berlin 1914, S. 264

² Gmelin, *op cit.*, S. 255

³ См. А. Fischer, *Geschichte des deutschen Gesundheitswesens*, B. I, S. 65

⁴ В 1897 г. в Киевской губернии было 24,1% женщин в возрасте 15—50 лет. Но следует учесть, что Киевская губерния в 1710 г. была гораздо больше, чем в 1897 г. (в 1710 г. Киевская губерния включала в себя не только Украину, но и значительную часть средней России с городами Орлом, Курском и др.).

⁵ См. Клочков, *Население России при Петре Великом по переписям того времени*, стр. 49 Правда, надо считаться с недоучетом женщин.

удельный вес женщин в возрасте 15—50 лет составил 24,4%. Учитывая вероятную конфигурацию кривой доживаемости в эпоху феодализма, справедливо предположить, что удельный вес женщин в возрасте 15—50 лет тогда был несколько меньше, чем в XIX в. Если в XIX в он был равен 25%, то в XI—XV вв он, вероятно, приближался к 24%, т. е. был на 4% меньше. Следовательно, в условиях равной плодовитости коэффициент рождаемости в 1000—1500 гг будет несколько меньше коэффициента рождаемости в XIX в вследствие пониженного удельного веса женщин, способных к деторождению.

Очень важно характеризовать уровень брачной плодовитости в X—XV вв. в сравнении с XIX. Среди факторов, определяющих брачную плодовитость, решающее значение имеет возраст вступления в брак. Известно, что женщины способны к деторождению примерно в продолжение 30—35 лет своей жизни (от 15 до 45—50). Если женщина вступает в брак в 30-летнем возрасте, то она в браке даст значительно меньшее количество детей, чем если бы она вышла замуж в возрасте 15 лет. Таким образом, рождаемость в стране в очень сильной степени зависит от того, находятся женщины в возрасте 15—30 лет в браке или в девичестве. Это играет тем большую роль, что после 30 лет плодовитость женщин начинает заметно понижаться.

Таким образом, ранние браки в очень сильной степени способствуют повышению рождаемости. В условиях отсутствия регулирования рождения (контрацепция, аборт) изменения в среднем брачном возрасте почти определяют собой изменения в уровне рождаемости.

Из этого ясно, что для суждения об уровне рождаемости в средние века нужно прежде всего установить, каков был примерный средний брачный возраст. К сожалению, по этому вопросу материалы имеются весьма скудные; все же и эти отрывочные материалы проливают некоторый свет на интересующий нас вопрос.

Можно считать установленным, что средний брачный возраст в прежние века был очень низким вследствие большого количества браков, заключенных в чрезвычайно раннем возрасте. Венчались не мужчины и женщины, а скорее девочки и мальчики. О низком брачном возрасте говорят законодательные мероприятия; так, в ряде немецких городов минимальным брачным возрастом считалось 14 лет для мальчиков и 12 лет для девочек. После достижения указанного возраста для вступления в брак не было препятствий. Роллер (Roller) считает, что в XIV—XV вв. приблизительно 60% всех невест были до 16-летнего возраста¹. Буркхардт (Burckhardt) сообщает, что в начале XVII в. в Базеле чаще всего девушки выходили замуж 15 и 16 лет. Кебнер

¹ См. Roller, Kinderehen im ausgehenden Mittelalter, «Sozialhygienische Mitteilungen», 1925, S 3 ff, цит. по A. Fischer, op. cit., B I, S 65.

(Коебнер) считает, что средний брачный возраст в германских государствах в XIV и XV вв. равнялся 15—19 годам для мальчиков и 13—15 для девочек «Этот обычай,— пишет Кебнер,— являлся характерной особенностью картины общества того времени и относился ко всем слоям населения»¹ Для подтверждения Кебнер приводит следующие материалы В период 1300—1520 гг из 41 женщины дома Виттельсбахов 4 вышли замуж 12-13 лет, 8—14 лет, 2—15 лет; из 28 женщин франкских и бранденбургских Гогенцоллернов 5 вышли замуж в возрасте 12-13 лет, 5—14 лет, 5—15 лет; из 10 женщин дома Нассау 1 вышла замуж 12 лет, 2—14 лет, 3—15 лет Из этого видно, что весьма значительная часть женщин из знатных домов вступала в брачную жизнь в детском возрасте По дому Гогенцоллернов и Нассау эта доля достигала половины, по дому Виттельсбахов — трети, по дому Веттинов — одной пятой Конечно, возраст вступления в брак в княжеских и графских домах не может считаться типичным для всего населения Высшая аристократия торопилась «определить» своих дочерей, чтобы реализовать разного рода расчеты и махинации, которые делались за спиной новобрачных В средних слоях брачный возраст был выше Например, по сохранившимся генеалогическим записям семьи Вальтер в Аугсбурге, из 11 женщин ни одна не вышла замуж до 17 лет Материалы по наиболее знатным домам Франкфурта показывают, что 25 из 28 к 20 годам уже были замужем, в том числе 2 из них вышли замуж 15 лет, 3—16 лет. Некий Клаус Штальберг оставил завещание (в 1500 г), в котором указывалось, что его дочь должна выйти замуж 15 лет. Мать знаменитого художника Дюрера вышла замуж 15 лет.

В отношении мужчин Кебнер приводит следующие материалы: из 17 представителей дома Гогенцоллернов 1 женился 16 лет, 5—18-19 лет, остальные — 21 года и старше 48 представителей дома Виттельсбахов распределились по возрасту вступления в брак следующим образом: 14-15 лет—2, 16 лет—1, 17 лет—3, 18 лет—3, 19-20 лет—8 Из 18 Веттинов 1 женился 14 лет, 2—15 лет, 1—17 лет, 1—18 лет, 2—19 лет; из 15 графов Нассау 4 женились 18 и 19 лет

Среди рядовых горожан брачный возраст женихов был значительно выше В аугсбургской семье Вальтер из 10 случаев только 1 мужчина женился 19 лет, остальные — 24 лет и старше Во Франкфурте из 40 сыновей местной знати ни один не женился до 20 лет.

О том, что мужчины вступали в брак в ту пору, главным образом, после 20 лет, свидетельствует запись некоего Муффеля, женившегося 21 года, о том, что он «исключительно рано вступил в брак» Но и до 20-летнего возраста тоже довольно часто вступали в брак Об этом свидетельствуют законы Люцерна,

¹ Koebner, Richard, Die Ehefassung des ausgehenden deutschen Mittelalters, «Archiv für Kulturgeschichte», 1911, В IX, Н 2, S 137

Базеля, Цюриха и Страсбурга, дающие право молодым людям в возрасте 18, 19 и 20 лет беспрепятственно жениться без согласия родителей.

К сожалению, в отношении крестьянского населения, составившего тогда основную массу всего населения, почти никаких сведений о брачном возрасте не сохранилось. Все же на основании некоторых косвенных указаний можно предполагать, что брачный возраст был очень низок. Правда, крепостное состояние часто создавало некоторые препятствия к браку (уплата брачных «пошлин» и т. д.), но они не имели существенного значения. В некоторых случаях это крепостное состояние, наоборот, даже способствовало ранним бракам. Так, например, в ряде мест Швейцарии и Шварцвальда крепостные еще совсем в юные годы должны были в принудительном порядке вступать в брак¹.

Теперь возникает вопрос, характерно ли раннее вступление в брак для населения всей Европы или же только для средней Европы, в отношении которой мы приводили материалы? Следует сказать при этом, что некоторые демографы вообще придерживаются иной точки зрения. Так, Карр-Саундерс пишет, что «имеется большое количество свидетельств, которые показывают, что по крайней мере для общества, характерного для большинства европейских стран, начиная с X в., брак, исключая привилегированные классы, всегда да некоторой степени, и часто очень надолго, откладывался как мужчинами, так и женщинами, больше первыми, чем вторыми. Это откладывание было результатом давления социальных условий, обычаев и законов. Кроме того, бедным во многих местах часто даже запрещали жениться»². Несколькими страницами далее Карр-Саундерс цитирует Фруда (Froude): «Перед реформацией ранние браки не только определенно порицались, но и возможность для них не существовала»³.

Однако мы не склонны считать подобный взгляд основательным, так как Карр-Саундерс не приводит то «большое количество свидетельств», на которое он ссылается. Ссылка на Фруда ничего не дает, так как, говоря о ранних браках, порицавшихся церковью, он имеет в виду слишком ранние браки совсем в юном возрасте. Что касается браков женщин в возрасте 14—15 лет и мужчин 17—18 лет, то этим бракам церковь ни до реформации, ни после нее не препятствовала. Лютер даже советовал, чтобы мужчины вступали в брак в 20-летнем возрасте, а женщины — в возрасте 15—18 лет⁴.

О том, что средний брачный возраст может выражаться в та-

¹ Koebner, op. cit., S. 144.

² Carr-Saunders, op. cit., p. 264—265.

³ Ibidem, p. 280.

⁴ Vom ehelichen Leben Weimar Ausg., X, 2, 103; цит. по Koebner, op. cit., S. 152.

ких низких цифрах, можно видеть хотя бы на примере России 80-х годов XIX в.¹

Из 1 тыс. женщин, вступивших в брак

в возрасте до 20 лет	приходилось 559
» от 20 до 25	» 299
» » 25 » 30	» 70
» » 30 » 35	» 30
» » 35 » 40	» 19
» » 40 » 45	» 12
» » 45 » 50	» 7
» 51 и более	» 4

Оказывается, что в Европейской России в 1884—1887 гг. больше половины всех женщин выходило замуж до достижения 20-летнего возраста. В некоторых губерниях доля этих женщин была еще выше; например, в Донской области в 1885—1887 гг. 81,7% всех женщин вступили в брак до 20 лет.

Основываясь на всем приведенном материале, можно высказать предположение, что для эпохи расцвета феодализма характерен брачный возраст значительно более ранний, чем для эпохи промышленного капитализма. Если в 80-х годах XIX в. в Европе средний брачный возраст невесты был равен 24—25 годам, то в XIV—XV вв. он равнялся, надо думать, 18—19 годам, не более. Вследствие этого женский возраст от 18 до 25 лет, который в XIX в. «пропадал» для рождаемости, в прежнее время играл большую роль именно с этой точки зрения. Если продолжительность всего периода возможного деторождения в жизни каждой женщины измеряется приблизительно в 35 лет (15—50), то при среднем брачном возрасте в 24 года продолжительность этого периода падает до 26 лет (так как $50 - 24 = 26$), а при среднем брачном возрасте в 19 лет увеличивается до 31 года, т. е. на одну пятую. Исходя из этого, можно предположить, что по крайней мере пятая часть всех родившихся в XIV—XV вв. имела матерей в том возрасте, в каком женщины XIX в. находились еще в девическом состоянии.

Преобладание ранних браков при почти полном отсутствии регулирования рождаемости, естественно, приводило к значительной их плодовитости. Летописец XV в. Конрад Столле указывает, что в семьях рождалось 8, 9 и 10 детей. Материалы Бюхера о семье Рорбах во Франкфурте также дают 9 рождений на семью. Однако детская смертность (см. ниже) была очень велика; вследствие этого количество детей в семье было совсем не столь значительно.

Кстати отметим, что частая смерть грудных детей вскоре после рождения увеличивала плодовитость, так как период корм-

¹ См. Ю. Э. Янсон, Сравнительная статистика населения, Спб. 1897, стр. 161.

ления грудью, во время которого возможность зачатия значительно уменьшается, сокращался. Это обстоятельство также способствовало высокой рождаемости в прежние времена.

Если ранние браки увеличивали плодовитость женщин, то низкая продолжительность жизни сокращала ее. Низкая продолжительность жизни сокращает продолжительность брака, так как увеличивает вероятность смерти одного из супругов еще задолго до того, как плодовитость супружеской пары будет исчерпана. В отношении абортс следует указать, что они были распространены значительно меньше, чем в XIX в.

Мы изложили несколько различных факторов, влиявших на уровень рождаемости, чтобы представить себе примерно, каков мог быть порядок цифр рождаемости в XIV—XV вв. по сравнению с началом XIX в.

Приведенный текст можно суммировать в следующем виде:

Показатель XIV—XV вв по отношению к показателю XIX в.	Влияние на коэффициент рождаемости в сторону увеличения (+) или уменьшения (-) (XIV—XV вв по сравнению с 1800 г)
Удельный вес женщин в возрасте 15—49 лет был несколько меньше	—
Средний брачный возраст был значительно ниже	+
Процент бесплодных браков был ниже	+
Потенциальная плодовитость была несколько меньше	—
Продолжительность жизни была меньше	—
Детская смертность была больше	+
Количество абортс было меньше	+

Из 7 приведенных факторов 4 влияют на коэффициент рождаемости в сторону повышения по сравнению с XIX в, 3 — в сторону понижения. Но все факторы далеко не одинаковы по своему значению. Решающая роль принадлежит среднему брачному возрасту. Тот факт, что в прежнее время средний брачный возраст на одну пятую увеличивал период пребывания женщин детородного возраста в брачном состоянии, повышал плодовитость, по крайней мере, на одну пятую. Если считать, что плодовитость в браке определяет собой коэффициент рождаемости, то и этот последний должен возрасти на одну пятую. Таким образом, вместо 38 на 1 тыс. к началу XIX в. мы получим около 46 на 1 тыс. для XIV—XV вв.

Но такой уровень рождаемости был бы в том случае, если бы его полностью определял только брачный возраст. На самом деле этого все же нет. А как раз ряд других факторов действовал в противоположном направлении. Учитывая влияние и этих факторов, приведенный выше коэффициент рождаемости должен быть на несколько пунктов снижен. Исходя из этого, можно примерно считать, что коэффициент рождаемости упадет с 46 до 42—43 на 1 тыс.

Для сравнения укажем, что Карр-Саундерс приходит к иному коэффициенту рождаемости для Европы феодальной эпохи Он

пишет, что «обычно он был, вероятно, ниже 35 на 1 000»¹. Подобная низкая цифра вполне согласуется с приведенным выше взглядом Карр-Саундерса об отсутствии ранних браков в средневековой Европе.

Конечно, приведенная нами цифра не имеет достаточно твердого основания. Все же она, вероятно, точнее, чем, например, оценка Шмоллера, который допускал «для прежних времен 70—90 рождений на 1 000»².

Оценив, хотя бы грубо, уровень коэффициента рождаемости и значение среднего естественного прироста, можно подойти к определению уровня смертности:

$$\begin{array}{ccccccc} \text{Коэффициент} & & & \text{Коэффициент} & & & \text{Коэффициент} \\ \text{рождаемости} & - & & \text{естественного} & = & & \text{смертности} \\ & & & \text{прироста} & & & \\ & & & \text{на 1 тыс жителей} & & & \\ 42-43 & - & & 1 & = & & 41-42 \end{array}$$

Смертность 41 на 1 тыс.— это уровень, значительно превосходящий уровень начала XIX в., когда средний коэффициент смертности в Европе равнялся примерно 32 на 1 тыс.

Мы только что вывели смертность из рождаемости. Теперь поступим наоборот и найдем рождаемость на основе материалов о смертности.

Подобным материалом может служить средняя продолжительность жизни.

Известно, что в случае стационарного населения обратной величиной от средней продолжительности жизни является коэффициент смертности:

$$\text{Коэффициент смертности} = \frac{\text{Число умерших 1 000}}{\text{Население}} = \frac{1}{\text{Средняя продолжительность жизни}} \cdot 1 000$$

Таким образом, зная среднюю продолжительность жизни, мы тем самым определяем коэффициент смертности. Однако, к сожалению, нет каких-либо материалов для суждения о продолжительности жизни в средние века. Придется и на этот раз воспользоваться некоторыми косвенными источниками.

Имеются, например, некоторые данные о продолжительности жизни в античную эпоху. По Египту средняя продолжительность жизни равнялась примерно 22—23 годам. В древнем Риме средняя продолжительность жизни была немного более 20 лет³. По материалам Мак Доннелла (Mac Donnel) она определяется в 22 года, по таблицам Ульпиана (Ulpian) — в 24 года, по расчетам Уилкокса — в 25 лет⁴.

¹ Указанная статья в семитомнике, стр. 342.

² Schmoller, op cit, T I, 8 Aufl, S 172

³ См. Dublin and Lotka, Duration of life, p 34, 37.

⁴ См об этом Willcox, The Length of life in the early Roman empire, Congres international de la population, 1938, t. II, p. 14—22.

Первая таблица смертности нового времени была составлена Граунтом. Обработка этих материалов дает среднюю продолжительность жизни, равную 18,2 года. Но это, конечно, слишком низкая цифра, которая получилась вследствие того, что Граунт возраст умерших определял условно, в зависимости от причин смерти. Гораздо более надежна таблица смертности Галлея для Бреслава 1687—1691 гг., которая дает среднюю продолжительность жизни в 33,5 года. Эта цифра, напротив, слишком высока для эпохи 1000—1500 гг., она не учитывает смертности от эпидемий, войн и голода.

Для отдаленной характеристики смертности в эпоху X—XV вв. приведем данные о распределении 574 членов провинциального прусского дома Веттинов по продолжительности жизни¹:

Распределение членов дома Веттинов по продолжительности жизни

Продолжительность жизни	Число случаев	%
До 1 года	179	31,2
От 1 до 5 лет	44	7,6
» 6 » 15 »	36	6,3
» 16 » 25 »	43	7,5
» 26 » 35 »	57	10,0
» 36 » 45 »	47	8,3
» 46 » 55 »	40	6,9
» 56 » 65 »	56	9,7
» 66 » 75 »	48	8,3
» 76 » 86 »	24	4,2
Итого	574	100,0

Конечно, мы вовсе не собираемся считать этот материал репрезентирующим всю массу населения той эпохи. Жизнь феодальной знати, к которой принадлежал дом Веттинов, резко отличалась от жизни простого люда. Феодалы не могли, например, умереть от голода, но, с другой стороны, от эпидемий и они не спасались. На войнах их также погибало довольно много. Вообще случаев насильственной смерти в княжеских семьях, вероятно, было значительно больше, чем среди всего населения в целом. Так, по Принцингу, из 80 членов династии 7 умерло насильственной смертью, т. е. почти 10%². Таким образом, несмотря на всю нерепрезентативность, данные о продолжительности жизни феодальной знати могут дать некоторый материал для оценок. Следует еще указать, что часть материалов относится к XVIII и XIX вв. Если же взять 1240—1570 гг., то средняя продолжительность жизни членов династии будет равна 30 годам, в 1571—1670 гг.—33,3 года, в 1671—1770 гг.—25,6 года³.

¹ См. Göhlert, Die Dynastie Wettin. Statistische Studie, «Zeitschrift f. d. gesamte Staatswissenschaften», J. 38, 1882, № 2, S. 412.

² Prinzing, Handbuch der Medizinischen Statistik, 2. Aufl., 1931. S. 653.

³ Göhlert, op. cit., S. 413.

Некоторые материалы о смертности мужчин (начиная с 10-летнего возраста) в королевских и княжеских семьях приводит Принцинг. Эти материалы можно свести к следующей форме¹:

Годы	Средняя продолжительность жизни лиц мужского пола, достигших 10 лет (в годах)
800—1000	30,8
1000—1200	30,2
1250—1400	35,2

Средняя продолжительность жизни при возрасте 0 была ниже приведенных цифр вероятно на 5—7 лет. Таким образом, средняя продолжительность жизни всех членов династии равнялась примерно 25—26 годам.

Для дополнительной характеристики приведем еще материал по Индии. Современная Индия во многом напоминает феодальную Европу. Большая смертность от чумы, тифа и других инфекционных болезней, низкий уровень гигиенической культуры, широкое распространение проказы, нищета подавляющей массы населения, скудное питание, частый всеобщий голод² — все это сближает Индию с Западной Европой в X—XV вв.

Между тем по Индии, начиная с 1881 г., регулярно, каждые 10 лет, составляются таблицы смертности на основании цензов и текущей статистики. Воспроизведем здесь данные о средней продолжительности жизни для отдельных возрастов, для мужчин и для женщин отдельно, за 1881, 1891, 1901, 1911 и 1931 гг.³ (см. табл. на стр. 112).

Из этих цифр видно, что продолжительность жизни в Индии очень невелика. При рождении ребенка (т. е. при возрасте, равном нулю) средняя продолжительность предстоящей жизни изменяется в 24—25—26 лет. В 1911 г. для новорожденных мальчиков средняя продолжительность жизни падала даже до 22,59 года.

Из этих же цифр видно, что средний остаток жизни для 10-летнего возраста значительно больше, чем для новорожденного. Эта разница объясняется колоссальной детской смертностью, что также было характерно и для феодальной Европы.

Приведем еще материал по России, которая перед революцией также была страной чрезвычайно высокой детской смертности. По таблицам смертности, составленным Борткевичем и относя-

¹ F. Prinzing, Die Sterblichkeit in der bürgerlichen Bevölkerung Deutschlands seit den Zeiten der Karolinger, in: A. v. Lindheim Saluti senectutis. Leipzig u. Wien, 1909, S. 194. Цит. по Prinzing, Handbuch der medizinischen Statistik, 2. Aufl., 1931, S. 653. Принцинг приводит еще материалы за 1400—1500 гг., дающие гораздо более высокую продолжительность жизни (51,2 года), которая, вероятно, получилась в результате недостаточной полноты материалов.

² Уолфорд (Walford, op. cit., p. 446—448), например, сообщает о голоде в Индии в следующие годы: 1853—1854, 1860—1862, 1866, 1868—1870, 1874, 1877. Таким образом, на протяжении 25 лет — 11 голодных.

³ См. Dublin and Lotka, op. cit., p. 372—373.

*Продолжительность жизни в Индии для различных возрастов
мужчин и женщин за 1881—1931 гг*

Ожидаемое количество лет жизни в возрасте	М у ж ч и н ы					Ж е н щ и н ы				
	1881 г	1891 г	1901 г	1911 г	1931 г	1881 г	1891 г	1901 г	1911 г	1931 г
	ч и с л о л е т									
0	23,67	24,59	23,63	22,59	26,91	25,58	25,54	23,96	23,31	26,56
10	34,00	35,46	34,73	33,36	36,38	33,42	34,40	33,86	33,74	33,61
20	28,55	29,24	28,59	27,46	29,57	28,44	29,28	28,64	27,96	27,08
30	23,80	23,66	22,90	22,45	23,60	24,48	24,69	23,82	22,99	22,30
40	18,90	18,75	17,91	18,01	18,60	20,03	20,20	19,12	18,49	18,23
50	13,93	14,28	13,59	13,97	14,31	14,96	15,59	14,50	14,28	14,65
60	9,25	10,12	9,53	10,00	10,25	9,79	10,87	10,02	10,11	10,81
70	5,44	6,48	5,80	6,19	6,35	5,63	6,80	5,98	6,22	6,74
80	2,87	3,65	3,07	3,06	3,13	2,88	3,76	3,12	3,06	3,25
90	1,00	1,69	1,23	1,15	1,12	0,91	1,75	1,64	1,10	1,18

щимся к 1874—1883 гг., средняя продолжительность жизни мужского православного населения в 50 губерниях Европейской России равнялась 26,31 года и женского — 29,05 года¹. В среднем для обоих полов продолжительность жизни в России была около 28 лет.

Сопоставляя все приведенные материалы (смертность в Индии, смертность в античную эпоху, первые таблицы смертности, смертность членов династий), мы можем прийти к выводу, что средняя продолжительность жизни в X—XV вв. равнялась примерно 25—26 годам. При условии стационарного населения получаем коэффициент смертности в 38—40 человек на 1 тыс. Учитывая, что население Европы в XI—XV вв все же давало некоторый рост, коэффициент смертности должен быть несколько ниже обратной величины продолжительности жизни. Исходя из этого, можно предположить, что средний коэффициент смертности выражался примерно цифрой 37—38 человек на 1 тыс. В соответствии с этим коэффициент рождаемости определится в 38—39 на 1 тыс. В предыдущем изложении мы пришли к цифре в 42—43 на 1 тыс. В общем можно считать, что коэффициент рождаемости в ту эпоху находился в пределах 38—43, а коэффициент смертности в пределах 37—42 на 1 тыс.

В связи с приведенными расчетами интересно указать на исчисление, сделанное французским статистиком Моро де Жонэ².

Моро де Жонэ определяет прирост населения Франции за 1700 лет, т. е. от 30 г. до н. э. до 1700 г. н. э., в 16 млн. человек, что дает 930 тыс. за столетие и 9 300 в среднем в год. Исходя

¹ С. А. Новосельский и В. В. Паевский, Смертность и продолжительность жизни населения СССР, 1926/27. Таблицы смертности, Плангиз, 1930, стр. 124

² См. Моро де Жонэ, Etat économique et social de la France, Paris 1867, p. 258.

из среднего населения в 12 млн, он устанавливает следующие цифры рождаемости и смертности в период 30 г. до н. э — 1700 г. н. э.:

	Ежегодное число	Коэффициент на 1 тыс. человек
Рождения	500 000	41,7
Смертей	490 700	40,9
<hr/>		
Естественный прирост	9 300	0,8

Хотя Моро де Жонэ взял очень большой период, все же его коэффициенты¹ находятся в пределах указанных выше величин.

Исчисленный выше уровень смертности является очень высоким. Чтобы понять его, достаточно только в общих чертах нарисовать картину жизни населения в ту эпоху. Подавляющая масса населения — это крепостное крестьянство. О нем мы и будем говорить.

Жизнь крепостных крестьян была очень тяжела. Значительную долю своего труда они вынуждены были бесплатно отдавать феодалу (барщина). Гнет феодальной эксплуатации был весьма значителен. По подсчетам Инама-Штернегга, крестьянину оставалась лишь одна треть его доходов. Крестьяне жили в избах, вместе с домашней птицей и скотом. Избы были темные, низкие, тесные и грязные. Полом служила голая земля, потолка не было. Посреди избы горел «огонь, служащий одновременно для приготовления кушаний, для отопления и освещения жилищ, дым проходит через отверстие в крыше»². Окон не было. В лучшем случае было отверстие в стене, которое в холодное время закрывалось соломой. Стекло в ту пору было очень дорого, стеклянные окна были только в городах. Между тем стеклянное окно имеет большое санитарно-гигиеническое значение: оно дает свет и тепло от солнечных лучей. Отверстие же в стене без стекла создает возможность разного рода заболеваний из-за проникновения влаги в жилое помещение, неблагоприятных температурных условий, сырости и т. д.

Питание крестьян заключалось в ячменной или ржаной похлебке или хлебе. Мясо ели лишь по праздникам.

«Особенно же плохо приходилось во время войн, ибо война того времени должна была «кормиться войной», т. е. грабежом населения, и вооруженные шайки жгли и грабили добро у крестьян. В случае же противодействия со стороны крестьян их сжигали на кострах и четвертовали, подвергая ужаснейшим пыткам. Еще хуже было во время часто повторяющихся голодов, когда приходилось питаться корнями, травой, древесной корой и даже человеческим мясом, чтобы только не умереть с голо-

¹ Коэффициенты исчислены нами. Сам Моро де Жонэ давал их в виде обратных величин.

² Кулишер, цит. соч., т. I, изд. 8-е, стр. 77.

ду»¹. Спали на земле, на соломе или на печи. Белья никакого не было. Такие предметы культурного обихода, как мыло, полотенце, носовой платок и т. п., были неизвестны. Посуда была общая, тарелок не знали; мясо и рыбу, если вообще и потребляли эти продукты, ели руками, так как вилок не было.

Детская смертность была огромна. Уже при самом рождении гибло много детей вследствие отсутствия каких-либо знаний о необходимости асептики. Затем множество детей погибало при обряде крещения, который совершался в церкви обычно на следующий день после рождения, а иногда даже и в день рождения. Если же ребенок не умер в первые дни своей жизни, то он в дальнейшем подвергался инфекционным заболеваниям (в первую очередь оспа, затем дизентерия, скарлатина, корь), от которых большинство погибало².

Ганауэр считает, что из 10 родившихся лишь один достигал зрелого возраста³. Несмотря на то что плодовитость браков была высока, количество детей в семье вследствие детской смертности было невелико. По материалам Инама-Штернегга⁴, число живых детей у плативших оброк крестьян в VIII и IX вв. было в среднем 2,5 на семью (на 326 супружеских пар приходилось детей 801). В Нюрнберге в 1449 г. на семейство приходилось 1,81 ребенка. Принцинг исчислил, что в княжеских семьях XV в. 32,7% всех родившихся умирало до 10 лет, в то время как во второй половине XIX в. в княжеских семьях до 10-летнего возраста умирало лишь 15% родившихся.

Медицинская помощь была очень незначительна. Больницы почти вовсе не было, а в тех, которые и были, больных не лечили. Так, например, в основанной в 1248 г. в Любеке больнице в течение полтысячи (!) лет не любывал ни один врач⁵. Даже в Германии, где здравоохранение с давних пор поставлено было лучше, чем в других странах, врачей было очень мало. Например, в княжестве Байреит, а также и в Рейнгау не было ни одного врача для обслуживания населения. Еще к середине XV в. города Гиссен, Марбург, Вецлар не имели врача и должны были обращаться к франкфуртскому городскому врачу услуги которого стоили очень дорого⁶.

¹ Кулишер, цит. соч., т. I, изд. 8-е, стр. 159

² Так, например, Блашил (Blachill) сообщает, что в 1429 г., в год, когда не было никакой эпидемии, в трех смежных деревушках Йоркшира умерло 26 взрослых и 111 детей (см. «Sutton in holderness»; цит. по Coulton Medieval village, p. 443). К сожалению, даже эти отрывочные данные мы не можем использовать больше чем в качестве простой характеристики, так как не знаем, где в данном случае проводить границу детского возраста, чтобы получить соотношение между смертностью взрослых и детей.

³ См. Hanauer, Soziale Hygiene im Mittelalter, Handwörterbuch d. Soz. Hyg., В II, S. 427. Впрочем, это является грубым преувеличением, так как тогда получается, что на каждую женщину приходилось свыше 20 рождений.

⁴ См. K. T. Inama-Sternegg, Deutsche Wirtschaftsgeschichte, В I, Leipzig 1879, S. 514.

⁵ См. Fischer, op. cit., В I, S. 76

⁶ Ibidem, S. 122.

Впрочем, отсутствие врачей не могло иметь особенно большого значения, так как уровень медицины того времени был крайне низок: лечили... драгоценными камнями. Считалось, что «сапфир охлаждает жар и очищает глаза, полезен против нарывов, смарагд излечивает падучую болезнь... оникс излечивает глаза, опал... помогает против запора»¹.

Врачи того времени имели весьма смутное представление о строении человеческого организма. Вскрытие трупов запрещалось церковью: по этому поводу имелась специальная булла папы Бонифация VIII. Лишь во Франции в 1396 г. было разрешено каждому врачу ежегодно получать труп одного казненного (в Нидерландах — с 1555 г.). Врачи «советовали такие средства лечения, как моча собаки или печень жабы. У каждого имелось универсальное средство против всевозможных болезней. У одних — шалфей, у других — смесь из корицы, мандрагора, шафрана, мирры, мака, перца, меда. Когда в начале XIV в. Альбрехт I австрийский почувствовал себя очень плохо и решил, что его отравили, врачи, безуспешно применив различные средства, подвесили его за ноги, чтобы яд вышел из глаз, ушей, носа и рта, — это были лучшие специалисты того времени. Такую же процедуру проделал врач с императором Сигизмундом 100 лет спустя: Сигизмунд висел 24 часа, выдержал и яд и лечение и выздоровел, по словам врача, благодаря его гениальному методу»². Этот факт хорошо характеризует состояние медицины того времени.

Уровень смертности в городах был особенно велик. В городских домах было мало света и воздуха; нависавшие верхние этажи домов почти сталкивались друг с другом, улицы были очень узкие. Отсутствие городского благоустройства при такой скученности людей вызывало повышенную смертность. Эпидемии были особенно велики. Грязь была ужасная. Нечистоты выбрасывались в реки или прямо на улицу перед домом. Колодцы находились рядом с глубокими клоаками человеческих экскрементов, которые часто не очищались целое столетие³. Император Фридрих в 1485 г., проезжая по улицам Рейтлингена, едва не погряз в нечистотах вместе с лошадью. Города средневековья почти не знали мощеных улиц. В Париже первая мостовая появилась в 1185 г., в Неаполе — в 1276 г., в Ульме — в 1397 г., в Аугсбурге — в 1415 г., в Берлине — только в 1679 г. Водосточные канавы были прорыты в Аугсбурге в 1264 г., в Париже — в 1364 г. Антисанитарное состояние городов приводило к большой смертности. Даже при отсутствии всеобщей эпидемии в некоторых городах в летние месяцы умирала десятая, шестая, даже четвертая часть всего населения!

«В низменностях и по течению рек были болота, простиравшиеся иногда на сотни миль и испускавшие свои ядовитые

¹ Кулишер, цит. соч., т. I, изд. 8-е, стр. 173.

² Там же.

³ См. Mombert, Bevölkerungslehre, S. 125.

миазмы, которые распространяли лихорадки. До изобретения лесопилен в немногих домах существовали деревянные полы. Печных труб не было. В таких жилищах едва ли была какая-либо защита от непогоды. О водосточных канавах не заботились: гниющие остатки и мусор просто выкидывались за дверь. Опрятность была совершенно неизвестна: высокие сановники, как, например, архиепископ Кентерберийский, кишели насекомыми. В некоторых местах поселяне не знали хлеба. Удивительно ли после этого, что во время голода 1030 г. жарилось и продавалось человеческое мясо или что в голодный 1258 г. в Лондоне умерло с голоду 15 тыс. человек?»¹

Смертность в городах была выше рождаемости, поэтому население в городах поддерживалось при помощи постоянного притока из деревень. Если бы этого притока не было, то все города средневековья вымерли бы.

По отдельным векам цифра смертности испытывала значительные колебания. Колебания рождаемости были намного меньше колебаний смертности. В годы войны рождаемость, конечно, понижалась. Также рождаемость понижалась в период голода, эпидемий и т. д. Однако для столетия в целом эти колебания рождаемости были, вероятно, мало заметны.

Среди факторов смертности в первую очередь надо отметить влияние голодных годов.

В X—XIII вв. голод косил миллионы людей не только в результате голодной смерти. Голод вел за собой всякого рода эпидемии (голодный тиф) и иные заболевания, кончавшиеся смертью. В Англии в 1005—1322 гг. было 36 голодных эпидемий. Убыль населения от голода была очень значительна. Например, в Праге в 1282 г. 8 тыс. умерло от голода, в 1316 г. в Эрфурте 8 100 человек, умерших от голода, было похоронено в братских могилах.

Однако можно, пожалуй, считать, что в 1350—1500 гг. влияние голода на смертность начинало немного ослабевать. Начавшееся развитие торговли, налаживание хранения продуктов, улучшение транспорта — все это несколько облегчало муки населения в голодный год и спасало хотя бы некоторую часть от преждевременной смерти.

По хронологическим таблицам Уолфорда² количество записей о голодных годах в европейских странах колебалось следующим образом:

Века	Количество записей
XI	25
XII	30
XIII	23
XIV	21
XV	14

¹ Из книги Дрепера. Цит. по Водовозову, Р. Мальтус Его жизнь и научная деятельность, 1895, стр. 59.

² Walford, op. cit., p. 433—440. Таблица составлена нами

При этом следует еще учесть, что чем дальше от нас эпоха, тем меньше записей до нас дошло. Поэтому фактическое число голодных лет в XV в. в еще более сильной степени отличалось от XI в., чем это явствует из приведенных цифр. О постепенном уменьшении влияния голода можно судить также по развитию международной хлебной торговли. В Европе трудно было провести разграничение между странами экспорта хлеба и импорта его. В один год Англия и Франция ввозили хлеб, в другой год они хлеб вывозили. Хлеб «вывозился каждый раз туда, где наиболее силен был в данное время голод и наиболее высоко стояли цены, обещая наибольшую прибыль»¹. О росте международной торговли от XIII к XV в. можно судить хотя бы по торговым оборотам среднего Рейна на основе данных об уплаченных пошлинах²; в 70-х годах XIII в. торговые обороты составляли 1—2 т серебра в год, через 100 лет они составили 44 т серебра, а к половине XV в. возросли до 200 т серебра.

Условия быта населения в XIV и XV вв. также несколько улучшаются по сравнению с XI—XII вв. Оковы феодальной эксплуатации начинают понемногу ослабевать. Например, в Англии уже в XIII и особенно в XIV в. барщинная система приходит в упадок и начинает заменяться денежными платежами. Крестьянские восстания в Англии и Франции хотя и закончились поражением, все же принесли с собой улучшение положения крестьянства: феодалы стали побаиваться крестьян и опасаясь новых эксцессов, избегали чрезмерного нажима на своих крепостных.

В ослаблении феодальных пут большую роль играли города. В городах уровень жизни был выше, чем в деревнях. В Англии заработок ремесленника был в 1,5 раза более того, что получал средненадельный крестьянин. Кроме того, крестьяне рады были ускользнуть от безмерной феодальной эксплуатации. Все это приводило к усиленному притоку сельского населения в города. Поэтому феодалам, чтобы не растерять своих крепостных, приходилось несколько ослаблять нажим.

Некоторое ослабление феодального гнета, с одной стороны, развитие торговли, транспорта и хранения продуктов — с другой, приводили постепенно к небольшому снижению смертности.

До сих пор мы говорили о средних коэффициентах смертности, охватывавших большой период. Ясно, что колебания смертности по отдельным годам были весьма значительны. Средняя за столетие складывалась как средняя из двух категорий лет: из смертности в так называемые «нормальные» годы и из смертности в «эксцессивные» годы.

К «нормальным» годам мы здесь причисляем годы без войн, эпидемий и всеобщего голода. Конечно, о «нормальном» годе можно говорить очень условно: в эпоху феодализма эпидемии и голод, не говоря уже о войнах, — явления, вытекающие из самой феодальной системы, из условий жизни в эту эпоху, из

¹ Кулишер, цит соч., т. I, стр. 238

² См. Lamprecht, op. cit., В. II, S. 349.

организации хозяйства. Термин «нормальный» мы здесь употребляем для того, чтобы разграничить годы «особо высокой смертности» от годов с обычным уровнем смертности.

В «эксцессивные» годы смертность резко возрастала: коэффициент смертности вместо 33—37 обычных повышался до 60—70—80. В годы катастрофических эпидемий он увеличивался еще более. Так, например, в 1348—1349 гг. этот коэффициент для отдельных стран повышался до 140—160, а быть может даже и больше. В среднем в «эксцессивные» годы смертность примерно раза в 2 превышала уровень «нормальных» лет. Так, например, Эеберг (Eheberg)¹, по Страсбургу, дает следующие цифры:

Средний коэффициент смертности в Страсбурге

Годы	В «нормальные» годы	За все годы
1564—1600	33,0	53,3
1601—1633	35,0	52,1

Из этих цифр видно, что коэффициент смертности в «эксцессивные» годы выходил далеко за 50. Например, в 1582 г. коэффициент смертности равнялся примерно 90 на 1 000, в 1586 г.—110 на 1 000, в 1610 г.—тоже 110. В целом по стране в неблагоприятные годы коэффициент смертности был, вероятно, ниже этих цифр.

Таким образом, средний коэффициент смертности в 38—42 является средним из коэффициентов смертности в 30—35 для «нормальных» лет и в 60—80 для «эксцессивных» лет.

Резюмируя эту часть работы, можно сказать, что население в эпоху 1000—1500 гг. развивалось крайне медленными темпами. Однако оно все же не было стабильным, как склонны предполагать многие демографы и историки. Несмотря на опустошительные войны, непрерывные феодальные усобицы, мучительные голодные годы и всеобщие эпидемии, население все же возрастало. Правда, это возрастание было настолько невелико, что даже на протяжении нескольких десятков лет оно было почти незаметным. Недаром современники той эпохи совершенно не представляли себе, как изменяется численность населения. Еще в XVIII в. направление динамики населения было неясно. Так, например, Монтескье, Кенэ и Мирабо-отец полагали, что население непрерывно убывает. Англичанин Прайс (Price) еще в 70-х годах XVIII в. также считал, что население в Англии по сравнению с концом XVII в. сократилось с 6 596 075 до 4 763 670 человек². Лишь в конце XVIII в. факт роста населения стал ясен большинству современников, и голоса о том, что население уменьшается, смолкли.

¹ См. Eheberg, Strassburg Bevölkerungszahl seit Ende des 15 Jahrhunderts bis zur Gegenwart. «Jahrb. f. Nationalok. u. Stat.», 1884. N. F., B. 8; материалы обработаны в книге Jastrov, Die Volkszahl deutscher Städte, 1886, S. 67.

² См. Тойнби, цит. соч., стр. 14.

ЧАСТЬ III

РАЗЛОЖЕНИЕ ФЕОДАЛИЗМА И ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ НАКОПЛЕНИЕ

1. ВВЕДЕНИЕ

Если для периода 1000—1500 гг. мы не располагали вполне надежными статистическими источниками, то для периода 1500—1800 гг. дело обстоит совсем иначе. Конец этого периода является в то же время началом научно поставленной, регулярной статистики населения. Но и на протяжении периода 1500—1800 гг. мы уже получаем возможность опереться на более надежные материалы.

Уже в первой половине XV в. в отдельных итальянских государствах производились переписи населения. В начале XVIII в. переписи населения производились даже в более отсталых европейских странах. С середины XVIII в. в скандинавских странах начинается ведение регистров населения.

Благодаря наличию более твердой статистической базы наши расчеты в отношении этого периода более точны и достоверны.

Эпоха первоначального накопления есть эпоха сосуществования двух общественных формаций: с одной стороны — умирающий феодализм, с другой стороны — нарождающийся капитализм.

Экономическая структура капиталистического общества выросла из экономической структуры феодального общества. «Разложение последнего освободило элементы первого»¹.

Возникает мануфактура, все более и более вытесняющая отдельных ремесленников; возникают первые крупные, для того времени, промышленные предприятия, объединяющие несколько десятков рабочих. Место феодальной эксплуатации заступает эксплуатация капиталистическая. Новая формация рождается в недрах старой формации. Но переход от одной формации к другой совершается очень медленно. Этот переходный период охватывает целые столетия. Где же надо провести грань, которая означала бы вступление в этот переходный период, характеризовала бы начало капитализма? Маркс по этому поводу пишет

¹ Маркс, Капитал, т. I, стр. 573

следующее: «Хотя первые зачатки капиталистического производства имели место уже в XIV и XV столетиях в отдельных городах по Средиземному морю, тем не менее начало капиталистической эры (разрядка наша.—Б.У.) относится лишь к XVI столетию. Она открывается там, где уже давно уничтожено крепостное право и уже значительно увял наиболее яркий цветок средневековья — свободные города»¹.

XVI век в жизни Европы является переломным не только в области экономики, но и во всех областях культурной жизни. Открытие Америки, реформация, книгопечатание, расцвет наук и искусств — все это проводит резкую грань в истории Европы. Начавшееся обезземеливание крестьянства создает кадры пролетариата, капитализм получает благоприятные условия для своего развития. Самостоятельные производители превращаются в наемных рабочих. «Следовательно, — пишет Маркс, — так называемое первоначальное накопление есть лишь исторический процесс отделения производителя от средств производства. Он представляется «первоначальным», так как образует предъисторию капитала и соответствующего ему способа производства»².

Постепенно, век за веком, капитализм начинает все глубже и глубже проникать в народное хозяйство. Но это проникновение совершается в условиях, когда политическая власть находится еще в руках феодальной знати. Лишь французская революция 1789 г. знаменует собой конец этого переходного периода, приведшего к полной победе буржуазии и к переходу власти в ее руки.

С точки зрения техники эпоха первоначального накопления также представляет собой своеобразный этап развития. Феодальная техника, сложившаяся в течение веков, начинает разрушаться. На ее место становится постепенно новая техника, новые приемы, новые методы обработки продуктов и земли. В области сельского хозяйства в XVI в. в наиболее передовых странах получает распространение сельскохозяйственная литература, внедряющая агрономические познания среди сельских хозяев (вначале исключительно, конечно, среди феодалов); в XVII в. изобретается рядовая сеялка, в XVIII в. Тауншенд (Townshend) в Норфольке вводит новый севооборот путем использования культуры турнепса и клевера. Происходит постепенный процесс вытеснения паровых полей. В этом же веке происходит выращивание лучших пород скота. Также надо отметить постепенное внедрение культуры картофеля, который вскоре приобретает большое производственное значение.

В области промышленности технические сдвиги еще более значительны. Если в начале этого периода весь процесс промышленного производства происходил ручным путем, то в конце этого периода машина начинает уже вытеснять ручной труд. В начале мануфактурного периода разного рода механизмы приме-

¹ Маркс, Капитал, т. I, стр. 574.

² Там же, стр. 573.

нялись, главным образом, для перемещения и подъема грузов (подъем воды, рудничные подъемные устройства и т. п.), но постепенно роль всякого рода механических приборов возрастает. В XVI в. изобретаются самопрялки; в этом же столетии начинают применять доменный процесс. Появляются горнорудные предприятия с сотнями, даже тысячами рабочих. В конце XVII в. изобретается паровой двигатель, правда, пока не получающий своего практического применения. Затем приходит XVIII век, век промышленной революции, век универсального парового двигателя, век проникновения машины во все главные отрасли промышленности. Мануфактурный период заканчивает свое существование.

В области транспорта, особенно водного, на протяжении этих веков также заметны улучшения. Вместо средневековых галер появляются крупные парусные суда, умеющие лавировать против ветра, снабженные морскими картами, подзорными трубами и приборами для определения долготы и широты. Скорость движения морских судов возросла с 18—20 миль в сутки в XV в. до 30—40 миль в сутки в XVIII в.

Из этого видно, что в эпоху первоначального накопления не было технического застоя, наоборот, для этой эпохи характерны смелые искания новых путей во всех областях науки и хозяйственной деятельности.

Наша задача заключается в том, чтобы определить, каков был темп роста населения в этот период, к которому мы будем причислять XVI, XVII и XVIII вв., т. е. 1500—1800 гг.

Начнем, как и в первой части, разбор по отдельным странам.

2. ГЕРМАНИЯ

Определение населения Германии в период 1500—1800 гг. представляет существенные затруднения вследствие раздробленности германских государств.

По отдельным государствам имеются кое-какие отрывочные данные, но обобщение их для всей Германии представляет значительные трудности. К тому же немецкие демографы в тех работах, с которыми нам удалось ознакомиться, не произвели сводной работы и не дали более или менее обоснованного ряда численности населения Германии за века, предшествующие XIX в. Такого труда, который Левассер написал о Франции, в Германии нет. Имеются только оценки Шмоллера и расчеты Беллоха. Для того чтобы получить более или менее правильную картину динамики населения Германии за 1500—1800 гг., нам придется использовать местные материалы, базируясь, главным образом, на плотности населения.

Старейшие материалы о населении отдельных частей Германии дает Эуленбург (Eulenburg)¹ в отношении части Рейнского

¹ Eulenburg, Zur Bevölkerungs- und Vermögensstatistik des 15. Jahrhunderts, «Zeitschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte», 1894—1895, B. 3, S. 443.

Пфальца на основании регистра имущественного налога 1439 г. Эуленбург насчитал 3 344 семьи в трех городах и 58 мелких населенных пунктах. Принимая коэффициент в 4,7, он приходит к цифре в 20 638 человек. Определение территории этого небольшого района Эуленбург не дает, но рассчитывает плотность населения в 35 человек на 1 км². Белох говорит о плотности в 30 человек на 1 км². Этот уровень плотности можно считать характерным для населенных районов Германии. В целом для всей Германии плотность должна быть значительно ниже. В этом можно убедиться хотя бы из сопоставления плотности населения Рейнского Пфальца в 1784 г. с плотностью населения во всей Германии. В то время как в конце XVIII в. плотность населения Германии равнялась примерно 40 человекам на 1 км², в районе Рейнского Пфальца плотность была свыше 100. Если считать, что в 1449 г. плотность населения Рейнского Пфальца в 2 раза превышала среднегерманскую, то это дает 15—16 человек для всей Германии.

Некоторые материалы имеются по XVI и XVII вв. Например, в епархии Фрайзинг (Верхняя Бавария) в 1524 г. численность конфирманного населения равнялась 110 тыс. К этому надо прибавить еще детей до возраста конфирмации, затем население монастырей и неучтенное население. Белох накидывает больше половины и получает 170 тыс. человек, что при территории в 8 800 км² дает 19 человек на 1 км².

Более точные материалы имеются по Гессен-Дармштадту: для 1567 г. плотность населения — 30,3 человека на 1 км², а для 1629 г. — 28,3. Некоторое падение плотности есть результат того, что в первом случае взята лишь часть ландграфства, более населенная, а в 1629 г. — весь Гессен-Дармштадт.

Далее, имеются материалы по Вюртембергу, по Баварии, по некоторым частям Пруссии. Сведем все материалы о плотности в XV—XVII вв. в следующую таблицу:

Плотность населения в различных немецких государствах в XV, XVI и XVII вв.

Немецкие государства	Годы	Плотность населения (человек на 1 км ²)
Рейнский Пфальц	1439	30
Бавария: епархия Фрайзинг	1524	19
Бавария вся	1554	23 ¹
	1614	28
Гессен-Дармштадт	1629	28
Вюртемберг	1623	43
Курсаксен	1612	48
Силезия	1619	35
Миттельмарк ²	1624	13
Бранденбург весь	1486	9

¹ Исключая города.

² Центральная часть Бранденбурга.

На основании этих материалов о плотности населения Белох делает следующий расчет¹.

Районы Германии, по которым имеются данные о плотности, охватывают территорию в 235 тыс. км² с населением в 7 млн. Это дает в среднем 30 человек на 1 км². Затем для Эльзаса, Бадена, Пфальца, Гессена, Рейнской области, Гессен-Нассау, Франконии, Тюрингии Белох принял плотность Вюртемберга и Курсаксена, т. е. 45 человек на 1 км². Население этих районов составит 5 млн. Затем для севера и северо-востока (Люнебург и Штаде, Шлезвиг-Голштиния, Мекленбург, Померания, Франкфурт) и для австрийских земель Белох принял плотность в 15 человек на 1 км². Население этих районов составит 2,5 млн. Наконец, для остальных 200 тыс. км² немецких земель Белох принимает плотность 25—30 человек и получает население в 5—6 млн. Всего для всех немецких государств с общей территорией в 720 тыс. км² он получает 19,5—20,5 млн. человек, что дает среднюю плотность в 28 человек на 1 км² для 1600 г.

Взятая Белохом территория довольно значительно отличается от территории довоенной Германии. Во-первых, в нее не включена значительная часть Пруссии, причисленная к Польше. С другой стороны, в нее входит значительная часть земель, вошедших позднее в Австро-Венгрию. Сделаем перечисление данных Белоха на территорию довоенной Германии:

Пересчет данных Белоха на территорию Германии в границах 1914 г.

	Площадь (в км ²)	Плотность (человек на 1 км ²)	Население (в тыс.)
Германские государства	720	28	20 000
Кроме того, часть Пруссии	60	15	900
Всего	780	—	20 900
Альпийская область Австрии	70	15	1 050
Тироль	20	15	300
Богемия	54	37	2 000
Прочие австрийские земли	96	30	2 900
Итого австрийских земель	240	—	6 250
Остается немецких земель	540	27	14 650

В результате пересчетов средняя плотность для Германии 1600 г. снизилась с 28 до 27 человек на 1 км². Это несколько превышает оценку Шмоллера, который исходил из 25 человек к 1620 г. Цифру в 25 человек на 1 км² к 1600 г. дает также Ольбрихт (Olbriht), исходивший из 18 млн. населения на территории 800 тыс. км² (он включал в свой расчет и австрийские земли)².

¹ Белох не имел только данных по Миттельмарку и Бранденбургу в целом. Кроме того, материал о Рейнском Пфальце он в этой своей статье также не использовал (см. «Zeitschrift für Sozialwiss.», 1900, S. 777—782).

² Olbriht, Die Vergroszstadterung des Abendlandes zu Beginn des Dreissigjährigen Krieges, «Pettermanns Geographische Mitteilungen», 1939, № 11/12, S. 349.

Все эти цифры значительно ниже оценок Стракош-Грассмана (Strakosch-Grassmann), называвшего цифру 38,76 человека на 1 км² для 1600—1620 гг.¹

Цифра Стракош-Грассмана не может быть принята всерьез. Она основана на предположении о значительном недоучете населения в прежних переписях. Недоучет, бесспорно, был, но также бесспорно и то, что Стракош-Грассман его необычайно преувеличил. Мы видели, что 30—35 человек на 1 км²—это была плотность Рейнского Пфальца, района, весьма удобного во многих отношениях (долина Рейна) и заселенного с давних пор. Можно ли после этого говорить о 39 человеках на 1 км², как о средней плотности для Германии, когда на востоке имелись колоссальные области, заселенные совсем слабо и находившиеся перед началом большой колонизации? Достаточно сказать, что еще в 1700 г. в Померании было всего 8 человек на 1 км², в Неймарке—9, в Восточной Пруссии—12 и т. д. Ясно, что среднегерманская плотность ни в коем случае не могла быть выше 30 человек на 1 км².

Для того чтобы определить плотность к 1500 г., нужны сведения о динамике за XVI в. Несмотря на то что этот век сопровождался крестьянскими войнами, все же он дал значительный рост населения, так как не вся Германия пострадала от крестьянских войн. Северные и восточные районы, Марка, Силезия и часть Баварии оказались вне поля действия этих войн. Но даже и в районах, сильно затетых войнами (Швабия, Эльзас, Гессен, Тюрингия, Франкония), ущерб в людях был скоро восстановлен. Себастиан Франк (Franck) пишет в предисловии к своей «Deutschen Chronik» (1538 г.), что хотя крестьянские войны стоили жизни сотне тысяч людей, все же в Германии «втиснуто так много народу, что, кажется, ни один человек не может быть еще добавлен».

По Саксонии один анонимный писатель в 1530 г. сообщал, что население заметно увеличилось. Аналогичные сообщения имеются по Эльзасу, Швабии, Шлезвиг-Гольштейну. Основывались новые рынки, организовывались новые ярмарки, строились новые мельницы и т. д. Приведя все эти материалы, В. Абель пишет: «можно с уверенностью сказать, что население Германии с середины XV в. до конца XVI в. вновь сильно возросло»².

О том, что в XVI в. давал себя знать рост населения, говорит также тот факт, что знаменитый «гуманист» Ульрих фон Гуттен предложил «организовать» новую войну с Турцией, чтобы устранить существующее перенаселение³. В другом своем произведении этот с позволения сказать «гуманист» рассматривает

¹ Strakosch-Grassmann, Die Volkszahl der deutschen Städte in Vergangenheit und Gegenwart, 1907; цит. по M o m b e r t, Bevölkerungslehre, S. 88.

² Abel, Agrarkrisen und Agrarkonjunktur in Mittel-Europa, Berlin 1925, S. 49.

³ Об этом см. O. J o l l e s, Die Ansichten der national-ökonomischen Schriftsteller des 16. u. 17. Jahrhundert über Bevölkerungswesen. «Jahrb f. Nationalök. und Statistik», Neue Folge, B. XIII, S. 197.

эпидемии всякого рода как необходимые, так как без них было бы слишком много людей¹. Эти высказывания свидетельствуют о том, что в XVI в. имел место значительный рост населения. Имеются и некоторые цифровые данные для этого века. О росте населения можно судить, например, по баварским данным. Плотность населения увеличилась с 1554 до 1614 г. с 23 до 28 человек на 1 км². Это дает рост на 23% за 60 лет, т. е. около 40% за 100 лет. По Бюртембергу с 1598 по 1623 г. население возросло с 414 тыс. до 458 тыс., т. е. на 10% за четверть века, т. е. опять-таки примерно на 40% за столетие. В Силезии число мужчин в возрасте от 18 до 60 лет возросло со 139,3 тыс. человек в 1578 г. до 159,9 тыс. человек в 1619 г., т. е. на 11,5% за 41 год, что дает около 30% за столетие. Некоторые материалы о росте населения в XVI в. дают сведения о числе хозяйств по отдельным деревням. Так, например, Бюхер² сообщает о числе хозяйств в деревнях вокруг Франкфурта на Майне:

Динамика числа хозяйств в деревнях вокруг Франкфурта на Майне в XVI в.

В среднем за годы	Борнгейм	Оберрад	Нидер-Урсель	Гансен	Итого
	число хозяйств				
1507—1550	53	43	50	13	159
1551—1598	63	52	51	17	183

Всего за 50 лет число хозяйств увеличилось на 15%; это дает около 30% роста за столетие.

На основе всех приведенных данных мы можем считать для XVI в. в целом рост в 35%. Это даст для 1500 г. плотность населения в 20 человек. Белох и Кёчке в своих расчетах населения Германии в XV в. также исходили из 20 человек.

Теперь перейдем к временам, лежащим не позади, а впереди 1600 г. Первые два десятилетия дали дальнейший рост населения. Но за ними последовала Тридцатилетняя война, которая причинила колоссальный ущерб германскому населению. Почти вся Германия сделалась ареной военных действий. В первый период войны пострадала, главным образом, Богемия, затем война перекинулась к берегам Рейна. Позднее значительная часть Пруссии (Шлезвиг, Бранденбург, Силезия) оказалась ареной войны. Вторая половина войны принесла разорение другим частям Германии. Войска Густава Адольфа, высадившись в Штеттине, прошли сна-

¹ J. Janssen, Geschichte d. deutschen Volkes, I, S. 304. Цит. по Abel, op cit., S. 50.

² См. Bucher, Die Bevölkerung von Frankfurt am Main im XIV und XV Jahrhundert, S. 664.

чала по Одру, затем по Эльбе. Далее, пострадали Саксония и Бавария. К 1639 г. разрушение страны достигло высшего предела. Ежедневно горели сотни деревень. Например, один шведский генерал сжег 800 богемских деревень. В одном Заацком округе насчитывалось 400 деревень, превращенных в пепел. Подсчитано, что всего шведами во время этой войны сожжено и разрушено 1 976 замков, 1 629 городов, 18 310 деревень. Наибольшее количество деревень было разрушено в Бранденбурге—5 тыс., в Померании, Мекленбурге и Голштинии—2 041, в Кельне, Меце, Трире—2 033, в Мейсене—1 386, в Силезии—1 025, в Вестфалии—1 019 и т. д.¹

Помимо этого, в 1626 и 1634 гг. разразилась эпидемия чумы.

Изнурительная война привела к ужаснейшему голоду. О силе этого голода образно рассказывает Шерр (Scherr) в своей «Истории германской культуры»². В 1636—1637 гг. во многих местах Германии люди выкрадывали трупы повешенных и даже выкапывали мертвецов, чтобы насытиться человеческим мясом. Братья пожирали убитых ими сестер, дочери—своих умерших матерей, родители убивали своих детей, чтобы их съесть. Возникли банды, которые охотились на людей, как на диких зверей. Когда одна такая банда была поймана, у нее нашли кастрюли с человеческими руками, ногами, приготовленными для еды³.

Война закончилась Вестфальским миром в 1648 г. Поэтому, определяя население на 1650 г., мы тем самым даем картину Германии к моменту окончания войны.

Насколько же сократилось население Германии за 1618—1648 гг.? Определить сколько-нибудь точно размеры этого сокращения не легче, чем определить потерю от чумы 1348—1349 гг. Приведем некоторые материалы, которые могут помочь подойти к более правильной оценке.

Сначала приведем различные мнения по этому вопросу. Большинство историков склонны весьма преувеличить влияние Тридцатилетней войны на численность населения. Так, историк Менцель (Menzel) полагает, что население сократилось наполовину, а может быть даже на две трети. Историк Шерр⁴ пишет: в 1618 г. население Германии составляло, вероятно, 16—17 млн., в 1649 г. оно сократилось почти до 4 млн., т. е. в 4 раза. Абсолютная величина уменьшения населения, по Шерру,—12—13 млн. человек. Инама-Штернегг при этом замечает: «Эта огромная цифра является правдоподобной». Русский историк С. Д. Сказкин также считает, что в результате войн Германия потеряла три четверти сво-

¹ См. В e h r e, op. cit., S. 61. Укажем, однако, что проф. Гёнигер (Höniger) считает эти цифры несоответствующими действительности. При этом он указывает, что в Бранденбурге общее число деревень было не более половины числа «сожженных» деревень (См. Höniger, Der dreissigjährige Krieg und die deutsche Kultur, «Preussische Jahrbücher», 1909. В. 138, Н. 3, S. 407).

² См. Scherr, Deutsche Kultur und Sittengeschichte, В. II, S. 102.

³ Следует указать, что проф. Гёнигер отрицает достоверность сообщаемых Шерром фактов (Höniger, op. cit., S. 408 и сл.).

⁴ Scherr, op. cit., S. 323.

его населения¹. Статистики не расходятся с историками. Гмелин² говорит о сокращении населения на две пятых, если не на две трети. Фиркс³ пишет о падении численности населения с 25 млн. до 12 млн. Баллод⁴ считает, что население снизилось с 20 млн. до 7—8 млн. Принцинг⁵ указывает, что население Германии сократилось наполовину. Рюмелин считает, что население Германии перед войной было не ниже 25 млн., а после войны упало больше чем вдвое⁶. Приведенные оценки недалеко отстоят от записей хроникеров, которые имеют «профессиональную» склонность преувеличивать влияние исторических событий. Например, в Бадене летописец Мэйлингер (Maillinger) сообщает о гибели половины населения.

Лишь немногие авторы дают меньшие цифры убыли. Среди них Стракош-Грассман⁷, выдвинувший цифру в 7,5 млн. человек, т. е. треть всего населения Германии. С этой оценкой убыли соглашается Момберт⁸, полагая при этом, что германское народное хозяйство пришло в упадок еще до Тридцатилетней войны.

Особняком стоит Гёнигер, который вообще отрицает возможность какой-либо значительной убыли населения за время Тридцатилетней войны. При этом Гёнигер ссылается на материалы по Курсаксену; по этому курфюршеству число мужчин возросло с 25 965 в 1608 г. до 46 317 в 1659 г. Кроме того, Гёнигер ссылается на тот факт, что количество студентов в немецких университетах в 1616—1620 гг. составляло 7 740 человек, в 1635—1640 гг.— 4 298, а в 1651—1658 гг.— 7 806 человек, т. е. больше, чем до войны⁹.

Однако другие имеющиеся материалы говорят об убыли, а не о росте. Например, Шванеке (Schwanecke) для Магдебурга исчислил падение населения на 46,2% для сельских местностей и 55—60% для ряда городов¹⁰. Другой исследователь, Кафан (Kaphan)¹¹, определяет для Альтмарка убыль сельского населения в 40%.

Имеющиеся материалы по Пфальцу и Вюртембергу дают значительные цифры убыли. Так, в Пфальце до войны было 500 тыс. человек, а после — только 48 тыс., в Вюртемберге до войны — около 450 тыс. человек, после войны — свыше 100 тыс. Однако

¹ См. ст. «Германия», Большая Советская Энциклопедия, т. 15, стр. 762.

² Gmелиn, Bevölkerungsbewegung im Hallischen seit Mitte des XVI Jahrhundert, «Allgem. Stat. Archiv», 1902, S. 241.

³ Fircks, op. cit., S. 291.

⁴ Balloд, op. cit., S. 20.

⁵ Prinzing, Das Bevölkerungsgesetz, «Allgem. Stat. Archiv», 1904, B. 6, S. 28.

⁶ Rümelin, op. cit., S. 923.

⁷ Цит. по Mombert, op. cit., S. 88. Оценка Стракош-Грассмана «не очень далека от истины», — пишет Момберт.

⁸ Mombert, op. cit., Jena 1929, S. 86.

⁹ Höniger, op. cit., S. 429, 431.

¹⁰ Schwanecke, Die Wirkungen d. 30-jährigen Krieges im Erzstift Magdeburg, Halle 1913; цит. по Mombert, op. cit., S. 87.

¹¹ Kaphan, Die wirtschaftlichen Folgen d. 30-jährigen Krieges f. d. Altmark, 1911, S. 80.

из этого вовсе нельзя делать вывод о большом падении численности населения. Низкая численность населения после войны говорит о том, что большинство жителей разбежалось, временно поселившись в районах, менее задетых войной. После окончания войны многие вернулись в родные края; это видно хотя бы на примере роста населения Вюртемберга (по материалам церковных подушных списков)¹:

Годы	Человек	Годы	Человек
1639	97 258	1669	218 455
1645	121 106	1673	251 835
1652	166 014	1707	343 000

Увеличение в 3,5 раза за 68 лет могло быть только в результате интенсивной иммиграции из других частей Германии; значительная часть этого населения — бывшие жители Вюртемберга, убежавшие от ужасов войны.

Не вся Германия подверглась разрушению в одинаковой степени. Некоторые районы пострадали мало, и население в них убыло значительно меньше. Например, в Гессен-Дармштадте плотность населения упала с 28,3 в 1629 г. до 25,5 в 1669 г. Здесь падение численности всего на 10%. Правда, надо иметь в виду, что 1629 год — это 11 лет после начала войны, а 1669 год — это 21 год после ее конца. Действительный ущерб от войны был в этих районах, наверное, значительно больше 10%.

Говоря о влиянии Тридцатилетней войны, отметим еще непосредственные военные потери: число убитых было свыше 300 тыс., т. е. около 10 тыс. в год; это составляет небольшой процент в отношении к населению. Значительно более разрушительные последствия имела чума. В 1626 г. в одном Вюртемберге от чумы умерло 26 тыс. человек, т. е. двенадцатая часть всего населения. В 1634 г. чума в деревнях района Фрайзинг из 400 человек оставила в живых лишь 20.

Подходя к оценке ущерба от войны, целесообразно провести параллель с эпидемией чумы в 1348—1349 гг. С одной стороны, ущерб от войны более чувствителен, так как война вносит разруху в хозяйственную жизнь страны, дезорганизует ее и уничтожает материальные ценности (сожжение домов, разбой и грабежи, разрушение дорог, мостов и т. д.); всего этого нет при эпидемии чумы. Но, с другой стороны, война длится значительно больше, чем эпидемия. Эпидемия 1348—1349 гг. длилась 7—8 месяцев, а война 1618—1648 гг. — 30 лет. На протяжении всего 30-летнего периода население не теряло способности к размножению; рождаемость хоть и упала, но далеко не до нуля. Например, по нескольким населенным пунктам Гогенлоэ среднегодовое число рождений изменялось следующим образом²:

¹ См. Inama-Sternegg, op. cit., «Handwörterbuch der Staatswissenschaften», 4 Aufl., B. II, S. 673.

² См. Roesle, Die Wirkung des 30-jährigen Krieges auf die Entwicklung einer landlichen Bevölkerung, «Archiv für Soziale Hygiene und Demographie», 1932, B. 7, H. 3, S. 213.

Годы	Число рождений	В среднем
1604—1610	37	} до войны 38
1611—1620	39	
1621—1627	32	} война 27
1632—1640	22	
1641—1650	29	} после войны 30
1651—1660	28	
1661—1670	27	
1671—1680	37	

В других местах число родившихся после войны упало более значительно. Так, например, Кафан¹ приводит следующие данные по сельским местностям Альтмарка:

Падение рождаемости в Альтмарке в результате Тридцатилетней войны

Название деревень	% падения числа родившихся в послевоенный период по сравнению с довоенным
Flechtlingen, Hasselberg, Hilgesdorf, Damsendorf	52,5
Roxforde, Letzlingen, Wannefeld, Gluden	14,7
Kloster, Neuendorf, Javenitz, Zienau	20,2
Zehlingen, Chemitz	31,4
Gussefeld, Vietzen, Buhne	24,0
Benkendorf, Liesten, Depekolk, Zierau, Jeggeleben	16,7
Siepe, Joetze	38,9
Beetzendorf, Audorf, Kackelitz, Siedengrieben	+ 5,7
Kuhfelde, Valfitz, Wopel, Seetzen, Siedenlangenbeck	23,7
В среднем	25,0

В. Цан (Zahn)² указывает, что в городе Стендале (тоже в Альтмарке) в 1600—1609 гг. родилось 2 980 детей, а в 1660—1669 гг. — только 969. Число рождений сократилось весьма значительно, но рождаемость, т. е. отношение числа родившихся к числу населения, сократилась гораздо меньше, так как абсолютная численность населения уменьшилась. При сокращении численности населения, например, на 20% падение числа родившихся также на 20% не дает падения коэффициента рождаемости. Но это речь идет о числе рождений после войны, во время же войны коэффициент рождаемости бесспорно упал. Все же надо признать, что если в кратковременной чумной эпидемии колоссальному числу умерших почти не противостоят вновь рожденные жизни, то в условиях войны значительному числу умерших противостоит сравнительно значительное количество родившихся.

Учитывая эти два соображения, мы делаем такой вывод:

¹ Karhan, op. cit., S. 71—72.

² Zahn, Die Altmark im dreissigjahrigen Kriege, Halle 1904, «Schriften des Vereines fur Sozialpolitik fur Reformationsgeschichte», № 80, S. 58.

1. Восстановление населения после войны проходит гораздо медленнее, чем после чумы (выбытие молодых возрастов во время войны, разрушения материальных ценностей).

2. Убыль населения от войны обычно преувеличивается, так как игнорируется наличие рождаемости, хотя и сильно сократившейся за этот период.

Исходя из этого, мы считаем преувеличением говорить об убыли населения вдвое и даже втрое, как это делают некоторые.

Мы вполне соглашаемся с тем, что в ряде районов население в самом деле сократилось в 3, 4, даже в 5 раз. Но мы уже указывали, что не вся Германия одинаково пострадала от войны. В некоторых районах, возможно, никакого падения и не было. Большинство авторов, отмечавших большую убыль, исследовали, главным образом, наиболее пострадавшие районы и под впечатлением разрушения этих районов приходили к преувеличенным размерам убыли.

С другой стороны, предполагать, что никакой значительной убыли вовсе не было, как это делает Гёнигер, тоже будет неверно. Гёнигер ссылается при этом на то, что эпидемии холеры в XIX в. лишь не намного снижали процент роста населения. Но эта аналогия совершенно незаконная. Известно, что влияние эпидемий в XIX в. было в десятки раз менее значительно, чем в XVII в. Материалы по Аугсбургу, Страсбургу, Бреславию (см. стр. 229 и 345) показывают, что эпидемии эпохи Тридцатилетней войны несли с собой колоссальные потери человеческих жизней, которые нельзя даже и сравнивать с эпидемиями холеры в XIX в.

Мы полагаем, что подойдем ближе к истине, если положим в основу убыль населения Германии в результате Тридцатилетней войны в размере 35%. К 1600 г. плотность населения равнялась 27 человекам на 1 км². К 1618 г. она несколько поднялась, можно считать ее равной 29. Принимая 35% убыли в результате Тридцатилетней войны, мы получим падение плотности с 29 человек на 1 км² в 1620 г. до 19 человек на 1 км² в 1650 г. Во второй половине XVII в. началось медленное восстановление. Много молодых мужчин погибло на войне; это очень затруднило рост населения. Были даже попытки усилить этот рост при помощи многоженства. Полагают, что было постановление франконского крайстага в Нюрнберге, разрешавшего каждому мужчине иметь двух жен,— постановление, неслыханное в христианском мире. Кроме того, мужчин до 60 лет запрещалось принимать в монастырь. Впрочем, достоверность этого постановления подвержена сомнению¹.

О росте населения в период 1650—1700 гг. имеются материалы только по Вюртембергу, но они не характерны для всей Германии. Вюртемберг особенно пострадал от войны; по окончании войны много людей постепенно возвращалось на родину. Кроме того, в период 1650—1700 гг. Вюртемберг сильно вырос в промышлен-

¹ См. Höniger, op. cit., S. 419.

ном отношении, что вызвало приток населения из других немецких государств. Население Бюртемберга увеличилось со 166 тыс. в 1652 г. до 284 тыс. в 1697 г. Это дает рост на 70%. В целом же население всей Германии выросло за этот период, вероятно, не более чем на 30%. Исходя из этого процента роста, плотность населения увеличилась к 1700 г. с 19 до 25, т. е. несколько ниже уровня начала XVII в.¹

Хотя для 1700 г. по ряду частей и районов Германии имеются фактические данные о плотности населения, но эти материалы настолько разрозненны и противоречивы, что трудно их использовать для проверки полученной цифры, тем более что по многим частям Германии и вовсе отсутствуют какие-либо сведения о плотности населения к 1700 г. Например, остается неизвестным уровень плотности населения Баварии, Бадена и других значительных частей страны. Имеющиеся же материалы о населении германских государств в XVIII в. недостаточно надежны. Исчисления плотности, сделанные Дитеричи (Dieterici), базируются большей частью на цифрах населения, полученных на основе числа умерших, умноженного на 37. Подобное соотношение спорно, и данные о численности населения потому сомнительны.

Первая перепись германских государств была произведена только в 1816 г. Правда, качество этой переписи не было на большой высоте. Дитеричи² указывает, что в некоторых местах устанав-

¹ Шмоллер оценивает плотность населения Германии к 1700 г. в 26—28 человек на 1 км², т. е. даже немного выше, чем до Тридцатилетней войны; Ушер также считает, что к 1700 г. плотность населения в Германии была несколько выше, чем в 1600 г. (29 человек на 1 км² в 1700 г. и 28 человек в 1600 г.), правда, территория у него взята различная (см. *op. cit.*, «Geographical Review», 1930, p. 121).

Гмелин полагает, что в 1600—1700 гг. население Германии возросло с 11 до 13—14 млн. Некоторые придерживаются иного мнения. Принцинг, например, полагает, что для ликвидации последствий войны в отношении численности населения Германии понадобилось 150 лет (*op. cit.*, S. 29). Таким образом, по Принцингу, получается, что Германия 1620 г. имела такую же численность, как и Германия 1800 г. Демограф Фиркс и статистик Рюмелин считают, что для восстановления населения Германии понадобилось 100 лет (Firks, *op. cit.*, S. 291; Rümelin, *op. cit.*, S. 923).

По нашим расчетам, восстановление населения потребовало около 75 лет после окончания войны. Мы исходим из того, что к 1700 г. население Германии было на одну седьмую меньше, чем перед Тридцатилетней войной. О том, что к 1700 г. население Германии еще не восстановилось, говорят также сведения о пустующих землях, о падении посевных площадей. Абель (*op. cit.*, S. 94) сообщает, например, что к 1700 г. в Бранденбурге треть земли лежала необработанной. Такова же примерно картина в Шлезвиг-Гольштейне и других местах. Еще более короткий срок для восстановления дает Вермингхоф (Werminghoff, *Unsere Volkszahl in Vergangenheit und Gegenwart*, Halle 1917). Он полагает, что уже к 1700 г. население Германии выражалось в 14—15 млн.; эти же 14—15 млн. он дает для 1618 г. Таким образом, по Вермингхофу, восстановительный период продолжался 50 лет.

² См. Dieterici, Ueber die Vermehrung der Bevölkerung in Europa seit dem Ende oder der Mitte des siebzehnten Jahrhunderts. «Abhandl. Konigl. Akad. d. Wissenschaft», 1850, Phil.-Hist. Klasse, S. 74.

ливали число домов и затем по нему определяли население. В других районах население подсчитывали на основе количества семейств. Тогдашний руководитель прусского статистического бюро Гофман (J. G. Hoffmann) также указывает, что первая перепись в конце 1816 г. была, конечно, очень несовершенна¹.

Тем не менее перепись 1816 г. значительно более точна, чем все другие материалы, которые мы вынуждены были использовать. Все же, учитывая неполноту, мы считаем необходимым увеличить цифру переписи 1816 г. на 3%².

Перепись 1816 г. дала среднюю плотность в 46,3 на 1 км², с поправкой на недоучет — 47,8. Чтобы получить цифру средней плотности для 1800 г., нужно вычесть еще прирост за 1800—1816 гг. Первые полтора десятка лет XIX в. были мало благоприятны для роста населения. Наполеоновские войны в сильной степени коснулись и германских государств. Однако они не принесли с собой убыли населения, как предполагает Принцинг³. О росте за 1800—1805 гг. свидетельствуют следующие материалы, приводимые Бэре в его таблицах по Пруссии⁴ (см. табл. на стр. 133).

Итого по шести прусским провинциям за 5 лет прирост — на 250 тыс. человек, т. е. почти на 1% в год.

О росте населения в Пруссии в начале XIX в. свидетельствует также сопоставление плотности населения в 1802 г. (1 719 человек на 1 кв. милю) с плотностью в 1816 г. (2 030 че-

¹ См. Hoffmann, Die Bevölkerung des Preussischen Staats, 1839, S. 20.

² Некоторые склонны значительно преувеличить недоучет переписи 1816 г. Так, например, Стракош-Грассман увеличивает цифру переписи с 24,8 до 30 млн. (см. Strakosch-Grassmann, Die Zahl der Landbevölkerung in Deutschland, Deutsche Geschichtskalender, 1913, B. XIV, S. 319). Он пишет, что пришел к этому выводу на основании анализа архивных материалов, однако этих материалов не приводит. Момберт склонен поддержать точку зрения Стракош-Грассмана (см. Mombert, Ueber die geringe Zuverlässigkeit älterer Volkszählungen, «Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik», 1933, B. XI, S. 748).

Однако в другой своей работе («Die Entwicklung der Bevölkerung Europas seit der Mitte des 17 Jahrhunderts, «Zeitschrift für Nationalökonomie», 1936, B. 7, H. 4) Момберт дает гораздо более скромную оценку недоучета переписи 1816 г. Дело в том, что в 1837 г. была вторая перепись: если к этой переписи подойти на основе переписи 1816 г. с прибавлением ежегодного избытка рождений, то получится разница в 675 139 человек, т. е. на эту величину перепись 1837 г. показала больше, чем это можно было исчислить заранее по данным переписи 1816 г. и текущего учета населения. Но, во-первых, эта разница составляет лишь 6,5% населения, а не 25%, как получается по Стракош-Грассману. Во-вторых, остается недоказанным, что эти 6,5% должны быть приписаны недоучету переписи 1816 г.; вполне возможно, что за период 1816—1837 гг. в Пруссию больше приехало народу, чем из нее выехало. Этот положительный миграционный баланс мог играть значительную роль. Далее, вполне возможно, что вследствие дефектов текущей статистики некоторая часть избытка родившихся над умершими оставалась неучтенной. Исходя из этого, мы считаем, что перепись 1816 г. обнаружила недоучет не свыше 3% (о той же переписи см. стр. 208).

³ См. Prinzing, op. cit., S. 29.

⁴ См. Behre, op. cit., S. 462.

*Население Пруссии в 1800 и 1805 гг.
(в тыс. человек)*

	1800 г.	1805 г.
Восточная Пруссия	932	958
Западная Пруссия	748	793
Померания	482	505
Неймарк	303	317
Курмарк	767	790
Силезия	1 897	2 016

Итого . . . 5 129 5 379

ловек на 1 кв. милю)¹. Правда, территория 1802 г. отличается от территории 1816 г.

Материал по Саксонии также показывает рост населения в годы наполеоновских войн.

Байн (Louis Bein)² приводит следующие цифровые данные для Саксонского Фойхтланда:

Г о д ы	Перевес числа родившихся над умершими
1797—1801	6 092
1807—1811	7 180

На основе этих материалов мы не можем сказать, что в период 1800—1815 гг. имела место убыль населения в Германии. Более правильно говорить о росте, определив его минимум в 6%. Такой ослабленный рост и есть результат войны, так как без войны население Германии увеличилось бы значительно больше.

Таким образом, если для 1816 г. мы приняли плотность в 47,8 человека, то для 1800 г. она выразалась в 45 человек; получается рост на 82% по сравнению с 1700 г. и среднегодовой рост на 0,6%.

О том, что XVIII век дал значительный прирост населения Германии, имеется много местных материалов.

Например, по материалам Бэре³, население прусских провинций за 1748—1800 гг. изменялось следующим образом:

Рост населения в прусских провинциях во второй половине XVIII в.

Пр о в и н ц и и	Население (в тыс.)		Среднегодо- вой темп роста
	1748 г.	1800 г.	
Восточная Пруссия	567	872	0,88
Померания	313	482	0,83
Неймарк	172	303	1,10
Курмарк	499	768	0,83
Силезия	1 136	1 769	0,86

¹ Материалы по 1802 г. дает Krug, Betrachtungen über den Nationalreichtum des Preussischen Staats, Berlin 1805; цит. по А. Meitzen, Der Boden und die landwirtschaftliche Verhältnisse des Preussischen Staats, 1868, В. I, S. 310; матер. за 1816 г., S. 315.

² См. L. Bein, Die Industrie des sächsischen Voigtlands, Wirtschaftsgeschichtliche Studie, erster Teil, В. II, 1894, Tafel 6.

³ Behre, op. cit., S. 462.

Тот факт, что темпы роста в указанных провинциях превышают темпы роста населения всей Германии, легко понять, если учесть, с одной стороны, что во второй половине XVIII в. рост был больше, чем в первой, и, с другой стороны, что Пруссия в XVIII в. проводила политику колонизации.

Данные по Саксонскому Фойхтланду показывают рост от 62 тыс. человек в 1732 г. до 99 тыс. в 1805 г., что дает среднегодовой рост в 0,64%.

Данные по Вюртембергу говорят о росте с 343 тыс. человек в 1707 г. до 614 тыс. в 1794 г. Это дает рост на 79%, а в среднем в год 0,67%.

По Гессен-Дармштадту плотность населения возросла, по данным Фабрициуса (Fabricius)¹, с 25,5 в 1669 г. до 53,3 в 1792 г.² Это дает 0,6% среднегодового роста.

Дитеричи³ приводит следующие материалы о плотности населения отдельных частей Германии на 1700, 1750 и 1800 гг.:

Динамика плотности населения в немецких государствах в XVIII в.

Государства	Плотность населения			Рост (в %) за период		
	1700 г.	1750 г.	1800 г.	1700—1750 гг.	1750—1800 гг.	1700—1800 гг.
	человек на 1 кв. милю ⁴					
Пруссия в границах 1688 г.	919	1 156	1 584	25,8	37,0	72,4
Саксония в границах курфюршества	2 017	2 350	2 774	16,5	18,0	37,5
Ганновер	1 367	1 567	1 974	14,6	26,0	44,4
Вюртемберг	2 272	3 075	3 955	35,3	28,6	74,1
Шлезвиг	1 200	1 400	1 640	16,7	17,1	36,7
Гольштиния	1 250	1 500	2 040	20,0	36,0	63,2

Приведенные данные о росте населения отдельных германских государств в XVIII в. вполне согласуются с исчисленными темпами роста для всей Германии.

Рост на 82% за XVIII в. следует признать очень значительным. Такого прироста Германия не знала. И это произошло в век, богатый неблагоприятными событиями.

В начале века в Пруссии была эпидемия чумы. Эта эпидемия чумы, по некоторым данным, уничтожила треть, даже две пятых всего населения. Но и в данном случае оценка преувеличена. Впрочем, наличие текущего учета смертности позволяет точнее определить эту убыль.

Бэре⁵ приводит цифры числа умерших в Пруссии, из которых видно, что вместо обычных 40—50 тыс. смертей в год чума

¹ См. Fabricius, Die Bevölkerungsaufnahme in der Landgrafschaft Hessen-Darmstadt und in der Grossherzog. Hessen, «Beiträge zur Statistik des Grossherzogtums Hessen», B. III, Darmstadt 1864; цит. по In a m a Sternegg, op. cit., S. 674.

² Без графства Ганау-Лихтенберг.

³ См. Dieterici, op. cit., S. 115.

⁴ 1 кв. миля равна 55 км².

⁵ См. Behre, op. cit., S. 454.

1709—1710 гг. унесла свыше 300 тыс. человек. Вычитая из 300 тыс. в год количество смертей за два нормальных года, мы получаем, что число жертв чумы может быть определено в 200 тыс., что составит, вероятно, 10—12% населения Пруссии.

Во второй половине века большое значение в задержке роста имела Семилетняя война. Эта война, начавшаяся в 1756 г. и представлявшая собой войну Пруссии в союзе с Англией против коалиции Австрии, России, Франции, Швеции и некоторых немецких государств, принесла большое разорение Силезии, Саксонии и другим частям Германии. Только в одних битвах было убито около 500 тыс., причем на долю германских солдат приходится примерно 200—300 тыс. Прусская армия была меньше армии своих противников, но среди неприятельской (с точки зрения Пруссии) армии были также немецкие солдаты. Поэтому общее число жертв для Германии можно считать равным примерно половине.

Но помимо чисто военных потерь война принесла немалое разорение гражданскому населению.

Общую потерю от Семилетней войны Гмелин оценивает в 3 млн. человек¹. Однако мало вероятно, чтобы убыль гражданского населения была во столько раз больше числа погибших на поле брани. Вероятнее, что война принесла с собой убыль не более 1—1,5 млн. человек. Эта убыль в 1756—1763 гг. была очень скоро компенсирована быстрым ростом населения.

О быстрым росте населения в XVIII в. в Германии писали многие авторы. Об этом писали Зюсмилх, Дитеричи и многие другие². И действительно, XVIII век—это век популяционистики, как его называет Момберт, век законодательных поощрений роста населения (например, налоги на всех холостяков и холостячек старше 25 лет в Тюрингии, запрещение эмиграции из Пруссии, Баварии), век бурного развития мануфактурной промышленности, век политического и экономического подъема Пруссии.

На основании всех приведенных материалов динамика населения Германии в эпоху начавшегося крушения феодального порядка и зарождения капиталистической системы может быть представлена в следующем виде (для территории Германии перед войной 1914 г.) (см. табл. на стр. 136).

Согласно этим расчетам, за 300 лет, т. е. с 1500 по 1800 г., население Германии увеличилось на 125%. Это дает 0,27% в год, в то время как в 1000—1500 гг. среднегодовой темп роста равнялся 0,14%. Таким образом, налицо увеличение темпа роста. Эпоха первоначального накопления капитала в Германии сопровождалась изнурительными войнами (Тридцатипятилетняя, Семилетняя и др.), чумными эпидемиями, крестьянскими восстаниями, голодными годами. Несмотря на все эти неблагоприятные яв-

¹ См. Gmelin, *op. cit.*, S. 242.

² Например, Гмелин пишет о росте за XVIII в. с 12—14 млн. человек до 24 млн., т. е. также на 80% (*op. cit.*, S. 242).

Предположительная динамика населения Германии за 1500—1800 гг.

Г о д ы	Плотность населения (человек на 1 км ²)	Площадь (тыс км ²)	Население (в млн.)
1500	20	541	10,8
1550	23		12,4
1600	27		14,6
1650	19		10,3
1700	25		13,5
1725	29		15,7
1750	35		18,9
1775	37		20,0
1800	45		24,3

ния, население все же заметно усилило темп своего роста. В этом сказался факт разложения феодального строя и начавшееся развитие промышленности. Наиболее значителен рост населения в XVIII в., когда рост промышленности стал особенно заметен. Германия вступала на путь индустриального развития.

Имеющиеся, хотя и отрывочные, статистические данные это наглядно подтверждают. Так, например, Шмоллер¹ приводит следующие материалы по Курмарку, показывающие распределение населения по занятиям:

Изменения в экономической структуре населения Курмарка за 1618—1804 гг.

	1618 г	1746 г	1804 г
Крестьяне и рыбаки	18 558	16 646	18 097
Безземельные и малоимущие	13 644	12 709	21 045
Ремесленники, прядильщики	2 659	18 456	33 228
В том числе поденные рабочие . . .	—	13 303	20 533
Итого	34 861	47 811	72 370

Из таблицы виден огромный рост пролетариата города и деревни. О росте промышленности говорят также цифры продукции. Например, в Силезии в 1724 г. вырабатывалось 49 тыс. штук сукна, в 1798 г.— 171 тыс.²

Наряду с промышленностью в XVIII в. в Германии интенсивно развивается сельское хозяйство. XVIII век — это век перехода к рациональному ведению сельского хозяйства, век развития сельскохозяйственной науки; посевы клевера и люпина приобрели широкое распространение, удобрять землю стали значительно лучше. Посевная площадь также возрастала. В Силезии с 1721 по 1798 г. посевы увеличились на 800 тыс. моргенов. К тому же распространение прядения среди крестьян увеличило возможности

¹ Цит. по M o m b e r t, *Bevolkerungslehre*, S. 97.

² См. M o m b e r t, *op. cit.*, S. 97.

приложения труда¹. Все это вместе взятое, надо думать, и привело к бурному росту населения.

Мы выше исчислили средний рост в 0,27% в год. Но надо подчеркнуть, что на протяжении этого периода были значительные колебания в темпе; даже при отсутствии войн и эпидемий в XVI в. население не росло более чем на 0,5—0,6% в год, между тем в конце XVIII в. ежегодный прирост населения составлял почти 1% в год.

Таким образом, период 1500—1800 гг. является переходным как в экономическом, так и в демографическом смысле; низкие темпы роста населения в начальный период разрушения феодализма сменяются высокими темпами в период, когда феодализм уже повсеместно очищал дорогу новому общественному строю — капитализму.

3. ФРАНЦИЯ

В отличие от Германии Франция в период 1500—1800 гг. была централизованным государством. Власть местных феодалов неуклонно сокращалась, авторитет королевской власти увеличивался. В самом конце XV в. последнее крупное герцогство Бретань вошло в состав единого французского государства.

Отсутствие раздробленности на отдельные мелкие самостоятельные единицы, как это было, например, в Германии после крушения империи Карла V, позволяет определять население Франции в целом. И действительно, многие исследователи пошли по этому пути. Отсутствие каких-либо надежных источников в виде переписей населения заставило большинство исследователей опираться на источники менее надежные, дополняя их собственными оценками. Вследствие этого между оценками различных демографов существуют значительные расхождения².

Для большей наглядности приведем известные нам оценки населения Франции разбираемого периода в табличной форме (см. табл. на стр. 138).

Сопоставление этих оценок обнаруживает значительные расхождения. Например, Моро де Жонэ для 1577 г. дает 12 млн. человек, а Левассер для 1600 г.—20 млн. Затем для 1714 г. Дитеричи дает 23 млн., а Левассер для 1715 г.—всего лишь 18 млн. Подобные расхождения в значительной мере объясняются различием в территории. Следует учесть, что на протяжении XVI, XVII и XVIII вв. Франция вела ряд победоносных войн, увеличивших ее территорию. Генрих IV расширил страну на 723 кв. лье, Людовик XIII — на 826, Людовик XIV — на 1 830, Людовик XV — на 1 727 и, наконец, Людовик XVI — на 99 кв. лье.

Общий рост территории Франции за этот период можно видеть из следующих цифр³ (см. табл. на стр. 139).

¹ См. об этом Mombert, op. cit., S. 97—99

² Подчеркиваем, что мы здесь не говорим об оценках населения Франции, которые давали современники.

³ См. Moreau de Jonnés, *Etat économique et social de la France* etc., 1867, p. 20.

Оценки численности населения Франции различными учеными в XV—XVIII вв
(сначала указывается год оценки, а затем население, в млн. человек)

В е к а	А В Т О Р Ы						
	Левассер ¹	Мэлхолл	Принцинг ³	Дитеричи ⁴	Шмоллер	Моро де Жонэ ⁶	Ушер ⁷
XV		1480 г — 12,6	1450 г — значительчо менее 14				
XVI	конец века — 20 0	1515 г — 14,0 1580 г — 14,3 1599 г — 16,0	1560 г — 16		1574 г — 14	1577 г — 12,0	
XVII		1680 г — 18,8 1691 г — 19 7				1610 г — 13,0 1643 г — 14,2	1600 г — 16
XVIII	1700 г — 21,1 1715 г — 18 0		1700 г — 19—20	1714 г — 23	1700 г — 21 1715 г — 18	1700 г — 19,0 1771 г — 23,7	1700 г — 20
	1770 г — 24,5 1789 г — 26,0	1762 г — 21 8 1778 г — 23,7 1780 г — 25,1 1791 г — 26,3	1806 г — 29	1774 г — 25 1789 г — 26	1789 г — 26 1806 г — 29	1781 г — 24,2 1791 г — 25,2 1801 г — 27,3	

¹ Levasseur, Population française, t I, p 288

² Mulhall, The Dictionary of Statistics, p 441, 445

³ Prinzing, Das Bevölkerungsgesetz, «Allg Stat Archiv», B 6, H 2, 1904, S 15

⁴ Dieterich, op cit, S 102

⁵ Schmoller, Grundriss der allgemeinen Volkswirtschaftslehre, T I, 2 Aufl, 1908, S 173

⁶ Moreau de Jonnes, Elements de statistique, Paris 1856, p 418

⁷ Usher, op cit, p 121

Рост территории Франции за 1589—1789 гг

Годы	Территория		Годы	Территория	
	кв лье	тыс км ²		кв лье	тыс км ²
1589	21 741	429,5	1700	25 120	496,1
1610	22 464	443,7	1771	26 847	530,2
1643	23 290	447,8	1789	26 946	532,0

Для большего удобства передвигаем даты цифр территорий Франции на годы, по которым мы делаем определение численности населения. При этом в основу расчетов мы положили таблицу, приведенную Моро де Жонэ¹.

Рост территории Франции за 1500—1792 гг.

Годы	Территория Франции		Годы	Территория Франции	
	кв лье	тыс км ²		кв лье	тыс км ²
1500	19 128	377,0	1725	25 120	496,1
1550	21 741	428,3	1750	25 120	496,1
1600	22 464	443,7	1775	26 847	528,9
1650	23 695	466,8	1792	26 946	532,2
1700	25 120	496,1			

Всего за 300 лет — рост на 41%. Подобный рост территории весьма затрудняет получение сравнимого ряда численности населения за 1500—1800 гг. Поэтому мы считаем более удобным оперировать плотностью населения.

Первые надежные данные о плотности населения Франции относятся к самому концу XVII в. В 1697 г. интендантство предприняло нечто вроде переписи, разослав по различным провинциям опросные листы с просьбой сообщить число приходов и жителей в них. Результаты этого опроса не были опубликованы и около 10 лет оставались неизвестными. Вследствие этого лица, занимавшиеся определением численности населения Франции, вынуждены были давать оценки, которые, как выяснилось потом, значительно отклонялись от действительности. Так, Буагильбер (Bois Guillebert) в 1707 г. оценивал население Франции в 15 млн., а аббат Дюпо (Dupos) — даже в 13 млн., тогда как на самом деле было уже около 19 млн.²

Впервые материалы интендантства переработал и опубликовал Вобан (Vauban), занимавшийся военными вопросами, в своей книге «Dîme Royale» (написана в 1704 г., издана в 1707 г.) Согласно вычислениям Вобана, общий итог населения Франции к 1696—1699 гг составил 19,1 млн., что дает 38 человек на 1 км². Левассер оценивает плотность, в круглых цифрах равную 40 человекам на 1 км², Ушер дает плотность в 37, Конрад — в 39, Моро де Жонэ — в 38,6, Шмоллер — в 42 человека. Близость расположения различных цифр (37, 38, 39, 40, 42) говорит в пользу источника. Несмотря на то, что цифры Вобана подвергались

¹ См Moreau de Jonnes, Etat etc, p 144

² Ibidem, p 262

некоторой критике, все же можно считать, что они достаточно точно отражали действительное положение вещей.

Принимая для 1700 г. плотность населения Франции в 38 человек и считая эту цифру достаточно достоверной, нужно еще определить плотность населения для 1600 г. Это можно сделать, если знать примерный прирост населения Франции в XVII в. К сожалению, какие-либо материалы по этому вопросу отсутствуют. Мы не имеем даже каких-нибудь локальных материалов. Единственно, что можно сказать, так это то, что XVII век был более благоприятным для роста населения, чем предшествующий ему. Меркантилистская политика Кольбера исходила из необходимости всемерно увеличивать население страны, видя в нем залог богатства и могущества¹.

Войны Людовика XIV не отразились заметно на численности населения, так как в XVII в. они велись не на французской территории. Однако в первой половине XVII в. часть Франции (Бургундия, Шампань, Франшконтэ) была сильно задета Тридцатилетней войной. Кроме того, надо учесть и значительную эмиграцию из Франции в результате религиозных преследований. Считают, что после отмены Нантского эдикта, прокламировавшего веротерпимость, из Франции выселилось около 300 тыс. человек, что составляет 1,5—2% всего населения. Из этого мы можем сделать вывод о том, что в XVII в. во Франции хотя и имел место рост населения, но не очень значительный.

В XVIII в. население Франции увеличилось на 34% (см. ниже). При этом во всем столетии было 52 года войны и 48 мирных лет. В XVII же веке было всего 36 лет без войны². Учитывая меньшее количество мирных лет, примем для XVII в. 20% роста. Тогда для 1600 г. получим 32 человека на 1 км². Это немного ниже плотности, которую дают Гийяр и Белох (34 человека на 1 км²), но зато несколько выше плотности, установленной Моро де Жонэ. Последний для 1577 г. дает 27,8 человека, а для 1643 г.— 31 человека на 1 км².

XVI век был также мало благоприятным для роста населения. Вторая половина этого века протекала в жестких религиозных войнах, в диких преследованиях гугенотов (Варфоломеевская ночь в 1572 г.), в крестьянских восстаниях. Лишь в 1598 г. Генрих IV издал Нантский эдикт, положивший конец преследованиям противников католической церкви.

Религиозные войны весьма чувствительно отразились на росте населения. Известный исследователь населения Франции Моо

¹ В 1666 г. Кольбер восстановил так называемые матримониальные законы Августа. Согласно эдикту, все, которые женятся до 25 лет, освобождаются на несколько лет от налогов. Далее, освобождались от подоходного налога лица, имевшие в живых 10 законных детей, если только никто из них не пошел в священники, монахи или монахини. Дворяне получали даже специальное пособие от 1 тыс. до 2 тыс. ливров в год, если имели не менее 10 законных детей. Эмиграция из Франции всячески затруднялась.

² Кстати отметим, что в XIX в. во Франции было 68 лет мира. См. B. O. dart, Losses of life in modern ware, p. 75.

(Moreau) считал, что религиозные преследования стоили жизни 1 млн. человек¹. Поэтому для XVI в. можно говорить о росте плотности населения только для первой половины. Этот рост можно считать равным примерно 10%. Во второй половине века население, наверно, не увеличилось. Таким образом, в целом за XVII в. можно принять рост населения всего на 10%. Это даст нам плотность населения к 1500 г. в 29 человек² на 1 км². Подобная плотность приводит к 15,5 млн. населения Франции в границах 1914 г. и к 10,9 млн. населения в границах 1500 г.³

Могут возразить, что наше исчисление населения Франции для 1500 и 1600 гг., базирующееся на оценках темпов роста населения в XVI и XVII вв., построено на шатких основаниях. Мы склонны, наоборот, полагать, что избранный нами путь, несмотря на его слабые места, способен дать более правильную картину, чем если бы мы стали опираться на фигурировавшие в то время оценки численности населения.

Например, широко известна цифра количества семейств во Франции, данная Фруманто (Froumентау), современником Генриха III, в книге «Secret des finances de France». В этой книге Фруманто говорит о 132 тыс. приходов во Франции, в которых насчитывается 3,5 млн. семейств, или домов, включая всех бедняков. Считая 4 человека на семью, получают 14 млн., а так как Франция той эпохи составляла семь десятых Франции после 1871 г., то прибавляют еще 6 млн. и получают в итоге 20 млн. человек для всей Франции в границах после 1871 г. Так, например, поступает Левассер, который на этом основании в сводную таблицу истории населения Франции на стр. 288 (т. I) вставляет эту цифру для конца XVI в.

Подобная оценка населения, по нашему мнению, отклоняется от истины. Во-первых, нет никаких оснований утверждать, что цифра числа семейств, даваемая Фруманто, отражала действительность⁴. Другие источники той же эпохи дают иные цифры. Так, например, французский историк Пьер Давити (Davit) для 1590 г. давал 4 млн. семейств в тогдашней Франции⁵. С другой стороны, герцог де Невер для 1577 г. определял количество семей в 3 млн.⁶

¹ См. Moreau, *Recherches et considérations sur la population de la France*, 1778, Paris 1912, p. 180 (переизд.). Имеются также указания, что во время этих войн было разрушено 184 тыс. зданий. См. Sée, *Französische Wirtschaftsgeschichte*, 1930, B. I, S. 63.

² Гийяр дает 30 человек для 1515 г. (op. cit., p. 39).

³ Границы 1500 г. определены путем вычитания из границ 1589 г. территории Овернь, Велз и Бретани, присоединенной в 1531—1532 гг. (общая площадь их — 2613 кв. лье); общая площадь Франции к 1500 г. — 377 тыс. км².

⁴ Сэ пишет: «Для XVI в. мы не имеем сколько-нибудь надежных данных о численности населения». См. Sée, op. cit., «Revue d'économie politique», 1924, v. 38, № 4, p. 651.

⁵ См. Moreau de Jonnés, *Etat etc.*, p. 27.

⁶ См. «Journal du duc de Nevers», 1744, t. III, p. 120; цит. по Moreau de Jonnés, *Etat etc.*, p. 28.

В отношении количества членов семьи также возникают существенные расхождения. Если Левассер принимает цифру 4, то Моро де Жонэ берет 5. В результате цифра населения Франции в границах XVI в. колеблется в очень широких пределах, в зависимости от исходной цифры численности семей и от числа человек на семью. Эти колебания можно представить в следующей таблице:

Население Франции в XVI в. в зависимости от числа семей и от размера семьи (в млн. человек)

Число человек на семью	Число семей (в млн.)		
	3,0	3,5	4,0
4,0	12,0	14,0	16,0
4,5	13,5	15,75	18,0
5,0	15,0	17,5	20,0

Перед нами большой выбор цифр. Либо мы можем остановиться на 20 млн. в соответствии с оценкой Левассера, либо мы возьмем 12 млн. человек, в соответствии с предположением герцога де Невер, если исходить из 4 человек на семью. Совершенно ясно, что при таких условиях лучше вовсе не базироваться на подобного рода оценках, раз они обнаруживают такие расхождения, и пойти путем оценки темпов роста населения в XVI и XVII вв. Ошибка в темпах не даст такого искажения, которое, может быть, внес Левассер, опираясь на цифры Фруманто. Сам Левассер склонен был отрицать шаткость полученных им цифр. Он писал, что эта оценка основывается на утверждении современника и что она «не является неправдоподобной»¹.

О дефектности материалов той эпохи можно получить представление из следующего примера. Белох в своей статье о населении в эпоху Ренессанса² пишет, что на основании некоторого рода переписи, произведенной при Карле IX, население Франции определялось в 15—16 млн., а по другому источнику — в 20 млн. Об этой же переписи пишет Инама-Штернегг. Возможно, что речь идет о кадастре, произведенном при Карле IX Боланже (Baulenger). По этому кадастру он исчислил 33 360 тыс. семей, или 150 млн. человек!³

Наши исчисления темпов не являются произвольными, так как они основаны на соответствии с темпами XVIII в., но даже если мы предположим, что в XVII в. был рост не на 20, а на 30%, а в XVI в. не на 10, а на 20%, то и тогда мы получим вместо 15 млн. — 13 млн. человек. Несмотря на то, что мы исходили из совершенно иных темпов роста, расхождение — в пределах

¹ См. Levasseur, op. cit., t. I, p. 192.

² См. Beloch, Die Bevölkerung Europas zur Zeit der Renaissance, «Zeitschrift für Sozialwissenschaften», 1900, J. III, p. 773.

³ См. об этом Moreau de Jonnés, Etat etc., p. 27.

10—15%, в то время как в приведенной выше таблице расхождение достигает 70%.

Теперь нам остается установить население Франции в течение XVIII в. Это столетие весьма богато оценками численности населения. Подобные оценки базировались как на налоговых источниках, так и на исчислении населения по данным о рождениях, браках и смертях.

Начало XVIII в. было чрезвычайно неблагоприятным для населения Франции. Война за испанское наследство, затеянная Людовиком XIV, приносила французской армии поражение за поражением. При этом война велась на территории Франции и принесла разорение населению, особенно в районах военных действий.

Потери от этой войны были очень велики. По исчислениям Зюсмилля за 20 лет войн Людовика XIV погибло 800 тыс. солдат его армии¹. Бодар (Bodart) дает цифру в 500 тыс. человек, считая также раненых². Если даже считать, что не все погибшие солдаты были французы, все же потеря весьма чувствительна. К этому надо еще прибавить многочисленные жертвы мирного населения. Оппозиционные писатели того времени считали, что население страны сократилось на четверть, если не на треть³. Левассер полагает, что население сократилось с 21 млн. в 1700 г. до 18 млн. в 1715 г., т. е. на одну седьмую. Эта более осторожная оценка, вероятно, ближе к истине, тем более что она согласуется с оценкой Форбонэ (Forbonnais)⁴.

В период 1715—1725 гг. имел место рост населения. Это был период мира, прерванный только войной с Испанией в 1718—1720 гг. Надо думать, что к 1725 г. Франция уже достигла уровня 1700 г.

Во вторую половину XVIII в. имеется большое количество исчислений населения. Приведем их в табличной форме⁵ (см. табл. на стр. 144).

На основании части из приведенных в этом списке оценок Левассер полагает, что к 1762 г. численность населения Франции достигла 22 млн., к 1770 г. — 24,5 млн. и к 1789 г. — 26 млн. Однако мы не видим необходимости исходить только из этих оценок. В 1801 г. была произведена первая перепись населения Франции, которая дала 27,3 млн. жителей. Это дает плотность населения в 51,6 человека⁶ на 1 км². Для 1800 г. примем 51. Так как к 1700 г. плотность равнялась около 38 человек, то XVIII век дает рост на 34%. Наибольшая доля этого прироста приходится на вторую половину. В первой половине прирост был невелик. Мессанс, например, исчислил по материалам Овер-

¹ См. Gmelin, op. cit., S. 242.

² См. Bodart, op. cit., p. 96.

³ См. «История средних веков», т. II, стр. 373.

⁴ См. Levasseur, op. cit., p. 213.

⁵ Таблица составлена на основе книг Левассера и Гийяра, а также статьи Бодильера («Journal des économistes», 1885) и книги Бюшинга (Büsching, Erdbeschreibung, Т. II, S. 365).

⁶ См. Levasseur, op. cit., t. I, p. 318.

Свод оценок населения Франции во второй половине XVIII в.

Годы	Автор	Численность населения (в млн.)
1754	Мирабо-отец	18,1
Начало второй половины XVIII в.	Вольтер	20,1
	Бюффон	22,7
1766	Мессанс (Messance), на основе числа рождений и браков	23,1
1768	Экспилли (Exilly, Dict., art. «Population», p. 808)	22,0
1772	Монтион (Montyon)	23,7
1773	Аббат Террей (Terray), генеральный контролер	23,5
1776	Моо (Moheau), на основе числа браков	23,0
1776	Моо, на основе числа умерших	23,8
1776	Моо, на основе числа родившихся	23,7
1783	Лаплас, Кондорсэ, Сежур (Séjour)	25
1785	Дюпон де Немур (Dupont de Nemours)	23 — 24
1787	Калон (Callonne)	23,1
1789	Неккер	24,8 — 26,0
1789	Кавалер де Поммель (des Pommelles)	25,1
1789	Бонвалет Дебросс (Bonvallet Desbrosses)	23,0
1790	Первая оценка Конституанты	28,9
1790	Вторая оценка Конституанты	26,4
1790	Налоговый комитет Конституанты	26,4
1791	Лавуазье	25,0
1791	Кондорсэ и др.	25,5
1791	Монтескье	26,3
1791	Отчет о налоге	27,1
1796	Депрони (De Prony)	26,5

ни, Лиона и Руана, что с 1700 по 1762 г. население увеличилось в пропорции 51 к 55¹. Исходя из этого, мы можем предположить, что в первую половину XVIII в. население увеличилось всего на 10%. В период 1750—1775 гг. рост населения усилился, но особенно он возрос после крушения феодального порядка. Все имеющиеся материалы показывают снижение смертности и рост рождаемости во Франции после 1789 г. Это является прямым результатом победоносной революции: условия жизни масс улучшились, феодальная эксплуатация была ликвидирована, народ воспрянул духом — все это привело к уменьшению безбрачия, к росту плодовитости, к снижению смертности².

Исходя из всех указанных материалов, динамика населения Франции в период упадка феодальной системы, завершившегося ее полным крушением в 1789 г., может быть представлена в следующем виде:

¹ См. Levasseur, op. cit., t. I, p. 215.

² См. об этом у Baudrillart, La question de la population en France au XVIII siècle au point de vue de l'histoire et de l'économie politique, «Journal des économistes», 1885, № 5, p. 351.

Предположительная динамика населения Франции за 1500—1800 гг.

Годы	Плотность населения (человек на 1 км ²)	Территория 1914 г.	Территория в соответствующие годы	Население (в млн)	
		в тыс. км ²		в границах 1914 г.	в границах соответствующих лет
1500	29	} 536,0	377,0	15,5	10,9
1550	32		428,3	17,2	13,7
1600	32		443,7	17,2	14,2
1650	35		466,8	18,8	16,3
1700	38		496,1	20,4	18,9
1725	38		496,1	20,4	18,9
1750	41		496,1	22,0	20,3
1775	45		528,9	24,1	23,8
1800	51		532,2	27,3	27,1

В этом расчете мы допускаем некоторую ошибку, предполагая, что в районах, присоединенных к Франции позднее, плотность населения была такой же, как и по всей Франции в целом. Однако размер ошибки от этого не может быть особенно значительным; к тому же мы не располагаем возможностями более детально изучить население Франции¹.

Всего рост населения за три столетия составил 76%, что дает 0,19% в среднем в год. По сравнению с периодом 1000—1500 гг. темп роста населения увеличился в 1,5 раза.

К сожалению, у нас почти нет материалов, при помощи которых можно было бы проконтролировать вычисленный нами средний процент роста. Некоторые исчисления дает лишь Моро де Жонэ. Для эпохи царствования Людовика XIII (1610—1643 гг.) он исчислил естественный прирост 1 на 360, т. е. 0,28% в год². Так как первая половина XVII в. была сравнительно благоприятной для роста населения, цифра Моро де Жонэ хорошо согласуется с нашей цифрой как средней за все три столетия. Для эпохи Людовика XIV Моро де Жонэ дает 0,20% прироста в год. Таким образом, исчисленный нами средний темп роста населения довольно близок к расчетам Моро де Жонэ.

4. АНГЛИЯ

Несмотря на то, что вопрос о численности населения Англии в период 1500—1800 гг. занимал умы многих экономистов, мы не можем сказать, чтобы в нашем распоряжении имелся достаточно точный и надежный ряд соответствующих цифр, которые мы могли бы положить в основу исчислений. И по этой стране

¹ Некоторые материалы, сообщаемые Моро де Жонэ, дают возможность утверждать, что плотность населения во вновь присоединенных территориях мало отличается от средней по Франции. Так, например, в местностях, присоединенных Людовиком XIV (Эльзас, Фландрия и др.), средняя плотность была 790 человек на 1 кв. лье, а по всей Франции — 760.

² См. Moreau de Jonnés, Etat. etc., p. 147.

пришлось осуществить критическое сопоставление цифр по отдельным источникам, которое привело бы к более или менее надежным данным о численности населения за 1500—1800 гг., так как первая перепись населения в Англии была произведена только в начале XIX в. Правда, в середине XVIII в. Англия была очень близка к проведению переписи. В 1753 г. был внесен билль, предусматривающий производство ценса. Этот билль был принят палатой общин, но отвергнут палатой лордов. Враги переписи полагали, что осуществление ее уничтожит «остатки английской свободы».

О населении Англии в эпоху Елизаветы существуют довольно противоречивые оценки. Если Роджерс говорит о 2,5 млн. жителей, то ряд других авторов называет 5 млн. и даже 6 млн. человек. Подобный разнобой мог возникнуть только благодаря тому, что XVI век не оставил какого-либо надежного источника, при помощи которого можно было бы подойти к численности населения Англии.

В XVII в. дело обстоит несколько лучше. Для 1603 г. имеется цифра общего количества прихожан (т. е. так называемое конфирмованное население) по всем церквам страны — 2 275 088¹. Если бы мы знали более или менее точно удельный вес прихожан во всем населении, то тогда общая цифра населения могла бы быть вычислена без труда. При определении удельного веса конфирмованного населения надо знать возраст конфирмации; этот возраст в Англии колеблется от 14 до 18 лет. Если считать средний возраст конфирмации в 16 лет, то тогда конфирмованное население составит около 66%. В соответствии с этим цифра населения Англии и Уэльса в 1603 г. будет выражаться примерно в 3,5 млн. человек. К этой цифре надо еще прибавить лиц, не входивших в официальную церковь; число их в ту пору было очень велико. Кроме того, был, вероятно, довольно значительный недоучет. В общем можно считать, что по этим данным население Англии и Уэльса составило к 1600 г. 4—4,5 млн. Для конца этого столетия также имеются кое-какие материалы церковного происхождения о населении. Дело в том, что Вильгельм III пожелал установить количество верующих. Для этого каждая епархия должна была представить соответствующий отчет. По этим отчетам число жителей страны составило приблизительно 5 200 тыс.

Примерно для той же эпохи имеются материалы о населении Англии на основании налогового источника. Данные о подворном налоге (hearth taxes) были обработаны сначала Кингом, затем Хаутоном (Houghton).

Кинг для 1690 г. насчитал 1 319 315 домов. Взяв определенный множитель (число человек на один дом), Кинг для 1690 г. пришел к цифре в 5 765 тыс. человек, а для 1695 г.—

¹ См. Beloch, Die Bevölkerung Europas zur Zeit der Renaissance, «Zeitschrift für Sozialwissenschaften», 1900, J III, S 774. Эта цифра взята из рукописи, хранящейся в Британском музее.

в 5 500 тыс. К этой цифре он пришел путем применения различного числа жителей на один дом; один коэффициент он применил для Лондона, другой — для окрестностей Лондона, третий — для остальных городов Англии, четвертый — для сельских местностей. Установленные им множители колебались от 4 до 5,5 человека. Суммируя произведения по отдельным категориям населения, он получил 5 318 тыс. человек. Прибавляя армию и флот, а также и неучтенных, он приходит к цифре в 5 500 тыс. в 1695 г.

Цифры Кинга подверглись большой критике. Во-первых, единица наблюдения осталась неясной: имеется ли в виду дом или хозяйство. Кинг исходил из количества домов, между тем как налоговые агенты могли исходить из наличия отдельных семей или отдельного хозяйства.

Далее, выбор коэффициента также вызывал много споров. Прайс, например, считал, что на один дом приходится $4\frac{1}{2}$ человека. Хаулетт (Howlett) исходил из $5\frac{2}{3}$, отчет сельскохозяйственного бюро по графству Суффолк дает $5\frac{3}{4}$ человека на один дом. Перепись 1801 г. дала 5,64 человека на дом. Кроме того, было установлено, что налоговый учет очень неполон. В ряде мест были проведены специальные обследования полноты налогового учета. Эти обследования дали следующие результаты¹:

Результаты трех обследований о полноте налогового учета

Обследования	Количество домов по налоговому учету	Количество домов по специальному обследованию	% домов учтенных налогом
Хаулетта	19 025	33 096	73
Уэльса	25 242	41 724	65
Прайса	11 219	17 992	60
Итого .	55 486	92 812	67,5

Из этого видно, что большое количество домов оставалось неучтенным.

Вообще следует отметить, что расчет по количеству домов не привел к удовлетворительным результатам. Достаточно сказать, что Прайс, который базировался на этом материале, пришел к выводу, что с 1690 по 1777 г. население Англии уменьшилось с 6,6 млн. до 4,8 млн., в то время как на самом деле в этот период Англия обнаружила сильный рост населения.

Другой источник сведений о населении Англии в доцензовый период — это записи о крещениях, венчаниях и погребениях. Эти записи в Англии велись еще в XVI в., но оставались необ-

¹ См Gönner, The population of England in the eighteenth century, «Journal of the Royal Statistical Society», 1913, v. 76, p. 283.

работанными и несведенными в отдельных приходах. Лишь за XVIII в. они были сведены для каждого прихода.

Джон Рикман (Rickman), руководитель первых четырех английских переписей, предпринял свод этих материалов за 1700, 1710, 1720, 1730, 1740, 1750, 1760, 1770, 1780 и с 1781 по 1800 г. Установив количество крещений в прежние годы, Рикман определил численность населения на основе постоянного отношения количества крещений к числу населения для конца XVIII в. Так, например, Рикман пишет: «Если 255 426 крещений (среднегодовая за последние пять лет) было у населения в 9 168 тыс., то каково было население в 1700 г., давшее 152 540 крещений?»

Положив в основу указанную пропорцию, Рикман дал исчисление населения Англии в XVIII в. и опубликовал его в отчетах о первом английском цензе 1801 г. Воспроизведем этот ряд¹:

Динамика населения Англии в XVIII в., по расчетам Рикмана

Годы	В тыс	Годы	В тыс
1700	5 475	1770	7 425
1710	5 240	1780	7 853
1720	5 565	1785	8 016
1730	5 796	1790	8 675
1740	6 064	1795	9 055
1750	6 467	1801	9 168
1760	6 736		

Приведенный ряд показывает значительный рост населения в XVIII в. Однако достоверность его должна быть подвергнута сомнению. Ряд Рикмана был бы правилен, если бы рождаемость на всем протяжении XVIII в. оставалась стабильной, но на самом деле она росла. Наличие роста рождаемости делает пропорцию крещение/население пригодной для конца XVIII в. и непригодной для начала этого же века. Распространение соотношения конца XVIII в. на начало этого же века в условиях роста рождаемости приводит к недоучету населения в начальный период: в условиях пониженной рождаемости для определенного количества крещений нужно уже большее население, чем население, взятое по нормам повышенной рождаемости. Кроме того, в начале XVIII в. полнота учета также была недостаточной. Это обстоятельство действует в том же направлении. Вообще на основе числа крещений трудно получить правильные цифры. В отдельные годы рождаемость может падать в силу тех или иных причин, но это падение рождаемости отнюдь не сопровождается сокращением численности населения, между тем если основываться на числе рождений, то получится уменьшение населения.

Поэтому многие демографы, оперирующие записями по движению населения, для установления численности населения часто пользуются не только крещениями, но и погребениями и

¹ См Preliminary observations on the 1801 census, p. 9. Взято у Griffith, Rickman's second series of eighteenth century population figures, «Journal of the Royal Stat. Soc.», 1929, p. 256

венчаниями. Такой расчет предпринял для Англии Финлэзон (Finlaison, National Debt Office)¹, который дал цифры населения Англии в XVIII в., отличающиеся от рикмановских.

Далее, сам Рикман, очевидно, недовольный своими исчислениями, подвергнул их ревизии и решил дополнить их материалами по XVII и даже XVI вв. В октябре 1836 г. он разослал циркулярное письмо по приходам и потребовал от них данные из старых регистров о крещениях, венчаниях и погребениях в среднем за три года на следующие даты: 1570, 1600, 1630, 1670, 1700 и 1750 гг. Получив материалы и обработав их, Рикман дал следующие цифры о населении Англии и Уэльса за 1570—1801 гг., опубликованные в 1841 г. (в отчете о цензе, стр. 34), спустя несколько месяцев после смерти самого Рикмана в 1840 г.:

*Население Англии за 1570—1750 гг. на основании трехлетних средних о числе**

Г о д ы	крещений	погребений	венчанний	В среднем
1570	3 528 457	3 765 135	3 919 932	3 737 841
1600	4 539 180	4 029 355	4 812 827	4 460 454
1630	5 140 603	5 404 549	5 130 637	5 225 263
1670	4 931 019	6 746 076	4 508 461	5 395 185
1700	5 404 004	6 236 843	5 318 336	5 653 061
1750	5 913 212	6 329 983	5 954 927	6 066 041

Население Уэльса за 1570—1750 гг. на основании трехлетних средних о числе:

Г о д ы	крещений	погребений	венчанний	В среднем
1570	323 665	402 227	541 546	422 479
1600	343 879	335 282	374 631	351 264
1630	387 177	393 627	344 957	375 254
1670	325 681	453 617	356 085	378 461
1700	324 426	424 855	426 560	391 947
1750	464 362	387 875	500 745	450 994

Рассматривая приведенные ряды цифр, мы видим довольно значительные колебания в численности населения в зависимости от того, взяты ли в основу определения численности населения цифры крещений, цифры погребений или цифры венчанний. Так, например, по Англии в 1670 г. разница между двумя цифрами населения (по погребениям и по венчаниям) составила 2 250 тыс. человек; другими словами, население, исчисленное на основе случаев смерти, оказалось наполовину больше населения, исчисленного на основе случаев брака. Подобное расхождение могло оказаться результатом высокой смертности и низкой брачности в 1670 г.

¹ Приведен в публикациях ценза 1831 г.

Интересно отметить, что по Уэльсу эти расхождения приходятся на другие даты. Там, например, максимальную разницу дал 1570 год, когда население по числу венчаний оказалось чуть ли не вдвое больше населения по числу рождений.

Вычисление средней из трех цифр населения за каждый год, конечно, значительно сглаживает расхождения. Средние цифры населения по Англии дают неуклонный рост, в то время как цифры первых столбцов такого последовательного роста не обнаруживают.

Используя приведенные цифры, надо иметь в виду, что они вовсе не основаны на материалах о всех приходах Англии в прежние времена. Такими материалами Рикман не мог располагать, так как, например, в 1570 г. далеко не всюду в Англии была налажена церковная регистрация, а там, где она и была налажена, материалы часто не сохранялись. Так, например, по Уэльсу для 1600 г. использован лишь 31 приход, в которых по переписи 1801 г. жило лишь 5,9% всего населения Уэльса. По Англии процент охвата был значительно выше. Данные за 1600 г. охватывают 4 269 приходов, которые в 1801 г. составили 47% всего населения Англии¹.

Приведенные ряды получены путем суммирования данных по отдельным графствам. Однако Рикман составил и другой ряд, базирующийся на следующем правиле пропорции:

«Если 79 634 крещения приходилось на 3 104 прихода, имевших в 1800 г. 2 783 636 жителей (при населении всей Англии в 1801 г. 8 873 180 человек), то какое население было в этих же приходах в 1570 г., при 34 166 крещениях?»²

На основании этого приема, рассматривающего всю Англию и Уэльс в целом как некоторую единицу, Рикман пришел к следующим цифрам³:

Второй вариант расчета населения Англии и Уэльса, основанный на числе:

Г о д ы	крещений	погребений	венчания	В среднем
1570	3 806 930	4 019 038	4 154 655	3 993 541
1600	4 830 318	4 201 088	4 971 167	4 667 524
1630	5 434 849	5 708 985	5 354 387	5 499 407
1670	5 163 823	7 065 671	4 738 562	5 656 019
1700	5 648 618	6 552 596	5 546 294	5 915 836
1750	6 202 060	6 679 409	6 160 635	6 347 368

И при этой методике наибольшее расхождение приходится на 1670 г. Надо думать, что цифра для 1670 г., выведенная на основе записей о погребениях, велика вследствие того, что в те годы была какая-либо эпидемия, вызвавшая значительную смертность. Всякая такая эпидемия создает чрезвычайно пре-

¹ См. Griffith, *op. cit.*, p. 260.

² Цит по Griffith, *op. cit.*, p. 259.

³ *Ibidem*, p. 263.

увеличенное представление о численности населения вследствие ненормально высокой смертности.

Данные Рикмана подверглись критике. Делались разные поправки, исправления и т. д. Такие поправки внес, например, Гоннер (Gonner)¹, считая необходимым увеличить цифру Рикмана для 1750 г. на 3%, а для 1700 г.— на 5%.

Материалы о естественном движении населения использовал также Гриффитс (Griffith)². Однако он положил в основу не крещения и не погребения, а естественный прирост, надбавив предварительно 15% на число крещений и 10% на число погребений. Таким путем Гриффитс получил свой ряд численности населения Англии и Уэльса за 1700—1800 гг. по десятилетиям.

Ценз 1801 г. показал 8 872 890 человек для Англии и Уэльса. Однако налицо был некоторый недоучет. Рикман, сам производивший эту перепись, недоучет измеряет в виде $\frac{1}{30}$ и получает 9 168 тыс. человек. Эту цифру мы и положили в основу наших расчетов.

Для 1750 г. мы имеем следующую серию цифр населения Англии и Уэльса:

Свод исчислений населения Англии и Уэльса к 1750 г.

Авторы	Тыс. человек
Рикман 1-е исчисление	6 467
» 2-е исчисление	6 517
» 3-е исчисление (по всей Англии)	6 347
» исправленный Гоннером	6 320
Финлэзон	6 140
Гриффитс	6 253
Гоннер	6 320
Фарр	6 336

Исходя из этих расчетов, мы можем считать, что население Англии и Уэльса в 1750 г. равнялось приблизительно 6 300 тыс.

Для 1700 г. серия расчетов населения по Англии и Уэльсу может быть представлена в следующей сводке:

Свод исчислений населения Англии и Уэльса к 1700 г.

Авторы	Тыс. человек
Рикман 1-е исчисление	5 475
» 2-е исчисление	6 045
» 3-е исчисление	5 916
» исправленный Гоннером	5 740
Финлэзон	5 135
Гриффитс	5 835
Кинг	5 500
» исправленный Гоннером	5 865
Гоннер	5 800
Фарр	6 122
Сибом	5 500
Конрад	6 000
Белох	6 000
Принцинг	6 000
Роджерс	5 500

¹ См. Gonner, op. cit., p. 284.

² См. Griffith, Population problem of the age of Malthus. Cambridge 1926, p. 18.

Здесь мы имеем уже довольно значительные колебания цифр: максимальный вариант (Фарр) больше минимального (Финлэзон) почти на 1 млн., в то время как в 1750 г. эта разность составляла лишь 327 тыс. человек. Однако цифра Финлэзона маловероятна. Все исследователи склоняются к тому, что численность населения Англии к концу XVII в. гораздо ближе была к 6 млн., чем к 5 млн. Мы можем считать вслед за Гоннером, что население Англии и Уэльса к 1700 г. составляло примерно 5 800 тыс.

Население на 1600 г. определить значительно труднее. XVII век — это наиболее бурный век в истории Англии. Многолетняя гражданская война истощила силы страны. Некоторые предполагают, что гражданская война в Англии стоила жизни 1,5 млн.¹ К тому же в 1665 г. была свирепая эпидемия чумы, последняя в Англии. Во всяком случае в период 1630—1670 гг. (гражданская война) никакого роста населения не было. Это подтверждается данными Рикмана: на основе числа браков население Англии в 1630 г. составило 5 476 тыс., а в 1670 г. — 4 865 тыс.; рост населения получается только при расчете на основе смертных случаев, но это есть результат высокой смертности 1670 г., а отнюдь не результат роста населения за 1630—1670 гг.

Всего по цифрам Рикмана XVII век дает такие темпы роста населения:

*Темпы роста населения Англии и Уэльса в XVII в.,
по расчетам Рикмана*

	1-й расчет	2-й расчет
	% роста за столетие	
По числу крещений	17,3	16,9
» » погребений	52,6	56,0
» » браков	10,7	11,6
В среднем	25,6	28,2

На основании этих материалов можно считать, что XVII в. дал не более 30—35% роста населения. Это приведет нас к 4 300 тыс. населения Англии и Уэльса в 1600 г. Полученная цифра отстоит недалеко от ряда других оценок населения Англии к 1600 г. Ушер для Англии и Уэльса 1600 г. принимает цифру в 4,5 млн. Белох также считает наиболее вероятной цифру в 4,5 млн. человек на основании материалов о числе подтвержденного населения (см. стр. 146). В связи с этим уместно будет отметить, что некоторые авторы преувеличивают темп роста населения Англии в XVII в. Роджерс, например, исходит из предположения, что за это столетие население Англии удвоилось. При этом Роджерс ссылается на рост сельского хозяйства, текстильной промышленности, на иммиграцию из Франции, Фландрии, Германии и на прекращение религиозных преследова-

¹ Об этом см. у P. Mantoux, *La révolution industrielle au XVIII siècle*, Paris 1906, p. 350.

ний¹. Подобное предположение очень маловероятно, так как XVII век для Англии вовсе не был уж столь благоприятным для роста населения. Но даже и в тех странах, где не было гражданской войны, удвоение населения за это столетие нигде не имело места.

Роджерс считает, что в XVI в. население Англии и Уэльса составило 2 500 тыс. При этом он ссылается на перепись в некоторых округах графства Кент в XVI в. Сличая эти цифры с переписью 1861 г., Роджерс устанавливает рост в 6 раз. Распространяя увеличение в 6 раз на всю Англию, он приходит к цифре 2 500 тыс. человек, видя в этом подтверждение первоначально выставленной им цифры. С таким расчетом мы не можем согласиться. Во-первых, рост населения в Англии происходил очень неравномерно: одни графства увеличивали свое население в 10—12 раз, другие — в 3—4 раза.

Во-вторых, даже если считать, что вся Англия росла, как некоторые округа графства Кент, то и тогда 2 500 тыс. не получится. В 1861 г. население Англии и Уэльса составило 20 150 тыс.; одна шестая этого количества дает 3 360 тыс. человек. Если же учесть, что вся Англия выросла сильнее, чем некоторые округа графства Кент, то мы и приходим к цифре в 4—4,5 млн. К сожалению, мнение Роджерса получило широкое распространение. Многие авторы присоединились к нему и утверждают, что в Англии в XVI в. было не более 2 500 тыс. человек. Этой цифры придерживается, как было уже сказано, Инама-Штернегг. Эту же цифру называет Шмоллер в своем «Grundriss usw.» (Т. I, 1908). О 2 500 тыс. населения в XVI в. пишет Конрад в своей «Statistik». Цифру в 3 млн. населения для Англии и Уэльса называют также авторы «Истории средних веков» под редакцией Сказкина и Вайнштейна.

Между тем все эти цифры, вероятно, значительно преуменьшают население Англии. Помимо уже высказанных соображений, мы сможем привести еще один аргумент. Гаррисон² в своем

¹ Rogers, Economic interpretations of history, p. 57—58. Можно предположить, что Роджерс был под впечатлением роста Лондона в XVII в. Действительно, статистические данные показывают, что Лондон за это столетие увеличил свое население со 152 тыс. (в 1593—1595 гг.) до 669 тыс. в 1682 г.), т. е. почти в 4,5 раза (см. C. Greighton, The population of old London, «Blackwoods Magazine», v. 149, p. 484, 486, 495; цит. по Usher, An introduction etc., p. 108). Конечно, при таком бурном росте столицы уместно предположить, что население всей страны в целом возросло очень значительно. Однако на самом деле, как указывает Ушер (op. cit., p. 108), этот «рост Лондона в XVII в. в значительной степени объясняется расширением площади, идентифицируемой с Лондоном». Расширение границ города вызвало бурный рост населения, в то время как в действительности он, вероятно, вовсе не был так велик. В самом деле, как же объяснить тогда тот факт, что в XVIII в., который принес сильный промышленный рост Англии, население Лондона увеличилось всего на 20—25%? Совершенно невероятно предположение, что темп роста населения Лондона в XVIII в. был в 20 раз меньше, чем в XVII в.

² Harrison, Description of England, B. VII, ch. XVI; цит. по Marshall, Principles of economics, 1910, p. 187.

«Описании Англии» указывает, что в 1574 г. насчитывалось 1 172 674 мужчины, способных носить оружие; так как обычно считается, что удельный вес населения, годного к несению военной службы, составляет четверть общего количества, то это дает нам 4,7 млн. человек; цифра, довольно близко примыкающая к нашей (для 1600 г.—4,3 млн.) и уже во всяком случае весьма далекая от 2 500 тыс. человек.

Нам осталось еще определить население Англии к 1500 г. О темпах роста населения в XVI в. нет материалов. Рост населения в период 1570—1600 гг., по числам Рикмана, не может быть использован в силу недостаточной надежности цифр в такую отдаленную эпоху (в 1570 г. у Рикмана представлено лишь небольшое число приходов).

XVI век в истории Англии был, конечно, гораздо более спокойным, чем XVII век. Все же про этот век нельзя сказать, чтобы он был благоприятным для роста населения. Именно в этом веке принял широкие размеры процесс обезземеливания английского крестьянства, который привел к колоссальной нищете населения. Количество бродяг и нищих необычайно возросло¹.

Об этом можно судить, например, по специальному закону 1530 г. Согласно акту Генриха VIII, работоспособным бродягам предусматривалось наказание плетью и тюремное заключение. «Закон предписывает привязывать их к тачке и бичевать, пока кровь не заструится по телу...»² «Акт 27 Генриха VIII подтверждает этот закон и усиливает его кары новыми добавлениями. При рецидиве бродяжничества наказание плетью повторяется и кроме того отрезывается половина уха; если же бродяга попадает в третий раз, то он подвергается смертной казни как тяжкий преступник и враг общества»³.

Крестьяне в своем обездоленном положении прибегали к бунтам, восстаниям (например, восстание Кета). Маркс пишет о XVI в. в Англии: «В XVI столетии положение рабочих, как известно, очень ухудшилось. Денежная плата повысилась, но далеко не в той степени, в какой упала цена денег и повысились цены товаров. Следовательно, фактически заработная плата упала»⁴. При таких условиях трудно предположить, чтобы рост превысил 20% (Мэлхолл для 1480—1580 гг. дает более 25%)⁵.

В окончательном виде население Англии и Уэльса за 1500—1800 гг. может быть представлено в следующих цифрах:

¹ «Обезземеленные фермеры не могли найти вариаций и сделались прощыми бродягами — здоровыми нищими» (см. Тойнби, ук. соч., стр. 148).

² Маркс, Капитал, т. I, стр. 589.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 593.

⁵ Роджерс (Rogers, The industrial and commercial history of England, 1909, p. 46) даже высказал предположение, что в XVI в. население Англии едва ли вообще возросло, однако это утверждение, как справедливо замечает Штэффен (см. Steffen, op. cit., V. I, 1901, p. 464, сноска), «слишком плохо обосновано и противоречиво, чтобы его можно было использовать без тщательной критики и сопоставления с другими исследованиями».

Предположительная динамика населения Англии и Уэльса в 1500—1800 гг.
(в млн. человек)

Г о д ы	Англия	Уэльс	Итого
1500	3,3	0,3	3,6
1550	3,6	0,3	3,9
1600	3,9	0,4	4,3
1650	4,4	0,4	4,8
1700	5,4	0,4	5,8
1725	5,5	0,5	6,0
1750	5,8	0,5	6,3
1775	7,1	0,5	7,6
1800	8,6	0,6	9,2

Приведенные цифры неплохо согласуются с цифрами Мэлхолла. Мэлхолл для 1480 г. дает 3,7 млн. человек и для 1528 г.— 4 356 тыс.; у нас для года, стоящего посредине между указанными,— 3,6 млн.; для 1580 г. Мэлхолл дает 4,6 млн., у нас 20 лет спустя— 4,3 млн.; для 1680 г.— у него 5,5 млн., у нас 20 лет спустя— 5,8 млн.

Довольно близко наши цифры подходят к оценкам Сибома¹. По Сибому, в 1500 г. в Англии было 3 млн., у нас— 3,3 млн.; для 1630 г., по Сибому,— 4, у нас— 3,9 (для 1600 г.). Правда, при этом неясно, считает ли Сибом Англию с Уэльсом или без него.

Говоря о населении Ирландии в эпоху 1500—1800 гг., надо отметить прежде всего ирландское восстание 1641 г. Это восстание началось убийством тысяч английских колонистов, но на этом убыль населения не остановилась. Восстание было подавлено Кромвелем в 1649—1652 гг. очень жестоко. Петти считает, что это восстание за период 1651—1652 гг. стоило 616 тыс. человеческих жизней, из них 204 тыс.— в результате войны и голода, а 412 тыс.— в результате чумы².

Страна была разорена до крайности. Во многих местах ели человеческое мясо. Волки в опустошенной стране стали настолько серьезной опасностью, что премия за убийство волка была увеличена с 10 шилл до 6 ф. ст. В одном округе Голуэй в 1655 г. было выплачено 293 ф. ст. этой премии. Петти указывает, что стоимость земли упала с 8 млн. ф. до 1 млн., а количество голов скота— с 4 млн. до 0,5 млн.

Спустя несколько лет (в 1659 г.) после подавления восстания английское правительство произвело перепись, которая для Ирландии дала цифру в 500 091 человек, в том числе 86 300 англичан³.

¹ «Fortnightly Review», VII, N. Serie; цит. по Marshall, Principles of economics, 1910, p. 87.

² См Petty, Political Anatomy of Ireland, p. 151—153; См русск. перевод Вильям Петти, Экономические и статистические работы. Соцэкгиз, 1940, стр. 99.

³ См. Bonn, Die englische Kolonisation in Irland, B. II, [S 96 u 120.

Однако эта цифра совершенно не согласуется с другими материалами по Ирландии. Большинство авторов указывает, что в Ирландии уже в начале XVIII в. было около 2 млн. человек. Не могло же население Ирландии за 50 лет увеличиться в 4 раза! Подобное несоответствие возникает вследствие того, что перепись 1659 г., произведенная в опустошенной и разоренной стране, дала значительный недоучет.

На этот недоучет указывает и сам Гардинг (Hardinge), обработавший материалы этой переписи¹. Гардинг отмечает, что получены были материалы только по 27 графствам, а ряд графств (Голуэй, Ковэн, Майо, Тирон, Уиклоу, частично Корк и Митс) выпал из переписи. Кроме недоучета целых районов, был очень велик недоучет даже в тех графствах, по которым имеются материалы переписи. Учитывая все, вместе взятое, надо полагать, что уже тогда страна насчитывала 800—900 тыс. человек.

Только спустя 13 лет (в 1672 г.) Петти оценивает население Ирландии уже в 1,1 млн.

Приведем другие материалы по населению Ирландии и Шотландии. Мэлхолл приводит следующие цифры²:

*Динамика населения Ирландии и Шотландии, по Мэлхоллу
(в тыс. человек)*

Г о д ы	Ирландия	Шотландия
1528	770	550
1672	1 320	900
1712	2 099	1 050
1754	2 373	1 265
1780	3 050	1 430
1801	5 216	1 608

Интересно, что Мэлхолл тут же обращает внимание на непомерно высокий (на 70%) рост населения Ирландии в период 1780—1801 гг. Находя это невозможным, он исправляет данные им цифры для 1754 и 1780 гг. Для 1754 г. вместо 2 373 тыс. он ставит 3 200 тыс., а для 1780 г. вместо 3 050 тыс. он ставит 4 200 тыс. Однако подобная замена цифр совершенно произвольна. Судя по приведенным ниже материалам, население Ирландии к середине XVIII в. еще далеко отстояло от 3 млн. В то же время известно, что вторая половина XVIII в. дает действительно феноменальный рост населения Ирландии, в среднем около 2% в год.

Рейтер³ указывает, что в Ирландии в 1640 г. было менее 1 млн. человек, в 1672 г. — 1,3 млн., в 1785 г. — 2,8 млн., в 1803 г. — 5,4 млн.

¹ См. Hardinge, On earliest known manuscript Census returns of the people of England, Transactions Royal Irish Academy, XXIV, II, p. 320; цит. по Bonn, op. cit., B. II, p. 120.

² Mulhall, The Dictionary of Statistics, p. 444.

³ Reuter, Population problems, p. 45.

Наиболее подробную сводку данных о населении Ирландии приводит Гриффитс¹, главным образом на основе отчетов об ирландских цензах (Irish Census Report, 1824).

Динамика населения Ирландии за 1695—1804 гг.

Г о д ы	Численность населения	И с т о ч н и к и
1695	1 034 102	Саус (Capt. South)
1712	2 099 094	Томас Доббс (Dobbs)
1718	2 169 048	» »
1725	2 317 374	» »
1726	2 309 106	» »
1731	2 010 321	Ирландская палата лордов
1754	2 372 634	Отчет о подворном налоге
1767	2 544 276	» » » »
1777	2 600 556	» » » »
1779	менее 3 000 000	Артур Юнг
1785	2 845 032	Отчет о подворном налоге
1788	4 040 000	Бэш (Bushe)
1791	4 206 602	Отчет о подворном налоге
1792	3 747 000	Мак Куллох и отчет о подворном налоге
1792	4 088 226	Бофорт (Beaufort) и отчет о подворном налоге
1804	5 400 000	Отчет, 1825, VI, p. 7

Материалы о населении Ирландии не во всех случаях достаточно правдоподобны. Ясно, например, что за 17 лет население не могло возрасти с 1 млн. до 2 млн. (1695 и 1712 гг.). Также ясна ошибочность цифр Рейтера, предполагавшего удвоение населения Ирландии за 1785 — 1803 гг., т. е. за 18 лет. Даже в условиях максимально быстрого роста в такой короткий период удвоения населения быть не могло.

Все же можно считать установленным, что XVIII век в Ирландии дал необычайно высокий рост населения. Все это столетие (до 1798 г.) в Ирландии не было войн и усиленно распространялась культура картофеля. Правда, распространение этой культуры в скором времени поставило Ирландию перед лицом крупных катастроф. Например, в 1739—1741 гг. картофель замерз в земле, картофельный голод был настолько велик, что принес смерть не менее 400 тыс. человек², и население сократилось с 2,3 млн. до 1,9 млн. Вероятно, лишь к 1750 г. Ирландия восстановила потерю, причиненную голодом 1739—1741 гг.

В общем население Ирландии и Шотландии может быть представлено примерно в следующем виде (см. табл. на стр. 158).

¹ Griffith, Population problems etc., p. 45.

² Fitzgibbon, Ireland in 1868, p. 149—150; цит. по Вонн, op. cit., В. II, S. 219.

Предположительная динамика населения Соединенного королевства за 1500—1800 гг. (в млн. человек)

Г о д ы	Ирландия	Шотландия	Англия и Уэльс	Соединенное королевство в целом
1500	0,8	0,6	3,6	5,0
1550	0,9	0,8	3,9	5,6
1600	1,1	0,9	4,3	6,3
1650	0,9	0,9	4,8	6,6
1700	1,4	1,0	5,8	8,2
1725	2,0	1,1	6,0	9,1
1750	2,3	1,2	6,3	9,8
1775	3,2	1,4	7,6	12,2
1800	5,5	1,7	9,2	16,4

В этой таблице обращают на себя внимание необычайно высокие темпы роста населения Ирландии. Эти темпы уже давно привлекали к себе внимание демографов. Говорили, например, что «картофель утроил население Ирландии», подчеркивая тем самым, что рост населения происходил вследствие развития культуры картофеля. Действительно, благоприятные природные условия Ирландии при отсутствии особенно значительных войн и кровопролитий привели к бурному росту населения, который продолжался еще в первой половине XIX в.

В целом за период 1500—1800 гг. Британские острова утроили свое население. Рост почти на 200% за 300 лет дает 0,40% в среднем в год. Если же взять только Англию и Уэльс, то среднегодовой темп роста сократится до 0,31%. Но и этот процент все же значительно превышает темпы роста за 1000—1500 гг.

5. ИТАЛИЯ

По Италии в этой части наша задача сводится к выяснению численности населения в промежуточные для периода 1500—1800 гг. даты. Начальные и конечные даты можно считать установленными довольно точно. Цифра в 18,1 млн. человек в 1800 г. для Италии в довоенных границах получена по достоверным материалам. Что же касается 1500 г., то цифра в 11 млн. (см. стр. 67) не вызывает значительных сомнений. Но как именно цифра в 11 млн. превратилась в 18 млн. — это осталось неясным.

Белок, который особенно подробно занимался историей населения Италии, на основании разбора местных данных дает следующую картину населения страны к 1600 г.¹:

¹ См. указанную статью о населении Европы в эпоху Ренессанса, стр. 768—769.

Население Италии к 1600 г., по Белоху

	Тыс. человек
Венецианская республика (итальянские владения) (1620 г.)	1 850
Герцогство Миланское	1 350
Герцогство Савойя (итальянские владения)	800
Герцогство Мантуя с Монферратом (1589 г.)	320
Генуэзская республика (континент) (1607 г.)	500
Пьяченца, Парма, Модена	500
<hr/>	
Верхняя Италия (93 тыс. км ²)	5 320
Великое герцогство Тосканское (1612—1622 гг.)	760
Республика Лукка	110
Папская область (1656 г.)	1 880
<hr/>	
Средняя Италия (66 тыс. км ²)	2 750
Неаполитанское королевство (1595 г.) (77 тыс. км ²)	3 000
Сицилия (1615 г.)	1 080
Сардиния (1626 г.)	300
Корсика (1594 г.)	150
Мальта (1614 г.)	40
<hr/>	
Острова (59 тыс. км ²)	1 570
Итого (295 тыс. км ²)	12 650
Итого без Корсики и Мальты	12 460

Большинство этих цифр является результатами переписей. Так, переписи были в Венеции, Тоскане, Папской области, Савойе и Мантуе, отчасти в Генуе. Население Милана получено по церковным источникам. По Неаполю цифра получена на основе налоговых данных о числе семейств с последующим применением коэффициента 5. Лишь для Пьяченцы, Пармы, Модены и Лукки цифры основаны на оценках. В целом Белох рассматривает эти цифры как несколько преуменьшающие численность населения и принимает для 1600 г. 13 млн. человек.

Далее, Белох переходит к XVII в. и указывает, что это столетие увеличило население лишь в очень слабой степени. Помимо войн и экономического упадка в XVII в. Италию постигли большие чумные эпидемии в 1630—1631 и 1656—1657 гг. Чума 1630—1631 гг. унесла в одной Венеции около 300 тыс. человек, во всей Верхней Италии и Тоскане — вероятно около 1 млн. человек¹.

Сопоставив с данными местных переписей в XVII в., Белох приходит к выводу, что к 1700 г. в Италии было «едва ли больше 14 млн. человек». Таким образом, по Белоху, динамика населения Италии в 1500, 1600, 1700 и 1800 гг. может быть представлена цифрами 11, 13, 14, 18. Эту же динамику дает «Итальянская энциклопедия» («Enciclopedia Italiana»). Между тем подобное движение численности населения вызывает некоторые сомнения.

Многочисленные материалы указывают на то, что в XVI и

¹ См. Beloch, op. cit., S. 770.

XVII вв. в Италии не было значительного роста населения: некоторые авторы, напротив, говорят даже о падении численности населения или, в лучшем случае, о стабилизации. Например, Инама-Штернегг писал, что переписи в итальянских государствах, «как бы они ни были несовершенны, дают все же возможность установить тот замечательный факт, что население Италии оставалось почти неподвижным»¹.

И, с другой стороны, XVIII век принес значительно больший рост населения, чем это характеризуется цифрами Белоха. Если эту динамику принять в основу, то вместо цифр 11, 13, 14, 18 мы будем иметь цифры 11, 11, 11, 18 для 1500, 1600, 1700 и 1800 гг. Правильна ли такая динамика?

Прежде всего, действительно, следует признать, что Италия в XVI и XVII вв. переживала эпоху, мало благоприятную для роста населения. Экономическое значение ее было подорвано. Открытие Америки и морского пути в Индию перенесло центр мировой торговли из Италии в страны мореплавателей, в Испанию, Англию и Нидерланды. Средиземноморский бассейн уступил место Атлантическому и Индийскому океанам. Маркс пишет: «После того как революция мирового рынка с конца XV столетия стала уничтожать торговое преобладание северной Италии, началось движение в обратном направлении. Рабочие массами вытеснялись из городов в деревню...»²

Развитие промышленности в Нидерландах, Франции и Англии привело к захирению промышленности в Италии.

Если раньше Италия по ряду отраслей промышленности (суконная, шелковая, стекольная, зеркальная) занимала монопольное положение в Европе, то в XVII—XVIII вв. от этой монополии ничего не осталось. Меркантилистская политика крупнейших европейских государств заключалась в создании собственной промышленности. От этого итальянская промышленность пришла в упадок. Так как Италия распадалась на множество республик и государств, раздробленность итальянских государств стала магнитом для растущих и крепнущих монархий — Испании, Франции, Австрии. В течение почти всего XVI в. Италия была объектом нападений этих держав и ареной непрерывных войн, которые привели к разграблению Италии французами, немцами, австрийцами и испанцами.

XVII век также был неблагоприятным. Нищета масс доводила их до восстаний. Кроме того, северная Италия была ареной Тридцатилетней войны. При этом Италию посещают страшные чумные эпидемии, опустошающие города и районы (см. выше). Трудно предположить сколько-нибудь значительный рост населения при таких условиях. Впрочем, наличие местных материалов позволяет сделать более основательное суждение по этому

¹ См. Inama-Sternegg, op. cit., «Handwörterbuch der Staatswissenschaften», В. II, рус. перев. проверен С. Булгаковым и издан в сборнике «Народонаселение и учение о народонаселении», М. 1897, стр. 35

² Маркс, Капитал, т. I, стр. 574—575.

вопросу Белох в своей работе о населении Венеции¹ указывает, что численность населения Венецианской республики изменялась следующим образом:

Годы	Тыс. человек	Годы	Тыс. человек
1548	1 650	1632	1 550
1570	1 700	1715	2 000
1620	1 850		(после чумы)

Всего за 167 лет — рост на 350 тыс. человек, что дает около 200 тыс. в столетие.

Население Сицилии выражалось в следующих цифрах²:

Годы	Тыс. человек	Годы	Тыс. человек
1570	1 062	1653	1 192
1597	1 048	1714	1 383
1637	1 298		

Однако, по данным Белоха³, население Сицилии в 1714 г. равнялось 1 123 тыс. Из этого мы можем заключить, что в XVII в. роста населения этого острова почти вовсе не было.

Материалы по Тоскане и Лукке показывают прирост с 800 тыс. человек в 1569 г. до 1 004 тыс. в 1733—1738 гг., что дает около 100 тыс. человек прироста в столетие.

По Папской области также замечен рост. К середине XVI в. население Папской области Белох определял в 1 600 тыс., а к 1701 г. — в 1 984 тыс. Сопоставление этих двух дат дает 400 тыс. прироста за полтора века, или примерно 250 тыс. в столетие. Если же исходить из цифр, сообщаемых Инама Штернеггом, то рост населения этой области выразится в более скромных темпах: в 1656 г. — 1 870 тыс., в 1708 г. — 1 950 тыс., т. е. 80 тыс. прироста за полвека, примерно 150 тыс. в столетие. Все же оба сопоставления дают рост, а не стабилизацию.

По Неаполитанскому королевству также наблюдалось увеличение населения. На основании налоговых списков 1561 г. численность населения королевства достигала, по Инама-Штернеггу, 2 600 тыс., по Белоху — 2 700 тыс., а к началу XVIII в. оно возросло до 3 млн. человек; таким образом, получается 300—400 тыс. прироста за полтора века, или 200—250 тыс. в столетие.

Миланское государство увеличило численность населения незначительно: в 1542 г. было 1 млн. жителей, а в 1724 г. — 1 110 тыс., можно считать по 50 тыс. в столетие.

Наибольший рост из всех итальянских государств дал Пьемонт, который к 1569 г. насчитывал 1 050 тыс. жителей, а в 1723 г. — 1 550 тыс., т. е. почти на 50% больше. В общем по Пьемонту можно принять рост в 300 тыс. в столетие. По Сардинии также

¹ См. Beloch, *Bevolkungsgeschichte der Republik Venedig*, «Jahrbucher für Nationalökonomie und Statistik», 1899, I 18, H. I, S 25, 27, 30

² См. Inama Sternegg, *op cit*, p 682

³ Приведенные ниже цифры заимствованы из указанной статьи Белоха о населении Италии в XVI, XVII, XVIII вв., в «Bull. Inst Int de Statistique», 1888, v. 3, p. 1, а также из указанной статьи Инама

наблюдается небольшой прирост с 250 тыс. человек в середине XVI в. до 310 тыс. к 1728 г., т. е. примерно 30 тыс. в столетие.

Сводя исчисленные приросты, получаем такую таблицу:

	Приблизительный прирост населения итальянских государств за 100 лет (XVI и XVII вв.) (в тыс. человек)
Венецианская республика	200
Сицилия	0
Тоскана и Лукка	100
Папская область	150 — 250
Неаполитанское королевство	200 — 250
Милан	50
Пьемонт	300
Сардиния	30
Итого . . . 1 030 — 1 180	

Приведенные государства охватывают почти всю Италию. Нет материалов о росте населения в XVII в. только по Генуе, Мантуе, Модене, Парме, Пьяченце, Вальтеллине. По всем этим государствам население составляло всего около 1 млн. Таким образом, материал о росте населения охватывает свыше 90% населения всей Италии. В свете этих материалов мы считаем, что утверждение о стабилизации населения Италии в XVII в. не имеет оснований. Рост населения, хотя и незначительный (около 10% за столетие), все же бесспорно имел место. Можно считать, что за это столетие население Италии увеличилось на 1 100 тыс. Прибавляя 10% на неучтенные районы, получаем 1 200 тыс. прироста в XVII в. Учитывая, что материалы захватывали иногда и первую четверть XVIII в., давшего ускорение темпов, можно считать, что в течение двух веков (XVI и XVII) население увеличивалось на 1 млн. в столетие. Если в XVII в. были особенно значительные эпидемии чумы, то в XVI в. (особенно его начало) большой урон населению приносили войны. В результате мы приходим к цифре в 12 млн. человек к 1600 г. и 13 млн. к 1700 г. Полученные цифры оказались посередине между двумя рядами цифр, приведенных на стр. 160. Таким образом, получается, что в течение XVIII в. население Италии увеличилось с 13 млн. до 18 млн., т. е. на 38%, или на 0,32% в год. О том, в какой мере этот прирост близок к действительности, можно видеть при сравнении с ростом по отдельным частям Италии¹ (см. верхнюю табл. на стр. 163).

По материалам Белоха², это сопоставление может быть дано в следующем виде (см. нижнюю табл. на стр. 163).

Если бы мы вслед за Белохом и «Итальянской энциклопедией» считали, что к 1700 г. население Италии составило 14 млн., а не

¹ См. Dieterici, op. cit., S. 104.

² См. Beloch, La popolazione d'Italia, nei secoli 16, 17, 18, «Bull. de l'Inst. Int. de Stat.», 1888, v. 3, part 1, p. 39.

Рост населения итальянских государств в XVIII в., по материалам Дитеричи

Страны	Периоды	Население на		% ежегодного прироста
		начало периода	конец периода	
		в тыс. человек		
Сицилия	1714—1817	1 113	1 714	0,42
Неаполь	1736—1805	3 766	4 989	0,41
Сардиния	1780—1800	424	489	0,72
Тоскана	1737—1814	891	1 154	0,34

Рост плотности населения итальянских государств в XVIII в., по материалам Белоха

Страны	Годы	Плотность населения (человек на 1 км ²)	Годы	Плотность населения (человек на 1 км ²)	Средне-годовой темп роста
Сицилия	1714	44	1770	57	0,46
Неаполитанское королевство	1700	38	1770	51	0,42
Папская область	1701	47	1769	52	0,15
Милан	1724	69	1773	138	1,42
Пьемонт	1723	67	1773	74	0,20
Сардиния	1728	13	1775	18	0,70

13 млн., то тогда на XVIII в. падало бы 28—29% роста, т. е. 0,24% в год. Однако исчисленные нами годовичные коэффициенты роста в XVIII в. отдельных итальянских государств не дают оснований полагать, что средняя из этих коэффициентов равнялась бы 0,24%. Лишь Папская область и Пьемонт дают коэффициенты роста меньше чем 0,24. Таким образом, разбор местных материалов показывает, что среднегодовой рост в 0,32% лучше отражает темп динамики населения Италии в XVIII в., чем 0,24.

О том, что ежегодный прирост в 0,32% в год дает, пожалуй, более правильную картину роста населения Италии в XVIII в., показывает также и сопоставление цифры населения Италии на 1770 г. в 16,5 млн.¹ с 18,1 млн. на 1800 г. (среднеежегодный темп — 0,31% в год).

Таким образом, общая картина движения населения Италии в 1500—1800 гг. представляется в следующем виде (см. табл. на стр. 164).

Некоторые авторы совсем иначе представляют себе динамику населения Италии. Инама-Штернегг говорит, что население Ита-

¹ Эта цифра получена Белохом путем суммирования местных данных. См. указанную статью в «Bull. de l'Inst. Int. de Stat.», 1888, v. 3, part I, p. 39.

Предположительная динамика населения Италии

Годы	Млн. человек	Годы	Млн. человек
1500	11,0	1725	13,9
1550	11,2	1750	15,2
1600	12,0	1775	16,7
1650	12,3	1800	18,1
1700	13,0		

лии к 1550 г. равнялось 11 млн. и к 1700 г. осталось на том же уровне. Шмоллер предполагает, что население Италии упало с 11 млн. в 1560 г. до 10 млн. к 1700 г. Еще большее падение предполагает Ушер, считая, что к 1600 г. население Италии составило 13 млн., а к 1700 г. — 11 250 тыс.; по плотности населения Ушер предусматривает падение со 114 человек на 1 кв. милю до 102. С другой стороны, Баллод¹ для XVII в. предполагает бурный рост населения с 11 млн. до 16 млн. Мы полагаем, что ни предположения о бурном росте, ни предположения о падении населения в период 1500—1700 гг. неосновательны. Как в XVI, так и в XVII в. население Италии хотя и медленно, но все же возрастало.

Всего за 300 лет население возросло на 65%, что дает 0,16% в год, при этом пять седьмых всего прироста было получено за один XVIII в.; в XVI и XVII вв. рост в среднем равнялся 0,08% в год.

6. ИСПАНИЯ И ПОРТУГАЛИЯ

Кривая населения в Испании в период 1500—1800 гг. шла зигзагообразно. Первая половина XVI в. приходилась на эпоху расцвета испанской монархии. Тогда Испания была крупнейшей державой, в ее руках сосредоточивались две трети мировой добычи золота; испанские и португальские мореплаватели совершали отважные путешествия и основывали в заморских странах многочисленные колонии; центр международной торговли перешел из Италии в Испанию. Это, конечно, не могло не сказаться на росте населения. Оно не удвоилось за столетие, как предполагает Геблер, но то, что оно в первую половину века увеличилось на несколько десятков процентов, в этом можно не сомневаться.

Однако могущество испанской монархии очень скоро пришло к концу. У Испании вырос новый соперник — Англия, которая в эпоху Елизаветы значительно укрепила и усилила свой флот. В 1588 г. знаменитая испанская «непобедимая армада» была вдребезги разбита английским флотом; после этого поражения морское могущество Испании было сломлено, она уже не могла от него оправиться и перешла в разряд второстепенных держав. Было много причин, которые привели к падению могущества Испании, а вслед за ней и Португалии.

Главная из них заключается в том, что испанское дворянство

¹ Ballod, op. cit., S. 20.

выкорчевывало всякие ростки капитализма, рассматривая нарождающуюся буржуазию как врага своих интересов. Политика испанских грандов, идущая вразрез с законами экономического развития, в конце концов подорвала могущество страны. Маркс пишет, что абсолютная монархия в Испании «...сделала все от нее зависящее с целью не допустить роста общих интересов, возникающих из национального разделения труда и многообразия внутреннего обмена, которые и являются подлинным фундаментом для единой системы администрации и господства общего закона. Таким образом, абсолютная монархия в Испании... подобно Турции, осталась скоплением дурно управляемых республик с номинальным сувереном во главе»¹. Результат этого «дурного управления» был тот, что начало XVIII в. встретило Испанию уже лишенной прежнего могущества.

Трудно установить дату, которая характеризовала бы кульминационную точку развития и могущества испанской монархии. Во всяком случае, эта дата предшествует поражению армады, так как это последнее является уже продуктом начавшегося упадка. Геблер говорит о 1560 г., как о годе кульминационном; нам представляется, что эта дата выбрана правильно. Удельный вес Испании в мировой добыче золота стал падать после 1560 г. Так или иначе, во второй половине XVI в. явственно обозначился упадок Испании. Этот упадок незамедлительно сказался на численности населения. Началась значительная эмиграция в Америку и в другие страны, принадлежавшие испанской короне.

Перейра (Pereyra) исчислил, что в XVI в. ежегодно из Испании эмигрировало в Америку 15 тыс. человек, хотя эту цифру Ференци (Ferenczi)² считает преувеличенной. Даже если считать не 15, а 10 тыс. человек, то и тогда одна убыль от эмиграции составит 1 млн человек в течение века. Помимо этого, в конце XVI в. ряд других причин способствовал понижению населения. После подавления восстания морисков значительное число их оставило Испанию. Фернандес (Fernandez) уверяет, что число покинувших Испанию морисков составило 600 тыс. Гонсалес дает в 4 раза меньшую цифру³. Кроме того, в 1583 г. была эпидемия чумы, которая в одной только Малаге унесла 12 тыс. человек, т. е. треть всего населения. Все это привело к тому, что в конце XVI в. в Испании население начало сокращаться. Доказательством этого могут служить данные о населении городов в 1594 г. по сравнению с 1557 г., показывающие падение числа жителей⁴.

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. X, стр. 722.

² См. Ferenczi, Migrations, «Encyclopaedia of Social Sciences», v. 10, p. 430.

³ Habler, op. cit., S. 151.

⁴ Правда, надо сказать, что не все материалы говорят о падении населения Испании во второй половине XVI в. Например, учет в Наварре обнаружил рост числа очагов с 30 833 в 1553 г. до 41 901 в 1587 г. Даже если сбросить около 1 тыс. человек на семь духовенства, которые не учитывались в 1553 г., то и тогда получится рост (см. Girard, op. cit., p. 433).

О населении Испании к концу XVI в. дает материалы учет 1594 г. По этому учету, в Кастилии было 1 340 320 семейств. Беря множитель 5, получаем 6 701 600 человек. Если прибавить еще 169 300 духовных лиц (включая и их семьи), 225 тыс. дворян Астурии, 208 155 басков, затем население Арагоны (355 тыс.), Валенсии (487 тыс.), Каталонии и Наварры, то в результате Геблер приходит к цифре 8 401 972 человека для всей Испании¹.

Англичанин Хендрикс² приходит к несколько меньшей цифре (8 207 тыс. человек), которая нам представляется сосчитанной более верно.

XVII век характеризуется глубоким упадком политической и экономической жизни Испании. Первенство на море окончательно закрепилось за англичанами, первенство на суше стало переходить к Франции. Города Испании начали хиреть. Геблер пишет, что к середине XVII в. города Андалузии потеряли половину, даже три четверти всех жителей.

Правительство пыталось законодательными мерами приостановить падение населения. В 1623 г. был издан эдикт, по которому все вступающие в брак в возрасте 18—25 лет освобождались на известное время от всяких податей и налогов. Неимущим невестам казной выдавалась известная денежная сумма в качестве приданого. Далее, все, кто имел в живых шесть законнорожденных детей мужского пола, освобождалась от налогов. Все иностранцы, переселившиеся в Испанию и желавшие заняться земледелием или каким-либо ремеслом, также освобождались от налогов. Но все эти меры, по выражению Фергюссона, равносильны тому, как если бы земледelec поливал землю, не засевая ее. Падение численности населения было еще ускорено эпидемией чумы в 1677—1681 гг. Разоренное и придавленное эксплуатацией крестьянство покидало родную страну.

В 1609 г. был издан закон об изгнании морисков. Считают, что было изгнано около 500 тыс. морисков (некоторые полагают, что даже 800 тыс.), представлявших в хозяйственном отношении весьма важный элемент. Мориски занимались различными промыслами, главным образом шелководством, держали в своих руках торговлю и показывали образцы ведения сельского хозяйства. Поэтому при изгнании морисков 6% из их числа были оставлены, чтобы обучать население способам правильной обработки земли.

О населении Испании в XVII в. нет надежных материалов. Оценки населения Кастилии настолько противоречивы, что не могут идти в счет³. Зато начало XVIII в. дает материалы сравни-

¹ Habler, op cit, S 151.

² Hendricks, op cit, p 152

³ Эти оценки колебались следующим образом Moncada — 5 млн человек, Soranzo — 8, Arbelau — 8, Ordopez — 9, Zeballos — 4, Contarini — 3, Zapata — 3 млн. См об этом у Habler, op cit, S. 152. Для всей Испании Zeballos в 1618 г. давал цифру 9 млн. человек, Uztaritz — 7,5 млн. См. Busching, Erdbeschreibung, B. III, S. 136—137,

тельно большей ценности, которые позволяют сделать вывод о степени падения населения за столетие. Мы имеем в виду ценз 1723 г. Этот ценз дал для Кастилии 840 632 семьи, или 4 203 160 душ. С добавлением других районов Геблер приходит к выводу, что к 1723 г. население Испании составило 5 777 900 человек. Таким образом, по Геблеру, получается, что за 129 лет население убывло на 31%.

Относительно достоверности этой цифры существуют большие сомнения. Некоторые авторы приходят к совсем другим результатам учета 1723 г. Так, например, Дитеричи говорит о 7 625 тыс. человек в 1723 г. Белох даже склонен считать, что к концу войны за испанское наследство (1715 г.) в Испании было 8 млн. человек¹. Таковую цифру для 1700 г. дает также «Испанская энциклопедия».

Цифру в 8 млн. человек Белох подкрепляет следующими аргументами. Он говорит, что если исходить из 6 млн. в начале XVIII в., то, следовательно, получится удвоение населения в XVIII в. (он считает население Испании к 1800 г. в 12 млн. человек), тогда как этого удвоения не произошло даже и в XIX в. Действительно, трудно предположить, что в Испании темпы роста населения в XIX в. были меньше темпов роста XVIII в. Если даже Белох несколько преувеличил цифру населения Испании на 1700 г., то уже во всяком случае можно сказать, что Геблер ее преуменьшил. Несмотря на то, что XVII век — это век значительного упадка Испании, все же население вряд ли могло сократиться на столь значительный процент, как это полагает Геблер, поддерживаемый Ушером. Гораздо более правдоподобна цифра Дитеричи, которую мы и положим в основу наших исчислений².

XVIII век был веком экономического подъема в Испании. Безраздельному господству церкви пришел конец. Правительство способствовало развитию торговли, строительству каналов, осуждению земель, восстановлению заброшенных рудников и т. д. В результате XVIII век дал значительный прирост населения.

Между тем, по данным «Испанской энциклопедии»³, динамика населения Испании представляется в следующих цифрах:

Годы	Тыс человек	Годы	Тыс человек
1600	8 500	1723	7 925
1700	8 000	1748	7 424

Получается, что в XVIII в. не только продолжался упадок, но, более того, темпы этого падения даже усилились. Подобное представление противоречит истории Испании. Объяснения этого надо искать в неправильности двух последних оценок, первая из которых принадлежит Моро де Жонэ, а вторая — Сегун Мартин

¹ Мэлхолл для 1680 г. дает даже 9,2 млн. (op. cit., p. 441).

² Некоторые авторы склонны считать, что численность населения Испании в период 1600—1650 гг. не сократилась и не увеличилась (см., например, Carr-Saunders, The growth of the population of Europe etc., p. 337).

³ «Enciclopedia Universal Ilustrada», t. XXI, p. 385.

де Лоинасу. Цифры для 1723 и 1748 гг. неверны также и потому, что не согласуются с цифрой 1768 г. Получается, что за период 1748—1768 гг. Испания вместо длительного падения вступила в эпоху бурного роста населения, почти на четверть за 20 лет. Между тем в истории Испании этого периода не случилось ничего такого, что хотя бы в некоторой степени оправдало подобный прирост. В этой половине века насчитывается несколько дат, по которым имеются данные о численности населения.

Население Испании (в тыс.) во второй половине XVIII в.

Г о д ы	По Лендриксу ¹	По Дитеричи ²	По „Испанской энциклопедии“ ³
1768—1769	9 160	9 308	9 160
1777	—	—	9 308
1787	10 268	10 238	10 410
1797	10 541	10 351	10 541
1799	—	—	10 505

Цифры для 1768—1769 гг. хотя и несколько расходятся по приведенным источникам, тем не менее не вызывают сомнений. По 1787 и 1797 гг.— тоже почти полное совпадение. В общем цифра населения Испании к концу XVIII в., по данным переписей, определяется в 10,5 млн. человек. Многие авторы (Эльстер, Сундберг и др.) называют цифру в 11,5 млн. человек. Однако для этой цифры нет достаточных оснований.

По Португалии существуют весьма скудные материалы о численности населения. За всю ее многовековую историю до XIX в. лишь на один год имеются более или менее надежные данные.

Это — 1732 год, для которого приводятся сведения о 459 801 семействе и 1 742 807 almas, причем неясно, что понимать под almas — каждого жителя или только прихожанина церкви. Белох исходит из первого предположения и, делая поправку на недоучет, приходит к цифре в 2 млн. человек. Между тем Шуберт (Schubert)⁴ поступает иначе. Он прибавляет 25% на остальное население и, кроме того, 120 тыс. человек духовного сословия. В результате он приходит к цифре 2 298 500 жителей. Эта цифра и взята Дитеричи в его своде, ее же взял Инама-Штернегг (во втором издании «Handwörterbuch»). Бюшинг⁵, помимо цифры в 1 742 807 человек, приводит также цифру в 2 235 тыс. душ, считая ее, однако, слишком большой. Август Кромье (Crome)⁶ говорит о 2 млн. человек в Португалии, как «о сред-

¹ См. Hendricks, op. cit., p. 153

² См. Dieterici, op. cit., p. 105.

³ См. «Encyclopedia Universal Illustrada», t. XXI, p. 384—385.

⁴ См. Schubert, Staatskunde von Europa, Königsberg 1836, S. 316.

⁵ См. Busching, Erdbeschreibung, t. II, S. 10.

⁶ См. Crome, Ueber die Grösse und Bevölkerung der samtlischen Europäischen Staaten, Leipzig 1785 (табл. I).

ней цифре по новейшим оценкам». Тут же Кроме упоминает цифру 2 225, которая приведена в книге «Etat présent du royaume de Portugal» (1766 г.). Какая из всех этих цифр правильнее, сказать трудно. Правда, исходя из того, что к 1800 г. в Португалии было всего 3,4 млн. жителей, более надежной представляется цифра Шуберта.

Для 1700 г. Ушер дает цифру населения Португалии в 1 575 тыс. Однако он не указывает оснований, послуживших ему для определения этой цифры, поэтому мы ее не примем во внимание.

О динамике населения Португалии в XVI и XVII вв. некоторые материалы приводит Вирджилии (Virgili) ¹. Он указывает, что население Португалии к 1495 г. составило 2 млн. жителей, но чума 1527 г. сократила население до 1,5 млн. ², к 1636 г. население упало до 1 100 тыс., к 1732 г. поднялось до 2 143 тыс., к 1768 г. — до 2 410 тыс., а к концу XVIII в. — до 3 млн.

Исходя из всей совокупности приведенных материалов, динамика населения Испании и Португалии может быть представлена в следующем виде:

Предположительная динамика населения Пиренейского полуострова в 1500—1800 гг. (в млн. человек)

Г о д ы	Испания	Португалия	Итого
1500	6,5	2,0	8,5
1550	8,5	1,6	10,1
1600	8,0	1,4	9,4
1650	7,3	1,5	8,8
1700	7,3	1,9	9,2
1725	7,6	2,3	9,9
1750	8,4	2,6	11,0
1775	9,3	2,9	12,2
1800	10,5	3,4	13,9

За весь период 1500—1800 гг. Пиренейский полуостров дал прирост на 63%, или на 0,16% в среднем в год. Однако этот средний процент совершенно не показателен, так как он составлен из трех разнородных периодов: подъем, упадок, снова подъем. Почти весь прирост за 300-летие достигнут за счет одного XVIII в. В предыдущие два века подъем XVI в. компенсировался упадком XVII в.

7. ДУНАЙСКИЕ СТРАНЫ И БАЛКАНЫ

Определяя численность населения по дунайским и балканским странам, мы попадаем в очень тяжелое положение. По этой части Европы нам неизвестны не только какие-либо переписи, но и

¹ «Il problema della popolazione», p. 442—443.

² M. Block («Bevolkerung Spaniens und Portugals», S. 53), ссылаясь на португальский государственный календарь, указывает, что к 1527 г. население страны составляло 1 550 тыс. человек и 290 тыс. семейств.

какой-либо налоговый учет. Первые переписи населения по дунайским странам относятся лишь к середине XVIII в., а по балканским странам — к середине XIX в. К тому же территория государств часто менялась, и не всегда точно известно, к какой площади относится та или иная цифра населения.

Сначала используем материалы, относящиеся к 1800 г.¹:

Плотность населения дунайских стран к 1800 г.

Страны	Население (в млн)	Площадь (в тыс. км ²)	Плотность (человек на 1 км ²)
Австрия	13,3	300	44,3
Венгрия	10,0	325	30,8
Босния и Герцеговина	1,0	51	19,6
Итого .	24,3	676	35,9

Таким образом, к 1800 г. по плотности населения районы Австро-Венгрии находились на более низком уровне, чем Германия, Франция, Италия.

Для определения населения Австро-Венгрии в XVIII в. воспользуемся переписью западной Австрии в 1754 г., которая, пожалуй, является первой переписью в Европе, охватившей все население целого государства в порядке подушного учета². Всего перепись 1754 г. учла 6 135 тыс. человек на территории менее 200 тыс. км²; это дает среднюю плотность в 32—33 человека на 1 км². На землях, полученных от разделов Польши, плотность населения была довольно значительна. В Галиции и Буковине в 1800 г. было 42 человека на 1 км², т. е. несколько меньше, чем в западной Австрии. В Венгрии население было более редким, и уже совсем редкое население было в Боснии и Герцеговине. Поэтому ясно, что по всем странам Австро-Венгрии плотность населения к середине XVIII в. была ниже, чем в одной западной Австрии, в которой была произведена перепись.

Во второй половине XVIII в. население западной Австрии значительно возросло, несмотря на влияние Семилетней войны. Если к 1754 г. оно было немного более 6 млн. человек, после войны немного более 5 млн., то уже к 1784 г. оно поднялось до 7,9 млн. человек, а к 1800 г. до 8,5 млн. Всего за 46 лет рост на 39%. В остальных частях страны во второй половине века рост был менее значителен. Можно предположить, что в среднем по странам Австро-Венгрии в 1750—1800 гг. рост равнялся 33%. Что касается первой половины этого же века, то имеются основания предполагать, что рост населения был невелик. Значительная часть территории входила тогда в состав Османской империи, где

¹ Цифры населения — см. Elster, Handwörterbuch der Staatswissenschaften, 4 Aufl., B. II, S. 688.

² Ревизии Петра I в России, произведенные за 30 лет до этого, охватывали только мужчин.

эпидемии почти не прекращались. Войны той эпохи также влияли на понижение прироста¹. Можно предположить, что в первой половине столетия рост не превышал 15%. Это дает 23 человека на 1 км² к 1700 г.² Эту же цифру плотности для 1720 г. дает Галичер³, имея в виду территории Австрии, Венгрии и Чехо-Словакии в границах, обусловленных Сен-Жерменским и Трианонским договорами. Ушер⁴ для 1700 г. дает большую плотность (28 человек на 1 км²). Однако его цифра представляется нам маловероятной. Примерно такую плотность имела тогда Богемия, но вряд ли можно сомневаться, что средняя по всей Австро-Венгрии тогда должна была лежать ниже плотности Богемии, находящейся почти в центре Европы.

XVI и XVII вв. были весьма бурными в истории габсбургской монархии. Начало XVI в. сопровождалось крестьянскими войнами, затем последовало турецкое нашествие, которое привело к разграблению страны шайками башибузук. Войны с турками сопровождались кровопролитными битвами и в результате привели к обнищанию населения. Весь XVI век прошел в борьбе с Османской империей, экспансия которой была, наконец, остановлена у ворот Вены.

XVII век ознаменовался Тридцатилетней войной, в которую оказалась втянутой и Австрия. От этой войны особенно пострадала Богемия, в значительной своей части разрушенная дотла. Но и собственно Австрия пострадала от войны немало, так как в 1645 г. шведские войска дошли до Вены. Наряду с войной в Австрии в XVII в. происходили крупные крестьянские бунты, свирепо подавлявшиеся наемными войсками. Войны с турками, на этот раз уже победоносные, продолжавшиеся и в XVII в. до самого его конца, требовали немало жертв. Например, за период 1683—1699 гг. в войне с турками Австрия потеряла 300 тыс. человек, в том числе 120 тыс. человек на поле брани.

О количестве лет войн в австро-венгерской монархии в XVII—XIX вв. можно судить из следующих данных⁵:

Число лет войны и мира в Австро-Венгрии в XVII—XIX вв.

В е к а	Число мирных лет	Число военных лет	Итого
XVII	23	77	100
XVIII	41	59	100
XIX	75	25	100

¹ В этой половине века было только 13 лет без войны.

² Левассер для 1700 г. принимает плотность населения Австрии в 23 — 25 человек на 1 км², а Моро де Жонэ—24—26 человек (см. Virgalli, op. cit., p. 441).

³ См. Cartes quantitatives de la population de l'Europe vers 1720, 1820, 1930. Comptes-rendus du Congrès International de Géographie, Varsovie. 1934, t. III, p. 559.

⁴ См. Usher, op. cit., p. 121.

⁵ См. Bodart, op. cit., p. 4.

Из этого краткого перечня событий видно, что ни XVI, ни XVII вв. не могли быть веками сколько-нибудь значительного роста населения. Вероятно, прирост населения в эту эпоху не превышал 15 — 20% за столетие. В соответствии с этим предположением строим следующий ряд плотности населения для территории б. австро-венгерской монархии:

Предположительная динамика населения Австро-Венгрии за 1500—1800 гг.

Годы	Плотность населения (человек на 1 км ²)	Территория (в л. и.)	Население (в млн)
1500	17	} 676	11,5
1550	18		12,2
1600	19		12,8
1650	21		14,2
1700	23		15,5
1725	25		16,9
1750	27		18,3
1775	31		21,0
1800	35,9		24,3

За 1500 — 1800 гг. население более чем удвоилось, т. е. в среднем в год увеличивалось на 0,25%. Наиболее интенсивный рост населения происходил в XVIII в. О том, что именно во второй половине XVIII в. происходил значительный рост населения, можно судить при помощи сопоставления двух переписей. В 1754 г. в Австрии перепись дала 6 134 тыс. человек, в 1784 г. на этой же территории — 7 937 тыс., т. е. рост на 29,4%, или 0,86% в среднем в год.

В отношении балканских стран придется ограничиться грубыми прикидками.

Для 1800 г. Эльстер¹ дает следующие цифры населения для балканских стран:

Страны	Млн человек
Сербия	0,9
Румыния	2,8
Греция	1,0
Черногория	0,2
Турция (европейская часть)	} 7,3
Болгария	
Итого	12,2

Так как территория Балканского полуострова составляет 500 тыс. км², то получаем, что в 1800 г. плотность населения в балканских странах составила 24,4 человека на 1 км². Таким образом, к началу XIX в. плотность населения этих стран составляла две трети от урванного плотности населения Австро-Венгрии; к 1500 г. соотношение в уровне плотности населения балканских

¹ См. «Handwörterbuch der Staatswissenschaften», 4 Aufl., B. II, S. 688.

стран и Австро-Венгрии было уже иным, чем в 1800 г., так как за период 1500—1800 гг. в отношении плотности Австро-Венгрия ушла значительно дальше вперед, чем балканские государства. Поэтому можно предположить, что в 1500 г. уровень плотности этих стран составлял не две трети, а был почти равен уровню Австро-Венгрии. Беря 16 человек на 1 км², в пересчете на территорию мы получим 8 млн. человек. К этой же цифре мы пришли в первой части нашей работы, исходя из совершенно других предположений.

Ольбрихт¹ подошел к определению населения Балкан к 1600 г. несколько иным путем. Считая население полуострова (к югу от Дуная, т. е. без Румынии) в 1800 г. в 9 млн. человек, Ольбрихт выдвигает предположение, что рост населения на Балканах в 1600—1800 гг. был в 2 раза меньше, чем в Европе в целом. Исходя из этого, он определяет население Балкан в 1600 г. в 7 млн. С добавлением Румынии получается также 8—9 млн. человек.

Таким образом, у нас получается, что за период 1500—1800 гг. балканские страны увеличились в своей численности всего на 50%. Однако такая малая цифра довольно вероятно вследствие обилия эпидемий на этой территории в ту эпоху. «Известно, что с XV столетия до середины XIX в. в Турции чума повторялась очень часто. Имея постоянный очаг в Египте, она почти ежегодно весной и осенью распространялась на азиатские и европейские владения султана, а зимой она затихала»².

Еще Зюсмилх указывал, что «чума получила свое постоянное местожительство в турецких государствах, и редкий год проходил, чтобы она не появилась в той или иной местности»³. При таких частых эпидемиях слабый прирост вполне понятен.

8. СКАНДИНАВСКИЕ СТРАНЫ, БЕЛЬГИЯ, ГОЛЛАНДИЯ, ШВЕЙЦАРИЯ

По скандинавским странам восстановить картину истории численности населения не составляет больших затруднений.

По Д а н и и, например, имеется несколько цифр, относящихся к XVI в., правда, не очень согласованных друг с другом⁴:

Г о д ы	Тыс. человек	Источник
1645	558	По налоговым спискам
1657	700	» церковным книгам
1660	455	» налоговым спискам
1689	687	» церковным книгам

Эти цифры, конечно, не отражают фактической численности населения; колебания не были так велики. Церковный учет 1735 г. дал 782 тыс. человек, первая перепись 1769 г.— 828 тыс.,

¹ Olbricht, op. cit., S. 350.

² Воейков, цит. соч., стр. 71.

³ Susmilch, Die göttliche Ordnung..., B. I, 4. Aufl., 1775, S. 315.

⁴ См. Inama-Sternegg, op. cit., S. 680.

а к 1800 г. в Дании насчитывалось уже 925 тыс. человек. Другой источник дает несколько иные цифры для XVII и XVIII вв.: 1660 г.— 660 тыс. человек, 1685 г.— 700 тыс., 1735 г.— 775 тыс., 1769 г.— 836 тыс. человек¹.

По Швеции имеются материалы, относящиеся еще к 1571 г.; тогда в этой стране насчитывалось 83 900 семейств, что приводит к населению примерно в 400 тыс. человек. Однако другой, более авторитетный источник говорит о 900 тыс. населения Швеции к 1600 г.² Эта цифра является значительно более правдоподобной по следующим соображениям. Во-первых, она хорошо согласуется с населением в 1700 г. (1 485 тыс. человек), и во-вторых, маловероятно, чтобы такая малонаселенная страна могла приобрести такое крупное европейское влияние (роль шведов в Тридцатилетней войне); правда, в армии шведов было большое количество наемных войск, все же и самих шведов было много. А страна с 400 тыс. жителей, конечно, не могла поставить сколько-нибудь значительное войско.

По Норвегии Белох сообщает следующие цифры: 300 тыс. в начале XVI в., 400 тыс. — в конце. Эти же цифры приведены в «Трудах римского демографического конгресса»³ с добавлением цифр XVIII в.: 504 тыс. в 1701 г., 610 тыс. в 1731 г., 625 тыс. в 1750 г., 723 тыс. в 1770 г. и 883 тыс. в 1801 г. Норвежский историк Сарс определил население Норвегии в начале XVI в. в 300 тыс., в конце века — в 400 тыс., а в 1660 г. — в 450 тыс. человек⁴.

Исходя из всего приведенного материала, динамика населения скандинавских стран может быть представлена в таком виде:

Предположительная динамика населения скандинавских стран за 1500—1800 гг. (в тыс. человек)

Г о д ы	Дания	Швеция	Норвегия	Итого
1500	600	650	300	1 550
1550	600	750	350	1 700
1600	650	900	400	1 950
1650	650	1 100	450	2 200
1700	700	1 485	504	2 689
1725	750	1 400	610	2 760
1750	800	1 781	625	3 206
1775	850	2 021	745	3 616
1800	925	2 347	877	4 149

Для сравнения укажем, что Галичер⁵ к 1720 г. дает такие цифры: Швеция — 1 430 тыс., Норвегия — 580 тыс., Дания —

¹ См. О. А. Johnsen, *Norvegische Wirtschaftsgeschichte*, Jena 1939, S 315.

² См. G. Sundbarg, *Bevölkerungsstatistik Schwedens*, S. 75.

³ «Verhandlungen usw», B. 7, 1927, S. 75 (табл. VII).

⁴ См. О. А. Johnsen, *op. cit.*, S. 211, а также Knut Gjerset, *History of the norwegian People*, 1915, v. II, p. 164.

⁵ См. таблицы в его статье в «Comptes-rendus etc.», p. 559.

800 тыс., итого — 2 810 тыс. человек. У нас же для 1725 г.— 2 960 тыс., т. е. немного больше.

Всего за 1500—1800 гг. скандинавские страны дали рост на 180%, или на 0,33% в среднем в год.

По Голландии в XVI в. итальянец Гвичардини¹, составивший подробное описание этой страны, указывает итоговую цифру в 3 млн. человек на территории 75 тыс. км², т. е. 40 человек на 1 км². Хотя Бельгия, входившая тогда в состав Нидерландов, была населена более густо, все же можно считать, что и для собственно Голландии 40 человек на 1 км² — цифра, вполне соответствующая уровню развития ее производительных сил. Действительно, в ту эпоху Германия имела 21 человек на 1 км², Англия — 27, Франция — 29 человек, но Нидерланды значительно превосходили все эти страны по интенсивности развития торговли и промышленности. Вполне понятно, что плотность должна была быть там значительно выше. 40 человек на 1 км² при территории в 32 тыс. км² дает 1 300 тыс. человек. В течение XVI в. население, вероятно, не возросло, а убывало: непрерывные войны с испанцами, религиозные преследования, жестокий террор — все это подрывало основы экономического развития. Совсем по-другому обстояли дела в XVII в., в столетии, когда Голландия стала наиболее развитой в торгово-промышленном отношении среди всех стран Европы. Голландский экономист Питер Деллакурт (Pieter de la Court)² дает следующие цифры о распределении населения Нидерландов в 1660 г. по отраслям народного хозяйства (включая и иждивенцев):

Распределение населения Нидерландов в 1660 г. по занятиям

	Тыс. человек
Рыболовство и смежные с ним отрасли	450
Сельское хозяйство	200
Промышленность	650
Судоходство и торговля	250
Городские ремесла	650
Личные услуги, дворяне, рантье, армия	200
Итого	2 400

Приведенные цифры хотя и не являются результатом переписи, все же могут дать общее представление об экономическом развитии Нидерландов к середине XVII в. Лишь 1/12 часть населения занималась сельским хозяйством, тогда как для многих европейских стран характерно было скорее обратное соотношение. Тогда же Нидерланды стали чуть ли не крупнейшей торговой державой Европы. «Голландские купцы — цари, они царствуют над морями», — говорили тогда. По вычислениям Петти, экспорт из Нидерландов во второй половине XVII в. равнялся 12 млн. ф. ст.,

¹ Цифры Гвичардини заслуживают доверия. Он много лет прожил в Амстердаме и, судя по работе, очень тщательно изучил эту страну.

² См. G. Hansen, Die drei Bevolkerungsstufen, Munchen 1889, S. 282—283.

раза в 2 больше Англии. Флот Нидерландов также был первым в Европе. К 1670 г. голландский флот насчитывал 3 510 судов вместимостью в 600 тыс. т, т. е. в 6 раз больше флотов Германии и Англии¹. Торговые связи со всем миром сосредоточивались в Амстердаме; в 1531 г. в Амстердаме было построено здание биржи с надписью на фронтоне: «Для нужд купцов всех наций и языков». Сам город Амстердам в XVII в. значительно возрос — со 105 тыс. в 1622 г. до 186 тыс. в 1685 г.; таким образом, один Амстердам увеличился примерно на 100 тыс. человек за столетие. Вся же Голландия в целом выросла примерно на 500 тыс. человек, достигнув 1 800 тыс. в 1700 г.²

К тому же в XVII в. Нидерланды были магнитом для всех жертв религиозных преследований. Из Испании бежали евреи, из Франции — гугеноты, из Англии — протестанты, во время Тридцатилетней войны значительное количество немцев нашло себе убежище в Голландии. Этот поток иммигрантов также должен был сказаться на росте населения.

Однако уже в конце этого же столетия начался экономический упадок Голландии. Гансен (Hansen) считает даже, что зенит хозяйственного подъема Голландии приходится на эпоху заключения Вестфальского мира. Действительно, во второй половине этого столетия экономическая политика Англии (навигационный акт Кромвеля в 1661 г.) и Франции (протекционистская политика Кольбера) нанесли тяжелый удар не только судоходству, но и промышленности Голландии.

В XVIII в. Голландия утратила свое прежнее значение; рыболовство пришло в упадок, торговые связи оказались захваченными Англией. Этот упадок отразился на численности населения.

Керсебум (Kersseboom) для 1737 г. насчитал 28 тыс. рождений в Голландской провинции и западной Фрисландии. На этом основании он считал, что население в этих провинциях составило 980 тыс. человек. При этом он исходил из одного рождения на 37 человек, что дает коэффициент рождаемости 27 на 1000 человек. Вероятно, рождаемость была несколько выше. Поэтому более правильно население этих провинций считать равным 950 тыс. 100 лет спустя по этим же провинциям население равнялось 1 100 тыс., т. е. на 150 тыс. человек больше. Так как эти районы составляют примерно половину всей страны, то можно считать, что общий рост населения в XVIII в. равен был 300—350 тыс. человек. Галичер определяет этот рост в 470 тыс., что, вероятно, является несколько преувеличенным.

По Бельгии материалы довольно сбивчивые. К 1500 г. население Бельгии равнялось 1 500 тыс. Это подтверждается описанием Гвичардини. Плотность в 50 человек на 1 км² соответствует высокому экономическому развитию Бельгии в ту эпоху.

¹ См. Кулишер, цит соч., т. II, изд 8-е, стр 180.

² Ушер (op. cit., p. 12) дает для Голландии 1700 г. всего 1 175 тыс. человек, что не имеет под собой оснований. Галичер для 1720 г. дает 1 900 тыс. человек, что вполне согласуется с нашим расчетом.

За дальнейшие века имеются указания о населении отдельных провинций, приводимые Инама-Штернеггом¹.

Население провинций Антверпен и Фландрия в XVI—XVIII вв.

Г о д ы	Городское	Сельское	Итого
1526	120 995	144 760	265 755
1648	114 270	174 897	289 167
1797	96 272	156 381	262 653

Согласно этим данным, получается почти полная стабилизация населения Бельгии за эти три столетия. Инама так и пишет: «Также и здесь отражается явление очень слабого увеличения населения на протяжении трех веков»². Между тем стабилизация населения не может быть уже по одному тому, что к 1800 г. население Бельгии составило 3 млн., т. е. вдвое более, чем в начале этого периода. Поэтому приводимые Инама-Штернеггом цифры, вероятно, несопоставимы, так как относятся к разной территории. XVI век, действительно, не принес роста населения по тем же причинам, что и в Голландии, но XVII век, век расцвета Нидерландов, не мог не дать значительного роста. К сожалению, мы не имеем данных о населении Бельгии к 1700 г.

Ушер дает 1 550 тыс. человек, получается, следовательно, что в 1600—1700 гг. была стабилизация, а XVIII в. дал удвоение. Еще меньшую цифру дает Галичер (1 520 тыс. для 1720 г.). Нам же представляется более вероятным, что к 1700 г. население Бельгии приближалось к 2 млн.

Демографическая история Швейцарии представляется в следующем виде.

Бонштеттен (Bonstetten)³ сообщает, что в 8 старых кантонах в 1479 г. было 54 500 жителей. Белох определяет их площадь в 13 тыс. км², что дает 4 чел. на 1 км². Однако в ту же эпоху наряду с кантонами низкой плотности были районы значительно более густого населения. В кантоне Фрейбург было 11,5 человека на 1 км². В кантоне Цюрих было в 1479 г. 50 тыс. жит., что дает свыше 30 человек на 1 км².

В западной Швейцарии, между Женевским озером и Ааж, на территории, составляющей 8 тыс. км², в начале XV в. плотность населения равнялась 17 человекам, а к середине XVI в. она возросла до 20—21 человека⁴. В среднем для всей Швейцарии 1500 г. уровень плотности можно считать равным 17—18 человекам на 1 км², что дает около 700 тыс. для всей страны.

На протяжении 1500—1800 гг. население Швейцарии возрастало, правда, с большими колебаниями. Так, например, Инама-Штернегг приводит следующие данные о динамике населения

¹ См. Inama-Sternegg, op. cit., S. 681.

² Ibidem.

³ Bonstetten, Beschreibung der Schweiz, «Quellen zur Schweizer Geschichte», B. XIII, 1893; цит. по Белоху; см. его статью о населении в эпоху Ренессанса, стр. 778.

⁴ Ammann, op. cit.; цит. по Keyser, op. cit., «Vierteljahrschrift f. Social- und Wirtschaftsgeschichte», 1939, H. I.

кантона Цюрих: в 1479 г. было 50 тыс. человек, в 1564 г. — 66 658, в 1610 г. — 140 тыс., в 1634 г. — 79 373, в 1671 г. — 118 675, в 1791 г. — 176 580 человек.

К 1800 г. население Швейцарии достигло 1 750 тыс., а для 1720 г. Галичер дает 1 430 тыс. Исходя из этого, для 1700 г. цифру населения Швейцарии оцениваем в 1 300 тыс.

В течение XVII в. население возросло процентов на 30; примерно такой же прирост можно предположить для XVI в. Швейцария не участвовала в Тридцатилетней войне, сохраняя нейтралитет. Вообще швейцарцы большей частью участвовали в армиях других стран в качестве наемных солдат, территория же Швейцарии в меньшей степени была ареной войн.

По данным Вилера (Wyler)¹, в 1492—1792 гг. всего около 920 тыс. швейцарских солдат находилось на службе в иностранных армиях, в том числе на XVIII в. приходится две трети этой цифры. В среднем в год поступало в иностранные армии 3—4—5 тыс. человек; это, конечно, уменьшало прирост населения страны.

В целом население Бельгии, Голландии и Швейцарии² может быть изображено в следующих цифрах:

Предположительная динамика населения Бельгии, Нидерландов и Швейцарии за 1500—1800 гг. (в тыс. человек)

Годы	Бельгия	Нидерланды	Швейцария	Итого
1500	1 500	1 300	750	3 550
1550	1 600	1 400	850	3 850
1600	1 400	1 300	1 000	3 700
1650	1 750	1 600	1 150	4 500
1700	2 000	1 900	1 300	5 200
1725	2 200	1 900	1 400	5 500
1750	2 400	1 900	1 500	5 800
1775	2 700	2 000	1 600	6 300
1800	3 000	2 150	1 750	6 900

В общем по этим странам население за 300 лет удвоилось.

¹ J. Wyler, Das Uebervölkerungsproblem d. Schweiz, 1923, S. 9; цит. по Mombert, op. cit., S. 100.

² Правда, имеются некоторые указания о том, что динамика населения Швейцарии протекала несколько иначе. Так, гигиенист Винклер приводит следующие цифры (см. Winkler, National und Sozialbiologie, S. 30):

Годы	1500	1600	1700	1798
Мли. чел.	1,1	1,1	1,25	1,05

Однако Винклер не указывает источника этих цифр и не приводит каких-либо оснований. Поэтому мы не сочли возможным воспользоваться этими материалами. Трудно, например, считать достоверным понижение численности населения Швейцарии в XVIII в. на 16%. С другой стороны, новейшие исследователи истории населения Швейцарии пришли к цифрам, весьма близким к нашим. Так, Амман определяет население Швейцарии к началу XV в. в 600 тыс. человек, к 1550 г.— 800 тыс. человек, а по новейшим оценкам Вилера к 1600 г. население равнялось 1 млн. человек и к 1700 г.— 1 250 тыс. человек (см. Brüscheiler, Bevölkerung. Stand und Entwicklung, «Handbuch der schweizerischen Volkswirtschaft», 1939, B. I, S. 251—252).

9. РОССИЯ

Для большинства западноевропейских ученых материалы о населении России являются камнем преткновения. Многие из них были убеждены, что вся Россия — это огромное белое пятно с точки зрения демографии, и потому они даже не рисковали делать оценки. Ярким примером этого может служить работа немецкого статистика Дитеричи. В 1850 г. Дитеричи опубликовал свою статью о росте населения Европы, в которой приводит многочисленные статистические данные по разным странам; только по России он отказывается что-либо говорить. Дитеричи писал: «За прежние времена по России нет никаких сколько-нибудь надежных данных о населении вследствие большого количества различных племен, частично кочующих с места на место»¹. Вследствие этого Дитеричи все свои расчеты о населении Европы делает исключая Россию, а также Турцию. Между тем статистика населения в России возникла даже раньше, чем во многих европейских странах. Ежегодное количество рождений и смертей (для православного населения) в России было известно раньше, чем во многих странах Западной Европы. Подворные переписи производились еще в XVII в.

Из этого не следует, конечно, что мы располагаем точными данными о количестве жителей России. Эти данные были получены, действительно, позднее, чем в Западной Европе, лишь к концу XIX в. Тем не менее приближенно о динамике населения России за период 1500—1800 гг. мы все же судить можем.

* * *

О населении России в XVI—XVII вв. до нас дошли лишь весьма отрывочные и скудные сведения. Известно только, что плотность населения России того времени была значительно ниже плотности населения западноевропейских стран. Иностранцы, посещавшие Россию в XV, XVI и XVII вв., поражались редкости попадавшихся им деревень, обилию диких зверей и другим признакам слабой густоты населения. Карл Герман в следующих словах характеризует низкую плотность населения России²:

«Какую жалкую картину представляла Россия в XV, XVI и XVII столетиях. Иозафат Барбаро в 1436 г. повествует, что от самой Москвы до границы польской была одна необитаемая пустыня; сожженные и оставленные жителями деревни представляли страннику бедное убежище, в коем он едва мог обогреться разведенным им огнем; Конторини 1483 г. подтверждает: Меерберг в 1661 г. нашел между Вязмою и Можайском на дороге через 130 верст простирающейся, одну только деревню; дорога от Смоленска до Москвы опасна была от великого множества волков, кои по словам Лыстка 1675 нападали на проез-

¹ Dieterici, op. cit., S. 75.

² Карл Герман, Статистические исследования относительно Российской империи, ч. I, О народонаселении, Спб. 1819, стр. 44—45.

жающих. Ульфелд Датской посол 1625 нашел всю страну между Москвою, Новгородом и Псковом совершенно опустошенною от междоусобной войны в царствование Иоанна Васильевича Поссевин 1581—1582 путешествовал по целым дням внутри России не встречаясь ни с одним человеком. Все было пусто между Казанью и Астраханью и даже значущие города много претерпели. Поссевин полагает в Москве жителей 30 тысяч человек; Новгород опустошенный чумою имел не более 3 000 человек жителей, а Киев состоял из одних почти развалин в бытность Герберштейна 1516—1526. Кроме опустошений от междоусобия и войны происшедших, отяготительные налоги и жестокость собирателей податей опустошили и Северные даже провинции, менее прочих от войны пострадавшие. Между Вологдой и Ярославлем считалось 50 деревень, жителями оставленных по словам Флетчера в 1588. Хлеб был почти неизвестен в Устюге и на Двине в бытность Герберштейна Голод и чума нередко опустошали плачевные остатки сего несчастного населения, как то случалось в 1525, 1601, 1615».

Приведенная выдержка для нас имеет значение в том смысле, что подчеркивает слабую населенность России в XV—XVII вв. по сравнению с Западом. Кроме того, эти иллюстрации важны также для характеристики общей необеспеченности жизни на Руси в ту эпоху, приводившую к частым голодовкам, весьма сильным миграциям, к нередким разбоям, убийствам и т. д.

Иностранцы, побывавшие в Московии, ограничивались лишь описательными характеристиками и оценок населения не давали. Например, Флетчер в конце XVI в. указал лишь, что армия Московского государства насчитывала 100 тыс. человек, а город Москва — «немного больше, чем Лондон».

В расчетах Ричиоли, относящихся к середине XVII в., русские земли, как мы увидим ниже, вовсе не фигурируют. Зато Воссюс в 1685 г. оценивает население Московии в 3 млн человек, а «Польши, Ливонии, Литвы» в 1,5 млн человек. Однако расчеты Воссюса по западноевропейским странам по крайней мере в 3 раза преуменьшали действительность. Поэтому более чем вероятно, что и по русским землям он ошибся также по крайней мере в 3 раза.

Некоторые материалы о населении России в XV—XVII вв. дают западноевропейские статистики XIX в. Так, например, Мэлхолл в своем словаре приводит цифры населения через каждые 100 лет, начиная с 1480 г. (о них см. ниже). Значительно более ценные материалы приводит немецкий географ и статистик И. Г. Шницлер (Schnitzler), который во время своего пребывания в России собрал обширные материалы, позволившие ему опубликовать ряд солидных трудов по географии и статистике России.

Позднейшие иностранные авторы уделяли России меньше внимания. Белох в своих расчетах никогда не касался территории восточнее Польши и южнее Австрии. Другие западноевропейские ученые также предпочитали в отношении допетровской

Руси никаких расчетов и оценок не делать. Шмоллер, например, приводит по России цифры только начиная с 1722 г. В виде исключения отметим оценку Ольбрихта¹, полагавшего, что население России к 1600 г составляло всего 5 млн. человек.

Из русских авторов, занимавшихся определением населения России в допетровскую эпоху, следует отметить Милюкова, Огановского, Смирнова, Вейнберга. О них мы будем говорить ниже.

Переходя к обозрению источников, которые могли бы быть положены в основу определения численности населения России, следует отметить, что специфика истории прямого обложения в России привела к тому, что в руках экономистов, историков и статистиков оказались материалы большой ценности. Мы имеем в виду писцовые книги. Писцовые книги, которые начали составляться еще в XV в, дают подробное описание многих районов, связанных с обложением тяглого населения. Однако разбор писцовых книг под углом зрения определения численности населения России не входит в нашу задачу, так как требует специального исследования.

Материал по прямому обложению становится более доступным тогда, когда писцовые книги уступают место переписным книгам, составлявшимся на основе подворных переписей. В связи с этим следует особо отметить переписи 1646 и 1678 гг., которые впервые дали число дворов по всему Московскому государству в целом. Однако точно определить число дворов по этим переписям затруднительно. Если Ключков² говорит о 789 тыс дворов по переписи 1678 г. и в качестве самой высшей цифры называет 812 131 двор, то в «Истории СССР»³ приводится (без ссылки на источник) гораздо более высокая цифра — 888 тыс дворов.

Можно считать, что перепись 1678 г. учла около 800 тыс. податных дворов. Если вслед за Милюковым число свободных от обложения дворов считать равным около 150 тыс. (на основе удельного веса необлагаемых дворов по переписи 1710 г), то тогда общее число дворов выразится в цифре 950 тыс. По материалам переписи 1710 г. в среднем на один двор приходилось 3,78 человека мужского населения⁴. Считая число женщин равным числу мужчин, получаем 7,56 человека на один двор⁵. Умно-

¹ Olbricht, op cit, S 350

² М Ключков, Население России при Петре Великом по переписям того времени, Спб 1911, стр 78—79

³ «История СССР», М, Соцэкиз, 1939, т I, стр 472

⁴ См П Н Милюков, Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия, Спб 1905, изд 2е, стр 203

⁵ Чтобы получить общее количество человек на один двор, нужно знать соотношение между количеством женщин и мужчин в ту эпоху. По некоторым губерниям перепись 1710 г и в этом отношении проливает свет. Так, по некоторым уездам и губерниям (Азовской, Сибирской) в 1710 г были учтены мужчины и женщины отдельно на 660 154 мужчин в этих местах приходилось 606 394 женщины, т. е на 1 тыс мужчин 918 женщин. Если в основу положить именно это соотношение, то тогда общее количество человек на один двор составит (по этим районам) 3,64 мужчины и 3,34 женщины, итого 6,98. Именно из этой последней цифры и исходит Милюков в своих расчетах (цит.

жая 950 тыс. дворов на средний размер двора, получаем 7182 тыс. человек.

Несмотря на то, что полученная цифра основана на переписных материалах, все же ее ни в коем случае не следует рассматривать как достоверную цифру населения Московского государства в 70-х годах XVII в. Данные последующих переписей убеждают в том, что подворные переписи XVII в. были очень далеки от того, чтобы их можно было считать сплошными.

Следующей была перепись, произведенная Петром I в 1710 г. Эта перепись дала итоги, которые могут быть сравнимы с переписью 1678 г. Сопоставления показывают, что количество дворов сократилось примерно на одну пятую, так как вместо 791 тыс. дворов в 1678 г. перепись дала 637 тыс. дворов в 1710 г. Обнаруженная «пустота» дворов была, повидимому, результатом изнурительных и длительных войн, хотя есть основания предполагать, что в отношении полноты учета перепись 1710 г. уступала переписи 1678 г.

Все же обе эти переписи не отражали правильную численность населения. С течением времени становилось ясным, что двор как единица прямого обложения должен быть заменен подушным принципом. Подушный учет мужского населения позволит лучше бороться с утайкой душ. Подворный же принцип обложения приводил к разбуханию дворов, к преуменьшению их численности. Один из деятелей петровской эпохи, В. Н. Татищев, указывает, говоря о переписи 1710 г., что «некоторые по 3 и 4 двора вместе сводили, избы посломали и одним двором писали»¹. Вполне возможно также, что подворный принцип обложения замедлял процесс образования новых дворов.

Переход на подушные подати требовал новой переписи, которая и была произведена в 1720—1721 гг. в виде подачи так называемых сказок. Однако власти не удовлетворились поданными сказками и произвели проверку полноты учета представленных сведений. Это обследование обнаружило значительный недоучет населения. Вслед за этим при помощи специальных ревизоров была произведена вторичная проверка переписи, которая обнаружила еще больший недоучет населения. О размере этого недоучета можно судить по следующим цифрам, относящимся к шести губерниям, которые тогда охватывали подавляющую часть всего населения²:

соч., стр. 204, 206 и др.). Однако мы полагаем, что следует принимать большее количество человек на один двор, так как на самом деле удельный вес женщин был выше. О том, что женщин в России учитывали когда-то с большей неполнотой, чем мужчин, видно, например, из V ревизии, по которой число женщин на 9% меньше числа мужчин. Однако во всех расчетах статистики того времени и более поздней эпохи совершенно справедливо отказывались считать эти цифры отражающими действительность и исходили из равенства численности полов. Мы полагаем, что и в применении к переписи 1678 и 1710 гг. тоже более правильно высказать именно это предположение. Тогда общее количество человек на один двор будет равно 7,56.

¹ См. Н. Попов, В. Н. Татищев и его время, стр. 722.

² См. П. Н. Милюков, цит. соч., стр. 474.

	Число мужских душ по шести губерниям	То же в относительных величинах
Первоначальные данные (по поданным сказкам)	2 625 842	100
После первой проверки	3 036 906	116
» второй	4 159 962	157

Из этого видно, что недоучет достигал огромных размеров: две последующие проверки более чем наполовину увеличили количество податного населения!

Вторая проверка, получившая название ревизии, дала цифры, которые послужили затем отправной точкой для всех расчетов населения России в XVIII в. Всего первая ревизия учла 5 794 928 душ мужского пола. Считая, что число женщин равнялось числу мужчин, мы получаем 11.6 млн. человек. К этой цифре надо прибавить необлагаемое население, а также население тех территорий, где ревизия произведена не была.

Цифры первой ревизии охватывали территорию Русского государства до Ништадтского мира, т. е. не включали приобретения Петра I в результате победоносных Северных войн. Кроме того, ревизия не охватила Украины и, повидимому, восточных частей Сибирской губернии. Население Украины известно по ревизии 1768 г., которая дала 955 228 душ. Для 1722 г. Герман принимает для Украины половину этого числа, т. е. 477 614 человек¹. Количество необлагаемого населения Герман принимает в размере одной шестнадцатой, исходя из пропорции ревизии 1796 г. В соответствии с этим численность населения петровской Руси к моменту первой ревизии, без приобретений по Ништадтскому миру, составит:

	Млн. человек
Податное население	11,6
Украина	0,5
Необлагаемое население	0,6
<hr/>	
Итого	12,7

Теперь возникает вопрос, надо ли из этой величины делать вычет на азиатскую часть России. Ответ на это зависит от того, вошло ли население Сибири в итоги первой ревизии. Прямых указаний об этом мы не встретили. Правда, среди губерний, по которым приводятся цифры первой ревизии, имеется и Сибирская, но эта губерния в ту пору включала в себя значительную часть Европейской России. Основываясь на том, что все авторы, обрабатывавшие материалы ревизии, никогда не делали каких-либо накидок на неучтенные территории азиатской части, будем считать, что население Сибири входило в итоги первой ревизии. В таком случае для получения цифры европейской части России следует вычесть население Сибири. Г. Лучинский указывает, что в 1709 г. в Сибири число жителей мужского пола до-

¹ Карл Герман, цит. соч., стр. 30.

стигало 152 788 человек¹. Исходя из этого, население Сибири к началу XVIII в. можно считать примерно в 300 тыс. человек. Кроме того, к азиатской части России должно быть причислено население Кавказа, который частично уже в петровские времена принадлежал России. По подсчетам Вейнберга², в этой части Кавказа тогда проживало около 90 тыс. человек. Таким образом, всего на азиатскую часть России в эпоху первой ревизии приходилось около 400 тыс. человек. В соответствии с этим население европейской части России к 1722—1723 гг. определится в 12,3 млн. человек.

Теперь нам нужно представить себе, какова была численность населения к 1700 г.

Период 1700—1722 гг. не был благоприятным для роста населения. Почти все эти годы длились Северные войны, ареной которых была, главным образом, северо-западная часть страны. Шведские войска, вторгнувшись в Россию, «убивали и грабили жителей, уничтожали их имущество. Поселяне, оставляя на произвол судьбы свои дома, свое хозяйство, прятались по лесам и разбегались. Да и после ухода врагов многие, приходя на свои старые пепелища, уже не могли оправиться, не имея сил и средств приняться за пашню...»³ Кроме того, южные губернии в этот период сильно страдали от вторжений крымских и кубанских татар, а на юго-восточные области нападали башкиры, кара-калпаки и киргиз-кайсаки. В 1705—1708 гг. разгорелась война с башкирами, во время которой, по официальным данным, было разорено 303 села и деревни, а «людей побито и отведено в плен 12 705 человек»⁴. В 1705—1706 гг. был значительный бунт в Астрахани, во время усмирения которого погибло 10 тыс. человек⁵. Несколькими позднее на Дону вспыхнул Булавинский бунт. При подавлении его «многие казачьи городки были разорены, деревни выжжены и тысячи людей погибло».

Наряду с войнами Россия сильно страдала от эпидемий. В 1703—1704 гг. чума, проникшая из придунайских областей, захватила значительную часть территории юга России (Киевскую область и др.). Но значительно сильнее была эпидемия чумы 1709—1712 гг. Она охватила Прибалтику, Псков, Новгород, Малороссию и Азовскую губернию. Только одна русская армия около Риги потеряла 10 тыс. человек, главным образом от чумы. В Польше умерло не менее 100 тыс., в Курляндии — 200 тыс. человек. В Риге умерло около 60 тыс. человек. В Псковском, Торжокском, Новгородском и Старорусском уездах «запустело» от чумы 16 897 дворов⁶.

¹ См статью «Сибирь» в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона, Спб. 1900, т. 58, стр. 807.

² См. Б. П. Вейнберг, Положение центра населенности России с 1613 по 1913 г., «Известия Русского географического общества», 1915, т. II, табл. в приложении.

³ М. Клочков, цит. соч., т. I, стр. 205—206.

⁴ Там же, стр. 209.

⁵ См. там же.

⁶ См. там же, стр. 216—217.

Учитывая все эти бедствия, нет оснований говорить о росте населения за этот период. Гораздо более уместно предположить, что оно несколько убыло.

Об убыли населения говорит также и сопоставление переписи 1678 г. с переписью 1710 г.¹:

Губернии	Число дворов		% убыли или прибыли
	1678 г.	1710 г.	
Архангелогородская	99 600	59 662	— 40
Ингерманландская	178 160	105 977	— 40,5
Смоленская	44 555	35 130	— 21,2
Московская	253 973	190 770	— 24,8
Киевская	31 929	31 230	— 2,2
Азовская	41 520	35 820	— 13,7
Казанская	101 836	119 056	+ 16,9
Сибирская	39 445	59 360	+ 47,9
Итого	791 018	637 005	— 19,5

Данные по шести губерниям согласованно показывают значительное понижение, лишь две окраинные губернии дают рост. Однако падение числа дворов вовсе не означает пропорциональную убыль населения. Иногда крестьяне, стремясь ускользнуть от обложения, соединяли несколько дворов в один (см. об этом выше). Кроме того, о причинах убыли дворов можно судить на основании следующей разработки, сделанной по 11 376 убылым дворам²:

Распределение убылых дворов по причинам убыли

	%
Естественные причины («умерло в домах»)	29,1
Взято в солдаты и на работы	20,4
Побеги	37,2
Переход в другие сословия и на другие участки	8,8
Нищенствуют и разбойничают	0,9
Разные и неизвестные причины	3,6

100,0

Из этого видно, что убыль дворов в значительной части представляла собой результат бегства крестьян с насиженных мест. Кроме того, исторические условия гораздо более благоприятствовали недоучету в 1710 г., чем в 1678 г. Все это говорит о том, что убыль населения вовсе не выражалась в таких высоких цифрах, которые дает простое сопоставление переписей 1678 и 1710 гг.; но в том, что в первые 20 лет Петровского царствования (т. е. до Полтавского боя) убыль населения все же имела место, вряд ли можно сомневаться.

¹ См. П. Н. Милюков, цит. соч., стр. 201—202.

² См. там же, стр. 204—205.

Трудно определить размер убыли населения в период 1700—1722 гг. Считают, что число солдат, погибших за время турецких и шведских войн, измеряется цифрой в 200 тыс.¹ Это уже составляет около 2% населения. Кроме того, надо учесть повышенную смертность гражданского населения и пониженную рождаемость (в результате отлива значительной части мужского населения на военную службу, на строительство верфей, на строительство Петербурга и т. п.). Все это говорит за то, что в период 1700—1722 гг. население убыло, вероятно, не менее чем на 5—6 %. Принимая этот процент, будем считать, что население европейской части петровской Руси (не считая приобретений Петра) в 1700 г. составило 13 млн. человек. Для того чтобы от петровской Руси перейти к России в пределах 1914 г., нужно включить еще население значительных территорий на севере, западе и юге.

В Финляндии, которая целиком была присоединена к России в начале XIX в. (Фридрихсгамский мир 1809 г.), в 1750 г. было 422 тыс. жителей, в 1775 г.—610 тыс. В 1700—1750 гг. население выросло незначительно, так как Финляндия сильно пострадала от северных войн. Можно считать, что население Финляндии к 1700 г. равнялось 350 тыс. человек.

Территория Эстляндии и Лифляндии, перешедших к России по Ништадтскому миру, составляла около 65 тыс. км². В 1773 г. средняя плотность этих районов была 9,5 человека на 1 км². В период 1700—1773 гг. население этих мест возросло, но не очень значительно, так как оно сильно пострадало от войн начала этого века. Можно считать, что рост составил примерно 30—35%; это дает 7 человек на 1 км² к 1700 г. В соседних районах плотность населения примерно приближалась к этой цифре (Ингерманландская губерния в 1678 г.—9,9 человека, в 1724 г.—5,9, Смоленская губерния в 1678 г.—10,9, в 1724 г.—8,7 человека).

Огромная территория России в ту пору входила в состав Польши, а именно: губернии будущего Царства Польского, затем будущие губернии Курляндская, Витебская, Виленская, Ковенская и Могилевская (без 10 тыс. км²). Суммарная территория этих районов составляла, по нашим подсчетам, 596,5 тыс. км², в том числе 113,5 приходилось на 9 губерний б. Царства Польского и 483 тыс. км² на губернии б. Европейской России. Плотность населения Царства Польского к 1600 г. равнялась приблизительно 16 человекам² на 1 км², а к 1800 г.—около 26 чело-

¹ См. Рази́н, История военного искусства, ч. II, стр. 352.

² О населении Польши к концу XVI в. имеются следующие цифры (см. I p a m a - S t e r n e g g, op. cit., «Handwörterbuch», S. 684):

Великая Польша	849 040
Малая Польша	683 000
Мазовия	589 443

2 121 483

Приведенная территория немного выходила за пределы будущего Царства

век. Исходя из того, что XVIII век дал значительно больший рост, чем XVII, для 1700 г. можно принять плотность в 19 человек на 1 км². Для губерний Европейской России, входивших тогда в состав Польши, плотность к 1700 г. была значительно более низкой. В конце XVIII в. в этих районах плотность населения равнялась 13—14 человекам на 1 км². Поэтому для 1700 г. можно принять среднюю плотность в 9 человек на 1 км².

Значительная территория России была захвачена тогда Оттоманской империей (главным образом, Запорожье, Крымское ханство). В нее входили полностью губернии Бессарабская, Херсонская, Таврическая, две трети Екатеринославской и небольшая часть будущей области Войска Донского. Общая площадь этой территории составляла, по нашим расчетам, 235,6 тыс. км². Плотность населения была очень низкая. Учитывая, что в 1724 г. в Азовской губернии средняя плотность была 4,4 человека на 1 км², а в конце XVIII в. в Новороссии — не более 3 человек на 1 км², можно принять для этих районов в среднем тоже 3 человека на 1 км².

В итоге мы приходим к следующему расчету населения Европейской России в 1700 г. в границах 1914 г.:

Определение населения России (европейская часть) к 1700 г.

	Территория (тыс. км ²)	Плотность населения (на 1 км ²)	Население (млн.)
Петровская Русь	4 053,3	3,2	13 000
Финляндия	325,6	1	350
Эстляндия, Курляндия	65,3	7	457
Польские владения:			
а) б. Царство Польское ¹	113,5	19	2 157
б) прочие губернии	483,0	9	4 347
Турецкие владения	235,6	3	707
Итого	5 278,3	—	21 018

Опираясь на цифры населения России к 1700 г., попробуем, прежде чем перейти к материалам XVIII в., представить себе, какова была примерная динамика населения в период 1500—1700 гг.

В отношении XVII в. некоторое представление о динамике населения Московского государства можно получить, сравнивая переписи в первой половине столетия с переписью 1678 г.

Польского. Белох (см. его статью о населении Европы в эпоху Ренессанса, стр. 777) определяет ее в 150 тыс. км², что дает 14 человек на 1 км². Если же взять только Царство Польское, то плотность населения повысится, можно считать, до 16 человек.

¹ Царство Польское дано в границах 1914 г., т. е. после того, как число привислинских губерний было сокращено с 10 до 9, а число губерний Европейской России увеличено с 50 до 51 (в результате выделения Холмской губернии).

П. Смирнов указывает, что по переписным книгам 1646 г. в Московском государстве насчитывалось 702 920 дворов¹, а по переписи 1678 г. — 941 740 дворов; получается прирост в 30% примерно за 30 лет. Милюков, обрабатывавший эти источники, сравнивает перепись 1678 г. с материалами 1620-х годов, и тоже приходит к 30% роста, но уже за период 50—60 лет². Эта цифра представляется значительно более правдоподобной, так как дает примерно 0,5% роста в год. Следует учесть, что в 1664 г. в Московском государстве была очень сильная эпидемия чумы, вызвавшая заметную убыль населения. Кроме того, надо указать еще, что длительная война с Польшей и восстание Степана Разина не могли способствовать росту населения. Вероятно также, что известная часть прироста числа дворов должна быть отнесена за счет большей полноты учета в 1678 г. В общем можно предположить, что на протяжении второй половины XVII в. население России возросло не более чем на 15%.

Говоря о первой половине XVII в., следует отметить неблагоприятные условия для роста населения. XVII век начался голодом, одним из самых жестоких, которые когда-либо были в истории России. Этот голод вызвал значительную убыль населения. Далее, война с поляками, «смутное время» и связанная с ним разруха также вызвали сокращение численности населения. Милюков пишет, что «мы наверное не ошибемся, если предположим, что смутное время произвело в положении населения потрясение не меньше того, какое произведено было реформами Петра; т. е., что в итоге смуты получилась убыль населения не меньше процентов 20-ти»³. Вполне возможно, что такая значительная убыль действительно имела место, но зато вторая четверть XVII в. (т. е. 1625—1649 гг.) была значительно более благополучной и дала рост населения. Можно ориентировочно предположить, что убыль в первой четверти века была полностью покрыта ростом во второй четверти.

В XVI в. условия для роста населения отличались от условий XVII в. Это был первый век после освобождения от татарского ига, это был период консолидации Московского государства, век крупных военных побед и огромных территориальных приобретений, увеличивших размеры государства в 6 раз. Эпидемий в это столетие было не так много (мор в Пскове в 1521 и 1532 гг., в Новгороде в 1507 и 1509 гг., в Пскове и Новгороде в 1552—1554 и 1563 гг., в Польше в 1571 и 1592 гг.). Это дало повод иностранцам, посетившим Москву во время царствования Василия, в XVI в., писать: «Климат в Московской области так здоров, что народ не помнит, когда была чума»⁴. Голодные годы в XVI в., правда, были (1512 и 1570), но они не были столь

¹ См. Павел Смирнов, Движение населения Московского государства, «Русская история в очерках и статьях», т. II, стр. 68.

² См. П. Н. Милюков, Очерки по истории русской культуры, М. 1918, изд. 7-е, ч. I, стр. 27.

³ Там же, стр. 28.

⁴ Соловьев, цит. соч., кн. I, стр. 1693.

разрушительны по своим последствиям, как, например, голод 1602 г. Наряду с этим XVI век был веком развития ремесла и торговли. О развитии ремесла свидетельствует тот факт, что только в одной Казани в 1565 г. упоминается около 100 различных ремесл и промыслов, а в Новгороде в 1583—1584 гг.—около двухсот¹. Тогда же сильно развилась торговля, возникла оживленная торговля продовольственными продуктами, в частности печеным хлебом. В этом же столетии приобретает большое значение внешняя торговля: усилилась и укрепилась торговая связь с Востоком (этому способствовало завоевание Казани и Астрахани) и с Западом (открытие англичанами Северного морского пути в Россию через Белое море).

Говоря о XVI в., следует также различать первую половину столетия от второй. Во второй половине условия для роста населения были значительно менее благоприятными. Во-первых, на нее приходится неудачная Ливонская война Ивана IV, начавшаяся в 1558 г. и закончившаяся в 1582 г. Во-вторых, что еще более существенно, эта половина века характеризуется упадком сельского хозяйства и обезлюдением деревни значительных районов Московской Руси в результате бегства спасавшихся от закабаления крестьян на «вольные» земли.

О запустении центра можно судить по следующим массовым материалам, охватывающим 108 тыс. населенных мест²:

Центральная область		Новгородская область	
Г о д ы	% заброшенных деревень	Г о д ы	% заброшенных деревень
Первая половина XVI в.	5,2	1500	3,2
1550 — 1560	14,2	1539 — 1545	10,8
1580 — 1590	49,2	1560	6,2
		1570	57,1
		1580 — 1590	82,2

Из цифр видно, что на протяжении второй половины XVI в. почти половина деревень Центральной области и четыре пятых деревень Новгородской были оставлены крестьянами.

Правда, из этого не следует делать вывода о сокращении населения по всей стране, так как бегство из одних районов в другие приводило не к уменьшению численности населения, а к сокращению прироста населения.

Академик Ю. В. Готье пишет об этом следующее: «Размещение населения по отдельным областям Московского царства и его передвижения из одной области в другую становятся хорошо известными, начиная с XVI столетия. Сосредоточенное до тех пор по преимуществу к северу от Оки, оно с половины века неудержимым потоком двинулось на черноземную ювь, так легко и так богато в первое время вознаграждавшую земледельческий

¹ «История СССР», т. I, стр. 383.

² См. Н. П. Огановский, Закономерность аграрной эволюции, ч. II, Саратов 1911, стр. 110. Подсчеты сделаны им на основе книги Рожкова, Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в., М. 1899.

труд»¹. На другой странице академик Готье продолжает: «К 80-м годам XVI века, когда экономический кризис старых государственных областей выразился резче всего, население царства за исключением северного Поморья, эмиграции из которого незаметно, очень значительно сползло, если можно так сказать, к югу. Это — конечное явление в истории русского населения XVI века»². Таким образом, так называемый «кризис XVI в.» в области населения выразился, главным образом, в миграционных процессах. Поэтому полагать, что имело место падение населения во всей стране, было бы, пожалуй, неверно. Учитывая войны Ивана IV, влияние опричнины и интенсивное перемещение населения на юг, более уместно говорить только о небольшом приросте населения во вторую половину XVI в. Можно думать, что прирост населения во второй половине XVI в. не превысил 5%.

Первая половина столетия была сравнительно благоприятна для роста населения: на этот период не падает крупных голодовок, эпидемий или затяжных войн (не считая войн с Литвой). Поэтому можно предположить, что естественный прирост населения составлял около 0,25—0,30% в год, что дает примерно 15% за полвека.

На основе приведенных предположений мы можем рассчитать население России за 1500—1700 гг., отпавляясь от цифры 1700 г. При этом надо еще отметить, что мы не сделаем большой ошибки, если намеченные темпы роста и убыли населения распространим и на территории, принадлежавшие тогда Польше, Литве, Турции, Швеции и другим государствам.

*Предположительная динамика населения России за 1500—1700 гг.
(в млн. человек).*

Г о д ы	Население Европейской России в границах 1914 г.	В т о м ч и с л е	
		население Московского государства (в его действительных границах)	население будущих территорий России, не входивших тогда в состав Московской Руси
1500	15,1	5,8	9,3
1550	17,4	8,8	8,6
1600	18,3	11,3	7,0
1650	18,3	11,3	7,0
1700	21,0	13,0	8,0

В XVII в. Московское государство не имело никаких существенных территориальных приобретений в Европе. Поэтому цифры населения Московского государства для 1600 и 1650 гг. взяты пропорционально итоговым цифрам.

В XVI в. положение было совсем иным. Во второй половине

¹ Ю. В. Готье, Замосковский край в XVII столетии, М. 1906, стр. 270.

² Там же, стр. 271.

этого века имели место большие приобретения на востоке (главным образом завоевания Казанского и Астраханского царств). Можно считать, что от 1550 к 1600 г. территория Московского государства (европейская часть) возросла с $2\frac{3}{4}$ млн. км² до 4 млн. км². Однако вновь присоединенные земли были заселены очень редко; вряд ли средняя плотность населения на этих землях превышала 1,5 человека на 1 км². В общем можно считать население приобретенной территории приблизительно равным 2 млн.

В первой половине века наиболее важные территориальные изменения произошли в самом начале столетия, в последние годы великого княжения Ивана III. В результате победоносной войны с Литвой Московским государством были отвоены русские княжества, подпавшие под иноземное владычество (Чернигов, Курск и др.). При Василии III граница Московского государства также значительно продвинулась на запад (Псков, Смоленск). Общая площадь территории, приобретенной в первой половине XVI в., равна примерно 300 тыс. км². Принимая для этих районов плотность в 6 человек¹ на 1 км², получаем население в 1,8 млн. В соответствии с этими расчетами и были определены цифры населения Московского государства в 1500 и 1550 гг.

Сопоставим полученные расчеты с рядом оценок населения Московского государства XV—XVII вв. (см. табл. на стр. 192).

По Мэлхоллу, получается удвоение населения в XVI в. и почти утроение в XVII в. Если с темпами XVI в. еще можно согласиться, так как именно в XVI в. Московское государство территориально очень значительно возросло, то в отношении XVII в. предположение Мэлхолла лишено оснований. Территориальные приобретения в период 1580—1680 гг. почти не влекли за собой увеличения населения Московского государства (Сибирь была очень слабо заселена). На этот же период приходится эпоха «смутного времени», голод 1602 г., разинское движение, чума 1664 г. Все это говорит о возможности весьма слабого прироста населения. В свете этого предположение Мэлхолла об утроении населения звучит резким диссонансом.

Остается только сожалеть, что многие русские авторы воспроизводят эти цифры, да еще без всяких оговорок. Так, например, В. И. Покровский приводит эти цифры без указания на источник и не внося никаких поправок². Эти же цифры приводит и Кулишер³, считавший, что они принадлежат Покровскому. Этот же

¹ Для сравнения укажем, что в конце XVI в. в Орловском уезде плотность населения равнялась 9 человекам на 1 км² (см. Павел Смирнов, Орловский уезд в конце XVI века по писцовой книге 1594/95 гг., Киев 1910, стр. 79), а в Замосковном крае, по материалам Готье, 6—7 человек на 1 км².

² В то время как по Пруссии Покровский несколько улучшил ряд Мэлхолла, придав ему большую сопоставимость, по России он ничего не изменил. См. его статью «Население» в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона, т. 40, стр. 631.

³ См. И. М. Кулишер, История русского народного хозяйства, т. II, М. 1931, стр. 8—9.

Оценки населения Московского государства в XV—XVII вв.
(сначала указывается год, рядом—цифра населения в млн. человек)

Века	Кто оценивал					
	Мэллолл ¹	Шницлер ²	Милюков ³	Огановский ⁴	Смирнов ⁵	Вейнберг ⁶
XV	1480—2,1	1462—6				
XVI	1580—4,3	1535—10 1584—12	Середина ве- ка—10—11 ¹ / ₂ 80-е годы—15	40-е—50-е годы—13—14,5	Середина века—3 Конец века—4,5	
XVII	1680—12,6	1613—12 1645—13 1689—16	20-е годы—12 ¹ / ₃ 1676—16	20-е годы—12 ¹ / ₃ Конец века—16	Середина века—4,9 70-е годы—6,5	1613—8,9
XVIII		1725—18	1724—13			1724—11,6

¹ Mulhall, Dictionary of Statistics, p. 441.

² Schnitzler, L'Empire des Tzars au point actuel de la science, 1862, t. II, «La population», p. 58—59.

³ П. Н. Милюков, Очерки по истории русской культуры, т. I, изд. 7-е, М. 1918, стр. 27—28 и график на стр. 318.

⁴ Н. П. Огановский, Закономерность аграрной эволюции, ч. II, «Очерки по истории земельных отношений в Рос-
сии», Саратов 1911, стр. 109—110.

⁵ Павел Смирнов, Движение населения Московского государства, «Русская история в очерках и статьях», т. II,
стр. 69.

⁶ Б. П. Вейнберг, Положение центра населенности России с 1613 по 1913 г., «Известия Русского географического
общества», Петроград, май 1915, стр. 402.

ряд воспроизводит и Огановский¹, опять-таки ссылаясь на Покровского. Таким образом, весьма сомнительные цифры Мэлхолла получили широкое распространение в русской экономической литературе.

Цифры Шницлера значительно более интересны и основаны, повидимому, на хорошем знании материалов по истории России. В своем четырехтомном труде о «Царской империи» один объемистый том он посвятил специально вопросам населения. К сожалению, Шницлер ничего не говорит о том, каким путем он пришел к этим результатам. Рассматривая его цифры, можно установить полное соответствие с ходом русской истории. В период 1462—1535 гг. имел место огромный рост Московского государства (по территории — вдвое); вполне понятен поэтому рост населения на две трети: в период 1535—1584 гг. — покорение Казани и Астрахани — рост населения, главным образом, за счет новых приобретений; в период 1584—1613 гг. — эпоха «смуты» — население стабилизировалось. Дальше отмечается рост населения при первых Романовых, что также соответствует общему ходу истории. Лишь только рост населения за период 1689—1725 гг. внушает сомнение. Сам Шницлер первоначально представлял себе рост за время петровского царствования на 4 млн. человек², но затем он сократил этот рост в 2 раза.

Переходя к цифрам Милюкова, следует указать, что они преувеличивают убыль населения России за период петровского царствования. По Милюкову, за 1678—1725 гг. убыль составила около 20%, в соответствии с убылью числа дворов при сравнении переписи 1678 и 1710 гг. Однако Милюков сам указывает на то, что убыль дворов вовсе не означала соответствующую убыль населения. Другим слабым местом в работах Милюкова является его предположение о значительном росте населения во второй половине XVI в. (не учитывая при этом территориальных изменений), который он обосновывает «усиленной колонизацией России». Однако подобное предположение противоречит факту так называемого «кризиса XVI в.», который вызвал колоссальное обезлюдение всех центральных районов. Именно в этом Огановский и расходится с Милюковым, полагая, что в середине XVI в. населения было не меньше, а больше, чем после «смуты».

Исследования Смирнова представляются нам малоудовлетворительными. В основе своих расчетов он исходит из цифр переписей 1648 и 1678 гг. Однако выше мы указывали, что перепись 1678 г. не может рассматриваться как отправной материал для суждения об абсолютной численности населения вследствие своей неполноты. Первая ревизия наглядно показала, что первоначально собранные данные нужно было увеличить на 60%, чтобы получить более или менее полные цифры. вполне вероятно, что цифры числа дворов по переписям XVII в. также

¹ Н. П. Огановский, цит. соч., стр. 108.

² См. Schnitzler, Histoire intime de la Russie sous les empereurs Alexandre et Nicolas, Paris 1847, p. 405.

нужно увеличить на 60%, чтобы приблизиться к действительности. Выше мы исчислили население по переписи 1678 г. в 7,2 млн. человек; делая указанную поправку, мы получаем 11,5 млн. человек — цифру, значительно более правдоподобную. Смирнов же не делает никаких поправок, поэтому его цифры сильно преуменьшают население Московской Руси в XVI—XVII вв. Кроме того, для второй половины XVI в. он принимает рост на 50%, что находится в явном несоответствии с экономическими процессами той эпохи.

Расчет Вейнберга также преуменьшает население России в начале XVII в. Произошло это опять-таки в результате излишнего доверия к полноте переписей XVII в.

Закончив обозрение материалов по эпохе XVI—XVII вв., перейдем к XVIII в., который с точки зрения статистики населения в России имеет несравненно более твердый фундамент.

После первой ревизии примерно через каждые 20 лет производились новые ревизии. Всего в XVIII в. было пять таких ревизий. Материалы этих ревизий нуждаются в обработке. Во-первых, ревизии (до пятой) учитывали только мужские души; во-вторых, значительные категории населения, как не подлежащие обложению, оставались вне учета; в-третьих, в XVIII в. происходило значительное расширение территории России, которое затрудняет приведение цифр ревизий в сопоставимый вид. Указанные обстоятельства заставляют делать различные поправки, которые могут быть иногда спорными, но в общем цифры населения России в XVIII в., по данным ревизии, следует рассматривать как довольно точно отражающие фактическую динамику населения.

Наиболее обстоятельный разбор данных ревизии произвел К. Герман¹. Его результатами мы и воспользуемся (в млн. человек):

Г о д ы	Население в границах петровской Руси (без приобретенный Петра I)	Население на приобретенных землях	В с е г о
1722	13,0	1,0	14
1742	14,6	1,4	16
1762	17,3	1,7	19
1782	19,3	8,7	28
1796	22,2	13,8	36
1806	27,2	13,8	41

За 80 лет, истекших после смерти Петра I, русское государство увеличило свое население почти в 3 раза! Рост совершенно

¹ Карл Герман, цит. соч., стр. 41—42.

небывалый в истории России. Даже если мы возьмем страну в одних и тех же границах, то и тогда получим рост на 109% за 84 года, что дает 0,88% в год — рост весьма значительный.

Подобные темпы роста должны быть поставлены в связь с влиянием петровских реформ. Это признает также неоднократно упоминаемый нами английский демограф Карр-Саундерс. В его книге «World population» читаем следующее: «Если мы исследуем историю России, мы найдем, что перед вступлением на престол Петра Великого, в 1689 г., хаос был более или менее хроническим. Вслед за этим был установлен режим, который будучи хотя суровым и грубым, во всяком случае исключил или уменьшил некоторые важные причины смертности, которые раньше были прямым или косвенным результатом отсутствия внутреннего порядка и отсутствия защиты от нападения извне. Следовательно, вероятно, что смертность в России и в других частях Восточной Европы вследствие этого в XVIII веке уменьшилась»¹.

Действительно, значительный рост населения в XVIII в. объясняется общей стабилизацией политической и экономической жизни в России в результате петровских реформ. Эпидемии в XVIII в. хотя и были еще довольно значительны, но они уже не захватывали таких колоссальных территорий, как это было в прежние века. Голод имел место только в пораженных неурожаем районах. Случаев повсеместного голода три четверти XVIII в. не знают (т. е. в 1725—1800 гг.). Все это привело к снижению смертности в XVIII в. Этому и следует приписать резкое возрастание естественного прироста, так как предполагать значительные изменения в рождаемости нет оснований.

Определение цифры населения России к 1800 г. может быть сделано на основе следующих соображений. Шницлер после разбора пятой ревизии приходит к выводу, что в начале XIX в. Россия имела 36 млн. человек. Чтобы от России того времени перейти к границам 1914 г. (в пределах Европы), нам нужно исключить население азиатских владений и прибавить население европейских территорий, которые позже были присоединены к России. Азиатская часть России тогда была населена слабо; население Сибири по пятой ревизии составляло 939 тыс.; вместе с Северным Кавказом, тогда весьма редко населенным, можно считать, что на азиатскую часть приходилось около 1 млн. человек. Значительно больше населения имели Царство Польское, Финляндия и Бессарабия, вошедшие в начале XIX в. в состав России. Численность населения этих территорий можно считать равной 4 млн. человек. Таким образом, к выставленной Шницлером цифре надо для перевода в пределы 1914 г. (имея в виду Европейскую часть) прибавить еще 3 млн. человек. Это даст 39 млн. человек. Такая же цифра и принята Эльстером в его своде (см. стр. 235).

Определение населения России в 1750 и 1775 гг. несколько затруднено, так как нужные нам даты как раз далеко отстоят от

¹ Carr-Saunders, World population, p. 80.

дат ревизий. Все же можно приблизительно полагать, что за период 1725—1750 гг. население возросло на 4 млн., в период 1750—1775 гг.—на 5 млн., в период 1775—1800 гг.—на 10 млн. человек. В соответствии с этим предположительная динамика населения в России в XVIII в может быть представлена в следующих цифрах:

Годы	Население (в млн.)	Годы	Население (в млн.)
1700	21	1775	29
1725	20	1800	39
1750	24		

За 100 лет рост на 86%. Если же взять весь период 1500—1800 гг., то общий прирост населения составит 158%, или 0,32% в год.

10. СВОДНЫЙ ОЧЕРК

Полный свод материалов по отдельным европейским странам о динамике населения всей Европы за 1500—1800 гг. может быть представлен в такой таблице:

Предположительная динамика населения Европы в 1500—1800 гг.

Г о д ы	Население Европы	Абсолютный прирост за весь период (в млн.)	Средний прирост за год (в тыс.)	Процент роста		
				за столетие	за полстолетия	в среднем за год
1500	90,7					
1550	100,4	9,7	194	16,4	10,7	0,20
1600	105,6	5,2	104		5,2	0,10
1650	105,8	0,2	4	12,8	0,2	0,00
1700	119,1	13,3	266		12,6	0,24
1725	124,9	5,8	232			0,19
1750	139,6	14,7	588		17,2	0,45
1775	157,1	17,5	700	56,9	33,9	0,47
1800	186,9	29,8	1 192			0,70

Эта таблица дает возможность сделать целый ряд интересных выводов. Во-первых, из нее можно установить, что за три столетия население Европы более чем удвоилось, в то время как за пять предыдущих столетий этого удвоения не произошло. Это говорит о том, что темп роста населения в эпоху первоначального накопления капитала был более значителен, чем в эпоху расцвета феодализма. Если в период 1000—1500 гг. средний ежегодный темп измеряется цифрой в 0,10% прироста, то для 1500—1800 гг. этот темп поднялся до 0,24%.

В среднем темп роста в эту эпоху увеличился почти в 2,5 раза. Однако надо сказать, что период 1500—1800 гг. был с точки зрения роста населения значительно менее однородным, чем период 1000—1500 гг. Правда, и в первом периоде 1000—1500 гг. имели место значительные колебания темпов, временами

рост сменялся падением, но зато тенденция к ускорению темпов чувствовалась весьма слабо. Этого нельзя сказать о периоде 1500—1800 гг. Здесь отчетливо выделяются три четверти XVIII в., которые обнаруживают неслыханный ранее рост населения. Средний ежегодный прирост в конце разбираемого трехсотлетия более чем в 3 раза выше прироста в начале этого же периода.

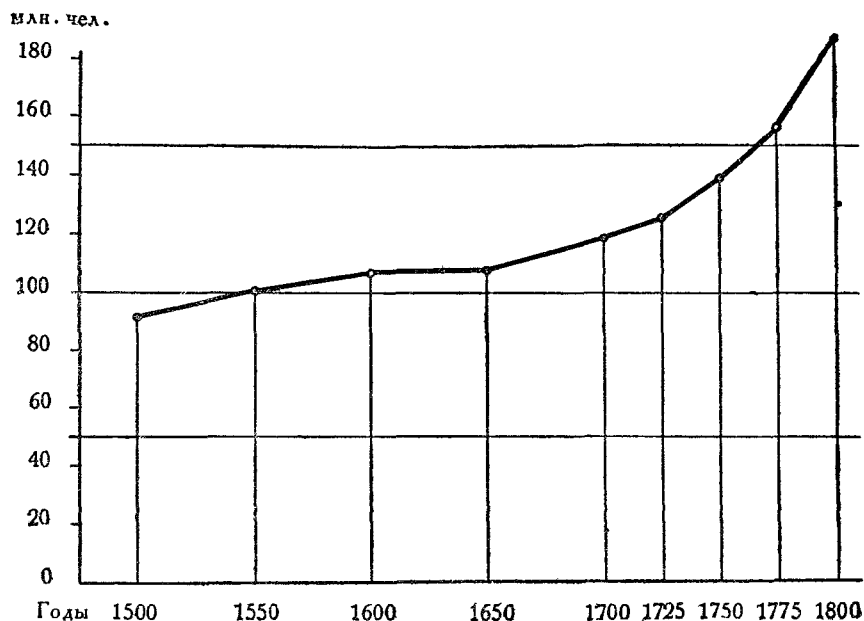

Рис. 5. Предположительная динамика населения Европы в 1500—1800 гг.

Действительно, рассматривая динамику за первые столетия периода 1500—1800 гг., мы видим, что прирост был невелик. Это вполне понятно, если учесть ту историческую обстановку, в которой находились европейские народы в XVI и XVII вв. В 1600—1650 гг. было даже полное прекращение роста населения; на это полстолетие пришлось Тридцатилетняя война, причинившая полное разорение для всей Центральной Европы. Слабый сравнительно с последующим периодом прирост в 1700—1725 гг. объясняется отчасти войной за испанское наследство, захватившей множество европейских государств, а также войнами, которые вел Петр I.

Лишь в период 1725—1800 гг. темп роста населения достиг довольно заметных величин. При этом вовсе нельзя сказать, чтобы этот период был свободен от войн. Достаточно назвать Семилетнюю войну (1756—1763 гг.), причинившую большой ущерб населению Центральной Европы, две Силезские войны,

шведско-польскую войну, турецкие войны — все это заполняло историю XVIII в. Несмотря на это, рост населения был очень значителен. Подобный факт находит объяснение в том, что именно в XVIII в. большинство стран вступило на капиталистический путь развития.

В большинстве европейских стран в XVI и XVII вв капитализм давал лишь первые победы; больших размеров он достиг лишь в Англии, Нидерландах. В остальных странах феодализм еще крепко сковывал производительные силы страны. Главнейшая производительная сила — население — также не получала большого развития.

Для большей наглядности остановимся на динамике средних ежегодных абсолютных приростов. Если в период 1000—1500 гг. абсолютный прирост для всей Европы не превышал 200 тыс человек в год, то в период 1500—1800 гг. абсолютные приросты перешагнули миллион человек: в 1775—1800 гг. население Европы ежегодно увеличивалось на 1 200 тыс. Однако в начале 300-летнего периода абсолютные приросты почти не превышали абсолютные приросты последних веков эпохи 1000—1500 гг.

Рассматривая темпы роста населения по отдельным странам, следует отметить, что он был далеко не одинаков. В некоторых странах прирост населения за 300 лет выразился в скромной цифре, зато в других странах население за этот период не только удвоилось, но даже и утроилось. Это видно из следующей таблицы:

Сопоставление населения европейских стран в 1500 и 1800 гг

Страна или группа стран	Население		% прироста за 300 лет
	в 1500 г	в 1800 г	
	в млн человек		
Балканы	8,0	12,2	52,5
Пиренейский полуостров	8,5	13,9	63,5
Италия	11,0	18,1	64,5
Франция	15,5	27,3	76,1
Бельгия, Голландия, Швейцария . .	3,6	6,9	91,7
Австро-Венгрия	11,5	24,3	111,3
Германия	11,3	25,5	125,7
Скандинавские страны	1,6	4,1	156,3
Россия	15,1	39,0	158,3
Соединенное королевство	5,0	16,4	228,0

В целом картина такова. Юг Европы отличался наиболее медленным ростом населения за этот период. За ним — западная часть Европы (Франция, Швейцария, Бельгия, Голландия), которая также не дала удвоения за этот период. Более сильный прирост был в средней Европе, несмотря на бушевавшую в ней Тридцатилетнюю войну. Наконец, наибольшие темпы роста дают восток Европы (Россия), ее север (скандинавские страны) и Британские острова.

Следует отметить, что и в отношении этого трехсотлетия у многих ученых можно встретить утверждение о стабилизации численности населения. Так, например, Инама-Штернегг для ряда европейских стран этого периода утверждает, что население колебалось вокруг одного и того же уровня. Такого мнения он придерживается в отношении Италии, Швейцарии, Бельгии и ряда других стран. Для Европы в целом он говорит о «продолжительном застое в развитии населения»¹. Известный демограф Р. Кучинский в своей статье «Population» пишет следующее: «Нет оснований предполагать, что население (Европы. — Б. У.) в 1700 г. было сколько-нибудь больше, чем в 1600 г., или что население 1600 г. было много больше, чем в 1300 г.»²

Немецкий ученый Стракош-Грассман утверждал, что численность сельского населения Германии на протяжении нескольких столетий была стабильной³.

Географ Ратцель (Ratzel) также поддерживает предложение о стабилизации населения в 1300—1700 гг. Так, он пишет: «С появлением чумы в

XIV столетии население в общем стало убывать. Войны, внутренние беспорядки, эмиграция во вновь открытые западные страны должны были разредить ряды. Только с концом XVII столетия начинается все же местами прерываемый войной рост, в котором мы до сих пор находимся»⁴. Подобная позиция Ратцеля тем более удивительна, что до этих строк он сам пишет: «С XIV столетия начинается новый, еще больший расцвет западной культуры, который основывался на таком густом населении, что ни издержки крестовых походов, ни рост городов не могли ему препятствовать»⁵. Спрашивается, что же это за расцвет культуры, который на протяжении трех веков не дает никакого роста населения.

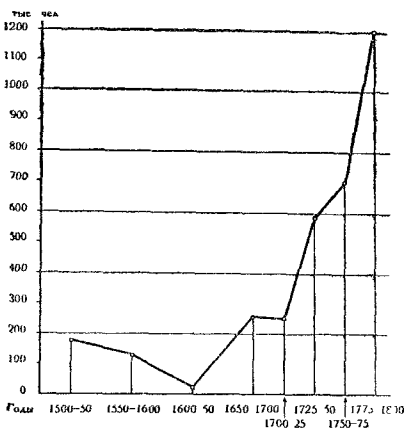

Рис. 6. Предположительная динамика ежегодных абсолютных приростов населения Европы за 1500—1800 гг.

¹ Инама-Штернегг, ст. в сб. «Народонаселение и учение о народонаселении», рус. пер., стр. 18.

² Kuczynski, Population, «Encyclopaedia of Social Sciences», v. XII, p. 243.

³ В прежние века сельское население Германии колебалось около 20 млн — вот его вывод. См. Strakosch-Grassman, Die Zahl der Landbevölkerung in Deutschland im Mittelalter, «Deutsche Geschichtsblätter», 1913, В. XIV.

⁴ Ratzel, Anthropogeographie, В. II, 1912, S. 183.

⁵ Ibidem.

Некоторые ученые даже расширяют период стабилизации населения Датский историк Аксель Нильсен доводит его до 1750 г. Он пишет: «В том, что население с 1300 до 1750 г. (в Дании.—Б. У) осталось без изменения, нет ничего удивительного. То же самое имело место во Франции и в ряде немецких государств, в то время как в Англии, которая в 1300 г. была еще слабо заселена, процесс протекал иначе вследствие ее промышленного развития. Для аграрных же стран эпоха 1300—1750 гг. в противоположность предшествующим столетиям была эпохой стагнации в численности населения»¹.

Находятся даже ученые, которые доводят период стагнации до конца XVIII в. Так, например, лондонский профессор Гордон Ист (East) (не смешивать с автором книги «Mankind at the cross-road») пишет следующее: «Кажется достаточно ясным, что число и распределение населения (в средней Европе) едва ли изменилось между началом XVII столетия и концом XVIII столетия»².

«Рекордный» период длительности стабилизации населения дал наш соотечественник Ю. Г. Жуковский. В своей работе «Население и земледелие» он пишет следующее: «.. за целое тысячелетие население почти не увеличивалось, потому что, увеличившись раз, оно уничтожалось последующими невзгодами. К началу XIX в. население Европы если увеличилось, то незначительно против того уровня, на котором оно находилось 20 веков тому назад»³. Таким образом, по Жуковскому, период стабилизации населения длился 2 тыс. лет и закончился лишь в начале XIX в.⁴

Мы полагаем, что население Европы в 1000—1940 гг. приостанавливалось в своем росте или даже убывало лишь на протяжении небольших исторических промежутков: как только особенно неблагоприятные условия исчезали, рост населения возобновлялся, так как в общей исторической перспективе рост населения в Европе в целом за весь этот период является характерной для Европы тенденцией, отражая общий процесс развития производительных сил.

Нам могут возразить, что у нас нет достаточных оснований для подобного утверждения. Например, Кучинский пишет: «Практически нам ничего неизвестно о тенденциях роста населения Европы до XVIII столетия»⁵.

Мы с этим не согласны. Все же за прежние века материалы о динамике населения Европы имеются, и эти материалы го-

¹ Nielsen, *Dänische Wirtschaftsgeschichte*, 1933, S. 8

² East, *An historical geography of Europe*, London 1935, p. 400

³ Жуковский, *Население и земледелие*, стр. 24

⁴ Некоторые ученые идут даже дальше и высказывают утверждения о депопуляции в средневековой Европе. См., например, работу итальянского экономиста L. Cibrario, *Economie politique du moyen age*, Paris 1859, T. II, p. 126

⁵ Kuczynski, *op. cit.*, «Encyclopaedia of Social Sciences», v. XII, p. 243.

ворят о росте населения, а не о стабилизации. Выше мы приво-дили оценки населения Европы для X—XIII вв. Они колеблются в пределах 50—60—80 млн. для Европы 1300 г. В то же время никто не отрицает, что к 1750 г. население Европы составляло уже около 140—150 млн. Спрашивается, когда же население Ев-ропы увеличилось с 60—80 млн. до 140—150 млн., если все эти три с половиной столетия (1300—1750 гг.) оно не возрастало? Очевидно, что, исходя из стабилизации численности населения, мы никак не увяжем концы с концами.

Все соглашаются с тем, что к концу первого тысячелетия Ев-ропа была очень слабо населена. Доказательством тому служит тот факт, что огромная часть земли была покрыта дремучими лесами. Далее, армии того времени были очень немногочислен-ны. Арабы победили вестготов армией в 18 тыс. человек, ко-торая оказалась достаточной для завоевания Испании. Вильгельм Завоеватель при захвате Англии имел, по Дельбрюку, около 7 тыс. воинов. Войско герцога бургундского Карла Смелого в конце XV в. не превышало 16 тыс. человек. Самой большой ар-мией в эпоху X—XIV вв. была армия Эдуарда под Кале в 1347 г., насчитывавшая 32 тыс. человек. Между тем известно, что ар-мии в XVII—XVIII вв. насчитывали уже не десятки, а сотни ты-сяч солдат. Несмотря на всю ненадежность сведений о числен-ности армий в эпоху феодализма, все же можно считать не-сомненным, что битвы XVI—XVII вв. насчитывали значительно больше участников, чем битвы XI—XIII вв. Такое резкое возра-стание количества армий в XVII—XVIII вв. по сравнению с X—XIV вв. отчасти, конечно, объясняется ростом централизации го-сударственной власти, ослаблением феодализма и усилением аб-солютизма, но в значительной степени оно объясняется также ростом населения.

К 1000 г. в Европе было очень редкое население — это, ка-жется, никто не оспаривает. Если же в 1300—1750 гг. не было роста, то какой же бурный рост должен быть в 1000—1300 гг.! Между тем это были века частых голодных лет, во время кото-рых погибала значительная часть населения, это были века непрерывных феодальных войн, приводившие к грабежу насе-ления, это были века крестовых походов, стоивших сотен тысяч жизней. И эпидемий в эти столетия было немало. Неверно думать, что они появились лишь в XIV в. Известно ведь, что за период 1005—1322 гг. Крейтон подсчитал для Англии 52 года эпидемий (см. стр. 343).

Откуда же мог взаться бурный рост в 1000—1300 гг.? Пред-положения о бурном росте населения в эти века есть не более чем идеализация средневековья. Гораздо более естественно пред-положить рост населения в эпоху Возрождения, но именно этой эпохе историки и демографы отказывают в росте населения.

К тому же предположение о бурном росте населения в 1000—1300 гг. опровергается следующими соображениями.

Период 1000—1300 гг. представляет собой эпоху усиления за-

крепощения крестьянства. При таких условиях нельзя предположить, чтобы сколько-нибудь значительно возрос удельный вес замужних и понизился брачный возраст. Если же этого не было, то и рождаемость не могла увеличиться. Если же рождаемость была стабильной, то остается предположить, что в 1000—1300 гг. налицо было значительное увеличение средней продолжительности жизни, так как иначе неоткуда взятая бы большому естественному приросту, но и это предположение лишено всяких оснований.

В качестве дополнительного аргумента укажем еще на рост городов. В XII и XIII вв. города были очень невелики. Только крупнейшие города в Европе—Константинополь и Париж—насчитывали тогда свыше 100 тыс. человек. Большинство же остальных крупных городов имело население, измерявшееся 1—2—3 десятками тысяч; к 1400 г. в Европе было всего 4 города свыше 100 тыс. жителей (к Парижу и Константинополю присоединились Милан и Венеция). Через два столетия положение резко меняется: к 1600 г. в Европе — уже 14 городов свыше 100 тыс. жителей (к 4 прежним прибавляются Лондон, Неаполь, Лиссабон, Севилья, Палермо, Амстердам, Рим, Генуя, Москва, Антверпен). Столицы государств за это время увеличили свое население в 5—10 раз. Население Парижа возросло со 100 тыс. до 400 тыс. к началу XVIII в. Население Лондона возросло с 35 тыс. в 1377 г. до 500 тыс. в начале XVIII в. Население Вены к середине XVIII в достигало 175 тыс., тогда как за 100 лет до этого оно равнялось 60 тыс. человек. Трудно предположить, чтобы такой бурный рост столиц и количества больших городов происходил в условиях падения численности сельского населения.

К тому же имеются указания, что на протяжении этого трехсотлетия посевная площадь значительно расширилась¹. Раскорчевка лесов приняла такие широкие размеры, что последовали специальные законодательные ограничения (Вюртемберг, 1536 г., Саксония, 1556 г.). Орлеанский лес во Франции сократился с 60 тыс. га до 20 тыс. га к 1533 г. В ряде стран производились значительные осушительные мероприятия. Например, в Нидерландах за 25 лет (с 1590 по 1615 г.) было осушено 36 тыс. га². Наряду с ростом посевной площади происходил рост урожайности, хотя и медленный. Об этом говорит переход к плугам, обеспечивавшим более глубокую распашку. Об этом же говорит растущее применение естественных и искусственных удобрений (мергелевание), распространение агрономических знаний, переход к улучшенному трехпольному хозяйству и т. п.

Все это свидетельствует о росте сельскохозяйственной продукции, который не имел бы места, если бы численность населения падала.

¹ Абель пишет: «Имеющийся материал не оставляет никакого сомнения в том, что посевная площадь в Средней Европе значительно расширилась» (op. cit., S. 52).

² См. A b e l, op. cit., S. 51—52.

На основании всех приведенных соображений мы полагаем, что представление многих демографов и историков о бурном росте населения в 1000—1300 гг. и о стабилизации его в 1300—1750 гг. является, по нашему мнению ошибочным.

Теперь произведем сравнение нашего ряда с существующими оценками и расчетами населения Европы в прежние времена. Сначала остановимся на оценках, относящихся к какой-либо одной дате и не имеющих целью дать динамический ряд численности населения Европы.

Одним из первых статистиков XIX в., изучавших рост населения Европы с XVIII в., был немецкий статистик Дитеричи. В своей статье, специально посвященной этому вопросу, Дитеричи дает оценку населения Европы, не считая России и Турции, к 1700 г. в 70—80 млн.¹ Тогда границы Турецкой империи захватывали не только весь Балканский полуостров, но и значительную часть юга России и Австро-Венгрии. Наши расчеты в границах, взятых Дитеричи, приводят к цифре в 90 млн. человек; это расхождение объясняется тем, что Дитеричи несколько преувеличил рост населения в XVIII и XIX вв.

Гораздо более обоснованными являются работы Белоха.

Белох² в своем расчете населения Европы к 1600 г. приходит к цифре в 73,5 млн. человек для всей Европы, кроме России (без Польши), Венгрии, Балкан. Для этой же части Европы наши расчеты привели примерно к цифре в 77 млн человек. Расхождение не очень большое. При этом Белох пишет следующее:

«Восточная Европа в эту эпоху, во всяком случае, могла быть населена очень редко. Мы, следовательно, можем сказать, что население Европы в 1600 г. в круглых цифрах равнялось 100 млн. человек»³. Таким образом, на восточную часть Европы Белох отводил около 26,5 млн. человек. Наши расчеты приводят к несколько большей цифре, а именно к 29—30 млн. человек. Возможно, что Белох был привлечен «круглостью» цифры в 100 млн., не преследуя цели более подробно исследовать этот вопрос.

Галичер⁴ определяет население Европы к 1720 г. в 110 млн. Однако на основе его же цифр, суммируя отдельные строчки, мы пришли к 116 млн. человек. Расхождение объясняется тем, что по ряду стран Галичер совсем не имел сведений о населении 1720 г.; итог по странам, по которым имеются сведения, дает 100,8 млн. человек. В тех же странах, по которым имеются лишь материалы по 1820 г., население в 1820 г. равнялось 23,8 млн. Предполагая, что за 100 лет по этим странам рост составил примерно 60%, мы приходим к 15 млн. человек; всего 116 млн. Если же взять цифру Галичера (110 млн.), то получается для этих стран рост с 9 млн. до 24 млн. за 1720—1820 гг., рост

¹ Dieterici, op cit, S. 81.

² Указанная статья о населении Европы в эпоху Ренессанса, стр. 783

³ Там же.

⁴ См. указанную статью в трудах Варшавского географического конгресса.

совершенно неправдоподобный. По нашим расчетам, Европа к 1720 г. имела около 123 млн. человек, — расхождение в 6—7%.

Профессор Гарвардского университета Ушер¹ дал оценку населения Европы к 1700 г. в 81 950 тыс. человек, однако он имел в виду далеко не всю Европу, не говоря уже о России и Балканах. Ушер не включил в расчеты Швейцарию, Швецию, Норвегию. По странам, учтенным Ушером, наши расчеты приводят к цифре 85 млн. человек. Некоторое расхождение вызвано, по нашему мнению, недооценкой Ушером населения ряда стран. Например, по Испании Ушер принимает чрезмерно малую цифру населения к 1700 г. (5 700 тыс. человек). Также Ушер берет слишком малую цифру по Италии (11 250 тыс. против 13 200 тыс. у нас). Далее, малоправдоподобны цифры населения для Нидерланд (1 175 тыс.) и для Бельгии (1 550 тыс.).

Известный французский статистик Моро де Жонэ, на которого мы уже неоднократно ссылались, дал оценку населению Европы к 1788 г. в 144 561 тыс.² По нашим расчетам, к 1788 г. население Европы примерно равнялось 173 млн. Расхождение достигает почти 30 млн. человек. Подобная значительная разница возникла в результате того, что по большинству стран Европы Моро де Жонэ брал заниженные оценки численности населения. Например, по России он дает цифру в 24 млн., в то время как в 1788 г. в России было по крайней мере на 10 млн. больше. Население Германии он также оценил неточно. Вместо 23—24 млн. он взял только 15 млн. По другим странам отклонения менее значительные.

Совсем недавно немецкий географ Ольбрихт³ дал оценку населению всей Европы к 1600 г. Подсчеты оценок населения отдельных стран, произведенных Ольбрихтом, приводят к цифре в 80,2 млн. человек, тогда как сам Ольбрихт говорит о населении в 85 млн. для всей Европы. Подобное расхождение итогов на основании одних и тех же исходных материалов объясняется, надо думать, тем, что ряд земель Австро-Венгрии Ольбрихт не включил при оценке населения отдельных стран. Но даже если взять более высокую цифру из двух приведенных, то и тогда получается значительная разница по сравнению с нашими расчетами. По нашим предположениям, вся Европа к 1600 г. имела 106 млн. человек, т. е. на 21 млн. больше. Такое значительное расхождение возникло в результате того, что по Восточной Европе Ольбрихт дал значительно меньшие цифры, чем мы (примерно на 9 млн. человек). Кроме того, по другим странам Ольбрихт также принял меньшие цифры по сравнению с нашими (по Франции — на 3 млн., по Венгрии и Румынии — на 2—3 млн., по Балканам — на 2 млн., по Британским островам — на 2 млн., по Испании и Португалии — на 1,5 млн. человек).

¹ См. Usher, op. cit., «Geographical Review», January 1930, p. 121.

² См. Moreau de Jonnés, Elements de statistique, p. 429.

³ См. Olbricht, op. cit., «Pettermanns Geographische Mitteilungen», 1939, № 11/12.

Бургдорфер (Burgdörfer)¹ оценил население Европы к 1750 г. в 110 млн. человек, в то время как по нашим расчетам—139 млн.

Наряду с отдельными оценками некоторые авторы строили динамический ряд; в этом отношении период 1500—1800 гг. отличается от периода 1000—1500 гг., для которого такой ряд никто не строил.

Наиболее известным рядом является ряд в работе Уилкокса, произведенной им для сборника «International Migrations».

Уилкоккс начал свой ряд с XVII в., так как именно с этого века эмиграция из Европы стала принимать значительные размеры. Ряд, полученный Уилкоксом, приобрел широкое распространение, большинство демографов ссылаются на него, как на неоспоримый материал; лишь немногие считают необходимым его исправить.

Воспроизведем в специальной таблице ряд Уилкоккса и другие ряды, в том числе и наш:

Динамика населения Европы (в млн.) за 1500—1800 гг.

Годы	По Уил- коксу ²	По Мом- берту ³	По Сунд- бергу ⁴	По Бал- лоду ⁵	По Юберу и др. ⁶	По Лунц- царту ⁷	По Шмол- леру ⁸	По нашему расчету
1500	—	—	—	—	—	—	60—80	90,7
1550	—	—	—	—	—	—	—	100,4
1600	—	—	95	—	—	95	—	105,6
1650	100	136	—	—	100	—	—	105,8
1700	—	—	130	110	120	110	110	119,1
1725	—	—	—	—	—	—	—	124,9
1750	140	173	—	140	130	—	—	139,6
1775	—	—	—	—	—	—	—	157,1
1800	187	211	187,7	175	175	188	175	186,9

Ряд Уилкоккса, получивший международное признание (на него ссылаются Кучинский, Карр-Саундерс и другие авторитеты), в отношении Европы лишь в незначительной степени может быть приписан Уилкоксу. Разберемся подробнее в происхождении выставленных им цифр.

¹ См. Burgdörfer, Volk ohne Jugend, Berlin 1932, S. 345.

² «International migrations», ed. Willcox, 1931, v. II, p. 78.

³ См. Mombert, Die Entwicklung der Bevölkerung Europas seit der Mitte des 17 Jahrhunderts, «Zeitschrift für Nationalökonomie», 1936, B 7, H. 4, S. 545.

⁴ Sundbarg, Bevölkerungsstatistik Schwedens, S. 2. Эти же цифры приводит у себя Кулишер (цит. соч., т. II, стр. 6), не ссылаясь, однако, на источник.

⁵ Ballod, op. cit., S 21.

⁶ Huber, Bunle, Boverat, La population de la France, Paris, Nachelette, p. 18.

⁷ «Enciclopedia Italiana», v. 27, p. 921.

⁸ Schmoller, Grundriss der allgemeinen Volkswirtschaftslehre, T. I, 1923, 2 Aufl., S. 173.

Цифра в 100 млн. для 1650 г. взята им у Белоха, определившего этой цифрой население Европы в 1600 г. Уилкокса удовлетворило то обстоятельство, что оценка Ричиоли также давала эту цифру. Уилкокс правильно полагал, что в первой половине XVII в. никакого роста не было. Поэтому, хотя оценка Ричиоли относится к 1661 г., т. е. на 61 год позже даты, к которой относится оценка Белоха, тот факт, что между ними нет существенной разницы, подтверждает надежность этой цифры. В итоге Уилкокс приходит к следующему выводу: «Сравнение таблицы 7 (расчеты Белоха) с таблицей 4 (расчеты Ричиоли) показывает, что эти два автора сходятся друг с другом. Белох имел много более веских доказательств, чем Ричиоли в своих выводах. Полученные ими итоги можно считать приблизительно верными; в соответствии с этим население Европы в середине XVII столетия исчисляется в 100 млн., или 27 человек на 1 кв. милю»¹.

Однако суждение Уилкокса о совпадении оценок Белоха и Ричиоли не совсем точно. В действительности совпадения нет, так как Ричиоли, подводя итоги населения Европы в 97—99 млн. человек, просто-напросто забыл про Россию, а Уилкокс, разбирая цифры Ричиоли, не обратил на это внимание. Если же прибавить примерно 13 млн. населения России, то его цифра в 100 млн. увеличится до 113, т. е. подойдет вплотную к нашей цифре. Однако мы этим вовсе не хотим сказать, что совпадение исчислений Ричиоли подтверждает правильность наших исчислений. Как увидим ниже, цифры Ричиоли содержали в себе по ряду стран большие отклонения от наших цифр, и если в итоге он пришел к цифре, близкой к нашим расчетам, то это может быть объяснено случайными обстоятельствами.

Выше мы уже показали, что цифра Белоха для 1600 г., по нашему мнению, неточна. Она содержит в себе некоторое преуменьшение населения как в Западной, так и в Восточной Европе. Всего расхождение между нашим расчетом и расчетом Белоха достигает 5,6 млн. человек. Уилкокс базируется на цифре Белоха, предполагая стабилизацию населения в 1600—1650 гг. Действительно, это полстолетие не было благоприятным для роста населения, так как по нашим данным оно почти не дало никакого увеличения европейского населения. В итоге мы приходим к выводу, что цифра Уилкокса довольно правильно оценивает население Европы в 1650 г., если ограничиваться приближенным расчетом. Если же мы хотим несколько повысить точность, то цифра в 106 млн. человек, пожалуй, будет ближе соответствовать действительности.

Теперь перейдем ко второй цифре Уилкокса, относящейся к 1750 г. Уилкокс уже несколько раз сделал попытки определить население Европы на эту дату. В первый раз он это сделал в

¹ Willcox, Increase of the population of the earth and the continents since 1650, «International Migrations», t II, p 49—50

1906 г., прийдя к цифре в 126 млн. человек¹. Спустя 9 лет он переделал свои расчеты и пришел к цифре в 127 млн. человек², корректируя расчеты Зюсмилха. Наконец, в третий раз Уилкокс решил подойти к этой цифре с нескольких сторон. При этом он использовал следующие приемы.

1 Население Европы в 1800 г. равно 187 млн., в 1850 г. — 266 млн. За первую половину XIX в. рост на 42,2%. Если бы население в 1750—1800 гг. росло по темпам 1800—1850 гг., то население Европы к 1750 г. равнялось бы 131,5 млн. Уилкокс пишет: «Если же оно увеличивалось более низким темпом, как это, вероятно, и было, то население Европы к 1750 г. было несколько выше этой цифры».

2 По семи странам Европы имеются материалы о росте населения во второй половине XVIII в. Эти материалы показывают, что темпы роста первой половины XIX в. значительно выше темпов роста второй половины XVIII в. Если в 1800—1850 гг. население этих стран выросло на 50%, то за 1750—1800 гг. — только на 28%. Распространяя это соотношение на все страны Европы, Уилкокс получает, что в 1750—1800 гг. рост составил не 42,2% (что положено в основу в первом варианте), а три пятых этого числа, а именно 24,1%. Этот расчет приводит к цифре в 150 млн. человек для 1750 г.

3 Последний вариант основан на следующей пропорции темпов:

$$\frac{\text{Темпы роста населения Европы в 1750 — 1800 гг.}}{\text{Темпы роста населения Европы в 1800 — 1850 гг.}} = \frac{\text{Темпы роста населения Европы в 1800 — 1850 гг.}}{\text{Темпы роста населения Европы в 1850 — 1900 гг.}}$$

На основании приведенной пропорции отыскивается x , равный 35%. Это приводит к 140 млн. населения Европы.

Последнюю цифру Уилкокс и кладет в основу своего ряда. Таким образом, он в основу цифры для 1750 г. положил гипотезу изменения самих темпов роста населения в период 1750—1900 гг. в геометрической прогрессии. Однако правильность этого тезиса еще должна быть доказана. Уилкокс этого не сделал.

Цифру для 1800 г. разбирать не следует: она просто взята Уилкоксом у Сундберга. Таким образом, из трех приведенных выше цифр Уилкокса две заимствованы у других авторов, а третья построена на шатком основании.

Ряд Уилкокса подвергся критике со стороны Карп-Саундерса в отношении внеевропейского населения. Что же касается цифр по Европе, то они подверглись критике со стороны известного не-

¹ См. Willcox, The expansion of Europe in its influence upon population, «Studies in philosophy and psychology by former student of C. E. Garman», New York 1906, p. 56.

² К этой цифре он пришел, основываясь на цифре в 130 млн., по оценке Зюсмилха, в которую Уилкокс внес ряд исправлений (о них см. ниже). Между прочим, в книге «International Migrations» Уилкокс ошибочно пишет о 137 млн. вместо 127 млн. См. его статью в «American Economic Review» за 1915 г.

мецкого демографа Момберта, которого мы много раз цитировали. Основное направление критики Момберта заключалось в том, чтобы опорочить прежние переписи. В своей статье, специально посвященной «ненадежности прежних переписей»¹, Момберт еще в 1933 г. выступил с утверждением, что прежние переписи страдают недооценкой населения. Спустя три года Момберт написал вторую статью, специально посвятив ее вопросу о динамике населения Европы с середины XVII в.², задавшись целью раскритиковать имеющий широкое хождение ряд Уилкоккса и заменить его своим.

Прежде всего Момберт направляет свою критику на цифру населения Европы в 1800 г. Эта цифра (187 млн. человек) установлена была Сундбергом в его статистической сводке за XIX в. и с тех пор воспроизводится почти всеми, так как является довольно точным отражением численности населения Европы к началу XIX в. Однако Момберт ее оспаривает. Основанием для него служит тот факт, что первые переписи отличались значительным недоучетом населения. Что недоучет был, это действительно верно, но там, где это было необходимо, делаются соответствующие исправления. Момберт в качестве примера такого недоучета берет перепись германских государств 1816 г. По этой переписи будто бы имеются указания Гофмана, руководившего ею, о недоучете населения на 6,5%. Кроме того, Момберт ссылается на Стракош-Грассмана, который говорит о недоучете в размере 21%. Базируясь на этих двух источниках, Момберт выдвигает новую цифру — 13% (удвоенный процент по сравнению с гофмановским) — и считает именно этот процент показателем степени недоучета переписи 1816 г. По этому поводу следует указать, что Момберт напрасно приписывает Гофману цифру недоучета в 6,5%. Этой цифры Гофман не давал. Ее исчислил сам Момберт, взяв у Гофмана цифру избытка населения между переписями 1816 и 1837 гг. (675 139 человек), с одной стороны, и цифру населения Пруссии (10 349 031 человек) — с другой.

Однако Гофман³ весь определенный им избыток вовсе не считал результатом недоучета переписи 1816 г.; из 675 139 он вычел 364 310 человек, которые, по его приближенному подсчету, образовались в результате положительного миграционного баланса Пруссии. Таким образом, по Гофману, недоучет в 1816 г. составляет не 6,5, как это приписал ему Момберт, а всего 3%.

Затем Момберт утверждает, что данные о населении к 1800 г. во всех европейских странах надо также увеличить на 13%, полагая при этом, что он «недалеко отойдет от истины». В соответствии с этим вместо 187 млн. он получает 211 млн. населения Европы к 1800 г.

¹ Mombert, Ueber die geringe Zuverlässigkeit alterer Volkszahlungen, «Jahrbucher für Nationalökonomie und Statistik», 1933, XI, S. 745—751.

² Ibid, op cit, «Zeitschrift für Nationalökonomie», 1936.

³ Hoffman, op. cit, S. 20—21.

Мы не можем считать такой прием обоснованным. Если Момберт хотел доказать наличие большого недоучета в первых переписях XIX в., то он должен был исследовать качество этих переписей не в одной Германии, а в ряде государств Европы. Далее, прибавка для этого недоучета должна была быть избрана с гораздо большим основанием. Взятая же им цифра в 13% совершенно произвольна. Если допустить даже, что Гофман говорил о 6,5%, то на каком основании ее можно удваивать? Правда, тогда цифра ближе подойдет к оценке Стракош-Грассмана, но последняя не заслуживает доверия, хотя Стракош-Грассман ссылается на какую-то архивную разработку, но сам конкретно этих материалов не приводит. Цифра Момберта (13%) остается совершенно необоснованной. Материалы, имеющиеся по другим странам, хотя и показывают некоторый недоучет, но он значительно меньше, чем эта цифра. Например, по Англии в 1801 г. Рикман определял недоучет в 3%. Эта поправка и была сделана при использовании цифр переписи. По ряду же других стран для 1800 г. переписей вообще не было, а были взяты оценки. Поэтому когда Момберт оперирует 13% надбавкой для всех стран, то он эту накидку делает также и по тем странам, по которым вообще о недоучете не может быть и речи, хотя бы уже просто по одному тому, что не было и самого учета.

Исходя из всех этих соображений, мы отвергаем поправку Момберта. Цифра для Европы 1800 г. в 211 млн. человек преувеличивает численность ее населения по меньшей мере на 20 млн. Между тем Момберт использует эту цифру как основу для своих дальнейших расчетов. Он отправляется от этой цифры для определения численности населения Европы в более отдаленные времена.

Так он ставит себе задачу определить население Европы к 1750 г. Приведя некоторые иллюстрации по ряду стран, Момберт подчеркивает значительный рост во второй половине XVIII в. Но как определить его для Европы в целом? Здесь Момберт поступает путем, аналогичным тому, который применяет Уилкоккс. Прежде всего Момберт исчисляет совершенно новый темп роста за 1800—1850 гг. Он это делает так: для 1850 г. берет цифру Уилкоккса (266 млн. человек), а для 1800 г. свою (211 млн.) и получает прирост всего на 26% вместо 42%, которые давал Уилкоккс. Далее, он считает, что во второй половине XVIII в. рост был несколько меньше вследствие более высокой смертности. Не имея каких-либо опорных цифр, Момберт произвольно определяет прирост в 1750—1800 гг. в 22% и таким образом приходит к цифре в 173 млн. для 1750 г.; при этом он также полагает, что «не слишком далек от истины».

Перед Момбертом осталась еще задача определить население Европы к 1650 г. И на этот раз он прибегает к чрезвычайно спорному приему. Пользуясь тем, что Карр-Саундерс исчислил для Англии в 1650—1750 гг. рост на 27%, Момберт принимает этот процент роста для всей Европы в целом. Это приводит его

к цифре в 136 млн. для 1650 г. Сравнивая свою цифру с цифрами Белоха и Уилкокса, Момберт приходит к выводу, что они недоучитывали почти треть населения. На этом основании Момберт считает, что и все оценки населения в средние века должны быть пересмотрены в сторону повышения.

Мы подробно изложили всю аргументацию Момберта, чтобы продемонстрировать ненадежность попыток определения численности населения по Европе в целом, не получая его как сумму населения отдельных стран. Приемы Момберта в значительной степени произвольны. Стоит только доказать, что недоучет в 1800 г. выражается в 2—3% (да и то ведь делались соответствующие поправки на этот недоучет), как все его здание рассыпется в прах. Да и помимо этого его расчеты населения Европы в 1750 и 1650 гг. также слабо обоснованы. В результате Момберт пришел к цифрам, резко расходящимся как с рядом Уилкокса, так и с рядом, исчисленным нами. Правда, для 1650 г. расхождение нашего ряда с рядом Момберта меньше, чем ряда Уилкокса с рядом Момберта. Это объясняется тем, что Уилкокс, не уточнив расчеты Белоха для 1600 г., применил их автоматически к 1650 г.

Оценка Сундберга также отличается от наших расчетов. Для 1600 г. у него цифра на 11 млн. ниже нашей, а для 1700 г. на 11 млн. выше. Подобное расхождение возникло вследствие того, что у Сундберга было неправильное представление о темпах роста населения в XVII в. по сравнению с XVIII в. У Сундберга разница в темпах этих двух столетий невелика, в то время как можно считать установленным, что эти два столетия с точки зрения демографической значительно отличаются друг от друга (см. ниже, стр. 220).

Резюмируя, отметим, что итоговая цифра населения Европы не должна получаться на основании расчетов о закономерности темпов роста. Это слишком произвольный метод, могущий повлечь за собой значительные ошибки.

В общем, сопоставляя наш ряд с другими, надо сказать, что резкое расхождение обнаруживается только при сравнении с рядом Момберта. В остальных же случаях расхождение не очень значительно.

Теперь перейдем к сопоставлению темпов роста. О темпах роста населения в Европе в целом в XVI—XVII и XVIII вв. имеется очень мало указаний. Нам известны, например, оценки русского статистика В. И. Покровского¹, полагавшего, что в XVI в. население Европы увеличилось на 30%, в XVII в.—на 25, в XVIII в.—на 50%. При сопоставлении с нашими расчетами оценки Покровского в части XVI и XVII вв. представляются преувеличенными. По нашим данным в XVI в. рост составляет всего 16%, а в XVII в.—лишь 13%.

Действительно, рост на 30% в условиях высокой смертности

¹ См. Покровский И., Население, Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, т. 40, стр. 634.

В те времена мог произойти лишь при наличии особо благоприятных условий для увеличения населения. Между тем ни XVI, ни XVII вв. такими условиями не обладали. Жестокие религиозные войны, крестьянские войны и бунты, Тридцатилетняя война, гражданская война в Англии, «смутное время» в России, частые эпидемии чумы — вот чем характеризовались эти века в Европе. В такие века население Европы не могло увеличиться на 25—30%.

Значительно точнее, пожалуй, Покровский оценил рост населения в XVIII в.; наши расчеты также показывают рост на 55%.

Сундберг называет такие ежегодные темпы роста населения Европы: в XVII в. — 0,3%, в XVIII в. — 0,4%¹.

Эти цифры значительно расходятся с нашими. По Сундбергу, получается, как мы уже об этом только что говорили, что в темпах роста между этими двумя столетиями нет особой разницы, однако это представление совершенно неверно. XVIII век по своим темпам роста резко отличается от предыдущих столетий. В XVII же веке рост был значительно меньший, чем это полагает Сундберг. К подобному ошибочному выводу Сундберг пришел, вероятно, под влиянием материалов по Швеции, распространив их на всю Европу.

В отношении последних трех десятков лет XVIII в. расчет темпа делал Кучинский². Он пришел к выводу, что в 1770—1800 гг. средний ежегодный рост составил $\frac{2}{3}$ %, по нашим же расчетам, период 1775—1800 гг. дает 0,70%; расхождение незначительное.

Отметим еще, что по семи крупнейшим европейским странам Мэлхолл дает следующие итоги численности за период 1480—1880 гг.³

*Население Англии, Франции, Пруссии, России,
Австрии, Испании, Италии*

Годы	Тыс. человек
1480	46 700
1580	59 250
1680	73 032
1780	109 881
1880	285 134

Однако этот ряд нельзя использовать ни для проверки, ни для сопоставления с нашими исчислениями не только потому, что он касается лишь семи стран Европы, а также и потому, что территории этих семи стран Мэлхолл брал в соответствии с их тогдашними государственными границами. Например, для Пруссии 1480 г. он дает цифру в 800 тыс. человек, а для 1800 г. — 45 260 тыс. Очевидно, что эти величины несравнимы друг с другом. По России он дает 2,1 млн. для 1480 г. и 84 млн. для 1880 г. — рост в 40 раз также показывает, что в обоих случаях

¹ См. Sundbarg, *Bevolkerungsstatistik Schwedens 1750—1900*, 1907, S. 66

² См. Kuczynski, *op. cit.*, «Enciclopedia of Social Sciences», v. XII, p. 243.

³ Mulhall. *The Dictionary of Statistics*, p. 441.

взята совершенно другая территория. Это обстоятельство уменьшает ценность материалов.

Говоря о расчетах средних погодных темпов роста по отдельным странам, укажем на работу Дитеричи и на «Труды Римского демографического конгресса».

Дитеричи в упомянутой ранее статье не ограничивался определением общих цифр населения по отдельным европейским государствам, но наряду с этим дал средние ежегодные темпы роста. Однако надо сказать, что при исчислении этих темпов Дитеричи не всегда достаточно критически подходил к материалу. Вследствие этого получается, что в ряде случаев Дитеричи дает совершенно неправдоподобные темпы роста. Так, например, для Ирландии в период 1801—1811 гг. он исчислил среднеежегодный темп роста в 4,356%. Хотя рост населения Ирландии в ту пору и в самом деле был интенсивным, но такого высокого ежегодного прироста быть, конечно, не могло.

Аналогичную ошибку совершают авторы исторических таблиц в «Трудах Римского демографического конгресса». В этих таблицах даются, например, следующие темпы ежегодного прироста:

Государства	Периоды	% ежегодного прироста
Пруссия . . .	1781 — 1804 г.	4,04
Австрия . . .	1780 — 1800 »	3,38
Венгрия . . .	1721 — 1787 »	3,94
Румыния . . .	1858 — 1865 »	3,80
Сербия . . .	1875 — 1880 »	5,02
Греция . . .	1840 — 1845 »	3,95

Вряд ли приведенные темпы роста могли иметь место в действительности; в самую благоприятную эпоху рост населения не превышает 2, максимум 2,5% в год. Исчисление же трех, четырех, даже пяти процентов является результатом несопоставимости двух цифр, которую составители упустили из виду.

11. НАСЕЛЕНИЕ ЕВРОПЫ В 1500—1800 гг. В ПРЕДСТАВЛЕНИИ СОВРЕМЕННОКОВ

Первые книги в области тех наук, из которых впоследствии развивалась статистика, появились лишь в эпоху позднего Ренессанса. Среди этих книг должны быть названы труды Сансовино (Sansovino), Давити (d'Aviti), Секендорфа (Seckendorff), Ботеро (Botero).

XVII век оказался довольно богатым в это отношении. Собственно, именно к этому столетию, ознаменовавшемуся бессмертным трудом Граунта, надо отнести рождение демографии. И в этом столетии также впервые дается оценка населения Европы. Ее дал священник-иезуит Ричиоли в 1661 г.¹ До Ричиоли существовали лишь оценки населения по отдельным странам.

Оценка Ричиоли в сопоставлении с нашими расчетами может быть дана в следующем виде²:

¹ Кстати сказать, Ричиоли главой римской католической церкви было поручено опровергнуть еретические воззрения Коперника и Галилея. Это не делает ему чести как ученому.

² Цит. по Wilson, op. cit., «International Migrations», v. II, p. 46.

*Сопоставление наших расчетов с оценкой Ричиоли
по различным европейским странам (в млн. человек)*

Страны	Население		Разница	
	по Ричиоли	по нашим расчетам к 1650 г	+ (больше Ричиоли)	- (меньше Ричиоли)
Италия (с Сицилией и смежными островами)	10 — 11	13	+ 2,0	
Испания (с Португалией и Сардинией)	10	9,1		— 0,9
Франция	19 — 20	16,3		— 3,7
Великобритания и Ирландия	4	6,6	+ 2,6	
Нижняя Германия, Голландия, Зеландия	4	} 18,0		} — 6
Верхняя Германия	20			
Иллирия, Далмация, Греция, Исландия	10	} 16,0		} 0,0
Македония, Фракия, Мозия	6			
Польша, Литва, Померания	6	8,0	+ 2,0	
Дания, Готланд, Швеция, Норвегия, Ливония и другие северные страны	8	3,0		— 5,0
Итого	97 — 99	90,0	+ 6,6	— 15,6

В общем надо сказать, что Ричиоли для своего времени довольно правильно представлял себе население Европы. Наиболее серьезные ошибки Ричиоли, которые теперь видны нам в свете последующих материалов, по-видимому, следующие:

1. Население Соединенного королевства было значительно больше его предположений
2. Население Иллирии, Далмации, Греции, Исландии он преувеличил.
3. Население северных стран также преувеличено в 2—3 раза
4. Россия вовсе не была учтена. (Ведь не попала же она в рубрику «других северных стран!»)

В целом Ричиоли больше преувеличил, чем недооценил. Если у него итоговая цифра равняется 97—99 млн. человек, то, по нашим расчетам (беря те же страны), мы получим всего 89 млн. человек, т. е. у Ричиоли население Европы превышено на 9—10 млн. против наших исчислений.

Спустя 35 лет известный английский экономист Кинг сделал попытку расчета населения Европы. Важно отметить, что Кинг при этом впервые применял метод плотности населения. Установив по нескольким европейским странам среднее количество акров на человека, Кинг применил это соотношение и для других стран Европы, по которым были известны цифры территории, но не были известны цифры населения. В результате этих расчетов Кинг пришел к цифре в 100 млн. человек, которая приблизительно соответствовала действительности, как об этом можно судить теперь в свете всего имеющегося материала по динамике населения Европы. Однако надо отметить, что подобная «удача» Кинга есть результат случайного взаимного погашения двух серьезных ошибок, им допущенных. Во-первых, Кинг предполагал резко преуменьшенными цифрами территории остальной Европы. Если бы Кинг имел правильные цифры территории, он получил бы не 100 млн., а 141 млн. Во-вторых, Кинг резко преувеличил плотность населения стран на континенте под впечатлением высокой плотности в своей стране. Если бы он исходил из правильной плотности, то при неправильной площади получил бы цифру много ниже 100 млн. человек. В результате

у Кинга получилось, что ошибка в одну сторону почти полностью компенсировала ошибку в другую сторону. Но по отдельным странам Кинг давал заниженные оценки. Например, для Италии он указывал цифру в 8,5 млн. человек; эта цифра была ниже действительной, вероятно, на целую треть. Цифра по Франции, даваемая Кингом (14 млн. человек), также, надо думать, взята с большим преуменьшением.

Однако как Кинг, так и Ричиоли в своих итоговых цифрах, вероятно, не намного отклонялись от действительности. Совсем иную картину дал другой писатель того времени Исаак Воссюс в своем труде «*Variatum Observatum Libet*», опубликованном в Лондоне в 1685 г.:

Оценка населения отдельных стран Европы в 1685 г., по Воссюсу¹

Страны	Млн. человек
Испания и Португалия	2
Франция	5
Италия, Сицилия, Корсика, Сардиния	3
Англия, Шотландия, Ирландия	2
Нидерланды	2
Германия, Богемия, Венгрия	5
Дания, Голштиния, Ютландия	0,4
Норвегия, Швеция, Финляндия, Лапландия	0,6
Польша, Ливония, Литва	1,5
Земли между Венгрией и Черным морем	2,5
Далмация, Иллирия, Македония, Греция, Крит и Исландия	3
Московия	3
Итого	30,0

Таким образом, по Воссюсу, получается, что к концу XVII в. в Европе было 30 млн. человек, тогда как на самом деле было 120 млн. Но подобное расхождение не является пределом. Рекорд неосведомленности побил филолог Канц, который в книге «*De Regimeni del universalis*» в 1737 г. оценил население Европы в 10 млн. человек². Подобная ошибочная оценка была последней. Спустя три года вышел знаменитый труд Зюсмилыха, который поднял демографическую науку на новую ступень. Правда, в оценке населения Европы Зюсмилых оказался не очень точен, как это видно из переписей, которые были произведены вскоре после Зюсмилыха. Когда было примерно 130 млн., он говорил о 150 млн. человек, а когда спустя 20 лет население возросло примерно до 150 млн., он снизил свою первоначальную оценку до 130 млн.

В целом свод оценок населения Европы в XVIII в. может быть дан такой³:

¹ Цит. по Wallace, A dissertation on the numbers of mankind in ancient and modern time, p. 34—35. Уильямс эти цифры воспроизвел с ошибками по Данич и в общем итоге.

² См. Willcox, op. cit (свод оценок), p. 640—641.

³ Ibid., «International Migrations», p. 640. Оценка Кроме вставлена нами по его книге: *Crome, Ueber die Grösse und Bevölkerung der sämtlichen Europäischen Staaten*, Leipzig 1785. Оценка Экспилли (Expilly) взята из *Muthall, The Dictionary of Statistics*, London 1898, 4 ed., p. 441 (перепечатано в 1909 г.).

Свод оценок населения Европы в XVIII в. (в млн. человек)

Годы оценки	Авторы	Численность населения Европы по оценке указанных авторов	Численность населения Европы по нашим расчетам	Разница
1740	Стрюйк	100	130	— 30
1741/42	Зюсмилх	150	130	+ 20
1761	Зюсмилх	130	150	— 20
1762	Бюшинг	150	150	0
1762	Экспилли	130	150	— 20
1771	Бособр	160	158	+ 2
1778	Моо	150	163	— 13
1785	Кроме	146 — 153	169	— 23/16
1786	Фабри	170	170	0
1788	Блэк	110	170	— 60

Ближе всего к нашим расчетам оказались оценки географов Бюшинга и Фабри. Несколько более подробно следует остановиться на оценках Зюсмилха.

По Зюсмилху, население стран Европы к середине XVIII в. представляется в следующих цифрах:

Сопоставление наших расчетов с оценкой Зюсмилха (в млн. человек)

Страны	Численность населения по Зюсмилху	Численность населения по нашим расчетам к 1750 г.	Разница
Испания и Португалия	10	11,0	+ 1
Франция	17	20,3	+ 3,3
Великобритания	8	9,8	+ 1,8
Нидерланды	5	4,3	— 0,7
Швейцария	1	1,5	+ 0,5
Италия и острова	10	15,2	+ 5,2
Дания	2,5	} 3,5	— 1,5
Швеция	2,5		
Россия	24	16,0	— 8
Лифляндия и Курляндия	2	} 12,0	— 2
Польша	12		
Венгрия	4	6,0	+ 2
Турция в Европе	8	12,0	+ 4
Германия	24	28,0	+ 4
Итого .	130,0	139,6	+ 9,6

По отдельным странам колебания довольно значительные. Преувеличено население Польши, Литвы и России, преуменьшено население Франции, Италии, Германии. Интересно отметить, что Уилкокс¹, корректируя в 1915 г. расчеты Зюсмилха, внес изменения, очень близкие с разницей, получив-

¹ См. Willcox, The Expansion of Europe in Population, «American Econ. Review», 1915, № 5.

шейся у нас Так, например, Уилкоккс сократил население Польши и Литвы на 6 млн. и России на 5 млн, итого на 11 млн. человек; у нас разница составляет 10,4 млн. Далее, Уилкоккс прибавил по Франции 5 млн., и у нас разница 5 млн человек; по Италии он прибавил 4 млн., у нас — 5,2 млн.; по Соединенному королевству — 2 млн., у нас — 1,9 млн.; по Испании и Португалии — 1,7 млч, у нас — 1 млн. Несмотря на эти правильные коррективы, Уилкоккс все же не до конца исправил Зюсмилыха Население Венгрии, Турции, Германии Зюсмилых преуменьшил, надо думать, на 9—10 млн., вследствие чего и расчеты Уилкоккса оказались несколько преуменьшенными. Если бы Зюсмилых в дальнейших изданиях своего труда оставил 20 млн человек на недоучет, как это он сделал при своей первой работе, то оказался бы значительно ближе к истине.

12. РОЖДАЕМОСТЬ И СМЕРТНОСТЬ В XVI—XVII вв.

Переходя к рождаемости и смертности в XVI—XVII вв., мы оказываемся в более благоприятном положении, чем тогда, когда говорили о XI—XV вв Правда, и в 1500—1800 гг в большинстве стран Западной Европы регулярной статистики рождений и смертей еще не существовало, но все же в этот период факты рождения, брака, смерти оставляли после себя регистрационный след в церковных книгах. Эти церковные записи получали все более и более широкое распространение Впоследствии эти записи в ряде мест удалось свести и опубликовать. Легче всего это было сделать по отдельным городам Поэтому по многим немецким городам, отчасти французским и английским, имеются довольно полные материалы, характеризующие уровень рождаемости и смертности в городах в XV—XVIII вв. Некоторые материалы имеются по отдельным сельским местностям. И уже совсем мало материалов, охватывающих всю страну в целом.

Записи церковных книг по своей полноте значительно уступают гражданской регистрации. О степени этой неполноты можно судить по английским материалам, приводимым Дж. Броунли (Brownlee)¹. В Англии с 1837 г. была введена гражданская регистрация, а наряду с ней церковные записи велись как и раньше. Таким образом, получается возможность сопоставить гражданскую регистрацию с церковной. За три года это сравнение дает такие цифры:

Сопоставление гражданской и церковной регистрации для выявления степени неполноты последней

Г о д ы	Рождений	Крещения	Смертей	Погребений	Браков	Венчаний
1838	463 787	377 114	342 760	292 650	118 067	113 123
1839	492 574	368 063	338 979	286 855	123 166	116 677
1840	502 303	364 440	359 634	304 407	122 665	115 548
И т о г о . . .	1 458 664	1 109 617	1 041 373	883 912	363 898	345 348

На основании этих материалов важно построить следующие соотношения:

$$\frac{\text{рождения}}{\text{крещения}} = 1,317; \quad \frac{\text{смерти}}{\text{погребения}} = 1,178; \quad \frac{\text{браки}}{\text{венчания}} = 1,0537$$

Оказывается, что наименее полную картину церковные записи дают по рождениям; число рождений, зарегистрированных в гражданских органах,

¹ Brownlee, History of the birth and death rates from 1570 to the present time, «Public Health», 1916, v. 29, № 9, p. 220.

на 32% больше числа крещений. По бракам расхождение незначительно: 95% всех браков учитывалось церковными записями.

Приведенные соотношения надо рассматривать как минимальные, так как в первые годы существования гражданской регистрации вполне возможен был недоучет и по этой линии.

Таким образом, оперируя церковными записями по крещениям, мы должны иметь в виду, что при сравнении с рождаемостью в более позднюю эпоху (по данным гражданской регистрации) надо делать соответствующую поправку.

Значительно точнее наши данные будут в том случае, если сравнивать число крещений с количеством погребений, но и здесь недоучет полностью не погашается, так как количество погребений лучше отражает количество смертей, чем количество крещений — рождений.

Мы не ставим себе задачей разбор всех материалов по рождаемости и смертности в XVI—XVIII вв., который мог бы быть темой специального научного исследования. Мы хотим лишь привести наиболее интересные материалы для характеристики рождаемости и смертности в века, предшествующие XIX в.

Для суждения о процессах движения населения в отдаленную от нас эпоху весьма важно иметь представление о плодовитости браков

Наиболее элементарным, хотя и довольно-таки грубым, показателем плодовитости браков является соотношение $\frac{\text{рождения}}{\text{браки}}$.

Этим показателем пользовался еще Граунт в XVII в, его применяют и в XX в. (например, Эрнст Кан) Кучинский в своей книге «The measurement of population growth» подробно останавливается на критике этого показателя. Прежде всего следует помнить, что в общем числе заключенных браков — большой удельный вес повторных браков вдов и разведенных. Таким образом, получается двойной и даже многократный счет матерей, так как одна и та же женщина часто попадает в число брачующихся не один, а два-три раза в течение своей жизни

Например, если в какой-либо стране на один брак приходилось 3,1 рождения и притом 15% всех браков приходилось на повторные браки, то это отношение следует видоизменить так:

$$3,1 : \frac{1}{1-0,15} = 3,1 \cdot \frac{1}{0,85} = 3,6 \text{ рождения на один брак.}$$

Из этого видно, что повторный учет матерей значительно снижает фактический уровень плодовитости браков

Помимо этого, сопоставление числа браков с числом рождений того же года имеет тот недостаток, что число рождений данного года отнюдь не является результатом браков данного года. Рождения данного года определяются не столько браками данного года, сколько браками предыдущих лет. Недаром итальянские демографы сопоставляют число рождений данного года не только с числом браков в этом же году, но и с числом браков одного предыдущего года, шести предыдущих лет и даже восьми предыдущих лет. Лишь подобные сравнения могут дать довольно правильные представления о плодовитости брака.

Сделав эти критические указания, следует отметить, что представление, хотя и грубое, о плодовитости браков мы все же получим, если будем находить отношение между средним числом родившихся к среднему числу заключенных браков. Так как в этом направлении наше исследование касается лишь мимоходом, то мы считаем для себя допустимым ограничиться применением грубых методов.

Помимо этого показателя, интересно привести еще данные о среднем числе детей на семью и о среднем размере семьи

В XV—XVI вв. материалы о плодовитости браков можно получить на основании переписей по отдельным городам.

Например, известный бельгийский историк Анри Пиренн (Pirenne)¹ при-

¹ См. Pirenne, Les denombrements de la population d'Ypres au XV siècle (1412—1506), «Vierteljahrschrift für Sozial und Wirtschaftsgeschichte», 1903, В. I, Н. I, S. 12.

водит следующие интересные материалы по городу Ипру в XV в. Этот город в ту пору имел большое значение; в нем было около 10 тыс. жителей. Пирены дает следующее распределение семей этого города по числу членов:

Распределение семей Ипра в XV в. по размеру

Число человек на семью	в 1412 г.		в 1437 г.	
	абсолютное число	%	абсолютное число	%
Одиночки	185	20,3	84	11,0
Семья из 2 человек	213	23,3	155	20,0
» » 3 »	194	21,3	169	22,2
» » 4 »	122	13,4	118	15,6
» » 5 »	74	8,1	93	12,3
» » 6 »	63	6,9	61	8,0
» » 7 »	21	2,3	40	5,3
» » 8 »	18	1,9	17	2,3
» » 9 и более человек	23	2,5	25	3,3
Итого	913	100,0	762	100,0

Эти материалы ясно показывают, что в Ипре в средние века преобладали семьи с небольшим количеством членов. Семьи с семью членами и более занимали лишь десятую часть всех семейств. Более наглядно размер семьи виден из ее среднего размера:

Средний размер семьи в различных кварталах Ипра

Кварталы города	Количество человек на одну семью			
	1412 г.	1437 г.	1491 г.	1506 г.
Poorterie	—	3,6	—	4,2
Draperie	3,4	3,7	—	—
Vulfres	3,2	—	—	4,0
Ghemeene Neringhe	3,2	3,6	4,3	—

Так как в число членов семьи попадают престарелые родители, а иногда и слуги, то более точное представление о плодовитости можно получить при распределении семей по числу детей:

Распределение 358 семей Ипра по числу детей в 1516 г.

Число детей	Количество семей	%
Бездетные семьи	85	23,7
Семьи с 1 ребенком	88	24,6
» » 2 детьми	59	16,5
» » 3 »	36	10,0
» » 4 »	40	11,1
» » 5 »	17	4,9
» » 6 »	18	5,0
» » 7 »	9	2,5
» » 8 »	4	1,1
» » 9 »	1	0,3
» » 10 »	1	0,3
Итого	358	100,0

Оказывается, что модой (в статистическом смысле этого слова!) являлась однодетная семья, совсем как в состоятельных кругах в современной Франции. Это говорит о том, что детская смертность была очень высока и лишь небольшая часть родившихся доживала до зрелого возраста.

Аналогична картина и по другим городам. Так, по Нюрнбергу перепись 1449 г. показала, что глава семьи (бюргер) составлял 26,2% всего состава семьи, а его жена, дети и другие живущие при нем кровные родственники составляли 73,8%¹.

Другими словами, городская семья в среднем не имела даже двух детей.

О высокой детской смертности в городах говорят также материалы семейных хроник. Так, например, записи по семье Рорбах, проживавшей во Франкфурте на Майне, показывают, что из числа 53 детей 35 не пережило смерти отца (речь идет о XV и XVI вв.)².

В целом о соотношении $\frac{\text{крещения}}{\text{венчания}}$ по городам в XVI—XVII вв. можно судить из следующих цифр³:

*Соотношение рождений и браков по материалам
церковной регистрации*

Г о р о д а	Периоды	Количество крещений на один брак
Аугсбург	1501—1622	3,5
Лейпциг	1617—1700	3,1
Страсбург	1564—1673	3,2
Дрезден	1617—1703	3,4
Эрфурт	1573—1580	3,6
Иглау	1593—1616	3,6
Мессов	1630—1699	4,1
Лихен	1660—1699	4,2
Галле	1600—1699	3,8

В среднем для городов можно считать, что на один брак приходилось 3,5 рождений.

В сельских местностях соотношение $\frac{\text{рождения}}{\text{браки}}$ давало более высокую цифру. Например, в нескольких сельских приходах округа Толц в первой половине XVII в. на 327 ежегодных рождений приходилось 63 брака⁴, т. е. 5,2 крещения на брак.

Данные о рождаемости и смертности для XVI и XVII вв. имеются, главным образом, по отдельным городам.

Например, по Буркгейму Бергер (Berger)⁵ приводит такие цифры:

Г о д ы	Количество рождений на 1 тыс. человек
1600—1629	42
1630—1649	52
1650—1699	45
1700—1739	40
1740—1779	38

¹ См. Bucher, Die Bevölkerung von Frankfurt am Main im XIV und XV Jahrhundert, S. 43

² Ibid., op. cit., S. 46.

³ По материалам Зюсмилха и др., сведенным Wernicke, Das Verhältnis zwischen Geborenen und Gestorbenen in historischer Entwicklung, Jena 1889, S. 18, 19, 36, 37.

⁴ См. St. Glönnner, Bevölkerungsbewegung von 7 Pfarreien im K. bayrischen Bezirksamte Tolz seit Ende des XVI Jahrhunderts, «Allg. Stat. Archiv», 1895, B. IV, Halbband I, S. 270.

⁵ См. Berger, Die Bevölkerungsbewegung einer Keiseistühler Kleinstadt von 1600—1869. Freiburg, Diss., 1921, S. 29. цит. по Mombert, Bevölkerungslehre, S. 121.

В Лондоне в конце XVII в. коэффициент рождаемости равнялся для внутреннего города 38,7 и для города за пределами городских стен — 39,9¹.

Имеются материалы и по смертности. Например, Дашинская (Daczynska)² для Цюриха приводит такие цифры:

Г о д ы	Коэффициент смертности на 1 тыс. жителей
1637	39,5
1671	44,0

Почти за полтора века имеются материалы о смертности по Франкфурту на Майне³:

Г о д ы	Коэффициент смертности на 1 тыс. жителей	Г о д ы	Коэффициент смертности на 1 тыс. жителей
1561—1600	51	1651—1660	41
1610—1620	45	1661—1670	52
1621—1630	59	1671—1680	46
1631—1640	158	1681—1700	42
1641—1650	47		

Малле (Mallet)⁴ сообщает, что в Женеве в 1551—1560 гг. коэффициент смертности был равен 39,7, в 1601—1650 — 37,0, в 1651—1700 гг. — 42.

Все эти материалы показывают, что в городах была высокая смертность, значительно превосходящая рождаемость. Поэтому рост городов происходил исключительно за счет притока сельского населения. Высокий уровень смертности объясняется низким санитарно-гигиеническим состоянием городов.

О смертности в сельских местностях в XVI—XVII вв. имеются весьма скудные сведения по отдельным селениям, но численность населения в этих деревнях большей частью осталась неизвестной, поэтому коэффициент смертности вычислен быть не может.

Для страны в целом имеются материалы только по Пруссии, относящиеся к самому концу XVII в.⁵ (см. табл. на стр. 221).

Приведенные материалы настолько отрывочны и охватывают столь небольшую долю всего населения Европы, что совершенно невозможно сделать какие-нибудь достоверные выводы о демографических процессах в XVI и XVII вв. Можно только сказать, что уровень смертности тогда был очень высок, особенно в городах.

13. РОЖДАЕМОСТЬ И СМЕРТНОСТЬ В XVIII в.

Мы уже указывали, что XVIII век внес большие изменения в процессы движения населения Европы. Вместо 0,2% ежегодного роста в XVI и XVII вв. XVIII век утроил это число и коэффициент ежегодного прироста достиг 0,6%. Такого большого прироста раньше не знал ни один век. Вследствие этого в XVIII в. кривая роста населения Европы делает заметный поворот вверх.

¹ См. P. E. Jones and A. V. Judges, London population in the late seventeenth century, «Econ. Histor. Review», 1935, v. VI, № 1, p. 45—63.

² См. Mombert, Bevölkerungslehre, S. 129.

³ См. Prinzing, Handbuch der medizinischen Statistik, S. 656; Кулишер, цит. соч., ч. II, изд. 8-е, стр. 8.

⁴ Ibid., op. cit., S. 656.

⁵ См. Behre, op. cit., S. 454.

Рождения и смерти в Пруссии в конце XVII в. (в тыс.)

Г о д ы	Число рoдившихся	Число умерших	Превышение рoдившихся над умершими
1688	53,9	32,1	21,8
1689	60,6	37,4	23,2
1690	62,2	40,0	22,2
1691	64,8	42,6	22,2
1692	62,7	42,1	20,6
1693	60,4	55,8	4,6
1694	56,1	47,7	8,4
1695	65,2	46,4	18,8
1696	65,5	43,0	22,5
1697	свед. нет	свед. нет	свед. нет
1698	68,3	45,0	23,3
1699	65,8	45,1	20,7

Подобное увеличение населения — исключительно результат возрастания естественного прироста. Никакого притока населения в Европу из других частей света не было, наоборот, в XVIII в. заокеанская эмиграция уже начала принимать довольно значительные размеры¹. Таким образом, естественный прирост был даже несколько выше действительного. Сделаем некоторые прикидки, которые дали бы нам представление о естественном приросте XVIII в. Эмиграция стала особенно значительной лишь во второй половине XVIII в. Если известно, что с Британских островов ежегодно уезжало за океан около 20 тыс. человек в год, из Швеции — 1,5 тыс.², из Германии — 1 тыс.³, то можно считать, что вся Европа теряла в среднем около 30 тыс. человек ежегодно в период 1750—1775 гг. Последняя четверть XVIII в. была неблагоприятной для заокеанской эмиграции. Война за независимость американских колоний в 1776—1783 гг. и начавшиеся революционные войны в Европе сильно сократили число эмигрантов. Имеются сведения, что в период 1783—1794 гг. в США ежегодно прибывало 3 тыс. человек⁴. На основании этого можно считать, что в целом за период 1775—1799 гг. из Европы эмигрировало не более 10 тыс. человек.

В соответствии с этими цифрами сделаем следующий расчет (см. табл. на стр. 222).

К цифре количества эмигрировавших можно подойти еще и с другой стороны. Население Северной Америки за период 1750—1800 гг. возросло с 6,3 млн. до 15,4 млн., а Южной — с 6,1 млн. до 9,2 млн. Всего прирост на 12,2 млн. человек. Возникает вопрос, какая часть этого прироста явилась результатом размножения населения, эмигрировавшего туда, и какая часть — в результате нового притока эмигрантов из Европы. К сожалению, для ответа на этот вопрос приходится обратиться к материалам XIX в. В период 1790—1830 гг. по США Уокер (Walker)⁵ приписывает эмиграции

¹ Джонсон (Johnson) в своей «History of emigration from the United Kingdom to North America 1763—1812» (Лондон 1913, стр. 1—2) указывает, что только в 1769—1774 гг. из ирландских портов ежегодно иммигрировало 8 740 душ. Прибавляя Шотландию, Англию, Уэльс, Джонсон полагает, что ежегодное количество эмигрантов достигало 20 тыс.

² См. Sundbarg, Bevolkerungsstatistik Schwedens, S. 71.

³ F. Kapp, Geschichte der deutschen Einwanderung nach America, Leipzig 1868; цит. по Fischer, op. cit., В. II, S. 175 (он говорит о 80—100 тыс. за столетие).

⁴ См. «Handwörterbuch der Staatswissenschaften», В. II, S. 68, статья «Auswanderung».

⁵ Цит. по «International Migrations», p. 93.

*Определение среднегодового естественного прироста населения Европы
во второй половине XVIII в.*

Г о д ы	Действи- тельный прирост	Эмигри- ровало	Естест- венный прирост	Действи- тельный прирост	Эмигриро- вало	Естествен- ный при- рост
	в тыс. человек			в процентах к населению (т. е. на 100 человек)		
1750—1775	700	30	730	0,47	0,020	0,49
1775—1800	1 192	10	1 202	0,70	0,006	0,71

4,3% прироста, в период 1830—1840 гг. — 14,3, в 1840—1850 гг. — 28,1, в 1850—1860 гг. — 31,5%. Если предположить, что в период 1750—1800 гг. удельный вес иммигрантов был такой же, как и в 1790—1830 гг., то это дает около 500 тыс. эмигрантов из Европы, в то время как наш предыдущий расчет исходит из 1 млн. эмигрантов из Европы. Учитывая, что из Европы большие массы эмигрировали в Южную Америку, Центральную Америку и Канаду, мы получим хорошую согласованность двух источников.

Итак, естественный прирост населения Европы в XVIII в. был примерно следующий:

Г о д ы	На 100 человек населения (т. е. в %)
1700—1725	0,19
1725—1750	0,45
1750—1775	0,49
1775 - 1800	0,71

Первая четверть XVIII в. была очень неблагоприятной для роста населения: чума, войны — все это сильно снижало рост. Темп роста в первой четверти скорее характерен для двух предыдущих столетий, также изобиловавших чумой, голодными годами и войнами.

Из приведенных цифр видно, что к концу XVIII в. произошло увеличение темпа роста населения в 4 раза. Возникает вопрос, за счет чего это произошло? Могут быть три варианта:

1. Стабилизация смертности, рост рождаемости.
2. Стабилизация рождаемости, снижение смертности.
3. Рост рождаемости, снижение смертности.

Чтобы ответить на вопрос о том, какой из этих вариантов в действительности имел место, нужно разобраться в статистическом материале.

Ценные данные о рождаемости (в виде соотношения $\frac{\text{крещение}}{\text{венчания}}$) имеются в Пруссии. На основании этих материалов можно сделать сопоставление об изменениях за XVIII в.

К концу XVII в. по отдельным частям Пруссии имеются такие материалы об этом соотношении¹ (см. верхнюю табл. на стр. 223).

В среднем для Пруссии конца XVII в. — 372 рождения на 100 браков. К концу следующего столетия картина резко меняется (см. среднюю табл. на стр. 223).

В среднем — 470 рождений на 100 браков; таким образом, за 100 лет плодovitость браков увеличилась на 27%.

О росте рождаемости в XVIII в. говорят материалы и по другим германским государствам. Например, по Вюртембергу имеются следующие материалы по второй половине века² (см. нижнюю табл. на стр. 223).

¹ См. Behre, op. cit., S. 444—454.

² См. Troeltsch. Die Calver Zeughandlungskompagnie und seine Arbeiter, Jena 1897, S. 414.

Соотношение крещений и венчаний в Пруссии в 1688—1699 гг.

Г о д ы	На 100 венчаний приходится крещений								
	Пруссия и Литва	Померания	Неймарк	Курмарк	Магдебург — Мансфельд	Гальберштадт — Готенштейн — Вернигероде	Минден — Равенсбург — Мекленбург — Линден	Клеве — Мерк — Мерз — Гельберн	Вся Пруссия
1688	342	381	414	408	489	421	470	413	394
1689	370	398	377	420	502	404	412	436	403
1690	353	404	415	415	425	378	383	335	381
1691	353	444	435	415	457	406	402	365	395
1692	341	399	429	410	429	368	364	343	377
1693	323	312	422	423	426	399	387	302	361
1694	326	317	309	304	302	318	304	258	309
1695	353	375	331	377	391	365	376	326	360
1696	359	386	361	398	396	376	400	344	374
1697	355	—	—	—	—	375	426	—	—
1698	352	420	376	366	404	434	350	327	368
1699	364	371	426	370	375	368	351	362	371

Соотношение крещений и венчаний в Пруссии в 1784—1793 гг.

Г о д ы	Количество крещений на 100 венчаний	Г о д ы	Количество крещений на 100 венчаний
1784	486	1789	458
1785	485	1790	474
1786	467	1791	447
1787	466	1792	458
1788	473	1793	449

Динамика коэффициента рождаемости в Вюртемберге во второй половине XVIII в.

Г о д ы	Население (в тыс.)	Количество родившихся	Коэффициент рождаемости
1747—1748	468,9	17 526	37,4
1751—1755	477,8	18 909	39,6
1757—1761	483,2	19 821	41,1
1774	523,0	21 907	41,9
1780	560,0	24 131	43,1
1780—1786	570,0	ок. 24 100	42—42,5
1794—1799	643,0	26 502	41,2

За полвека рост рождаемости — примерно на 10—15%.

По Дании Рубин (Rubin)¹ приводит такие цифры:

Г о д ы	Коэффициент рождаемости	Коэффициент смертности
1767—1786	26,4	25,0
1787—1800	27,9	24,2

¹ См. Rubin, Population and birthrate, «Journal of the Royal Statistical Society», v. LXIII, 1900. p. 624.

Абсолютный уровень этих цифр неверен, на что указывает сам Рубин, предлагая увеличивать их на одну шестую (из-за неполноты учета); но эти цифры для нас интересны с точки зрения динамики, показывая рост рождаемости (на 5—6%) и некоторое падение смертности (на 3%).

По другим странам за этот период мы имеем прямые указания о коэффициенте рождаемости и смертности. К этим странам должна быть причислена прежде всего Швеция, затем Финляндия.

По Швеции динамика рождаемости и смертности видна из следующих цифр¹:

Г о д ы	Коэффициент	Коэффициент
	рождаемости	смертности
	на 1 тыс. человек	
1701—1750	34,25	30,40
1751—1760	35,67	27,24
1761—1770	34,17	27,57
1771—1780	33,01	28,87
1781—1790	31,95	27,92
1791—1800	33,31	25,35

Рождаемость в Швеции в XVIII в. еще не обнаруживала тенденции к понижению, но в отношении смертности можно считать, что на протяжении XVIII в. она снизилась на 13—15%.

По Финляндии мы имеем следующие материалы:

Динамика рождаемости и смертности в Финляндии во второй половине XVIII в.

Г о д ы	Коэффициент	Коэффициент
	рождаемости	смертности
	на 1 тыс. человек	
1751—1755	45,3	28,6
1756—1760	44,5	29,6
1761—1765	43,7	32,3
1766—1770	41,7	28,4
1771—1775	38,8	23,7
1776—1780	41,3	26,0
1781—1785	40,4	27,7
1786—1790	37,5	31,9
1791—1795	41,1	29,3
1796—1800	39,2	23,8

Рождаемость обнаруживает определенную тенденцию к падению (процентов на 10—12 за полстолетие); в колебаниях коэффициента смертности такой тенденции усмотреть нельзя.

По Англии ряды рождаемости и смертности в XVIII в. разработаны отдельными исследователями на основе материалов о церковной регистрации.

Например, Гриффитс² исчислил такой ряд для Англии и Уэльса (см. верхнюю табл. на стр. 225).

Этот ряд³ дает рост рождаемости от начала столетия к концу столетия на 17% и снижение смертности на 11%.

Другой английский ученый, Броунли⁴, еще за 10 лет до Гриффитса построил следующий ряд рождаемости и смертности в Англии и Уэльсе в XVIII в. (см. нижнюю табл. на стр. 225).

¹ См. Sundbärg, Aperçus statistique internationaux, 1908, p. 80.

² См. Griffith, Population problem etc., p. 28, 36. Естественный прирост исчислен нами.

³ Правда, построенный Гриффитсом ряд вызвал возражения. Маршалл (Marshall) упрекал Гриффитса в том, что он игнорировал Фарра и его исчисления. В то время как Фарр менял соотношение $\frac{\text{крещения}}{\text{рождения}}$ в пределах от 1,1 до 1,334, Гриффитс все время брал 1,15. См. Marshall, Economic History Supplement, «Economic Journal», 1929, № 4, p. 429—456.

⁴ См. Brownlee, op. cit., «Public Health», 1916, v. 29, № 10, p. 232.

Динамика рождаемости, смертности и естественного прироста в Англии и Уэльсе в XVIII в. по исчислению Гриффитса

Г о д ы	Коэффициент рождаемости	Коэффициент смертности	Коэффициент естественного прироста
1700	31,1	26,0	5,1
1710	27,5	26,7	0,8
1720	30,5	29,7	0,8
1730	32,0	33,4	-1,4
1740	33,3	31,7	1,6
1750	34,1	28,2	5,9
1760	33,3	26,7	6,6
1770	34,0	27,9	6,1
1780	34,4	28,8	5,6
1785—1795	35,4	25,65	9,75
1795—1800	34,2	23,14	11,06

Динамика рождаемости, смертности и естественного прироста в Англии и Уэльсе в XVIII в. по исчислению Броунли

Г о д ы	Коэффициент рождаемости	Коэффициент смертности	Коэффициент естественного прироста
1701—1710	31,6	31,5 ¹	0,1
1711—1720	31,4	31,1	0,3
1721—1730	33,9	34,9	-1,0
1731—1740	35,6	35,8	-0,2
1741—1750	36,9	33,0	3,9
1751—1760	36,9	30,3	6,6
1761—1770	37,0	30,0	7,0
1771—1780	37,5	31,1	6,4
1781—1790	37,7	28,6	9,1
1791—1800	37,3	26,9	10,4

Цифры рождаемости и смертности Гриффитса довольно существенно отличаются от цифр Броунли, в цифрах естественного прироста расхождение значительно меньше. В общем, если брать средние по трем десятилетиям, то получаются почти одинаковые результаты. Рост рождаемости по Броунли — 16%, по Гриффитсу — 17, падение смертности по Броунли — 10%, по Гриффитсу — 11.

Приведем еще материалы по смертности в Пруссии²:

	Коэффициент смертности
В конце XVII в.	35,7
» 1748—1755 гг.	33,3
» 1765—1786 »	29,2

Эти материалы имеют большую ценность, так как относятся к целой стране с 2—3-миллионным населением. Кроме того, речь идет не об отдельных годах, а о средних за ряд лет. В целом за XVIII в. можно говорить о снижении смертности на 10—15%.

О некотором снижении смертности в конце XVIII в. говорят также материалы по отдельным городам³ (см. табл. на стр. 226).

¹ Броунли приводит цифру 28,6, но тут же указывает, что она очень низка, и рекомендует брать 31,5.

² См. Behre, op. cit., S. 144. Цифра для конца XVII в. исчислена нами.

³ См. Prinzing, Handbuch u. s. w., S. 657.

Коэффициент смертности в некоторых немецких городах и в Стокгольме

Г о д ы	Берлин	Хемниц	Магдебург	Кенигсберг	Стокгольм
1721—1730	40,6	—	—	—	38,5
1731—1740	44,7	—	—	—	52,7
1741—1750	37,9	34,7	—	—	53,0
1751—1760	40,5	39,4	35,9	—	50,0
1761—1770	37,4	41,1	30,6	—	47,3
1771—1780	40,1	37,9	33,0	37,8	45,3
1781—1790	35,6	38,7	28,6	31,0	49,2
1791—1800	34,9	38,0	21,6	32,9	44,1

Теперь рассмотрим вопрос о том, за счет каких демографических явлений могла повыситься рождаемость в XVIII в. Вообще вопрос о повышении рождаемости надо строго разделить на два варианта: а) контрацепция применяется и б) контрацепция не применяется. В той стране, где контрацепция приобрела широкое распространение, рост рождаемости очень легко может произойти, если в результате создавшихся благоприятных социально-экономических условий последует отказ от контрацепции части брачных пар. В странах, где контрацепция не применяется, этот источник роста рождаемости исключен.

В XVIII в. контрацепция мало применялась¹. Поэтому рост рождаемости в XVIII в. не может быть приписан отказу от контрацепции части супружеских пар, а должен быть объяснен другими причинами.

Какие же другие факторы могут привести к повышению рождаемости в условиях отсутствия контрацепции? Перечислим главные из них:

1. Понижение среднего возраста вступления в брак.

2. Увеличение длительности брака (не только вследствие заключения его в раннем возрасте, но и вследствие более поздней смерти одного из супругов).

3. Понижение удельного веса мужчин и женщин, находящихся вне брака (сокращение безбрачия).

Есть основание предполагать, что на протяжении XVIII в. наибольшая роль принадлежала второму и отчасти третьему из перечисленных факторов. Отрывочные статистические данные подтверждают это.

Роллер² по городу Дурлаху приводит следующие интересные цифры о продолжительности брака:

Годы	Длительность брака (количество лет)
1701—1720	19,88
1721—1750	21,75
1751—1780	22,59
1781—1800	22,67

Процесс увеличения удельного веса супружеских пар во всем населении должен дать увеличение брачности на 1 тыс. жителей. Имеющиеся данные по Англии это подтверждают³:

¹ Впрочем, во французских аристократических кругах контрацепция была, повидимому, широко распространена еще в эпоху «старого режима». Об этом говорит исследователь населения Франции XVIII в. Моо. При этом он добавляет, что французские аристократки считали рождение детей «глупостью всех времен» (см. M o h e a u, Recherches et considerations sur la population de la France, Paris 1778, переиздано в 1912 г., с. 258).

² См. Roller, Die Einwohnerzahl d. Stadt Durlach im 18 Jahrhundert, 1907; цит. по M o m b e r t, Bevölkerungslehre, S. 117.

³ См. Griffith, op. cit., p. 34.

Годы	Коэффициент брачности
1758—1762	8,35
1765—1775	8,39
1775—1785	8,60
1785—1795	8,73
1795—1805	8,65

Приведенные материалы дают основание прийти к следующим выводам относительно демографических процессов в Европе в XVIII в.

В отношении рождаемости европейские страны не обнаруживали общей для всех тенденции. В некоторых странах наблюдался рост рождаемости (Англия, Германия, Дания), в других странах имела место стабилизация рождаемости (Швеция), наконец, были страны, в которых уже тогда обозначилась тенденция к падению рождаемости (Финляндия).

В отношении смертности положение было иное: все материалы по всем странам и городам согласованно показывают падение ее в XVIII в.

Еще в XVI и XVII вв. смертность в значительной степени зависела от смертности в годы голода, войн и эпидемий, которые уносили значительную долю всего населения. Эпидемии чумы в XVII в. еще были очень значительны: чума в Германии, Италии, Англии, России уносила миллионы человеческих жизней. Голодные годы в XVII в. сильно способствовали распространению разного рода эпидемий. В XVIII в. картина меняется: уровень экономического и культурного развития Европы уже позволял вести успешную борьбу с такого рода бедствиями; в результате этого взлеты кривой смертности стали реже, по крайней мере в масштабе всей страны они уже не были очень заметны. Таким образом, XVIII век был первым веком, давшим снижение смертности от эпидемических заболеваний.

В XVII—XVIII вв. исчезает проказа, которая раньше имела очень большое распространение. «Сифилис, после периода страшного усиления в конце XV и в начале XVI вв., теряет свой эпидемический характер. В XVIII в. уменьшаются эпидемии кровавого поноса, до того производившие огромные опустошения среди населения»¹. Чума — гроза средних веков — отступает на задний план. В Англии чумная эпидемия последний раз была во второй половине XVII в., в Германии, Италии, Голландии, Скандинавии — в начале XVIII в.

Сильно расширилась международная торговля хлебом. Неурожай уже в меньшей степени переходили в голод. В Голландии появились международные хлебные склады огромных размеров, запасы которых поступали в продажу при наличии благоприятной рыночной конъюнктуры. Вальтер Ралей говорил, что достаточно одного года дороговизны в Англии, Франции, Испании,

¹ Кулишер, цит. соч., т. II, стр. 14.

Португалии, Италии, чтобы обогатить Голландию в течение семи следующих лет.

Войны XVIII в., хотя и были весьма жестоки и длительны (например, война за испанское наследство, Северные войны, Семилетняя война), все же не вносили такого разрушения в жизнь страны, как войны предыдущих столетий (Тридцатилетняя, Столетняя). Все это, вместе взятое, и привело к тому, что смертность в XVIII в. снизилась. В результате динамика коэффициента смертности в XVIII в. имеет уже совсем иной вид. Это можно видеть на примере материалов по трем городам: Аугсбургу, Страсбургу и Бреславию¹.

В е к а	Аугсбург		Страсбург		Бреславль	
	общее количество лет	в том числе годы «пиков»	общее количество лет	в том числе годы «пиков»	общее количество лет	в том числе годы «пиков»
XVI	100	14	17	3	100	9
XVII	100	7	43	4	100	4
XVIII	100	2	45	1	100	2

В XVIII в. «пики» смертности почти исчезают: срезанием этих «пиков» и объясняется падение смертности.

Если в XVI—XVII вв. резкий подъем числа умерших в отдельные годы встречался довольно часто (см. рис. 7), то в XVIII в. картина уже иная. Годы сильных эпидемий встречаются лишь 2—3 раза в столетие. Кривая смертности начинает выравниваться.

Влияние «пиков» кривой смертности очень значительно. Например, по Страсбургу в 1564—1600 гг. за 17 лет, по которым имеются данные, коэффициент смертности равнялся 53 на 1 000. Если же исключить 3 года «пиков», то средний коэффициент смертности упадет до 39. Для периода 1601—1633 гг. соответственные цифры — 52 и 39. Из этого видно, что срезание «пиков» давало снижение на 25%.

О влиянии «пиков» на уровень смертности можно судить также по материалам г. Аугсбурга (см. табл. на стр. 230).

По количеству лет годы «пиков» составили седьмую часть от общего числа лет, а по количеству умерших — третью.

¹ Цифры по Аугсбургу взяты из гравюры на меди, находящейся в городском архиве Аугсбурга, на которой приведены цифры рождений, смертей и браков по городу за 1501—1750 гг. (воспроизведена по Fischer, op. cit., B. I, S. 66). Цифры по Страсбургу взяты из статьи E e b e r g, Strassburgbevölkerungszahl seit Ende des 15 Jahrhunderts bis zur Gegenwart. «Jahrb. f. Nationalök. und Statistik», 1885, B. VIII, S. 415, 421, 424, 426—428. Эеберг в свою очередь заимствовал эти цифры из книги Jean Fred Hermann, Notices historiques, statistiques etc., sur la ville de Strassbourg, v. II, 1809, p. 87. ff. Цифры по Бреславию взяты из книги J. Graetzer, Edmund Halley und Caspar Neumann. Ein Beitrag zur Geschichte der Bevölkerungsstatistik. Breslau 1883, S. 89—91.

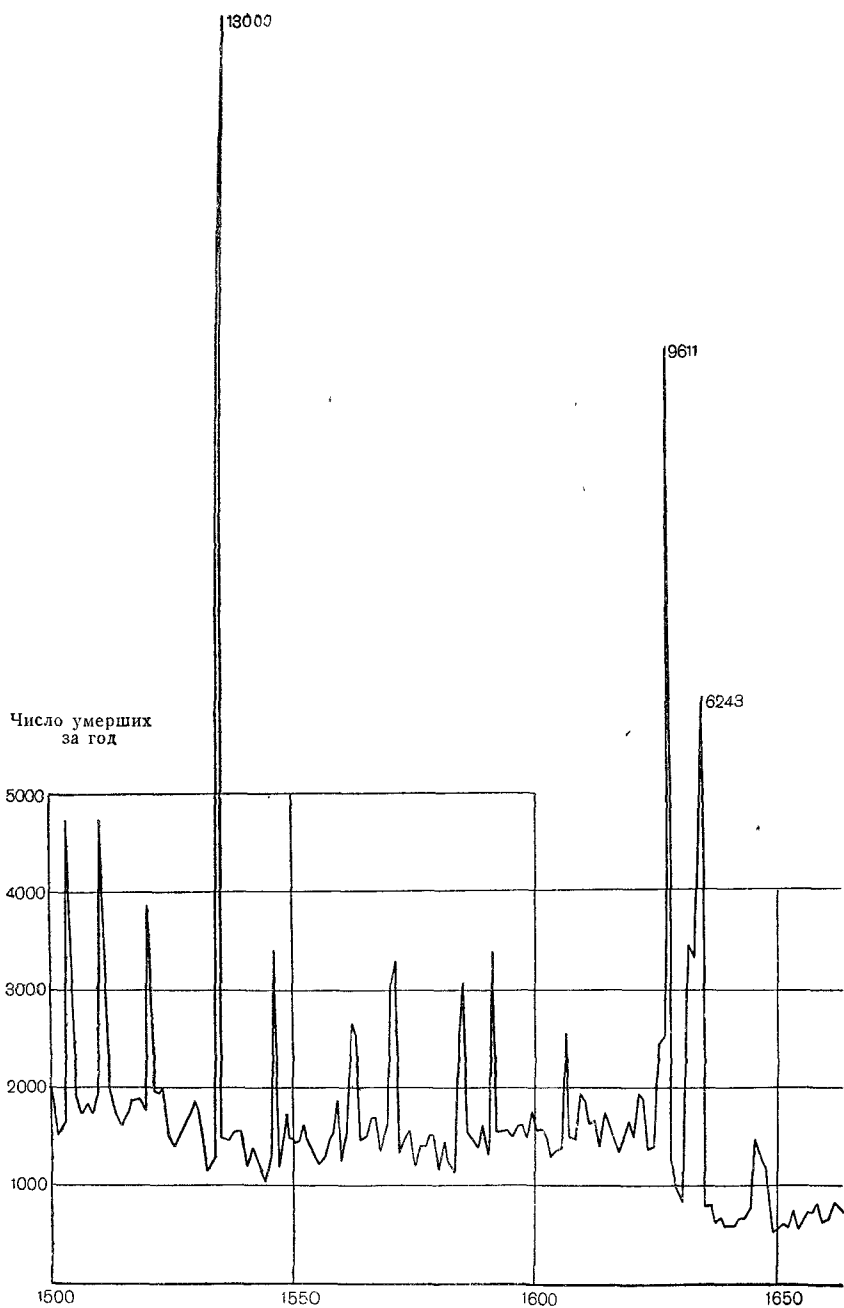

Рис. 7. Динамика числа умерших по г. Аугсбургу за 1500—1650 гг. На графике отчетливо видны «пики» смертности в годы эпидемий

Полстолетия	Общее число умерших	В том числе в годы „пиков“	Доля умерших в годы „пиков“ (в %)
1501—1550	87 497	36 554	42
1551—1600	84 708	20 682	24
1601—1650	86 851	32 456	37
В среднем . . .	259 056	89 692	35

Из этого ясно, что срезание «пиков» дает сильное снижение смертности.

Аналогичные явления можно проследить и по материалам сельских местностей. Так, в сельской местности Zittow (Мекленбург-Шверин) колебания смертности в десятилетие 1670—1679 гг. выражались в следующих цифрах¹:

Годы	Число случаев смерти	Годы	Число случаев смерти
1670	10	1675	17
1671	12	1676	73
1672	10	1677	18
1673	16	1678	9
1674	7	1679	19

Уровень смертности в 1676 г. в 4 раза превышал средний уровень. В XVIII в. в этой же местности еще наблюдались случаи резкого возрастания числа умерших, но эти «пики» не были столь острыми: смертность в эти годы не более чем в 2 раза превышала обычную. Это означает снижение уровня смертности.

О размере этого снижения говорят приведенные материалы: по Англии — на 10—11%, по германским государствам — на 10—15, по Страсбургу — на 25%. Снижение смертности в XVIII в. характерно не только для Западной, но и для Восточной Европы. Стабилизация политической и экономической жизни в России после петровских реформ привела к значительному снижению смертности. В XVIII в. Россия уже не знает смертоносных катастроф, которыми были так «богаты» XVI и XVII вв. Эпидемии, правда, были (например, эпидемия чумы в Москве в 1771 г.), но они уже не были всеобщими. Неурожаи хотя и были, но они не приводили к таким катастрофическим последствиям, как во времена Бориса Годунова. Именно снижением смертности от внезапных бедствий, главным образом от эпидемий и голода, и объясняется бурный рост населения в России в XVIII в.

Попробуем подойти к определению коэффициента рождаемости и смертности в XVIII в. В основу положим уровень начала XIX в., установленный для Европы Сундбергом²:

¹ Albrecht Edmund, Die Bevölkerungsbewegung einer mecklenburgischen Landgemeinde vom 17 bis zum 20 Jahrhundert t. Archiv für Bevölkerungswissenschaft und Bevölkerungspolitik, 1940, J. 10, H. I, S. 34.

² См. Sundbärg, Aperçus etc., 1908, p. 84.

Коэффициент	На 1 тыс.
Рождаемости	38,5
Смертности	32,1
Естественного прироста	6,4

Но этот уровень находился под влиянием наполеоновских войн. Поэтому для последней четверти XVIII в. мы примем уровень рождаемости в 39 на 1 000; уровень смертности получим путем вычитания из уровня рождаемости естественного прироста того периода в размере 7,1 на 1 000, т. е. получим 31,9.

Если считать уровень рождаемости неизменным для XVIII в., то картина основных показателей движения населения будет такова (используя добытые нами ранее данные о естественном приросте):

Динамика коэффициента смертности в Европе в XVIII в., исходя из гипотезы неизменного уровня рождаемости

Периоды	Коэффициент рождаемости	Коэффициент смертности	Коэффициент естественного прироста
1700—1725	39,0	37,1	1,9
1725—1750	39,0	34,5	4,5
1750—1775	39,0	34,1	4,9
1775—1800	39,0	31,9	7,1

Полученный ряд дает падение смертности на 14%; цифра, тесно согласующаяся с материалами по Англии и Пруссии. Если мы учтем, что рождаемость, вероятно, несколько возросла, то тогда цифру снижения смертности надо немного уменьшить.

В общем можно считать, что в XVIII в. в Европе в результате преодоления резких подъемов кривой смертности в годы голода и эпидемий произошло значительное снижение смертности (в размере 10—12%). Подобное снижение смертности и привело к увеличению естественного прироста в 4 раза.

ЧАСТЬ IV

ПРОМЫШЛЕННЫЙ КАПИТАЛИЗМ

1. ВВЕДЕНИЕ

Эпоха промышленного капитализма почти полностью покрывается XIX в., а этот последний, по выражению английского экономиста Джиффена (Giffen), был веком статистики. И действительно, XIX век был веком расцвета демографической статистики, получившей на протяжении этого столетия широкое развитие почти во всех странах Европы.

Переписи населения — основной источник демографических знаний — получили свое распространение в Европе именно в начале XIX в. (лишь скандинавские страны при помощи ведения списков жителей имели точные данные о населении еще в XVIII в.) В 1801 г. в Англии и Франции были произведены первые переписи. Через 15 лет перепись была произведена в германских государствах, в 1818 г. — в Австрии, в 30-х и 40-х годах — в Швейцарии, Бельгии, Голландии, в 1861 г. — в Италии.

Некоторые европейские страны очень отстали в этом отношении. Например, на Балканском полуострове первые переписи были произведены лишь в последней четверти XIX в. (в Греции — в 1879 г., в Сербии — в 1887 г., в Болгарии — в 1888 г.). В России, как известно, первая научная перепись была произведена лишь в 1897 г. Даже к началу XX в. в Европе остались еще страны, не знавшие ни одной переписи населения (Турция). Несмотря на это, в отношении XIX в. мы не имеем оснований говорить о скудости статистических сведений по населению.

Наряду с переписями большое развитие получает так называемая текущая статистика населения. Гражданская регистрация рождений, браков, разводов и смертей получает все большее и большее распространение. Это облегчило возможности учета и публикации. Но даже и в тех странах, где этой гражданской регистрации не было, учет указанных выше явлений был налажен на основе церковной регистрации. В России, например, это дело было поставлено сравнительно неплохо еще задолго до введения гражданской регистрации. Точно так же в XIX в. была начата статистика миграционных процессов.

Таким образом, в XIX в. мы получаем возможность оперировать огромным богатством статистического материала в отношении населения. Наличие таких материалов побудило нас видоизменить структуру изложения. Теперь уже нет нужды говорить об отдельных странах порознь, составляя ряд динамики численности населения. Этот ряд в результате трудов некоторых демографов имеется в готовом виде. Поэтому внимание следует сосредоточить не на конструировании ряда, а на его анализе. Ввиду этого территориальный разрез изложения всей части мы сочли более уместным заменить тематическим.

* * *

Французская революция 1789 г. и наполеоновские войны в начале XIX в. ликвидировали феодализм в большинстве стран

Европы. Наступила эпоха промышленного капитализма.

Начало этой эпохи следует отнести к концу XVIII в., так как именно в последние десятилетия XVIII в. произошла так называемая промышленная революция. Изобретения усовершенствованного парового двигателя, прядильных машин, механических ткацких станков, успехи в металлургии и многие другие изобретения были теми ударами, которые уничтожили старую мануфактурную систему и создали предпосылки для новой системы промышленного производства, основанной на механизации производственного процесса и на изменении энергетической базы производства.

Промышленная революция в Англии лишь примерно на 20 лет опередила социальную революцию во Франции. Поэтому конец XVIII в. можно по справедливости считать началом новой истории, нового общественного строя в европейских странах.

Конец периода промышленного капитализма совпадает с концом XIX в. На рубеже XIX и XX веков промышленный капитализм перерастает в новую стадию развития — в империализм. Поэтому мы не делаем натяжки, когда рассматриваем весь период 1800—1900 гг. как период начала и конца промышленного капитализма в Европе.

Промышленный капитализм в Европе принес с собой бурное, неслыханное дотоле, развитие индустрии. Если к началу XIX в. объем производства каменного угля в Европе выражался в цифре 11 млн. т, то к концу века он поднялся до 400 млн. т. Производство чугуна увеличилось с 0,7 млн. т до 26 млн. т, производство стали возросло еще сильнее, потребление хлопка увеличилось в 20—25 раз.

Наряду с ростом промышленности большие успехи можно отметить также и в области сельского хозяйства. Урожайность зерновых с 6—10 ц с 1 га в начале XIX в. поднялась (в странах Западной Европы) до 12—17 ц к концу века. Посевы расширились более чем в 1,5 раза. Численность скота возросла в 1,5—2 раза. Вес головы скота также значительно возрос.

Неузнаваемым стал транспорт. Начало XIX в. не знало другого вида сухопутного транспорта, кроме гужевого; в конце века имелось уже 284 тыс. км железнодорожных путей, изрезавших всю Европу. В водном транспорте тоже произошли большие сдвиги: место парусных кораблей заняли «пловучие города», большие океанские пароходы. Если в конце XVIII в. Франклину на паруснике потребовалось 42 дня, чтобы покрыть расстояние между Америкой и Европой, то к концу века на океанском пароходе требовалось уже только 7 дней. Наряду с этим фрахт за провоз грузов значительно снизился. Это сделало выгодным, вопреки предсказаниям Рикардо, кормить Европу далеким заморским хлебом и открыло перед ней возможности широкого индустриального развития.

Все это показывает, что XIX век в Европе принес с собой

бурное развитие производительных сил; население — главнейшая производительная сила — возросло также бурным темпом.

Наряду с этим и в структуре населения произошли существенные изменения. Промышленный капитализм означал в то же время колоссальную концентрацию населения на небольших пространствах; все бóльшая и бóльшая часть населения стала селиться в городах и притом в крупных. Если в 1800 г. в больших городах Европы (т. е. в городах с населением свыше 100 тыс. жителей) проживало всего 2,9% населения, то к 1860 г. этот процент возрос до 7,8, а к 1900 г. — до 16,5, т. е. почти в 6 раз. Если в начале века удельный вес городского населения во всем населении Европы не намного превышал 10%, то к концу века он уже превысил одну треть. Подобное развитие городской жизни имело весьма далеко идущие последствия как политические, так и экономические, демографические и др.

2. ОБЩИЙ ПРИРОСТ НАСЕЛЕНИЯ ЗА СТОЛЕТИЕ В ЦЕЛОМ

Мы уже говорили, что для XIX в. нет нужды производить исследования по отдельным странам. На каждый год, оканчивающийся нулем, имеются готовые ряды численности населения по каждой стране. Так, имеется ряд, составленный Сундбергом и опубликованный в его ценном статистическом справочнике «Aperçus statistiques internationaux». Кроме того, имеется ряд Эльстера (Elster), опубликованный им в «Handwörterbuch der Staatswissenschaften» (статья «Bevölkerungslehre», В. II, 4 Aufl.). Далее, имеются цифры Юрашека (Jurасheck)¹ и других географов и демографов. Так как в ряде стран переписей в начале и середине XIX в. еще не было, то авторы этих рядов вынуждены были заполнить соответствующие пустые места на основе различных косвенных материалов². Вследствие этого между таблицей Сундберга, таблицей Эльстера и рядом Юрашека получились расхождения. Однако расхождения между этими источниками очень незначительны³ (см. табл. на стр. 235. Цифры, принятые нами, см. в табл. на стр. 237).

Отметим наиболее существенные расхождения с цифрами, которые положены в основу расчетов у нас. По Германии у нас на 200 тыс. человек

¹ Hübner's Geogr. Stat. Tabellen aller Länder d. Erde, 1901.

² Кстати сказать, ни Сундберг, ни Эльстер не говорят о том, что это за материал и как они им воспользовались.

³ Следует указать, что некоторые авторы указывают цифры населения Европы к 1800 г., довольно значительно отклоняющиеся от цифр Сундберга и Эльстера. Например, Левассер и Бодю определяют население Европы к 1800 г. в 175 млн. (См. Lévassieur et Bodio, Statistique de la superficie et de la population des contrées de la terre.— Bulletin Inst. Int. de Stat., 1902, v. 12, l. 2, p. 106), Бургдорфер — в 172 млн. («Volk ohne Jugend», 1932, S. 345), а наш соотечественник Евдоким Зябловский называл цифру в 160 млн. человек (см. его «Статистическое описание Российской империи», Спб. 1808, т. 1, стр. 33, где он пишет: «Всех вообще жителей в Европе полагают до 160 млн.»).

Страны	Население европейских стран (в млн.) к 1800 г. по		
	Эльстеру	Сундбергу	Юрашеку
Германия	24,5	24,5	24,5
Франция	26,9	26,9	26,9
Соединенное королевство	16,4	16,3	16,2
Италия	18,1	18,1	16,8
Испания и Португалия	14,4	15,1	14,5
Австро-Венгрия	24,3	24,0	24,3
Балканы	12,2	11,2	11,9
Скандинавские государства	4,2	4,2	4,4
Швейцария, Бельгия, Голландия	6,9	6,9	6,8
Россия	39,0	40,1	38,8
Мелкие государства Европы (Люксембург и др.)	0,4	0,4	—
Итого .	187,3	187,7	185,1

больше, отчасти потому, что мы исходили из 3% недоучета населения по переписи 1816 г.¹

По Франции у нас расхождение на 400 тыс. человек, причем причина его остается неясной. Перепись 1801 г. дала 27,3 млн. человек; считая, что за один год Франция дала примерно 200 тыс. прироста, мы получили для 1800 г. 27,1 млн. человек. Но надо учесть, что территория Франции 1913 г. на 4 тыс. км² больше территории 1801 г. Считая 50 человек на 1 км², получаем 200 тыс. Прибавляя их, мы вновь возвращаемся к цифре переписи 1801 г. Мы не видим никаких оснований брать 26,9.

По Соединенному королевству расхождение возникло вследствие того, что как Сундберг, так и Эльстер пользовались несколько завышенными цифрами по Шотландии и Ирландии (перепись 1801 г. дала 7 млн., а по Эльстеру и Сундбергу — 7,2 млн. человек).

Более заметное расхождение цифр по Пиренейскому полуострову. Здесь Сундберг, а также и Эльстер исходят из преувеличенных цифр населения Испании в начале XIX в. Наша цифра нам представляется более правильной, так как она основана на увязке динамики XVIII в. с динамикой XIX в.

По балканским странам выше принимались цифры Эльстера. Будем придерживаться их и в дальнейшем.

Внеся некоторые изменения в ряды Сундберга в отношении 1800 г., мы вынуждены внести дальнейшие изменения и в цифры, относящиеся к последующим десятилетиям. В целом после некоторых незначительных поправок²

¹ Хотя официальная германская статистика не признает недоучета в 1816 г., тем не менее в нем трудно сомневаться. Это можно видеть хотя бы из того, что если оставить цифру 1816 г. без поправки, то по отдельным частям Германии темпы роста в 1816—1819 гг. получаются совершенно невероятные, например, в Западной Пруссии—3,43% в год, в Восточной Пруссии—4,21, а в Мекленбург-Шверине—7,65%. Дело здесь не в миграции, а в большом недоучете населения. Если бы было учтено все население, то цифра 1816 г. была бы больше и темп роста за 1816—1819 гг. меньше. Сравните это с тем, что было оказано о переписи 1816 г. на стр. 208.

² Эти поправки сводились к следующему:

а) по Германии за 1820 и 1830 гг. цифры взяты из немецких статистических ежегодников;

б) по Испании и Португалии на протяжении всего XIX в. взяты цифры, исчисленные нами.

динамика населения стран Европы на протяжении XIX в. может быть представлена в следующем виде:

*Динамика населения Европы по десятилетиям XIX в.
(в млн. человек)*

Г о д ы	Население в целом	Абсолютный прирост	% прироста за десятилетие	Среднегодовой % роста
1800	186,9	—	—	—
1810	198,9	12,0	6,4	0,62
1820	212,2	13,3	6,7	0,65
1830	233,0	20,8	9,8	0,94
1840	251,1	18,1	7,8	0,75
1850	266,9	15,8	6,3	0,61
1860	283,4	16,5	6,2	0,60
1870	305,9	22,5	7,9	0,76
1880	332,3	26,4	8,6	0,83
1890	363,5	31,2	9,4	0,90
1900	398,8	35,3	9,7	0,93

Налицо неуклонный и сильный рост населения Европы. В целом на протяжении XIX в. число жителей в Европе возросло более чем в 2 раза. Однако темп этого возрастания был далеко не равномерен (см. график).

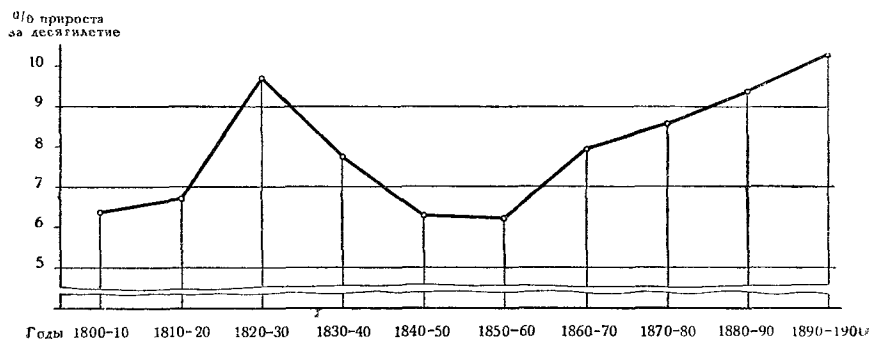

Рис. 8. Темп роста населения Европы по десятилетиям XIX в.

На графике отчетливо видна закономерность роста населения. Процент прироста за десятилетие не колеблется беспорядочно от одного десятилетия к другому, а изменяется в определенном направлении. Первые десятилетия дают рост, затем наступает падение, за ним опять рост до конца столетия.

Разгадка этих колебаний не составляет трудностей. Десятилетие 1820—1830 гг. — это первое десятилетие века после конца наполеоновских войн. Снижение темпов роста в 1840—1850 гг. по сравнению с предшествующим десятилетием объясняется эпидемиями холеры, политическими потрясениями и усилившейся эмиграцией за океан. Последовавший затем неуклонный рост

темпов вплоть до конца столетия объясняется, главным образом, снижением смертности. Некоторое затухание прироста темпов в последние десятилетия следует приписать влиянию изменений в области процессов рождаемости и миграции.

В среднем для всего XIX в. прирост населения Европы равен 0,77‰ в год. Эта цифра значительно превышает темпы роста всех предыдущих столетий. Темп роста населения Европы в XIX в. в 7 раз больше темпов роста феодальной Европы, в 3 раза больше темпов эпохи первоначального накопления, в 1,5 раза больше темпов XVIII в. И это несмотря на то, что Европа потеряла миллионы эмигрантов, отправлявшихся за океан.

Рост населения довольно значительно колебался от страны к стране. В целом за XIX в. страны Европы дали такой прирост населения:

*Сравнение населения отдельных стран Европы в 1900 г.
с населением в 1800 г.*

Страны	Население (в млн.)		% прироста за столетие	Среднегодовой процент роста
	1800 г	1900 г		
Англия, Уэльс и Шотландия	10,9	36,8	237,6	1,22
Россия	39,0	111,2	185,1	1,05
Дания	0,9	2,4	166,7	0,99
Норвегия	0,9	2,2	144,4	0,90
Германия	24,3	56,4	132,0	0,85
Нидерланды	2,2	5,1	131,8	0,84
Бельгия	3,0	6,7	121,7	0,81
Швеция	2,3	5,1	121,1	0,80
Австро-Венгрия	24,3	47,2	94,2	0,67
Швейцария	1,7	3,3	94,1	0,67
Италия	18,1	32,8	81,2	0,60
Испания	10,5	18,6	77,1	0,57
Балканы	12,2	21,4	75,4	0,56
Португалия	3,4	5,4	58,8	0,46
Франция	27,3	38,9	42,5	0,35
Ирландия	5,5	4,5	-18,2	-0,20

Первое место среди всех стран Европы занимает Англия. За XIX в. население на родине Мальтуса возросло почти в 3,5 раза, т. е. выше чем в какой-либо другой стране Европы. Таким образом, максимальный рост населения в XIX в. приходится на страну, в которой промышленность сделала наибольшие успехи. Вслед за тем идет Россия, которая на протяжении столетия почти утроила свое население. Вообще XIX век характеризуется усиленным увеличением народонаселения на востоке (Россия) и северо-западе и севере Европы. Несколько более слабые темпы дает Средняя Европа и еще более слабые — Южная Европа (Балканы, Португалия).

Последнее место в ряду стран, давших прирост, занимает Франция, которая за 100 лет не увеличила своего населе-

ния даже наполовину. Наконец одна страна (Ирландия) не увеличила, а уменьшила свое население (о ней см. стр. 330—331).

Знание одного прироста населения еще очень мало дает для понимания существа процессов динамики населения. Один и тот же прирост населения может происходить в результате весьма различных демографических условий. США, например, в своем росте населения в значительной степени обязаны притоку населения из Старого Света, Югославия свой высокий рост населения в настоящее время получает лишь благодаря высокой рождаемости, население Голландии растет, главным образом, благодаря низкой смертности и т. д. Чтобы выяснить, за счет чего происходил рост населения, нужно перейти к цифрам, характеризующим отдельные компоненты динамики населения, а именно к цифрам рождаемости, смертности, миграций, брачности.

3. ДИНАМИКА РОЖДАЕМОСТИ

К сожалению, точной картины динамики рождаемости мы получить не можем, так как регистрация ее в начале XIX в. была только в скандинавских странах и во Франции. Лишь начиная с 1841 г. можно получить более или менее достоверные материалы о числе родившихся в Европе. Однако Сундберг, применив ряд интерполяционных расчетов, все же дает коэффициенты рождаемости с начала XIX в. Эти коэффициенты, не претендуя на точность, дают представление о тенденциях в динамике рождаемости в Европе XIX в.

Рождаемость в Европе в XIX в.¹

Г о д ы	Родилось в среднем в год (в тыс)	Коэффициент рождаемости на 1 тыс жителей	Первая разность коэффициентов рождаемости
1801—1810	} 7 675	38,5	
1811—1820			
1821—1830	8 893	39,8	+ 1,3
1831—1840	9 344	38,6	— 0,8
1841—1850	9 833	37,9	— 0,7
1851—1860	10 350	37,9	0,0
1861—1870	11 367	38,6	+ 0,7
1871—1880	12 332	38,9	+ 0,3
1881—1890	13 223	38,1	— 0,8
1891—1900	14 064	37,0	— 1,1

Количество родившихся увеличилось меньше чем в 2 раза, а население возросло больше чем в 2 раза. Поэтому коэффициент рождаемости конца XIX в. несколько меньше этих же коэффициентов начала XIX в.

¹ См. Sundbärg, Aperçus etc, p. 92. Здесь, как и всюду в данной работе, имеются в виду только живорожденные.

Кривая рождаемости показывает некоторый рост в первое мирное десятилетие. После окончания периода послевоенной компенсации рождаемость несколько сократилась. Бурные 40-е годы продолжили этот процесс понижения, который сменился легким повышением в 60-х годах. В конце XIX в. обозначилось новое явление — падение рождаемости, которое приобрело в дальнейшем решающее значение в динамике населения европейских государств.

Более точно это явление может быть прослежено на основе погодной динамики рождаемости в Европе за 60 лет (с 1841 по 1900 г.). За весь этот период коэффициент рождаемости ни разу не опускался ниже 35,9 и не подымался выше 39,9. Таким образом, размах ряда рождаемости определяется в 11%.

О колебаниях коэффициента рождаемости можно получить представление из следующей таблицы:

Колебания коэффициента рождаемости в Европе за 1841—1900 гг.

Коэффициент рождаемости	Число лет с указанным коэффициентом рождаемости		
	за 1841—1870 гг	за 1871—1900 гг	Всего
35,0—35,9	1	0	1
36,0—36,9	3	5	8
37,0—37,9	6	8	14
38,0—38,9	17	11	28
39,0—39,9	3	6	9
Итого лет	30	30	60

Таким образом, из 60 случаев (лет) почти половина приходится на коэффициент рождаемости, равный 38. Это — модальный коэффициент рождаемости Европы XIX в. Довольно часто встречался коэффициент 37; зато коэффициент 35 был только один раз — в 1855 г. Важно отметить случаи появления коэффициента рождаемости 39. Впервые он появляется в 1859 г., затем исчезает и 2 раза появляется в 60-х годах. Особенно «богаты» этим коэффициентом 70-е годы. Коэффициент 39 держался непрерывно в течение 5 лет, с 1872 г. по 1876 г. В 80-х годах коэффициент 39 появился уже всего один раз (в 1884 г.) и затем исчез безвозвратно: больше Европа такого коэффициента рождаемости уже не имела.

Рассматривая график, мы видим, что рождаемость в Европе шла волнообразно, тесно следуя политическим и экономическим событиям той эпохи. Наиболее высокий уровень рождаемости дала волна 70-х годов: оживление, наступившее после экономического кризиса начала 70-х годов. Вершину этой волны — 1876 год — можно рассматривать как переломный год в истории

рождаемости в Европе: достигнув максимума, она начинает идти на убыль.

Если для Европы в целом явление падения рождаемости есть явление последней четверти XIX в., то в отдельных странах падение рождаемости наступило еще до этого. Раньше всего оно началось в Финляндии, затем во Франции. Динамика рождаемости во Франции в XIX в. видна из следующих цифр¹ (см. табл. на стр. 241).

Франция XIX в. является классическим примером страны, вступившей на путь искусственного ограничения числа детей. На протяжении всего столетия коэффициент рождаемости, взятый в коэффиц рождаемости.
(на 1000 чел.)

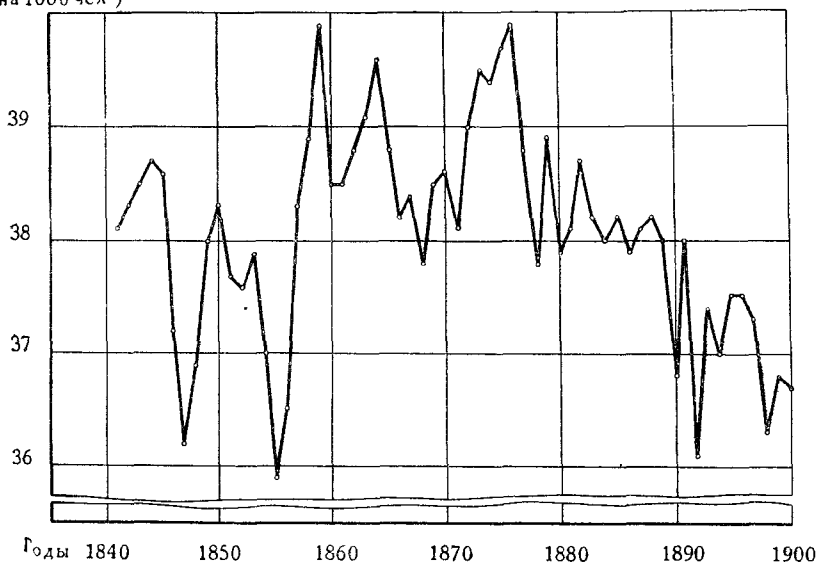

Рис. 9. Динамика коэффициента рождаемости в Европе за 1841—1900 гг.

виде пятилетних средних, неуклонно сползал. Лишь в период 1855—1865 гг. он несколько повысился: в 1861—1865 гг. число родившихся, вероятно, впервые в истории Франции, перевалило за миллион. Но затем коэффициент снова стал неуклонно падать, причем темп этого падения еще усилился во время Третьей республики. Всего за 100 лет коэффициент рождаемости сократился больше чем на треть.

В других европейских странах снижение рождаемости началось лишь в 70-х годах XIX в. Именно к этому времени относится широкое распространение неомальтузианской пропаганды и внедрение практики контрацепции: народы Европы, под давлением экономических обстоятельств, встали на путь регулиро-

¹ См. Sundbarg, Aperçus etc., an. 11, p. 81. Последняя графа исчислена нами.

Динамика рождаемости во Франции в XIX в.

Г о д ы	Среднегодовое число родившихся (в тыс.)	Коэффициент рождаемости (на 1 тыс. человек)	Разность коэффициентов рождаемости
1801—1805	912	33,06	
1806—1810	924	32,71	— 0,35
1811—1815	931	31,93	— 0,78
1816—1820	955	31,67	— 0,26
1821—1825	972	31,04	— 0,63
1826—1830	977	30,17	— 0,87
1831—1835	975	29,39	— 0,78
1836—1840	959	28,25	— 1,14
1841—1845	976	27,99	— 0,26
1846—1850	950	26,59	— 1,40
1851—1855	940	25,84	— 0,75
1856—1860	967	26,37	+ 0,53
1861—1865	1 005	26,46	+ 0,09
1866—1870	999	25,90	— 0,56
1871—1875	929	25,49	— 0,41
1876—1880	941	25,33	— 0,16
1881—1885	935	24,68	— 0,65
1886—1890	883	23,04	— 1,64
1891—1895	857	22,31	— 0,73
1896—1900	849	21,87	— 0,44

вания размеров своей семьи. Весьма существенно отметить, что именно 70-е годы XIX в., которые для Западной Европы с точки зрения рождаемости являются переломными, в истории европейского капитализма также характеризуются как годы, в которых эпоха свободной конкуренции дошла до своего зенита. Ленин об этом писал: «Итак, вот основные итоги истории монополий: 1) 1860-ые и 1870-ые годы — высшая предельная ступень развития свободной конкуренции. Монополии лишь едва заметные зародыши. 2) После кризиса 1873 г. широкая полоса развития картелей, но они еще исключение. Они еще не прочны. Они еще переходящее явление...»¹ В другом месте этой же работы Ленин, беря цифры Сулана, относящиеся к 1876 г., пишет: «...Мы возьмем 1876 — пункт, выбранный очень удачно, ибо именно к этому времени можно, в общем и целом, считать законченным развитие западноевропейского капитализма в его до-монополистической стадии...»²

Снижение рождаемости в XIX в. было далеко не повсеместным. Восточная Европа оставалась совершенно индифферентной к этому явлению. Ранние браки сельского населения попрежнему давали высокую рождаемость в России и балканских странах. В других странах падение рождаемости не превысило 10%. Зато в Финляндии, Швеции, Англии оно приняло довольно значительные размеры. Общее представление о динамике рождае-

¹ Ленин, Соч., т. XIX, стр. 86.

² Там же, стр. 134—135.

мости в европейских странах можно получить из следующей таблицы:

Перелом в динамике рождаемости европейских стран

Страны	Годы перелома в динамике коэффициента рождаемости	Падение коэффициента рождаемости ¹	% падения рождаемости с момента перелома до конца века
Франция	Конец XVIII в.	С 33 до 21,6	34,6
Англия	70-е годы	» 36,4 » 28,7	21,2
Германия	70-е »	» 40,4 » 35,2	12,9
Италия	80-е »	» 38,3 » 33,4	12,8
Австрия Западная	70-е »	» 37,4 » 33,5	10,4
Швеция	50-е »	» 33,7 » 26,5	21,4
Финляндия	Середина XVIII в.	» 45,3 » 33,1	26,9
Норвегия	Рождаемость не падала		
Дания	80-е годы	» 32,4 » 29,5	9,0
Нидерланды	70-е »	» 36,4 » 32,0	12,1
Галиция и Буковина	Рождаемость не падала		
Венгрия	80-е годы	» 44,6 » 38,5	13,7
Россия	Рождаемость не падала		
Бельгия	70-е годы	» 32,4 » 28,5	12,0
Ирландия	70-е »	» 29,1 » 25,5	12,4
Швейцария	70-е »	» 31,3 » 28,2	9,9
Испания	60-е »	» 38,7 » 34,9	9,8
Португалия	Рождаемость не падала		
Балканские государства	» » »		

До сих пор в качестве показателей уровня рождаемости мы пользовались обычными коэффициентами рождаемости. Однако возникает вопрос, можно ли пользоваться этими коэффициентами рождаемости, которые в демографической литературе именуются *прудыми* коэффициентами. Быть может, никакого падения рождаемости не было, а коэффициенты снижались исключительно вследствие уменьшения удельного веса женщин в возрасте от 15 до 45 лет? Однако это не так. Возрастная структура населения Европы на протяжении XIX в. не обнаружила резких изменений. Правда, точно судить об этом трудно, так как первые переписи XIX в. не давали материалов о возрасте (по Англии, например, данные о возрасте имеются с 1841 г., по Франции — с 1851 г.). Все же по некоторым отрывочным данным можно вынести определенное суждение. Например, в Пруссии в 1816 г. детей до 14 лет было 34,6, а в 1900 г. — 33,2%; в Швеции в 1775—1800 гг. детей до 15 лет было 31,8, а в 1875—1900 гг. — 32,9%; во Франции в 1851 г.

¹ Уровень конца столетия получен как средняя из пятилетних средних за 1896—1900 и 1900—1905 гг.

женщин в возрасте от 20 до 39 лет было 31,1%, а спустя 50 лет— 30,1%.

Все же более точную картину мы получим, если возьмем коэффициент плодovitости, т. е. если мы будем относить количество родившихся не ко всему населению, а к числу женщин в возрасте 15—45 лет.

Число рождений на 1 тыс. женщин в возрасте 15—45 лет¹

Страны	1881—1890 гг	1891—1900 гг	1900—1910 гг.
Германия	166,8	162,5	157,8
Франция	115,5	98,9	96,5
Италия	159,5	—	154,0
Англия и Уэльс	149,1	129,7	114,3
Ирландия	107,8	99,1	97,3

И эти цифры согласованно показывают процесс понижения рождаемости. Таким образом, дело не в возрастной структуре, а в действительном, реальном снижении уровня рождаемости в Европе на протяжении последних десятилетий конца XIX в.

4. ДИНАМИКА СМЕРТНОСТИ

В отношении смертности Сундберг² также дает ряд, начиная с 1801—1820 гг., но цифры за первые четыре десятилетия XIX в. должны рассматриваться как приближенные.

Динамика смертности в Европе в XIX в.

Годы	Число умерших (в среднем в год в тыс)	Коэффициент смертности (на 1 тыс. человек)	Разность коэффициентов смертности
1801—1820	6 400	32,1	
1821—1830	6 747	30,2	— 1,9
1831—1840	7 561	31,2	+ 1,0
1841—1850	8 053	31,0	— 0,2
1851—1860	8 365	30,6	— 0,4
1861—1870	8 732	29,7	— 0,9
1871—1880	9 397	29,6	— 0,1
1881—1890	9 530	27,5	— 2,1
1891—1900	9 848	25,9	— 1,6

Динамика смертности резко отличается от динамики рождаемости. Если по рождаемости снижение началось лишь в конце XIX в., то в отношении смертности мы наблюдаем снижение

¹ См. Mombert, op cit., S. 309.

² Sundbarg, Aperçus etc., p. 92. Последняя колонка исчислена нами. Здесь, как и всюду в данной работе, в число умерших мертворожденные не включены.

почти на протяжении всего века. Исключением являются лишь 30-е и 40-е годы, когда экономический кризис и эпидемии холеры вызвали некоторый рост коэффициента.

В целом за столетие смертность снизилась на 19%. Более подробно о динамике смертности можно получить представление на основании погодных данных, начиная с 1841 г.

К коэффициент смертности
(на 1000 чел.)

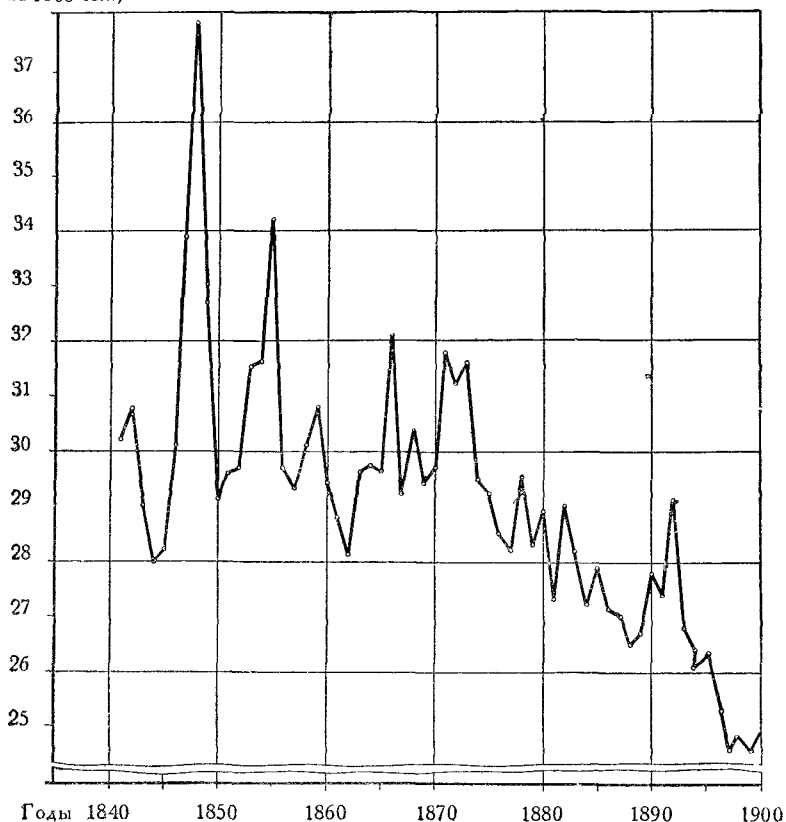

Рис. 10. Динамика коэффициента смертности в Европе за 1841—1900 гг.

На этом графике отчетливо видны «пики» смертности, вызванные определенными событиями: вторая эпидемия холеры в 1848 г., эпидемия 1854—1855 гг., голод в России в 1891—1892 гг., франко-прусская война 1871 г.

Общая тенденция к падению хотя и видна, но все же требует деления на два периода: первый период — до 70-х годов, второй период — от 70-х годов до конца века. Если в первом периоде смертность падает незначительно, то во втором периоде наступает стремительное снижение уровня смертности.

Важно отметить, что второй период в кривой смертности начинается с 70-х годов, т. е. как раз тогда, когда начинает снижаться коэффициент рождаемости. Демографам понятно, что между этими явлениями существует связь: падение рождаемости всегда вызывает понижение смертности, так как уменьшает удельный вес возрастов с высоким процентом смертности. Для того чтобы это стало яснее, представим себе крайний случай: в какой-либо стране год-два вовсе нет рождений. Тогда число умерших значительно сократится, ибо умерших младенцев, которые составляют значительную часть общего контингента умерших, не будет вовсе.

Учитывая, что в известной части падение смертности объясняется падением рождаемости, все же надо подчеркнуть, что в значительной мере падение смертности в XIX в. было результатом социально-гигиенических мероприятий и успехов медицины. Смертность от инфекционных заболеваний в результате прививок и ряда других открытий в медицине сократилась в несколько раз. Большое значение имело городское благоустройство, снизившее смертность в городах (водопровод, канализация, ассенизация и т. п.). Страны покрылись сетью больниц и других лечебных учреждений. В отношении целого ряда болезней медицина нашла успешные пути борьбы. Все это сказалось на понижении уровня смертности в стране.

Снижение смертности было неодинаково по всем странам, что можно видеть из следующих цифр:

Динамика коэффициента смертности (на 1 тыс. человек) в европейских странах в XIX в.

Годы	Англия и Уэльс	Дания ¹	Норвегия	Швеция	Финляндия	Австрия	Германия	Венгрия	Франция	Бельгия	Нидерланды	Швейцария
1801—1810	—	23,7	25,2	27,9	31,9	—	—	—	—	—	—	—
1811—1820	—	21,4	21,2	25,8	26,4	—	—	—	26,1	—	—	—
1821—1830	—	21,9	18,9	23,6	24,9	28,6	—	—	25,2	—	—	—
1831—1840	—	23,1	20,2	22,8	23,2	32,5	—	—	24,8	25,9	—	—
1841—1850	22,4	20,4	18,1	20,6	23,5	33,2	26,8	—	23,3	24,3	26,2	—
1851—1860	22,2	20,6	17,1	21,7	23,7	31,4	26,4	—	23,9	22,5	25,6	—
1861—1870	22,5	19,9	18,0	20,2	32,2	30,7	26,9	—	23,6	24,4	25,4	—
1871—1880	21,4	19,4	17,0	18,3	22,2	31,5	27,2	—	23,7	22,6	24,3	23,5
1881—1890	19,1	18,6	17,0	16,9	21,1	29,5	25,1	32,5	22,1	20,5	21,0	20,8
1891—1900	18,2	17,5	16,2	16,4	19,7	26,6	22,2	29,9	21,5	19,2	18,4	18,8

Начиная с 40-х годов сильнее всего смертность упала в Нидерландах (на 7,8 пункта) и в Австрии (на 6,6). За ними идут Бельгия (5,1), Германия (4,6), Швеция (4,2), Финляндия (3,8). Менее всего за период 1840—1900 гг. сократилась смертность в Норвегии и Франции, в первой — потому, что сильное падение смертности было уже до 40-х годов, во второй — потому, что падение

¹ «Annuaire statistique». Paris, v. 53, 1937, p. 259*.

рождаемости уменьшило удельный вес младенцев уже к 40-м годам XIX в.

Уровень смертности к концу столетия значительно колебался от страны к стране. Если в странах Восточной Европы он достигал 30%, то в передовых западных странах он падал до 17—18%. Наименьший уровень смертности был в Норвегии и Швеции.

5. ДИНАМИКА МИГРАЦИОННЫХ ПОТОКОВ

Эмиграция из Европы насчитывает несколько столетий. Еще в XVI в. испанцы и португальцы отправлялись в Новый Свет в поисках золота и приключений. В XVII в. началась колонизация Северной Америки англичанами и голландцами. В XVIII в. колонизация продолжалась, однако значительные размеры она приняла лишь в XIX в., начиная с 40-х годов.

Общую картину размеров заокеанской миграции дают следующие цифры¹:

Динамика заокеанской эмиграции в XIX в.

Г о д ы	Количество эмигрантов абс (в тыс человек)	На 1 тыс. жителей Европы
1801—1820	300	0,08
1821—1830	310	0,14
1831—1840	970	0,40
1841—1850	2 500	0,96
1851—1860	3 470	1,27
1861—1870	3 450	1,17
1871—1880	3 570	1,13
1881—1890	7 141	2,06
1891—1900	6 328	1,67

Какие страны были главными поставщиками эмигрантской массы? Это — Ирландия, Англия, Германия, скандинавские страны. Однако с течением времени национальный состав эмигрантов начинает меняться. Число немцев идет на убыль, зато усиливается роль чехов, итальянцев, евреев, поляков.

В период 1840—1900 гг. эмиграция из Европы приняла такие большие размеры, что стала сильно влиять на понижение прироста населения. В некоторых странах количество эмигрантов составляло половину естественного прироста населения. По отдельным странам соотношение естественного прироста и количества эмигрантов можно видеть из следующих цифр² (см. табл. на стр. 247).

На первом месте среди стран, поставлявших эмигрантов из Европы, стоит Соединенное королевство. Надо сказать, что не

¹ Sun db ä r g, Aperçus etc., p. 107.

² Ibidem, p. 102.

Естественный и действительный прирост населения в европейских странах на 1841—1900 гг. (в тыс.)

Страны	Естественный прирост (превышение числа родившихся над числом умерших)	Миграция	Действительный прирост населения
Швеция	2 845	— 847	1 998
Норвегия	1 440	— 443	997
Дания	1 303	— 154	1 149
Финляндия	1 254	— 75	1 179
Соединенное королевство	22 442	— 7 714	14 728
Голландия	2 538	— 255	2 283
Бельгия	2 729	— 107	2 622
Германия	28 435	— 4 853	23 582
Австро-Венгрия	16 503	— 1 510	14 993
Швейцария	1 185	— 100	1 085
Франция	4 693	+ 869	5 562
Италия	13 103	— 2 927	10 176
Испания	5 665	— 1 047	4 618
Португалия	2 346	— 648	1 698
Россия	57 543	— 3 443	54 100
Балканы	8 075	(+ 393) ¹	8 470
Разные территории	325	(+ 42)	367
Итого .	172 424	— 22 817	149 607

только ирландцы составляли контингент эмигрантов. Огромные массы англичан также уезжали из своей родины, рассчитывая найти за океаном лучшие условия существования.

На втором месте стоит Германия, которая за 60 лет дала почти 5 млн. человек, покинувших свои родные края.

Дальше идет Россия. Преобладающая масса эмигрантов из России — это евреи из местечек, гонимые притеснениями царских властей. За Россией идут Италия, Австро-Венгрия, Испания.

Если же взять относительные цифры, то на первые места, после Англии, выйдут скандинавские страны, которые почти треть своего прироста потеряли из-за эмиграции.

Единственной страной с положительным балансом мигрирующих масс являлась Франция. Французы редко эмигрировали, наоборот, во Францию устремлялось много рабочих из разных стран, гонимых нуждой и безработицей у себя на родине.

Из приведенных цифр видно, что в XIX в. миграция приобрела очень большие размеры: ни до этого века, ни в XX в. (кроме первого десятилетия) она не достигала таких величин. Понятно после этого, что в XIX в. миграция оказала довольно заметное влияние на соотношение между естественным и действительным приростом.

¹ Положительный баланс по Балканам надо рассматривать лишь как результат несогласованности цифр действительного и естественного прироста.

6. ЕСТЕСТВЕННЫЙ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЙ ПРИРОСТ НАСЕЛЕНИЯ

Для характеристики интенсивности процесса воспроизводства населения важно исследовать прирост населения, освобожденный от влияния миграционных потоков. Этот прирост, называемый естественным приростом, получается просто в виде разности между числом рождений и числом смертей. Сундберг дает следующие цифры естественного прироста для Европы XIX в.:

Динамика естественного прироста населения Европы в XIX в.

Г о д ы	Перевес числа родившихся над числом умерших за десятилетие (в тыс.)	Коэффициент естественного прироста (на 1 тыс. человек)
1801—1820	12 745	6,4
1821—1830	21 466	9,6
1831—1840	17 830	7,4
1841—1850	17 797	6,9
1851—1860	19 845	7,3
1861—1870	26 351	8,9
1871—1880	29 344	9,3
1881—1890	36 932	10,6
1891—1900	42 155	11,1

По отдельным годам колебания естественного прироста за период 1841—1900 гг. представлены на следующем графике (см. рис. 11 на стр. 249).

Естественные приросты населения Европы в 1841—1900 гг. могут быть сведены в следующий вариационный ряд:

Распределение коэффициентов естественного прироста населения Европы за 1841—1900 гг.

Размер коэффициента (на 1 тыс. человек, т. е. ‰)	Число лет с указанным естественным приростом
Естественная убыль	1
Прирост до 2,0	1
От 2,0 до 3,9	1
» 4,0 » 5,9	2
» 6,0 » 7,9	12
» 8,0 » 9,9	19
» 10,0 » 11,9	21
12,0 и более	3

60

Колеблемость естественных приростов не очень велика. Модальной величиной является коэффициент 10 (13 случаев из 60). Таким образом, чаще всего в течение 1841—1900 гг. население увеличивалось на 10‰, т. е. на 1% в год (если не принимать

во внимание эмиграцию за океан). Лишь в редкие годы естественный прирост опускался до низкого уровня. Таким, например, был 1849 год, носивший на себе отпечаток событий 1848 г. и эпидемии холеры. Низкий коэффициент дал также 1854 год, год эпидемии холеры, и предреволюционный 1847 г., давший

Коэффициент
естеств. прироста
(на 1000 чел.)

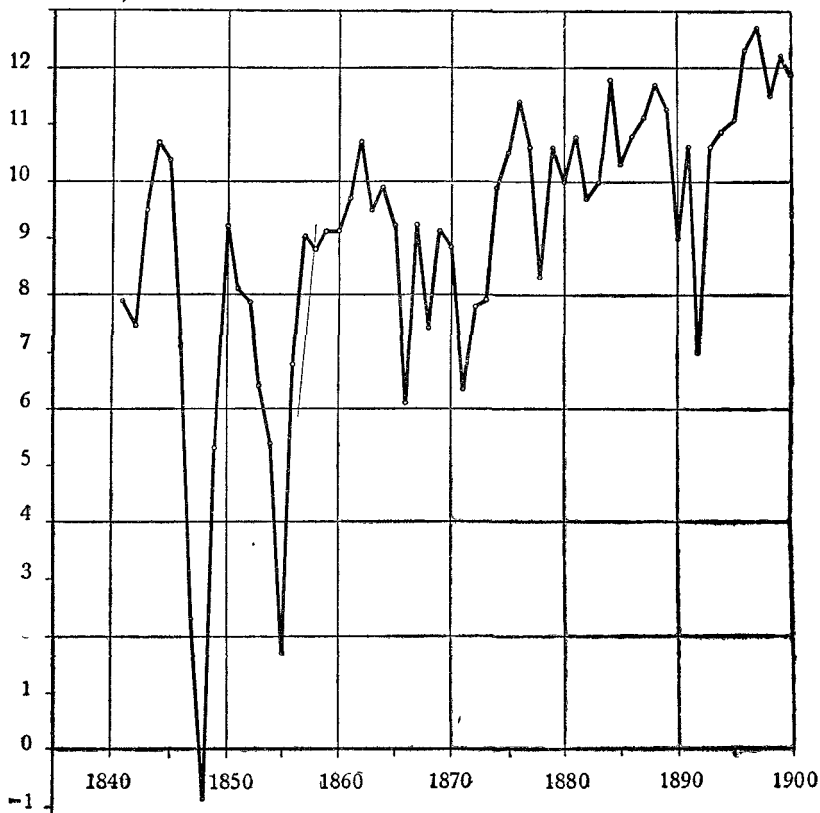

Рис. 11. Динамика коэффициента естественного прироста в Европе за 1841—1900 гг.

большую смертность. Самый низкий прирост был в 1855 г., надо думать, под влиянием эпидемии холеры и Крымской войны.

Наконец, один год дал даже превышение числа смертей над числом рождений: это был 1848 год, год особенно высокой смертности.

В целом же XIX в. дает высокие демографические показатели. Если в первой половине века коэффициент естественного прироста был равен 7,3, то во второй половине века он уже был равен 9,6. На рубеже двух столетий этот коэффициент увеличился до 12. Та-

кого коэффициента естественного прироста ранее никогда не было. Однако при общем большом росте по Европе в целом XIX век дал первые предостерегающие сигналы. Сигнализирующей страной была Франция. Сокращение рождаемости во Франции привело к значительному уменьшению прироста населения.

В первой половине XIX в. падение рождаемости во Франции еще не сказалось на приросте населения. Во всяком случае, в 1846 г. не было ни одного департамента, который не дал бы роста населения по сравнению с 1801 г. Зато в следующие десятилетия положение значительно ухудшилось. В период 1846—1872 гг. из 89 департаментов в 44 было зарегистрировано уменьшение численности населения. В 1872—1886 гг. положение несколько улучшилось. Только 27 департаментов дали убыль населения. Но особенно катастрофические размеры демографические показатели дали после переписи 1911 г. Оказалось, что за 25 лет (т. е. с 1886 по 1911 г.) только 28 департаментов дали рост населения, остальные 59 дали снижение числа жителей. Из этого видно, что уже перед мировой войной Франция находилась в очень тяжелом положении: две трети ее департаментов за большой период в четверть века дали абсолютную убыль в численности населения.

Таким образом, если в целом по Европе XIX век дал показатели интенсивного роста, то отдельные страны (Франция) уже обнаруживают первые прозные симптомы демографического неблагополучия.

7. ДИНАМИКА БРАЧНОСТИ

Количество браков на 1 тыс. жителей в 1840—1900 гг. в Европе выражалось в следующих цифрах:

Динамика коэффициента брачности в Европе за 1840—1900 гг.

Г о д ы	Коэффициент брачности (на 1 тыс. человек)
1841—1850	8,28
1851—1860	8,24
1861—1870	8,60
1871—1880	8,45
1881—1890	8,02
1891—1900	8,08

Коэффициент брачности может служить надежным показателем лишь при сравнении за короткие промежутки времени. Если речь идет о сравнении динамики этого коэффициента за ряд десятилетий, то это является возможным лишь при неизменности возрастной структуры населения. Представим себе страны с возрастающей рождаемостью. В такой стране удельный вес детей будет неуклонно расти. В этом случае, если даже интенсивность заключения браков среди населения в возрасте 15—45 лет останется без

изменения, коэффициент брачности даст падение только вследствие роста числа детей, т. е. населения, так сказать, «внебрачного» возраста. Брать в качестве знаменателя не все население, а только население в возрасте свыше 15 лет, тоже будет неточно. Более правильным будет нахождение следующих, так называемых специфических, коэффициентов брачности:

1. $\frac{\text{Число мужчин, впервые вступивших в брак}}{\text{Число неженатых мужчин в возрасте 20—50 лет}}$
2. $\frac{\text{Число вдовцов и разведенных, вступивших в брак}}{\text{Число вдовцов и разведенных в возрасте 20—65 лет}}$
3. $\frac{\text{Число женщин, впервые вступивших в брак}}{\text{Число незамужних женщин в возрасте 20—50 лет}}$
4. $\frac{\text{Число вдов и разведенных, вступивших в брак}}{\text{Число вдов и разведенных в возрасте 20—65 лет}}$

Из этих четырех коэффициентов наиболее существенным является первый, который дает довольно точную характеристику интенсивности брачности в стране.

Сундберг вычислил следующие специфические коэффициенты брачности по отдельным странам Европы¹:

Динамика специфических коэффициентов брачности в европейских странах

Страны	1861—1870 гг.	1871—1880 гг.	1881—1890 гг.	1891—1900 гг.
Швеция	70,1	75,2	69,4	67,0
Норвегия	76,4	81,5	79,3	85,1
Дания	77,7	86,8	89,3	93,5
Финляндия	—	92,8	84,6	80,4
Англия	100,2	99,1	90,7	89,3
Шотландия	78,6	80,7	70,3	70,9
Ирландия	—	50,7	43,1	48,7
Нидерланды	76,6	85,5	78,7	—
Бельгия	64,4	69,6	70,3	83,0
Германия	—	97,1	90,9	96,9
Западная Австрия	—	77,2	75,2	78,7
Швейцария	58,6	70,8	67,6	72,5
Франция	90,1	92,4	83,5	82,9
Италия	78,7	82,2	88,7	85,5
Испания	100,5	—	100,0	104,3
Западная Европа в целом	85,4	88,3	84,7	86,8

Приведенные цифры говорят о том, что динамика брачности в одних странах резко отличалась от динамики в других странах. Например, в Англии коэффициент брачности неуклонно падал, а в Бельгии возрастал. В Германии этот коэффициент дает волнообразные колебания. Это говорит о том, что о динамике брачности

¹ См. Sundbärg, *Bevölkerungsstatistik Schwedens*, S. 32.

нельзя сделать вывода по Европе в целом, подобно тому как это можно было сделать по другим показателям

Теперь следует указать, каким путем показатели брачности могут быть увязаны с закономерностями в области движения населения, в какой мере показатели брачности могут раскрыть внутреннюю механику демографических процессов.

Наиболее интересное и важное явление в демографии Европы XIX в — это падение рождаемости. Понижение рождаемости складывается из двух компонентов.

1. Понижение количества единиц, производящих потомство, или, проще, брачных пар. Этот путь можно назвать экстенсивным. Он заключается в том, что количество браков на 1 тыс. душ населения падает, а это последнее возникает вследствие того, что юноши и девушки не торопятся вступать в брак, откладывая его до «лучших времен». Подобное явление приводит к повышению среднего брачного возраста. Далее, коэффициент брачности понижается вследствие того, что как вдовы, так и разведенные чаще, чем раньше, так и остаются во внебрачном состоянии.

2. Понижение плодovitости каждой единицы, производящей потомство (т. е. падение плодovitости брачной пары). Этот путь можно назвать интенсивным. Он заключается в том, что супружеские пары вступают на путь регулирования числа детей либо путем абортов, либо путем применения контрацепции.

Общее число рождений (точнее, законнорожденных)¹ в стране можно представить в виде следующего соотношения:

Число родившихся = число брачных пар \times средняя плодovitость одного брака.

Например, для Германии в 1934 г. соответствующие фактические цифры следующие:

1 110 136 родившихся = 14 912 064 брачных пар \times 0,074 рождений на один брак.

Это означает, что в среднем в Германии один брак дал в 1934 г. 0,074 ребенка, или, лучше сказать, 1 тыс. браков дали 74 рождений.

Но и этот показатель недостаточно правильно отражает уровень плодovitости. Дело в том, что контингент родившихся данного года определяет, главным образом, браки недавнего происхождения. Браки же, заключенные 20 и более лет назад, уже почти ничего не вносят в фонд этого контингента. Поэтому можно взять не все браки, а если имеется группировка по длительности брака, то лишь браки с длительностью не более 20 лет.

Для Германии 1934 г. соответствующие цифры следующие: 1 092 705 родившихся = 9 688 518 брачных пар \times 0,113 рождений на один брак.

Число родившихся уменьшилось всего на 17 431 человек (т. е. 1 110 146 — 1 092 705 = 17 431 человек), которые дали браки, заключенные до 1914 г. А число браков сократилось на 5 223 546

¹ Имеются в виду капиталистические страны.

браков, заключенных до 1914 г и действовавших на 31 декабря 1934 г. Вследствие вычитания непродуктивных браков плодовитость одного брака значительно возросла.

Если для каждого года установить подобные показатели, тогда в динамическом сопоставлении легко можно будет проследить, за счет какого компонента происходит снижение рождаемости за счет ли отказа от брака, или за счет отказа от детей. Явление откладывания брака имеет очень большие размеры. Процент мужчин и женщин, состоящих в браке, сильно колеблется по странам. Для 1900 г. Сундберг приводит такие цифры ¹:

Удельный вес мужчин и женщин, находящихся в браке

Страны	% женатых в возрасте 30—35 лет	% замужних в возрасте 30—35 лет
Швеция	63,49	69,91
Норвегия	68,54	70,54
Дания	73,93	75,99
Финляндия	66,98	74,68
Англия	71,16	75,51
Шотландия	64,90	69,51
Ирландия	41,67	62,76
Голландия	70,36	76,49
Бельгия	68,75	74,97
Германия	77,06	80,96
Западная Австрия	69,79	76,32
Швейцария	65,73	72,59
Франция	71,15	76,49
Италия	71,88	80,05
Испания	83,76	78,96
Португалия	67,76	69,12
Галиция и Буковина	81,59	80,95
Сербия	90,23	91,01

Даже если исключить ненормально низкий процент женатых в Ирландии, то и тогда налично значительные колебания процента охвата браком. Если в Сербии девять десятых мужчин в возрасте 30—35 лет уже живут брачной жизнью, то в Швеции — менее двух третей; у женщин Швеции примерно такое же положение: около четверти всех женщин к 30—35 годам еще находились вне брака, некоторые из этой четверти вступили в брак в более позднем возрасте, но значительная часть их до конца своих дней так и не устроила свою семейную жизнь.

Не следует думать, что колебания процента замужних женщин вызваны теми или иными привычками отдельных народов. Решающую роль играют социально-экономические условия. Это

¹ См. Sundbarg, Aperçus etc, p 125.

видно хотя бы из того, что тот же показатель обнаруживает большие изменения в динамике в пределах одной и той же страны. Для иллюстрации приведем пример по Ирландии¹:

Динамика удельного веса женщин в Ирландии, не находящихся в браке

Годы	Удельный вес незамужних женщин среди всех женщин данного возраста	
	в возрасте 25—35 лет	в возрасте 35—45 лет
1841	28	15
1861	39	18
1871	38	20
1881	41	19
1891	48	23
1901	53	28
1911	55	31
1926	53	29

Оказывается, что за 70-летний период (с 1841 по 1911 г.) количество незамужних женщин в самом цветущем возрасте увеличилось вдвое. Легко представить себе теперь, что все понижение рождаемости в Ирландии должно быть приписано именно этому факту. Падение брачной плодovitости почти совсем не имело места. Это видно хотя бы из того, что число детей до 5 лет на 100 замужних женщин (до 45-летнего возраста), по данным переписей за 1861—1911 гг., осталось без изменения².

В других странах Европы положение складывалось иначе. Показателем воздержания от брака является средний брачный возраст. Если средний возраст при вступлении в брак растет, значит воздержание усиливается, т. е. явление откладывания брака становится более частым.

О движении среднего брачного возраста в последние десятилетия XIX в. можно судить по следующим материалам³.

¹ Carr-Saunders, World Population, p. 91.

² Фактические цифры следующие (число детей до 5 лет на 100 женщин):

1861 г.	1871 г.	1881 г.	1891 г.	1901 г.	1911 г.	1926 г.
130	137	134	133	132	135	131

³ Таблица составлена на основании цифр, приведенных в «Handwörterbuch d. Staatswiss.», B. V, S. 245, в книге Maуr, Statistik und Gesellschaftslehre, B. II, Bevölkerungsstatistik, S. 703, в статистическом сборнике «Annuaire international de Statistique», II, «Mouvement de la population (Europe)» и в статье F. Prinsing, Die Wandlungen der Heiratsauffigkeit und des mittleren Heiratsalter in «Zeitschrift für Sozialwissenschaften», 1902, S. 661—666. К сожалению, материалы по странам даны не на одинаковые даты. Так, по Франции, Англии, Сербии цифры даны за 1886—1895 гг. и за 1896—1905 гг., по Нидерландам— за 1876—1885 гг. и за 1896—1905 гг., по Италии— за 1872—1880 гг. и за 1896—1899 гг., по Саксонии— за 1876—1878 гг. и за 1895—1898 гг., по Вюртембергу— за 1876—1880 гг. и за 1891—1895 гг., по Австрии— за 1871—1880 гг. и за 1886—1890 гг.

Динамика среднего брачного возраста в конце XIX в

Страны	Средний возраст жениха			Средний возраст невесты		
	1881—1885 гг.	1900 г.	изменения в 1900 г. по сравнению с 1881—1885 гг.	1881 — 1885 гг.	1900 г	изменения в 1900 г. по сравнению с 1881—1885 гг.
	количество лет			количество лет		
Пруссия	29,4	28,7	— 0,7	27,1	26,4	— 0,7
Бавария	30,6	29,1	— 1,5	27,6	26,1	— 1,5
Вюртемберг	31,2	30,5	— 0,7	27,7	27,2	— 0,5
Саксония	29,1	28,0	— 1,1	26,2	25,6	— 0,6
Австрия	31,2	30,8	— 0,4	26,8	26,6	— 0,2
Франция	29,8	29,7	— 0,1	25,3	25,1	— 0,2
Италия	30,1	29,2	— 0,9	25,5	24,9	— 0,6
Швейцария	30,9	29,5	— 1,4	27,3	27,0	— 0,3
Англия и Уэльс	28,3	28,5	+ 0,2	26,1	26,3	+ 0,2
Нидерланды	30,5	29,4	— 1,1	27,9	26,4	— 1,5
Финляндия	29,5	29,3	— 0,2	26,3	25,9	— 0,4
Швеция	30,4	30,0	— 0,4	27,8	27,1	— 0,7
Дания	30,1	29,1	— 1,0	27,2	26,1	— 1,1
Сербия	24,5	23,9	— 0,6	21,7	21,3	— 0,4

Из числа приведенных 14 стран лишь по одной Англии имело место повышение брачного возраста, во всех же остальных он понижался как у мужчин, так и у женщин.

Из этого вытекает, что для большинства европейских стран в последней четверти XIX в. не имел места процесс усиления воздержания от брака. Наоборот, судя по снижению среднего брачного возраста, вступление в брак стали откладывать на меньшие сроки, чем раньше. Это говорит о том, что главная причина падения рождаемости — не сокращение числа брачных пар, а падение брачной плодovitости.

В первой половине XIX в., когда аборт и контрацепция во всей Европе (кроме Франции) имели еще очень слабое распространение, колебания рождаемости объяснялись, главным образом, количеством брачных пар, так как их плодovitость была величиной стационарной. Таким образом, в ту эпоху процент охвата взрослого населения браком в значительной мере определял уровень рождаемости. К концу века положение изменилось. Процент охвата браком может быть даже и возрос, но зато плодovitость, ставшая объектом регулирования, упала настолько значительно, что кривая общего коэффициента рождаемости пошла вниз.

8. ИТОГОВЫЕ РАСЧЕТЫ

Эпоха промышленного капитализма в Европе характеризуется значительным снижением смертности, некоторым падением рождаемости, сильной эмиграцией. Первый фактор увеличивает рост населения, второй и третий, наоборот, противодействуют ему. В целом все же для Европы XIX в. характерен весьма сильный рост населения, небывалый в предыдущие века, причем этот прирост к концу века увеличился по сравнению

с приростом в начале века. Произошло это вследствие того, что падение смертности перекрыло падение рождаемости и рост эмиграции.

	На 1 тыс. человек
Уровень смертности в начале века . . .	32
Уровень смертности в конце века . . .	26
<hr/>	
Разность . . .	6
Уровень рождаемости в начале века . . .	39
Уровень рождаемости в конце века . . .	37
<hr/>	
Разность . . .	2
Уровень эмиграции в начале века	0,2
Уровень эмиграции в конце века	1,7
<hr/>	
Разность . . .	1,5

Итоговое сальдо $6 - (2 + 1,5) = 2,5$

Это означает, что прирост увеличился на 2,5 пункта. Если в начале века он равнялся 0,7%, то к концу века он увеличился до 0,95% в год.

ЧАСТЬ V.

ИМПЕРИАЛИЗМ

1. ВВЕДЕНИЕ

Уже в последней четверти XIX в. капитализм начинает обнаруживать новые черты и свойства, подготовившие переход от старого капитализма, капитализма свободной конкуренции, к новому капитализму — монополистическому. «Для Европы,— пишет Ленин,— можно установить довольно точно время окончательной смены старого капитализма новым: это именно— начало XX века»¹, когда капитализм превратился в империализм. «Империализм,— говорит Ленин,— вырос как развитие и прямое продолжение основных свойств капитализма вообще. Но капитализм стал капиталистическим империализмом лишь на определенной, очень высокой ступени своего развития, когда некоторые основные свойства капитализма стали превращаться в свою противоположность, когда по всей линии сложились и обнаружались черты переходной эпохи от капитализма к более высокому общественно-экономическому укладу. Экономически основное в этом процессе есть смена капиталистической свободной конкуренции капиталистическими монополиями»².

В эпоху империализма с особой силой проявляется неравномерность развития отдельных стран и отдельных отраслей хозяйства. Если в XIX в. Англия стояла далеко впереди всех других стран в отношении индустриального развития, то в XX в. США и Германия опередили ее, причем «...Германии понадобилось каких-нибудь два десятка лет для того, чтобы начать опережать Англию, а Америке понадобилось и того меньше...»³

Империализм, являясь «высшей стадией капитализма», в то же время является и последней его стадией. Капитализм эпохи империализма — это загнивающий капитализм, капитализм, приводящий к неслыханным обострениям социально-политические противоречия, в нем заложенные. Капиталистические производственные отношения в эту эпоху уже становятся оковами развития производительных сил.

¹ Ленин, Соч., т. XIX, стр. 85.

² Там же, стр. 141—142.

³ Сталин, об оппозиции, стр. 388.

Для империализма характерна хищническая борьба за рынки в международном масштабе, которая приводит к борьбе за передел мира, за возможность колониальной эксплуатации, приводит к империалистическим войнам. И действительно, если период 1872—1900 гг. был периодом относительно спокойного положения в Европе, то с переходом к эпохе империализма одна война следует за другой. На рубеже веков — испано-американская война, англо-бурская, далее — русско-японская война, итало-турецкая, затем — балканские войны. В 1914 г. разразилась мировая война, в результате которой оказалось 10 миллионов убитых. Непосредственно вслед за ней — греко-турецкая война. После 10—12 лет относительно затишья в послевоенные годы империалистические противоречия вновь привели к вооруженным конфликтам: война Италии с Абиссинией, японо-китайская война, продолжающаяся до сих пор, наконец вспыхнувшая в сентябре 1939 г. вторая мировая империалистическая война.

Начиная с первой империалистической войны капитализм вступил в период общего кризиса. «Это означает,— говорил товарищ Сталин,— прежде всего, что империалистская война и ее последствия усилили загнивание капитализма и подорвали его равновесие, что мы живем теперь в эпоху войн и революций, что капитализм уже не представляет единственной и всеохватывающей системы мирового хозяйства, что наряду с капиталистической системой хозяйства существует социалистическая система...»¹

Разразившийся в 1929 г. мировой экономический кризис принял размеры, неизвестные в истории капитализма. Короткий подъем, наступивший в 1933 г., не оправдал возлагавшихся на него надежд и скоро сменился новым падением в канун второй империалистической войны. Обнищание пролетариата, массовая хроническая безработица, разорение крестьянства, грабительские войны — вот чем характеризуется капитализм в эпоху империализма.

Ясно, что все эти социально-политические процессы должны были получить свое отражение в процессах демографических. И действительно, демографические показатели Европы вступили в новую фазу, которая кладет резкую грань всей предыдущей истории населения.

2. ИСЧИСЛЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ЕВРОПЫ в XX в.

Мы уже говорили, что основное свое развитие демографическая статистика получила в XIX в. Казалось бы, для XX в. мы вправе рассчитывать на совершенно точные и надежные данные по всем основным показателям демографической статистики. На самом деле это не совсем так.

Прежде всего надо отметить, что и в XX в. остались страны без надлежащей статистики населения. В ряде стран не было

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 352.

регулярных переписей (Россия, Греция, Румыния), а в некоторых и вовсе никаких (Турция до 1927 г., Албания до 1930 г.). В Греции, Турции, Албании не была налажена статистика рождений и смертей. Но, во всяком случае, если вполне точных данных по всем странам и не было, все же после известной «расчистки» материала представляется возможность получить довольно точную картину численности населения. Очевидно, эта «расчистка» разными авторами делалась по-разному, так как итоговые цифры населения Европы в XX в. отличаются друг от друга. Если для XIX в. Сундберг проделал большую работу по своду всех материалов, послужившую для нас отправной базой для расчетов, то для XX в. такой сводной работы нет. Отсюда — разноречивость и несогласованность в отдельных цифрах. Приведем цифры населения Европы, даваемые различными авторами и некоторыми учреждениями:

Население Европы в XX в. (в млн человек) по различным источникам

Годы	Уилкокс ¹	Войтинский ²	Эльстер ³	Кучинский ⁴	«Таблицы» Губнера ⁵	Баллод ⁶	Луццат ⁷	Международный статистический институт ⁸	Германское статистическое управление ⁹
1900	401	406	393,0	400,0	385,8	406	398	—	401
1910	—	443	447,5	—	434,8	443	446,3	447,5	446
1914	—	—	—	462,8	452,4	458 ⁹⁾	—	—	—
1920	—	449	452,1	453,4	468,1	—	450	452,1	447
1930	478 ^{а)}	—	—	503,1	492,7 ^{б)}	—	500	—	506

а) 1929 г. б) 1929—1931 гг. в) 1912 г

Из этих цифр видно, что расхождение принимает в некоторых случаях значительные размеры. Цифра Эльстера отклоняется от цифры Войтинского для 1900 г. на 13 млн. человек. Между цифрой в «таблицах» Губнера и цифрой Войтинского для 1920 г. расхождение в 19 млн. человек. Наконец, между цифрой Уилкокса и цифрой Кучинского для 1930 г. разница в 27 млн. человек.

Очевидно, что, прежде чем перейти к подсчетам населения Европы, необходимо обратить внимание на причины этих расхождений, а это последнее требует рассмотрения некоторых методологических вопросов.

¹ Willcox, op. cit., «International Migrations», t. II, p. 78.

² Woytinsky, Die Welt in Zahlen, B. I. S. 24.

³ Elster, Handwörterbuch d Staatswissen, B. II, S 689, 732

⁴ «Enc of Soc. Sciences», v. 12, p. 245.

⁵ Hubner's, Geographisch-statistische Tabellen aller Lander der Erde, 1900, S 89, 1910, S 95, 1914, S 145, 1920 S. 141, 1929—1931, S. 300.

⁶ Balloд, Grundriss der Statistik, S. 21

⁷ «Enciclopedia Italiana», v. XXVII, p. 923

⁸ «Aperçu annuel de la demographie des divers pays du monde», I année 1922, p. VIII.

⁹ «Wirtschaft und Statistik» № 10, 1940, S. 145.

1. **Восточная граница Европы.** Граница Европы на востоке не вполне определена. Часто проводят эту границу так: Уральский хребет, река Урал, Манычская впадина. Иногда эту границу проводят восточнее: Уральский хребет, Мугоджары, река Эмба, побережье Каспийского моря, Манычская впадина. Ввиду того, что районы между реками Уралом и Эмбой мало заселены, выбор той или иной границы особой роли не играет. Значительно более существенным является проведение границы по Кавказу. Считать ли Кавказ Европой? Здесь могут быть три варианта: первый исходит из причисления всего Кавказа к Азии, тогда граница между Европой и Азией пройдет по Кумо-Манычской впадине; по второму варианту к Европе причисляется весь Северный Кавказ, принимая Кавказский хребет как границу между Европой и Азией; наконец, по третьему варианту весь Кавказ относится к европейской части СССР. Совершенно ясно, что включение или исключение Кавказа создает большую разницу в численности населения Европы.

Наряду с географическим признаком надо считаться с признаком административным.

В царской России европейская часть страны определялась, помимо Финляндии и Царства Польского, площадью в 50 губерний Европейской России¹. Восточная граница Европейской России проходила по губерниям Архангельской, Вологодской, Пермской, Оренбургской, Самарской, Астраханской. Эта граница захватывала не только весь Уральский хребет, но и часть территории, расположенной восточнее него. Таким образом, здесь административная граница отклонялась от географической. Южнее административная граница также отклонялась от географической, но уже не на восток, а на запад. Граница Самарской и Астраханской губерний проходила не по реке Уралу, а западнее течения этой реки.

В отношении Кавказа Центральный статистический комитет занимал сбивчивую позицию: в одних случаях весь Кавказ относился им к Азии, в других случаях Кавказ делился на Предкавказье (т. е. до хребта), относившееся к Европе, и Закавказье, относившееся к Азии. В Предкавказье включались Терская область, Кубанская и Ставропольская губернии с общей площадью 120 тыс. км². Вся Дагестанская область причислялась к Азии, хотя она расположена севернее хребта. В международной статистической практике к Европе обычно причислялось лишь 50 губерний Европейской России. Эту границу мы и приняли в нашей работе. Поэтому всюду население Европы дано без Кавказа.

Современное административное деление СССР не знает деления Союза на европейскую часть и на азиатскую часть. Поэтому мы сделаем расчет исключительно для целей сопоставления с данными в начале столетия, положив в основу 50 губерний бывшей Европейской России. Для этого нам нужно произвести пересчет материалов переписи 1939 г. в пределы, сопоставимые с 50 губерниями Европейской России.

Во-первых, к азиатской части СССР будет относиться население восьми союзных республик в количестве 24 659 тыс. человек.

Во-вторых, к азиатской части СССР должны быть причислены значительные части РСФСР, а именно две республики (Якутская и Бурят-Монгольская), четыре края и четыре области с населением в 16 577 тыс. человек.

В-третьих, надо прибавить население Северного Кавказа, имеющего 7 438 тыс. человек.

В-четвертых, к азиатской части надо еще прибавить небольшие части Свердловской, Челябинской, Чкаловской областей с примерным населением в 1,3 млн. С другой стороны, надо вычесть население западной части Казахстана (около 0,2 млн. человек), так как оно входило в состав губерний Европейской России.

Итого азиатская часть СССР составит (см. табл. на стр. 261).

Всего население СССР (в границах 1938 г.) на 17 января 1939 г. составило 170,5 млн. Следовательно, на европейскую часть (исходя из границы 50 губерний бывшей Европейской России) приходилось 120,7 млн. человек.

¹ С 1913 г. — после образования Холмской губернии — стала уже 51 губерния.

	в тыс человек
8 союзных республик	24 659
Сибирь	16 577
Южная часть РСФСР (Северный Кавказ)	7 438
Сальдо по внутриобластным деле- ниям	1 100
	49 774

Многие пренебрегают проведением точной границы между Европой и Азией, между тем это существенно влияет на результаты исчисления. В качестве примера приведем недавно опубликованные расчеты Германского статистического управления о динамике населения Европы (в млн. человек)¹.

*Сопоставление динамики населения Европы
за 1800—1938 гг. по нашим расчетам с расчетами
Германского статистического управления*

Г о д ы	Наши расчеты	Расчеты Германского статистиче- ского управ- ления	Разница
1800	187	187	0
1840	251	251	0
1900	399	401	2
1910	441	446	5
1920	449	447	2
1930	491	506	15
1938	517	530	13

До 1920 г. два ряда цифр почти не дают значительных расхождений между собой, но в 1930 и в 1938 гг. картина меняется: расхождение достигает 15 млн. человек. Причина этого лежит в том, что после 1920 г. прежняя граница между Европой и Азией — 50 губерний Европейской России — была сломана. Наша страна с погубернского деления перешла на пообластное, а граница вновь образованных областей ушла значительно дальше на восток. Помимо этого, Предкавказье обычно также относилось к Азии. Теперь же для 1938 г., как указывает сноска к таблицам в «Wirtschaft und Statistik», в качестве границы Европы взят на юге Кавказский хребет, а на востоке — восточные границы Свердловской, Челябинской и Чкаловской областей. Таким образом, для прежних лет граница взята одна, для 1930—1938 гг. — другая; это создало несопоставимость цифр, которая особенно чувствительно сказалась на темпах роста:

Период	Темпы роста по дан- ным Германского статистического управления	По нашим расчетам
1900—1910	1,06	1,01
1910—1920	0,02	0,18
1920—1930	1,11	0,90
1930—1938	0,58	0,65

¹ «Wirtschaft und Statistik», 1940, № 10, S. 145.

Выводы получаются иные. по данным Германского статистического управления, темпы роста населения в послевоенное десятилетие были выше, чем в довоенное десятилетие. По нашим же расчетам, получается обратное.

Из этого примера видна важность соблюдения одинаковых границ между Европой и Азией.

2. Острова, прилегающие к Европе. Включение и невключение в общеевропейские итоги различных островов часто являются причиной расхождения цифр.

Есть острова, которые всегда и во всех случаях причисляются к определенной европейской стране, например, Корсика — к Франции, составляя один из ее департаментов, Сардиния и Сицилия всегда причисляются к Италии, Балеарские острова (Майорка и Минорка) — к Испании. Иначе обстоит в отношении других островов: Канарские острова то причисляются к Испании, то нет. Азорские острова и остров Мадейра обычно считают вместе с Португалией, но можно встретить случаи, когда имеется в виду лишь континентальная Португалия. Мальта, Ман и Нормандские острова иногда причисляются к Великобритании, иногда нет. То же самое можно сказать в отношении Исландии и Фарерских островов, которые некоторыми причисляются к Дании, некоторыми нет. Греция иногда дается с Критом, иногда без него.

Для того чтобы построить сравнимый ряд населения Европы, все эти острова следует включать в состав Европы.

3. Год и дата переписи. В большинстве стран Европы перепись населения не производится в годы, оканчивающиеся нулем. Во Франции и Италии взяты, например, годы, оканчивающиеся единицей и шестеркой, в Англии — единицей, в ряде стран вообще нет строгой периодичности. В СССР и Германии последние переписи населения были проведены в годы, оканчивающиеся девятой.

Из этого видно, что простым суммированием переписей по отдельным странам нельзя получить цифру населения Европы на какую-либо круглую дату (например, на 1910, 1920, 1930, 1940 гг.). Между тем подобным обстоятельством очень часто пренебрегают. Даже Международный статистический институт подсчитывает итоги населения по Европе, беря переписи на разные годы. Однако точнее получать итог населения Европы не как сумму переписных данных, а как сумму исчислений населения по странам на год, оканчивающийся нулем.

Но этого мало. Необходимо еще сделать перечисление на начало года. Некоторые приводят население на конец года или же оперируют средним населением (например Сундберт).

Поэтому следует обращать внимание на то, в какое время года произведена перепись. Если перепись произведена, например, в начале января 1901 г., то для получения цифры на 1 января 1900 г. следует вычесть прирост за год, если же перепись произведена в середине 1901 г., то надо вычесть прирост за полтора года. Возьмем, например, Англию. Перепись 1901 г. дала итог населения по Соединенному королевству в 42,2 млн. человек. Критический момент переписи — 1 апреля. Ежегодный прирост за год равнялся приблизительно 400 тыс. человек + 100 тыс. прироста за четверть 1901 г. Итого 500 тыс. человек. Таким образом, население Соединенного королевства на 1 января 1900 г. равнялось 41,7 млн. человек.

4. Административно-территориальные изменения. Большую помеху в исчислении представляют административно-территориальные изменения. В течение XX в. карта Европы перекраивалась не раз. Балканские войны коренным образом изменили границы Турции, Греции, Болгарии, Сербии. Мировая война изменила границы Германии, России, Румынии, Венгрии, Франции, Италии, Бельгии, Дании и других государств. Вторая империалистическая война также внесла большие изменения в жизнь европейских стран. В 1939—1940 гг. произошло воссоединение западных украинцев, западных белоруссов, молдаван, литовцев, латышей и эстонцев с народами Советского Союза. Это привело к значительному расширению границ Советского Союза. Указанные факты требуют особого внимания при определении правильной итоговой цифры населения Европы. Главная опасность подобных исчислений состоит в двойном счете,

5. Категория учитываемого населения. Категория учитываемого населения также является источником расхождений. Как известно, можно регистрировать либо постоянное, либо наличное население. Если одни авторы берут постоянное, другие — наличное, у них, разумеется, цифры не сойдутся. В некоторых странах расхождение достигает довольно значительных размеров. Например, в Италии по переписи 1936 г. наличного населения было 42 445 тыс. человек, а постоянного — 42 994 тыс., т. е. на 549 тыс. больше. Из этого числа значительная часть приходится на колониальную армию. Большое значение это приобретает и для Англии, учитывая ее флот и значительную армию в колониях. Поэтому в английских переписях чины армии и флота, находящиеся вне метрополии, подсчитывались отдельно. В 1900 г. их было учтено 368 тыс. человек, в 1910 г. — 475 тыс., в 1920 г. — 257 тыс.

Мы считаем более правильным ориентироваться на постоянное население Европы, а не на наличное. Наличное население может находиться под влиянием случайных и сезонных факторов и не характерно для страны: возьмем, например, прилив сельскохозяйственных рабочих на заработки в период уборки урожая (так было в довоенной Европе), наплыв туристов из США и т. д. Конечно, все внутриевропейские миграции не отразились бы на итоговой цифре, если во всех странах брать наличное население. Но, во-первых, в ряде стран исходят из постоянного населения, во-вторых, помимо внутриевропейской миграции имеется еще миграция межконтинентальная.

К сожалению, в ряде европейских стран в основу переписи было положено наличное население, поэтому мы лишены возможности определить постоянное население. Но по тем странам, где различие между постоянным и наличным населением наиболее велико, как раз имелась возможность определить постоянное. Мы здесь имеем в виду Англию, Францию, Италию.

6. Мелкие европейские государства. О мелких государствах некоторые авторы вовсе забывают, поэтому получают преуменьшенную итоговую цифру. Из этих мелких государств наиболее крупным является Люксембург, имеющий около 301 тыс жителей. Кроме того, следует отметить бывший вольный город Данциг с близлежащей территорией, существовавший на особом статуте до германо-польской войны 1939 г. Территория Данцига насчитывала свыше 400 тыс. человек. Далее идет остров Исландия (118 тыс. жителей), причисляемый к Европе. Остальные мелкие территории уж совершенно незначительны. Для полноты картины приведем их:

	Население в тыс. человек (на 1/1 1939 г.)
Монако	24
Сан-Марино	14
Лихтенштейн	12
Андорра	6
Ватикан	1

Особо отметим еще английские владения в Европе: Мальта, Гозцо, Гибралтар, остров Ман, Нормандские острова. Общая численность населения в них равна 393 тыс. человек в 1931 г. В сводной таблице население этих мест выделено отдельной строчкой.

7. Особые территории. Некоторые части Европы долгое время находились на неопределенном положении. Например, Саарская область была отторгнута от Германии по Версальскому договору и лишь в 1935 г. по плебисциту вновь присоединена к Германии. Итоги по Германии иногда давались с Саарской областью, иногда без нее. Это тоже служило источником расхождений.

Долгое время Мемельская область, также отторгнутая от Германии, была на особом статуте, находясь под протекторатом Литвы.

При построении итога по Европе необходимо следить, чтобы эти особые территории не выпали из поля зрения.

8. Отсутствие переписей. В некоторых странах Европы и в XX в. также не было переписей. Вследствие этого приходилось пользоваться оценками, которые часто значительно отклонялись друг от друга. Так было, например, в отношении Турции (до 1927 г.) и Албании (до 1930 г.).

В некоторых же странах переписи хотя и были, но производились нерегулярно. Поэтому приходилось прибегать к исчислениям населения на основе статистики рождений и смертей. Так было в отношении довоенной России. Следует отметить, что исчисления, произведенные Центральным статистическим комитетом, довольно значительно преувеличивали численность населения России, так как приток в города не исключался из цифр сельского населения. Этот двойной учет населения достигал нескольких миллионов человек. Поэтому, если демографы основывались в своих расчетах на официальных цифрах населения царской статистики, они значительно преувеличивали число жителей Европы.

* * *

В результате разбора материалов по численности населения Европы мы пришли к следующим цифрам:

Динамика населения Европы в XX в.

На начало года	В млн человек
1900	398,8
1910	441,3
1920	448,8
1930	491,1
1940	525,1

Темп роста в первом десятилетии не отличается от темпов роста последнего десятилетия XIX в. Однако дальше картина резко меняется. Второе десятилетие XX в., десятилетие мировой империалистической бойни, дало резкое падение прироста. Первое послевоенное десятилетие дало довольно значительный прирост населения, но все же темп довоенного уровня остался недостижимым. Наконец, последнее, только что прожитое нами, четвертое десятилетие XX в. дало уже заметное снижение темпов роста. В этом десятилетии население Европы ежегодно увеличивалось в среднем всего на 0,7% в год.

Однако подобные сравнения имеют мало оснований. Великий 1917 год расколол Европу на два мира, на две социальные системы. Каждая из этих систем имеет свои особые условия и закономерности роста населения. Поэтому необходимо из итогов по Европе выделить СССР, тогда мы получим с социально-экономической точки зрения однородный материал для сравнения.

Границы СССР в 1939—1940 гг. значительно расширились благодаря освобождению украинцев, белоруссов, молдаван и в результате вхождения Литвы, Латвии, Эстонии в Советский Союз. Учитывая при этом, что до 1939—1940 гг. население Западной Украины, Западной Белоруссии, Северной Буковины, Бессарабии, Литвы, Латвии, Эстонии находилось в условиях капиталистического строя, мы, проводя сравнение динамики населения капиталистической Европы за первые 40 лет XX в., не исключаем эти районы из общего анализа. Таким образом, всюду в дальнейшем изложении мы оперируем границами СССР, существовавшими до осени 1939 г.

Население Европы без СССР в границах 1938 г. (эту террито-

рию мы будем называть Западной Европой¹⁾ может быть представлено в следующих цифрах²⁾:

Динамика населения Западной Европы в XX в

Годы	Население	Абсолютный прирост	Средний ежегодный прирост	
	в млн человек		в тыс. человек	в %
1900	312,8	—	—	—
1910	343,3	30,5	3 050	0,9
1920	345,9	2,6	260	0,1
1930	376,1	30,2	3 020	0,8
1940	403,1	27,0	2 700	0,7

Мировая война принесла большие изменения в динамике населения Западной Европы. До войны население Западной Европы увеличивалось приблизительно на 3 млн. человек в год; к началу мировой войны ее население достигло 353 млн., а спустя 6 лет в результате кровавого побоища, голода и эпидемии «испанки»

¹ Обычно в Западную Европу не включают также и балканские страны. Сундберг не включал еще Венгрию, Галицию и Буковину.

² Для 1920, 1930 и 1940 гг. приведенные цифры были получены просто путем суммирования населения по отдельным европейским государствам. Немного сложнее дело обстоит в отношении 1900 и 1910 гг. Здесь нам нужно было установить численность населения отторгнутых от СССР районов. Мы воспользовались погубернскими данными Центрального статистического комитета, которые в отношении этих районов можно считать достаточно точными. Помимо губерний, отошедших целиком, мы взяли треть Минской, треть Витебской, половину Волынской и одну десятую Псковской губернии. Это дало нам 14 366 тыс. населения отошедших районов на 1 января 1910 г. и 11 913 тыс. по переписи 1897 г. Более точные исчисления Волкова (см. Волков, Динамика народонаселения СССР за 80 лет, М. Гиз 1930, стр. 25. Он брал точный процент отхода: по Минской — не 33,3, а 34,4, по Волынской — не 50, а 50,5 и т. д.) на основе исправления материалов Зайцева дали на 1 января 1900 г. 12,4 млн и на 1 января 1910 г. 14,1 млн. В отношении Царства Польского имеется некоторая несогласованность; по переписи 1897 г. там насчитывалось 9 456 тыс. жителей, а для 1904 г. по материалам Варшавского статистического комитета — 11 589 тыс. человек. Такой колоссальный рост на 2 млн. за 7 лет, конечно, маловероятен. Гораздо более вероятна цифра, даваемая на 1 мая 1904 г. Центральным статистическим комитетом для 10 губерний Привислинского края, — 10 607 тыс. Исходя из этого, можно считать, что на 1 января 1900 г. население Царства Польского равнялось приблизительно 10 млн человек; для 1910 г. Центральный статистический комитет давал цифру 12 129 тыс. жителей Царства Польского.

Таким образом, численность населения в районах, отторгнутых от СССР, может быть установлена в следующих цифрах:

	1900 г.	1910 г.
8 губерний Европейской России + 4 губернии Европейской России, частично отошедшие	12,4	14,1
6 Царство Польское	10,0	12,1
Итого	22,4	26,2

оно сократилось на 8 млн., опустившись на 1 января 1920 г. до цифры 345 млн. человек. Если бы не было войны, то население Западной Европы к 1920 г. достигло бы 374 млн., т. е. на 29 млн. больше фактического уровня 1920 г. Даже в послевоенном десятилетии довоенные приросты не были достигнуты, несмотря на то, что послевоенные периоды отличаются большой интенсивностью размножения людей. В Западной Европе XX в. этого не произошло. Среднееежегодный темп роста в 1920—1930 гг. был ниже, чем в 1900—1910 гг.

Следующее, только что истекшее десятилетие еще более усилило этот процесс падения темпов роста населения. В условиях почти полного прекращения эмиграции население Европы в этом десятилетии увеличивалось значительно слабее, чем в предыдущее, в котором эмиграция играла еще заметную роль.

Таким образом, налицо совершенно неоспоримая тенденция к падению темпов роста населения. Всего за 40 лет текущего столетия население Западной Европы выросло на 28%, в то время как за предыдущие 40 лет оно возросло на 36%.

По отдельным странам приросты за 40 лет могут быть представлены в следующей таблице¹.

Динамика населения отдельных стран Западной Европы (в границах 1914 г.) за 1860—1900 гг и 1900—1940 гг

Страны	Население (в млн)			Прирост в первое сорокалетие (т. е. за 1860—1900 гг)		Прирост во второе сорокалетие (т. е. за 1900—1940 гг)	
	1860 г	1900 г	1940 г	в млн человек	в %	в млн человек	в %
Германия	37,7	56,4	77,4	18,7	49,6	21,0	37,2
Франция	35,7	38,9	40,1	3,2	9,0	1,2	3,1
Соединенное королевство . .	29,5	41,7	51,1	12,2	41,4	9,4	22,5
Италия	25,1	32,8	42,4	7,7	30,7	9,6	29,3
Испания и Португалия	19,8	24,0	32,5	4,2	21,2	8,5	35,4
Австро-Венгрия	34,8	47,2	59,6	12,4	35,6	12,4	26,3
Балканы	16,2	21,4	31,4	5,2	32,1	10,0	46,7
Скандинавские государства .	7,2	9,7	12,8	2,5	34,7	3,1	32,0
Бельгия, Нидерланды, Швейцария	10,5	15,1	21,4	4,8	43,8	6,3	41,7

Эта таблица говорит о том, что падение темпов роста в XX в. стало особенно заметно в наиболее передовых странах Западной Европы. Некоторые из них дали даже снижение абсолютного прироста за 40 лет (Англия и Франция). В других странах наблюдается убыстрение темпов роста. К ним относятся страны Бал-

¹ Весь расчет нами сделан в административных границах 1914 г. для сохранения сопоставимости с XIX в.

канского и Пиринейского полуостровов. Все эти страны, которые, с точки зрения роста населения, на протяжении тысячелетней истории плелись в хвосте европейских стран, в XX в. по темпам роста выходят на первые места. Это тем более интересно, что балканские страны сильно пострадали не только от мировой войны, но и от балканских войн, явившихся предвестниками мирового кровавого побоища. Население Пиренейского полуострова также очень сильно пострадало в результате изнурительной гражданской войны 1936—1939 гг. И, несмотря на это, именно эти две южные «конечности» Европы дают высокие темпы роста населения. Таким образом, общая картина динамики роста населения в Европе начинает изменяться. Если в XIX в. наибольшие темпы роста в Западной Европе обнаружили северные страны, то в XX в. первенство переходит к южным странам. Лишь только Франция продолжает в этом отношении оставаться на последнем месте.

3. ДИНАМИКА РОЖДАЕМОСТИ

К началу XX в. почти во всех странах Европы уже существовала обязательная текущая регистрация рождений, смертей и браков с последующим сводом и публикацией материалов. Лишь в Турции, которая в начале XX в. занимала довольно большую территорию в Европе, не было ни регистрации, ни публикации данных. В отношении Турции указание на отсутствие статистики движения населения справедливо и для настоящего времени. Правда, в последних статистических ежегодниках Турции имеются некоторые отрывочные данные о браках и смертях, но они очень неполны и несовершенны. Таким образом, с точки зрения изучения естественного движения населения Европы Турция до сих пор является «белым пятном».

В другой балканской стране, в Греции, статистика движения населения была введена в 1860 г., но в 1890 г. прекращена и возобновлена лишь спустя 30 лет, с 1921 г. Таким образом, за первые 20 лет XX в. мы вынуждены были интерполировать данные по Греции, точно так же как и в отношении Турции и Албании.

Помимо указанной части Балканского полуострова, к числу неблагоприятных районов с точки зрения статистики движения населения должно быть отнесено также так называемое Царство Польское, состоявшее до 1912 г. из 10 (после образования Холмской губернии из 9) привислинских губерний. В Царстве Польском в 1889 г. был основан Варшавский статистический комитет, который приступил к публикации «трудов» с материалами по различным отраслям статистики. В 1895—1896 гг. был опубликован выпуск XIII, в котором проведена статистика движения населения края с 1867 до 1898 г. Затем, в выпуске XXII, имеются данные за 1894 г. и по некоторым губерниям за 1899 г. Наконец, в следующих выпусках даны материалы за 1904, 1906 и 1908 гг. Из этого видно, что в Царстве Польском практиковался редкий

в статистике порядок, согласно которому сведения о статистике движения населения сводились и публиковались не непрерывно, а с интервалами, сначала в 5 лет, затем в 2 года. Наличие ряда «пустых» годов вынуждает нас и в этом случае обратиться к интерполяции.

Большие трудности при определении итоговых цифр для Европы принесли нам годы войн, которыми столь насыщены истекшие десятилетия нашего века. Война, конечно, резко отражалась на количестве родившихся и количестве умерших. Особенно значительно было влияние войны в районах театра военных действий. Взять хотя бы северные районы Франции, привислиинские губернии, Галицию и Буковину, территорию Сербии и Румынии. Население этих районов в значительной части разбежалось, а оставшееся не было охвачено статистикой. В результате этого военные годы оставляют ряд пробелов, которые нам также пришлось проинтерполировать. Например, по территории довоенной Австрии в целом нет данных за 1914, 1915, 1916, 1917 и 1918 гг., т. е. до конца существования австро-венгерской монархии. Имеются только данные по Австрии в границах Сен-Жерменского договора и затем данные по Чехии, Моравии и Силезии. Материалы по остальным районам Австрии (в том числе Галиция, Буковина, Босния и Герцеговина) отсутствуют. По ним также пришлось прибегнуть к интерполяции.

Другой пробел военных лет дает Сербия, по которой уже с 1913 г. нет данных, так как там еще до мировой войны была война с Турцией, а потом с Болгарией. Здесь пробел оказался довольно длительный. Даже после окончания мировой войны Сербо-хорвато-словенское королевство (Югославия) не торопилось с организацией статистики населения. Данные о числе родившихся и умерших имеются лишь с 1924 г.

Если укажем еще на Румынию, которая в 1916—1917 гг. в значительной части была оккупирована войсками центральных держав и по которой поэтому сведения за 1916 и 1917 гг. отсутствуют, то на этом закончим перечень объектов нашей интерполяции¹. При интерполяции мы руководствовались условиями времени и места, сообразуясь с ходом развития военных действий, а также исходя из динамики демографических показателей в смежных территориях.

¹ Кстати укажем, что Сундберг также широко применял интерполяцию для построения сквозных рядов рождаемости, смертности, брачности. Для начала XIX в. удельный вес интерполированных данных был, вероятно, более 50% (для Западной Европы). К сожалению, Сундберг не говорит об этом, и остается неизвестным, где и когда он эту интерполяцию применял. Лишь в нескольких случаях мы имеем возможность проверить его предположительные расчеты, которые даже скорее приближаются к экстраполяции, чем к интерполяции. Например, для Царства Польского Сундберг для начала XX в. принимал 400 тыс. рождений, тогда как в 1904 г. было 437 тыс. рождений. Для Европейской России Сундберг принимал в 1902, 1903 и 1904 гг. следующие цифры (в тыс. человек)—5 000, 4 940, 5 050, тогда как на самом деле было 4 993, 4 987, 5 119. Надо сказать, что расхождение не такое уже значительное. К сожалению, его интерполяцию для начала XIX в. проверить нельзя.

Некоторые трудности в расчетах возникли в связи с переделом Европы. При этом нам надо было следить за тем, чтобы не было пропуска, с одной стороны, и двойного счета, с другой стороны. Например, в 1919 г. на территории Европы возникли новые государства. Данные за 1919 г. приведены уже по этим новым государственным образованиям. Ввиду этого важно, чтобы территория всех новых государств была учтена материалами 1918 г. Бывают случаи, что некоторое время территория является как бы «беспризорной». Так было, например, с Эльзас-Лотарингией. В Германии в материалах за 1917 и 1918 гг., опубликованных после войны, уже нет Эльзас-Лотарингии, а во Франции ее включили в итог лишь в 1919 г.

Особо должны быть отмечены районы, отторгнутые от СССР до 1939 г., а частично и до сих пор принадлежащие другим государствам. По Латвии, Литве и Эстонии имеются материалы с 1920 г., по Польше — с 1919 г., по Румынии, захватившей Бессарабию, — с 1918 г.; из этого следует, что за период 1900—1919 гг. данные о числе рождений и смертей должны быть добыты на основании русских источников. Это оказалось возможным, так как в «Ежегодниках России» производилась регулярная публикация числа рождений и смертей по всем 50 губерниям Европейской России в отдельности. Последняя публикация была дана в сокращенном ежегоднике за 1916 г. и охватывала 1914 год. Применяя установленные выше коэффициенты отхода губерний, нетрудно было установить, какое число рождений и смертей приходилось в 1900—1914 гг. на губернии и районы, частично оказавшиеся в период 1919—1939 гг. за советским рубежом. Присоединив цифры по этим районам к остальным европейским государствам, мы получим данные о рождаемости в Западной Европе за 1900—1914 гг. Данные за 1915—1919 гг. пришлось интерполировать, учитывая разорение, которое принесла война этим местам.

Имеются сведения, что в некоторых странах существовал недоучет рождений и смертей. Такой недоучет имелся в Ирландии, Греции, Португалии и, вероятно, еще во многих странах. Некоторые авторы пытались делать поправки на недоучет. Например, Сундберг все цифры по Ирландии считает нужным увеличивать на 10%. Прибавку, хотя и несколько меньшую, Сундберг делает также в отношении Португалии. Мы не встали на путь прикидок и накидок, так как степень недоучета является величиной неизвестной, а произвольно устанавливая ее — это значит открыть ворота новым источникам ошибок. Поэтому мы всюду брали лишь официально публиковавшиеся цифры. В основу нашего свода мы положили, главным образом, материалы, публикующиеся в международном отделе французского статистического ежегодника¹.

¹ См. «Annuaire Statistique», 1918, p. 168*; 1928, p. 211*; 1937, p. 258*. Материалы за 1938 г. взяты из «Annuaire Statistique de la Société des Nations» 1938/39, p. 38—41, а за 1939 г. из того же ежегодника за 1939/40 г., p. 32—33, данные в 1900 г. — из «Statesman's Yearbook» за разные годы. Недостающие цифры заимствовались из статистических справочников по различным странам.

Коэффициенты рождаемости по отдельным странам публикуются очень часто в самых разнообразных изданиях и справочниках. Но нас интересует коэффициент рождаемости по Западной Европе в целом. Такие показатели, к сожалению, найти не удалось. Поэтому нам пришлось самостоятельно его исчислить. Простая средняя из коэффициента рождаемости по отдельным странам была бы лишь приближенной величиной. Значительно точнее будет, если мы совсем отойдем от коэффициентов и возьмем абсолютные числа родившихся и умерших по Западной Европе в целом, с тем чтобы полученные итоги соотносить к населению на соответствующую дату. Этим путем мы и пошли.

Говоря об итоговых показателях по Европе, нельзя не отметить заслугу Сундберга, давшего свод материалов по XIX в. В отношении XX в. Сундберг дает цифры лишь первые 4 года (с итогами по Европе). В статистическом ежегоднике Лиги наций также приводятся абсолютные итоги числа умерших и числа родившихся, но и они охватывают лишь часть исследуемого нами периода.

Затем Карр-Саундерс в своей книге «World population» приводит коэффициенты рождаемости и смертности для Европы за 1820—1930 гг. Он указывает тут же, что за 1900—1930 гг. эти ряды займствованы им из неопубликованной работы мисс Лейбурн (Leibourn). Но, во-первых, они доведены только до 1930 г., во-вторых, даны не в тех границах, которые нам нужны, в-третьих, приведены только в графической форме, так что мы даже лишены возможности использовать их для контроля собственных результатов.

Для построения коэффициентов рождаемости и смертности нужно знать еще население Европы на каждый год. Ввиду отсутствия в большинстве стран ежегодных оценок численности населения приходилось прибегать к интерполяции. Однако в масштабе Европы ошибка, проистекающая от этого, не могла иметь сколько-нибудь существенного значения. Укажем еще, что мы брали население не на начало года, как это мы обычно делали во всех других наших расчетах, а среднее население.

В результате исчислений мы пришли к следующим цифрам (см. табл. на стр. 271).

Приведенный коэффициент рождаемости (на 1 тыс. человек) для Западной Европы раскрывает чрезвычайно яркий и знаменательный факт: процесс понижения рождаемости, начавшийся еще в 70-х годах прошлого столетия, нашел свое последовательное продолжение в XX в. Более ясной картина становится из следующего графика (см. рис. 12 на стр. 272).

При наличии некоторых колебаний по отдельным годам отчетливо видна тенденция к падению рождаемости. Важно отметить, что темп этого падения значительно ускорился по сравнению с XIX в. Если в XIX в., когда впервые в 70-х годах обнаружилось падение рождаемости, коэффициент понизился примерно на 10—15% к концу столетия, то в настоящем столетии прибли-

Рождаемость в Западной Европе за 1900—1939 гг.

Годы	Число родившихся (в тыс.)	Среднее население (в млн)	Коэффициент рождаемости (на тыс человек)
1900	10 215	314	32,5
1901	10 296	317	32,5
1902	10 431	320	32,6
1903	10 239	323	31,7
1904	10 369	326	31,8
1905	10 190	329	31,0
1906	10 342	332	31,2
1907	10 251	335	30,6
1908	10 376	338	30,7
1909	10 323	341	30,3
1910	10 216	344	29,7
1911	10 043	347	28,9
1912	10 168	349	29,1
1913	9 751	351	27,8
1914	9 684	353	27,4
1915	8 075	354	22,3
1916	6 425	353	18,2
1917	5 893	351	16,8
1918	5 992	349	17,2
1919	7 252	345	21,0
1920	9 490	346	27,4
1921	9 480	349	27,2
1922	9 247	352	26,3
1923	9 117	356	25,6
1924	9 035	359	25,2
1925	9 052	362	25,1
1926	8 939	365	24,5
1927	8 654	368	23,5
1928	8 755	371	23,6
1929	8 563	373	23,0
1930	8 775	376	23,3
1931	8 406	379	22,2
1932	8 320	382	21,8
1933	7 980	385	20,7
1934	8 251	388	21,3
1935	8 164	391	20,9
1936	8 145	394	20,7
1937	7 999	397	20,1
1938	8 033	399	20,1
1939	8 037 ¹	401	20,0

зительно за тот же период этот коэффициент понизился с 33 до 20, т. е почти на 40%.

Более наглядным процессом падения рождаемости становится при группировке по пятилетним периодам (цифры за военное пятилетие 1915—1919 гг. исключены)².

¹ Число рождений по Испании, 6 Польше, Югославии, Финляндии—экстраполировано, по Англии, Франции, Бельгии число рождений определено приближенно вследствие отсутствия точных данных за последние месяцы 1939 г.

² Хотя военное пятилетие приходилось на 1914—1918 гг, но с демографической точки зрения правильнее его представить именно как 1915—1919 гг, т. е с передвижкой на один год.

*Коэффициенты рождаемости в Западной Европе
в XX в. по пятилетиям*

Пятилетие	Коэффициент рождаемости на 1 тыс. человек	Первая разность
1900—1904	32,2	—
1905—1909	30,8	1,4
1910—1914	28,7	2,1
1920—1924	26,4	2,3
1925—1929	24,1	2,3
1930—1934	21,8	2,3
1935—1939	20,4	1,4

Исследуя приведенные цифры, интересно прежде всего отметить закономерность динамики первых разностей ряда коэффициента рождаемости. Падение рождаемости после войны продолжалось: три раза подряд повторяется цифра 2,3. Это говорит о нарастающих темпах падения. Лишь в последнем пятилетии темп снижения несколько ослабел.

Важно еще отметить, что в пятилетие 1935—1939 гг. рождаемость в Западной Европе опустилась почти до уровня военного

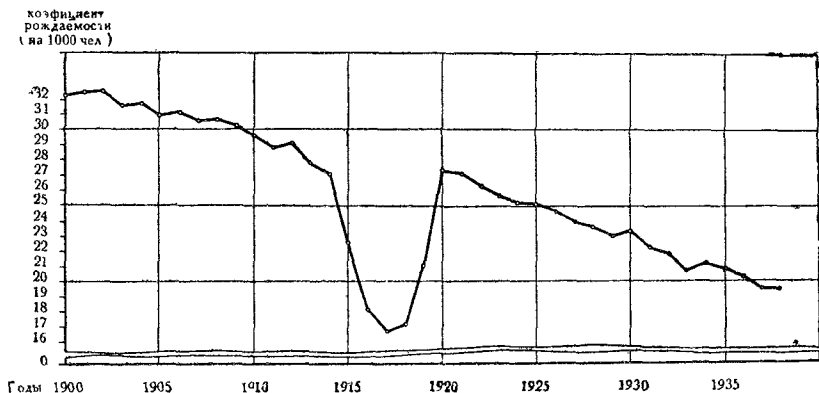

Рис. 12. Динамика коэффициента рождаемости в Западной Европе за 1900—1938 гг.

пятилетия 1914—1919 гг. Можно себе представить, как низко упадет рождаемость под влиянием второй империалистической войны.

Процесс падения рождаемости в капиталистическом мире — это наиболее важный демографический факт XX в. Как мы увидим ниже, он имеет колоссальные, далеко идущие последствия. При этом нужно отметить влияние мировой войны на рождаемость в Западной Европе. 1914 г. дал повышение числа родив-

шихся по сравнению с 1913 г. на 107 тыс. человек. Это получилось потому, что Балканские войны уже закончились, а влияние начавшейся в августе мировой войны еще не могло сказаться. Зато в следующем году война сказалась уже очень заметно: число рождений упало почти на 2 млн., 1916 и 1917 годы дали дальнейшее падение. В 1918 г. число родившихся несколько возросло: население пыталось приспособиться к военной обстановке. Первый мирный год (1919) дал подъем рождений на 1 200 тыс. человек, но окончание войны могло сказаться лишь в 1920 г., и действительно, этот год дал 9 526 тыс. рождений, на две трети больше, чем 1917 г. Ни один последующий год уже не давал этой цифры.

В целом потери в рождаемости в результате мировой войны можно определить примерно в следующих цифрах (для Западной Европы):

*Определение примерного ущерба от войны
в отношении рождаемости (в тыс. человек)*

Г о д ы	Фактическое число родив- шихся	Предположи- тельное число родившихся при отсутствии мировой войны ¹	Разность
1914	9 684	9 900	— 216
1915	8 075	9 800	— 1 725
1916	6 425	9 700	— 3 275
1917	5 893	9 600	— 3 707
1918	5 992	9 500	— 3 508
1919	7 252	9 400	— 2 148
1920	9 490	9 300	+ 190
			— 14 389

Таким образом, общее число «недородившихся» в годы мировой войны определяется колоссальной цифрой в 14 млн. человек. Этим главным образом и объясняется низкий прирост населения Западной Европы во втором десятилетии.

Если от коэффициентов рождаемости перейти к коэффициентам плодovitости, то мы получим еще более сильное падение. Дело в том, что удельный вес женщин в возрасте 15—49 лет в начале XX в. был меньше, чем сейчас (опять-таки вследствие падения рождаемости). Это значит, что доля женщин, способных к деторождению, возросла, и если даже при таком положении коэффициент рождаемости падает, то коэффициент плодovitости будет падать еще сильнее. Это можно видеть из следующей таблицы:

¹ Числа этого ряда определялись так: для 1914 г. был взят примерный довоенный уровень, и для последующих лет — число рождений снижалось на 100 тыс. каждый год, в соответствии с темпом падения рождаемости в довоенной Западной Европе.

Сравнение коэффициента рождаемости с коэффициентом плодovitости

Годы	Коэффициент рождаемости (на 1 тыс человек)	Удельный вес женщин в возрасте 15—49 лет ¹	Обратная величина удельного веса	Коэффициент плодovitости (на 1 тыс человек)
	гр 1	гр 2	$гр\ 3 = \frac{1}{гр\ 2}$	$гр\ 4 = \frac{гр\ 1 \times}{\times гр\ 3}$
1900—1904	32,2	24,9	0,04016	129,3
1905—1909	30,8	(25,2)	0,03968	122,2
1910—1914	28,7	25,6	0,03906	112,1
1915—1919	19,2	(26,2)	0,03817	73,3
1920—1924	26,4	26,7	0,03745	98,9
1925—1929	24,1	(26,7)	0,03745	90,3
1930—1934	21,8	(26,7)	0,03745	81,6
1935—1939	20,6	(26,7)	0,03745	76,1

Коэффициент рождаемости упал на 36%, а коэффициент плодovitости за этот же период — на 41%. Таким образом, падение рождаемости не снижается, а усиливается, если принять во внимание возрастную структуру².

Если в XIX в несколько европейских стран еще не обнаруживали какого-либо падения рождаемости, то в XX в. это явление стало всеобщим, охватив все без исключения страны Западной Европы.

Конечно, наличие падения рождаемости еще не означает, что коэффициент падает непрерывно, из года в год: коэффициент рождаемости находится под влиянием целого ряда факторов, поэтому из года в год он обнаруживает известные колебания. Тем

¹ Удельный вес женщин в возрасте 15—49 лет исчислен нами за 1900, 1910, 1920, 1930, 1937 гг по материалам следующих стран Западной Европы: Германии, Франции, Англии, Италии, Испании, Бельгии, Голландии, Австро-Венгрии. Удельные веса за промежуточные годы интерполированы. Материалы по Испании за 1930 и 1937 гг взяты приближенные.

² Правда, надо сказать, что общие коэффициенты плодovitости тоже недостаточно полно учитывают возрастную структуру женского населения. Важен не только удельный вес женщин в возрасте 15—49 лет, но и распределение их по пятилетним группам в этих пределах. С точки зрения рождаемости наиболее важная роль принадлежит женщинам в возрасте от 20 до 30 лет. Если женщин этого возраста в общей массе женщин в возрасте 15—49 лет стало больше, чем раньше, то при полной стабилизации в уровне плодovitости коэффициент рождаемости возрастает только за счет повышения удельного веса женщин в возрасте частого деторождения. Однако в нашем конкретном случае мы не можем предполагать, чтобы, например, в 1930 г удельный вес женщин, родившихся между 1900 и 1910 г, был меньше, чем в 1900 г удельный вес женщин, родившихся между 1870 и 1880 гг. Лишь тогда, когда в строй матерей вступят женщины, родившиеся между 1910 и 1920 г (война), некоторое сокращение рождаемости может быть приписано понижению удельного веса женщин в возрасте наиболее частого деторождения. Однако это скажется лишь в пятом десятилетии нашего века.

не менее, несмотря на эти колебания, тенденция к падению рождаемости видна даже «невооруженным» глазом. Приведем для примера график по Дании (см рис. 13) Несмотря на колебания, trend ряда совершенно очевиден: он проходит примерно так, как показано выравненной (графическим путем) линией. От этого trend'a значительно отклоняется лишь несколько послевоенных лет; начиная с 1925 г. продолжается прежняя тенденция. Лишь в самые последние годы замечается временная приостановка в падении рождаемости. Об этом мы будем говорить ниже.

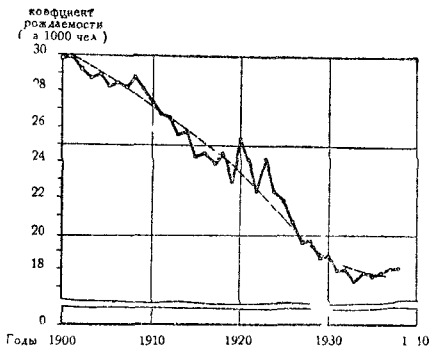

Рис 13 Динамика коэффициента рождаемости в Дании

Для характеристики стремительности падения рождаемости мы разгруппировали 26 стран Западной Европы по величине коэффициента рождаемости в начале века и в наши годы. Эту группировку можно представить в следующей таблице:

Распределение стран Западной Европы по величине коэффициента рождаемости в начале века и теперь

Величина коэффициента рождаемости	Начало XX в	
	1900	1933—1938 гг.
	Количество стран	
До 15	0	4
От 15,0 до 24,9	1	15
» 25,0 » 34,9	17	7
35,0 и более	8	0
	26	26

В начале века не было ни одной страны с коэффициентом рождаемости ниже 15, и лишь одна страна (Франция) попала во вторую группу. Теперь в эту вторую группу попало уже 15 стран, да еще 4 очутились в самой нижней группе. Получается, что Франция как бы потянула за собой всю капиталистическую Европу в бездну депопуляции. Теперь уже нет ни одной страны в Западной Европе, которая давала бы коэффициент рождаемости свыше 35, и лишь одна страна — с коэффициентом рождаемости свыше 30, тогда как в начале века 14 стран давали коэффициент рождаемости свыше 30.

Важно отметить, что интенсивность падения рождаемости была далеко не одинаковой во всех странах. Это видно из следующей таблицы¹:

Падение рождаемости в западноевропейских странах в XX в.

Страны	Коэффициент рождаемости		
	уровень начала века	уровень 1933 — 1938 гг.	% падения
<i>Скандинавские страны</i>			
Дания	29,5	17,8	39,7
Швеция	26,5	14,2	46,4
Норвегия	29,4	14,9	49,3
Финляндия	33,1	17,3	47,7
<i>Англо-французские страны</i>			
Англия и Уэльс	28,7	14,9	48,1
Шотландия	29,0	17,8	38,6
Ирландия	25,5	19,5	23,5
Бельгия	28,5	15,5	45,6
Швейцария	28,2	15,6	44,7
Франция	21,6	15,2	29,6
<i>Центральная Европа</i>			
Германия	35,2	18,9	46,3
Чехо-Словакия	36,0	17,6	51,1
Австрия	30,3	13,3	56,1
Нидерланды	32,0	20,3	36,6
<i>Восточная Европа</i>			
Польша	41,9	25,6	38,9
Латвия	31,0	17,8	42,6
Литва	35,5	23,4	34,1
Эстония	29,8	16,0	46,3
<i>Юго-восточная Европа</i>			
Венгрия	38,0	20,6	45,8
Румыния	39,2	31,0	20,9
Югославия	39,6	29,9	24,5
Греция	34,7	28,6	17,6
Болгария	41,0	25,7	37,3
<i>Южная Европа</i>			
Италия	33,4	23,2	30,5
Испания	34,9	26,9	22,9
Португалия	32,0	27,8	13,1

¹ Несколько замечаний о конструкции ряда: уровень начала века получен как средняя из 1896—1900 и 1901—1905 гг. (эти последние средние взяты у Сундберга) Лишь по Греции взята средняя за 1889—1890 гг. по таблицам в «Трудах Римского демографического конгресса». Уровень рождаемости в наши годы исчислен как пятилетняя средняя за 1933—1938 гг. По Испании взята средняя за 1932—1935 гг. вследствие гражданской войны 1936—1939 гг. По Польше взята средняя из коэффициента рождаемости по Царству Польскому в 1890—1893 и 1904 гг., а именно 40,1, далее, взят коэффициент рождаемости за 1896—1900 гг. по Галиции—43,2; наконец, взята средняя из коэффициентов рождаемости в 1900 г. по губерниям Гродненской, Минской, Виленской, Волынской—получаем 43,7. Так как по населению Царство Польское, Гали-

Темп падения оказывается различным: в некоторых странах он невелик потому, что уже ранее был достигнут весьма низкий уровень рождаемости (речь идет о Франции), в других — невелик потому, что страна в целом еще не успела вступить на путь массового применения контрацепции. К таким странам принадлежат страны Балканского полуострова (кроме Болгарии).

В целом картина падения рождаемости может быть представлена в таком виде:

Степень снижения коэффициента рождаемости в европейских странах

Снижение коэффициента рождаемости	Количество стран	Перечень стран, вошедших в данную группу
Снижение более чем в 2 раза . .	2	Австрия, Чехо-Словакия
Снижение почти в 2 раза (т. е. от 40 до 50%)	11	Швеция, Норвегия, Финляндия, Англия, Бельгия, Швейцария, Германия, Латвия, Эстония, Венгрия, Дания
Снижение приблизительно на треть	7	Шотландия, Франция, Нидерланды, Италия, Польша, Литва, Болгария
Снижение на четверть	2	Ирландия, Югославия
» » одну пятую	2	Румыния, Испания
Страны, снизившие рождаемость менее чем на 20%	2	Португалия, Греция

26

По своему абсолютному уровню коэффициенты рождаемости в современных европейских странах значительно отличаются друг от друга. Наивысший коэффициент дает Румыния, за ней идут Югославия, Греция, Португалия, Испания, Болгария. Самый низкий коэффициент дает Австрия. Уровень рождаемости в Австрии в 2,5 раза ниже уровня Румынии. При средней за 1933—1938 гг. в 13,3 этот коэффициент в Австрии дал рекордно низкую цифру в 1937 г. — 12,8 на 1 тыс. человек. Вслед за Австрией идет Швеция, за ней — Норвегия, Англия и Франция. Таким образом, Франция уже не занимает последнего места по уровню рождаемости. Есть страны, которые ее «опередили». Правда, надо ска-

ция, Западная Украина и Белоруссия представляли собой примерно одинаковые величины (около 9 млн каждая), то мы взяли простую среднюю из трех коэффициентов. По Латвии взята средняя из коэффициента рождаемости за 1900 г. — по Лифляндии, Курляндии и Витебской губернии (последняя взята с половинным весом). По Литве взята средняя из коэффициента рождаемости за 1900 г. по Ковенской губернии и за 1884—1893 гг. по Сувальской губернии. По Эстонии взята цифра из публикаций Римского конгресса. По Австрии для 1896—1900 гг. взяты цифры в ее послевоенных границах. В отношении Венгрии для перевода в послевоенные границы мы поступили следующим образом: в 1911—1915 гг. по Венгрии в ее старых пределах (без Краоции и Славонии) коэффициент рождаемости был 32,6, а в послевоенных границах — 32,1, разница — 0,5; для 1896—1905 гг. средний уровень для Венгрии был 38,5, беря поправку в 0,5, получаем для Венгрии в послевоенных границах 38

зять, что средний уровень 1933—1938 гг. для Франции недостаточен: в этот период во Франции продолжает интенсивно падать рождаемость, а средняя за этот период скрадывает это положение, преувеличивая уровень рождаемости. Динамика коэффициента рождаемости во Франции в последние годы была следующей:

	1932 г.	1933 г.	1934 г.	1935 г.	1936 г.	1937 г.	1938 г.
Коэффициент рождаемости	17,3	16,2	16,2	15,3	15,0	14,7	14,6

Но даже если взять по Франции не среднюю за 1933—1938 гг., а уровень 1938 г., то и тогда две страны (Австрия и Швеция) окажутся впереди.

На приведенном выше графике по Дании мы видели, что последние годы принесли приостановку процесса падения рождаемости, даже ее небольшой рост. Надо сказать, что подобное явление наблюдается и во многих других европейских странах. Объяснение его следует искать в некотором экономическом оживлении после кризиса 1929—1933 гг. Интересно отметить, что эта кратковременная стабилизация рождаемости заметна только в странах с низким уровнем рождаемости. Так, например, стабилизация и даже некоторый рост рождаемости в 1933—1938 гг. можно наблюдать в Англии, Германии, Австрии, Дании, Швеции, Норвегии, т. е. в странах, которые до катастрофически низкого уровня рождаемости. В тех же странах, где уровень рождаемости еще сравнительно высок, процесс ее понижения продолжался и в период 1933—1939 гг. Это подтверждается следующей таблицей:

Динамика коэффициента рождаемости (на 1 тыс. человек) за 1932—1939 гг. в некоторых европейских странах

Страны	1932 г.	1933 г.	1934 г.	1935 г.	1936 г.	1937 г.	1938 г.	1939 г.
Болгария	31,5	29,2	30,1	26,4	25,9	24,3	22,8	21,4
Венгрия	23,4	22,0	21,9	21,2	20,4	20,2	20,1	18,9
Бывш. Польша	28,9	26,5	26,5	26,1	26,2	24,9	24,5	—
Португалия	29,9	29,0	28,4	28,4	28,3	27,0	26,9	26,5
Румыния	35,9	32,1	32,4	30,7	31,5	30,8	29,6	28,3
Югославия	32,8	31,4	31,5	29,8	28,9	27,9	26,7	—

Во всех этих странах мы видим стремительное падение коэффициента рождаемости. Всего только за 6—7 лет коэффициент в Болгарии упал почти на треть, в Польше — почти на одну шестую, в Югославии и Румынии — на одну пятую часть. Такой быстрый темп падения даже в годы, сравнительно благоприятные в экономическом отношении, говорит о том, что эти наименее развитые страны Западной Европы в скором времени по уровню рождаемости догонят страны с низким коэффициентом

рождаемости, а некоторые из них уже догнали. Взять хотя бы Венгрию, которая еще совсем недавно отличалась высоким уровнем плодovitости, а теперь по уровню рождаемости уже совсем недалеко отстоит от Франции.

В настоящее время все страны Западной Европы можно разбить на три группы: страны с низким уровнем рождаемости, со средним уровнем рождаемости и с относительно высоким уровнем рождаемости. В первую группу попадут все скандинавские страны, Англия и Франция, Бельгия и Швейцария, т. е. весь север и запад Европы; во вторую группу попадут страны Центральной Европы; наконец, в третью группу попадут восток, юго-восток и юг Европы. Такова примерная география уровня рождаемости к концу рассматриваемого периода.

4. ДИНАМИКА СМЕРТНОСТИ

При конструкции ряда смертности в Западной Европе на протяжении четырех десятилетий XX в. встречаются те же трудности, о которых мы уже говорили в предыдущей главе. Особо следует отметить лишь вопросы, связанные с исчислением смертности в годы первой мировой войны.

Вполне понятно, что статистика естественного движения населения в годы мировой войны имеет существенные пробелы. Особенно велики эти пробелы в зоне театра военных действий. Отсутствующие цифры мы вынуждены интерполировать, но при этом очень легко впасть в грубую ошибку. Возникает вопрос, какие изменения можно предположить в отношении количества умерших среди гражданского населения в зоне военных действий. Этот вопрос решается по-разному, в зависимости от того, эвакуировалось ли население перед приходом неприятеля, или же оставалось на своих местах. Ясно ведь, что если население зоны военных действий разбежалось, то и число умерших в этих районах было небольшим. Умершие беженцы увеличивали число случаев смерти в глубинных районах страны и, таким образом, как-то попадали в регистрацию (если не умирали в пути, что случалось нередко). Если же население оставалось на месте, то надо считать с тем, что случаи смерти «пропадали» для статистики. Тогда следует производить интерполяцию.

Во время мировой войны были различные ситуации. В России, например, при наступлении немцев производилась массовая принудительная эвакуация городского и сельского населения. Следовательно, случаи смерти беженцев должны были попадать в регистрацию в местах их временного проживания. Но здесь дело осложняется тем, что беженцы, бросая родные края и уезжая в центральные губернии, тем самым покидали пределы Западной Европы, и, следовательно, если их смерть и была объектом регистрации и статистической сводки, то не в тех странах, которые имеются в нашем списке. Вообще же решение вопроса зависит от того, включались ли беженцы из Западной Ев-

ропы в состав населения Западной Европы или же нет. Так как беженцы из Польши, Лифляндии, Курляндии и Белоруссии не рассматривались нами как убыль населения Западной Европы, то и случаи смерти их внутри России должны быть нами приняты во внимание при интерполяционных расчетах. Количество беженцев в России было очень велико. Оно измерялось в грубых цифрах в количестве 5—8 млн. человек, что составляет четверть или треть населения оккупированных районов. Смертность беженцев была очень значительна в результате эпидемий и неблагоприятных условий жизни. Гибель этой категории населения еще увеличивает гирю жертв мировой войны.

При интерполяции следует также учесть и то обстоятельство, что на уровень смертности большое влияние оказывала рождаемость. Резкое падение числа родившихся давало не менее резкое понижение случаев детской смертности (даже несмотря на ее относительный рост), что должно было снизить общее число умерших. Кроме того, следует еще учесть, что значительная часть мужчин была мобилизована, и смертность этой категории населения также не должна быть учтена интерполяцией. С другой стороны, резкое ухудшение условий жизни неминуемо должно было привести к росту смертности гражданского населения. Таким образом, смертность гражданского населения в военное время подвержена влиянию двух противоположных факторов. Сила действия этих факторов примерно равна друг другу, вследствие чего и получились такой, казалось бы, невероятный факт, что количество умерших в 1914, 1915, 1916, 1917 гг. находилось на уровне довоенных лет (см. табл. на стр. 281).

На графике динамика коэффициента смертности за 1900—1938 гг. выглядит так:

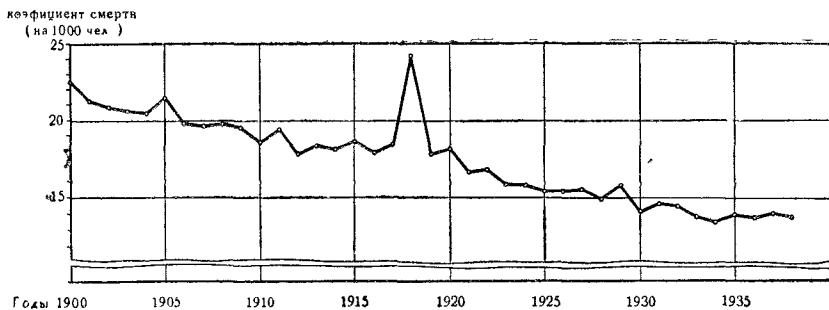

Рис. 14. Динамика коэффициента смертности в Западной Европе за 1900—1938 гг.

Налицо значительное снижение смертности, которое является продолжением процесса, начавшегося еще в XVIII столетии. В целом за 40 лет уровень смертности в Западной Европе снизился на одну треть. Если уже в последних десятилетиях XIX в. значительная часть всего снижения смертности объяснялась либо снижением рождаемости, либо снижением детской смертности, то

Динамика смертности в Западной Европе в 1900—1939 гг.

Г о д ы	Количество умерших (в тыс)	Среднее население (в млн)	Коэффициент смертности (на 1 тыс человек)
1900	7 061	314	22,5
1901	6 752	317	21,3
1902	6 693	320	20,9
1903	6 687	323	20,7
1904	6 680	326	20,5
1905	7 020	329	21,3
1906	6 611	332	19,9
1907	6 614	335	19,7
1908	6 687	338	19,8
1909	6 685	341	19,6
1910	6 391	344	18,6
1911	6 727	347	19,4
1912	6 218	349	17,8
1913	6 428	351	18,3
1914	6 378	353	18,1
1915	6 633	354	18,7
1916	6 313	353	17,9
1917	6 442	351	18,4
1918	8 430	349	24,2
1919	6 155	345	17,8
1920	6 251	346	18,1
1921	5 826	349	16,7
1922	5 908	352	16,8
1923	5 659	356	15,9
1924	5 677	359	15,8
1925	5 573	362	15,4
1926	5 611	365	15,4
1927	5 704	368	15,5
1928	5 551	371	15,0
1929	5 902	373	15,8
1930	5 324	376	14,2
1931	5 561	379	14,7
1932	5 550	382	14,5
1933	5 351	385	13,9
1934	5 295	388	13,6
1935	5 468	391	14,0
1936	5 469	394	13,8
1937	5 530	397	13,9
1938	5 457	399	13,7
1939	5 518 ¹	401	13,8

для XX в. снижение смертности еще, пожалуй, в большей степени объясняется именно этими явлениями. Кроме того, следует еще указать на изменения в возрастной структуре в целом.

Известно, что коэффициент смертности тесно связан с возрастной структурой населения. Если мы представим себе какой-нибудь новый, только что колонизируемый район, в котором почти все население в возрасте от 20 до 40 лет, то нас не удивит, если мы для этого района получим весьма низкие коэффициенты

¹ Число умерших по Югославии, 6. Польше, Финляндии взято за 1938 г.; по Англии, Франции и Бельгии число умерших определено приблизительно вследствие отсутствия точных данных за последние месяцы 1939 г.; по Испании мы исходили из понижения на 5% по сравнению с 1938 г.

смертности. Этот низкий коэффициент будет естественным следствием высокого удельного веса наиболее жизнестойких возрастов. То же самое справедливо и в применении к стране в целом. Если в какой-либо стране, например, очень мало детей и стариков, то, следовательно, мал удельный вес той категории населения, которая является главным «поставщиком» случаев смерти. Из этого ясно, что возрастная структура сама по себе играет большую роль при сравнениях демографических коэффициентов (друг с другом).

Демографическая статистика применяет довольно простой способ для исключения влияния этой структуры. Это — метод стандартизованных коэффициентов смертности.

Здесь не место говорить о сущности этих приемов, которые изложены в любом курсе демографической статистики. Укажем только, что речь идет об установлении некоторой стандартной возрастной структуры и расчет средневзвешенного коэффициента смертности производится каждый раз с юдными и теми же весами для отдельных возрастных групп. Благодаря этому на полученные таким путем стандартизованные коэффициенты смертности не могут влиять изменения возрастной структуры, так как она во всех случаях принимается одинаковой. На средний стандартизованный коэффициент влияют только коэффициенты смертности отдельных возрастных групп. Из этого видно, что для построения стандартизованных коэффициентов смертности недостаточно знания общего числа умерших и распределения населения по возрасту, нужно еще знание распределения умерших по возрасту, тогда представится возможность построить повозрастные коэффициенты смертности, которые потом следует взвесить на стандартные веса для отдельных возрастных групп.

Посмотрим же, какова разница между простыми и стандартизованными коэффициентами смертности на примере Англии, Швеции и Франции¹:

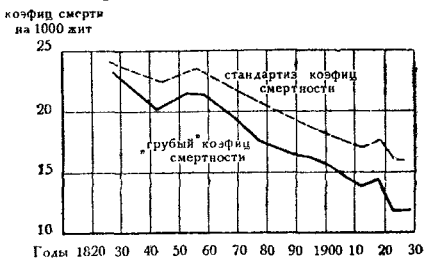

Рис 15. Динамика стандартизованного коэффициента смертности в Англии

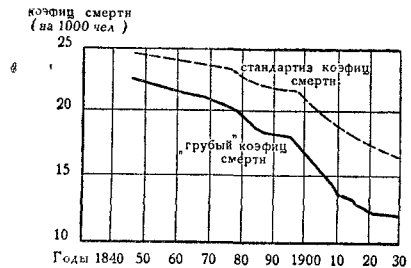

Рис 16. Динамика стандартизованного коэффициента смертности в Швеции

Из графиков явствует, что простой коэффициент смертности, который имеет такое широкое распространение, довольно существенно искажает динамику явления и его абсолютный уровень. Возьмем хотя бы Англию и Уэльс. Здесь мы видим, что

¹ См. Carr-Saunders, World Population, p 72—73.

в начале периода расхождения между этими коэффициентами почти не было, но с течением времени оно приняло большие размеры. Простой коэффициент смертности снижается гораздо стремительнее стандартизованного. Аналогичная картина и по Швеции. Только по Франции положение несколько иное, вследствие того что падение рождаемости началось там еще в начале XIX в., но Франция является исключением. Остальные страны Европы по характеру динамики своих стандартизованных коэффициентов смертности гораздо ближе к Англии, чем к Франции. Падение рождаемости обязательно приводит к уменьшению удельного веса детей, а это последнее — к снижению случаев детской смертности. Поскольку же рождаемость снижается во всех странах Западной Европы без исключения, значительная часть снижения смертности является непосредственным результатом постепенного уменьшения численности детей в общей массе населения.

В другой своей части снижение смертности является, главным образом, результатом снижения детской смертности. Детская смертность в XX в. продолжала интенсивно снижаться. Это можно видеть из следующих цифр¹:

*Динамика детской смертности в XX в
(из 100 родившихся умирало, не достигнув 1 года)*

Страны	1891 — 1900 гг	1936 — 1937 гг.	% падения
Нидерланды	15,8	3,8	75,9
Германия	21,7	6,4	70,5
Швейцария	14,9	4,7	68,5
Англия и Уэльс	15,3	5,7	62,7
Франция	16,4	6,5	60,4
Швеция	10,2	4,3	57,8
Норвегия	9,7	4,2	56,7
Финляндия	14,2	6,6	53,5
Дания	13,5	6,6	51,1
Бельгия	16,1	8,0	49,7
Испания	20,3	10,9	46,3
Италия	17,5	11,0	37,1
Шотландия	12,7	8,0	37,0
Ирландия	10,4	7,3	29,8
Румыния	21,4	17,5	18,2
Болгария	14,1	14,3	+ 1,4

¹ «Annuaire Statistique», 1937, p. 261 * и книга Prinzing, Handbuch der medizinischen Statistik, S. 375.

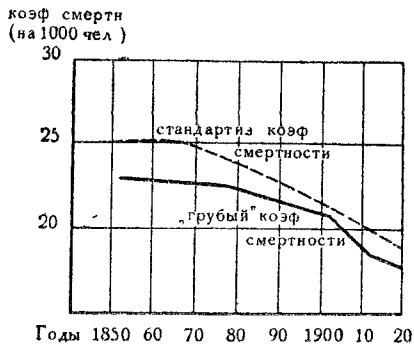

Рис 17 Динамика стандартизованного коэффициента смертности во Франции

Во всех странах, кроме Болгарии, имеет место значительное падение детской смертности. Это явление в известной части объясняется, конечно, успехами медицины в борьбе с инфекционными и специфическими детскими заболеваниями. Но нельзя упускать из виду и того, что снижение детской смертности является прямым результатом падения рождаемости. Многочисленные статистические исследования показали, что в капиталистических странах существует зависимость между многодетностью и детской смертностью. Об этом свидетельствует, например, следующая таблица ¹:

Зависимость детской смертности от размера семьи

Число детей в семье	% детской смертности	
	семьи берлинских рабочих в 1903 г.	семьи в рейнских городах в 1910 г.
От 1 до 3	21,3	—
» 4 » 6	30,4	14,7
» 7 » 10	38,3	14,9
Свыше 10	50,7	24,5

Об этом же можно судить на основании исследования зависимости процента смертности от порядкового «номера» ребенка:

Зависимость детской смертности от порядкового «номера» ребенка

„Номер“ ребенка (т. е. какой по счету ребенок у матери в порядке рождения)	% смертности в семьях		
	немецкого рабочего в 1907 г.	немецкого служащего в 1907 г.	немецкого чернорабочего в 80 х годах
1	11,7	10,6	22,9
2	12,5	11,0	20,4
3	14,3	12,7	21,2
4	15,1	13,7	23,2
5	16,5	16,3	26,3
6	17,4	17,0	28,9
7	18,9	16,3	31,1
8	19,3	} 19,0	33,2
9	19,2		36,1
10	23,0	} 23,9	41,3
11	} 23,9		51,4
12			59,7

Уровень детской смертности в многодетных семьях в капиталистических странах в 2—3 раза выше уровня детской смертности в семьях с небольшим числом детей. А так как понижение рождаемости означает не что иное, как переход к малой семье, то вполне понятно, что детская смертность должна снизиться только в силу одного этого.

¹ См Prinzing, op cit, S 405—406.

Ввиду большого влияния младенческой смертности на общий уровень смертности представляет интерес разделение коэффициента смертности на два элемента: один — характеризующий смертность младенцев, другой — характеризующий смертность всего населения старше одного года. Эта разбивка производится следующим образом. Нам известна цифра смертности младенцев на первом году жизни на 100 родившихся (обозначим ее i). Упомянутую цифру надо редуцировать в отношении ко всему населению, т. е. узнать, сколько умирает младенцев до одного года на 1 тыс. жителей. Это достигается перемножением коэффициента рождаемости на коэффициент детской смертности с последующим делением на 100. Если общий коэффициент смертности обозначим m , полученный коэффициент детской смертности m' , коэффициент рождаемости g , то искомый коэффициент (m'') может быть вычислен по формуле:

$$m'' = \frac{1000(m - m')}{1000 - (g - m')}, \text{ где } m' = \frac{g \cdot i}{100}.$$

Приведем пример: $g = 40$, $m = 20$, $i = 25$, откуда $m' = \frac{40 \cdot 25}{100} = 10$

$$m'' = \frac{1000(20 - 10)}{1000 - (40 - 10)} = \frac{10000}{970} = 10,3$$

В нашем примере получается, что смертность для населения старше одного года (т. е. m'') чуть ли не вдвое ниже общего коэффициента смертности (т. е. m).

Применим эту формулу для Западной Европы в целом, чтобы получить динамику смертности с исключением влияния смертности младенцев. Для осуществления этого нам нужно только знать количество умерших младенцев до одного года на 100 родившихся. Средневзвешенный коэффициент для западноевропейских стран в 1901 г. составил 18,8 (в качестве весов мы брали количество родившихся¹), в 1936—1937 гг. — 9,7.

Добавляя известные нам общие коэффициенты рождаемости и смертности, мы имеем:

1901 г	1936 — 1937 гг
$i = 18,8$	$i = 9,7$
$g = 32,5$	$g = 20,4$
$m = 21,3$	$m = 13,9$

Откуда для 1901 г.

$$m' = \frac{32,5 \cdot 18,8}{100} = 6,11$$

и для 1937 г.

$$m' = \frac{20,4 \cdot 9,7}{100} = 1,98$$

¹ После взвешивания мы получили 17,9 без территорий, отторгнутых от СССР. На основе исследований 1937 г включение этих территорий повышает общеевропейский уровень смертности на 0,6, т. е. на 3—4%, в соответствии с этим цифру для 1901 г мы повысили на 0,9 (вместо 17,9 получаем 18,8)

m'' для 1901 г. будет равно:

$$m'' = \frac{1\,000 (21,3 - 6,15)}{1\,000 - (32,7 - 6,15)} = \frac{1\,000 \cdot 15,5}{1\,000 - 26,55} = 15,6$$

а для 1937 г.

$$m'' = \frac{1\,000 (13,9 - 1,98)}{1\,000 - (20,4 - 1,98)} = \frac{1\,000 \cdot 11,92}{1\,000 - 18,42} = 12,1.$$

Таким образом, мы получили следующие цифры: общий коэффициент смертности по Западной Европе упал с 1901 по 1938 г. с 21,3 до 13,9, т. е. на 35%, если же исключить младенческую смертность, то коэффициент смертности падает с 15,6 до 12,1, т. е. уже всего на 22%. При этом надо учесть, что приведенная выше формула исключает влияние смертности детей только до одного года. Между тем известно, что дети в возрасте от одного года до 5 лет также дают очень большой процент смертности. Если учесть и этот возраст, то снижение смертности сократится с 22 до меньшей цифры. Но и эта меньшая цифра не даст еще правильной картины для суждения об уровне смертности для взрослого населения. Дело в том, что все материалы, которые мы до сих пор использовали, относились только к гражданскому населению. Все случаи смерти мобилизованного населения в эти сводки не входили. Между тем первые четыре десятилетия XX в. насыщены империалистическими войнами, отнимающими жизнь у самой цветущей части населения. Поэтому для правильного суждения об уровне смертности взрослого населения необходимо учесть еще потери на войне.

Цифры гибели людей на войне довольно противоречивы. Некоторые в число погибших причисляют «без вести пропавших», другие эту категорию причисляют к взятым в плен. Далее, санитарные потери (умершие в войсках не от ран) то причисляются к числу жертв, то не причисляются. Число раненых обычно преувеличивается, так как один и тот же человек учитывается несколько раз, если он, выздоровев после ранений и попав на фронт, снова был ранен. Таким образом, число раненых скорее соответствует числу ранений.

Суммарные потери человеческих жизней в мировую войну могут быть представлены в следующих цифрах (по шести источникам) (см. табл. на стр. 287).

Шесть приведенных источников, из которых два принадлежат одному и тому же автору, дают довольно существенной разницей в цифрах. Предпочтение следует отдать цифрам Деринга (из «Handwörterbuch»), так как они основаны на более точных официальных материалах. Для России, Румынии, Сербии, Черногории и Португалии примем цифру Куркина, представляющуюся нам более достоверной, для Болгарии цифру Дёринга (в его книге). Так как нас интересует сумма потерь, понесенная только Западной Европой, то в отношении России мы должны взять только потери населения районов, отошедших от России. Население Привислинского края и отошедших районов составляло 27,7 млн. на 1 января 1914 г., а население всей бывшей империи — 167 млн. Таким образом, на отошедшие районы приходится 16,6%. Исходя из этого,

Количество жертв мировой войны 1914 — 1918 гг. (по странам) на основании различных источников (в тыс. человек)

Источники Страны	„Потери убитыми на войне (включая невозвратившихся пленными)“	„Безвозвратные потери“	„Убитые на полях сражений и павшие без вести“	„Павшие на войне“	„Павшие на войне“	„Убито и умерло“
	Мировая война в цифрах	БСЭ, т. 44, стр. 671	Куркин П. И., Рождения и смертность в капиталистических государствах Европы	Die Bevölkerungsvölkung in Weltkrieg	Handwörterbuch der Staatswiss., B. II	„World Almanac“, 1939, p. 949
Россия	2 300	1 800	1 700	2 500	—	1 700
Франция	1 400	1 324	1 400	1 400	1 325	1 358
Англия	700	—	744	800	744	909
Бельгия	100	—	41	115	34	14
США	80	175	68	—	—	126
Италия	500	564	750	600	563	650
Румыния	100	—	250	159	—	336
Сербия и Черногория	40	370	380	690	—	48
Германия	2 000	2 000	2 000	2 000	1 809	1 774
Австро-Венгрия	1 400	1 800	1 543	1 500	1 457	1 200
Болгария	100	—	33	65	—	88
Португалия	—	—	4	—	—	7
Прочие страны	—	—	124	—	132	—
Греция	—	—	—	—	—	5
Турция	—	—	—	—	—	325
Итого	8 720	8 033	9 037	9 829	6 064 (без России)	8 540

на эти районы можно отнести примерно 300 тыс. человек безвозвратных потерь.

В целом безвозвратные потери Западной Европы от мировой войны могут быть даны в следующих цифрах:

Количество безвозвратных потерь в Западной Европе в результате мировой войны

Страны	В тыс. человек
Германия	1 809
Австро-Венгрия	1 457
Франция	1 325
Англия	744
Бельгия	34
Италия	563
Румыния	250
Сербия и Черногория	380
Болгария	65
Отошедшие от России территории	300

Итого 6 927

Теперь нам нужно это количество жертв войны распределить по отдельным годам войны Деринг, специально занимавшийся вопросами демографических последствий войны, дает такое распределение, считая, что потери на протяжении всего 51 месяца войны происходили равномерно (см., например, его книгу по Австро-Венгрии, стр. 67)¹.

Между тем уже после выхода книги Деринга были опубликованы материалы, позволяющие сделать более правильное распределение жертв по годам войны².

*Потери в результате мировой войны с распределением по годам войны
(в тыс. человек)*

Годы	Потери французов (убито и пропало без вести)	Потери немцев			Потери англичан (убитые, раненые, пленные)	Потери итальянцев (убито)
		убито	пропало без вести	итого		
1914	313	172	119	291	85	—
1915	392	133	87	220	201	54
1916	315	154	159	313	748	80
1917	145	144	178	322	817	138
1918	259	197	423	620	855	18
	1 424	800	966	1 766	2 706	290

Следует указать, что не все приведенные ряды сравнимы друг с другом. У англичан речь идет о всех потерях, у итальянцев—только об убитых, у французов—об убитых и пропавших без вести, у немцев эти две группы выделены. Вследствие такой несопоставимости придется прибегнуть к коэффициентам распределения. В основу построения относительных величин положим приведенные ряды, причем по Германии возьмем ряд числа убитых, так как ряд числа пропавших без вести совершенно не показателен (чрезмерно большое количество падает на 1918 г., вероятно, вследствие того, что именно к концу войны было окончательно вычислено число пропавших без вести, и это число было отнесено на 1918 г.).

Коэффициенты распределения мы получили по Франции, Англии, Германии, Италии. Что же касается остальных стран, то по ним эти коэффициенты мы установили приблизительно в соответствии с интенсивностью хода войны, с датами начала войны и т. д. В общем эти коэффициенты распределения могут быть представлены в следующей таблице (см. верхнюю табл. на стр. 289).

В соответствии с этими коэффициентами число жертв мировой войны распределится по годам следующим образом (см. нижнюю табл. на стр. 289).

Помимо мировой войны в Европе в XX в. были еще и другие войны. Среди них наиболее важными являются балканские войны 1912—1913 гг. В нашем распоряжении нет прямых данных о числе жертв этих войн. Известно только, что турецкая армия насчитывала около 400 тыс. человек, болгарская—350 тыс., сербская—200 тыс., греческая—100 тыс., черногорская—30 тыс. Общее число участвовавших—больше 1 млн. человек. Балканские войны не были особенно кровопролитными и длительными. Бодар оценивает такой процент потерь в эту войну: греки и сербы—8, черногорцы (в Скутари)—около 20, болгары—15, турки—10³. В среднем можно считать 10—12% жертв. При этом в число жертв входят также и раненые. Поэтому процент убитых

¹ D ó r i n g, Die Bevölkerungsbewegung in Weltkrieg, Kopenhagen 1919.

² Таблица составлена по материалам книги «Мировая война в цифрах», М. 1934, стр. 23—27; по Англии и Франции учтены только потери на западном фронте, по Германии и Италии учтены лишь потери во время крупных операций.

³ См. Bodart, Losses of life in modern wars, p. 16.

*Жертвы войны по годам и по странам
(в процентном отношении)*

Г о д ы	П о т е р и								
	Франция	Англия	Италия	Германия	Австро-Венгрия	Румыния	Сербия и Черногория	Болгария	Отторгнутых от России территорий
1914	22	3	0	22	20	0	20	0	20
1915	28	8	19	17	35	0	50	10	38
1916	22	28	28	19	35	20	15	40	38
1917	10	30	47	18	7	75	10	40	4
1918	18	31	6	24	3	5	5	10	0
	100	100	100	100	100	100	100	100	100

должен быть снижен до 6. Это даст около 60 тыс. человек, из которых 20 тыс. может быть причислено к 1912 г. и 40 тыс.—к 1913 г.

*Группировка жертв войны по годам и по странам в абсолютных цифрах
(в тыс. человек)*

Страны	1914 г	1915 г.	1916 г	1917 г.	1918 г
Германия	398	307	344	326	434
Австро-Венгрия	291	510	510	102	44
Франция	292	370	292	132	239
Англия	22	60	208	223	231
Бельгия	10	8	8	4	4
Италия	—	107	157	265	34
Румыния	—	—	50	188	12
Сербия и Черногория . .	76	190	57	38	19
Болгария	—	7	26	26	6
Отошедшие от России территории	60	114	114	12	—
Итого .	1 149	1 673	1 766	1 316	1 023

Следовало бы учесть еще и другие войны эпохи империализма, но весьма трудно исчислить, в какой мере жертвы этих войн были жителями Европы.

Прибавляя число умерших на войне к числу умерших среди гражданского населения, мы получим следующие коэффициенты смертности (см. табл. на стр. 290).

Всего за 1914—1918 гг. гражданского населения в Западной Европе умерло 34 196 тыс., а жертв войны было 6 927 тыс. человек. Итого умерло 41 123 тыс., что дает коэффициент смертности — 23,3. Этот уровень коэффициента смертности отбросил Европу на несколько десятилетий назад; если к тому же учесть, низкую рождаемость в годы войны, а, следовательно, и малую детскую смертность, а также и тот факт, что значительная часть убитых приходится на взрослое население в цветущем возрасте,

*Коэффициенты смертности в Западной Европе с учетом жертв войны
(в тыс. человек)*

Годы	Количество умерших среди гражданского населения	Количество умерших на войне	Итого	Среднее население (в млн)	Коэффициент смертности на 1 тыс. человек
1913	6 428	40	6 468	351	18,4
1914	6 378	1 149	7 527	353	21,3
1915	6 633	1 673	8 306	354	23,5
1916	6 313	1 766	8 079	353	22,9
1917	6 442	1 316	7 758	351	22,1
1918	8 430	1 023	9 453	349	27,1
1919	6 155	0	6 155	345	17,8

то высота коэффициента предстанет перед нами во всем своем значении.

Разгоревшаяся вторая империалистическая война опять отбрасывает Европу на несколько десятилетий назад. Истекший первый год этой войны уже принес несколько сот тысяч человеческих жертв. Кроме того, смертность гражданского населения в случае длительной войны будет неизменно возрастать. Таким образом, в условиях капитализма снижение смертности в результате успехов медицины уничтожается ее огромным возрастанием в период империалистических войн.

5. ДИНАМИКА МИГРАЦИОННЫХ ПОТОКОВ

Динамику миграционных потоков в XX в. можно подразделить на несколько периодов. Первый период, продолжавшийся вплоть до мировой войны, характеризуется бурным потоком эмигрантов за океан. Второй период, период мировой войны, дал почти полное прекращение миграционных потоков. Сразу после окончания войны миграционное движение возобновилось с большой силой, однако оно не достигло довоенных размеров, так как США, главная страна европейской иммиграции, вскоре после войны начали вводить законодательные ограничения для иммигрантов. Первые такие ограничения были введены еще в 1917 г., когда было выставлено требование для всех иммигрантов старше 16 лет уметь читать либо по-английски, либо на другом языке или диалекте. Однако это ограничение не имело серьезного значения. В 1921 г. конгресс принял постановление об иммиграционной квоте, устанавливающей ежегодное число иммигрантов каждой национальности в размере 3% от числа этой национальности по цензу 1910 г. В 1924 г. последовало еще большее сокращение: вместо 3% было установлено 2% и вместо ценза 1910 г. был взят ценз 1890 г. В результате этих мероприятий поток иммигрантов из Европы стал затухать. Наступивший в 1929/30 г. мировой экономический кризис принес дальнейшее ослабление миграционного движения. Четвертое десятилетие XX в. дало весьма незначительную миграцию.

Определение числа лиц, покинувших Европу по отдельным годам XX в., наталкивается на значительные трудности. Во-первых, в ряде стран не выделяется эмиграция за океан от эмиграции в европейские страны. Во-вторых, следует учесть, что значительная часть эмигрантов, разочаровавшись, возвращается назад. Далее, среди потока передвигающихся людей надо различать иностранцев, туристов и т. д. Особо следует выделять огромную миграцию с возвращением на родину в том же году. Наконец, уменьшение числа жителей в Европе может происходить даже в результате внутренней миграции (переселение в Сибирь). Если же мы хотим учесть эмиграцию из Западной Европы, то нам нужно будет принять во внимание изменение территории СССР. Все эти трудности встали бы перед нами во весь рост, если бы темой нашей работы были вопросы миграционного движения. В данном же случае нас это интересует попутно, в связи с другими расчетами; поэтому ограничимся примерными, ориентировочными исчислениями. Во французском статистическом ежегоднике¹ публикуются данные о количестве эмигрировавших из отдельных европейских стран. По всем странам, кроме Бельгии, приведены цифры заокеанской эмиграции. Суммируя материалы по отдельным странам, мы получили такие итоги:

Динамика эмиграции из европейских стран в XX в.

Первое десятилетие		Второе десятилетие		Третье десятилетие		Четвертое десятилетие	
Годы	Число эмигрантов (в тыс.)	Годы	Число эмигрантов (в тыс.)	Годы	Число эмигрантов (в тыс.)	Годы	Число эмигрантов (в тыс.)
1900 . . .	675	1910	1 515	1920	819	1930	545
1901 . . .	797	1911	1 271	1921	613	1931	212
1902 . . .	935	1912	1 528	1922	583	1932	116
1903 . . .	1 060	1913	1 854	1923	859	1933	131
1904 . . .	1 019	1914	937	1924	710	1934	151
1905 . . .	1 358	1915	270	1925	586	1935	163
1906 . . .	1 555	1916	263	1926	716	1936	150
1907 . . .	1 599	1917	108	1927	678	1937	210
1908 . . .	911	1918	63	1928	636		
1909 . . .	1 299	1919	395	1929	692		

Этот ряд не может претендовать на полноту охвата. При сравнении с рядом Сундберга за 1900—1906 гг. он дает меньшие величины (см. верхн. табл. на стр. 292).

Возможно, что расхождение объясняется тем, что Сундберг делал поправку на страны, не имевшие статистики эмиграции. К числу таких стран относятся все балканские страны, которые в нашу сводку не включены. Между тем балканские страны как раз с начала XX в. стали поставлять большое количество эмигрантов в заокеанские страны. По данным статистики США, развитие иммиграции из балканских стран выразилось в следующих цифрах (в тыс. человек)² (см. нижн. табл. на стр. 292).

¹ «Annuaire Statistique», 1937, v. 53, p. 253*—254*. Цифры по России, Австрии и Бельгии за 1914 г. интерполированы.

² «Statistical Abstract of the United States», 1937, p. 97.

Динамика эмиграции из Европы за 1900—1906 гг. (в тыс. человек)

Г о д ы	Ряд, полученный по материалам французского статистического ежегодника	Ряд Суьдберга	Разность
1900	675	719	14
1901	797	842	45
1902	935	1 015	80
1903	1 060	1 154	94
1904	1 019	1 082	63
1905	1 358	1 475	117
1906	1 555	1 695	140

Иммиграция из балканских стран в США (в тыс. человек)

Ст р а н ы	1891 — 1900 гг.	1901 — 1910 гг.	1911 — 1920 гг.	1921 — 1930 гг.
Болгария, Сербия, Черногория	0,2	39,3	26,4	52,0
Греция	16,0	167,5	184,2	51,1
Румыния	12,8	53,0	13,3	67,6
Европейская Турция	3,6	80,0	54,7	14,7
Итого балканские страны	32,6	339,8	276,6	185,4

Из этого видно, что балканские страны поставляли только в США около 30 тыс. иммигрантов в год, всего же эмиграция доходила, вероятно, до 40—50 тыс. человек в год. Эти цифры следовало бы прибавить к нашему ряду. Кроме того, нередко были случаи неоформленной эмиграции (временный отъезд, нелегальный отъезд и т. д.). Но из приведенного выше ряда нужно сделать также и вычеты. Во-первых, наряду с притоком в Америку был приток и в Европу. В значительной своей части этот приток образовался из разочаровавшихся эмигрантов, предпочитавших вернуться на родину. Во-вторых, поскольку мы строим ряд для Западной Европы, мы должны исключить часть эмигрантов из России. Однако надо сказать, что эта доля невелика. В значительной своей части эмигрантские массы приходились на губернии Привислинского края и на губернии отторгнутых районов. Лишь, может быть, четверть или одна пятая всего числа приходилась на остальную часть России.

Таким образом, ряд должен быть увеличен на число эмигрантов балканских стран и на неоформленных эмигрантов и уменьшен на число вернувшихся в Европу и на часть русских эмигрантов.

Особенно большое значение имеет возврат эмигрантов на родину, т. е. так называемая реэмиграция. Имеются материалы, показывающие, что реэмиграция составляет очень заметную вели-

чину по сравнению со всем числом эмигрантов. Так, например, в 1911—1915 гг. третья часть всех эмигрантов с Британских островов возвращалась обратно, в Швеции в 1906—1916 гг. — больше четверти, а в Италии в 1906—1910 гг. — даже половина. В отношении США Уилкоккс дает специальный расчет реэмигрантов, исчисляя «валовую» эмиграцию, с одной стороны, и «чистую» иммиграцию — с другой.

Для XX в. Уилкоккс дает следующие цифры¹:

Соотношение «валовой» и «чистой» иммиграции в США за 1901—1930 гг.

Периоды	Иммиграция „валовая“ (в тыс. человек)	% „чистой“ и „неттоиммиграции“ к „валовой“ (% невозвратившихся)	Исчисленная „чистая“ иммиграция (в тыс. человек)
1901 — 1907	6 219	61	3 794
1908 — 1914	6 709	61	4 070
1915 — 1922	2 717	47	1 265
1923 — 1930	2 992	85	2 548

Так как США были главной страной европейской эмиграции и так как возврат из других стран выражался примерно в таких же цифрах, мы положили в основу наших исчислений установленное Уилкоксом соотношение между «валовой» и «чистой» эмиграцией.

6. ЕСТЕСТВЕННЫЙ ПРИРОСТ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЙ ПРИРОСТ

Располагая материалами о погодном числе родившихся, умерших, убитых на войне, уехавших из Европы и примерным количеством возвратившихся в нее, мы можем построить ряд естественного и действительного прироста Западной Европы за 1900—1939 гг. (см. табл. на стр. 294).

Для сопоставления с нашими исчислениями в начале этой главы сведен полученные материалы в десятилетнюю группировку.

Демографический баланс Западной Европы по десятилетиям (в млн. человек)

Годы	Пере́вес числа родившихся над числом умерших	„Чистая“ эмиграция	Потери на войне	Действительный прирост
1900 — 1909	35,5	6,8	0,0	28,7
1910 — 1919	17,4	4,9	7,0	5,5
1920 — 1929	32,7	5,1	0,0	27,6
1930 — 1939	27,6	1,8	0,7	25,1

Таким образом, мы получили действительные приросты населения Западной Европы за десятилетние промежутки на основе

¹ См. Willcox, Immigration into the United States, «International Migrations», v. II, 1931, p. 89.

Ежегодный баланс рождений и смертей в Западной Европе в 1900—1938 гг.
(в тыс. человек)

Г о д ы	Перевес числа родившихся над числом умерших	Убито на войне	Перевес числа родившихся над числом умерших и убитых	Эмигрировало из Европы всего	„Чистая“ иммиграция	Итоговое сальдо за год
1	2	3	4	5	6	7 (гр. 4—гр 6)
1900	3 154	—	3 154	675	412	2 742
1901	3 544	—	3 544	797	486	3 058
1902	3 738	—	3 738	935	570	3 168
1903	3 552	—	3 552	1 060	647	2 905
1904	3 689	—	3 689	1 019	622	3 067
1905	3 170	—	3 170	1 358	828	2 342
1906	3 731	—	3 731	1 555	949	2 782
1907	3 637	—	3 637	1 599	975	2 662
1908	3 689	—	3 689	911	556	3 135
1909	3 638	—	3 638	1 299	792	2 846
1910	3 825	—	3 825	1 515	924	2 901
1911	3 316	—	3 316	1 271	775	2 541
1912	3 950	20	3 930	1 528	932	2 998
1913	3 323	40	3 283	1 854	1 131	2 152
1914	3 306	1 149	2 157	937	572	1 585
1915	1 442	1 673	— 231	270	127	— 358
1916	112	1 766	— 1 654	263	124	— 1 778
1917	— 549	1 316	— 1 865	108	51	— 1 916
1918	— 2 438	1 023	— 3 461	63	30	— 3 491
1919	1 097	—	1 097	395	186	911
1920	3 239	—	3 239	819	385	2 854
1921	3 654	—	3 654	613	288	3 366
1922	3 339	—	3 339	583	274	3 065
1923	3 458	—	3 458	859	730	2 728
1924	3 358	—	3 358	710	604	2 754
1925	3 479	—	3 479	586	498	2 981
1926	3 328	—	3 328	716	609	2 719
1927	2 950	—	2 950	678	576	2 374
1928	3 204	—	3 204	636	541	2 663
1929	2 661	—	2 661	692	588	2 073
1930	3 451	—	3 451	545	463	2 988
1931	2 845	—	2 845	212	180	2 665
1932	2 770	—	2 770	116	99	2 671
1933	2 629	—	2 629	131	111	2 518
1934	2 956	—	2 956	151	128	2 828
1935	2 696	—	2 696	163	139	2 557
1936	2 676	50 ¹	2 626	150	128	2 498
1937	2 469	300 ¹	2 169	210	179	1 990
1938	2 576	300 ¹	2 276	(210) ²	(179) ²	2 097
1939	2 519	50 ¹	2 469	(210) ²	(179) ²	2 290

материалов текущей статистики. Но в предыдущих главах этой же части мы установили приросты населения за такие же промежутки на основе материалов переписей. Представляет большой интерес сопоставить эти два источника данных о приросте населения Европы:

¹ Приближенная оценка числа убитых в период гражданской войны в Испании.

² Повторена цифра для 1937 г.

Прирост населения Западной Европы по десятилетиям (в млн. человек)

Десятилетие	По данным текущей статистики	По данным переписей ¹	Расхождение
1900 — 1909	28,7	30,5	+ 1,8
1910 — 1919	5,5	2,6	- 2,9
1920 — 1929	27,6	30,2	+ 2,6
1930 — 1939	25,1	27,0	+ 1,9

Итого + 3,4

В целом за четыре десятилетия получилось не очень значительное расхождение между двумя источниками, что говорит о пригодности использованных материалов. Наибольшее расхождение оказалось, как и следовало ожидать, в военное десятилетие. По переписям прирост всего на 2,6 млн. человек, а «должно было быть» 5,5 млн. Отсутствие 2,9 млн. объясняется отчасти недоучетом смертности в военные годы, а также неоформленной безвозвратной эмиграцией во внеевропейские страны. Для остальных десятилетий мы видим обратную картину.

И, действительно, во многих странах данные переписи неожиданно обнаруживают значительно больше людей, чем это ожидалось, исходя из естественного прироста и потока эмигрантов. Для последних переписей это явление продолжает иметь место. Так, например, в Испании в 1930 г., по переписи обнаружено на 877 тыс. человек больше, чем предполагалось по исчислениям, в Польше в 1931 г. — на 539 тыс. человек больше, во Франции в 1936 г. — на 361 тыс. больше, даже в маленькой Болгарии в 1926 г. людей оказалось на 290 тыс. больше. Правда, встречаются и обратные случаи: в Италии в 1931 г. оказалось по переписи на 748 тыс. человек меньше, в Румынии в 1930 г. — на 421 тыс. меньше². Но эти случаи встречаются реже. Иначе расхождения не было бы вовсе, так как плюсы по одним странам компенсировались бы минусами по другим.

Чем же объяснить тот факт, что по материалам переписей приросты населения получаются больше, нежели по материалам текущей статистики? Объяснения этому факту могут быть следующие:

1. Техника производства переписей в XX в. улучшалась. Благодаря этому недоучтенное население все полнее и полнее охватывалось статистикой.

2. Регистрация рождений страдает неполнотой. Вследствие этого в перепись попадает население, оставшееся неучтенным текущей статистикой.

¹ На 1 января 1940 г. численность населения была установлена лишь частично по данным последней переписи, а в основном по оценкам численности населения на 1 января 1939 г. с прибавлением предполагаемого естественного прироста.

² См. А. И. Гозулов, Переписи населения, стр. 92.

Коэффициент естественного прироста населения (на 1 тыс. человек)

Страны	1901—1905 гг.	1938 г.	% падения
<i>Центральная Европа</i>			
Германия	14,4	8,0	44,4
Австрия	8,4	—0,1	—
Чехо-Словакия	10,7	4,0	62,6
Нидерланды	15,5	12,1	21,9
<i>Англо-французские страны</i>			
Англия и Уэльс	12,1	3,5	71,1
Шотландия	12,2	5,2	57,4
Ирландия	5,6	5,9	+ 5,4
Бельгия	10,8	2,6	75,9
Швейцария	10,3	3,6	65,0
Франция	1,8	—0,8	—
<i>Скандинавские страны</i>			
Дания	14,2	7,8	45,1
Швеция	10,6	3,4	67,9
Норвегия	13,9	5,5	60,4
Финляндия	12,7	7,9	37,8
<i>Восточная Европа</i>			
Польша	16,6 ^{а)}	10,7	35,5
Латвия	9,8 ^{б)}	4,9	50,0
Литва	10,8 ^{б)}	10,0	7,4
Эстония	9,1 ^{б)}	1,7	81,3
<i>Юго-Восточная Европа</i>			
Венгрия	12,2 ^{в)}	5,7	53,3
Румыния	13,8	10,4	24,6
Югославия	16,3 ^{з)}	11,1	31,9
Греция	• • •	12,6	• • •
Болгария	18,2	9,1	50,0
<i>Южная Европа</i>			
Италия	10,6	9,7	8,5
Испания	9,2	10,0 ^{д)}	+ 8,7
Португалия	12,0	11,4	5,0

а) По Польше — средняя из данных по Царству Польскому (средняя за 1893—1906 гг.), по Галиции (средняя за 1896—1905 гг.) и по русским губерниям (за 1900 г.).

б) За 1900 г.

в) Цифра приближенная, основанная на соотношении рождаемости в Венгрии в старых границах и в новых.

з) По Сербии.

д) 1935 г.

3. Эмиграция значительно преувеличивается. Возвращения эмигрантов не учитываются.

Что касается первого предположения, то нужно сказать, что оно лишено оснований. Операция переписей населения к началу XX в. в Западной Европе уже была вполне освоена как технически, так и методологически. О недоучете в несколько миллионов человек не могло быть и речи. Некоторый недоучет может быть и имел место в балканских странах в начале века, но для последних десятилетий и для этих стран нельзя говорить о серьезном недоучете; однако ведь расхождение было и в четвертом десятилетии.

Второе предположение также следует отставить. Недоучет явлений движения населения вряд ли может касаться одной рождаемости, если же он касается также и смертности, то тогда прирост почти не возрастет и расхождение с приростом по переписи не ликвидируется. К тому же трудно предположить недоучет рождений в значительных размерах. Имеются сведения о недоучете в Греции, Ирландии, но это дает какие-нибудь десятки тысяч, а речь идет о миллионах.

Единственным объяснением остается третье предположение. Действительно, причину ошибки следует искать в миграционных процессах. Учет этих процессов весьма труден, а статистики, надо сказать, немного сделали для того, чтобы поставить его на надлежащий уровень. Передвижение людей из страны в страну достигает больших размеров. Люди едут на сезонную работу, едут в качестве туристов, эмигрантов; разочаровавшиеся эмигранты возвращаются на родину. Все эти случаи передвижения населения плохо учитываются статистикой. Поэтому общее пассивное сальдо Западной Европы в области миграции в действительности, вероятно, значительно меньше, чем мы предполагали, даже с учетом реэмиграции.

В целом население Западной Европы увеличивалось в последние годы приблизительно на 2,5 млн. человек, или на 0,6% в год. Между тем в начале столетия естественный прирост населения Западной Европы был почти в 2 раза больше (точнее, 1,12% в год).

По отдельным странам падение естественного прироста населения видно из следующей таблицы¹ (см. табл. на стр. 296).

Картина получается очень отчетливая. Налицо огромное падение коэффициента естественного прироста населения.

Если в начале XX в. лишь одна Франция имела катастрофически низкий прирост населения, то в настоящее время уже много стран Западной Европы подошло вплотную к этому уровню, а некоторые даже превзошли его. Лишь в Ирландии, Литве и Южной Европе — стабилизация естественного прироста, во всех остальных странах кривая коэффициента естественного прироста идет вниз.

¹ Данные за 1901—1905 гг. взяты из «Verhandlungen d. intern. Kongresses d. Bevölkerungsforschung». В. VII, табл. XXXVI, данные за 1938 г. — из «Annuaire Statistique de la Société des Nations» 1939/40 г.

По Эстонии прирост упал более чем в 5 раз, по Бельгии — в 4 раза, по Англии — в 3,5 раза, по Швейцарии и Швеции — почти в 3 раза, по Венгрии, Чехо-Словакии и Шотландии — в 2,5 раза, в 2 раза прирост упал в Норвегии, Финляндии, Дании, Латвии, Болгарии и на 44% в Германии. Менее значительно падение прироста в Нидерландах, Румынии, Югославии.

Особенно следует обратить внимание на две страны: Францию и Австрию. Как известно, во Франции рождаемость начала падать уже давно. Это приводило к постепенному сокращению естественного прироста населения: в ряде департаментов обнаружилась даже убыль населения еще в середине XIX в. В целом по Франции на протяжении XIX в. было всего 8 лет, когда естественный прирост превышал 200 тысяч человек, что составляло 0,6—0,7% к населению. В отдельные годы высокой смертности обнаруживалась даже убыль населения. Однако Франция стояла перед перспективой вырождения вовсе не вследствие высокой смертности, а вследствие низкой рождаемости. Эта перспектива стала реальностью впервые в 1890 г., когда перевес числа смертей над числом рождений составлял 39 тыс. человек. После этого такие годы повторялись уже довольно часто. В послевоенной Франции положение несколько улучшилось в результате массовой иммиграции населения, давшего более высокую рождаемость. Однако спустя 10—15 лет после окончания войны Франция опять очутилась перед непосредственной угрозой вымирания:

*Рождаемость и смертность во Франции в 1931—1938 гг.
(в тыс. человек)*

Г о д ы	Количество рождений	Количество смертей	Естественный прирост (+) или убыль (-)
1931	734	679	+ 55
1932	722	660	+ 62
1933	679	660	+ 19
1934	678	634	+ 44
1935	641	658	- 17
1936	630	642	- 12
1937	617	629	- 12
1938	612	647	- 35
1939 (1-я половина) .	313	350	- 37

Таким образом, Франция уже в канун второй империалистической войны вступила на путь физического вымирания нации. Если раньше за годом естественной убыли следовали годы прироста, то теперь этого нет. Наоборот, естественная убыль не только не сменяется приростом, но увеличивается в своих размерах с каждым годом. Нечего и говорить, что война, которую перенесла Франция в 1939—1940 гг., и поражение в ней еще ускорит процесс абсолютной убыли населения.

До недавнего времени Франция была единственной страной в Европе, в которой смертность была выше рождаемости. Но

в 1936 г. к ней присоединилась другая страна — Австрия. Маленькая Австрия, которую Сен-Жерменский договор лишил жизненной силы, оторвав от нее сельскохозяйственные районы, после войны скорее, чем другие страны, встала на путь снижения рождаемости, приведший ее к естественной убыли.

Динамика населения Австрии за 1931—1938 гг.

Г о д ы	Число рождений	Число смертей	Естественный прирост (+) или убыль (-)
1931	106,7	93,8	+ 12,9
1932	102,2	93,6	+ 8,6
1933	96,5	89,0	+ 7,5
1934	91,9	85,7	+ 6,2
1935	89,2	92,1	- 2,9
1936	88,3	89,1	- 0,8
1937	86,2	90,2	- 4,0
1938	94,0	94,4	- 0,4

В целом по Западной Европе естественный прирост составляет около 2,5 млн. человек в год вместо 3,5 млн. до войны, при значительно меньшем населении.

Рассмотрим, как распределяются эти 2,5 млн. человек ежегодного прироста по отдельным странам:

Распределение естественного прироста западноевропейских стран в 1938 г.

Страны	Тыс. человек	Страны	Тыс. человек
Германия	546	Дания	29
Италия	425	Финляндия	29
Бывш. Польша	370	Литва	26
Испания (1935 г.)	248	Шотландия	26
Румыния (в границах 1939 г.)	206	Ирландия	25
Югославия	171	Бельгия	22
Англия и Уэльс	143	Швеция	20
Нидерланды	104	Норвегия	17
Греция	89	Швейцария	15
Португалия	84	Латвия	9
Бывш. Чехо-Словакия	63	Эстония	2
Болгария	57	Австрия	- 0,4
Венгрия	48	Франция	- 35

Из таблицы видно, что в целом ряде стран перевес числа родившихся над числом умерших весьма незначителен. Однако об этом лучше судить, найдя соотношение:

$$\frac{\text{Число родившихся}}{\text{Число умерших}} \cdot 100$$

Этот показатель, именуемый американцами vital index, т. е. жизненным показателем, является важной характеристикой демографической ситуации. При индексе, равном 100, количество

умерших равно количеству родившихся. Чем индекс больше 100, тем интенсивнее рост населения.

Жизненный показатель по отдельным странам¹

Страны	Количество родившихся гр. 1	Количество умерших гр. 2	Количество родившихся на 100 умерших (гр. 1 : гр. 2)
	тыс. человек		количество умерших = 100
Англия и Уэльс	622	479	129,9
Шотландия	89	63	141,3
Ирландия	83	58	143,1
Дания	68	39	174,4
Норвегия	45	29	155,2
Швеция	93	73	127,4
Финляндия	77	48	160,4
Австрия	91	94,4	99,6
Венгрия	182	131	138,9
Швейцария	64	49	130,6
Германия	1 347	801	168,2
Нидерланды	178	74	240,5
Бельгия	131	109	120,2
Франция	612	647	94,6
Португалия	199	115	173,0
Испания	632	384	164,6
Италия	1 037	612	169,4
Болгария	142	85	167,0
Греция	183	94	194,8
Югославия	411	240	171,3
Румыния	585	379	154,4
Латвия	36	27	133,3
Литва	58	32	181,3
Эстония	18	16	112,5
Бывш. Польша	850	480	177,1
Бывш. Чехо-Словакия	257	194	132,5

Из цифр видно, что целый ряд стран дает весьма низкий жизненный показатель. К этим странам принадлежат, например, Эстония, Бельгия, Англия, Швейцария, Латвия, Венгрия, в которых vital index колеблется от 113 до 139. Для сравнения укажем, что в СССР в 1938 г. этот показатель был равен 215,7. Такой высокий индекс превышен лишь в одном второстепенном государстве Европы (в Нидерландах).

Во Франции и Австрии этот индекс меньше 100, число смертей в 1938 г. взяло верх над числом рождений.

7. ИСТИННЫЙ КОЭФИЦИЕНТ ЕСТЕСТВЕННОГО ПРИРОСТА

Как отмечалось выше, из 26 стран Западной Европы две уже в 1938 г. давали убыль населения. В целом же по Западной Европе рост продолжается в размере 0,5—0,6% в год. Из этого

¹ Данные по Испании за 1935 г.; по всем остальным странам — за 1938 г.

как будто можно было бы сделать вывод, что в демографическом отношении в современной Западной Европе дело обстоит не так уже плохо, если происходит неуклонный рост населения.

На самом же деле это не так.

Действительно, Западная Европа продолжает увеличивать свое население. Правильно также и то, что среднегодовой естественный прирост составляет 0,5—0,6‰ в год. Но дело-то в том, что коэффициент естественного прироста населения в XX в. уже не может служить показателем интенсивности процесса воспроизводства населения. В условиях современной возрастной структуры он потерял свое значение показателя темпа роста населения; за ним осталось лишь чисто арифметическое значение. Если же мы по нему будем судить о росте населения, то придем к ложным, неправильным выводам.

В связи с этим, следуя за Бурддорфером, мы считаем, что необходимо проводить четкую границу между двумя понятиями: увеличением населения, с одной стороны, и ростом населения — с другой. В обычном словоупотреблении не делают разницы между ними; население растет, значит увеличивается, население увеличивается, значит оно растет. Но в демографии следует строго различать увеличение населения от роста населения. Однако это требует пояснения.

При отсутствии миграции весь естественный прирост населения получается в результате превышения числа рождений над числом смертей. Если такое превышение наблюдается, население на конец года будет больше, чем население на начало года. Поэтому мы вправе говорить, что население увеличивается. Но можем ли мы сказать, что население растет? Нет, не можем. Одного превышения числа рождений над числом смертей еще недостаточно для того, чтобы говорить о росте населения в том смысле, в каком в демографии следует употреблять это слово. Превышение родившихся над умершими может быть лишь результатом особенностей возрастной структуры населения. О росте же населения мы можем говорить только тогда, когда имеется налицо процесс размножения, процесс, так сказать, расширенного воспроизводства населения. Только в этом случае мы вправе употреблять термин роста населения.

Как и каким образом особенности возрастной структуры могут приводить к увеличению населения тогда, когда нет роста населения? Это разъясняется следующим образом. До последнего времени население интенсивно размножалось. 1‰ роста населения в год — величина очень значительная, и именно, таким примерно темпом возрастало население Западной Европы в период 1870—1913 гг. Однако этот рост населения имел свои особенности. Он не происходил так, чтобы все возрастные группы пропорционально увеличивали свою численность. Рост населения происходил в результате совокупного влияния падающей рождаемости и падающей смертности. Эти процессы привели

к тому, что возрастная структура западноевропейского населения стала все больше и больше отходить от обычной ступенчатой пирамиды и приближаться к иной геометрической фигуре, имеющей гораздо более узкое основание. Эти изменения в возрастной структуре населения можно видеть на примере двух переписей Германии — 1910 и 1933 гг.

В 1910 г. каждый последующий «этаж» пирамиды был меньше предыдущего по своему объему. В 1933 г. этого уже нет. Некоторые нижние этажи меньше некоторых верхних. Аналогичные структурные изменения произошли и во всех других государствах Западной Европы, поскольку основные демографические

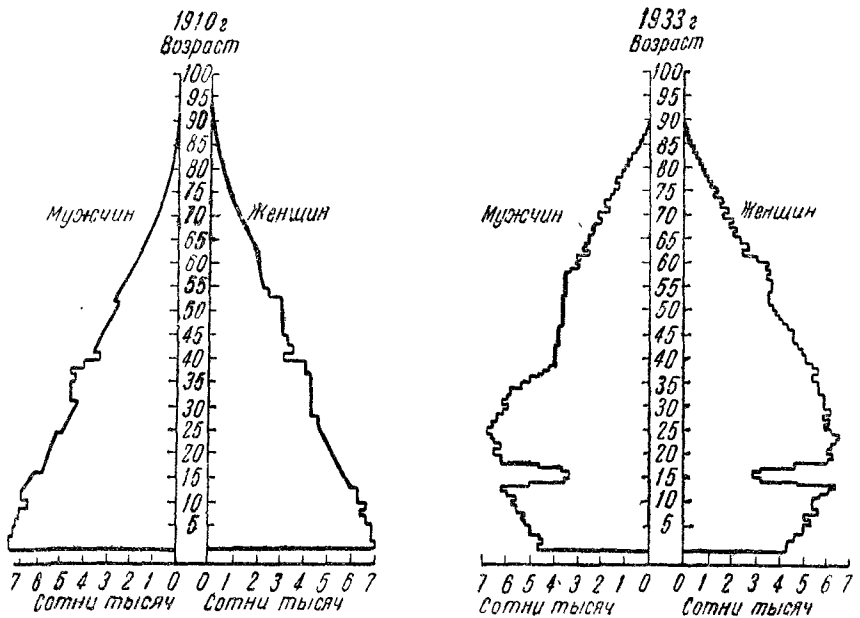

Рис. 18. Возрастная структура населения Германии в 1910 г. (слева) и в 1933 г. (справа)

явления последнего времени (снижение смертности, падение рождаемости) имели всеобщий характер.

Эти структурные сдвиги привели к тому, что доля населения в возрасте 20—49 лет значительно возросла в 20-х и 30-х годах нашего столетия по сравнению с началом века. А что означает сравнительное преобладание населения в цветущем возрасте? Оно означает следующее:

1. Число умерших уменьшается, так как более значительная, чем раньше, доля населения приходится на жизнестойкие возрасты.

2. Число родившихся увеличивается, так как более значительная, чем раньше, доля населения приходится на самые производительные возрасты.

Вследствие этого смертность может понижаться, а рождаемость повышаться только в результате изменений в возрастной структуре населения.

Приведем в грубо схематической форме условный пример для разъяснения влияния возрастной структуры населения на демографические показатели.

Допустим, в одной какой-либо стране в 1840 г. было 10 млн. жителей и спустя 100 лет, в 1940 г., тоже 10 млн. жителей, но структура населения резко изменилась: если в 1840 г. 40% приходилось на детей и подростков до 15 лет, то в 1940 г. дети и подростки до 15 лет составляли всего 20%, а вместо этого возрос вдвое удельный вес лиц в возрасте от 15 до 49 лет. Уровень смертности и рождаемости, предположим, остался без изменения. Посмотрим, что произойдет с коэффициентами смертности, рождаемости и естественного прироста.

Сначала рассмотрим влияние возрастной структуры на коэффициент смертности:

В 1840 г.				В 1940 г.			
Группировка по возрасту	Население (в млн.)	Число умерших (в тыс.)	Повозрастные коэффициенты смертности (на 1 тыс. человек)	Группировка по возрасту	Население (в млн.)	Число умерших (в тыс.)	Повозрастные коэффициенты смертности (на 1 тыс. человек)
0—14 лет	4	100	25	0—14 лет	2	50	25
15—49 »	2	20	10	15—49 »	4	40	10
50 и более	4	80	20	50 и более	4	80	20
Итого	10	200	20	Итого	10	170	17

Повозрастные коэффициенты смертности остались без изменения, а общий коэффициент смертности обнаружил снижение с 20 до 17, т. е. на 15%. Это снижение смертности совершенно иллюзорно и является исключительно результатом увеличения удельного веса лиц жизнестойкого возраста.

Теперь покажем влияние возрастной структуры на коэффициент рождаемости:

	1840 г	1940 г
Численность населения (в млн. человек)	10	10
В г. ч. в возрасте 15—49 лет		
а) всего	2	4
б) только женщин	1	2
Число рождений (в тыс)	250	500
Коэффициент рождаемости (на 1 тыс. человек)	25	50
Коэффициент плодovitости (на 1 тыс. человек), т. е. отношение числа родившихся к числу женщин в возрасте 15—49 лет	250	250

Коэффициент рождаемости дает возрастание с 25 до 50, но это возрастание является исключительно результатом того, что удельный вес населения в «детородном» возрасте увеличился вдвое (с 20 до 40%). Что касается коэффициента плодovitости, то он остался без изменения, что и соответствует стабилизации фактического уровня рождаемости в стране. Таким образом, увеличение коэффициента рождаемости так же иллюзорно, как и уменьшение коэффициента смертности.

В отношении естественного прироста картина также получается обманчивая:

	1840 г.	1940 г.
	в тыс. человек	
Число родившихся	250	500
Число умерших	200	170
Естественный прирост	50	330

Создается впечатление, что естественный прирост увеличился в 6—7 раз. Но и это не более чем иллюзия. Значительный перевес числа родившихся над числом умерших объясняется исключительно изменениями в возрастной структуре, так как уровень смертности предполагается неизменным.

Изменения в возрастной структуре, которые имели место в Западной Европе в течение XX в., также приводили к преувеличению рождаемости и к преуменьшению смертности.

Отсюда понятно, что особенно резко это отразилось на естественном приросте. Если коэффициент рождаемости равен 20, коэффициент смертности — 14, то коэффициент естественного прироста равен 6. Но стоит только установить, что рождаемость на самом деле на 10% ниже, а смертность на 10% выше, то коэффициент естественного прироста упадет с 6 до 2,5, т. е. более чем в 2 раза.

Относительное преобладание цветущих возрастов в современной Западной Европе — явление временное. Сейчас Западная Европа переживает переходный период от возрастной структуры, сложившейся к концу XIX в., к возрастной структуре, которая сложится в 50-х и 60-х годах нашего столетия. Когда этот переходный период закончится, общие коэффициенты рождаемости

упадут даже при стабилизации плодovitости, а коэффициенты смертности поднимутся даже при стабилизации продолжительности жизни; и люзорный период благополучия по элементарным демографическим показателям придет к концу. Но нам не следует ждать 10—15—20 лет, чтобы получить действительную картину динамики населения. Усилиями демографов Дэблина (Dublin), Лотки (Lotka), Бургдорфера, Кучинского и др. разработана система методов и вычислений, позволяющих уже сейчас получить так называемые истинные коэффициенты рождаемости, смертности и естественного прироста, т. е. коэффициенты, характеризующие фактический, а не фиктивный уровень рождаемости, смертности и прироста.

В нашу задачу не входит изложение различных методов, применяемых для получения так называемого истинного коэффициента прироста. Это завело бы нас слишком далеко в сторону. Мы в настоящем изложении ограничимся применением метода Бургдорфера¹ и коэффициентов Кучинского.

Для получения истинных коэффициентов рождаемости и смертности нам нужно знать следующие величины для Западной Европы в целом:

1. Средняя продолжительность жизни.
2. Удельный вес женщин в возрасте 15—49 лет в стационарном населении при данной выше средней продолжительности жизни.
3. Удельный вес женщин в возрасте 15—49 лет во всем населении.
4. Удельный вес замужних женщин среди женщин в возрасте 15—49 лет до первой мировой войны и теперь.

Начнем с первого показателя — средней продолжительности жизни. Еще 10—15 лет назад установление средней продолжительности жизни по Западной Европе в целом встретило бы значительные трудности, но в последние годы таблицы смертности получили значительное распространение. Таблицы смертности появились сравнительно недавно в Австрии, Греции, Венгрии, Ирландии, Латвии, в Польше и в Чехо-Словакии. В скандинавских странах, в Германии, Франции, Англии, Италии, Швейцарии они были построены уже довольно давно. В настоящее время таблиц смертности² не имеют следующие европейские страны: Испания, Португалия, Югославия, Румыния, Литва. Ввиду отсутствия данных по этим странам мы вынуждены были искусственно сконструировать величину средней продолжительности жизни. Это можно было сделать без особенного риска впасть в большую ошибку, так как в основу был положен коэффициент смертности по данной стране, показатель, имеющий весьма тесную обратную корреляцию к продолжительностью жизни. В соответствии с этим

¹ См. Burgdorfer, Der Geburtenrückgang und seine Bekämpfung, Berlin 1929, S. 34—44.

² Судя по публикациям в ежегоднике Лиги наций за 1939/40 г.

и сообразуясь также с продолжительностью жизни в соседних, сходных с экономической точки зрения, странах была интерполирована средняя продолжительность жизни, показанная в нижеследующей таблице в скобках.

Данные о средней продолжительности жизни, положенные в основу расчетов, следующие ¹:

Средняя продолжительность жизни (количество лет)

№ п. п.	Страны	Годы	Мужчин	Женщин	В среднем
1	Нидерланды	1931—1935	65,1	66,4	65,8
2	Швеция	1931—1935	63,2	65,3	64,3
3	Дания	1931—1935	62,0	63,8	62,9
4	Норвегия	1921—1931	61,0	63,8	62,4
5	Англия и Уэльс	1937	60,2	64,4	62,3
6	Германия	1932—1934	59,9	62,8	61,4
7	Швейцария	1929—1932	59,3	63,1	61,2
8	Ирландия (без Северной)	1935—1937	58,2	59,6	58,9
9	Бельгия	1928—1932	56,0	59,8	57,9
10	Шотландия	1930—1932	56,0	59,5	57,8
11	Латвия	1934—1936	55,4	60,9	58,1
12	Литва	—	—	—	(58,1)
13	Франция	1928—1933	54,3	59,0	56,7
14	Австрия	1930—1933	54,5	58,5	56,5
15	Эстония	1932—1934	53,1	59,6	56,4
16	Финляндия	1931—1935	53,9	58,7	56,3
17	Северная Ирландия	1925—1927	55,4	56,1	55,8
18	Италия	1930—1932	53,8	56,0	54,9
19	Чехо-Словакия	1929—1932	51,9	55,2	53,6
20	Испания	—	—	—	(50,0)
21	Греция	1928	49,1	50,9	50,0
22	Венгрия	1930—1931	48,3	51,3	49,8
23	Польша	1931—1932	48,2	51,4	49,8
24	Португалия	—	—	—	(48,0)
25	Болгария	1925—1928	45,9	46,6	46,3
26	Югославия	—	—	—	(46,0)
27	Румыния	—	—	—	(43,0)

Отдельные величины по каждой стране мы взвесили на население и в результате получили средневзвешенную продолжительность жизни в Западной Европе в 30-х годах настоящего столетия (к этому периоду относится большинство взятых нами таблиц смертности), равную 55,5 года. Так как средняя разница между полами равняется трем годам, то можно считать, что для женщин продолжительность жизни измеряется примерно в 57 лет, а для мужчин в 54 года.

Теперь нам нужно получить второй показатель — удельный вес женщин в возрасте 15—49 лет в стационарном населении при условии численной средней продолжительности жизни. Эту

¹ См. «Annuaire Statistique de la Société des Nations», 1938/39, p. 52 — 54. Средние величины (для обоих полов) вычислены нами в виде простой средней арифметической.

Величину можно получить из ряда L_x таблицы смертности. При отсутствии этого ряда он без чувствительного ущерба может быть заменен рядом I_x (число доживающих до возраста x из каждых 100 тыс. родившихся) таблицы смертности. Произведем расчет на примере итальянской таблицы смертности 1930—1932 гг. Для женщин в возрасте 15—50 лет итальянские таблицы смертности дают следующие величины¹ (мы даем только для круглых значений x 'а).

Возрастное распределение стационарного населения в соответствии с порядком вымирания итальянских женщин в 1930—1932 гг.

Возраст x	I_x
15	82 227
20	80 908
25	79 223
30	77 478
35	75 754
40	73 860
45	71 777
...	...

Складывая все погодные значения, начиная с $x = 15$ и кончая $x = 49$, мы получим 2 681 044. Это — величина, показывающая количество женщин в возрасте от 15 до 49 лет в некоторой стране, в которой ежегодно рождается 100 тыс. девочек и 100 тыс. мальчиков. Эти две когорты, по 100 тыс. человек каждая, из года в год постепенно уменьшаются в своей численности по мере вымирания сверстников. Так, например, в условиях итальянской жизни в 1930—1932 гг. из 100 тыс. девочек к 15 годам остается в живых 82 227, к 45 годам — 71 777, а к 85 годам — всего только 9 017 человек. При отсутствии ряда L_x , числа I_x можно рассматривать как приближенное отражение структуры стационарного населения. Общая численность стационарного населения (P_{st}) определяется произведением числа родившихся на среднюю продолжительность жизни как по девочкам, так и по мальчикам.

$$P_{st} = 100\,000 \cdot 56,0 + 100\,000 \cdot 53,8 = 5\,600\,000 \text{ женщин} + 5\,380\,000 \text{ мужчин} = 10\,980\,000 \text{ человек.}$$

Однако следует еще учесть, что мальчиков обычно рождается на 6% больше, чем девочек. Поэтому нельзя исходить из одинакового количества рождений как для мальчиков, так и для девочек. В соответствии с этой поправкой численность стационарного населения определится в следующих цифрах:

$$P_{st} = 100\,000 \cdot 56 + 106\,000 \cdot 53,8 = 5\,600\,000 + 5\,703\,000 = 11\,303\,000.$$

¹ «Annuario Statistico Italiano», 1939, p. 51.

Итак, численность этой теоретической совокупности людей определяется в 11,3 млн. человек. Теперь уже легко исчислить удельный вес женщин в возрасте 15—49 лет, так как число их было найдено нами выше:

$$\frac{\text{число женщин в возрасте 15—49 лет}}{\text{общая численность стационарного населения}} = \frac{2\,681\,044 \cdot 100}{11\,303\,000} = 23,7\%$$

Однако найденный % относится только к Италии. Нам же нужна величина удельного веса женщин в стационарном населении всей Западной Европы. Такая величина могла бы быть получена лишь из единой таблицы смертности по всем странам Западной Европы. Но такой таблицы нет; поэтому нам пришлось исчислить эти удельные веса по таблицам смертности нескольких стран¹ и, взвесив их по примерной численности населения, которое они представляют, получить среднюю для всей Западной Европы.

Страны	Годы	Удельный вес женщин в возрасте 15—49 лет в стационарном населении	Условная численность населения (вес)	Произведение удельного веса на условную численность населения
Италия	1930—1932	23,7	50	1 185
Нидерланды	1931—1935	23,3	30	699
Франция	1928—1933	24,4	40	976
Германия	1932—1934	24,1	110	2 651
Англия	1930—1932	23,9	60	1 434
б. Польша	1931—1932	23,6	110	2 596
Итого	—	23,9	400	9 541

В качестве весов мы взяли не только численность населения данной страны, но и некоторых других стран, сходных в демографическом отношении. Так, например, Нидерланды представляют не только самые Нидерланды, но и Бельгию, Данию, Швецию, Норвегию. Порядок вымирания в б. Польше был сходен с порядком вымирания в Балканских государствах и Пиренейском полуострове; поэтому б. Польше придан большой вес. В итоге мы получили, что в условиях современного порядка вымирания в Западной Европе удельный вес женщин в возрасте 15—49 лет во всем стационарном населении равняется 23,9%.

Третья величина — удельный вес женщин в возрасте 15—49 лет во всем населении — играет очень большую роль при вычи-

¹ При этом мы пользовались лишь круглыми значениями l_x . Чтобы избежать односторонней ошибки, мы поступали так: один раз определяли число женщин в возрасте 15, 20, 25, 30, 35, 40 и 45 лет (с последующим множением на 5) и другой раз определяли число женщин на основании возрастов 20, 25, 30, 35, 40, 45 и 50 лет; затем из полученных величин мы брали среднюю.

слении коэффициентов методом Бургдорфера. Поэтому мы считали необходимым сделать расчет, который охватил бы все страны Западной Европы без исключения. В основу этого расчета были положены последние переписи населения, а также последние оценки не только всей численности населения, но и возрастной структуры страны.

Эти материалы могут быть представлены в следующей таблице:

Определение удельного веса женщин в возрасте 15—49 лет во всем населении

Страны	Перепись или исчисление	Год переписи или исчисления	Все население	Женщины в возрасте 15—49 лет
			в тыс. человек	
Румыния	перепись	1930	18 057	4 867
Германия	исчисление	1938	74 827	20 740
Литва	перепись	1923	2 171	594
Австрия	исчисление	1938	6 755	1 875
Бельгия	»	1933	8 305	2 166
Болгария	перепись	1934	6 078	1 498
Дания	исчисление	1937	3 764	1 030
Испания	оценка	1940	25 000	6 750
Эстония	исчисление	1937	1 131	307
Финляндия	»	1937	3 835	1 031
Франция	»	1936	41 300	10 310
Греция	перепись	1938	6 205	1 635
Венгрия	исчисление	1937	9 090	2 458
Ирландия	перепись	1936	2 968	694
Италия	»	1936	42 918	10 918
Латвия	»	1938	1 981	529
Норвегия	»	1836	2 887	796
Нидерланды	»	1937	8 632	2 259
б. Польша	»	1938	35 090	9 446
Португалия	»	1940	6 826	1 803
Англия и Уэльс	исчисление	1937	41 031	11 364
Шотландия	»	1937	4 977	1 346
Северная Ирландия	перепись	1926	1 257	330
Швеция	»	1935	6 251	1 706
Швейцария	исчисление	1938	4 210	1 173
б. Чехо-Словакия	»	1935	15 159	4 087
Югославия	перепись	1931	13 934	3 553
Итого	—	—	394 639	105 265

В целом по Западной Европе удельный вес женщин в возрасте 15—49 лет равен 26,7%¹.

Что же касается четвертой величины, то речь идет о том, чтобы дать некоторую скидку с ожидаемого числа рождений на том

¹ Эта цифра основана на переписях и исчислениях. Лишь по Испании наше положение было затруднительным, так как публикации переписи 1930 г. не дают возрастной структуры. В 1910 г. удельный вес женщин в возрасте

основании, что из-за войн многие женщины в возрасте 15—49 лет остались без мужей, и, следовательно, потеря в плодovitости происходит по «временным» причинам. Так, например, Бургдорфер указывает, что в Германии перепись 1910 г. дала 51,7% замужних женщин в возрасте 15—45 лет, а в 1925 г. этот процент упал до 48,3. На этом основании он снижает пропорционально количество женщин в возрасте 15—45 лет, и вследствие этого уровень плодovitости несколько повышается. Однако мы не считаем для нас необходимым делать аналогичную поправку на понижение удельного веса замужних женщин, и вот по каким соображениям:

1. Понижение удельного веса замужних женщин вовсе не может быть целиком отнесено за счет влияния войны. Вполне возможно, что это понижение может быть результатом того, что часть мужчин и женщин в силу тех или иных социальных условий воздерживается от вступления в брак.

2. То, что имело смысл в 1927 г. (год, положенный в основу расчета Бургдорфера), потеряло смысл в 1940 г., когда после окончания мировой войны прошло уже 20 лет и влияние ее успело во многом сгладиться; к тому же началась вторая империалистическая война, которая внесет новые изменения в структуру населения.

3. Германия больше, чем какая-либо другая европейская страна, пострадала от войны 1914—1918 гг.; для Западной Европы в целом влияние мировой войны на семейную структуру населения было менее значительным.

4. Даже если бы мы хотели сделать такую поправку, то вынуждены были бы прибегнуть к устарелым данным прежних переписей, и все сдвиги за десятилетие 1930—1940 гг. были бы не уловлены.

Исходя из всего этого, мы отказались от введения поправки на изменение удельного веса замужних женщин в возрасте 15—49 лет.

Помимо приведенных выше показателей, нам еще нужно знать численность населения Западной Европы на 1 января 1939 г. и число рождающихся за год. К сожалению, точного числа родившихся в Западной Европе в последние годы мы не знаем, так как гражданская война в Испании лишила нас точных сведений по этой стране в целом. Приведенные на стр. 271 итоговые цифры исходят из падения числа рождений в Испании с 602 тыс. человек в 1936 г. до 454 тыс. человек в 1938 г.¹ В ближайшие годы уровень рождаемости в Испании, конечно, повысится. Однако он

15—49 лет был 25, в 1920 г.—25,7, к 1940 г. этот процент безусловно должен был еще больше возрасти вследствие эмиграции (на две трети состоящей из мужчин) и, главным образом, вследствие гражданской войны 1936—1939 гг., которая коснулась в большей степени мужчин, чем женщин. Исходя из этого, определяем удельный вес женщин в возрасте 15—49 лет к 1 января 1940 г. в 27%. Это дает 6 750 тыс. человек, если считать население Испании в 25 млн.

¹ См. «Annuaire Statistique de la Société des Nations», 1939/40, p. 33.

не достигнет уровня 1935 г., так как Испания за годы войны понесла большой урон в численности своей молодежи. Кроме того, много испанцев (около 1 млн. человек) покинуло родину. Это обстоятельство также снижает перспективы восстановления рождаемости в Испании. Можно ориентировочно считать количество родившихся в Испании в 550 тыс. человек. Это более чем на 20% превышает фактическое число рождений 1938 г.

Теперь сведем вместе все необходимые для расчетов цифры по Западной Европе (без Турции, Албании, Люксембурга, Данцига):

1. Население Западной Европы к 1939 г	398,6 млн. человек
2. Количество рождений за год	8 011 тыс. »
3. Средняя продолжительность жизни	55,5 лет
4. Удельный вес женщин в возрасте 15—49 лет в действительном населении	26,7 %
5. Удельный вес женщин в возрасте 15—49 лет в стационарном населении при средней продолжительности жизни в 55,5 лет	23,9
6. Коэффициент рождаемости (на 1 000 человек)	20,2

Теперь мы имеем все данные, необходимые для исчисления истинных коэффициентов рождаемости и смертности. Фактически в Западной Европе рождается около 8 млн. человек ежегодно. Но это есть отчасти результат того, что удельный вес женщин в возрасте 15—49 лет равняется 26,7%, тогда как «нормально» он должен был бы равняться 23,9% (т. е. при условии стационарного населения). Следовательно, чтобы перейти от грубого коэффициента рождаемости ($N = 20,2$) к истинному (n), нужно ввести поправочный коэффициент, который будет равен отношению, так сказать, теоретического удельного веса женщин в возрасте 15—49 лет (F_s) к фактическому (F). Для нашего конкретного случая этот поправочный коэффициент будет следующий:

$$\frac{F_s}{F} = \frac{23,9}{26,7} = 0,895.$$

В соответствии с этим истинный коэффициент рождаемости будет равен ¹:

$$n = N \cdot \frac{F_s}{F} = 20,2 \cdot 0,895 = 18,1$$

¹ У самого Бурддорфера применение его метода дано в довольно громоздком виде; поэтому мы воспользовались упрощающими расчеты формулами, изложенными в докладе Бэнля (H. B un l e. De la meilleure méthode pour dégager et mesurer la tendance du mouvement naturel de la population, «Congrès International de la population», t. I, p. 255—268). Математически Бэнль совершенно правильно интерпретирует Бурддорфера. При этом Бэнль справедливо указывает, что метод Бурддорфера содержит в себе некоторую натяжку, применяя к существующему населению схемы, пригодные для стационарного населения. Винклер (Winkl e r, Einige alte und neue Masse des natürlichen Bevölkerungswachstums, «Revue de l'Institut Int. de Stat», 1938, an. 6, l. I, p. 25—49) также указывает на то, что «население не

Как видно из цифр, введение поправочного коэффициента более чем на 10% понизило уровень рождаемости.

Переходя к смертности, отметим, что средний коэффициент смертности (13,6) опять-таки есть результат высокого удельного веса жизнестойких возрастов. В стационарном населении продолжительности жизни равняется обратной величине средней продолжительности жизни, умноженной на 1 000. Так как у нас средняя продолжительность жизни 55,5, то коэффициент смертности будет равен:

$$\frac{1}{55,5} \cdot 1\,000 = 18,0 \text{ на } 1\,000 \text{ жителей.}$$

Итоговый баланс этих вычислений может быть дан в таком виде:

Коэффициенты (на тысячу человек)	Грубые	Истинные
рождаемости	20,2	18,1
смертности	13,6	18,0
естественного прироста	6,6	0,1

Эти цифры нагляднее изобразить в графической форме (см. рис. 19 на стр. 313).

Оказывается, что естественный прирост в размере 6 на 1 тыс. грубо искажал действительную картину, притупляя всю остроту демографического кризиса Западной Европы. Стоило только устранить ошибку в коэффициентах, рождаемости и смертности, и естественный прирост упал почти до нуля. Оказывается, что на самом деле в 1939 г. имел место рост не на 0,6%, а всего на 0,01%. Правда, убыли еще нет, но в случае дальнейшего падения рождаемости она неизбежна.

Таким образом, в 1939 г. уже почти не было роста населения Западной Европы. Налицо было лишь увеличение населения Европы, увеличение, которое в ближайшие 15—20 лет, даже независимо от разразившейся войны и даже при стабилизации рождаемости, перешло бы в прямую убыль.

Итак, последние, только что прожитые нами годы четвертого десятилетия XX в. оказались роковыми в истории населения Западной Европы. В течение долгих веков оно неуклонно росло, прерываемое войнами, эпидемиями и голодовками. Несмотря на разрушительное влияние этих последних, население Европы росло, и именно росло, а не только увеличивалось. И лишь

может одновременно соответствовать предпосылке стационарного населения и в то же время увеличиваться или уменьшаться» в соответствии с истинным коэффициентом естественного прироста. В этом лежит внутреннее противоречие конструкции Бургдорфера. Соглашаясь с тем, что в методе Бургдорфера действительно имеется некоторая несогласованность, мы все же полагаем, что она не может сколько-нибудь существенно отразиться на результатах расчетов.

теперь, после того, как был пройден тысячелетний период роста населения, этот рост почти прекратился.

В 1939—1940 гг. расширились границы СССР на западе: 23 млн. украинцев, белоруссов, молдаван, литовцев, латышей и эстонцев приобщились к социалистическому строительству. В виду этого нам следует пересчитать наши показатели, учтя значительное расширение территории Советского Союза. Так как продолжительность жизни в б. Польше была одной из самых низких в Европе, а в Румынии — самой низкой, то исключение районов, входивших в б. Польшу и Румынию, дает некоторое повышение ее, а именно с 55,5 до 55,8 лет. Число родившихся в год сократится с 8 млн. до 7 448 тыс. Цифру числа рождений в Западной Украине и Западной Белоруссии мы определили приблизительно, исходя из удельного веса этих районов во всем населении Польши, учтя, что рождаемость в этих местах была на 10—15% выше, чем в среднем по всей Польше. Поэтому мы считали, что если на эти районы приходилось 36% населения б. Польши, то для числа родившихся надо принять 40% б. Польши, т. е. 340 тыс. человек¹. Цифру числа рождений по Бессарабии и Северной Буковине мы определили в виде 19% от общего числа родившихся по Румынии, т. е. пропорционально населению. Удельный вес женщин в возрасте 15—49 лет оказывается, по нашим расчетам, таким

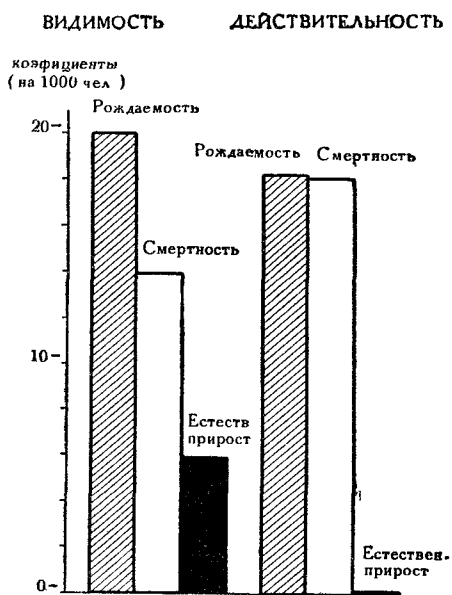

Рис. 19. Коэффициенты рождаемости, смертности и естественного прироста в современной Западной Европе (в границах 1938 г.). Три столбика слева — общие коэффициенты рождаемости, смертности и естественного прироста, т. е. так называемые грубые коэффициенты. Три столбика справа — коэффициенты, отражающие действительное положение, т. е. так называемые истинные коэффициенты рождаемости, смертности и естественного прироста

¹ К этой же цифре мы пришли, взяв данные о рождаемости по отдельным воеводствам в 1929 г. (см «Rocznik Statystyki», 1930, р 17); всего в 1929 г. количество родившихся в Польше было 988 тыс., в том числе в Белостокском воеводстве—55 тыс., в Новогрудском—38 тыс., в Пинском—52 тыс., в Волынском—63 тыс., в Львовском—91 тыс., в Станиславском—53 тыс., в Тарнопольском—46 тыс. Итого 398 тыс. человек, т. е. 40%. Правда, проведенный перечень воеводств не соответствует точно территории, воссоединившейся с СССР.

же, как и для всей Западной Европы в ее прежних границах. В соответствии с этим получаем следующие показатели:

Истинный коэффициент рождаемости будет равен:

$$20,0 - 0,895 = 17,9$$

Истинный коэффициент смертности будет равен:

$$\frac{1}{55,8} \cdot 1\,000 = 17,9$$

Истинный коэффициент естественного прироста будет равен:

$$17,9 - 17,9 = 0,0$$

Таким образом, Западная Европа без районов, вновь воссоединившихся с Советским Союзом, дает еще худшие демографические показатели. Истинный коэффициент естественного прироста падает до нуля.

Конечно, нам могут возразить, что исчисленные коэффициенты в сильной степени зависят от положенных в основу расчетов величин. Достаточно, например, принять среднюю продолжительность жизни не в 56, а в 57 лет, и коэффициент смертности упадет с 17,9 до 17,5, и естественный прирост значительно возрастет. Поэтому мы и старались все расчеты произвести возможно более тщательно. В частности цифра средней продолжительности жизни взята, как мы видели, в виде средневзвешенной из всех данных по европейским странам. Правда, таблицы смертности относились в большинстве случаев не к концу, а к началу 30-х годов. Более поздние таблицы смертности появятся лишь через несколько лет.

В общем, конечно, следует считаться с возможными ошибками, но это не порочит основных выводов. Они заключаются в том, что сейчас и имеет место лишь увеличение населения Западной Европы; рост населения уже прекратился, если даже считать, что в период убыли населения Западная Европа еще не вступила.

Если истинный коэффициент естественного прироста оказался близким к нулю (стабилизация населения), то это получилось только благодаря влиянию балканских стран; если же взять Западную Европу без Балкан, т. е. собственно Западную Европу в ее обычном понимании, то тогда истинный коэффициент естественного прироста упадет далеко ниже нуля; в этом случае убыль населения уже никак не может быть оспорена.

Исходные величины для расчетов следующие (для Западной Европы без Балкан и без вновь воссоединившихся с Советским Союзом территорий):

Грубый коэффициент рождаемости	19,0
Грубый коэффициент смертности	13,1
Средняя продолжительность жизни	57,2
Удельный вес женщин в возрасте 15—49 лет в действительном населении	26,7
Удельный вес женщин в возрасте 15—49 лет в стационарном населении	23,9

На основе этих величин определяем истинные коэффициенты.

	Грубые коэффициенты	Истинные коэффициенты
рождаемости	19,0	17,0
смертности	13,1	17,5
естественного прироста	5,9	— 0,5

Оказывается, что если исключить Югославию, Румынию, Болгарию, Грецию, то убыль населения Западной Европы приблизится к половине промилле в год (см. рис. 20). Это уже величина довольно значительная, так что отдельные погрешности в расчетах не могут иметь значения. Между тем во всех исключенных странах рождаемость заметно падает, и если сейчас она еще на сравнительно высоком уровне, то в скором времени эти страны, надо думать, разделят судьбу других западноевропейских стран, уже показавших им «дорогу» по пути к вымиранию нации.

Так как коэффициент Бургдорфера носит на себе некоторый отпечаток условности (см. сноску на стр. 311—312), то для проверки правильности изображенной картины мы приведем еще и другой показатель, известный под названием коэффициента чистого воспроизводства. Здесь не место излагать всю методику построения этих коэффициентов, скажем только, что речь идет о коэффициентах, определяющих, в какой мере современное поколение воспроизводит себе смену. Иначе говоря, речь идет о том, какое количество девочек даст в течение своей жизни каждая 1 000 новорожденных женского пола. Этот расчет производится на

основе существующих в данное время норм плодovitости и норм смертности. Если бы каждая тысяча матерей оставляла после себя 1 тыс девочек (с учетом неизбежной смертности части их в течение жизни до 50 лет) в виде своих «заместитель-

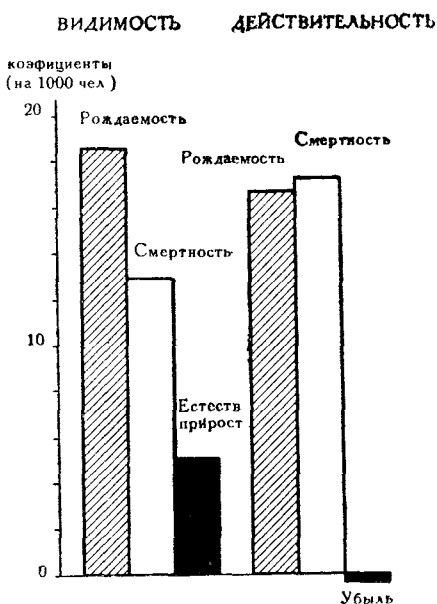

Рис. 20. Коэффициенты рождаемости, смертности и естественного прироста современной Западной Европы без вновь воссоединившихся с Советским Союзом территорий и без Балканских стран (Греция, Болгария, Румыния, Югославия). Три столбика слева—общие коэффициенты рождаемости, смертности, естественного прироста, т. е. так называемые грубые коэффициенты; три столбика справа—коэффициенты, отражающие действительное положение, т. е. так называемые истинные коэффициенты рождаемости, смертности и естественного прироста

ниц», то коэффициент чистого воспроизводства равнялся бы единице. Это означало бы, что население по своей численности не будет впоследствии ни убывать, ни возрастать. Если же коэффициент больше единицы, то это значит, что на данный момент население страны находится в состоянии расширенного воспроизводства, и будущий рост обеспечен. Наоборот, коэффициент менее единицы говорит о том, что нарождающееся поколение оставит после себя меньшее количество людей следующего поколения, а это, разумеется, означает неизбежную в будущем убыль населения. Из этого видно, что коэффициент чистого воспроизводства является точным показателем демографической ситуации той или иной страны. Указанные коэффициенты были предложены еще Бэком (Böckh) в 1886 г., но впоследствии разработаны Кучинским, имя которого они обычно и носят. Коэффициенты Кучинского приобрели международное признание и в настоящее время публикуются в Статистическом ежегоднике Лиги наций, в журнале «Population Index» и др. Приведем эти так называемые коэффициенты чистого воспроизводства по отдельным европейским странам в порядке возрастания коэффициента.

Распределение коэффициентов чистого воспроизводства по отдельным европейским странам

Страны	Год, к которому относится коэффициент	Коэффициент чистого воспроизводства	Какое количество девочек в течение своей жизни даст каждая тысяча родившихся в данном году лиц женского пола
Австрия	1935	0,640	640
Эстония	1933—1935	0,728	728
Швеция	1936	0,756	756
Англия и Уэльс	1937	0,782	782
Норвегия	1936	0,786	786
Швейцария	1938	0,789	789
Чехо-Словакия	1935	0,790	790
Бельгия	1936	0,831	831
Франция	1937	0,870	870
Шотландия	1936	0,914	914
Германия	1936	0,934	934
Латвия	1938	0,946	946
Дания	1937	0,947	947
Финляндия	1931—1935	0,956	956
Венгрия	1932—1935	1,008	1 008
б. Польша	1934	1,110	1 110
Нидерланды	1937	1,119	1 119
Италия	1935—1937	1,128	1 128
Ирландия	1935—1937	1,162	1 162
Болгария	1933—1936	1,192	1 192
Литва	—	(1,200)	(1 200)
Испания	1928—1929	1,240	1 240
Румыния	—	(1,250)	(1 250)
Греция	1930—1932	1,250	1 250
Португалия	1933	1,290	1 290
Югославия	—	(1,300)	(1 300)

Чистые коэффициенты воспроизводства исчислены почти по всем европейским странам. Их нет только по Литве, Румынии и Югославии; поэтому по этим странам нам пришлось проставить приближенные цифры. По Литве мы приняли во внимание валовой коэффициент воспроизводства за 1933 г., по Румынии и Югославии — так называемые грубые коэффициенты естественного прироста. Что же касается Северной Ирландии, Албании, Турции и Люксембурга, по которым также нет коэффициента Кучинского, то их мы не учли, полагая, что это почти не отразится на результатах.

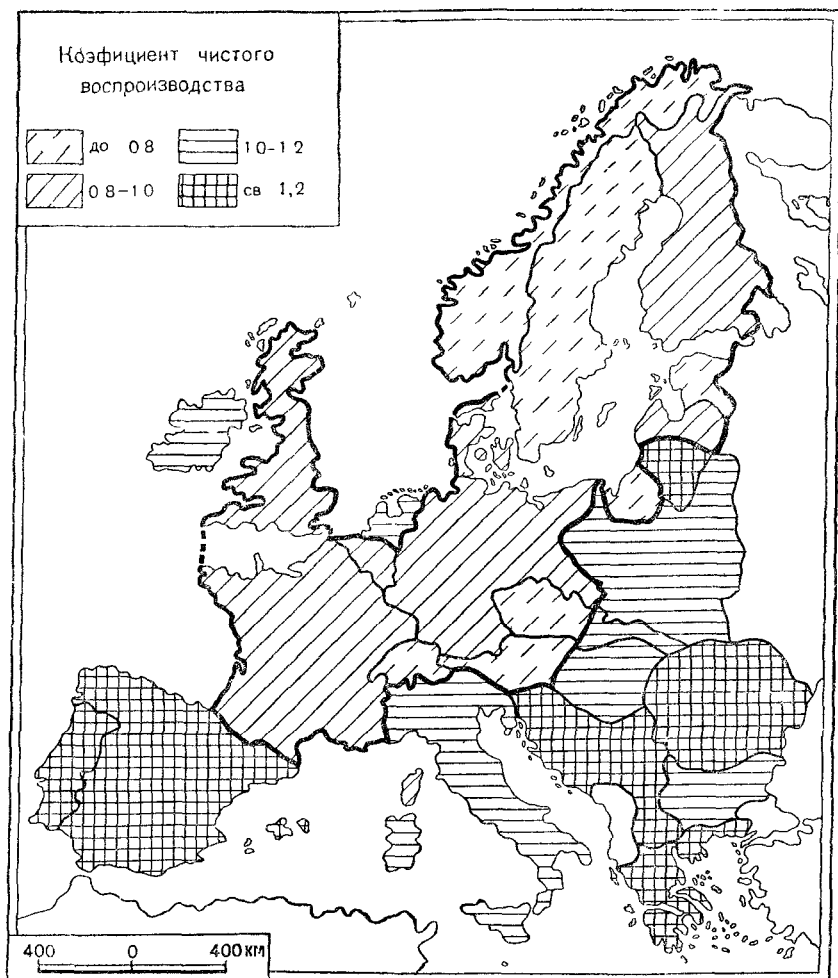

Рис. 21. География коэффициента чистого воспроизводства в современной Западной Европе до второй империалистической войны (в границах 1939 г.). Толстой линией обведены страны, в которых коэффициент чистого воспроизводства менее единицы

В приведенном списке 26 европейских стран 14 стран имеют коэффициент чистого воспроизводства меньше единицы. Это значит, что уже сейчас эти страны вступили на путь прекращения роста населения, на путь деградации и вымирания.

Хуже всего положение в Австрии, в которой в 1935 г. только 64% поколения воспроизводилось текущим поколением. Очень плохие демографические показатели в странах Скандинавского полуострова и в Англии. В значительно лучшем положении находятся страны трех европейских полуостровов: Апеннинского, Пиренейского и Балканского. В отношении населения этих трех полуостровов в настоящее время еще нельзя говорить о прекращении роста, о деградации. Пока что здесь довольно интенсивный рост, но падение рождаемости происходит в таком быстром темпе, что в скором времени, вероятно, и эти страны очутятся перед перспективой падения численности населения.

Взвесив коэффициент по отдельным странам на число родившихся, мы получили коэффициент Кучинского для всей Западной Европы в целом. Он оказался равным 1,041.

От коэффициента чистого воспроизводства нетрудно перейти к истинным коэффициентам естественного прироста. Это можно сделать на основе следующих примеров и рассуждений.

Мы приводили цифры по Португалии: коэффициент чистого воспроизводства в этой стране равен 1,29; это значит, что современное поколение не только полностью воспроизводит следующее поколение, но более того, следующее поколение будет даже на 29% больше по своей численности. Каков же должен быть ежегодный прирост населения, чтобы через поколение население возросло на 29%? Ответ на это зависит от длины поколения, т. е. от разности между средним возрастом матерей и средним возрастом их дочерей. Нам известно, что в Португалии средняя длина поколения — 29,2 года. Если мы хотим грубо прикинуть темп ежегодного роста, то достаточно разделить процент прироста населения за поколение на среднюю длину поколения, т. е.

$$\frac{29}{29,2} = 0,993\%$$

или около 1% роста в год; за 29,2 года роста по 0,993% в год мы получим 29% прироста. Но подобное решение будет грубым. Среднееежегодный темп роста (k) должен вычисляться не как средняя арифметическая, а как средняя геометрическая. Это приведет к повышению порядка действия: вместо деления — извлечение из корня; кроме того, вместо процентов прироста берутся коэффициенты роста:

$$k = \sqrt[29,2]{1,29}$$

Логарифмируя получаем:

$$\lg k = \frac{\lg 1,29}{29,2},$$

$$\text{т. е. } \frac{0,11059}{29,2} = 0,0038.$$

По логарифму находим число (k), оно равно 1,0088.

Таким образом

$$k = \sqrt[29.2]{1.29} = 1.0088$$

Полученная величина и будет правильным коэффициентом ежегодного роста, так как возведенная в 29,2-ю степень (т. е. в течение 29,2 года) она даст коэффициент чистого воспроизводства, т. е. $1,29 = 1,0088^{29.2}$. Чтобы от коэффициента ежегодного роста (k) перейти к истинному коэффициенту естественного прироста (q) следует вычесть единицу и умножить на 1 000:

$$(1,0088 - 1) 1\,000 = 8.81$$

Таким путем вычисляется истинный коэффициент естественного прироста, полученный из коэффициента Кучинского

Алгебраически этот расчет может быть представлен в следующем виде²

$$q = \left(\sqrt[T]{R} - 1 \right) 1\,000,$$

где

q — истинный коэффициент естественного прироста,

R — коэффициент чистого воспроизводства (коэффициент Кучинского),

T — средний интервал между двумя поколениями (т. е. средняя длина поколения в годах)

Из приведенных расчетов видно, что для того, чтобы от коэффициента Кучинского перейти к коэффициенту естественного прироста, нужно знать среднюю длину поколения в Западной Европе.

Эта величина приблизительно может быть определена в виде среднего возраста матерей, родивших детей в данном году. Следовательно, необходимо иметь распределение родившихся по возрасту матери (К сожалению, не во всех странах производится соби- рание и публикация этих материалов. Например, в Англии, где

¹ Грубый коэффициент естественного прироста Португалии равен 11. Расхождение небольшое, для других стран оно значительно больше

² Приведенное выражение является преобразованной формулой сложных процентов R есть не что иное, как $\frac{A}{a}$, т. е. отношение наращенной величины к первоначальной, T — это число лет, в течение которых происходит наращивание величин, $q = 1\,000 r$, подставляя указанные значения величин, получаем

$$r = \sqrt[T]{\frac{A}{a}} - 1,$$

или

$$1 + r = \sqrt[T]{\frac{A}{a}}$$

Возведя обе части уравнения в степень T , получаем

$$(1 + r)^T = \frac{A}{a},$$

откуда

$$A = a(1 + r)^T,$$

т. е. получим основную формулу сложных процентов

демографическая статистика, вообще говоря, стоит на очень высоком уровне, до сих пор нет таких данных. Помимо Англии эти же материалы отсутствуют в Югославии, Бельгии, Ирландии, Шотландии. Однако мы полагаем, что невключение этих стран вряд ли существенно отразится на результатах. По всем остальным странам произведенное нами суммирование привело к такому ряду распределения матерей по возрасту¹:

*Распределение родившихся по возрасту матери
в 21 стране Западной Европы*

Возраст матери	Количество детей, имевших указанный возраст матери (в тыс.)
До 20 лет ²	252
От 20 до 24 лет	1 639
» 25 » 29 »	2 131
» 30 » 34 »	1 527
» 35 » 39 »	906
» 40 » 44 »	337
» 45 » 49 »	33
50 и более	2
	6 827

Средний возраст матери оказывается равным 29,23 лет. Эту величину мы и примем в качестве средней длины поколения. Применение более точных методов не вносит больших изменений. Так, например, Дэблин и Лотка в своих расчетах по США, исчислив среднюю длину поколения по методу среднего возраста матери, получили 28,46 года, а по точному методу — 28,33; расхождение — менее половины процента³.

После того, как нам известна средняя длина поколения, с одной стороны, и средний коэффициент чистого воспроизводства (1,041; см. стр. 318) — с другой, можно определить истинный коэффициент естественного прироста:

$$q = \left(\sqrt[29,23]{1,041} - 1 \right) 1000 = 1,4.$$

В результате мы пришли к цифре естественного прироста, несколько превышающей ту, которую мы получили по методу Бургдорфера.

	На 1 тыс. человек
Грубый коэффициент естественного прироста	6,6
Истинный коэффициент естественного прироста по методу Кучинского	1,4
Истинный коэффициент естественного прироста по методу Бургдорфера	0,1

¹ В основе наших исчислений положены материалы, приведенные в «Annuaire statistique de la Société des Nations», 1938/39, p. 56—57. Данные, главным образом, за 1936—1938 гг.

² При вычислении средней мы исходили из того, что средний возраст для данного интервала равен 18,5 года.

³ См. Dublin and Lotka, On the true rate of natural increase, «Journal of the Amer. Stat. Assoc.» 1925, IX, p. 311.

Из сопоставления видно, что второй метод (коэффициенты Кучинского) также дает значительное расхождение с грубым коэффициентом естественного прироста: вместо 6 на 1 тыс. коэффициент естественного прироста, по методу Кучинского — Лотки, дает только единицу.

Если же взять Западную Европу без территорий, вошедших в 1939—1940 гг. в Советский Союз, то тогда прирост населения будет еще менее значителен: чистый коэффициент воспроизводства, по методу Кучинского, падает с 1,041 до 1,034. Исключение же балканских стран дает уже показатель меньше единицы (с 1,034 коэффициент снижается до 0,990), и прирост превращается в убыль. Таким образом, в основном картина получается такой же, какая давалась нами выше на основе коэффициентов Бургдорфера. Подобная согласованность в результатах подтверждает надежность примененных методов. Как тот, так и другой методы говорят о том, что Западная Европа вступает в переломный момент своей демографической истории.

8. ДИНАМИКА БРАЧНОСТИ

Динамика брачности в XX в. в отношении Западной Европы может быть представлена в следующем виде (см. табл. на стр. 322).

Более наглядно динамика брачности может быть представлена на графике:

количество браков
(на 1000 жит.)

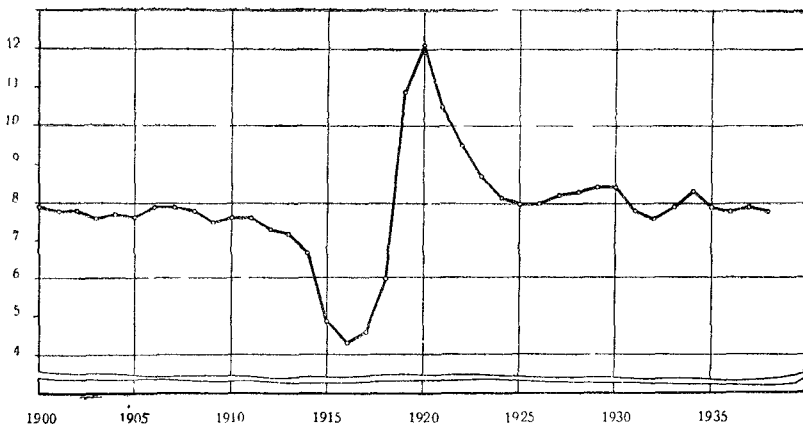

Рис. 22 Динамика коэффициента брачности в Западной Европе за 1900—1938 гг.

В довоенный период коэффициент брачности в Западной Европе колебался вокруг уровня 7,6—7,8. Балканские войны 1912—1913 гг. снизили коэффициенты до 7,2. Дальше видно катастрофическое влияние мировой войны. К 1916 г. количество браков сократилось чуть ли не вдвое. Всего за годы мировой войны

Динамика брачности в Западной Европе в 1900—1938 гг.

Г о д ы	Число браков (в тыс.)	Среднее население (в млн.)	Коэффициент брачности (на 1 тыс. человек)
1900	2 473	314	7,9
1901	2 473	317	7,8
1902	2 488	320	7,8
1903	2 469	323	7,6
1904	2 503	326	7,7
1905	2 508	329	7,6
1906	2 607	332	7,9
1907	2 644	335	7,9
1908	2 626	338	7,8
1909	2 563	341	7,5
1910	2 605	344	7,6
1911	2 649	347	7,6
1912	2 568	349	7,4
1913	2 554	351	7,3
1914	2 404	353	6,8
1915	1 760	354	5,0
1916	1 530	353	4,3
1917	1 622	351	4,6
1918	2 090	349	6,0
1919	3 725	345	10,8
1920	4 177	346	12,1
1921	3 653	349	10,5
1922	3 357	352	9,5
1923	3 105	356	8,7
1924	2 909	359	8,1
1925	2 893	362	8,0
1926	2 896	365	7,9
1927	2 992	368	8,1
1928	3 071	371	8,3
1929	3 101	373	8,3
1930	3 157	376	8,4
1931	2 975	379	7,8
1932	2 896	382	7,6
1933	3 049	385	7,9
1934	3 201	388	8,3
1935	3 088	391	7,9
1936	3 069	394	7,8
1937	3 115	397	7,8
1938	3 093	399	7,8

было недозаключено около 4 млн. браков. Вслед за окончанием войны количество браков резко возросло. Холодное население торопилось заключать браки, столько лет откладываемые из-за войны. Если до войны было недозаключено 4 млн. браков, то после войны такое же количество браков было заключено сверх ежегодной «нормы». Этот послевоенный брачный «угар» постепенно спадал и закончился примерно к 1923 г. Далее, на динамике брачности сказался мировой экономический кризис: в 1930 и 1931 гг. количество браков сократилось на 200—300 тыс. На-

конец, в последние годы количество браков колеблется вокруг уровня в 3 млн.

Из этого видно, что не приходится говорить о каком-либо понижении уровня брачности в Европе в эпоху империализма. Уровень брачности примерно стабилен. Если мы сопоставим этот факт с резким падением рождаемости, то становится ясным, что капиталистическая Европа пошла в основном не по «ирландскому», а по «французскому» пути, т. е. не по пути воздержания от брака, а по пути воздержания от детей, по пути понижения брачной плодовитости. Это подтверждается также падением среднего брачного возраста.

Приведем следующую таблицу, характеризующую этот процесс¹:

Динамика среднего брачного возраста при вступлении в первый брак

Страны	Годы начала периода	Годы конца периода	Возраст жениха			Возраст невесты		
			средний возраст в начале периода	средний возраст в конце периода	Изменения в годах	средний возраст в начале периода	средний возраст в конце периода	Изменения в годах
Пруссия	1900	1913	28,7	27,4	— 1,3	26,4	24,6	— 1,8
Бавария	1900	1913	29,1	28,5	— 0,6	26,1	25,8	— 0,3
Франция	1900	1906—1910	30,8	28,0	— 2,8	25,2	23,7	— 1,5
Италия	1900	1911—1914	28,6	27,2	— 1,4	25,1	23,6	— 1,5
Швейцария	1896—1900	1901—1910	29,5	28,3	— 1,2	27,0	25,8	— 1,2
Англия и Уэльс	1900	1906—1914	28,3	27,4	— 0,9	26,0	25,7	— 0,3
Шотландия	1901	1906—1914	29,4	27,8	— 1,6	25,8	25,8	0,0
Нидерланды	1900	1906—1915	29,2	27,6	— 1,6	26,5	25,8	— 0,7
Швеция	1900	1906—1913	30,0	28,8	— 1,2	27,1	26,4	— 0,7

Если в XIX в. Англия представляла собой исключение из общего правила, то в XX в. она уже подчинилась ему: ни в одной стране нет увеличения брачного возраста, наоборот, брачный возраст довольно интенсивно снижается.

Падение брачной плодовитости также легко доказывается статистическими данными. Достаточно взять хотя бы процент бездетных браков в зависимости от года заключения брака. Германские материалы, например, показывают, что браки, заключенные до 1907 г., дают только 8,6% бездетных. Затем этот процент неуклонно повышается по мере приближения к современным бракам и достигает до 34,4% для браков, заключенных в 1932 г.² Примерно такая же картина и в остальных европейских странах.

¹ «Handwörterbuch d. Staatswissenschaften», B. V, S. 245.

² Материалы относятся к концу 1934 г. Конечно, цифры нельзя считать вполне сопоставимыми, так как браки, заключенные в 1932 г., спустя 2—3 года, еще, разумеется, не исчерпали своей плодовитости.

В этом и лежит ключ к пониманию демографических процессов современной капиталистической Европы. Дело, следовательно, не в динамике коэффициента брачности, а в динамике брачной плодovitости. Именно изучение этой последней раскроет перспективу дальнейших изменений в численности населения.

9. ИТОГОВЫЙ РАСЧЕТ

Эпоха империализма в Западной Европе характеризуется с демографической точки зрения очень сильным падением рождаемости, заметным снижением смертности (отчасти, в результате падения детской смертности, падения рождаемости, изменения возрастной структуры), сильным снижением размаха эмиграции.

В целом ориентировочный демографический баланс может быть представлен в следующих коэффициентах¹:

	На 1000 человек
Уровень смертности в начале века	22
Уровень смертности к 1938/39 гг.	14
	Разность 8
Уровень рождаемости в начале века	32
Уровень рождаемости к 1938/39 гг.	20
	Разность 12
Уровень эмиграции в начале века	2
Уровень эмиграции к 1938/39 гг.	0,5
	Разность 1,5

Итоговое сальдо
 $(8 + 1,5) - 12 = - 2,5$

В итоге сальдо отрицательное. Это значит, что коэффициент действительного прироста населения Западной Европы снизился за четыре десятилетия с 0,8 на 1 тыс. человек до 0,55 на 1 тыс., т. е. почти на одну треть.

¹ Цифры для начала века расходятся с цифрами на стр. 256, так как здесь речь идет о Европе без СССР.

ЧАСТЬ VI

ОБЩИЙ ОБЗОР РОСТА НАСЕЛЕНИЯ ЕВРОПЫ за 1000—1940 гг.

1. ВВЕДЕНИЕ

Некоторые демографы интересовались построением ряда динамики населения за длительный период времени. Так, например, Левассер построил такой ряд по Франции, начиная с Галлии римских времен, Ушер по Англии — начиная с 1086 г. По другим странам аналогичные ряды охватывают менее значительные периоды: Сундберг для Швеции начал с 1600 г., Белох для Италии — с XVI в. Все эти материалы мы уже разбирали в нашей работе. Укажем здесь еще только, что некоторые авторы, не давая цифр, ограничивались графиком. Так, например, постушил Бутуль в своей книге «Population dans le Monde», приведя следующие графики населения по Франции и Англии:

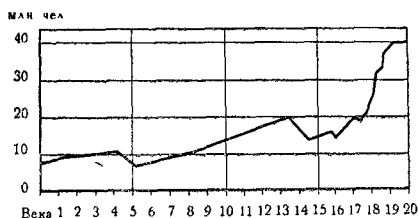

Рис. 23. Динамика населения Франции за две тысячи лет

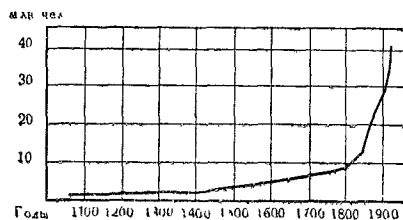

Рис. 24. Динамика населения Англии за тысячу лет.

Таким образом, для отдельных стран имеются цифровые и графические обобщения динамики населения за длительный период времени. Попытаемся сделать это для Европы в целом.

Прежде чем перейти к разбору установленных нами цифр, следует указать несколько слов о характере и особенностях динамического ряда численности населения. (Сначала подчеркнем, что этот ряд является моментным рядом, т. е. он всегда относится к какому-либо моменту времени; это ряд не за какую-нибудь дату, а не за какой-либо период. Первые разности этого ряда представляют собой интервальный ряд, так как дают действительный

прирост или убыль за какой-нибудь интервал, за какой-нибудь период.

То обстоятельство, что численность населения является моментным рядом, характеризует его с точки зрения колеблемости; моментные ряды, впитывающие в себя все накопленные изменения прошлого, обладают часто большой инертностью. В применении к численности населения это особенно справедливо. Нужны резкие изменения в условиях жизни, чтобы численность населения обнаружила хоть сколько-нибудь значительные колебания. Поэтому, например, циклические колебания народного хозяйства капиталистических стран на динамике численности населения не находят своего непосредственного отражения. Известно, что экономические кризисы в капиталистическом хозяйстве вызывают колебания в показателях брачности, показатели брачности в свою очередь влияют на показатели рождаемости. Тем не менее на численности населения это не сказывается; даже резкое сокращение рождаемости не приводит к убыли населения. Резкое падение численности населения может быть только результатом катастрофических факторов (голод, эпидемии, войны). Таким образом, циклические колебания в численности населения как отражение периодических кризисов можно считать отсутствующими. Другое дело, если говорить о циклических колебаниях динамики численности населения на протяжении больших исторических отрезков; об этом говорят многие демографы, отстаивающие волнообразную кривую динамики населения. Но здесь дело идет о циклах, охватывающих несколько десятков, сотни, а может быть и тысячи лет. Этому мы еще коснемся ниже.

Основная тенденция в динамике численности населения отражает особенности производственных отношений и уровень развития производительных сил страны. Если производственные отношения гармонизируют с уровнем развития производительных сил, определенное поступательное движение динамического ряда численности населения объясняется ростом духовной и материальной культуры, который происходит систематически и непрерывно, накапливаясь из года в год.

При этом большую роль играют и так называемые пертурбационные факторы. Роль этих факторов в динамике населения особенно велика. При этом нельзя, конечно, рассматривать эти факторы как нечто внезапное, неожиданное, стихийное. В истории населения пертурбационные факторы — это прежде всего войны, голод, эпидемии. Разве можно их рассматривать независимо от характера материальной и духовной культуры? Разве феодальные войны не вызывались самим характером феодального строя, разве голод не является непосредственным результатом низкого уровня агротехники и разделения труда, разве эпидемии не являются следствием низкого культурного уровня населения? Разумеется, пертурбационные факторы зависят от уровня развития производительных сил. В средние века роль пертурбационных факторов была особенно велика, и это приводило к рез-

ким колебаниям в численности населения. Примерное представление об амплитуде этих колебаний можно получить из рисунка 25, на котором приведена динамика населения района Friuli (Альпийская область в Италии) в XVI и XVII вв. Всего за 1548—1642 гг. по этому району имеются 12 дат с указанием численности населения в них¹.

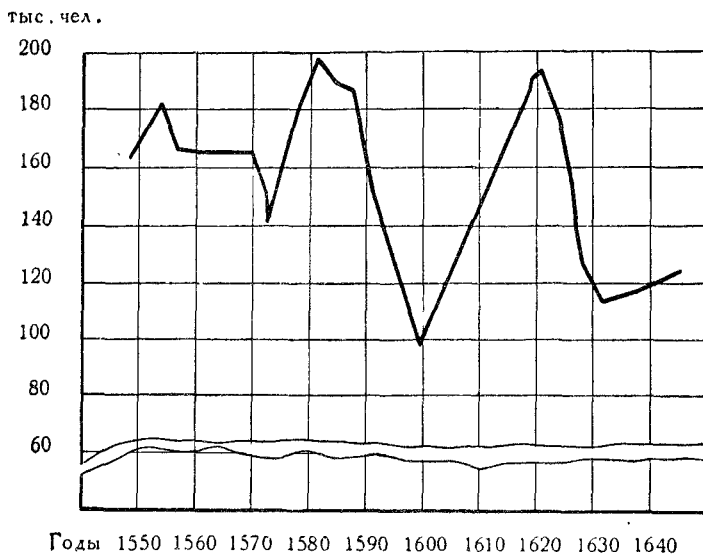

Рис. 25. Динамика населения района Friuli (Италия) в XVI—XVII столетиях

Можно не сомневаться, что в века, предшествовавшие XVI—XVII, погодные колебания были не менее значительны. Если бы нам были известны погодные колебания, то, выравнив их, мы получили бы представление об уровне. Подобный уровень дал бы нам совокупное действие всех факторов, образующих колебания из года в год. Однако таких материалов нет, поэтому и уровень нам приходилось регистрировать иным путем.

Постепенно, по мере преодоления «пиков» смертности, ряд численности населения начал выравниваться. В XIX в. колебания в численности населения стали менее значительны. Это можно видеть на примере Швеции, по которой сведения о численности населения на каждый год имеются, начиная с 1749 г. непрерывно до нашего времени (см. рис. 26 на стр. 328).

Из графика видно, что кривая населения идет вверх, лишь в редких случаях давая снижение. Более наглядно это можно представить на графике естественного прироста (см. рис. 27 на стр. 328).

¹ Цифры нами взяты из статьи Paolo Fortunati, La popolazione friuliana del secolo XVI ai giorni nostri, «Verhandlungen d. Intern. Kongresses d. Bevölkerungsforschung», B. I, S. 140.

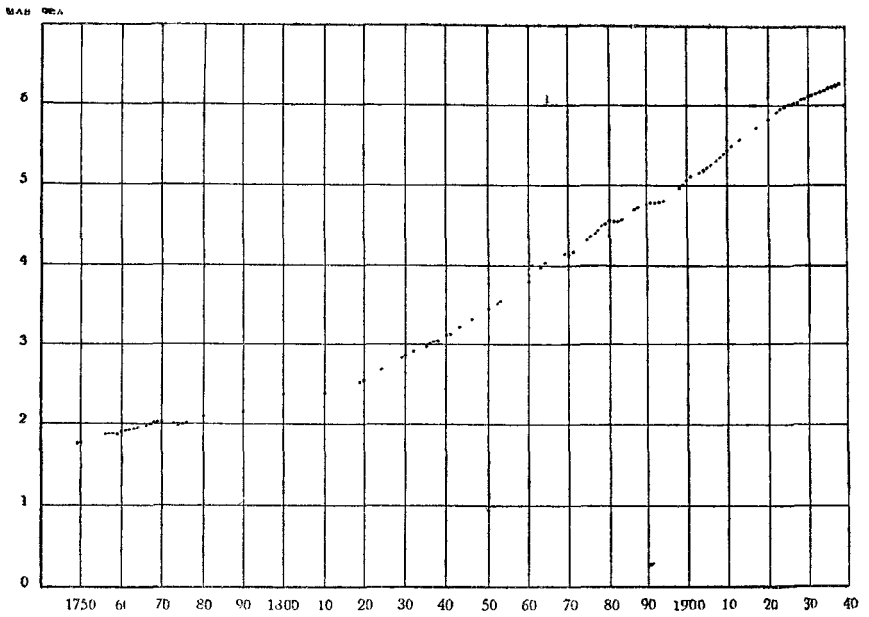

Рис. 26 Динамика населения Швеции за 1749—1939 гг.

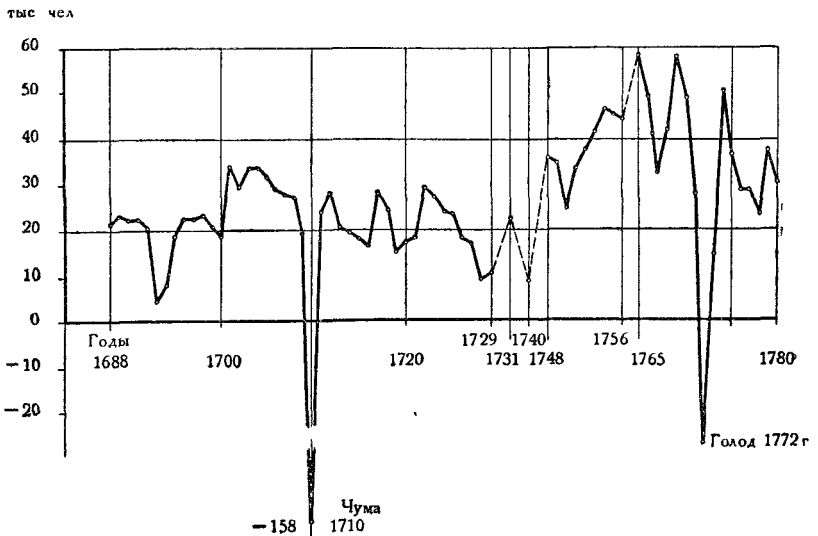

Рис. 27 Естественный прирост в Пруссии за 1688—1780 гг.

Из материалов по Пруссии видно, что за период 1688—1780 гг. было лишь 2 года, в которых вместо прироста была убыль. Однако, если мы учтем, что как раз в особенно неблагоприятные годы статистические данные отсутствуют (например, за все годы Семи-

летней войны), то должны признать, что число лет, давших убыль населения Пруссии, в XVIII в. составило примерно 10—12.

В XIX в. случаи абсолютной убыли населения стали значительно более редки. К сожалению, мы сможем судить об этой убыли только по тем странам, в которых опубликованы материалы о ежегодном исчислении населения. Во Франции из 100 лет 7 давали снижение численности населения. Это следующие годы:

1805	}	Наполеоновские войны
1807		
1813		
1855	}	Холера
1871		
1872	}	Франко-прусская война
1890		

В других странах убыль населения случалась еще реже. Например, в Финляндии за 1840—1900 гг. население уменьшилось только в 1867 и 1868 гг. (эпидемия).

В нашей стране перевес числа умерших над числом родившихся в XIX в. имел место дважды: первый раз — в 1813 г. (в результате наполеоновского нашествия, об этом см. ниже), второй раз — в 1848 г. (главным образом, в результате эпидемии холеры). Во все остальные 98 лет наблюдался прирост населения.

В последнее время погодные данные численности населения дают готовый, так называемый плавный уровень, получаемый, таким образом, без всякого выравнивания и переработки. Этот уровень, однако, не отражает влияния всей совокупности факторов. Пертурбационные факторы и в XX в. тесно связаны с экономической системой, с производственными отношениями. Войны в эпоху империализма вытекают из самой сущности противоречий между империалистическими державами. Поэтому средний темп роста надо рассчитывать с включением военных лет.

2. СЛУЧАИ ПАДЕНИЯ ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ

Основной характерной чертой динамики населения Европы за последнее тысячелетие был рост населения; лишь на короткий срок он прерывался и сменялся падением, но все же основная тенденция ряда была поступательная, население Европы увеличивалось в своих размерах на протяжении всего тысячелетия.

Однако по отдельным странам картина была иной. Некоторые страны за последние девять столетий испытали причудливую историю и проделали зигзагообразную кривую. Подобные случаи длительного падения населения составляют исключение на общем фоне роста, поэтому они заслуживают того, чтобы на них специально остановиться.

Механизм связи экономики и демографии в этом случае выражается примерно в следующем: упадок экономики страны приводит к снижению материального уровня, а этот последний дает повышенную смертность. Браки откладываются, а многими и вовсе не заключаются, вследствие этого рождаемость понижается. Значительная часть населения эмигрирует в другие страны. В результате число рождений не превышает числа умерших и эмигрировавших, начинается убыль населения. Таким образом, происходило вымирание населения (если не говорить о случаях физического уничтожения побежденных народов).

Об этом говорит также известный русский географ Воейков: «Знакомство с историей показывает нам, что не было непрерывного роста населения, а были периоды прибыли и убыли, и в результате многие страны, когда-то густо населенные, теперь пустынные или по крайней мере очень слабо населены»¹.

Случаи падения численности населения наблюдались и в XIX в., и имеется возможность надлежащим образом осветить их статистически. Мы имеем в виду Ирландию, которая представляет собой классический пример страны, дающей систематическую убыль населения в эпоху капитализма.

Мы уже указывали на стр. 157, что в конце XVIII в. Ирландия вступила в полосу весьма бурного роста населения. В XIX в. этот рост продолжался; с 1801 г. каждые 10 лет производился учет населения (а с 1821 г.— перепись), и поэтому имеется возможность дать точное статистическое отражение этого процесса.

Динамика численности населения Ирландии за 1801—1940 гг. может быть представлена в следующих цифрах (график этого ряда см. на стр. 331, рис. 28).

Динамика численности населения Ирландии (в тыс. человек)

Г о д ы	Численность населения	Абсолютный прирост	Абсолютная убыль
1801	5 395		
1811	5 938	543	—
1821	6 802	864	—
1831	7 767	965	—
1841	8 175	408	—
1851	6 552	—	1 623
1861	5 799	—	753
1871	5 412	—	387
1881	5 175	—	237
1891	4 705	—	470
1901	4 459	—	246
1911	4 390	—	69
1926	4 226	—	164 ²
1936	4 261	35	—

В первые десятилетия XIX в. рост населения происходил очень быстро, в среднем 1,3—1,5% в год. И это несмотря на то, что некоторые районы иногда охватывались картофельным голодом. Таковы, например, неурожай 1822, 1823, 1835, 1836, 1837, 1839 гг. Перелом создал голод 1846 г., который, как указывает Маркс, «...уничтожил более миллиона человек...»³ Вслед за этим началась массовая эмиграция в Америку. Маркс в «Капитале» отмечает, что в период 1851—1874 гг. общее число эмигрантов составило 2 325 922 человека⁴. Таким образом, на протяжении 24 лет из страны выехало больше трети всего населения. Вслед за этим понижение численности населения неуклонно продолжалось. Лишь в самое последнее время налицо стабилизация численности населения. В итоге население Ирландии в настоящее время составляет половину того, сколько было 100 лет назад.

Пример с Ирландией чрезвычайно поучителен. Он наглядно показывает, что нет никакой «естественной емкости» населения в какой-либо стране и что эта «емкость» определяется экономическими условиями. Маркс пишет: «Таким образом здесь, на наших глазах, в крупном масштабе развертывается процесс, лучше которого ортодоксальная экономия и желать не может для проверки своего догмата, что бедность возникает из абсолютного перенаселения и что

¹ См. В о е й к о в, *Распространение населения земли*, СПб, 1911, стр. 70.

² За 15 лет.

³ М а р к с, *Капитал*, т. I, стр. 564.

⁴ Там же, стр. 565.

равновесие восстанавливается снова уменьшением населения. Это эксперимент куда поучительнее, чем столь прославленная мальтузианцами чума половины четырнадцатого столетия»¹. На следующей странице Маркс указывает, что колоссальное понижение численности населения не ослабило относительного перенаселения и не улучшило положения трудящихся Ирландии: «...заработная плата так же низка...тяжесть труда увеличилась... нищета в деревне угрожает новым кризисом»². Таким образом, снижение плотности населения почти в 2 раза не принесло никакого облегчения народу. Очевидно, дело не в плотности населения, а в антагонистических отношениях между производительными силами и производственными отношениями. История Ирландии служит прекрасной иллюстрацией марксовской теории населения.

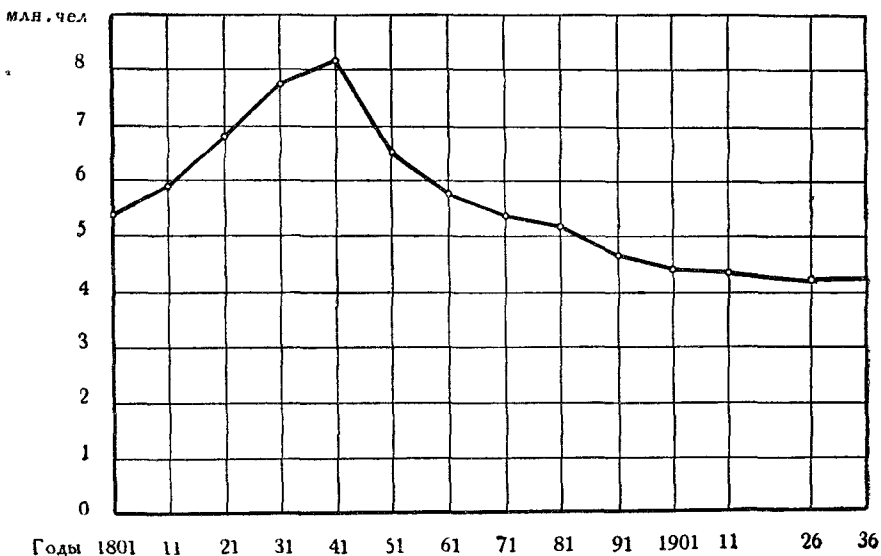

Рис. 28. Динамика населения Ирландии за 1801—1936 гг.

3. ВОЙНЫ И ИХ ВЛИЯНИЕ

Влияние войн на демографические процессы было очень велико во все периоды человеческой истории. Войны между племенами в варварский период сильно снижали прирост населения. Беспорывные феодальные войны также отнимали немалое количество жертв. Далее, войны в эпоху капитализма, сотрясая время от времени капиталистическую систему, ставят под косу преждевременной смерти миллионные массы людей.

Ущерб от войны несет не только армия, но и гражданское население вследствие повышенной смертности и пониженной рождаемости. Влияние войны на гражданское население тесно связано со способами ведения войны. В феодальную эпоху население завоеванных территорий подвергалось полному ограблению, а очень часто и полному уничтожению. Например, в Тридцатилетнюю войну выжигались целые районы. Отдельные генералы име-

¹ Там же, стр. 564.

² Там же, стр. 565

ли в своем «послужном списке» несколько сот сожженных деревень. Однако постепенно стали понимать, что такое физическое уничтожение врага не дает экономической выгоды. И вот в ту же Тридцатилетнюю войну появляются первые запрещения уничтожения запасов и средств производства, но они еще плохо выполнялись.

Начиная с XVIII в. характер ведения войн в Европе изменился: главный ущерб от войн в XVIII, XIX вв. приходится на армию.

Войны в Европе влекли за собой огромное количество жертв. Это приводило к падению численности населения в военные годы, но о том, каково было это снижение, по статистическим материалам судить невозможно. Фигурируют только разного рода оценки историков, имевшие значение при расчетах численности населения страны, но не имеющие значения для нас сейчас, когда мы хотим более или менее точно измерить влияние войн.

В эпоху феодализма наибольшее значение имели крестовые походы, число жертв которых измеряется сотнями тысяч.

В XVII в. особенное значение имела Тридцатилетняя война, о влиянии ее мы говорили выше. В начале XVIII в. большой урон населению Европы принесли Северные войны и война за испанское наследство. Однако в ту пору переписей населения не было, и потому мы не можем составить себе представления о проценте убыли населения в результате военного разорения.

Первая крупная война, которая велась уже в эпоху существования демографической статистики, была Семилетняя война, сильно изнурившая Центральную Европу. По материалам Пруссии и Австрии мы впервые получаем возможность составить себе более или менее точное представление о влиянии войны на численность населения.

Правда, в период Семилетней войны свод записей рождений и смертей отсутствует, но все же на основании данных о населении до и после войны можно сделать некоторые выводы.

Первый вывод — это довольно заметное сокращение населения к 1764 г. по сравнению с 1755 г. Это сокращение по частям Пруссии выражается в следующих цифрах¹:

Население Пруссии до Семилетней войны и после нее (в тыс. человек)

	До войны	После войны	% убыли
Восточная Пруссия	636	587	8
Померания	373	325	13
Неймарк	222	200	10
Курмарк	585	564	4
Силезия	1162	1112	4
Магдебург	226	215	4
Гальберштадт	103	100	3
Майден-Равенсберг	164	154	6
Клеве-Марк-Мерз-Гольдерн	271	236	13
Остфрисланд	91	91	0
Невшатель	32	32	0
Итого Пруссия	3 865	3 616	6

¹ См Behre, op cit, S 458, 462.

Таким образом, за девять лет, из которых семь включают в себя Семилетнюю войну, население Пруссии сократилось на 6%. Восстановительный процесс происходил довольно быстро: через несколько лет после окончания войны население Пруссии превысило уровень 1755 г.

О влиянии Семилетней войны можно получить представление и по стране-противнице Пруссии в этой войне — Австрии — при сравнении переписей 1754 и 1762 гг. (без Тироля и Форарльберга, по которым нет данных, относящихся к 1762 г.)¹.

Части Австрии	До войны (1754 г.)	Перед концом войны (1762 г.)	% падения
	(в тыс человек)		
Богемия	1 942	1 669	14
Моравия	867	835	4
Силезия	154	136	12
Нижняя Австрия	930	777	16
Верхняя Австрия	430	417	3
Штирия	697	496	29
Каринтия	272	260	4
Крайна, Герц и Градиска	447	300	33
Итого .	5 739	4 890	15

По Австрии Семилетняя война принесла с собой еще более значительное сокращение населения. Однако восстановление убыли в Австрии протекало также быстрыми темпами, так как уже через четверть века по переписи 1787 г. численность населения была на 29% выше, чем до войны.

По-иному сложилось влияние наполеоновских войн.

Наполеоновские войны захватили почти всю Европу. Поэтому о влиянии их можно говорить, рассматривая общеевропейские итоги численности населения в XIX в.: к 1800 г. было 187 млн. человек, к 1810—199 млн., к 1820 г. — 212 млн. Правда, на точности этих цифр нельзя особенно настаивать, так как в отношении 1810 и 1820 гг. они получены Сундбергом отчасти при помощи интерполяции. Но во всяком случае можно уверенно сказать, что наполеоновские войны не вызвали убыли населения по Европе в целом. Можно только говорить о падении темпов роста населения в первом десятилетии XIX в. по сравнению с последней четвертью XVIII в.: в 1775—1800 гг.— 0,70% в год, в 1800—1810 гг.— 0,62% в год. Таким образом, оказывается, что наполеоновские войны, которые, казалось бы, принесли полное разорение значительной части Европы, с точки зрения демографической не дали катастрофических изменений.

¹ Heinrich Grossmann, Die Anfänge und geschichtliche Entwicklung der amtlichen Statistik in Oesterreich, «Statistische Monatschrift», 1916. N. F., J. 21. S. 235; Цит. по Fischer, op. cit., B. II, S. 163.

Причину этого следует искать в том, что наполеоновские войны вызвали крушение феодальных порядков, стеснявших рост и развитие производительных сил.

Отсутствие убыли населения в Европе тем более интересно, что сами по себе наполеоновские войны были очень кровопролитны. Левассер, по материалам Бодара, приводит следующие крупнейшие битвы с указанием числа участников и потерь¹:

Крупнейшие битвы последних веков (до русско-японской войны включительно)

Место битвы	Число участников	Потери (убитых, раненых, плененных)	% потерь
	в тыс. человек		
Лейпциг	500	140	28,5
Мукден	624	138	20,5
Седан	320	122	38,1
Бородино	246	80	32,5
Ватерлоо	192	65	35,8
Ваграм	290	63	21,7
Чао	355	63	17,7
Кениггрец	435	54	12,4
Дрезден	300	50	16,6
Плевна	163	50	30,6

Из этого перечня видно, что наполеоновские битвы занимают центральное положение в общем перечне: Лейпциг, Бородино, Ватерлоо, Ваграм и др.

Общее количество убитых в боях и умерших от ран французов за 1805—1815 гг. превышает 400 тыс. человек. Учитывая огромные санитарные потери (умершие от болезней и т. д.), общее число жертв наполеоновских войн для Франции Бодар определяет в 1 млн. человек². Столько же он принимает и для других стран Европы в целом. Таким образом, общее число прямых жертв наполеоновских войн за десятилетие можно считать примерно равным 2 млн. человек, что составляет около 1% населения Европы.

Несмотря на колоссальный урон в виде жертв войны, население Франции не сокращалось. Это видно из следующих цифр (см. табл. на стр. 335).

Правда, приведенные материалы о численности населения Франции не могут претендовать на точность, так как они получены с применением некоторых искусственных приемов³, но все же из них можно сделать вывод, что наполеоновские войны не дали понижения численности населения и по Франции. Население Фран-

¹ См. Levasseur, Statistique des batailles et des pertes causées par la guerre depuis trois siècles, «Journal de la Société de Statistique de Paris», 1909, № 7 p. 232.

² G. Bodart, Losses of lives in modern wars, 1916, p. 133.

³ См. сноску на стр. 13* «Annuaire Statistique», 1937.

Динамика населения Франции за 1801—1816 гг.¹

Годы (на середину каждого года)	Население (в тыс.)	Прирост или убыль (в тыс. человек)
1801	27 500	—
1802	27 880	+ 380
1803	28 270	+ 390
1804	28 980	+ 710
1805	28 920	— 60
1806	29 170	+ 250
1807	29 130	— 40
1808	29 150	+ 20
1809	29 200	+ 50
1810	29 280	+ 80
1811	29 350	+ 70
1812	29 370	+ 20
1813	29 330	— 40
1814	29 340	+ 10
1815	29 380	+ 40
1816	29 480	+ 100

ции за 1805—1815 гг. колебалось вокруг цифры в 29 млн. человек. Убыль населения наблюдалась лишь в 1805, 1807 и 1813 гг.

Имеющийся материал по другим странам также не говорит об убыли населения.

Что касается России, то надо сказать, что наполеоновские войны мало затрагивали ее население до тех пор, пока русская армия сражалась с Наполеоном на чужой территории. Лишь тогда, когда полчища Наполеона вторглись в Россию, дойдя до самой Москвы, война с французами оставила заметный след в демографической истории нашей страны.

О влиянии наполеоновских войн на демографические процессы в России можно судить на основании следующих цифр (в тыс. человек)² (см. табл. на стр. 336).

До войны с Францией перевес родившихся над умершими колебался от 500 до 600 тыс. человек. В 1805—1811 гг. шла русско-турецкая война и в 1805—1807 гг. — война с Францией за пределами России. Эти военные годы снизили перевес рождаемости над смертями до 450—500 тыс., а в 1811 г. прирост опустился ниже 400 тыс. человек. Лишь вторжение Наполеона в Россию резко изменило положение. Вторая половина 1812 г. прошла под знаком отечественной войны. В результате этих событий 1812 год дал половину обычного естественного прироста. Но влияние разорения России могло сказаться лишь в следующем году. И действительно, 1813 год, единственный год из всех приведенных, дал убыль населения России в результате резкого

¹ См. «Annuaire Statistique», 1937 г., Direction de la Statistique générale et de la documentation, p 11*.

² Только православное население. Цифры взяты из статьи В. И. Покровского (Влияние колебаний урожая и хлебных цен на естественное движение населения) в сборнике «Влияние урожая и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства», Спб. 1897, т. II, стр. 185.

Рождаемость и смертность в России в 1801—1816 гг.

Г о д ы	Число родившихся	Число умерших	Естественный прирост
1801	1 179,5	726,3	453,2
1802	1 294,5	688,4	606,0
1803	1 277,3	792,0	485,3
1804	1 358,3	789,8	568,5
1805	1 360,5	818,4	542,1
1806	1 346,2	845,5	500,7
1807	1 334,6	866,1	468,5
1808	1 334,1	891,7	442,4
1809	1 321,3	849,0	472,3
1810	1 374,9	904,0	470,9
1811	1 341,3	966,5	374,8
1812	1 264,4	973,2	291,2
1813	1 099,4	1 102,2	— 2,8
1814	1 228,1	837,8	390,3
1815	1 336,5	894,3	442,2
1816	1 491,7	829,9	661,8

сокращения рождаемости и роста смертности. Правда, убыль по этим данным была незначительная, но к ней нужно еще прибавить жертвы войны, которые не прекратились и после того, как побежденный Наполеон оставил Россию¹. Война кончилась в 1814 г. Первым мирным годом был 1815 год. Следовательно, влияние его могло сказаться уже в 1816 г.; и действительно в этот год наблюдалась колоссальная рождаемость и естественный прирост вышел за пределы 600 тыс. человек.

В общем мы можем сделать вывод, что наполеоновские войны не принесли сокрушительного урона динамике населения Европы. Они сказались лишь в виде сокращения прироста населения; убыль населения происходила лишь в отдельные, особенно неблагоприятные годы.

Из наиболее значительных войн второй половины XIX в. следует отметить франко-прусскую войну 1870—1871 гг. На Франции она сказалась следующим образом (в тыс. человек)² (см. табл. на стр. 337).

Поражение в войне с Германией означало для Франции с демографической точки зрения гораздо больший урон, чем изнурительные наполеоновские войны. Население сократилось почти на 2%, тогда как в годы наполеоновских войн убыль населения выражалась в долях одного процента, если считать, что интерполяция ряда численности населения за 1801—1815 гг. Французским статистическим бюро была произведена правильно.

¹ Имеются основания предполагать, что цифры текущего учета преуменьшают влияние наполеоновского нашествия вследствие неполной регистрации числа умерших в 1812 г. Об этом говорит сравнение 7-й ревизии с итогами 6-й. По данным 6-й ревизии в 1812 г. мещан и крестьян было 18 822 652 человека, а в 1816 г.—17 950 137, т. е. за 4 года убыль составляет 4,7%. (Об этом см. С. Т. Н е r m a n n, Recherches statistiques sur la septième revision. «Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences», t. VII, 1820, p. 449—456).

² «Annuaire Statistique», 1937, p. 12*.

Рождаемость и смертность во Франции в 1868—1872 гг.

Г о д ы	Родившиеся	Умершие	Естественный прирост (+) или убыль (—)
1868	984	922	+ 62
1869	949	864	+ 85
1870	944	1 047	— 103
1871	826	1 271	— 445
1872	966	793	+ 173

На страну-победительницу франко-прусская война оказала значительно меньшее влияние.

*Рождаемость и смертность в немецких государствах в 1868—1872 гг.¹
(в тыс. человек)*

Г о д ы	Число родившихся	Число умерших	Естественный прирост
1868	1 544	1 173	371
1869	1 594	1 154	440
1870	1 636	1 184	452
1871	1 473	1 272	201
1872	1 692	1 261	431

Влияние войны сказалось в виде сокращения естественного прироста вдвое; никакой убыли населения не было.

Из войн в эпоху империализма в первую очередь, разумеется, следует отметить влияние мировой войны 1914—1918 гг.

Мировая война 1914—1918 гг. принесла значительную убыль населения. Если в середине 1915 г. население Западной Европы составляло 354 млн. человек, то к середине 1919 г. оно упало до 345 млн. (включая и нейтральные страны). Лишь в 1923 г. уровень населения Западной Европы превысил уровень 1915 г. Таким образом, восстановительный период определяется в четыре года, а с учетом продолжительности войны получается один год восстановительного периода на один год войны. По воюющим странам восстановительный период продолжался дольше.

Более подробный расчет влияния войны на численность населения приводит к следующим цифрам. Общее количество убитых (без России)—7 млн. человек. Гражданское население за период 1914—1918 гг. дало повышенную смертность. Правда, непосредственно цифры смертности не дают повышения: если в довоенные годы число умерших равнялось примерно 6,4 — 6,7 млн. человек, то в 1914 г. это число равнялось 6,4 млн., в 1915 г. — 6,6 млн., в 1916 г. — 6,3 млн., в 1917 г. — 6,4 млн. Подобное явление объясняется тем, что падение рождаемости вызвало падение детской смертности. На стр. 273 мы исчислили, что в результате войны 1914—1918 гг. детей родилось на 14 млн. меньше. Полагая, что тогда примерно умирало 15% детей на первом году жиз-

¹ По всем немецким государствам — в объеме довоенной Германии.

ни, можно считать, что свыше 2 млн. смертей надо прибавить к числу умерших в военные годы для сравнения с умершими в довоенные годы; с учетом же смертности двух-, трех- и четырехгодовалых детей можно считать не 2 млн., а даже больше. Эту цифру в 2 млн. человек и можно рассматривать как ориентировочное указание о числе жертв войны среди гражданского населения. Далее, эпидемия «испанки» унесла в Западной Европе около 2 млн. человек. Эту эпидемию также можно считать результатом войны. В целом «баланс» войны 1914—1918 гг. для Западной Европы может быть дан в таких цифрах:

	Млн. человек	%
Погибло на войне	7	63,6
Умерло гражданского населения в результате войны	2	18,2
Умерло от эпидемии «испанки»	2	18,2
Итого	11	100,0

Таким образом, две трети всех жертв мировой войны 1914—1918 гг. приходится на армию. В прежние века соотношение это было совсем иным. Крупные войны обходились в 100—200 тыс. солдат, убитых на поле брани, умерших от ран и от болезней, а население страны уменьшалось на 1—1,5 млн. человек (для стран с населением 10—20 млн.), грубо говоря, от одной пятой до одной десятой всех жертв войны составляли убитые на войне, а четыре пятых и иногда девять десятых жертв приходилось на гражданское население.

Находясь «ученые», которые пытаются доказать полезность войн и их малое влияние на численность населения. Так, например, профессор М. И. Лубны-Герццг, говоря о людских жертвах, которые причиняют войны, во введении к своей книге восклицает: «Конкуренция народов! Война! Война — организованное убийство силой государственного принуждения! Война — это наиболее яркое явление на протяжении всей истории человечества! Не есть ли она неизбежность и даже целительное средство в состоянии перенаселения?»¹ Другие же «ученые» утверждают, что война совсем не имеет такого разрушительного влияния, как это обычно себе представляют. Так, например, Штейнмец (Steinmetz) как раз в канун мировой войны писал следующее: «В США убитых железными дорогами настолько велико, что только самая кровопролитная война может быть сравнима с этими потерями»². Далее указывается, что в США ежегодно умирает около 350 тыс. детей от фальсификации продуктов питания. В одной Германии около 30 тыс. человек в год гибнет от насильственной смерти. Все эти цифры противопоставляются 26 тыс. жертв во франко-прусской войне. Этим автор хочет показать, что войны обходятся очень «дешево». Однако мировая война 1914—1918 гг., разразившаяся

¹ Лубны-Герццг, Что такое перенаселение, М. 1923, стр. 7.

² Steinmetz, Die Bedeutung des Krieges bei den Kulturvölker, «Zeitschrift f. Sozialwissenschaften», 1914, Н. 5, S. 295 ff.

опустя 2—3 месяца после того, как Штейнмец опубликовал свою статью, показала, какие колоссальные разрушения жизни и средств производства влекут за собой военные конфликты между империалистическими государствами.

4. ГОЛОДНЫЕ ГОДЫ И ИХ ВЛИЯНИЕ

Наряду с войнами голодные годы вызывали гибель колоссального числа людей. Уолфорд только для Британских островов насчитал 201 голодный год в период с 10 г. н. э. до 1846 г. Можно не сомневаться, что большое количество голодных лет в эту сводку не вошло, так как материалы о них не сохранились.

Особенно разрушительное влияние имел голод в период раннего средневековья, когда плохое состояние путей сообщения и слабое развитие хлебной торговли приводили к значительному снижению уровня питания населения в неурожайные годы. Но и в позднее средневековье голод еще продолжал играть роль крупного фактора смертности. Даже в XIX в. в некоторых европейских странах голод был причиной гибели значительных масс населения. Достаточно указать на голод 1846 г. в Ирландии, стоивший (вместе с эпидемиями) 1 млн. человеческих жизней. И в царской России голод и связанные с ним эпидемии вызывали значительное количество смертей сверх обычного числа. Влияние голодных лет в России было велико.

По имеющимся сводкам, общее количество неурожаев и голодных лет в России по отдельным векам было следующим:

Голод и неурожай в истории России

Века	Количество неурожаев по своду Соловцова ¹	В том числе количество лет повсеместного неурожая (по своду Соловцова)	Количество голодных лет по своду Станиловского ²
XI	4	0	3
XII	3	0	1
XIII	6	1	3
XIV	5	1	2
XV	16	1	2
XVI	11	2	4
XVII	12	1	9
XVIII	34	2	7
XIX	39 ^a	2 ^a	14
Итого . . .	130	10	45

^a Только в первой половине века.

¹ См. Соловцов, Историческое и статистическое обозрение неурожаев в России, «Сборник статистических сведений о России», кн. 14, Спб. 1858, стр. 467, 494.

² Станиловский, Хронология голодных годов за 14 столетий в метеорологическом отношении, ст. в сб. «Проблемы урожая», М. 1926, стр. 313.

Из этих цифр мы получаем картину роста числа голодных лет и неурожаев из столетия в столетие. Это же констатируют и авторы приведенных двух сводов. Однако в то время как Соловцов совершенно справедливо приписывает это более полной и лучшей регистрации¹, Л. М. Станиловский склонен считать эту картину действительной; более частые голодовки он объясняет вырубкой лесов, выпахиванием почвы, плохими удобрениями и т. д. С этим, конечно, нельзя согласиться. С точки зрения полноты материала XIX век даже нельзя сравнивать, например, с XII в. У Станиловского: в XII в.— один голод, а в XIX в.— 14. Но ведь не может быть никакого сомнения в том, что большое количество голодных лет в XII в. просто ускользнуло от нас. Летописцы не охватывали всей страны, и много крупных местных голодовок остались неучтенными даже при наличии хорошей постановки дела летописания в России.

Голодные годы в России приводили к значительному сокращению численности населения, в особенности если они захватывали почти всю страну. Соловцов называет следующие даты всеобщих неурожаев: 1230, 1309, 1422, 1512, 1570, 1602, 1716, 1722, 1839, 1850 гг. Но этот перечень не полон. Историки отмечают и другие годы повсеместного голода. Например, Соловьев говорит о 1279 г., когда «был сильный голод по всей Земле Русской», и о 1429 г., когда вследствие необычайной «погоды был голод сильный во всей Земле Русской»².

Такой сильный голод давал значительно повышенную смертность. Летописцы оставили немало описаний несчастий во время голода. Имеются даже кое-какие количественные характеристики. Например, упоминая о голоде в Новгороде в 1230 г., летописец рассказывает про некоего Станила, которого наняли возить мертвецов. «Станил возил целый день безпрестанно, и навозил 3 030 трупов; скудельница наполнилась; поставили еще другую, и наклали 3 500 трупов»³. «В Смоленске выстроено было четыре скудельницы, в которых было положено 32 000 трупов»⁴. Необычайно сильный голод был при Борисе Годунове в 1602 г. Соловьев описывает его в следующих выражениях: «Видали людей, которые, валяясь по улицам, щипали траву, подобно скоту, зимою ели сено; у мертвых находили во рту вместе с навозом человеческий кал; отцы и матери ели детей, дети—родителей, хозяева—гостей, мясо человеческое продавалось на рынках за говяжье, в

¹ Проявив трезвое отношение к русским материалам, Соловцов весьма последовательно вывел соотношение с материалами по другим странам, подсчитав 49 неурожаев в иностранных государствах (включая Америку!), Соловцов пишет, «что в России неурожаев было гораздо более, нежели в других странах». Интересно, к каким выводам пришел бы Соловцов, если бы взял какую-нибудь одну страну! Например, Польшу он упоминает 2 раза; из этого, значит, можно сделать вывод, что там было в 65 раз меньше неурожаев, чем в России!

² Соловьев, цит соч., кн. I, стр. 886 и 1220.

³ Там же, стр. 1220.

⁴ Там же.

пирогах»¹. В Москву за государственным подаянием двинулся народ со всего государства «В одной Москве, говорят, погибло около 500 000 человек»². Цифра эта, впрочем, маловероятная. Более правдоподобным является указание о том, что за 2 года и 4 месяца в Москве только по распоряжению правительства было похоронено 127 тыс. трупов³.

Можно не сомневаться, что всеобщий голод, подобный голоду 1602 г., вызывал значительную убыль населения. В XIX в. в России голод был также частым явлением. О влиянии этих голодных лет имеются статистические данные, показывающие, что в голодающих губерниях смертность значительно превышала рождаемость, в результате чего получалась убыль населения в размере 2—3% (не учитывая миграции). В целом же по стране в XIX в. убыли населения от голода уже не наблюдалось. Можно только говорить о сокращении естественного прироста в результате повышения смертности и падения рождаемости. Приведем некоторые цифры⁴.

Динамика населения в России за 1832—1836 гг (в тыс человек)

Г о д ы	Характеристика годов	Число родившихся	Число умерших	Естественный прирост
1832	Обычный год	1 925	1 211	714
1833	Неурожай	1 845	1 545	300
1834	Урожай	1 908	1 287	621
1835	Неурожай	1 870	1 483	387
1840	Неурожай	2 000	1 692	308

В отношении более позднего периода картина падения естественного прироста отчетливо видна из следующего графика⁵ (см. рис. 29 на стр. 342).

В голодные годы XIX в. прирост населения в России падал почти в 2 раза. В прежние же века голодный год означал падение не прироста, а самой численности населения. Правда, падение, вероятно, не было так велико, как сообщают летописцы. Падение численности населения в большой стране на 50% (как, например, говорят о голоде 1125 г. в Германии) — явление весьма маловероятное. Но во всяком случае можно считать, что каждый год всеобщего голода отбрасывал страну на 15—20 лет назад по уровню численности населения. Поэтому достаточно было бы 5—6 таких годов в столетие, чтобы рост населения на протяжении века вовсе остановился.

Часто приходится встречать мнения, что голод в прежние время наносил урон, от которого страна долго не могла опра-

¹ Соловьев, цит. соч., кн. II, стр. 740

² Там же.

³ См. Дербек, История чумных эпидемий в России, стр. 42.

⁴ См. В. И. Покровский, Влияние колебания урожая и хлебных цен на естественное движение населения, указ. сборник, т. II, стр. 187

⁵ См. Е. З. Волков, Динамика народонаселения СССР за 80 лет, М., 1930, стр. 27.

виться. Называют цифру в 50—70 лет, которые требовались для восстановления населения после большого голода. Эти представления мы считаем преувеличением, поэтому мы и выставили цифру в 15—20 лет.

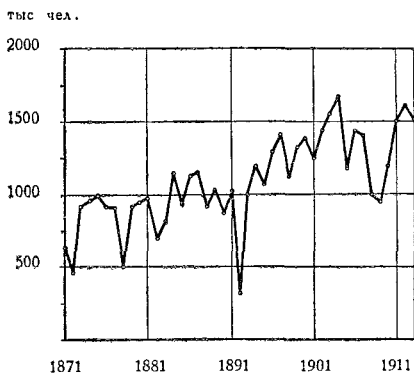

Рис. 29. Динамика естественного прироста Европейской России за 1871—1913 гг.

Для обоснования наших цифр воспользуемся статистикой по Швеции, захватывающей огромный голод 1772—1773 гг.

В 1771 г. население Швеции составило 2 046,6 тыс. В результате голода численность населения к 1774 г. убыла до 1 988,7 тыс. Вслед за этим рост населения возобновляется, и уже в 1777 г. цифра 1771 г. была превзойдена. Таким образом, в Швеции восстановление численности населения после голода потребовало всего 6 лет. Учитывая, что в конце XVIII в. голод уже не причинял таких несчастий, как в прежние века, мож-

но предположить, что голод в XI—XII—XIII вв. требовал восстановительного периода в течение 15 или даже 20 лет, если он достигал очень больших размеров. О том, что даже в прежние века голод не приводил к огромной убыли населения, можно судить по отражению его в экономических показателях. Например, в Англии в 1316 и 1321 гг. непрерывные дожди летом вызвали сильные неурожай, которые привели к голоду. О сокращении населения можно судить по дефициту рабочей силы после этих бедствий. Имеются указания о росте зарплаты на 10%¹. Из этого видно, что убыль населения в результате голода не была очень велика, иначе цены на рабочие руки возросли бы гораздо больше чем на 10%.

Часто бывало, что голод не возникал самостоятельно, а играл роль соединительного звена между войной и эпидемией. Война приводила к подрыву сельского хозяйства, а это последнее вызывало голод. Вслед за голодом шла его «спутница» — эпидемия, которая косила множество людей. Эта смертоносная триада — война, голод, эпидемия — играла роль определяющего фактора в демографических процессах.

5. ЭПИДЕМИИ И ИХ ВЛИЯНИЕ

В прежние столетия влияние эпидемий на рост населения было очень значительно. Особенно разрушительны были чумные эпидемии. Впервые, надо думать, крупная эпидемия свирепство-

¹ См. Rogers, Economic Interpretation of History, p. 16—17.

вала в Европе еще во II в.¹ Возможно, что это была чума². Но уже точно известно, что в VI в., при Юстиниане, в Европе была сильная эпидемия чумы; в 543 г. из Египта в Византию вместе с грузом зерна были завезены бактерии чумы. Эта эпидемия принесла колоссальные опустошения не только в Византии, но и в других европейских странах. В VII в. также были значительные эпидемии чумы: в 680 г. — в Италии, в 664 г. — в Англии и Ирландии. Особенно велика эпидемия была в Ирландии, где, как сообщают хроникеры, уцелела лишь треть всего населения. Вообще же чумные эпидемии VI и VII вв. дали сокращение численности населения. Фарр полагает, что население Европы уменьшилось вдвое³. В начале второго тысячелетия эпидемии чумы участились. Например, в XI в. в Германии были три крупные чумные эпидемии — в 1008, 1058 и 1093 гг.; начиная с самого конца XI в., эпидемии в Европе усилились, так как крестовые походы сильно способствовали распространению чумной инфекции с Востока. Исследователь эпидемий в Англии Крейтон⁴ насчитал 52 года эпидемий в Англии за 1005—1322 гг.

Среди самих участников крестовых походов эпидемии производили колоссальные опустошения. Считают, что в первом крестовом походе в 1097 г., от сентября до 24 ноября, погибло от эпидемии около 100 тыс. человек; в третьем крестовом походе из всей германской армии пережило поход лишь 5 тыс. пехотинцев и 700 кавалеристов⁵; подавляющая масса участников оказывалась жертвой эпидемий.

Самой сильной эпидемией была чума 1348—1349 гг., унесшая многие миллионы человеческих жизней. Гибель людей была настолько велика, что многим современникам этой великой катастрофы казалось, что вымрет все человечество. Так, один монах-летописец сделал следующую запись: «Чтобы написанное не исчезло вместе с писавшим и не погиб труд вместе с трудившимся, я оставляю пергамент для продолжения его на случай, если кто-нибудь из племена Адама избежит этого мора и станет продолжать труд, который я начал»⁶.

Инфекция чумы была, повидимому, занесена монголами из Китая⁷. В Европе впервые эпидемия вспыхнула в Крыму среди

¹ Не считая эпидемий в древней Греции в V в. до нашей эры, описанных Фукидидом.

² См. Carr-Saunders, Population problem, 1927, p. 245.

³ См. Farr, Vital Statistics, p. 150.

⁴ См. Creighton, A history of epidemics in Britain, I, 1891, p. 15—17.

⁵ См. Prinzing, F. Epidemics resulting from wars, Oxford. 1916, p. 13—14.

⁶ См. Creighton, op. cit., p. 115.

⁷ Некоторые (например, М. М. Ковалевский) полагают, что чума была занесена в Крым из Индии через Персию, Багдад и Кавказ. Однако мы думаем, что это предположение маловероятно: если бы «маршрут» чумы был действительно такой, то эпидемия была бы занесена в Сирию и Египет непосредственно из Багдада, между тем как эпидемия в Малой Азии и Египте была после эпидемии в Константинополе, откуда она, вероятно, и была завезена в страны Ближнего Востока.

татар, осаждавших генуэзцев в Каффе (нынешняя Феодосия). От этой эпидемии каждый день умирало огромное количество татар. Тогда татары в ожесточении и отчаянии стали бросать трупы умерших от чумы при помощи метательных машин в город с целью погубить осажденного неприятеля. Это им удалось. Вскоре в Каффе развилась сильнейшая чума, так что уцелело лишь немного жителей¹. Беглецы из Каффы занесли бациллы чумы в Константинополь, а из Византии они были привезены в Геную на корабле с зерном в 1347 г. В Западной Европе эпидемия чумы распространилась с колоссальной быстротой; в 1348 г. она захватила всю Италию, Францию, Англию, в 1349 г. — Фландрию, Германию, в 1350 г. — Норвегию, Данию, Швецию, затем — Финляндию и, наконец, в 1351—1353 гг. — Россию. Как правило, в каждом месте чума продолжалась от 4 до 7 месяцев, редко до года. Наглядно маршрут «черной смерти» по Европе может быть представлен на следующей карте:

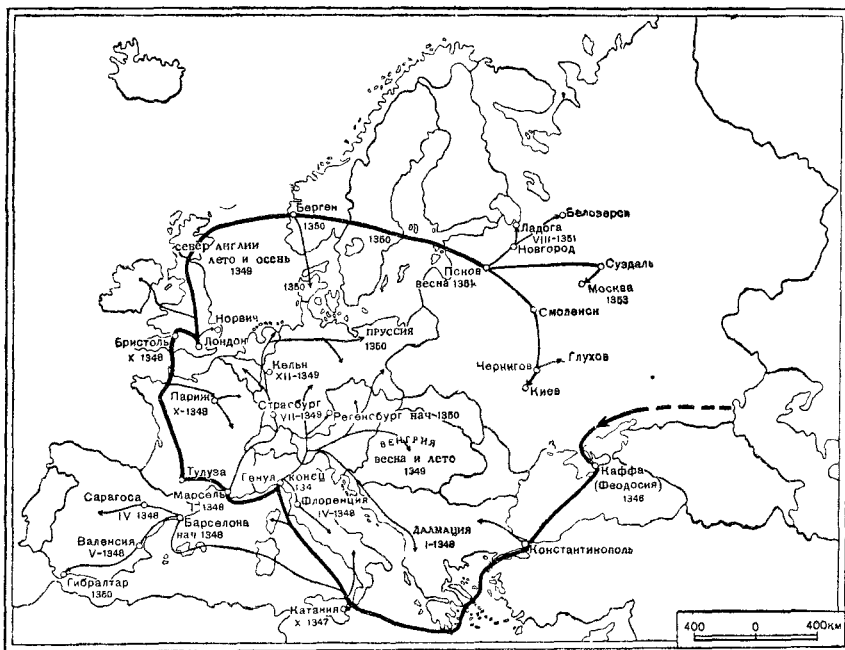

Рис. 30. «Маршрут» «черной смерти» по Европе; начало пути—1346 г., город Каффа (Феодосия), конец пути—спустя 6—7 лет—в центре России. Тонкие черные линии показывают разветвления от основного «маршрута»

Не успела Европа оправиться от этой эпидемии, как в 1360—1361 гг. нагрянула новая, которая в некоторых местах принесла еще большие опустошения, чем эпидемия 1348—1349 гг. Последующие столетия дали ряд чумных эпидемий, тоже довольно

¹ Дербек, цит. соч., стр. 15.

значительных. Чума продолжала быть главным источником высокой смертности. Во Франкфурте на Майне в XIV и XV вв. отмечаются 32 года высокой смертности, в том числе 17 лет от чумы.

Больших размеров эпидемии чумы достигали в эпоху Тридцатилетней войны. Об этом свидетельствует количество умерших в различных германских городах; если в 1618 г. в семи городах (Лейпциге, Дрездене, Бреславле, Аугсбурге, Страсбурге, Франкфурте, Базеле) умерло 5 884 человека, то в 1632 г. в этих же городах умерло 16 657 человек, а в 1633 г.— 29 389 человек, т. е. в пять раз больше, чем в обычные годы¹.

В первой половине XVII в. колоссальные эпидемии были не только в Германии. Имеются указания о сильных эпидемиях в Голландии, Швейцарии, Франции. Особенно велика была эпидемия в Италии в 1630—1631 гг.: в Вероне умерло 32 895 человек, в Мантуе — 25 тыс., в Милане — 86 тыс., в Венеции — 45 489 в 1630 г. и 94 164 в 1631 г.²

Большой урон приносили также эпидемии бубонной чумы.

В XVII в. бубонная чума несколько раз посещала Англию. Так как в Лондоне уже была начата церковная регистрация рождений и смертей, то представляется возможным довольно точно определить потерю в жизнях, вызванную этими эпидемиями. В Лондоне в 1603 г. от эпидемии погибло 33 тыс. человек, в 1625 г.— 41 тыс., в 1665 г.— 68 596 человек³. Так как население Лондона в ту эпоху равнялось 150—300 тыс., то можно считать, что эпидемия забирала каждый раз около 15—20% всех жителей города.

Эпидемия 1709—1710 гг. является первой эпидемией, о жертвах которой мы имеем статистические материалы по целой стране, так как в Пруссии в ту пору уже существовала текущая регистрация рождений и смертей⁴:

Число умерших в Пруссии в начале XVIII в.

Г о д ы	Человек	Г о д ы	Человек
1701	40 991	1707	49 172
1702	44 369	1708	50 105
1703	42 706	1709	92 511
1704	43 894	1710	221 382
1705	46 159	1711	42 673
1706	47 940	1712	46 252

} эпидемия

Если бы не было эпидемии, число умерших в 1709—1710 гг. составило бы около 100 тыс. человек, а в результате эпидемий умерло 314 тыс. Этот урон был возмещен не так скоро. Перевес числа рождений над числом умерших составлял в 1711 г. 24 тыс., в 1712 г. — 28 тыс., в 1713 г. — 20 тыс., в 1714 г. — 20 тыс.,

¹ Исчислено по материалам, приведенным в книге Prinzing'a, op. cit., p. 78.

² Ibidem, p. 75.

³ См. Westergaard, Die Lehre von der Mortalität und Morbidität. Jena 1901, p. 261.

⁴ См. Behre. op. cit., S. 454.

в 1715 г. — 19 тыс., в 1716 г. — 17 тыс., в 1717 г. — 28 тыс., в 1718 г. — 25 тыс., в 1719 г. — 15 тыс., в 1720 г. — 17 тыс., в 1721 г. — 17 тыс. Всего за 1711—1721 гг. естественный прирост составлял 220 тыс. человек. Таким образом, восстановительный период оказался равным 11 годам.

После этой эпидемии сила и частота чумных эпидемий стали ослабевать: в XIX в. чума появлялась лишь на юго-востоке Европы.

Надо указать также эпизоотии, поглощавшие большое количество скота. Например, в 1223 г. в Венгрии разразилась эпизоотия, перекинувшаяся в другие страны. В 1224 г. эпизоотия свиристельствовала в Австрии, Моравии и Карпатах, в 1225—1226 гг. — в Тюрингии. За этой эпизоотией последовал большой голод, а за ним — эпидемия голодного тифа¹.

Кроме того, в средние века большое распространение имели оспа, проказа (в XII в. только в одной Франции было 2 тыс. лепрозориев), сифилис (главным образом, в конце XV и в начале XVI вв.).

Обычно считают, что от эпидемий гибли в прежние времена четверть, треть и даже половина всего населения. Мы уже отмечали, что подобное представление является преувеличенным. Эти оценки складывались у современников и у историков, главным образом, под впечатлением гибели в городах. Действительно, дошедшие до нас статистические данные подтверждают, что от эпидемий в городах гибла весьма значительная доля населения. Об этом можно судить из следующей таблицы² (см. табл. на стр. 347).

Однако, что справедливо для городов, неприменимо ко всей стране в целом. Для распространения эпидемии решающим является скученность населения, теснота общения людей друг с другом. Ясно ведь, что в этом отношении сельское население находилось в совсем иных условиях; к тому же при малой товарности в ту эпоху крестьянство вообще могло на довольно длительный срок изолироваться от города и тем самым спасти себя от заразы. Можно считать вполне вероятным, что процент гибели от эпидемий среди сельского населения был ниже, чем в городах, являвшихся рассадниками инфекции. Учитывая, что удельный вес городского населения в Европе в эпоху средневековья в большинстве стран был очень незначителен, естественно предположить, что средний процент смертности по стране в годы эпидемий был намного ниже, чем в городах.

Поэтому мы считаем, что если в городах процент гибели населения составлял 30—40, то для всей страны в целом это озна-

¹ См. Westergaard, op. cit., p. 257.

² Таблица составлена на основании материалов, приводимых Зюсмильхом («Die Gottliche Ordnung», 4 Aufl., B. I, 1775, S. 317—325), Вестергордом (op. cit., S. 263, по Бреславию) и Дербекком (цит. соч., стр. 180—181, для Москвы); по Лондону материалы взяты также из статьи John Angus. Old and new bills of mortality. «Journal of Statistical Society», 1854, p. 136.

Удельный вес населения, погибшего от чумы в городах в XVI—XVIII вв.

Города	Годы эпидемий	Общая смертность	Смертность в эпидемический год	В том числе смертность от чумы	Вс население города	% погибших от чумы
Аугсбург	1535	1 300	13 000	11 700	36 400	32
»	1628	1 500	9 611	7 900	42 000	18
Данциг	1620	2 300	16 919	14 600	64 400	23
»	1653	2 000	11 616	9 600	56 000	17
»	1709	1 800	24 533	22 700	63 560	35
Копенгаген	1711	2 500	22 535	20 000	70 000	29
Дрезден	1632—1633	900	7 714	3 400 ^a	12 600	27
Лондон	1603	6 000	42 042	36 269	150 000	24
»	1625	—	54 265	35 417	202 100	17
»	1665	—	97 306	68 596	322 150	21
Бреславль	1542	—	—	5 913	35 000	17
»	1568	—	—	6 008	35 000	17
»	1595	—	—	6 547	35 000	19
»	1633	—	—	13 231	30 000	35—40
Москва	1771	—	—	ок. 70 000	ок. 275 000	25

^a Взята средняя за два года

чало гибель не третьей, а седьмой — восьмой части населения. Надо думать, что от эпидемий больше всего пострадали страны с высоким процентом городского населения (например Италия).

Интересные материалы о гибели от эпидемий в прежние века имеются и по России. Так, например, сохранились указания, что от мора в 1552 г. в Новгороде и по областям умерло 279 594 человека. Эта цифра составляет едва ли не половину всего населения, однако достоверность ее подвержена сомнению. Вероятно, более правдоподобные материалы касаются последствий сильной эпидемии чумы в 1654 г. Сведем эти материалы в табличную форму¹ (см. табл. на стр. 348).

Таким образом, в отдельных пунктах, охваченных эпидемией, население вымирало в очень значительной степени. Число оставшихся часто было намного меньше числа погибших. Но в целом по стране убыль населения, конечно, не достигала десятков процентов, так как значительная часть страны оставалась пощаженной; имеются указания, что, например, эпидемия 1684 г. охватила территорию с площадью в 30 тыс. кв. верст, что составляет незначительную долю всей площади страны², поэтому в отношении к эпидемиям 1351—1353 и 1654 гг. в России вряд ли можно говорить об убыли свыше 1/20 населения.

Большой ущерб от эпидемий в средние века в значительной степени объясняется низким санитарным уровнем. Заботы о чи-

¹ Таблица составлена по материалам, приведенным у Соловьева, цит. соч., кн. II, стр. 1670—1671.

² См. Дербек, цит. соч., стр. 55.

Влияние эпидемии чумы в 1654 г. в Московском государстве

Города и уезды	Было населения до эпидемии	Умерло от чумы	Осталось	% гибели
Кострома	—	3 247	—	—
Нижний Новгород, город	—	1 836	—	—
» » в уезде	—	3 666	—	—
Калуга	2 613	1 836	777	70
Торжок, город	910	224	686	25
» в уезде	3 018	217	2 801	7
Звенигород, город	361	164	197	45
» в уезде	1 396	707	689	51
Верея с уездом	—	1 524	—	—
Кашин, город	409	109	300	27
» в уезде	2 447	1 539	908	63 ¹
Тверь	724	336	388	46
Тула	2 568	1 808	760	70
Переяславль Рязанский	3 017	2 583	434	86
Углич	695	319	376	46
Суздаль	2 567	1 177	1 390	46
Переяславль Залесский	4 566	3 627	939	79
<hr/>				
Итого по указанным городам и уездам	—	24 919	—	—
В том числе по тем, по которым имеются сведения об оставшихся	25 291	14 646	10 645	58

стоте со стороны населения были очень невелики. Изоляции больных и умерших не было, и это чрезвычайно способствовало распространению эпидемий. Только впоследствии стали принимать кое-какие меры по изоляции больных при помощи разного рода застав, запрещений въезда, сожжения зараженных зданий (вспомним хотя бы «Кола Брюньон» Ромэн Роллана) и т. п.

Гигиена тела находилась на низком уровне; правда, бани в средние века были широко распространены, но их гигиенический эффект при отсутствии белья не мог быть достаточно значителен.

Интересно отметить, что с распространением льняного белья бани стали приходить в упадок: люди поняли применение рубашки в том смысле, что оно снимает с них заботу о чистоте. Полагали, что достаточно будет, если вместо мытья тела выстирать белье².

Строительство больниц и медицинских учреждений во многих европейских странах началось лишь в XVIII в. Наряду с этим начали практиковаться законодательные мероприятия в области

¹ Обращает на себя внимание значительно большая убыль населения в Кашинском уезде, нежели в городе Кашине; вероятнее всего это было результатом недостаточно точного учета.

² См. об этом H a n a u e r, Soziale Hygiene im Mittelalter, «Handwörterbuch der Sozialen Hygiene», 1912, В. II, S. 53—54.

здравоохранения. Значительные успехи в медицине также относятся к этому времени.

В результате всего этого к концу XVIII в. чума перестала быть «гостем» Европы. Распространение других остроинфекционных болезней также пошло на убыль.

В XIX в. эпидемий было значительно меньше. Все же и это столетие оказалось задетым ими, только вместо чумы появилась холера. Первая холерная эпидемия пронеслась в Европе в 30-х годах столетия. Впервые она появилась на европейской территории в августе 1829 г., в Оренбурге, куда была занесена из Киргизии. В следующие годы она распространилась по России и в 1831 г. достигла Петербурга, Финляндии и Польши. В этом же году эпидемия холеры разразилась в германских государствах и в Англии, где унесла около 50 тыс. человек. В 1831—1835 гг. эпидемия свирепствовала во Франции, в 1835—1836 гг. — в Италии, в 1833 г. — в Испании. Таким образом, почти вся Европа была задета эпидемией.

В конце 40-х годов над Европой пронеслась вторая холерная эпидемия. В 1848 г. она распространилась в России и унесла в могилу 690 тыс. человек. В том же году эпидемия распространилась и на ряд стран Западной Европы (в том числе в Англии умерло около 50 тыс. человек).

Третья холерная эпидемия, разразившаяся в середине 50-х годов, принесла уже меньше опустошения. В Англии, например, умерло около 20 тыс. человек.

За этой эпидемией последовали эпидемии 1866—1867 гг. (Англия, Германия), 70-х годов (Россия — 250 тыс. жертв, Австро-Венгрия, Германия), 1883 г. и, наконец, эпидемия 1892—1893 гг., которая принесла большие опустошения в России.

В общем же можно сказать, что, несмотря на частоту холерных эпидемий, степень их разрушительности не идет ни в какое сравнение с эпидемиями чумы в средних веках. Если раньше речь шла о десятках процентов гибели, то при эпидемиях холеры в XIX в. речь идет об одном проценте, даже о долях процента. Так, число жертв эпидемии холеры в России в 1848 г. составляет немного более 1% населения; в Англии наиболее сильная эпидемия холеры уносила не более 0,3% населения. Даже в портовом городе Гамбурге гибель от холеры редко превышала 1% населения (1848 г. — 0,7%, в 1859 г. — 0,5, в 1866 г. — 0,4, в 1892 г. — 1,3%)¹.

Эпидемии XIX века редко приводили к падению численности населения, чаще всего это вызывало падение прироста населения.

В XX в. была одна крупная эпидемия, охватившая всю Европу. Это — эпидемия «испанки» в 1918 г., вызванная, повидимому, войной и стоившая 2 млн. жизней.

Эпидемии обычно тесно связаны с войнами и голодом. Война вызывала голод, голод вызывал эпидемию. Именно эти три фак-

¹ См. Westergaard, op. cit., p. 267.

тора смертности играли решающую роль в динамике населения. Именно из-за них средний уровень смертности был близок к 40—45 на 1 тыс. человек, при этом в неблагоприятные годы уровень смертности возрастал почти в 2 раза, а то и более. Число таких лет составляло примерно одну седьмую от общего числа.

Ориентировочный расчет показывает, что уровень смертности в средние века в благоприятные годы был равен примерно 34—35. При рождаемости в 41—42 на 1 тыс. и при отсутствии войн, голодных лет и эпидемий естественный прирост был бы равен 0,6—0,7%, т. е. это давало бы удвоение за столетие. При таких темпах роста (начиная с 1000 г.) современная численность населения Европы была бы достигнута еще в XV в. Однако войны, голод и эпидемии — вполне закономерные для того времени исторические явления, и предположение об их отсутствии — это лишь искусственная, условная конструкция.

6. ТЕОРИИ ВОЛНООБРАЗНОЙ ДИНАМИКИ НАСЕЛЕНИЯ

На стр. 199—202 мы уже указывали, что многие авторы высказывают взгляд, что в течение нескольких столетий после XIII в. в Европе был период стагнации численности населения. Некоторые же авторы выступают с теорией волнообразной динамики населения в Западной Европе.

Особенно подробно эта точка зрения рассматривается в статье Вильгельма Абеля¹. Абель резко выделяет в истории Западной Европы четыре периода. Первый — это 1000—1300 гг., второй—1350—1480 гг., третий—1480—1650 гг., четвертый — 1650—1750 гг. Для первого периода Абель считает возможным говорить об утроении населения, во втором периоде, по его мнению, произошла убыль населения, в период 1480—1650 гг. — рост и в 1650—1750 гг. — снова падение. Подобные волны служат Абелю подтверждением циклического характера динамики населения.

Однако предположения Абеля не имеют веских оснований. Говоря об убыли в XV в., Абель приводит различные исследования по отдельным районам Германии, Франции, Дании, Бельгии и т. д., но во всех этих источниках преобладает простая описательная характеристика о пустыющих землях, об упадке городов и т. д. Все эти факты, если даже они и имели место, еще не могут служить доказательством убыли населения в XV в. Падение численности населения могло произойти либо вследствие роста смертности, либо вследствие падения рождаемости. О росте смертности в период 1350—1480 гг. говорить нельзя, наоборот, в эту эпоху эпидемий было меньше, чем раньше. Абель с этим также соглашается и поэтому вынужден убыль населения объяснять понижением рождаемости. Но это последнее могло произойти только вследствие повышения среднего брачного возраста и увеличения безбрачия. Какие же есть основания предполагать, что в XV в. крестьянство стало значительно позже вступать в брак, чем раньше? Таких оснований нет.

Абель несколько раз подчеркивает запустение земель. «В Англии, Франции, Голландии, Дании — до немецкого Востока посевные площади сокращаются, на их месте образуются пустыри»². Но возникает вопрос: если так много свободных земель, почему бы крестьянину не обзаводиться семьей? Как же могло иметь место «насыщение» страны людьми³, если земля пустовала? Аргументы Абеля нам представляются неубедительными. Упадок ряда городов Средней Европы означал перемещение центра тяжести международной тор-

¹ A b e l, Wachstumschwankungen mitteleuropaischer Volker seit dem Mittelalter, «Jahrbucher fur Nationalokonomie und Statistik», 1935, B. 142, H. 6, S. 670—692.

² Ibid., op cit, S 676

³ См Sch m o l l e r, Grundriss u s w, T I, S 176

говли в другие страны. Пустующие земли Средней Европы могли быть результатом эмиграции населения в другие края страны после того, как земля в старых местах была уже выпахана. В общем нам представляется, что нет достаточно веских оснований говорить об убыли населения Германии и Англии в XV в. Это не распространяется на Францию, столь сильно пострадавшую от Столетней войны.

Утверждение Абеля о падении населения в период 1650—1750 гг. также мало обосновано. Говоря о понижении рождаемости в ту эпоху, Абель приводит ответ французской крестьянской молодежи в начале XVIII в. на вопрос, почему они не женятся: «Не стоит жениться и производить на свет детей, они были бы так же несчастны, как и их родители». Понижение удельного веса лиц, находящихся в браке, конечно, имело большое влияние на процессы рождаемости в стране, но Абель его не доказал. Кроме того, он составил специальную таблицу, в которой показывает динамику населения в Англии, Франции, Германии, Италии. Однако следует сказать, что эта таблица составлена недостаточно обоснованно. Известно, что по каждой стране в различные периоды существуют различные оценки. Выше мы привели, например, по Англии 1086 г. свыше 20 расчетов, 1377 г. — 12 расчетов, по Франции в XVIII в. — 24 расчета и т. д. Абель же берет один какой-либо расчет, попавшийся ему под руку, и производит сопоставления. Ясно, что, применяя такой метод, можно получить полное искажение динамики. Если, например, по Англии для 1086 г. взять расчет Инама-Штернега (2,5 млн.), а для 1377 г. — расчет Ушера (2,5 млн.), тогда никакого роста не получается. Если же для 1086 г. взять расчет Шмюллера (1,2 млн.), а для 1377 г. — Иманна (3 млн.), то получится рост в 2,5 раза. Аналогичное положение и по Франции. Если для 1328 г. взять цифру Дюро-де ля Маль (35 млн.), а для 1577 г. — оценку герцога Невера (3 млн. семей, 4 человека на семью = 12 млн. человек), то получится, что население Франции за два с половиной века уменьшилось в 3 раза. Если же базироваться на цифрах Левассера, то результаты будут совсем иные: вместо падения в 3 раза получится стабилизация. Этих примеров, пожалуй, достаточно, для того чтобы показать всю ненадежность опор на изолированно взятые оценки, без надлежащей критики и оценки оценок. Ошибка Абеля усугубляется еще тем, что, беря отдельную страну, он, имея полную возможность придерживаться оценок одного и того же автора, основывается на разных авторах. Так, по Франции Абель, вместо того чтобы основываться на цифрах Левассера за весь изучаемый период, для 1660 г. берет цифры Кенэ, для 1750 г. — Мирабо-отца, хотя оценка последнего резко расходится с другими оценками того периода (см. стр. 144).

Говоря о падении численности населения в XVIII в., Абель пытается опереться на статистические данные о плодовитости браков. Он приводит цифры Буркхардта, согласно которым в последней четверти XVI в. приходилось 9 детей на один брак, а в 1751—1775 гг. — только 3,7 ребенка. Однако цифры Буркхардта ни в коем случае не могут быть взяты в качестве основы. Ведь Буркхардт брал две базельские семьи и проследил процессы рождения и смерти именно по этим двум семьям, т. е. с генеалогической точки зрения. Если эта семья и дала падение плодовитости браков, то этим может воспользоваться лишь Джини (Gini) для доказательства своей теории вымирания отдельных родов после их «устарения». Базироваться на генеалогии двух базельских семей для доказательства падения рождаемости в Европе — это, конечно, не убедительно.

Рассматривая XV век и 1650—1750 гг. как периоды падения населения, Абель преувеличивает рост в 1000—1300 гг. Он полагает, что население Франции, Англии и Германии за этот период увеличилось втрое. При этом он опирается по Франции на Левассера, по Англии — на Бродница, по Германии — на Лампрехта. Однако мы считаем, что все эти опоры ненадежны. Левассер преуменьшил население в начале периода и преувеличил его в конце. Оценка Бродница для Англии 1345 г. в 4,5 млн. человек совершенно не соответствует материалам налога 1377 г. Если бы для XIV в. Абель взял расчеты Роджерса¹, по которым население Англии в самые лучшие времена перед чумой

¹ См. Rogers, A history of agriculture and prices, v I, 1886, p. 57.

не могло быть выше 2,5 млн. человек, то тогда никакого утроения населения за этот период в Англии вовсе не получилось бы. Особенно слаба опора на Лампрехта. Если бы Абель взял не 1000—1237 гг., а 800—1237 гг. у того же Лампрехта, то он получил бы не утроение населения, а увеличение в 13 раз! Почему бы Абелью не остановиться на этом темпе роста? Между тем Абель настолько уверен в утроении населения за этот период, что делает даже такой расчет: 500 млн. численности населения Франции, Англии и Германии в настоящее время, если бы утроение населения продолжалось и впредь!

Пытаясь обосновать свою точку зрения, Абель ссылается на авторитет Зомбарта и Шмоллера. Но и их утверждения остались слабо мотивированными. К тому же некоторые не меньшие авторитеты в этих вопросах придерживаются противоположных взглядов. Так, например, известный немецкий историк-экономист Бэлов (Below)¹ пишет, что, по его мнению, «Зомбарт заблуждается, когда оспаривает прирост населения с XIII столетия». Далее Бэлов пишет, что «немецкий народ в XIV столетии обнаружил такую силу, что ему даже чужа не могла принести значительного ущерба». Бэлов, далее, указывает, что «по Шмоллеру и Зомбарту — XIV век представляется как весьма печальная эпоха». С этим Бэлов совершенно не согласен, указывая на рост городских стен, на возведение церквей, на строительство ратуш, домов и т. д.

Для аргументации о падении населения в XVIII в. Абель пытается опереться на Кенэ, но и эта опора очень ненадежна. Кенэ казалось, что население Франции уменьшается, но его представления по этому вопросу так же неверны, как утверждения Прайса о падении численности населения в Англии в ту же эпоху. Нам теперь известно, что Прайс был совершенно не прав: как раз в XVIII в. население Англии сильно возрастало. Во Франции XVIII век также дал сильный рост населения, но современники вследствие отсутствия статистики не могли иметь правильного суждения по этому вопросу. И действительно, свои цифры населения Франции Кенэ не сопровождает никакими доказательствами. Он ограничивается указанием, что население Франции от 1600 к 1700 г. упало с 24 млн. до 19,5 млн., а с 1700 по 1750 г. — с 19,5 млн. до 16 млн. человек².

Из этого обзора материалов Абелья видно, что предположение о волнообразной динамике населения Западной Европы не имеет сколько-нибудь твердых оснований и потому должно быть отвергнуто.

7. ОБЩИЙ ХОД ДИНАМИКИ НАСЕЛЕНИЯ

Хотя на протяжении нашей работы мы интересовались лишь вторым тысячелетием, все же для общей характеристики тенденции роста населения Европы мы сделали попытку на основе материалов, приведенных нами выше, воспроизвести хотя бы в грубых чертах общий ход динамики населения также и за первое тысячелетие (см. рис. 31 на стр. 353).

На этом графике бросается в глаза медленный рост населения до начала XVIII в., после чего кривая загибается вверх.

Однако более правильно такую кривую наносить на логарифмическом масштабе. Тогда темпы роста населения в разные эпохи видны гораздо более отчетливо (см. рис. 32 на стр. 353).

На логарифмическом масштабе ускорение роста в последние столетия уже не так резко бросается в глаза, так как рост, вызванный большими числами, на логарифмическом масштабе пропадает. Зато на этом графике отчетливо видно, что в прямую

¹ См. Below, Probleme der Wirtschaftsgeschichte, 1926, S. 454.

² См. его ст. Hommes. Цит. по ст. St. Bauer, Zur Entstehung der Physiokratie, «Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik», 1890, B. XXII, S. 117.

линию кривая не укладывается; это говорит о нарастании темпов роста.

На графике проведены две пунктирные линии. Одна из них показывает, каково было бы сейчас население Европы, если бы

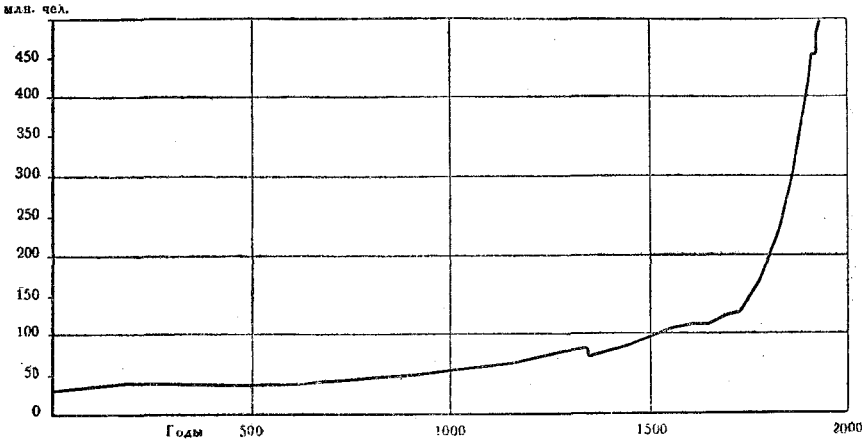

Рис. 31. Предположительная динамика населения Европы за 19 веков (обыкновенный масштаб)

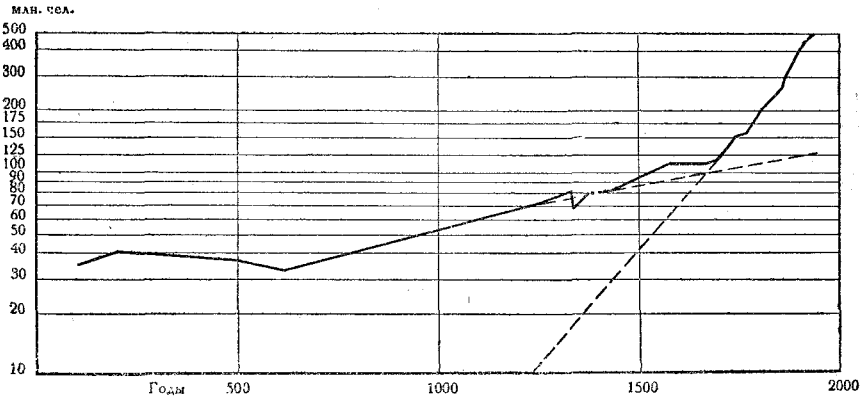

Рис. 32. Предположительная динамика населения Европы за 19 веков — логарифмический масштаб. Пунктиром показаны экстраполяционные прикидки

ускорение роста не произошло: оно равнялось бы 120—125 млн. человек, т. е. в 4 раза меньше, чем на самом деле есть. Вторая пунктирная линия показывает, какова была бы численность населения Европы, если бы население и прежде росло ускоренными темпами. Эта линия приводит к 10 млн. в 1200 г. для всей Европы, в то время как, например, в одной Франции населения тогда было больше.

8. ГЕОГРАФИЯ РОСТА НАСЕЛЕНИЯ

Рост населения Европы за 1000—1940 гг. происходил далеко не одинаково во всех странах. В среднем вся Европа увеличила свое население более чем в 9 раз. Зато ряд стран дал значительно большее увеличение. Сильнее всего население возросло на Британских островах: за 940 лет оно увеличилось в 23 раза. Вслед за ней идет Россия (СССР), население которой возросло в 18 раз. Примерно такое же возрастание дают Германия, Бельгия, Нидерланды и Швейцария. Затем идут страны, которые дали возрастание, не намного превышающее среднюю по Европе. Это — скандинавские и дунайские страны (возрастание в 11—12 раз). Юг и юго-восток Европы дал возрастание всего в 6—7 раз (Италия — 6 раз, Балканы — 7 раз). Наконец, после всех стран идут Франция и Испания. Первая увеличила свое население за 940 лет всего в 4,5 раза, а вторая — в 3,5 раза. Понятно, что при таком большом различии в темпах удельные веса отдельных стран в общем населении Европы значительно изменились.

Распределение населения Европы по странам в 1000 и в 1940 гг.

Страны	Удельный вес (в %)	
	1000 г.	1940 г.
Россия (СССР)	15,1	29,7
Германия	9,6	14,7
Франция	15,9	7,6
Британские острова	4,4	9,7
Италия	12,4	8,1
Испания и Португалия	15,9	6,2
Дунайские страны	9,6	11,4
Балканы	12,4	6,0
Скандинавские страны	2,0	2,4
Бельгия, Нидерланды, Швейцария	2,7	4,2
Итого	100,0	100,0

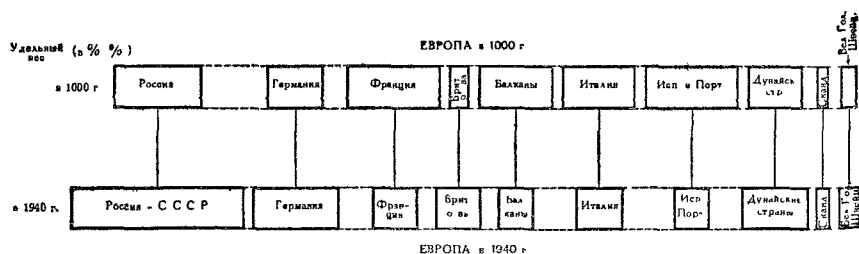

Рис. 33. Удельные веса стран в населении Европы. Верхний ряд показывает удельный вес (в %) населения данной страны во всем населении Европы в 1000 г., нижний ряд — в 1940 г. (границы в обоих случаях взяты одни и те же, т. е. границы 1914 г.)

Если Франция 940 лет назад составляла одну шестую часть всего населения Европы, то теперь она имеет всего лишь одну тринадцатую. В то же время европейская часть СССР (в границах России 1914 г.) составляет в настоящее время почти треть всего населения Европы, в то время как 940 лет назад она составляла лишь седьмую часть. Увеличился также удельный вес Германии и Британских островов. Таковы в общих чертах сдвиги в распределении населения Европы. Эти сдвиги видоизменили также и распределение плотности населения в Европе.

Для античной эпохи плотность населения может быть представлена на следующей картограмме:

Человек на 1 кв. англ. милю

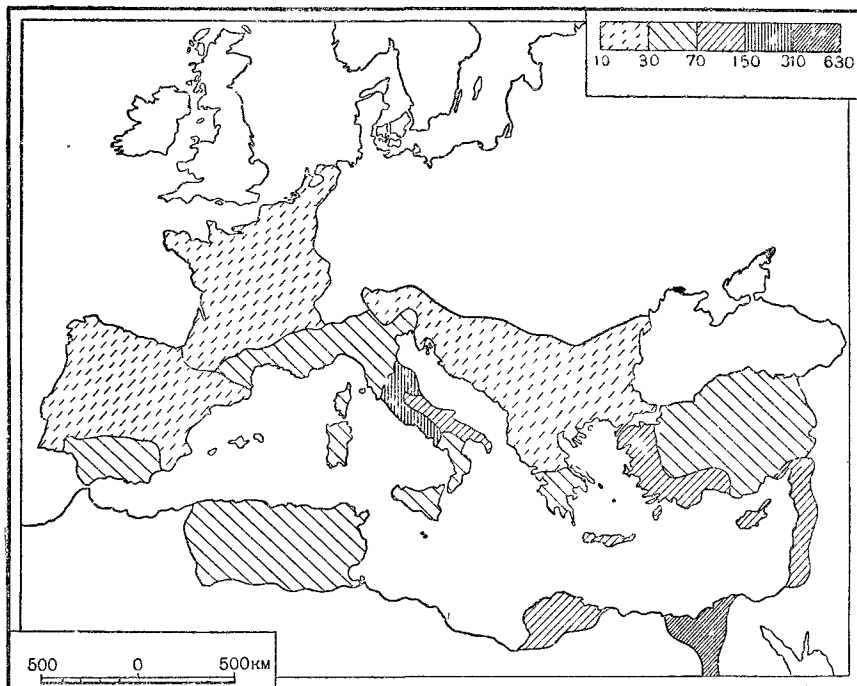

Рис. 34. Плотность населения в античную эпоху по Ушеру ¹

Для античной эпохи наибольшее сгущение населения характерно для средиземноморского мира, в остальной части Европы население в ту пору было очень редкое. Однако спустя тысячелетие картина меняется ².

¹ Этот график построен Ушером (см. Usher, op. cit., p. 117) по материалам Белоха. Ушер внес лишь некоторую детализацию по Италии и Греции.

² Приведенные ниже картограммы построены по методам, предложенным Б. П. Вейнбергом четверть века назад и преданным полному забвению (см. Вейнберг, О способах графического изображения количественного распределения элемента на части земной поверхности, «Известия Русского географического общества» 1924 г., т. 54, кн. 1, с. 1-12).

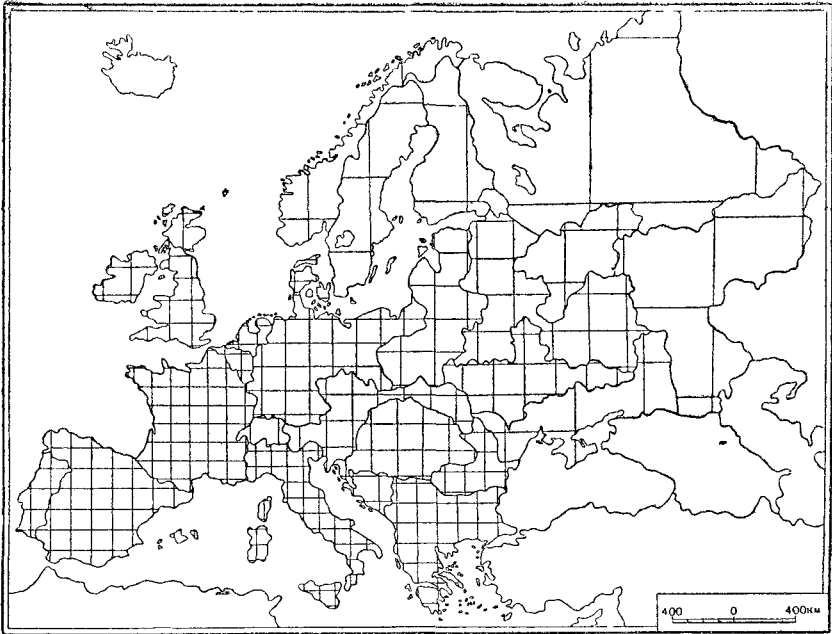

Рис. 35. Плотность населения европейских стран к 1000 г.

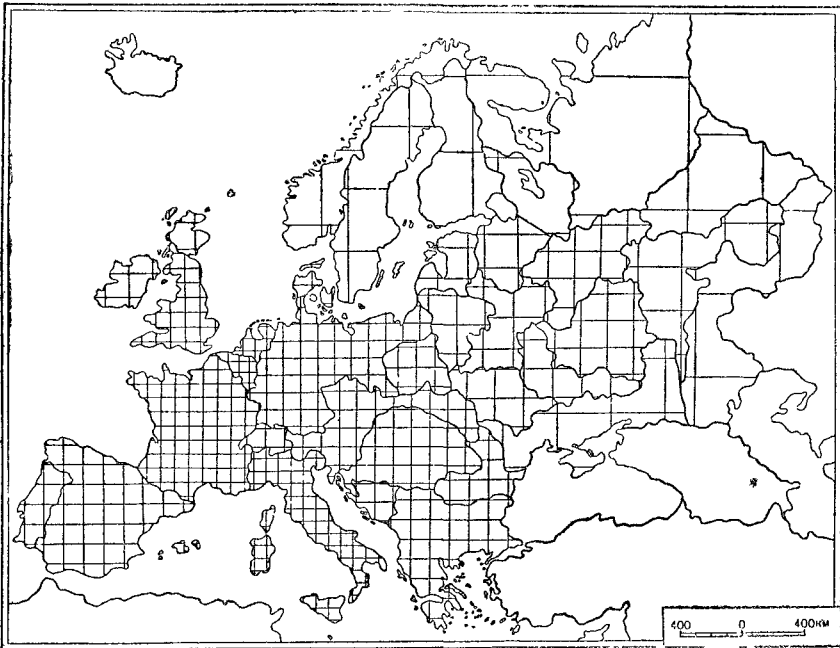

Рис. 36. Плотность населения европейских стран к 1500 г.

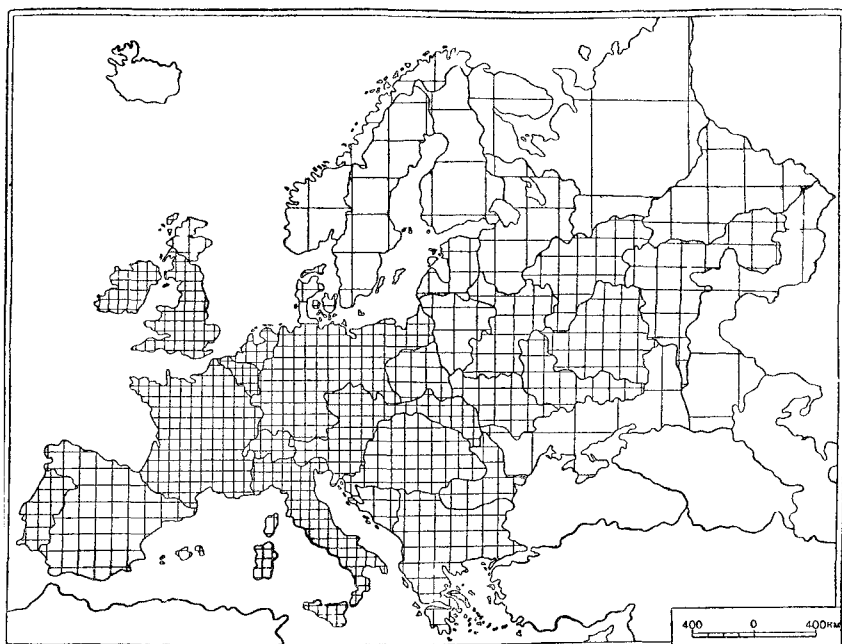

Рис. 37. Плотность населения европейских стран к 1800 г.

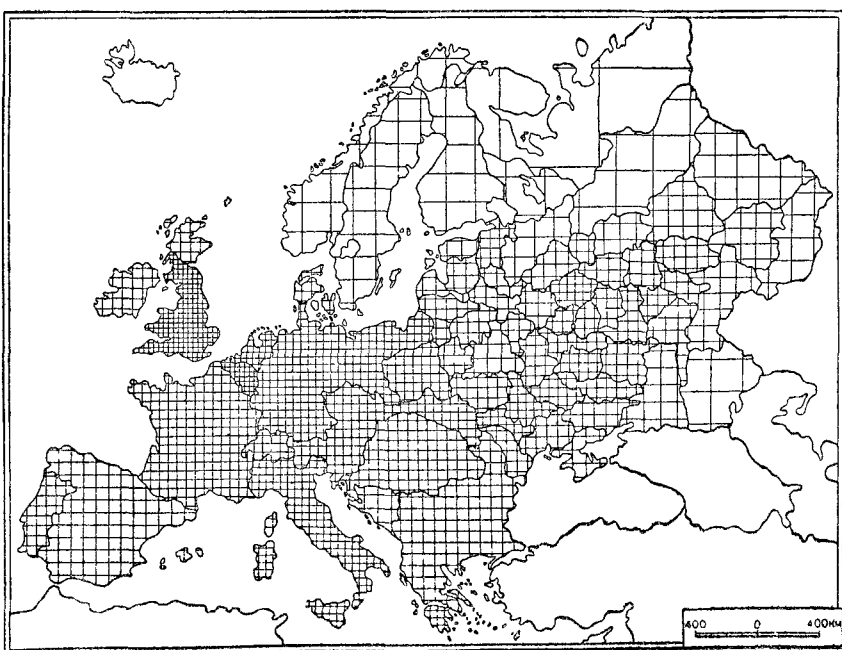

Рис. 38. Плотность населения европейских стран к 1900 г.

К этому времени Средняя Европа уже становится так же густо заселенной, как и Южная (см. рис. 35 на стр. 356).

Спустя 500 лет отставание юга, колыбели европейской культуры, стало еще более заметным (см. рис. 36 на стр. 356).

Наконец, к 1800 и 1900 гг. картина плотности населения может быть представлена на следующих картограммах (см. рис. 37 и 38 на стр. 357).

Когда-то дикая и покрытая лесом Средняя Европа имеет теперь весьма густое население.

Укажем еще, что картограммы плотности населения Европы дал в 1930 г. Ушер для 1340, 1600 и 1700 гг. (см. рис. 39 на стр. 359).

В своих картограммах Ушер в соответствии с приведенными им таблицами ограничивается только частью Европы, не охватывая России, Австро-Венгрии, Балкан и частично Британских островов.

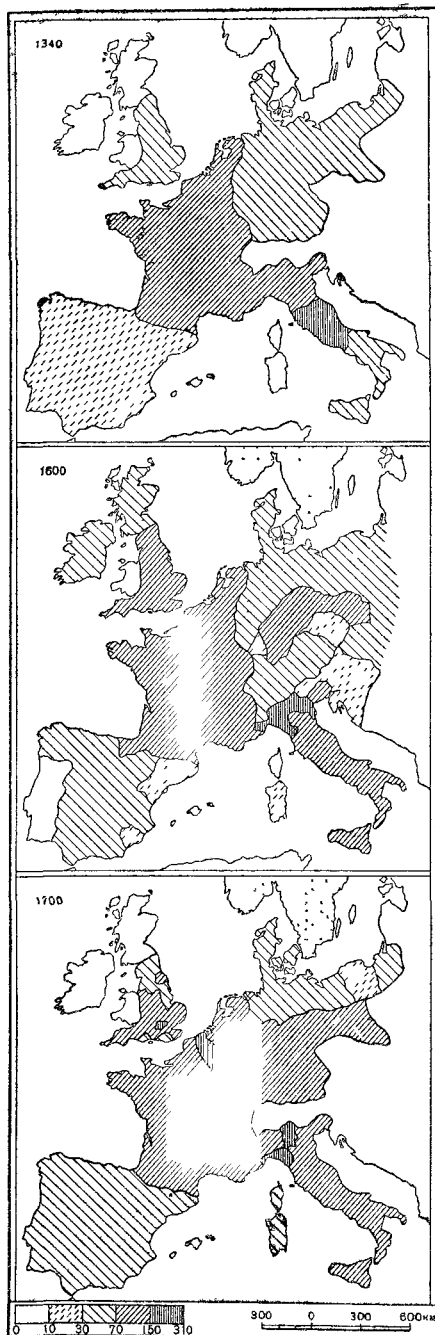
Помимо этого, трудно сказать, чтобы картограммы Ушера давали правильное представление о размещении населения Западной Европы. Рассматривая их, создается впечатление, что, например, население почти всей Германии к 1700 г. значительно сгустилось по сравнению с 1600 г., что никак не согласуется с разгромом от Тридцатилетней войны, которое за 50 лет еще не было ликвидировано. Далее, на графике никак не отражается упадок Испании, и, наоборот, дана картина падения плотности на севере Италии, чего в действительности не было. Наконец, на графиках остались очень плохо отраженными центры наибольшей густоты населения Западной Европы: Бельгия, Голландия; лишь в 1700 г. часть территории Бельгии получила наиболее густую штриховку. Указанные недостатки картограммы возникают частично от того, что Ушер не во всех случаях основывается на более или менее точных и правильных данных, а частично вследствие самого метода построения картограммы (применение интервалов).

9. ДИНАМИКА РОЖДАЕМОСТИ И СМЕРТНОСТИ

На протяжении ряда столетий динамика коэффициентов рождаемости и смертности обнаруживала различные тенденции. Европа знает эпохи низкой рождаемости и высокой смертности, и наоборот. Подробный анализ колебаний рождаемости и смертности требует специального исследования. Здесь же коснемся его в самых общих чертах.

фического общества», 1915 г., вып. 8, стр. 421—423). Сущность этого метода состоит в том, что применяется исключительно квадратная штриховка. Количество квадратиков на 1 см^2 устанавливается в зависимости от цифры, которая заменяется штриховкой. Так, например, если в Англии в 1000 г. $\frac{6}{1000}$ плотность населения 13 человек на 1 км^2 , то это означает, что расстояние между вертикальными и горизонтальными линиями должно быть такое, чтобы в 1 см^2 разместилось 13 квадратиков. Это расстояние (в миллиметрах) определяется из выражения $\frac{10}{\sqrt{n}}$, а конкретно для Англии

$\frac{10}{\sqrt{13}} = 2,77 \text{ мм}$. Таким образом, штриховку по Англии надо проводить так, чтобы ширина квадрата равнялась 2,77 мм.

Человек на 1 кв. англ. милю

Рис. 39. Плотность населения Западной Европы по Ушеру. Верхний график относится к 1340 г., средний к 1600 г., нижний к 1700 г.

Уровень рождаемости зависит, вообще говоря, в сильной степени от возраста вступления в брак. Конечно, процент безбрачия, половая структура, миграционные процессы, потенциальная плодовитость, уровень смертности — все это также влияет на количество рождений, но при прочих равных условиях решающее значение остается за средним брачным возрастом. Если женщины в какой-либо стране обычно рано вступают на путь семейной жизни, то и уровень рождаемости в этой стране будет велик. Некоторые авторы приводят даже специальные соотношения между возрастом вступления в брак и количеством родившихся детей. Так, например, Винклер (Winkler) дает такую таблицу¹:

Возраст вступления в брак	Среднее количество детей на одну женщину
Ниже 20	5,5
От 20 до 25	4,5
» 25 » 30	4,1
» 30 » 35	2,9
Свыше 35	1,3

Из цифр видно, что повышение брачного возраста на 15 лет означает падение плодовитости женщин в 3—4 раза. Таким образом, изменения в брачном возрасте тесно связаны с изменениями в уровне рождаемости.

Какова же была тенденция среднего брачного возраста в Европе? Выше мы уже приводили материал о том, что в Центральной Европе в XIV—XV вв. браки заключались в очень раннем возрасте. Можно предположить, что низкий средний брачный возраст был характерен для населения всей Европы в целом в прежние века. Однако с течением времени средний брачный возраст начинает изменяться. К сожалению, нельзя установить, например, каков был средний брачный возраст в Европе к началу XIX в. Известно только, что в 80-х годах XIX в. в большинстве западноевропейских стран средний брачный возраст даже для женщин выражается уже в довольно высоких цифрах: в Бельгии, Голландии, Швейцарии, скандинавских странах — 27—28 лет, в Англии, Германии, Австрии — 26 лет, во Франции, Италии — 25 лет. Таким образом, если правильно предположение, что в прежние века средний брачный возраст для женщин равнялся 19—20 годам, то, следовательно, когда-то должен был иметь место процесс «постарения» невест: средний брачный возраст отодвинулся на 5—6—7 лет². Это «постарение» должно было понижающим образом влиять на рождаемость.

Трудно определить период, на протяжении которого происходил этот процесс. Известно, что в скандинавских странах поздний брак у женщин — явление давнего происхождения: еще Мальтус выражал свое удовлетворение перед обычаем позднего вступления в брак в Норвегии. В других странах повы-

¹ W. F. Winkler, National und Sozialbiologie, Leipzig 1928, S. 38.

² Пожалуй более правильно будет, если мы сопоставим с XIV—XV вв. не средний брачный возраст всех брачующихся, а лишь женихов и невест, вступающих в брак впервые. Материалы по некоторым европейским странам показывают довольно существенную разницу между этими двумя средними.

Страны	Годы	Средний брачный возраст невест		Разница в годах
		вступивших в первый брак	всех	
л е т				
Бавария	1881 — 1885	27,6	25,8	1,8
Англия	1891 — 1895	26,2	25,0	1,2
Италия	1896 — 1899	24,9	23,9	1,0

шение брачного возраста наступило позднее. В общем можно, пожалуй, предположить, что этот процесс имел место среди большинства западноевропейских стран, на протяжении XVIII—XIX вв.¹ Именно эти века произошла ломка прежних феодальных отношений: обычай средневековой эпохи стали уступать место обычаям, складывающимся в эпоху капитализма. Но если признать, что именно в XVIII—XIX вв. произошло повышение среднего брачного возраста, то тогда, естественно, следовало бы ожидать для этого периода понижения рождаемости. Между тем для Европы в целом у нас нет оснований говорить о понижении рождаемости в период 1700—1870 гг. Правда, вполне возможно, что понижение рождаемости во Франции с начала XIX в. и в Финляндии с середины XVIII в. объясняется скорее повышением брачного возраста, чем принятием искусственных мер. Однако в целом по Западной Европе нет никаких оснований говорить о понижении рождаемости за этот период. Спрашивается, куда же исчезло влияние более позднего вступления в брак? Разгадку этого надо искать в явлениях смертности. XVIII век был веком ее значительного снижения, коснувшегося в большой степени и женщин в возрасте деторождения. Снижение смертности потенциальных матерей значительно увеличивало число рождений в стране. Смерть каждой женщины в возрасте 25—30 лет наносила большой урон процессу воспроизводства населения. А такие случаи были очень нередки. Эпидемии уносили людей обоих полов и всех возрастов.

Огромное снижение смертности от эпидемий привело к тому, что женщины, вышедшие замуж, допустим, — тридцати лет, давали больше детей, чем женщины, вышедшие замуж двадцати лет, но в условиях значительно большего риска смерти.

Из этого можно сделать вывод, что процесс понижения смертности компенсировал влияние повышения среднего брачного возраста; вследствие этой компенсации процесс падения рождаемости в Европе в XVIII—XIX вв. вовсе не имел места. Для ряда стран можно предположить, что влияние падения смертности могло даже превзойти влияние более поздних браков, так как в этих странах наблюдался рост рождаемости (Германия, Англия, вполне возможно также и Россия). Кроме того, в сторону роста рождаемости влекло

(См. Prinzing F. Die Wandlungen der Heirathshäufigkeit und des mittleren Heiratsalter.—Zeitschrift für Sozialwissenschaften, 1902, J. 5, S. 663, 665, 666).

Если мы внесем эту поправку, то разница в среднем брачном возрасте в XIX в. по сравнению с XIV—XV вв. сократится по крайней мере на $\frac{1}{4}$.

¹ Некоторые материалы подтверждают это предположение. Так, Краусе (Krausze) сообщает, что в одном саксонском селе средний брачный возраст невест в 1661 г. равнялся 23,6 года, а в 1755 г. — 25,4 года, т. е. почти на 2 года выше. (См. Johannes Krausze, Unterschiedliche Fortpflanzung im 17 und 18 Jahrhundert. Ein Beitrag zur historischen Bevölkerungsstatistik des Landvolkes. Archiv für Bevölkerungswissenschaft und Bevölkerungspolitik, 1940, 10 Jahrg., H. I, S. 31). Об этом же говорят материалы австрийской переписи 1754 г. По данным этой переписи, удельный вес лиц, состоящих в браке, выражался в следующих цифрах:

Возраст	Число лиц, состоявших в браке	Процент ко всему насел. данного возр.
1—15	262	0,1
15—20	7252	1,1
20—50	1 817 789	66,5
свыше 50	517 965	72,3

Эти цифры говорят о том, что к середине XVIII в. возраст в 18—19 лет уже не был модальным возрастом вступления в брак; лишь 4—5% лиц этого возраста находились в браке.

также и вполне вероятное повышение потенциальной плодовитости (см. стр. 102).

Тот факт, что влияние каких-либо других факторов могло пересилить влияние повышения брачного возраста, становится особенно понятным в свете сопоставления динамики рождаемости с динамикой среднего брачного возраста в позднейшее время: падение брачного возраста, начиная с 80-х годов, которое ясно видно во всех странах (см. табл. на стр. 255), происходит параллельно с падением рождаемости.

До 70-х годов XIX в. уровень рождаемости в Европе находился, главным образом, под влиянием указанных в начале этого параграфа факторов. Искусственное ограничение рождаемости до этого периода встречалось редко. Правда, аборты практиковались с древнейших времен, и еще издавна женщины принимали всяческие средства для того, чтобы избежать от нежелательной беременности. Но все эти случаи не имели широкого распространения. Тем более, что законодательство того времени обычно сурово карало подобные поступки. Например, Саксонский закон 1744 г. предусматривает за совершение аборта смертную казнь¹.

Широкой волной искусственное ограничение рождаемости разлилось в Западной Европе только за последние 60—70 лет. Это вызвало резкое изменение в характере динамики рождаемости. Если прежде на протяжении веков трудно было говорить о наличии каких-либо устойчивых тенденций в уровне рождаемости, характерной для всех стран, то начиная с 70-х годов прошлого века такая универсальная для капиталистической Европы тенденция налицо. За 60—70 лет уровень рождаемости в Западной Европе сократился почти вдвое.

В отношении смертности процесс протекал иначе. Здесь через всю эпоху проступает тенденция падения смертности. Однако для периода 1000—1700 гг. процесс понижения смертности был очень невелик. Конечно, условия жизни народов Европы в XVII в. значительно отличались от условий XI в., но все же эти различия еще не вносили существенных изменений в уровень смертности; каждый голодный год в XVII в. еще наносил огромный урон населению (например, голод в России в 1601—1602 гг.), эпидемии в XVII в. косили сотни тысяч людей и резко сокращали численность населения (вспомним хотя бы эпидемии чумы в итальянских государствах в 1630 З¹ и 1656/57 гг.), войны XVII в. были кровопролитны и изнурительны. Таким образом, основные факторы смертности в XVII в. еще сильно влияли на повышение уровня смертности. Снижение уровня смертности на протяжении 1000—1700 гг. в Европе в целом, возможно, выразилось лишь в нескольких процентах. Совсем другую картину дают последующие века.

XVIII век был первым веком значительного снижения смертности в результате сокращения всяких эпидемий. Эпидемии еще продолжают потрясать Европу, но они уже утрачивают свой всеобщий характер, характер всеевропейского бедствия (например, эпидемии «черной смерти» и другие эпидемии до XV в.). Происходит локализация эпидемических вспышек, которую удается осуществлять в результате борьбы с ними.

Голодные годы в XVIII в. также уже оказывались менее чувствительными, чем раньше. Неурожаи в 1771—1773 гг. в Швеции и германских государствах были последними, нанесшими урон численности населения, но и этот урон был далек от тех, которые наносились голодом раньше. В Пруссии, например, в результате принятых мер голод привел лишь к повышению смертности на 37% в 1772 г. по сравнению с 1771 г., в то время как прежде при отсутствии хлебных запасов и государственного вмешательства такой неурожай вызвал бы значительную убыль населения, для покрытия которой потребовалось бы 15—20 лет.

В XIX в. процесс снижения смертности продолжался, но характер его был уже совсем иной. В этом столетии решающая роль в снижении смертности принадлежит успехам медицины и социальной гигиены. Изобретение вакцинации как раз пришлось на рубеж XVIII и XIX вв. Оспа в XVIII в. была

¹ См. Fischer, op. cit., B. II, S. 223.

бичом народов Европы. На нее приходилось более одной десятой всех случаев смерти¹. А после массового распространения прививок оспа уже потеряла всякое значение среди главных причин смертности². Наряду с оспой происходил процесс сильного понижения смертности от других инфекционных заболеваний в результате успехов бактериологии. Большое значение имели и социально-гигиенические мероприятия (расширение сети больниц, улучшения в области городского хозяйства и т. д.). Таким образом, снижение смертности в XIX в. уже заключалось не столько в прекращении подъемов кривой смертности, сколько в создании тенденции к снижению смертности как результата кумулятивного эффекта научных открытий.

В XVIII в. смертность в Европе снизилась приблизительно на 12%, в XIX в.— на 19%. Большой процент в XIX в. еще не говорит об ускорении процесса. Как мы уже указывали, в значительной степени снижение смертности в XIX в. явилось результатом снижения рождаемости. Особенно большое значение этот факт имеет в XX веке, веке колоссального сокращения числа рождений, которое имеет свое непосредственное отражение в падении смертности.

В общем для последних десятилетий характерен процесс понижения как рождаемости, так и смертности. Это привело к сильному сокращению «оборота» человеческого масс. Если несколько столетий назад каждый год рождалось и умирало 8—9% всего населения, то в настоящее время в Западной Европе рождается и умирает ежегодно уже только 3,5% населения.

¹ В Швеции в 1751—1760 гг. на оспу приходилось 13,5% всех случаев смерти (Westergaard, op. cit., S. 265), в Пруссии в 1777 г.— 14% (Behre, op. cit., S. 150, вычислено нами), в Вене в 1753 г.— 11,5% (из статьи Pelleri, цит. по Fischer'у, op. cit., B. II, S. 174), во Франции— 10% (Haugarth, цит. по Westergaard'у, op. cit., S. 264), в Англии (в Лондоне, Манчестере, Ливерпуле, Честере), по Haugarth'у, число родившихся лишь в 5—6 раз превышало число умерших от оспы. (Westergaard, S. 264).

² Например, в Швеции в 1751—1770 гг.— 13,2% всех случаев смерти приходилось на оспу, а в 1801—1850 гг.— только 1,2%. (См. Westergaard, op. cit., S. 265).

ЧАСТЬ VII

РОСТ НАСЕЛЕНИЯ И СПОСОБ ПРОИЗВОДСТВА

1. НАСЕЛЕНИЕ И ХОЗЯЙСТВО

Для определения характера связи, существующей между населением и хозяйством, следует прежде всего выяснить, что является главной силой «...в системе условий материальной жизни общества, которая определяет физиономию общества, характер общественного строя, развитие общества от одного строя к другому?»

Такой силой исторический материализм считает способ добычания средств к жизни, необходимых для существования людей, способ производства материальных благ — пищи, одежды, обуви, жилища, топлива, орудий производства и т. п., необходимых для того, чтобы общество могло жить и развиваться»¹.

Процесс хозяйственной деятельности людей заключается в переработке природных материальных благ. Характер и способ переработки этих благ непрерывно эволюционируют. Первобытный человек добывал себе пищу, орудуя камнем, прикрепленным к деревянной палке. В более позднюю эпоху техника производства стала совсем иной. Человек уже научился гончарному ремеслу, научился делать изделия из железа, бронзы и т. д. Постепенно, с ростом технических знаний и навыков, увеличивалась вооруженность труда человека средствами производства, происходило накопление производственного опыта и трудовых навыков. Человечество, в процессе производственной деятельности, непрерывно, так сказать, повышает свою квалификацию.

В первобытном обществе изготовление даже самых примитивных орудий труда непрерывно совершенствовалось; пусть эти изменения выражались в ничтожно мелких приращениях производительности, но даже эти малые величины, помноженные на бесконечно большое число повторений операций, давали в результате заметный эффект, некоторый технический сдвиг. Если, далее, учесть преемственность вновь созданных производственных навыков из поколения в поколение, то станет ясным, что

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 550.

достигнутый уровень техники является сгустком всего предыдущего производственного опыта. С ростом массы этого опыта растет и техника.

«Одна из особенностей производства,— пишет товарищ Сталин,— состоит в том, что оно никогда не застревает на долгий период на одной точке и находится всегда в состоянии изменения и развития...»¹ В этом постоянном изменении и развитии производства и надо искать источники поступательного движения в истории хозяйства и культуры.

Материальное производство совершается непрерывно, без него не может существовать хозяйственная деятельность людей. Накопление опыта и техническое совершенствование происходят так же непрерывно, как и само материальное производство. В способе производства материальных благ и следует искать тот «вечный двигатель», который приводит в движение весь сложный механизм эволюции человеческого общества.

Большинство буржуазных экономистов совсем иначе представляет себе связь между населением и хозяйством. Их точка зрения сводится к следующему. Люди рождаются и умирают, но число родившихся больше числа умерших; вследствие этого происходит автоматический рост числа населения. Рост количества едоков требует увеличения количества пищи. Чтобы получить это дополнительное количество пищи, человек переходит к более продуктивному использованию земли. Отсюда, по их мнению, технический прогресс, сдвиги в уровне производительности труда, позволяющие добиться большего количества продуктов. Таким образом, согласно этой концепции, именно рост населения является основной пружиной, главным рычагом всякого поступательного движения, всякого перехода к более высоким формам хозяйственной деятельности. Если бы население не увеличивалось в своем числе, а оставалось неизменным, то никакой цивилизации не было бы и человечество не вышло бы из состояния дикости.

Этой точки зрения придерживается подавляющее большинство буржуазных экономистов и демографов. Так, например, Максим Ковалевский в своем труде об экономическом развитии Европы утверждает следующее:

«Продолжительные изыскания привели меня к тому заключению, что главным фактором всех изменений экономического строя является не что иное, как рост населения». И далее: «...для меня главным двигателем экономической эволюции является рост населения». Несколькими строками далее Ковалевский показывает это на примере примитивных общественных формаций: «Возрастание народонаселения является, следовательно, могучим разрушительным фактором для тех примитивных обществ, которые не знают других средств существования, кроме охоты на лесного зверя и улова рыбы». С приростом населения,— говорит

¹ Там же, стр. 551.

далее Ковалевский, «совершается переход к новому способу производства,—к разведению домашнего скота».

Но рост населения продолжается. И Ковалевский описывает дальнейшую экономическую эволюцию племен:

«Численный рост семей вынуждает пастушеские племена перейти к преимущественному занятию земледелием и к новому образу жизни, делающему передвижения менее частыми, заставляющему номада уступить место домоседу. Впрочем и здесь не наблюдается резкого, непосредственного перехода. Земледелие само сохраняет некоторое время бродячий характер в том смысле, что поля обрабатываются лишь в течение одного или нескольких лет, после чего их покидают для девственных пространств, обещающих более обильную жатву... Но достаточно, чтобы племя возросло в численности, при невозможности выйти из своих границ, как происходят важные изменения и в способе обработки полей и в других условиях существования»¹.

Таким образом, по Ковалевскому, рост населения является тем первичным фактором, который приводит в движение весь сложный механизм эволюции хозяйственных форм. Наличие требующих пищи людей является, по Ковалевскому, тем бродильным ферментом, который приводит в движение эволюцию хозяйственных форм общества.

Аналогичной позиции придерживаются и многие другие авторы. Например, немецкий ученый В. Шмидт (W. Schmidt) говорит о чрезвычайной важности влияния роста населения на рост культуры и прогресса. «Все обстоятельства,—говорит он,—которые препятствуют увеличению массы населения, являются также препятствиями более высокому культурному развитию»². Другой немецкий ученый, Шурц (Schurtz), по этому вопросу пишет следующее:

«С растущим числом людей изменяется также общественная структура народа, орды и кланы уступают место государству... И если большое число людей является необходимой основой культуры, то одновременно с этим постоянное увеличение населения является стимулом к дальнейшему прогрессу»³.

Фальбек (Pontus E. Fahlbeck) утверждает, что «Рост населения, хотя и сильно замедленный в прежние времена вследствие болезней и войн, является сильнейшим рычагом в истории человечества»⁴.

Профессор экономической истории в Миннезотском университете Грас (N. S. B. Gras)⁵ указывает, что даже самый переход к земледелию явился результатом роста населения и длительного мира.

¹ М. М. Ковалевский, Развитие народного хозяйства в Западной Европе, Спб. 1899, стр. 2, 4, 5, 6, 9.

² Schmidt und Koppers, Der Mensch aller Zeiten, В. 3, Т. I, S. 163.

³ Schurtz, Urgeschichte der Kultur, 1900, S. 41.

⁴ Fahlbeck, Die Klassen und die Gesellschaft. Eine geschichtlich-soziologische Studie, 1922, S. 115.

⁵ Gras, An introduction to economic history, 1922, p. 68.

Мы не будем больше утомлять читателя набором цитат. Отметим еще только, что этой концепции придерживались Богданов и Степанов. В своем курсе «Политическая экономия» они пишут так: рост населения... требует «перехода к более интенсивным формам культуры»¹. В другом месте они пишут: «Таким-то образом абсолютное перенаселение с сопровождающими его обострением межгрупповой борьбы и переселениями в более умеренный пояс приводило к медленному, едва заметному, но постоянному развитию техники, к увеличению расстояния между человеком и его зоологическими предками»².

Подобное понимание взаимоотношений роста населения и роста техники, действительно, очень «доходчиво» и обладает кажущейся убедительностью. Население растет, увеличивается спрос на продукты, и техника дает на этот спрос соответствующий ответ. Все просто и ясно. Однако историческая действительность идет иным путем.

В самом деле, из чего исходят сторонники разобранной точки зрения?

Основной их позицией является автоматический рост населения, толкающий людей на технические усовершенствования. Вот, например, как излагает этот вопрос П. Н. Милюков, посвятивший первые страницы своих «Очерков по истории русской культуры» вопросам населения:

«Население каждой страны имеет склонность увеличиваться само собой, стихийно, а в т о м а т и ч е с к и (разрядка наша. — Б. У.)... такое автоматическое возрастание населения является главным толчком, заставляющим людей увеличивать количество труда, необходимого для поддержания жизни, и изменять его форму»³.

Утверждение об автоматичности роста населения является краеугольным камнем этой концепции; в этом ее суть, без него она немыслима. Население якобы растет неудержимо, как лавина, как снежный ком. И этот стихийный рост населения будто бы толкает людей на поиски новых хозяйственных форм, стимулирует их к повышению производительности труда.

Но справедливо ли утверждение о существовании автоматичности в возрастании населения? Действительно ли это является законом размножения людей? Мы полагаем, что на это следует ответить отрицательно. Никакого закона, обеспечивающего стихийное, автоматическое самовозрастание населения, не существует.

Ссылаясь на автоматический рост населения, сторонники этих теорий находились под впечатлением демографических явлений XIX в. В этом веке почти во всех странах имел место значитель-

¹ Богданов и Степанов, Курс политической экономии, 4 изд., т. I, стр. 255.

² Там же, стр. 39.

³ Милюков, Очерки по истории русской культуры, ч. I, Спб. 1904, стр. 21.

ный рост населения в результате перевеса числа родившихся над числом умерших. К такому перевесу настолько привыкли, что стали считать подобное явление характерным для всех времен и всех народов.

Между тем хорошо известно, что в различные эпохи в отдельных странах имела место убыль населения как результат перевеса числа смертей над числом рождений. Известны также случаи длительной стабилизации численности населения. Более того, история человечества знает немало примеров, когда целые народы вымирали и совершенно сходили с исторической сцены.

Наличие этих фактов свидетельствует о том, что нельзя говорить о каком-либо автоматическом росте населения. Действительно, почему рождаемость должна быть обязательно выше смертности, из чего это вытекает? Вряд ли сторонники этой теории смогут нам это объяснить. В самом деле, допустим, уровень рождаемости равен 40 на 1 тыс.; если в то же время средняя продолжительность жизни равняется 25 годам, то и смертность будет равняться примерно 40 на 1 тыс. (т. е. ежегодно будет умирать $\frac{1}{25}$ населения) и никакого роста не будет¹. Рост начнется только в том случае, когда средняя продолжительность жизни увеличится до 26 лет. Но ведь нет оснований утверждать, что средняя продолжительность жизни автоматически возрастет с 25 до 26 лет и более, а если так, то откуда возьмется автоматический рост населения. Стихийный рост населения на самом деле вовсе не обязателен. Может случиться — либо уровень рождаемости упадет до уровня смертности, либо, наоборот, уровень смертности поднимется до уровня рождаемости. В обоих случаях естественный прирост населения аннулируется. Это не раз имело место у многих культурных наций. В частности, например, можно считать достоверным факт стабилизации населения в Дании на протяжении столетий, убыль населения в Испании, в Византийской империи и в других странах. Но и без этих примеров совершенно ясно, что могут быть длительные периоды в жизни народов, когда уровень смертности примерно равен уровню рождаемости вследствии низкой продолжительности жизни.

Легко себе представить также, что стабилизация численности населения происходит на противоположном базисе. В этом случае рождаемость падает до уровня смертности. Это происходит тогда, когда рождаемость искусственно ограничивается.

Подобное искусственное ограничение рождаемости широко применяется в наши дни в виде распространения абортов и контрацепции. В результате подобной практики население некоторых стран и районов уже перестало возрастать в своей численности или приближается к этому.

¹ Мы здесь для упрощения оперируем соотношением:

$$\text{коэффициент смертности} = \frac{1}{\text{средняя продолжительность жизни}} \cdot 1000,$$

хотя это соотношение справедливо только для стационарного населения.

Искусственное ограничение рождаемости имело место и у первобытных народов. Хорошо известно, что ограничение рождаемости имело место у варваров, заселявших Европу, и у дикарей. Оно сводилось к различным мерам. Среди них — запрещение женщинам рожать до 30-летнего возраста, вытравливание плода, детоубийство, имевшее весьма широкое распространение. Всеми этими мерами племена добивались стабилизации своей численности. Следовательно, и в отношении первобытных народов нет оснований говорить о том, что в ту эпоху неизбежно имел место автоматический рост населения.

Если же отбросить предпосылку автоматического роста населения, то рассматриваемая концепция лишится своего фундамента. Правда, нам могут возразить, что если автоматический рост населения не всегда имеет место, то в таком случае и уровень техники также не увеличивается. Периоды застоя в численности населения, если придерживаться этой теории, должны быть одновременно периодами застоя техники и культуры. Каждый вытравленный плод, каждое убийство новорожденного означает в то же время отказ от борьбы за повышение производительности труда,— так рассуждают сторонники этой теории. Как только начнется рост населения, так сразу начнется рост техники, рост культуры.

Но при этом возникает вопрос: почему, собственно, население должно расти, какие причины ведут к этому? Вот здесь и обнаруживается слабое место этой теории. Пока речь шла об «автоматическом росте населения», не было надобности отыскивать какие-либо специальные причины. Но так как этого автоматического роста вовсе не существует, то, следовательно, нужно найти объяснение факту роста населения.

Это объяснение надо искать, как мы уже указывали, в производственной деятельности людей.

Однако мы не хотим сказать, что рост населения не играет никакой роли в развитии техники. Рост населения различными путями может влиять и влияет на рост техники. Во-первых, увеличение числа работников означает в то же время увеличение общей суммы производственного опыта, а это последнее увеличивает возможности каких-либо технических усовершенствований. Во-вторых, рост населения означает увеличение плотности населения, а рост плотности населения приводит к росту общения людей друг с другом. Рост общения приводит к усилению взаимной передачи производственного опыта. Из этого видно, что рост населения может влиять на развитие техники, ускорять ее поступательное движение, но первоначальным источником этого движения он ни в коем случае не является.

Товарищ Сталин по этому вопросу указывает, что «...рост народонаселения имеет влияние на развитие общества, облегчает или замедляет развитие общества, но он не может быть главной силой развития общества, и его влияние на развитие общества не может быть определяющим влиянием, так как сам по

себе рост народонаселения не дает ключа для объяснения того, почему данный общественный строй сменяется именно таким-то новым строем, а не каким-нибудь другим, почему первобытно-общинный строй сменяется именно рабовладельческим строем, рабовладельческий строй — феодальным, феодальный — буржуазным, а не каким-либо другим строем»¹. Таким образом, влияние роста населения не может быть определяющим, а такого рода влияние, такая роль, роль первичного фактора, первого звена в цепи принадлежит только способу материального производства.

Отметим, между прочим, что некоторые буржуазные демографы склонны рассматривать рост населения как результат влияния общественных факторов. Например, известный английский демограф А. М. Карр-Саундерс, касаясь роста населения в Англии в эпоху промышленной революции, говорит, что рост населения явился ответом на рост профессионального опыта (skill)². Итальянский политический деятель Франческо Нитти в своей книге «Народонаселение и общественный строй» также пишет, что «рождаемость определяется экономическим строем».

Сходной позиции придерживаются и некоторые немецкие ученые. Так, например, Макс Вебер (Weber) пишет: «Огромный рост населения есть ответ на постоянную экспансию пищевой площади»³. Л. Поле (Pohle) высказывается в следующих выражениях: «Именно потому, что оказалось возможным прокормить возросшее население, именно поэтому мог иметь место сильный прирост населения»⁴. Наконец, особенно четко говорит Дитцель (Dietzel): «Быстрый прирост производительности был причиной быстрого роста населения в ряде стран»⁵.

Из этого мы видим, что среди буржуазных ученых по этому вопросу нет единства взглядов. По мнению Ковалевского, Милюкова и других, рост населения — причина роста техники; по мнению Дитцеля, Вебера и других рост населения является следствием роста техники. Но точка зрения этих последних односторонняя, так как не учитывает обратного влияния увеличивающегося населения на темп роста техники, на степень интенсивности технического развития.

Существенно отметить, что интенсивность этого взаимодействия далеко не всегда была одинаковой. Можно предположить, что в начале ¹м этапе истории человеческой культуры влияние роста населения на рост техники было не так уже значительно. Это влияние с течением времени усиливалось и в более близкую нам эпоху приобрело немаловажное значение. Таким образом, связь развития техники с увеличением населения принимала различные формы в зависимости от конкретного разнообразия условий, сложившихся в той или иной исторической обстановке.

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 549.

² Carr-Saunders, World population, p. 256.

³ Weber, Agrargeschichte, «Handwörterbuch d. Staatswissenschaften», 3 Aufl., S. 159.

⁴ Pohle, Deutschland am Scheidewege, 1902, S. 85.

⁵ Dietzel, Weltwirtschaft und Volkswirtschaft, 1900, S. 118.

2. ПЛОТНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ И ТЕХНИКА ПРОИЗВОДСТВА

После того как мы отметили соотношение населения и хозяйства в их взаимной связи, перейдем к более детальному изучению соотношения между возрастанием населения и ступенью технико-экономического развития.

Размер земли строго ограничен. Если не учитывать случаев завоевания земли у водной стихии и не принимать во внимание геологические изменения, то надо считаться с тем, что соотношение $\frac{\text{населения}}{\text{территория}}$ непрерывно увеличивается по мере роста числа людей: знаменатель остается без изменения, числитель растет, следовательно, дробь также растет. Это означает, что всякий рост населения есть в то же время рост общей плотности населения.

Известно, что земельные богатства могут быть использованы человеком весьма различно. Человек может добывать себе пищу охотой. Тогда ему нужны огромные земельные пространства для пропитания своей семьи. Или же человек может жить с огородного хозяйства, тщательно обрабатывая и поливая каждый клочок земли. В этом случае размер территории, необходимый ему для пропитания, будет в несколько тысяч раз меньше, чем при занятиях охотой. Таким образом, существует определенная зависимость между количеством земли, приходящейся на одного человека, и характером использования земельных ресурсов.

Известный французский демограф Левассер, автор трехтомного труда о населении Франции, который мы не раз цитировали, в 1883 г. предложил схему, конкретно иллюстрирующую указанную зависимость, установив определенный уровень плотности для различных систем хозяйства.

Схема Левассера¹ следующая:

*Плотность населения и уровень экономического развития,
по Левассеру*

	Плотность населения на 1 км ²
Период охоты и рыболовства	0,02 — 0,03
Скотоводческий период	0,5 — 2,7
Земледельческий »	до 40
Промышленный »	» 160
Торговый »	плотность населения еще более значительна

Под последним периодом, периодом торговой цивилизации, Левассер имеет в виду страну, перешедшую на привозное продовольствие. В этом случае плотность населения уже никак не ограничена земельными ресурсами. Однако очевидно, что в мас-

¹ См. Levasseur, Population française, t. III, p. 473—476.

штабе всей земли в целом наступление такого периода невозможно.

Эта схема Левассера имела большой успех. Некоторые говорят о «доктрине Левассера», другие (например, М. Н. Покровский в «Очерках по истории русской культуры») говорят о «законе Левассера» и т. д. Однако схема эта очень краткая, и географ Ратцель позднее значительно расширил и дополнил ее.

По Ратцелю¹, соотношение плотности населения с хозяйственной системой выглядит так:

Связь плотности населения с занятиями населения, по Ратцелю

	Плотность населения	
	на 1 кв. географическую милю	на 1 км ²
Народы отдаленнейших областей, занимающиеся охотой и рыболовством (эскимосы)	0,1 — 0,3	0,002 — 0,005
Охотничьи народы степей (бушмены, пагачонцы, австралийцы)	0,1 — 0,5	0,002 — 0,009
Охотничьи народы с элементами земледелия (индейцы, папуасы, наиболее бедные негритянские племена)	10 — 40	0,2 — 0,7
Народы, занимающиеся рыболовством (жители Северо-Западной Америки, жители малых Полинезийских островов)	до 100	до 1,8
Кочующие скотоводы	40 — 100	0,7 — 1,8
Земледельцы при зачатке ремесл и торговли (Внутренняя Африка, Малайский архипелаг)	100 — 300	1,8 — 5,5
Кочевники с земледелием	200 — 300	3,6 — 5,5
Страны ислама в Западной Азии и в Судане	200 — 500	3,6 — 9,1
Народы, занимающиеся рыболовством и земледелием (острова Тихого океана)	до 500	до 9,1
Молодые страны с европейским земледелием или страны Европы с неблагоприятными климатическими условиями	500	9,1
Чисто сельскохозяйственные районы Средней Европы	2 000	36
Чисто сельскохозяйственные районы Южной Европы	4 000	73
Смешанные сельскохозяйственные и промышленные районы	5 000 — 6 000	91 — 109
Чисто сельскохозяйственные районы Индии	св. 10 000	св. 180
Области европейской крупной промышленности	св. 15 000	св. 270

Таким образом, вместо пяти хозяйственных форм у Левассера Ратцель дал уже 15 систем хозяйства с соответствующим уровнем плотности.

Шмоллер, приводя схему Ратцеля, внес некоторые изменения и добавления. В частности он дополнил ее районами виноградарского хозяйства, для которых предположил 300—318 человек² на 1 км².

¹ См. Ratzel, Anthropogeographie, В. II, S. 173.

² См. Schmoller, Grundriss u. s. w., T. I, S. 186.

Схема Ратцеля имеет значительные дефекты. Во-первых, она недостаточно выдержана с принципиальной стороны. В ней мы находим преобладание географических частныхностей, например, плотность населения в степной части Западной Азии, в Судане, в Индии и т. д.

С другой стороны, в схеме недостаточно отражены определенные ступени в технике земледелия, что играет особенно важную роль в условиях истории народного хозяйства Европы. Мы считаем необходимым сделать ударение именно на этом и в соответствии с такой установкой построить схему. При этом в основу ступеней земледельческой техники можно положить виды и порядок чередования, который дает Брентано в своей «Agrarpolitik»¹.

Известно, что с переходом к более высокой ступени земледельческого хозяйства земля используется продуктивнее.

Возьмем самую начальную форму земледелия — огневую (подсечную). При этой системе подавляющая часть земли занята под лесом. Посевы производятся на небольшой территории, освобожденной от леса путем его сжигания. После сбора урожая в течение нескольких лет земля пускается в заросль и с годами снова покрывается молодым лесом. При этой системе земледелия удельный вес посевов в общей площади очень невелик. Чем дольше срок «закладывания» участка, тем меньше удельный вес посевов. Имеются указания, что этот срок колеблется от 20 до 60 лет. Если, допустим, считать, что к одному и тому же участку возвращались через 50 лет, то тогда площадь посева должна составлять всего 2% площади земли, покрытой лесом. Но так как подсеки менялись не ежегодно, а после сбора урожая в течение 3—4 лет, то этот процент увеличивается в 3—4 раза, т. е. доходит до 6—8% площади земли. Автор исследования о подсечном земледелии П. Н. Третьяков пишет следующее: «Таким образом, во владении коллектива должно находиться земли минимум в 10—15 раз больше площади ежегодного посева»². В процентном отношении это составит 7—10% от площади земли. Так как Третьяков пишет: «минимум в 10—15 раз», то можно считать с тем, что в среднем требовалась площадь, в 15—20 раз превышавшая посев. В общем можно принять при подсечной системе земледелия 5—8% всей площади под посевом, считая, что почти вся территория покрыта лесом.

В залежной системе удельный вес посевов может быть определен в зависимости от сроков залежи. Если земля после пяти-

¹ См Л Брентано, Аграрная политика, Гиз, 1929, стр. 70—88. Мы добавили лишь двухпольное хозяйство и в одной из двух таблиц сняли огородное хозяйство для обеспечения лучшей сопоставимости (в огородном хозяйстве структура посевов резко отлична от структуры посевов при других системах хозяйства).

² Третьяков, Подсечное земледелие в Восточной Европе, «Известия Государственной академии истории материальной культуры», т. XIV, в. I, 1932, стр. 19.

летнего использования забрасывается на 20 лет (т. е. к этой же земле возвращаются каждые 25 лет), то это значит, что процент посевной площади во всей земле, используемой для сельскохозяйственных целей, равняется 20, так как

$$\frac{1}{20 + 5} \cdot 5 = 0,20, \text{ т. е. } 20\%.$$

Если земля забрасывается на 15 лет, то удельный вес повышается до 25%, т. е.

$$\frac{1}{20} \cdot 5 = \frac{1}{4} = 0,25, \text{ т. е. } 25\%.$$

Постепенно параллельно с сокращением сроков залежи увеличивается часть земли, занятая посевами. Так, при забрасывании земли на 10 лет (т. е. к этой же земле возвращаются каждые 15 лет), доля засеянной пашни повышается до одной трети. Так,

$$\frac{1}{15} \cdot 5 = \frac{1}{3} = 0,33, \text{ т. е. } 33\%.$$

Использование одной трети земли под посевом соответствует наиболее прогрессивной форме залежи, подготовленной к переходу к двухпольной системе. С другой стороны, наиболее экстенсивной формой залежной системы можно считать срок залежи 25 лет и четырехгодичное пользование землей. В этом случае удельный вес посевов определится так:

$$\frac{1}{25 + 4} \cdot 4 = \frac{1}{29} \cdot 4 = \frac{4}{29} = 0,14, \text{ т. е. } 14\%.$$

В общем можно считать, что в условиях залежной системы примерно 15—25% пашни находится под посевом.

Более точно удельный вес посевов может быть определен при двухпольном хозяйстве. Здесь уже появляется пар и вместе с ним кристаллизуется понятие пашни. В двухпольном хозяйстве посевы равны пару, так как они ежегодно сменяют друг друга, т. е. удельный вес посевов в пашне увеличивается до 50%.

В трехпольном хозяйстве удельный вес посевов увеличивается до двух третей всей пашни, так как пустующая площадь (пар) составляет треть всей пашни. Дальнейшие формы земледельческого хозяйства еще более повышают этот процент: пар постепенно сдает свои позиции, появляется так называемый занятый пар, а затем пар и вовсе сходит на-нет. Плодосменное хозяйство уже вовсе не знает пара. В нем продуктивная площадь равна площади пашни. Таким образом, начиная от самых примитивных форм земледелия происходит увеличение удельного веса посевов в общей площади сельскохозяйственных и лесных угодий. При огневой (подсечной) системе удельный вес посевов составлял около 5—8% всей территории. В плодосменном же хозяйстве

100% пашни занято под посевами, т. е. полностью продуктивно используемой земли в 12—20 раз больше, чем при подсечной системе¹.

Уже одно это расширение продуктивной площади обеспечивает прокормление большего населения. Но этого мало; наряду с этим происходит рост урожайности. «Естественное» плодородие почвы весьма невелико. Яровые посевы зерновых без всякого удобрения при средних почвенно-климатических условиях и при низкой агротехнике не дадут более 4—5 ц с га. Вероятно, таков и был уровень урожайности у европейских народов в первом тысячелетии нашей эры. Однако уже первые земледельцы вскоре постигли секрет урожайности: в подсечной системе зола от сожженных деревьев играла значительную роль в повышении урожая. Кроме того, вместе со сжиганием поваленного леса уничтожалась вся сорная растительность. В результате земледельцев ожидал «большой урожай, в несколько раз превышающий урожай на полевых участках с трехпольным севооборотом»². По подсчетам Третьякова, урожай подсеки приблизительно в 2 раза выше урожая в трехпольном хозяйстве. Однако подобная оценка несколько преувеличена. Сам Третьяков указывает на то, что высокий урожай бывает только в первом году после сжигания леса. В следующих годах лесной участок «подвергался интенсивному осеменению. И этим самым лишался одного из основных своих преимуществ — отсутствия посторонней растительности»³. Главную роль в «истощении» почвы на лесных участках играло ухудшение структуры почвы, которое было прямым результатом техники подсечного земледелия. Учитывая это, можно предположить, что средний урожай подсеки был примерно в 1,5 раза выше урожая в двухпольном хозяйстве. Переход к трехполью повысил уровень урожайности благодаря введению озимых посевов; урожайность озимых зерновых примерно на 20—30% выше яровых зерновых, следовательно, средняя урожайность в целом стала на 10—15% выше. Введение естественных удобрений (навоз) также повысило урожайность. Большую роль играло известкование, мергелевание и т. д. Переход от трехполья к многополью сопровождался дальнейшим ростом урожайности. При этом значительная роль принадлежала сельскохозяйственным орудиям: глубокая вспашка, рядовой сев, молотба машиной — все это давало рост сбора хлебов. Особенно следует отметить введение искусственных удобрений, которое позволило увеличить урожай в 2 раза. Если мы укажем еще на селекцию и на правильный севооборот, зяблевую вспашку, ранние пары, то этим

¹ Если по климатическим условиям можно снимать не один, а два и даже три урожая в год, то тогда площадь посева может быть выше 100% от площади пашни. Так, например, в Китае посевная площадь составляет 122,4% от площади пашни, а в провинции Цзянсу даже 164%. Весь юго-восток Китая — это район повторных урожаев риса. См. Ш т е й н, Экономическая география Азии, Учпедгиз, 1940, стр. 161.

² Третьяков, цит. соч., стр. 13.

³ Там же, стр. 18.

закончим перечень основных факторов роста урожайности. В результате совокупного действия всех этих факторов урожайность часто увеличивалась в 3—4 раза по стране в целом. Если взять, например, современную Германию, то в ней средний урожай зерновых равняется 18—20 ц с 1 га, т. е., вероятно, в 4 раза больше того, что получали с каждого гектара древние германцы. При еще более высокоинтенсивном хозяйстве урожайность может быть увеличена. Так, в современной Дании урожай достигает 25—30 ц с 1 га в среднем по стране, что, вероятно, в 5 раз больше того, что получали их норманские предки.

Исходя из всех приведенных расчетов, мы можем представить себе, во сколько раз увеличивается сбор хлебов с переходом к более высоким ступеням земледельческого хозяйства. Примерно это можно изложить в следующем виде:

Хозяйства	% засеянной пашни	Во сколько раз возрос сбор хлебов		
		за счет увеличения посевов	за счет роста урожая пшеницы	за счет обоих факторов
		(огневое хозяйство взято за 1)		
1	2	3	4	5
Огневое	5—8 ¹	1	1	1
Переложное	15—25	3	0,8	2—3
Двухпольное	50	6—10	0,6	4—6
Трехпольное	66	8—13	0,7	6—9
Улучшенное переложное	66	8—13	1,0—1,3	8—17
Улучшенное трехпольное	66	8—13	1,3—2,0	10—26
Улучшенное травопольное	80—100	10—20	2,0—2,5	20—50
Плоскосменное	100	12—20	2,5—4	30—80
Вольное	100	12—20	4—5	48—100

Совокупный результат (гр 5) исчислялся путем произведения коэффициентов гр 3 на коэффициенты гр 4.

Таким образом, мы получили, что, например, плоскосменное хозяйство обеспечивает прокормление¹⁾ в 48—100 раз большего числа людей, чем подсечное хозяйство.

Приведенные в последней графе соотношения можно рассматривать лишь как суммарную, приближенную количественную характеристику систем земледелия. При этом ряд важных обстоятельств остается в стороне.

Во-первых, уровень потребления не оставался без изменения; если первобытный земледелец довольствовался весьма скромным количеством продуктов, то современному земледельцу требуется уже значительно больше.

¹ В применении к огневому хозяйству можно, конечно, лишь очень условно говорить об удельном весе в пашне, так как пашни как таковой тогда вовсе не было. Все же мы поставили определенный процент, исходя из того, что всю лесопокрытую площадь можно рассматривать как площадь будущих (по отношению к тому времени) подсек и с этой точки зрения считать ее некоторым аналогом понятия пашни.

Во-вторых, развитие животноводства привело к тому, что «зерно облагораживалось в мясо»; переработка продуктов растениеводства через организм животного увеличивает пищевое значение каждого гектара земли.

В-третьих, следует учесть, что удельный вес пашни во всей земле также не оставался без изменения. Постепенно происходило расширение пахотной площади за счет целинных земель, за счет раскорчевки лесов, за счет осушения болот, освоения других неудобных земель и т. д. Процент распаханности земли в Европе на протяжении столетий испытывал определенную тенденцию к возрастанию.

В-четвертых, в самой структуре посевов произошли существенные изменения. Если на заре земледелия среди культур преобладали ячмень и овес, то впоследствии большую роль стали играть пшеница, картофель, овощи и другие культуры, приносящие значительно больший продовольственный эффект.

Из приведенных четырех факторов лишь один первый влияет на последнюю графу таблицы в сторону понижения, остальные три влияют в сторону повышения. Исходя из этого, положенные в таблице соотношения следует рассматривать скорее как нижний предел, нежели высший, другими словами, количество хлеба в условиях вольного хозяйства, вероятно, не в 48—100, а может быть в 60—120 раз более, чем в условиях огневого хозяйства.

Положив в основу примерную плотность оселения в районах преобладания трехпольного хозяйства, мы, пользуясь соотношением, установленным в графе 5, определили следующую примерную шкалу плотностей в соответствии со ступенью земледельческого хозяйства¹:

Плотность населения в связи с системой земледельческого хозяйства

Ступени земледельческого хозяйства	Плотность населения (человек на 1 км ²)
Земледелие играет подсобную роль	до 1
Огневое хозяйство	2— 3
Переложное »	4— 10
Двухпольное »	10— 15
Трехпольное »	15— 35
Урегулированное переложное хозяйство	35— 40
Улучшенное трехпольное	40— 80
Улучшенное травопольное	80— 100
Плодосменное хозяйство	100— 150
Вольное »	150— 200
Огородное » 2	200— 500

¹ Следует указать, что приведенная шкала предназначена для исторических изысканий и имеет в виду европейское земледелие в условиях капиталистического и докапиталистического хозяйства. На социалистическое сельское хозяйство СССР, развивающееся на совершенно иной материальной базе и при совершенно иных производственных отношениях, приведенная шкала не распространяется.

² Примером того, что огородное хозяйство может иметь распространение на значительной территории, может служить Бельгия. Высокая плотность

Приведенную схему нельзя считать пригодной для любых географических условий. Речь идет лишь об условиях европейского климата, т. е. с благоприятными почвенно-климатическими условиями для земледелия. Кроме того, эту схему вовсе нельзя понимать так, что по плотности населения какого-либо района можно определить систему земледелия в нем, так как разнообразие социально-экономических условий приводит к значительным отклонениям от схемы. Данная схема может иметь лишь некоторое ориентирующее значение, и только с этой точки зрения она может принести известную пользу.

Еще в меньшей степени справедливо рассматривать плотность населения как фактор, определяющий тип общественного строя.

«Если бы рост народонаселения, — говорит товарищ Сталин, — являлся определяющей силой общественного развития, более высокая плотность населения обязательно должна была бы вызвать к жизни соответственно более высокий тип общественного строя. На деле, однако, этого не наблюдается. Плотность населения в Китае в четыре раза выше, чем в США, однако США стоят выше с точки зрения общественного развития, чем Китай, ибо в Китае все еще господствует полуфеодальный строй, тогда как США давно уже достигли высшей стадии развития капитализма. Плотность населения в Бельгии в 19 раз выше, чем в США, и в 26 раз выше, чем в СССР, однако США стоят выше Бельгии с точки зрения общественного развития, а от СССР Бельгия отстала на целую историческую эпоху, ибо в Бельгии господствует капиталистический строй, тогда как СССР уже покончил с капитализмом и установил у себя социалистический строй»¹.

Приведенная на стр. 377 схема для нас имеет значение лишь постольку, поскольку она говорит о некоторой зависимости уровня плотности от уровня земледельческой техники. При этом характер причинной связи между явлениями мы установили уже в предыдущей главе: плотность населения может в известных пределах влиять на развитие техники, но ни в коем случае не определять ее.

Многие буржуазные экономисты привели иное выше соотношение плотности населения со степенью аграрно-технического развития

населения в Бельгии является результатом не только сильного развития городской жизни, но и интенсификации земледелия. В особенности это относится к Восточной Фландрии. Воейков писал о ней следующее: «В Бельгийской провинции Восточной Фландрии 359 жителей на 1 км², за исключением городов свыше 20 тыс. жителей — 292; они и не думают о переселении. Особенно густо населена земля Вас (Land von Waes) между Гентом и Антверпеном. Здесь лопата — главное земледельческое орудие, ведется чисто огородное хозяйство, в большом ходу так называемое фламандское удобрение, нередко жидкое» (Воейков, Распределение населения земли, стр. 99). Тут же Воейков приводит еще пример Нормандских островов: «Что можно извлечь из земли при умелом огородном хозяйстве, показывают Нормандские острова. Они населены с лишком вдвое гуще Англии, Бельгии и королевства Саксонского: 489 жителей на 1 км², нет никакой промышленности, все население занято огородничеством, садоводством и молочным хозяйством».

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 549—550.

пытаются толковать в том смысле, что переход к каждой более высокой ступени происходит под давлением возросшей численности населения. «При переходе от одной системы к другой труд возрастает быстрее, чем количество получаемой пищи. Иными словами, при каждой из них единица хлеба обходится дороже. Поэтому очередь каждой из них в истории населения наступает только при соответствующей его густоте»¹. Согласно этой точке зрения при переходе к каждой следующей ступени вступает в свои права закон убывающего плодородия. Вследствие этого земледелец очень неохотно переходит к более высоким формам сельского хозяйства, так как они сулят ему все меньшую и меньшую оплату его труда. Если же он на это все-таки идет, то исключительно потому, что перед ним стоит забота обеспечения хлебом себя и своей семьи. Подобное предствление совершенно неверно. Оно исходит из полного игнорирования агротехники. Если бы действительно этот закон имел место, то сборы хлеба на одного работника неуклонно падали бы, тогда как всем хорошо известно, что они росли. Совершенно неверно представлять себе переход к более высшим формам земледелия как вынужденный шаг, приводящий к падению производительности. Как раз наоборот. Переход к более высокой ступени земледельческого производства всякий раз означал в то же время более высокую производительность земледельческого труда. Падение производительности труда могло иметь место только при том условии, если бы земледелец переходил, например, от перелога к трехполью и от трехполья — к многополью без всякого изменения в средствах производства. Но в том-то и дело, что этого не было. Примитивные формы земледелия знают только одно сельскохозяйственное орудие — мотыгу, при помощи которой дикарь производит «ковыряние» земли. Применение рабочего скота также не было известно. Постепенно, по мере перехода к более высоким формам земледелия, росла снабженность орудиями земледельца. Сначала появилась соха, а за сохой — плуг, сначала с деревянным сошником, затем с железным лемехом; железный плуг и до сих пор является основным орудием вспашки. Изменения в средствах производства приводили не к падению, а к росту производительности труда, несмотря на увеличение плотности населения. Со всем иначе смотрят на это некоторые буржуазные экономисты. Жуковский, например, писал: «...какие бы цели или потребности ни руководили образом действий людей, всеми изменениями в образе их жизни, в развитии их бытовой культуры руководила одна величина — высота населенности, или, что то же, отношение величины населения к территории. Это отношение определяло переход охотничьего быта к пастушескому. Оно же определяло переход к земледелию от пастушеского, и оно же, наконец, в земледельческом быте, определяло переходы от одних систем земледелия, более простых, к более высоким. Оно

¹ Ю. Г. Жуковский, Население и земледелие, Спб. 1907, стр. 58.

же, далее, как увидим позже, выдвинуло вперед торговое начало и привело со временем к развитию промышленности»¹. В этой схеме способ производства не играет никакой роли: все подчиняется только плотности населения, если последняя остановится, никаких технических улучшений не будет. Вся техника вступит как бы в полосу анабиоза до тех пор, пока превышение числа родившихся над числом умерших не выведет ее из этого застойного состояния. Мы не станем здесь критиковать подобные представления, этого вопроса мы касались уже в предыдущей главе. Отметим только, что буржуазные экономисты не считают нужным даже упомянуть о роли самого характера и способа материального производства в общем росте техники.

3. ТЕМП РОСТА НАСЕЛЕНИЯ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ФОРМАЦИИ

В предыдущем изложении мы касались вопроса о связи способов производства с ростом населения и пришли к выводу, что именно в способе производства заложены первичные факторы, приводящие в конце концов к росту населения.

Идя дальше в этом направлении, следует показать, что и самые темпы роста населения также зависят от уровня развития производительных сил. Определенному уровню развития производительных сил соответствуют определенные производственные отношения людей. Производительные силы и производственные отношения вместе определяют характер общественной формации, тип экономического строя, и каждая экономическая формация, даже ее отдельная разновидность, имеет свой темп роста населения. Об этом говорят знаменитые слова Маркса: «...всякому особенному историческому способу производства в действительности свойственны свои особенные, имеющие историческое значение, законы населения»².

Ленин, развивая это указание Маркса, писал следующее: «Условия размножения человека непосредственно зависят от устройства различных социальных организмов, и потому закон народонаселения надо изучать для каждого такого организма отдельно, а не «абстрактно», без отношения к исторически различным формам общественного устройства»³. Несколькими годами позднее, в другой своей работе Ленин еще раз подчеркнул, что необходимо «...исследовать закон народонаселения каждой исторической системы хозяйства отдельно и изучать его связь и соотношение с данной системой»⁴.

Действительно, законы населения должны быть теснейшим образом увязаны с историей страны, с историей различных хо-

¹ Ю. Г. Жуковский, цит. соч., стр. 62.

² Маркс, Капитал, т. I, стр. 502.

³ Ленин, Соч., т. I, стр. 319.

⁴ Там же, т. II, стр. 44.

зайственных форм, с историей экономического развития народов. Только тогда мы сможем опровергнуть все представления о том, что рост населения — это вечный закон природы, автоматически действующий и диктующий ход экономической истории человечества. Подобные представления ряда буржуазных демографов и экономистов приводят к их полному пренебрежению к общественным формациям и к попыткам устанавливать темпы роста за исторические периоды, вмещающие в себя несколько формаций. Так, мы уже указывали, что Жуковский, касаясь роста населения за длительный период времени, смешивает в одну кучу двухтысячелетнюю историю Европы, приписывая всему этому периоду стабилизацию в численности населения. Американский ученый Пэрль также не проводит различий во всей докапиталистической истории человечества. Немецкий демограф Фиркс делает расчеты, беря несколько общественных формаций вместе. Все это совершенно недопустимо. Маркс и Ленин учат нас каждую общественную формацию рассматривать отдельно, а не смешивать их вместе. Только тогда мы сможем приблизиться к правильному пониманию законов исторической и экономической эволюции человеческого общества.

* * *

Прежде чем перейти к конкретному анализу темпов роста в отдельные исторические эпохи, остановимся на некоторых вопросах общего порядка.

Первое, что бросается в глаза при исследовании законов размножения, — это убыстрение темпов размножения.

Период существования человека на земле определяется примерно в 400—500 тыс. лет. Первые племена людей, оторвавшись от своих четвероногих собратьев, размножались, надо думать, чрезвычайно медленно. Неблагоприятные условия жизни, трудность борьбы с природой — все это приводило к чрезвычайно низкой продолжительности жизни первобытного человека, который был еще очень слабо вооружен для борьбы с животным миром и с различными неблагоприятными явлениями природы. Многие племена в результате, например, геологических катастроф вымирали полностью. Трудно даже представить себе, каков был характер динамики населения в первобытную эпоху. Неоднократно упоминавшийся нами Пэрль¹ в следующем виде представляет себе динамику населения за 500 тыс. лет (см. рис. 40 на стр. 382).

Из трех гипотез, выдвинутых Пэрлем, вторая и третья должны быть отброшены как невероятные. Совершенно невысказимо предположить, что в отдаленнейшие исторические времена население земли достигало нескольких сотен миллионов человек. Подобная плотность населения требует такого высокого уровня техники и культуры, которого в доисторические времена не было. Един-

¹ См. Pearl, *Natural History of Population*, 1939, p. 266.

ственно правдоподобной остается первая гипотеза Пэрля. К этому склоняется и сам Пэрль. Однако мы должны отметить одно существенное обстоятельство в конструкциях Пэрля. Он исходит из

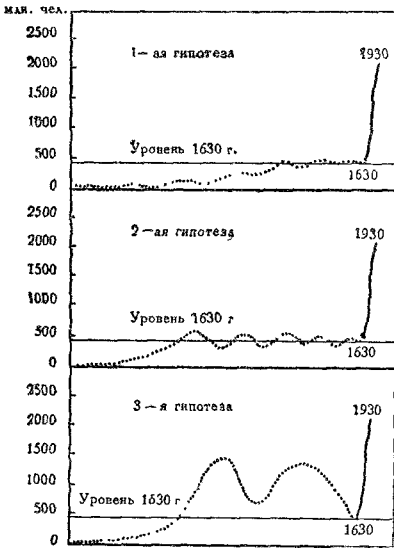

Рис. 40. Три гипотезы Пэрля о динамике населения за 500 тыс. лет. По горизонтальной оси — время, по вертикальной — численность населения

того, что о населении земли нам ничего неизвестно до 1650 г. На этом основании он проводит свои гипотетические кривые вплоть до 1650 г. Этим самым Пэрль ставит на одну доску исторический период с доисторическим. Между тем в последние несколько тысяч лет население развивалось совсем по иным законам, чем на протяжении периода первобытного существования людей на земле.

Со стороны других авторов также были попытки представить гипотетическую кривую населения за длительный период времени в виде волнообразной динамики. Так, например, Делевский (J. Delevski¹) в своей статье¹ о законе роста населения склоняется к тому, что для динамики населения в прежние времена характерна кривая синусоидальной формы.

Можно согласиться с тем, что динамика населения в первобыт-

ную эпоху происходила зигзагообразно, с большими колебаниями, под влиянием различных климатических изменений и т. п. В ту отдаленную эпоху, когда человек был почти беспомощен перед силами природы, зависимость роста населения от природных факторов была, разумеется, очень велика. Этого отрицать не следует.

Однако зигзагообразная форма не означает стагнации; ось, проходящая через зигзаги, была повернута под некоторым углом к оси абсцисс. Это означало, что, несмотря на отдельные эпохи упадков, производственная деятельность людей все же делала свое дело: поступательное движение продолжалось. Но скорость этого движения была совершенно ничтожна. Темп размножения людей был микроскопическим, но зато вполне согласующимся с общими темпами хода экономической доистории человечества.

Дальше последовало убыстрение темпов. Рабовладельческий строй характеризуется значительно большими темпами роста населения и производительных сил вообще, чем предшествующие ему

¹ Delevski, Une formulation mathématique de la loi de la population, «Metron», 1928, v. 7, part 4, p. 75—97.

формации. Феодальный строй опять-таки дал ускорение темпов по сравнению с рабовладельческим, но по сравнению с темпами нашей эпохи темпы феодальной эпохи представляются чрезвычайно медленными. «Для того, чтобы феодальная система хозяйства доказала свое превосходство над рабской системой хозяйства, на это ушло, кажется, около двухсот лет, если не меньше, — говорил товарищ Сталин.— Да иначе и не могло быть, так как темп развития был тогда страшно медленный, а техника производства была более чем примитивна»¹.

На смену феодализму пришел новый общественный строй — капитализм, который принес с собой колоссальное повышение производительности общественного труда. Самый процесс производства получил новую базу — машину, которая постепенно вытеснила ручной труд средневекового ремесленника. Механизация производства колоссально увеличила объем производства, роль средств производства и уровень продуктивности труда, приложенного к этим средствам производства. «Для того, чтобы буржуазная система хозяйства доказала свое превосходство над феодальной системой хозяйства, на это ушло что-то около ста лет или и того меньше. Уже в недрах феодального общества буржуазная система хозяйства показала, что она стоит выше, много выше, чем феодальная система хозяйства. Разница в сроках объясняется тут более быстрым темпом развития и более развитой техникой буржуазной системы хозяйства»².

О размахе капиталистического развития Маркс и Энгельс в «Коммунистическом манифесте» пишут:

«Менее, чем за сто лет своего господства, буржуазия создала более могущественные и более грандиозные производительные силы, чем все предшествующие поколения, вместе взятые. Подчинение сил природы, машины, применение химии к земледелию и промышленности, пароходы, железные дороги, электрические телеграфы, распашка целых частей света, приспособление рек для судоходства, целые как бы из земли выросшие населенія³ — в каком из предшествующих столетий можно было предполагать, что подобные производительные силы дремлют в недрах общественного труда»⁴.

Это было сказано еще в 1847 г., когда железные дороги только-только начинали проникать в народное хозяйство, когда электричество почти еще не находило своего практического применения, когда о двигателе внутреннего сгорания ничего не знали и т. д.

¹ «Пути мировой революции», VII расширенный пленум Исполкома Коминтерна, 22 ноября — 16 декабря 1926 г. Стенографический отчет, т. II, 1927, Госиздат, стр. 333.

² Там же.

³ Перевод буквален, но не совсем удачен, так как русский язык не знает множественного числа для слова «население». В немецком оригинале так: «...ganze aus dem Boden hervorgestampfte Bevölkerungen» (см. «Manifest der Kommunistischen Partei», Moskau 1939, S. 9).

⁴ Маркс и Энгельс, Соч., т. V, стр. 488.

Не может быть никакого сомнения, что темпы развития производительных сил вместе с приходом капитализма дали новый гигантский скачок вперед.

Об ускорении темпов развития говорит и сама длительность существовавших до сих пор общественных формаций. По этому поводу мы имеем относительно довольно точные представления. Примерная продолжительность их в применении к Европе может быть представлена в следующем виде:

Общественные формации и их разновидности	Примерная продолжительность
Первобытно-общинный строй	Десятки тысяч лет
Рабовладельческий >	Несколько тысяч лет
Феодальный >	700 — 900 лет
Капиталистический >	
а) эпоха первоначального накопления	250 — 300 >
б) эпоха промышленного капитализма	100 — 125 >
в) эпоха империализма	40 — 45 >

Приведенные цифры говорят о том, что для сколько-нибудь существенных изменений в жизни первобытных народов требовались десятки тысячелетий. В рабовладельческий период эти изменения требовали нескольких тысячелетий, в феодальную эпоху изменения происходили лишь в масштабе столетий, наконец, в капиталистическую эпоху для значительных изменений в производственной деятельности людей требовались уже всего лишь десятилетия. Таким образом, каждый последующий общественный строй требует все более и более коротких сроков для проявления изменений в производственной деятельности. В соответствии с этим убыстрялись и темпы роста населения. Правда, прямых доказательств этого за очень отдаленные исторические периоды мы иметь не можем, но косвенные доказательства все же имеются. ими может служить метод экстраполяции существующих темпов в прошлые времена.

Этот метод экстраполяции применял еще Ваппеус (Wappäus)¹ в середине прошлого века. Ваппеус дал следующий расчет. Если считать, что и прежде население росло по 0,5% в год, то тогда период удвоения равняется 139 годам. С момента начала летоисчисления до того момента, когда Ваппеус писал свою книгу, прошло 1 858 лет. Это дает 13 периодов удвоения:

$$2^{13} = 8\,192.$$

Таким образом, получается, что при удвоении в 139 лет население за 1 858 лет должно было увеличиться в 8 192 раза. Если, например, какая-либо страна в эпоху начала нашей эры насчитывала 1 млн. человек, то в 1858 г. ее население должно было составить более 8 млрд., т. е. в 10 раз больше населения всей земли!

Этот же метод использовал Нитти для разоблачения теории Мальтуса. При этом Нитти исходил даже не из 25-летнего перио-

¹ См. J. E. Wappäus, Allgemeine Bevölkerungsstatistik, Leipzig 1859, В I, S. 118.

да удвоения, на чем настаивал Мальтус, а из 100-летнего периода удвоения. Тогда, исходя из населения Европы в 1800 г. в 176 млн. человек, Нитти, предполагая, что удвоение за 100 лет происходило и прежде, получил следующий ряд¹:

Экстраполяция в прошлое. Какова была бы численность населения Европы, если бы население удваивалось каждое столетие

Годы	Человек	Годы	Человек
1800	176 000 000	900	281 250
1700	88 000 000	800	140 625
1600	44 000 000	700	70 312
1500	22 000 000	600	35 156
1400	11 000 000	500	17 578
1300	5 500 000	400	8 789
1200	2 250 000	300	4 394
1100	1 125 000	200	2 197
1000	562 500	100	1 098
		1	549

При такой экстраполяции в прошлое мы приходим к нелепому результату, будто в Европе 2 тыс. лет назад было всего 549 человек. На самом же деле было по крайней мере в 50 тыс. раз больше.

Можно сделать и несколько иной расчет. Считая население современной Европы в 530 млн. человек и приписывая ему темп роста в размере 0,5% в год, мы легко можем определить, сколько лет потребовалось бы, чтобы численность населения дошла до двух человек (т. е. до одной супружеской пары).

Основная формула роста по сложным процентам

$$A = a(1+r)^t \text{ или } \lg A = \lg a + t \lg(1+r)$$

В данном случае неизвестное t , которое равно ,

$$t = \frac{\lg A - \lg a}{\lg(1+r)}$$

Подставляем в формулу известные нам величины:

$$A = 530\,000\,000$$

$$a = 2$$

$$p = 0,5$$

$$r = \frac{p}{100} = 0,005$$

$$t = \frac{\lg 530\,000\,000 - \lg 2}{\lg 1,005} = \frac{8,42325}{0,00217} = 3\,882.$$

Таким образом, даже если взять очень скромный темп роста, то понадобилось бы отсчитать назад всего около 4 тыс. лет, чтобы в Европе оказалось всего 2 человека. Между тем даже в ту от-

¹ См. Нитти, Народонаселение и общественный строй, стр. 147. Нитти доводит ряд до 1600 г., Паперный («Проблемы народонаселения», стр. 98) исчисляет его до I в.

даленную от нас эпоху население Европы выражалось в сотнях тысяч, если не в миллионах.

Сделаем еще другой расчет. В эпоху начала нашей эры население Европы составляло около 30 млн. человек. Если предположить, что темп роста за истекшие 2 тыс. лет в среднем составил те же 0,5% в год, то население Европы к 1940 г. должно было бы равняться следующей величине:

$$A = 30\,000\,000 \cdot (1 + 0,005)^{1940},$$

$$\lg A = 7,47712 + 1940 \cdot 0,00217,$$

откуда

$$A = 486\,300\,000\,000 \text{ человек.}$$

Это дает плотность около 50 тыс. человек на 1 км², т. е. плотность в 100 раз большую, чем в самых густо населенных районах современной Европы и равную плотности Нью-Йорка. Подобное распространение существующих темпов роста на весь период в 1940 лет приводит примерно к цифре населения Европы, почти в тысячу раз превосходящей современную. На этом основании мы имеем право сказать, что убыстрение темпов роста населения можно считать доказанным. На убыстрение темпов роста населения указывает также Энгельс, говоря о древних германцах: «После того как они поселились в Германии, население должно было увеличиваться со все возрастающей быстротой; одни вышеупомянутые промышленные успехи доказывают это»¹.

Теперь возникает вопрос: откуда берется это убыстрение темпов исторического развития? Мы полагаем, что это убыстрение является результатом взаимодействия населения и способа производства, о котором мы говорили ранее. Сама численность населения, как таковая, при известных условиях играет роль ускорителя динамических процессов. Больше людей, стало быть, больше талантов, больше изобретателей, больше совершенствователей производственного процесса. Производственный опыт—кумулятивная категория. Человек умирает, но его деятельность не проходит бесследно: остаются существовать созданные им материальные ценности (жилища, орудия), и, что особенно важно, его производственный опыт наследуется потомками и передается из поколения в поколение. Каждый работник вносит какую-то лепту в сокровищницу человеческих знаний, и с течением веков этот «интеграл» производственного опыта становится крупным фактором роста населения. Энгельс пишет, что «...наука растет, по меньшей мере, с быстротой роста населения...»² Тут же Энгельс указывает, что наука «...движется вперед пропорционально массе знания, унаследованной ею от всех предшествующих поколений, следовательно при самых обыкновенных условиях она также растет в геометрической прогрессии». Мальтузианская концепция, согласно которой с увеличением населения людям при-

¹ Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, Сочинения Маркса и Энгельса, т. XVI, ч. I, стр. 124.

² Маркс и Энгельс, Статьи и письма, 1838—1845. Сочинения, т. II, стр. 316.

ходится теми же благами природы «делиться» с большим числом лиц, является насквозь лживой и неверной. Как раз наоборот, рост населения ускоряет техническое развитие общества и содействует техническому прогрессу.

* * *

После этих вводных замечаний перейдем к конкретному разбору темпов роста населения в различные исторические периоды.

Прежде всего следует отметить, что человеку, как и всякой другой биологической особи, свойственно размножение в геометрической прогрессии. Это вытекает из самого существа размножения. Каждый родившийся человек таит в себе возможности дальнейшего размножения. Следовательно, количество рождений, смертей и разность между ними всегда надо рассматривать в известной пропорции, в известном соотношении с абсолютной массой всего населения. «...Население, — пишет Энгельс, — растет пропорционально численности последнего поколения...»¹ Этим и объясняется, что всякое сравнение показателей роста населения производится не в абсолютных величинах, а в относительных, т. е. в процентах или промиллях к населению. Однако из того, что численность населения может изменяться в геометрической прогрессии, вовсе не следует, что эта прогрессия действительно всегда имела место. Если на протяжении известного периода времени рост населения с математической точки зрения может быть приближенно выражен в виде геометрической прогрессии, то это ни в коем случае не может быть сделано в применении к периоду, охватывающему несколько общественных формаций. Мы выше уже показали, к чему приводит геометрическая прогрессия, экстраполированная в прошлое. Убыстрение темпов исторической эволюции как раз и выражается, повидимому, в том, что одна геометрическая прогрессия заменяется другой при переходе от одного хозяйственного строя к другому.

Геометрическая прогрессия роста населения была выставлена впервые знаменитым математиком Леонардом Эйлером в 50-х годах XVIII в.² и затем, возможно, независимо от него развита венецианским монахом Ортесом (Ortes, 1713—1790)³.

¹ Маркс и Энгельс, Статьи и письма, 1838—1845. Сочинения, т. II, стр. 316

² Эйлер говорил о геометрической прогрессии числа родившихся См. Leonhardi Euleri, Opera omnia, Series prima, volumen septimum, Leipzig u. Berlin 1923, p. 532. Anmerkung

³ Тогда с этим многие еще не соглашались. Знаменитый Вольтер в своем «Философском словаре» писал следующее «Народонаселение утроилось со времен Карла Великого. Я говорю утроилось, и это уже много. Народонаселение не умножается в геометрической прогрессии Все расчеты, произведенные по поводу такого предполагаемого размножения, бессмысленны, если самка человека или обезьяны производила бы потомство в таком роде, земля уже давно не могла бы его прокормить. Земля подобно Паркам, которые постоянно пряли и перерезывали нити Она занята только рождением и разрушением» (см Н и т т и, цит. соч, стр 148). В представлении Вольтера геометрическая прогрессия обязательно приводила к астрономиче-

Говоря о геометрической прогрессии населения, мы отнюдь не хотим этим сказать, что в основе роста населения лежит какой-либо строгий математический закон, которому население подчинено в отношении своей численности. Мы говорим о геометрической прогрессии лишь постольку, поскольку оперируем средними темпами роста населения для определенных исторических периодов; ведь именно эти средние темпы и дают нам количественную характеристику того, что «каждая степень развития имеет свой закон размножения», о чем упоминается в послесловии ко второму изданию первого тома «Капитала».

Для того чтобы осуществить сопоставление темпов роста населения со «степенью развития», мы воспользуемся теми выводами, к которым пришли в нашей работе, отметим при этом, что центр тяжести данного исследования как раз и лежит в установлении связи законов роста населения с законами общественного развития.

На стр. 353 приведен график, характеризующий общий рост населения Европы за 19 веков.

График дает общее представление о росте населения Европы за 1900 лет. Вначале — пологая кривая, затем — загиб вверх, все более и более крутой.

Для того чтобы дать картину динамики населения Западной Европы, вычтем население СССР в границах 1938 г. Тогда мы получим следующий график (см. рис. 41 на стр. 389. Первое тысячелетие исключено).

На этом графике мы уже провели три деления на общественные формации и их виды.

Однако и этот график еще не дает достаточно наглядной картины связи темпов роста с общественной формацией. Для того чтобы эту связь рельефно показать, надо обратиться не к численности населения, а к средним темпам роста в пределах каждой общественной формации и ее разновидностей.

Это сопоставление можно осуществить в следующем виде:

Рост населения в связи со сменой общественных формаций

Общественная формация и ее разновидности	Годы	Средний ежегодный темп роста населения (в %)
Феодализм	1000—1500	0,09
Эпоха первоначального накопления	1500—1800	0,22
Промышленный капитализм	1800—1900	0,69
Империализм	1900—1940	0,64

ским цифрам. Однако это вовсе не обязательно. Можно грубо исчислить рост населения для первобытного общества также в виде геометрической прогрессии, знаменатель которой будет очень мало отличаться от единицы (например 1,00001). Тогда «расчеты, произведенные по поводу такого предполагаемого размножения», вовсе не будут «бессмысленны», как это предполагал Вольтер.

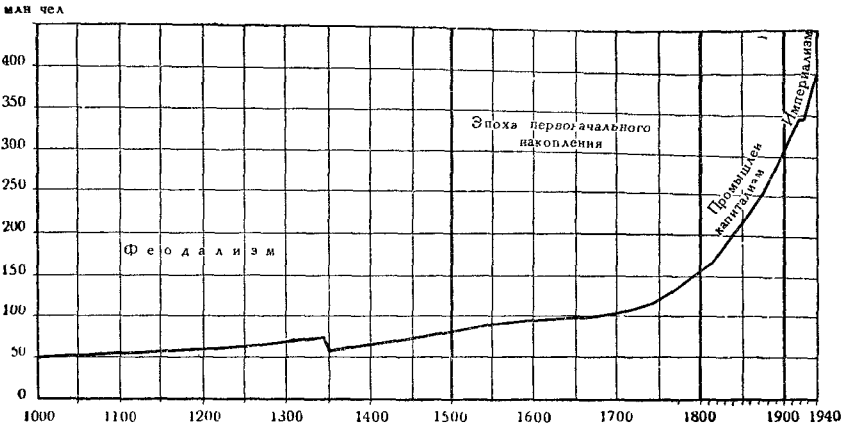

Рис. 41. Предположительная динамика населения Западной Европы за 1000—1940 гг. с разбивкой на периоды и эпохи

Более наглядно эта таблица с дополнением тысячелетнего периода, предшествующего феодализму¹, может быть представлена на следующем графике (см. также рис. 43 на стр. 390).

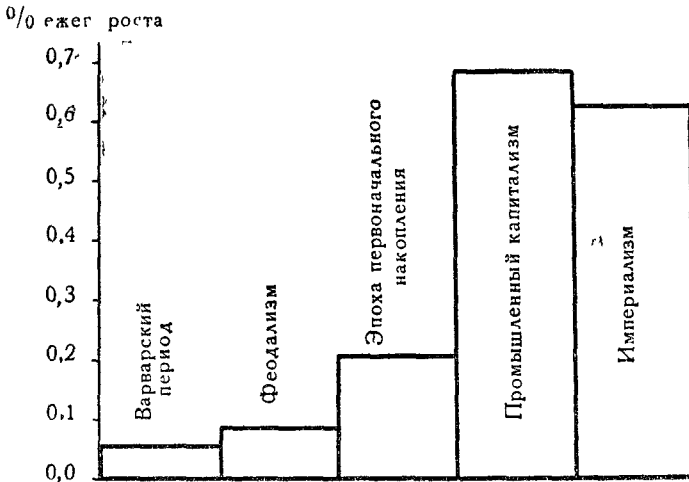

Рис. 42. Темпы роста населения Западной Европы в зависимости от общественной формации

Налицо систематическое ускорение темпов роста населения до эпохи империализма. В эту эпоху уже с особенной остротой обнаружилось противоречие между производительными

¹ Мы добавили этот период для полноты картины. При этом мы исходили из 33 млн. населения Европы к началу первого тысячелетия и к 56,4 млн. к началу второго тысячелетия. Исчисленный на основе этого темп роста не может считаться достоверным, но все же общую ориентацию в динамике населения Европы в первое тысячелетие нашей эры он, пожалуй, дает.

% ежегод роста

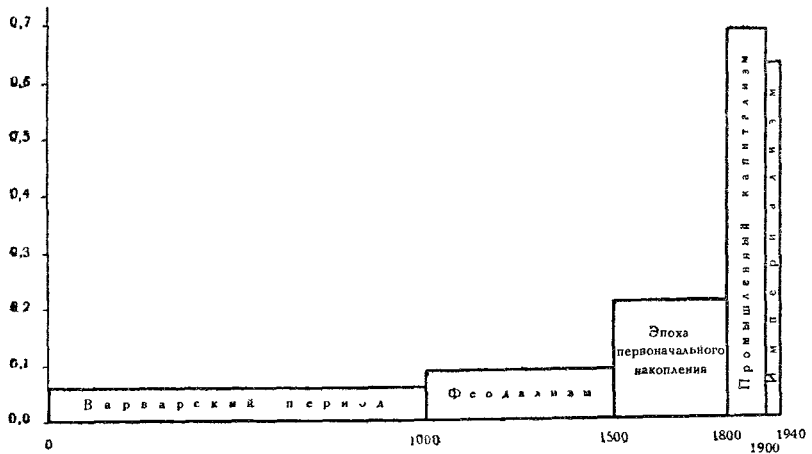

Рис. 43. Темпы роста населения Западной Европы в зависимости от общественной формации (ширина столбика пропорциональна продолжительности периода)

силами и производственными отношениями, характеризуя тем самым упадок и увядание. Именно на этой фазе своего исторического развития в Западной Европе наблюдается понижение темпов: мы видим столбик меньшей величины, чем предыдущий.

Но приведенный график еще не дает достаточно точной картины. Обилие демографических материалов за последние полстолетия позволяет сделать более подробный анализ темпов роста населения Западной Европы.

Если представить на графике погодные темпы роста населения Западной Европы за последние 60 лет, то кривая получит такой вид¹:

¹ Данные за 1900—1938 гг. взяты на основе наших собственных расчетов. Данные за 1880—1899 гг. взяты у Сундберга, однако ряд Сундберга относится к Европе не только без России, но и без Галиции, Буковины, Венгрии и Балкан. Отсутствие этих стран несколько снижало коэффициент естественного прироста. Для восстановления сравнимости с нашим рядом за 1900—1938 гг. мы определили среднюю разность между ними и рядом Сундберга за пятилетний период 1900—1904 гг.

Коэффициент естественного прироста населения Европы в 1900—1904 гг.

Годы	Наш ряд	Ряд Сундберга	Разность
	на 1 тыс. человек		
1900	9,8	8,7	1,1
1901	11,2	10,2	1,0
1902	11,7	11,0	0,7
1903	11,0	10,3	0,7
1904	11,3	10,4	0,9

Средняя разность составит 0,9. Эту поправку мы и ввели, прибавляя 0,9 к ряду Сундберга за 1880—1899 гг.

коэффициент
естественного прироста

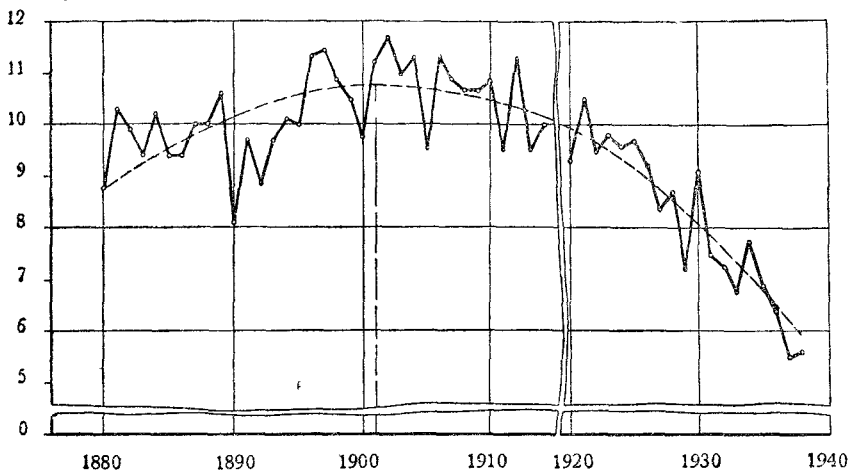

Рис. 44. Динамика коэффициента естественного прироста Западной Европы за 1880—1938 гг. (военное пятилетие 1915—1919 гг. изъято); пунктиром изображен ряд, выравненный по параболе 2-го порядка; максимальное значение функции показано линией (около 1900 г.)

Следует отметить, что военные годы (1915—1919) мы исключили со счета как нехарактерные при изучении вопроса в данной связи. Всего, таким образом, у нас получилось 54 члена ряда; так как это число четное, то точка нулевого отсчета пришлось между 1906 и 1907 гг., а x измерялся полугодовыми промежутками.

В результате выравнивания получено следующее уравнение параболы второго порядка:

$$y = 10,6 - 0,02718x - 0,00116x^2.$$

Найдя первую производную и приравняв ее нулю, легко отыскать ту величину x , при которой y приобретает максимальное значение.

Первая производная равняется:

$$y' = -0,02718 - 0,00232x.$$

Приравняем ее нулю, получаем значение x ,

$$x = -\frac{0,02718}{0,00232} = -11,7,$$

т. е. при $x \approx 12$ приобретает максимальное значение; так как взятая нами единица измерения времени равна полугодовому промежутку, а начало отсчета находится между 1906 и 1907 гг., то очевидно, что $x = 12$ соответствует моменту времени между 1900 и 1901 гг. Это — переломный момент в области динамики населения Западной Европы; начиная с этого, западноевропейский капитализм в целом вступил на нисходящий путь в смысле темпов роста населения. Наступле-

ние перелома почти совпадает со вступлением капитализма в новую фазу, фазу монополистического капитализма, ведущего за собой разрушительнейшие империалистические войны и более глубокие, чем раньше, экономические потрясения.

Таким образом, империализм означает падение темпов роста населения. Но этим еще далеко не все сказано. Выше мы уже установили, что прирост населения Западной Европы в настоящее время носит иллюзорный характер. Имеет место лишь процесс увеличения населения Западной Европы, рост населения или уже прекратился, или же прекратится в ближайшие годы. Если сейчас население Западной Европы еще увеличивается, то исключительно вследствие влияния эпохи промышленного капитализма, эпохи быстрого роста населения. Чтобы понять это, отметим, что в области демографии влияние эпох может распространяться на довольно значительные периоды времени. В данном случае кривая роста населения по отношению к кривой экономических показателей идет с опозданием почти на целое поколение. В то время как конфликт производительных сил и производственных отношений в странах Западной Европы уже 10 лет назад привел к приостановке экономического развития, увеличение населения еще продолжается и будет продолжаться лет 10 — 15 (так как вторая империалистическая война оказалась затяжной, то убыль населения начнется, конечно, скорее). Таким образом, налицо расстояние в 10—15 лет между показателями экономическими и демографическими. Лишь при изучении темпов роста населения явления деградации совпадают во времени с общим ходом экономической эволюции Европы (см. выше диаграмму и указанное на ней максимальное значение функции).

4. ТЕМПЫ РОСТА НАСЕЛЕНИЯ И ТЕМПЫ РОСТА ПРОДУКЦИИ

Для наиболее яркой иллюстрации связи роста населения со сферой материального производства интересно параллельно с цифрами темпов роста населения привести цифры темпов роста продукции. Так, Маркс в «Капитале», приведя средние ежегодные темпы роста населения в Англии по десятилетиям за 1811—1861 гг., тут же пишет: «Рассмотрим теперь, с другой стороны, рост богатства», и отмечает, что в Великобритании прирост прибыли за 1853—1864 гг. составил 50,47%, в то время как население за тот же период выросло на 12%. Далее, Маркс приводит богатейшие материалы о росте английского народного хозяйства и резюмирует это следующим образом:

«После этих немногих данных будет понятен торжествующий крик генерального регистратора...¹ английского народа: «Как ни

¹ Генеральный регистратор в Англии — это глава государственного демографического бюро. Переводчик же «Капитала» объяснил русским читателям эту должность как «представителя по гражданским делам».

быстро возрастало население, оно не поспевало за прогрессом промышленности и богатства»¹.

Для того чтобы хотя бы приблизительно установить темп роста продукции в различные эпохи, нужно специальное исследование. Поэтому мы ограничимся здесь ориентировочными расчетами.

Для эпохи феодализма имеется очень мало материалов о росте производства. Но все же о росте сельскохозяйственной продукции можно вынести некоторое суждение на основе материалов по динамике урожайности зерновых хлебов. Так, Бэверидж (Beveridge) по Англии приводит следующие цифры².

Динамика средней урожайности зерновых хлебов в пяти английских поместьях за 1200—1450 гг.

Г о д ы	В квартерах на 1 акр			То же в относительных величинах		
	Пшеница	Ячмень	Овес	Пшеница	Ячмень	Овес
1200 — 1249 . . .	1,02	1,59	1,40	100	100	100
1250 — 1299 . . .	1,14	1,59	1,31	112	100	93
1300 — 1349 . . .	1,18	1,75	1,21	116	110	86
1350 — 1399 . . .	1,17	1,86	1,37	115	117	98
1400 — 1449 . . .	1,16	2,07	1,70	114	130	121

На основании этих цифр можно примерно считать, что урожайность возрастала на 9 — 10% за столетие. В целом по Европе рост урожайности был, конечно, менее этой цифры. В период XI—XV вв. сельскохозяйственная продукция всрасталала, главным образом, за счет расширения площади пашни.

В Англии, например, площадь пашни в период XI—XVII вв. возросла примерно с 9 млн акров до 11 (см стр 47) В других странах рост пашни был более значителен в результате вырубки лесов.

Например, во Франции к 1600 г. площадь пашни, по Моро де Жонэ, составляла около 40% всей территории, тогда как к 1000 г. удельный вес пашни был значительно меньше, так как тогда подавляющая часть страны была покрыта лесом. (В аббатстве Сен-Жермен де Прэ в IX в. 9/10 всей земли находилось под лесом, а к началу XVII в. по всей Франции лес вместе с залежью занимал уже меньше половины всей территории.) В других западноевропейских странах в период 1000 — 1500 гг. за счет сокращения лесной площади также произошло значительное расширение пашни, надо думать, не менее, чем в 1½ раза. Урожайность за этот период также несколько выросла. Если в английских поместьях в XIII—XV вв. урожайность возрастала на 9—10% за столе-

¹ Маркс, Капитал, т. I, стр. 519—520

² W. Beveridge, The yield and price of corn in the middle ages.—Economic Journal, 1927, May, Econ. histor. series, № 2, p. 161. Относительные величины вычислены нами.

тие, то по всей Западной Европе темп роста урожайности был раза в 2—3 медленнее. Исходя из этого, можно предположить, что за пять столетий урожайность зерновых хлебов возросла примерно процентов на 20. Вся сельскохозяйственная продукция увеличилась приблизительно в 1,8—2 раза, если учесть еще увеличение удельного веса посевов в пашне и некоторый рост продукции животноводства.

Наряду с ростом сельскохозяйственной продукции развивалась промышленность. Постепенно в быт проникали новые продукты ремесленного производства; потребности, хотя и в очень ограниченной степени, стали удовлетворяться полнее, разнообразнее. Постепенно улучшалась одежда, появлялась посуда, улучшались жилые помещения. Увеличивался слой ремесленников и торговцев. Все это говорит о том, что в период 1000 — 1500 гг. имел место рост душевого производства.

В эпоху первоначального накопления рост производства продолжался. Рост сельскохозяйственной продукции в этот период происходил в значительной степени за счет повышения урожайности. О росте урожайности зерновых культур имеются прямые указания по ряду стран. Так, Скальвейт (Skalweit) пишет о значительном росте урожайности в Англии в период XVI и XVII столетий¹. Рост урожайности в Англии в период 1500—1800 гг. можно представить в следующих цифрах. По Скальвейту, средняя урожайность зерновых хлебов в Англии в XIII в. равнялась 6—7 ц с 1 га². По приведенным выше материалам Бэвериджа, урожайность в XV в. была по пшенице 6,23 ц с га, по ячменю—10,37, по овсу — 6,10, в среднем 7 — 8 ц с га, т. е. несколько выше цифр Скальвейта. К началу XIX в. урожайность зерновых хлебов в Англии выражалась в гораздо более высоких цифрах; Скальвейт говорит о 15 ц с 1 га, имея в виду урожай выше среднего³; в среднем же надо считать, что для Англии начала XIX в. урожай зерновых достигал 13 — 14 ц с га, что дает 75 — 85% прироста за период 1500 — 1800 гг.

Материалы о росте урожайности в период XVI—XVIII вв. имеются также и по Германии. По имению Schmatzfeld средний урожай-сам за пятилетие 1552 — 1557 гг. выражался в следующих цифрах⁴:

Пшеница	— 3,52
Рожь	— 3,68
Ячмень	— 4,62
Овес	— 3,92

Простая средняя дает 3,93.

¹ Skalweit, B., Die englische Landwirtschaft. Entwicklung, Betrieb, Lage mit Berücksichtigung der Volkswirtschaftlichen Bedeutung, Berlin 1915, S. 35.

² См. *ibid.*, S. 35.

³ См. *ibid.*, S. 45.

⁴ См. Alexander Backhaus, Entwicklung der Landwirtschaft auf den gräflich Stolberg-Vernigerödischen Domänen. Beitrag zur Geschichte der Landwirtschaft auf Grund archivalischen Materials. Jena 1888, S. 204.

По имениям монастыря Preetz в 1551—1576 гг. урожай-сам был следующий¹:

И м е н и я	Урожай-сам	
	Рожь	Овес
Vorwerk	4,1	4,9
Schönderg	3,1	2,8
Neuwühren	3,3	2,0
В среднем	3,5	3,2

В среднем по овсу и ржи урожай-сам равнялся 3,35.

Несколько более высокий урожай (вследствие преобладания овса) был в имениях Rundhof u. Drüllt²: в 1610 г.—3,40, в 1611 г.—4,35, в 1612 г.—3,80, в среднем за 3 года —3,84.

Сходные цифры дает также Киус (Kiус)³ по имениям Weimar, Bachstedt и Cöttendorf в Тюрингии за 1518—1564 гг.

Культура	Количество лет наблюдения	Средний урожай-сам
Рожь	21	2,41
Пшеница	10	4,42
Смешанная зерн. культура	18	4,81
Ячмень	31	4,53
Овес	32	4,15
В среднем		4,06

Эти материалы особенно ценны тем, что средняя вычислена на основе многолетних записей.

Сведем полученные материалы:

Именья	Средний урожай-сам
Schmatzfeld	3,93
Монастырь Preetz	3,35
Rundhof u. Drüllt	3,84
Weimar, Bachstedt, Cöttendorf .	4,06
В среднем	3,80

Таким образом, мы получаем, что в XVI в. средний урожай-сам

¹ См. Schmidt, Agrarhistorischen Untersuchungen über Ostholstein. Цит. по кн. Wagner P., Die Steigerung d. Rotherträge in der Landwirtschaft im Laufe des XIX Jahrhunderts. Jena 1896, S. 28.

² См. Georg Hannsen, Zur Geschichte norddeutscher Gutswirtschaft seit Ende des 16. Jahrhunderts. «Agrarhistorische Abhandlungen», B. I, Leipzig 1880, S. 403—404.

³ См. O. Kiус, Die thüringische Landwirtschaft im 16. Jahrhundert. Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik, Erste Folge, 1864, B. 3, S. 144.

в немецких поместьях равнялся примерно 3,8. Учитывая, что сельское хозяйство в этих имениях велось более рационально (об этом говорит также и сам факт ведения записей), можно предположить, что средний уровень урожайности за 1500 г. по стране в целом выражался в цифре урожай-сам 3,5.

К 1800 г. урожай-сам в Германии равнялся 4,92¹. Таким образом, за период 1500—1800 гг. урожайность в Германии, если нормы высева считать неизменными, выросла на 40%.

Сельскохозяйственный прогресс за период 1500—1800 гг. был особенно заметен, помимо Англии и Германии, также в Голландии, скандинавских странах, отчасти во Франции. В остальных странах Западной Европы рост урожайности за эти три столетия выражался в несколько более скромных цифрах. Исходя из этого, можно считать, что по всей Западной Европе в целом рост урожайности за XVI, XVII и XVIII вв. выражался примерно в 30—35%.

Но рост урожайности не был единственным источником роста сельскохозяйственной продукции в эту эпоху. Большую роль играло также и постепенное сокращение площади пара, которая к началу XVI в. была еще очень велика. Например, Моро де Жонэ в своих расчетах стоимости сельскохозяйственной продукции исходит из того, что во Франции в 1610 г. посевная площадь под хлебами составила 6 150 тыс. га, а под паром 12 300 тыс. га, т. е. в 2 раза больше². Это создавало большие возможности роста продуктивной площади: в действительности, увеличение сельскохозяйственной продукции в XVIII в. во Франции происходило в большей мере за счет роста посевов, нежели за счет роста урожайности³.

Третий источник роста сельскохозяйственной продукции — расширение площади пашни, также имел место. В некоторых странах (например, в Пруссии в XVIII в.) проводилась довольно интенсивная мелиоративная деятельность. Помимо этого, площадь пашни расширялась за счет продолжающейся вырубki лесов. Правда, в этом отношении возможности уже не были значительны, так как в XVI в. появляются законодательные мероприятия по охране лесов, запрещающие вырубку (см. стр. 202)⁴.

¹ Цифра относится к Пруссии, но ее можно считать характерной и для Германии в целом; взята из нашей работы «Темп и факторы эволюции урожайности зерновых хлебов в Германии» (неопубл.), исчислено по материалам книги: L. K r u g, Betrachtungen über den Nationalreichtum des preussischen Staats und über den Wohlstand seiner Bewohner, Berlin 1805, B. I, u. II.

² См. А. Moreau de Jonnés, Etat etc., p. 52.

³ Посевная площадь под хлебами во Франции в конце XVII в., по Вобану, составляла 11,6 млн. га, в конце XVIII в., по Лавуазье, — 14,4 млн. га. См. А. Moreau de Jonnés, Statistique de l'agriculture de la France, Paris 1845, p. 45.

⁴ В Восточной Европе картина была совсем иная: там, наоборот, в период 1500—1800 гг. в области урожайности вряд ли были значительны успехи, зато возможности экстенсивного развития земледелия были очень велики: вырубка лесов позволяла расширять пашню. В качестве иллюстрации можно привести

Указанные три источника роста зерновой продукции позволили увеличить ее объем примерно в 2 раза.

Помимо зерновой продукции, надо еще учесть рост численности скота¹ и улучшение его породы. В Англии, например, средний убойный вес крупного рогатого скота в 1500 г. равнялся 145,5 кг, а в 1795 г.—362,9 кг; средний убойный вес овцы в 1500 г. был 12,75 кг, а в 1795 г.—36,3 кг².

Отметим еще, что на эту же эпоху приходится развитие плодоводства. В XVII в. плодоводство получило большое распространение в Нидерландах, в то время как в Германии на крестьянских усадьбах сеяли хлеб и почти не было фруктовых деревьев. В XVIII в. плодоводство в Пруссии сделало большие успехи: к концу столетия имелось 15 142 тыс. плодовых деревьев, т. е. 2 711 деревьев на 1 кв. географическую милю³.

В общем, основываясь на всем приведенном материале, можно предположить, что сельскохозяйственная продукция в Западной Европе за XVI—XVIII вв. возросла не менее чем в 2,5 раза.

Рост промышленности происходил более быстрым темпом. Об этом можно судить по материалам о добыче меди и выплавке чугуна.

Добыча меди⁴ возросла с 5 тыс. т в 1600 г. до 12 тыс. в 1700 г., 14 тыс. в 1750 г. и 20 тыс. т в 1800 г. В среднем за 1600—1800 гг. получается 0,70% роста в год.

Выплавка чугуна в период 1500—1800 гг. выражалась в следующих цифрах⁵ (см. табл. на стр. 398).

За вычетом США производство чугуна возросло за 1500—1800 гг. с 60 тыс. т до 460 тыс. т, что дает 0,68% роста в среднем в год, а в том числе за период 1500—1700 гг. всего 0,28% в год.

О росте душевого потребления говорит также факт внедрения новых товаров. С начала XVI в. в Испании начинается по-

материалы по Орловскому уезду (см. Павел Смирнов, Орловский уезд по писцовой книге 1594—1595 гг., Киев 1910, стр. 159).

Угодья	Структура земельных угодий (в %)	
	в конце XVI в. в конце XVIII в.	
Пахотнспособная земля	34,4	74,8
Сенокос	2,4	9,2
Лес	63,2	16,0
	100,0	100,0

Приведенные цифры свидетельствуют о значительном росте посевных площадей в центральной части России за XVII и XVIII вв.

¹ Особенно значительный рост был в Пруссии в XVIII в. В середине века в нескольких прусских провинциях было 661 тыс. голов рогатого скота, а в конце века—1 048 тыс. голов; соответствующие цифры по овцам: 5 220 тыс. голов и 6 033 тыс. голов. (Исчислено по Behre, op. cit., S. 465—468.)

² См. Skalweit, op. cit., S. 35, 40.

³ См. Behre, op. cit., S. 242.

⁴ См. Sundbarg, Aperçus etc, p. 298.

⁵ См. Mulhall, Dictionary of Statistics, p. 332.

Выплавка чугуна за 1500—1800 гг. (в тыс. т)

Г о д ы	Велико- британия	Франция	Германия	США	Прочие страны	Итого
1500	6	12	5	—	37	60
1700	12	22	10	—	60	104
1740	20	26	18	1	92	157
1790	68	40	30	30	110	278
1800	190	60	40	40	130	460

трение какао, к середине XVII в. получает распространение кофе, а в конце XVII в.—чай. В XVI—XVII вв. распространяется культура табака. Потребление пряностей также значительно возросло. Если к концу XV в. в Кельне в среднем в год продавалось не более 10 т пряностей, а венецианцы покупали в Александрии в XV в. по 210 т перца ежегодно, то в начале XVI в. в Лиссабон стало поступать ежегодно до 7 тыс. т пряностей¹. С XVI в. распространяется потребление сахара. Наряду с этим сильно развивается текстильная промышленность, растет международный товарооборот. По расчетам Зомбарта, он увеличился с 1,2 млрд. марок в начале XVIII в. до 2 млрд. в конце того же столетия², что дает 0,51% в год. Мировые запасы золота возрастали за период 1600—1800 гг. на 0,60% в год, а серебра на 0,68%.

В общем, можно считать, что в эпоху первоначального накопления цифра ежегодного роста промышленного производства в Западной Европе приближалась примерно к половине процента в год.

В отношении XIX в. средний ежегодный темп роста производства может быть определен точнее.

Подробные исследования темпов роста были сделаны Вагенфюром (Wagenführ)³. Вагенфюр исчислил для Германии в 1860—1913 гг. средний ежегодный темп роста для сельскохозяйственной продукции — 2,5%, для промышленной продукции — 3,8%. По Англии, согласно вычислениям Вагенфюра, среднегодовой рост промышленной продукции в 1860—1913 гг. немного превышал 2%, по Франции — около 2,5%, по Италии — свыше 4%. В среднем для всей Западной Европы за период 1800—1900 гг. темп роста промышленной продукции можно считать равным 3% в год. Темпы роста сельского хозяйства были значительно ниже темпов роста промышленности. Урожайность зерновых хлебов в Германии в 1800 г. равнялась 7,8 ц с га, а в 1900 г. — 16,3 ц с га,

¹ См. Щеголев, Очерки по истории Западной Европы XVI—XVII вв., Л. 1938, стр. 38.

² См. Sombart, W., Die internationalen Wirtschaftsbeziehungen im Zeitalter des Frühkapitalismus, vornehmlich im 16, 17 und 18. Jahrhundert. «Weltwirtschaft. Archiv», 1917, В. II, S. 13.

³ Wagenführ, Ralf, Entwicklungstendenzen der deutschen und internationalen Industrieproduktion 1860 bis 1932. Vierteljahrshefte zur Konjunkturforschung. Sonderheft 31, Berlin 1933, S. 12 und 18.

это дает 0,7% роста в год; во Франции урожаи зерновых и картофеля за XIX в. возросли не более чем наполовину, т. е. по 0,4% в год. Посевные площади в Германии возросли на 43%¹, во Франции на 20%. Значительно возросло животноводство. Всего, по расчетам Рибарка, сельскохозяйственная продукция Германии за XIX в. увеличилась на 212%², что дает 1,14% роста в год. В целом же сельское хозяйство Западной Европы в XIX в. развивалось слабее, чем в Германии. Если исходить из цифр, даваемых Мэлхоллом³, то за 1820—1887 гг. среднегодовой темп роста продукции зерновых по Европе в целом равнялся 1,04%, вина—0,36, картофеля—1,89, мяса—0,70%. Средневзвешенный индекс дает примерно 0,96% в год; в 1800—1820 гг. рост сельскохозяйственной продукции был меньше, чем в последующие десятилетия, поэтому можно считать, что прирост сельскохозяйственной продукции за все столетие приближался к 0,9% в год.

В эпоху империализма рост производства происходил весьма неравномерно. В период 1900—1913 гг. имел место значительный рост производства, в известной степени связанный с подготовкой к первой империалистической войне. В целом к началу войны уровень промышленного производства в Европе был на 40—45% больше, чем в начале века. Затем наступили годы мировой войны и послевоенных кризисов, от которых Европа стала опрятьваться к середине 20-х годов; лишь в период 1924—1929 гг. наблюдался некоторый подъем. Уровень промышленной продукции в 1929 г. превысил довоенный в целом по Западной Европе на 20%. Дальше—период экономического кризиса; уровень продукции непрерывно падал до 1933 г. В период 1933—1937 гг.—вновь полоса оживления, связанная с подготовкой ко второй империалистической войне. Однако рекордный уровень 1929 г. превзойден (в отношении промышленности) только по отдельным странам (Германия, Венгрия, Румыния, скандинавские страны). В целом по Западной Европе уровень промышленной продукции 1929 г. до сих пор не достигнут на несколько пунктов.

По сельскохозяйственной продукции расчет роста можно представить в следующем виде: за 1900—1913 гг. сельскохозяйственная продукция Западной Европы возросла примерно на 15%. За период 1913—1927 гг. никакого роста не было, к 1927 г. сельское хозяйство Западной Европы лишь достигло довоенного уровня; за 1927—1938 гг., по данным индекса Лиги наций, сельскохозяйственная продукция возросла на 19%⁴.

Суммируя все приведенные материалы, производим следующее сопоставление:

¹ См. Joseph Rybark, Die Steigerung der Produktivität des deutschen Landwirtschaft im neunzehnten Jahrhundert. Berlin, Parey, 1905, S. 20.

² Ibid., S. 55.

³ Mulhall, op. cit., p. 12.

⁴ Annuaire statistique de la Société des Nations, 1938/39, p. 177.

Сравнение роста населения с ростом продукции

Периоды	Средние ежегодные темпы роста (в %)		
	населения	сельско-хозяйственной продукции	промышленной продукции
Феодализм	0,09	0,12	. . .
Первоначальное накопление	0,22	0,3	0,5
Промышленный капитализм	0,69	0,9	3,0
Империализм	0,64	0,7	1,3

Таким образом, убыстрению в области численности населения соответствовало еще большее убыстрение в области производства. В результате этого процесса уровень душевого производства в частаящее время во много раз выше, нежели уровень душевого производства в эпоху феодализма.

Однако в эпоху империализма положение меняется. Темпы роста производства понижаются и начинают приближаться к темпам роста населения, так как накопление противоречий внутри капиталистической системы подрывает возможности развития. Сбывается то, о чем писал Маркс, заканчивая III отдел III тома «Капитала»: «Огромная по сравнению с населением производительная сила, развивающаяся при капиталистическом способе производства, и возрастающие капитальные стоимости (не только их материального субстрата), которые увеличиваются хотя и не в такой пропорции, но все же быстрее, чем население, противоречат все более суживающейся, по сравнению с ростом богатства, основе, для которой действует эта огромная производительная сила, и условиям увеличения стоимости этого все нарастающего капитала. Отсюда кризисы»¹.

Для того чтобы дать более яркое представление о связи роста населения с характером общественной формации, мы считаем важным остановиться на специальном изучении наиболее ярких периодов в истории отдельных стран, выбирая периоды, переходные от одной формации к другой. При выборе этих периодов мы были связаны наличием соответствующей статистики. Поэтому мы взяли только Англию в эпоху промышленной революции.

5. РОСТ НАСЕЛЕНИЯ В ПЕРЕЛОМНЫЙ МОМЕНТ ХОЗЯЙСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

История населения Англии в XVIII в. представляет собой большой интерес для всякого, интересующегося вопросом связи экономических и демографических процессов. Известно, что Англия раньше всех остальных стран пошла по пути капиталистического развития. Маркс чаще всего брал именно Англию для своих иллюстраций, рассматривая ее как классическую

¹ Маркс, Капитал, т. III, 1938, стр. 240.

страну капитализма. XVIII же век в истории Англии характеризуется знаменитой «промышленной революцией», означавшей переходом в экономической структуре страны. Маркс указывает, что мануфактурный период в Англии длился до последней трети XVIII в. Могильщиками его являются знаменитые технические изобретения, которые привели к замене ручного труда машиной и к замене водяного колеса паровой машиной. В конце XVIII в. Англия вступила в эпоху промышленного капитализма.

Дерби получает кокс из угля, в 1763 г. Уатт дает усовершенствованную паровую машину, в 1766 г. в Англии появилась первая доменная печь, в 1790 г. часовой мастер Гунтсман находит способ стального литья. Наряду с успехами в металлургии и энергетике идет усиленный процесс внедрения машин в текстильную промышленность: часовщик Кэй изобретает челнок-самолет, Люис — кардование шерсти, в 1762 г. Пиль создает кардную машину, в 1764 г. ткач Харгривс — прядильную машину «Дженни». Три года спустя цирюльник Аркрайт изобретает ватерную машину, а в 1775 г. Кромптон изобретает мюль-машину; в 1785 г. паровая машина вводится в прядильное производство. В следующем году сельский священник Картрайт изобретает механический ткацкий станок¹. Кроме этого, отметим еще изобретения И. Веджвуда в области гончарной промышленности (1763 г.), изобретение тюлевой машины, а вскоре затем и кружевной машины. Этого краткого перечня достаточно, чтобы убедиться в том, что XVIII век является переломным в хозяйственной истории Англии.

Изобретения привели к бурному росту промышленности. Если в 1771—1775 гг. в Англию ввозилось 5 млн. ф. сырого хлопка, то в 1841 г. было ввезено 528 млн.; если в 1721 г. в западном округе Йоркшира было произведено 75 тыс. кусков шерстяной ткани, то в 1817 г. уже 490 тыс.; добыча железа в 1740 г. составляет 17 тыс. т, а в 1834 г.— 700 тыс. т. Характеристикой промышленности революции может служить также число патентов: если в XVII в. выдавалось в среднем 3—4 патента в год, то с первой половины XVIII в. это число возросло до 8, в 1761—1770 гг.— до 22, в 1771—1780 гг.— до 30, в 1781—1790 гг.— до 57, в 1791—1799 гг.— до 69, а в 1801—1810 гг.— до 94.

Наряду с «промышленной революцией» произошли существенные изменения в области сельского хозяйства. Тойнби называет даже эти изменения аграрным переворотом². Произошел процесс замены мелких ферм крупными, огораживание общинных земель приняло огромные размеры. Плодосменная система приобрела широкое распространение, порода скота была значительно улучшена. В области сельскохозяйственных орудий также были заметные сдвиги. Наряду с преобладающим тогда деревянным плугом в конце века появляются паровые плуги. В этом же

¹ См. А. Сарториус-Вальтерхауен, Хронологические вехи экономической истории, «Сеятель», 1926, стр. 90—91.

² См. Тойнби, цит. соч., стр. 129.

столетии приобрел известность знаменитый норфолькский севооборот из турнепса, ячменя, клевера и пшеницы, который представлял собой крупный шаг вперед в деле развития и пропаганды агрономических знаний.

Каковы же были демографические процессы в эту эпоху? Теоретически говоря, исходя из изложенных в начале этой части предпосылок, мы вправе ожидать, что изменение способа производства и рост производительных сил в Англии XVIII в. должны были привести к ускорению роста населения. Как же было в действительности? Посмотрим на цифры динамики населения Англии и Уэльса:

Население Англии и Уэльса (в млн. человек)

Г о д ы	Численность населения	Абсолютный прирост за столетие
1500	3,6	0,7
1600	4,3	1,5
1700	5,8	3,4
1725	6,0	
1750	6,3	
1775	7,6	
1800	9,2	

Оказывается, что динамика населения Англии полностью подтверждает наши предположения. В XVI и XVII вв. средний темп роста населения был равен примерно 0,2—0,3% в год. В начале XVIII в. рост тоже был незначителен, и лишь в конце XVIII в. он круто пошел вверх, приближаясь к 1% в год; это — непосредственный результат промышленной революции.

Более подробные данные о динамике населения Англии в XVIII в. приводит Гриффитс¹. Свой ряд Гриффитс получил в результате переработки и исправления цифр, опубликованных Рикманом (о нем см. в части III; ряд Гриффитса см. на стр. 403).

Приведенные цифры как нельзя более наглядно показывают влияние промышленной революции. В первые десятилетия века прирост населения выражался в очень скромных цифрах; в 1720—1730 гг. население даже сократилось, что Гриффитс объясняет высокой смертностью в результате злоупотребления алкоголем. За весь период 1700—1740 гг. население возросло всего на 177 тыс., в то время как за следующее сорокалетие оно увеличилось на 1 468 тыс. человек, т. е. почти в 9 раз. Наконец, за последнее двадцатилетие века абсолютный прирост населения составил 1 587 тыс. человек, т. е. рост опять в 2 раза больший, чем за предыдущий период. В последнее пятилетие XVIII в. абсолютный прирост населения превысил 100 тыс. человек в год — цифра для Англии совершенно неслыханная. Недавно именно в это пятилетие и именно в Англии появляется со-

¹ См. Griffith, op. cit., p. 18.

Население Англии и Уэльса (в тыс. человек)

Г о д ы	Абсолютная численность	Абсолютный прирост за десятилетие	В среднем в год	° роста за десятилетие
1700	5 835			
1710	6 013	178	18	3,0
1720	6 048	35	3	0,6
1730	6 008	— 40	— 4	— 0,7
1740	6 013	5	0,5	0,1
1750	6 253	240	24	3,9
1760	6 665	412	41	6,6
1770	7 124	459	46	6,9
1780	7 581	457	46	6,4
		за пятилетие		за пятилетие
1785	7 826	245	49	3,2
1790	8 216	390	78	5,0
1795	8 656	440	88	5,3
1801	9 168	512	102	5,9

чинение, направленное против роста населения (книга Мальтуса была издана в 1798 г.). В связи с ростом населения надо указать на применение детского труда. Вскоре после изобретения машин дети наполнили английские текстильные фабрики. 10, 20, 25 детей на одного взрослого рабочего было обычным явлением. В Ланкашире на одного взрослого рабочего приходилось 55 детей, работающих на фабрике, в Дембертоне — даже 60. «Промышленники прибегали к работе детей вовсе не потому, что чувствовался недостаток во взрослых рабочих: напротив, в то время, как слабый детский организм уродовался на фабричной работе, взрослые оставались дома без дела и напрасно искали работы. Применение детского труда сберегало владельцам заводов треть расхода на заработную плату. «Доход на капитал, — восклицает в ужасе Фильдон, — покупается ценой смерти детей: наше промышленное процветание основывается на детоубийстве». Из числа 4 тыс. детей, поступивших на английские фабрики в начале этого столетия, только 600 достигли 30-летнего возраста»¹. Лишь спустя много лет после начала применения детского труда английское законодательство вступило на путь его ограничения.

Нетрудно уяснить себе причины быстрого роста населения в результате промышленной революции. Развитие промышленности вызвало большую нужду в рабочей силе; с другой стороны, продолжался процесс экспроприации, обезземеления крестьян, который привел к бегству их из деревни в город. Таким путем совершался «..исторический процесс отделения производителя от средств производства»². Проблемы дробления участка в рабочей семье не существует. Это ведет к ранним бракам, высокой плодовитости и т. д. Аналогичный процесс совершается и

¹ Нитти, Народонаселение и общественный строй, стр 237—238.

² Маркс, Капитал, т. I, стр. 573.

в том случае, если кадры пролетариев пополняются ремесленниками; всякие ограничения цехового строя отпадают, и это сильно способствует раннему обзаведению семьей.

* * *

Приведенные исторические иллюстрации показывают, что период домонополистического капитализма характеризуется ускорением темпов роста населения. С другой стороны, нетрудно привести иллюстрации того, как переход капитализма в его последнюю фазу, в фазу монополистического капитализма, сопровождается замедлением темпов роста населения. Катастрофическое падение рождаемости, о котором мы уже говорили в части V, неминуемо должно привести к полной приостановке роста

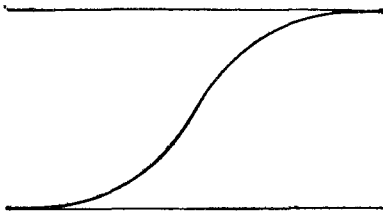

Рис. 45. Логистическая кривая

населения, а затем к его убыли. Некоторые страны уже теперь вступили на путь абсолютной убыли населения. Вторая империалистическая война еще более ускорит этот процесс. Прекращение роста населения Западной Европы является одним из ярчайших симптомов переживаемого кризиса ка-

питалистического строя. Производительные силы должны разорвать оковы и создать новые производственные отношения, которые обеспечат рост и процветание человечества, не нарушаемые никакими войнами, кризисами и т. д.

В ту пору, когда Ленин писал свою книгу об империализме, в области демографии еще не было почти никаких указаний на деградацию. Падение рождаемости, правда, началось еще задолго до войны, но оно компенсировалось соответствующим падением смертности. Последние 10—20 лет дали подтверждение ленинского прогноза: капиталистическая система обнаруживает неспособность обеспечить даже простое воспроизводство главной производительной силы — человека.

Некоторые буржуазные демографы пытаются спасти демографическое «лицо» капитализма. С этой целью разрабатываются теории, объясняющие падение темпов роста населения имманентным законом развития человечества. Пэрль выставил теорию циклического роста населения в зависимости от определенных культурных эпох и общественных формаций. Согласно его теории население каждой страны имеет строго математический закон роста. Этот закон роста выражается и в виде так называемой логистической кривой. Сущность закона роста по этой кривой заключается в том, что абсолютные приросты непрерывно повышаются, в некоторой точке достигают максимума и затем начинают систематически снижаться, вплоть до нуля, когда, следовательно, наступает полная приостановка роста населения.

Общий вид этой кривой следующий (см. рис. 45).

Но этим теория Пэрля не ограничивается. Пэрль полагает, что логистическая кривая охватывает лишь некоторый цикл роста населения, соответствующий определенной общественной формации. С переходом к новой общественной формации динамика населения вновь начинает воспроизводить эту же кривую.

Здесь Пэрль, собственно говоря, дает математическое выражение теориям Листа и Дюринга, отстаивающих определенную емкость населения каждой ступени производства. Между прочим, Пэрль на них не указывает.

Графически эту теорию можно представить в следующем виде (см. рис. 46).

Согласно этой теории затухание темпов роста современного капитализма является естественным результатом хода исторического развития. Капитализм никакой убыли населения не даст. Максимум того, что может быть, это прекращение роста населения, т. е. вступление в длительный период стационарного населения. Здесь Пэрль становится в противоречие со своей собственной теорией. Согласно его теории, вслед за наступлением периода стагнации человечество должно вступить в новый период, в новый общественный строй, который обеспечит бы дальнейший рост населения хотя бы по логистической кривой. Но у Пэрля об этом ничего не сказано. Наоборот, он определенно указывает, что верхняя асимптота его кривой—

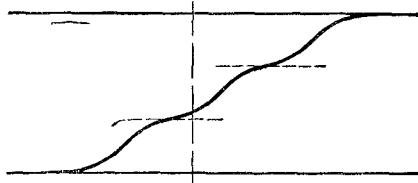

Рис. 46. Многоциклическая логистическая кривая

это предел численности населения данной страны, и обосновывает этот предел ссылками на земельные ресурсы, максимально возможную калорийность пищевых продуктов и т. д. Таким образом, по теории Пэрля, капитализм — это «венец творения» человеческой культуры, за которым никакого другого общественного строя не должно последовать, хотя вся идея его многоциклического развития населения исходит из противоположного. Из этого видно, что Пэрль берет лишь одну сторону своей теории; от другой же стороны он в этом случае отказывается.

6. СВЯЗЬ ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В УСЛОВИЯХ КАПИТАЛИЗМА

Выше мы установили, что приход капитализма означает ускорение темпов роста населения и увядание его означает затухание этих же темпов. Теперь попытаемся наметить механизм процессов, приводящих к таким результатам.

Исходное звено — способ производства материальных благ. Накопление производственного опыта и технических знаний

привело в конечном счете к промышленной революции, к необычайному росту промышленности. Рост промышленности вызвал большой спрос на рабочие руки. Так как операции промышленного рабочего, поставленного у какого-нибудь станка, не требовали большой физической силы, то появилась возможность использовать труд детей. «Поскольку машины делают мускульную силу излишней, они становятся средством для того, чтобы применять рабочих без мускульной силы или с недостаточным физическим развитием, но с более гибкими членами»¹.

Этим капиталисты очень скоро воспользовались, и тысячи детей были привлечены на фабрики, работая до изнеможения за нищенскую плату. Подобный широкий спрос на детский труд привел к тому, что содержание детей родителям несколько облегчалось. Это, конечно, стимулировало к раннему вступлению в брак, что влекло за собой большое количество детей в семье. Если ремесленник, стесненный цеховым уставом, иногда женился поздно, если крестьянин, озабоченный наличием клочка земли, довольно часто откладывал свой брак, то промышленный рабочий не знает ни того, ни другого. Отсюда понятно, что рост промышленности, означающий в то же время рост промышленного пролетариата, сопровождался ростом рождаемости. Кроме того, значительную роль играло снижение смертности. Снижение смертности было непосредственным результатом резкого сокращения смертности от инфекционных заболеваний, главным образом, в детском возрасте. Падение смертности и рост рождаемости привели к увеличению темпов роста населения. И действительно, XIX век в истории Европы характеризуется небывалой интенсивностью размножения населения. Бывали отдельные годы, когда ежегодный прирост населения превышал 1% для всей Европы в целом.

Однако постепенно положение дел начинает меняться. Капитализм зрелый превращается в капитализм увядающий, жизненная сила строя начинает гаснуть. В чем причина этого нового явления? В основе этого лежит нарастание антагонизма между производительными силами и производственными отношениями. Капитализм вызвал к жизни колоссальные производительные силы, создал совершенную техническую базу, но дать этим производительным силам гармоническое развитие, использовать эту техническую базу наиболее рационально и продуктивно, с этим он справиться не может.

Промышленность не только не впитывает в себя новые кадры пролетариата, но и выбрасывает старые. Массовая безработица в капиталистических странах носит уже не конъюнктурный, а структурный характер. Это отчетливо проявилось в последнее время, в период общего кризиса капиталистической системы. В США, несмотря на оживление в промышленности в связи с войной в Европе, безработица сравнительно мало уменьшилась,

¹ Маркс, Капитал, т. I, стр. 299.

в Англии наступление войны вызвало лишь падение безработицы, но не ее исчезновение.

Войны, являющиеся прямым порождением капиталистической борьбы за рынки, за раздел мира, в эпоху империализма учащаются все более и более. Европа еще не успела забыть кровопролитнейшую войну 1914—1918 гг., как разразилась новая война.

Войны и безработица отнимают жизненные импульсы у населения, разрушают семью, понижают воспроизводительную способность общества. Кроме того, большую роль играют изменения в структуре пролетариата. Детский труд в результате законодательного запрещения и распространения всеобщего обучения значительно сократился. Вместе с этим отпала и крупнейшая «премия» за плодovitость. Вместо детского труда большое распространение приобрел женский труд. Частая безработица главы семьи, либо недостаточный его заработок стимулирует вовлечение остальных членов семьи, и в первую голову женщин, в производство. Империалистические войны, вовлекающие женщин в производственную деятельность на смену мужчинам, ушедшим на фронт, сильно ускорили внедрение женского труда. В условиях капитализма вовлечение женщин в производство означает колоссальный удар по плодovitости нации. При отсутствии яслей, социального страхования, бесплатной врачебной помощи и т. д. женщина-работница поставлена в такие условия, при которых она предпочитает уклониться от своих материнских функций. Таким образом, если детский труд на заре капитализма создавал стимулы к росту плодovitости, то женский труд в эпоху заката капитализма приводит к падению плодovitости, к резкому сокращению рождаемости.

Наряду с падением рождаемости империалистическая фаза капитализма приводит и к росту смертности. Фордизация и тейлоризм, непомерно увеличивая интенсивность производственного процесса, приводят к преждевременному изнашиванию организма рабочего. Безработица действует в этом же направлении, сокращая потребление и снижая общий уровень жизни.

Все это, вместе взятое, неумолимо приводит к деградации, к тому, что рождаемость опускается ниже уровня смертности.

Правительства многих стран, сознавая опасность депопуляции, принимают различные законодательные мероприятия, пытаясь спасти страну от вымирания. Однако введение разного рода семейных надбавок к зарплате не дало нужного эффекта. Во Франции незадолго перед второй империалистической войной был даже образован специальный Комитет по увеличению населения, и доклад его рассматривался в кабинете министров. Однако законодательные меры в области поощрения численности населения не могут заменить закономерный ход явлений, вытекающий из самого характера производственных отношений. Очевидно, что законодательными мерами в отдельных случаях можно замедлить или ускорить тот или иной демографический процесс, но в создании перелома в динамике населения решаю-

щее значение принадлежит сложившимся социально-экономическим условиям.

В предыдущем изложении в большей степени имелось в виду городское население. Но на общий ход динамики населения в капиталистических странах влияют также и процессы внутри крестьянства.

Демографические процессы среди крестьянского населения в значительной степени связаны с формами землевладения. Господство частной собственности на землю, как правило, способствует падению рождаемости. Крестьянство, владеющее небольшим участком земли на правах собственности, избегает дробления хозяйства между своими детьми. Отсюда — стремление к небольшой семье, к регулированию деторождения, к поздним бракам¹. И наоборот, в условиях общинного владения землей при наличии частых переделов крестьяне не склонны откладывать браки, ограничивать свою семью и стеснять деторождение. Каждый дополнительный работник при переделе будет снабжен дополнительным количеством земли.

Интересно отметить, что связь землевладения с размножением видна даже и в отношении церковного землевладения. «Если, например, забота о сохранении церковного землевладения заставила католическое духовенство выдвинуть требование безбрачия, то протестантизм с конфискацией церковных имуществ делает это требование ненужным, и протестантское духовенство занимается продолжением своего рода самым интенсивным образом»².

Не только владение земельной собственностью, но и всякая частная собственность вообще способствует падению плодovitости. Отсюда падение рождаемости в кругах городской буржуазии как мелкой, так и крупной. Недаром английский экономист Торнтон (Thornton) сказал, что если бы свет был населен исключительно собственниками, он бы скоро опустел за недостатком жителей³.

Однако удельный вес городской буржуазии во всем населении невелик, и ее поведение не может оказать существенного значения на общий ход динамики населения. Гораздо важнее поведение крестьянства, которое во многих странах и сейчас еще определяет демографию страны в целом.

В России общинный порядок землевладения при наличии больших земельных просторов играл немаловажную роль в росте населения. В Западной же Европе общинное землевладение имело место в очень отдаленную эпоху. Говоря о германской общине, Маркс указывает следующее:

«Она еще не существовала в эпоху Юлия Цезаря и уже не

¹ Маршалл указывает, что во многих сельскохозяйственных местностях Европы существует обычай, приобревший силу закона и состоящий в том, что право женитьбы предоставляется только одному сыну, большей частью старшему. Если же и другой сын женится, то должен покинуть деревню (Marshall, Principles of economics, 6 ed., 1910, p. 182).

² Каутский, Собр. соч., т. XII, стр. 142.

³ Thornton, Overpopulation and its remedy, London 1846, p. 119, цит. по Нитти, Народонаселение и общественный строй, стр. 241.

существовала, когда германские племена покорили Италию, Галлию, Испанию и т. д. В эпоху Юлия Цезаря уже производился ежегодный передел пахотной земли между группами, между родами и племенами, но еще не между индивидуальными семьями общины; вероятно и обработка велась группами, сообща».

Далее, Маркс указывает, что «...община, в которой пахотная земля является частной собственностью земледельцев, в то время как леса, пастбища, пустоши и пр. остаются еще общей собственностью, была введена германцами во всех покоренных странах. Благодаря характерным особенностям, позаимствованным у ее прототипа, она в течение всех средних веков была единственным очагом народной свободы и жизни»¹.

Условия крестьянской жизни в Германии были схожи с условиями в других западноевропейских странах: частная собственность на пашню, общинная собственность на леса, выгоны, пустоши и т. д. Никаких уравнительных переделов не было; удельный вес общинной собственности постепенно уменьшался, так как она в большинстве случаев захватывалась феодалами («отгораживание» в Англии). Ограниченность земельных участков часто стимулирует к ограничению числа детей. Влияние частной собственности на землю особенно заметно было во Франции. Статистические данные показывают, что в ряде чисто сельскохозяйственных районов рождаемость была ниже, чем в северных промышленных районах. Таким образом, частная собственность на землю во Франции играет немаловажную роль в деградации французской нации.

В России история сложилась совсем иначе. В нашей стране общинное землевладение сохранилось вплоть до революции. Правда, столыпинская аграрная политика нанесла общине сильный удар, но этот удар не был смертелен. На 1 января 1915 г. лишь 22,1% общего числа хозяйств, владевших землей на общинном праве, закрепили за собой землю на началах личной собственности. Однако по отдельным губерниям этот процент значительно повышался, доходя до 63,6 в Таврической губернии. Произведенный нами анализ статистического материала о рождаемости в губерниях с высоким и низким процентом хуторян и отрубщиков позволяет высказать предположение, что если бы линия на развал общины начала проводиться царским правительством на несколько десятков лет раньше, то процесс падения рождаемости в России был бы значительно более интенсивным.

7. ИТОГИ

В противовес представлениям буржуазных экономистов и демографов о том, что рост населения принадлежит к числу внеисторических категорий и является вечным и естественным законом, Маркс установил, что рост населения определяется харак-

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. XXVII, черновой набросок письма к В. И. Засулич от 8 марта 1881 г., стр. 693—694.

тером общественной формации, определяется способом производства, уровнем развития производительных сил и характером производственных отношений

В частности для капиталистического способа производства Маркс установил свойственный капитализму закон населения на основе соотношения переменной и постоянной частей общественного капитала. Маркс показал, что с ростом органического состава капитала относительное значение переменного капитала непрерывно падает. Однако в своем абсолютном значении он возрастает, но « в постоянно убывающей пропорции»¹

Падение удельного веса переменного капитала означает относительное уменьшение поглотительной способности промышленности, относительное сокращение спроса на новую рабочую силу. Между тем население и, следовательно, предложение рабочей силы увеличиваются в определенном отношении к предыдущему уровню.

В результате этого несоответствия между ростом переменного капитала, с одной стороны, и ростом предложения рабочей силы — с другой, и возникает излишнее, или добавочное, рабочее население, которое Маркс называет резервной промышленной армией. Это относительное перенаселение объясняется, следовательно, неспособностью капиталистической системы полностью использовать все наличные производительные силы.

В эпоху феодализма связь способов производства с динамикой населения обуславливалась, главным образом, влиянием войн, голода и эпидемий, т. е. явлениями, вытекающими из самого характера феодального способа производства. Феодальные войны были прямым результатом раздробленности политической власти, характерной для феодальной эпохи. Голод являлся прямым результатом низкого уровня производительности труда в сельском хозяйстве феодальной эпохи и разрушительных влияний войн. Эпидемии являлись результатом войн и голода в сочетании с низким санитарно-гигиеническим уровнем, опять-таки определявшегося общим уровнем развития культуры, науки и техники. Таким образом, господствующее влияние смертоубийственной триады (войны, голод, эпидемии) объясняется самим характером феодализма как общественной формации, самим характером феодального способа производства. Войны, голод, эпидемии играли решающую роль в определении размеров естественного прироста населения. Некоторая часть прироста сельского населения уходила в города, таким путем в городах компенсировалась естественная убыль населения, прористекавшая из превышения смертности над рождаемостью.

В эпоху первоначального накопления в результате развития мануфактур резко увеличился спрос на рабочую силу. Возник класс наемных рабочих, возникают капиталистические производственные отношения. Однако структура общественного капитала

¹ Маркс, Капитал, т. I, стр. 501

в ту эпоху еще значительно отличалась от структуры его в XIX в

«Переменный элемент капитала сильно преобладал над постоянным его элементом. Вследствие этого спрос на наемный труд быстро возрастал при каждом накоплении капитала, а предложение наемного труда лишь медленно следовало за спросом. Значительная часть национального продукта, превратившегося позднее в фонд накопления капитала, в то время еще входила в фонд потребления рабочего»¹

Приведенных указаний достаточно для того, чтобы представить себе законы населения в начальную фазу капиталистического развития, относительное перенаселение еще не появляется в больших размерах, органический состав капитала еще слишком низок, каждое накопление капитала сопровождается новым спросом на рабочие руки

Однако с течением времени положение меняется. По мере внедрения капиталистических производственных отношений, по мере повышения органического состава капитала, по мере того как труд становится все более и более вооруженным средствами производства, по мере того как в деревне происходит процесс пролетаризации беднейшего крестьянства в результате проникновения капитализма в сельское хозяйство — по мере этого все более и более отчетливо начинает прощупываться явление относительного перенаселения

Так, например, в Англии в эпоху первоначального накопления разорение крестьянства привело к массовому бродяжничеству, пауперизму, которое соответствует той категории перенаселения, которую Маркс называл застойным «Пауперизм представляет инвалидный дом активной рабочей армии и балласт промышленной резервной армии. Производство его предполагается производством относительного перенаселения, необходимость первого — необходимостью второго, вместе с относительным перенаселением он представляет условие существования капиталистического производства и развития богатства»²

Дальнейшее развитие капитализма означало в то же время рост пауперизма, рост нищеты. XVIII век в Англии — век огромного роста капитализма и одновременно век колоссального роста пауперизма. Пособия бедным ежегодно растут и достигают размеров, которые приводят в ужас Мальтуса и вызывают его на борьбу с такой «непроизводительной» тратой денег

Особенно значительное явление относительного перенаселения стало заметно в XIX в, когда безработица приняла массовые размеры

Историко-статистический анализ показывает, что размер относительного перенаселения прямо пропорционален степени капиталистического развития.

¹ Маркс, Капитал, т. I, стр. 592

² Там же, стр. 513

Энгельс, например, писал следующее: «Если бы Мальтус не смотрел на вопрос так односторонне, он должен был бы увидеть, что избыточное население или рабочая сила всегда связана с избыточным богатством, избыточным капиталом и избыточной земельной собственностью. Население бывает слишком велико лишь там, где слишком велики производительные силы вообще. Яснее всего это показывает состояние всякой перенаселенной страны, напр. Англии, с того времени, как писал Мальтус»¹.

На протяжении столетий в Западной Европе вместе с ростом капитализма растет «избыточное» население, увеличивающее число «лишних» рабочих рук, растет безработица. Если в XIX в. в Западной Европе бурный рост капитализма не сопровождается таким же бурным ростом безработицы, то это только потому, что широким потоком разлилась заокееанская эмиграция. Когда этот «клапан» оказался закрытым, противоречия капиталистического способа производства стали ощущаться с новой силой.

В условиях империалистической фазы в развитии капитализма марксов закон населения получает свое подтверждение и расширение. Монополистический капитализм не только не поглощает возрастающее рабочее население, но даже и имеющиеся средства производства в значительной мере выключены из производственного процесса.

Замедление, а местами и прекращение роста переменного капитала должно было привести к разбуханию резервной промышленной армии. И, действительно, в большинстве капиталистических стран налицо колоссальная безработица, налицо множество «лишних» рабочих рук. Этим «лишним» рабочим рукам соответствуют неполно нагруженные средства производства. Таким образом, капиталистическая система уже неспособна найти соответствие между массой имеющегося труда и массой свободных средств производства. В результате мы наблюдаем картину относительного перенаселения, которое приняло особенно большие размеры в последнюю, империалистическую фазу капиталистического развития. Это относительное перенаселение уничтожит лишь такой общественный строй, в котором будут полностью ликвидированы противоречия между производительными силами и производственными отношениями. Таким строем является социализм.

* * *

В нашей работе мы пытались наметить основные характерные черты в динамике численности населения Европы на протяжении длительного исторического периода. При этом нас, главным образом, интересовала связь темпов роста населения со сменой общественных формаций, с влиянием способа производства.

В результате мы пришли к выводу, что темпы роста населения претерпевали значительную эволюцию, находившуюся в полном

¹ Энгельс, Очерки критики политической экономии. Сочинения Маркса и Энгельса, т. II, стр. 314.

соответствии с эволюцией хозяйственных форм: переход от одной общественной формации к другой означал в то же время смену темпов роста населения. В этом и состояла конечная цель нашей работы.

Правда, одно количественное изучение воспроизводства населения оставляет в стороне еще массу проблем, связанных с динамикой населения в различных социальных формациях. Но мы полагаем, что и изучение темпов роста может играть некоторую роль при исследовании вопросов динамики населения за длительный исторический период.

Вопросы роста населения заслуживают большого внимания. Историческое освещение их может в значительной степени облегчить понимание тех или иных социальных процессов. Поэтому история населения должна приобрести определенное значение, рассматривая ее, с одной стороны, как часть марксистской социологии, и с другой стороны, как неразрывную часть истории народного хозяйства. Надо полагать, что в ближайшем будущем вопросы динамики населения у нас приобретут большое значение и станут объектом разностороннего научного анализа.

Сводная таблица численности населения по отдельным странам Европы

Страны	Годы												
	1000	1100	1200	1250	1300	1350	1400	1450	1500	1550	1600	1650	1700
Германия	5,4	6,4	7,3	8,0	9,1	8,5	9,6	10,2	10,8	12,4	14,6	10,3	13,5
Франция	9	11	13	15	17	15	14	14	15,5	17,2	17,2	18,8	20,4
Англия и Уэльс	1,6	1,8	2,3	2,6	3,0	2,4	3,0	3,3	3,6	3,9	4,3	4,8	5,8
Шотландия	0,3	0,3	0,3	0,4	0,4	0,3	0,4	0,5	0,6	0,8	0,9	0,9	1,0
Ирландия	0,6	0,6	0,6	0,7	0,7	0,6	0,7	0,7	0,8	0,9	1,1	0,9	1,4
Италия	7	7,5	8	9	10	8	10	10,5	11,0	11,2	12,0	12,3	13,0
Испания	9	8	7	6,5	6	5	6	7	6,5	8,5	8,0	7,3	7,3
Португалия									2,0	1,6	1,4	1,5	1,9
Австро-Венгрия	5,4	6,2	7,2	8	9	8	9	10	11,5	12,2	12,8	14,2	15,5
Румыния	7	7,5	8	8	8	7	8	8	8	8,5	9,0	9,5	10,0
Сербия													
Болгария													
Греция													
Турция													
Дания	0,5	0,5	0,6	0,6	0,7	0,6	0,6	0,6	0,6	0,6	0,65	0,65	0,7
Швеция	0,4	0,4	0,4	0,5	0,5	0,4	0,5	0,6	0,65	0,75	0,9	1,1	1,5
Норвегия	0,2	0,2	0,2	0,2	0,3	0,3	0,3	0,3	0,3	0,35	0,4	0,45	0,5
Швейцария	0,4	0,4	0,5	0,6	0,7	0,6	0,7	0,7	0,75	0,85	1,0	1,15	1,3
Бельгия	0,6	0,7	0,9	1,0	1,2	1,0	1,2	1,3	1,5	1,6	1,4	1,75	2,0
Нидерланды	0,5	0,6	0,7	0,8	0,9	0,8	0,9	1,1	1,3	1,4	1,3	1,6	1,9
СССР (Россия) ²	8,5	10	11	11	11	12	13	14	15,1	17,4	18,3	18,3	21,0
Мелкие европейские государства ³	0,0	0,0	0,0	0,0	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,2	0,2	0,2
Мальта, Гибралтар, Норм. о-ва	0,0	0,0	0,0	0,0	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,2
Итого	56,4	62,1	68,0	72,9	78,7	70,7	78,1	83,0	90,7	100,4	105,6	105,8	119,1

¹ За 1000—1500 гг., а по некоторым странам и за большие периоды — цифры следует рассматривать как ориентировочные.

² Только европейская часть.

³ Люксембург, Исландия, Лихтенштейн, Монако, Сан-Марино, Андора.

а 1000—1930 гг. в неизменных границах 1914 г. (в млн. человек)¹

1725	1750	1775	1800	1810	1820	1830	1840	1850	1860	1870	1880	1890	1900	1910	1920	1930
15,7	18,9	20,0	24,3	25,8	26,3	29,5	32,8	35,4	37,7	40,8	45,2	49,4	56,4	64,3	67,3	72,0
20,4	22,0	24,1	27,3	28,2	30,0	31,9	33,4	34,9	35,7	36,8	37,5	38,3	38,9	39,5	37,0	39,5
6,0	6,3	7,6	9,2	10,5	12,2	14,1	16,0	18,1	20,2	22,9	26,1	29,2	32,4	36,1	37,6	30,6
1,1	1,2	1,4	1,7	1,9	2,1	2,4	2,7	2,9	3,1	3,4	3,8	4,1	4,4	4,7	4,9	4,9
2,0	2,3	3,2	5,5	6,1	6,9	7,8	8,2	6,6	5,9	5,4	5,2	4,7	4,5	4,4	4,2	4,2
13,9	15,2	16,7	18,1	18,4	19,0	20,9	22,3	23,9	25,1	26,7	28,3	30,5	32,8	35,3	36,2	39,3
7,6	8,4	9,3	10,5	11,0	11,5	12,1	13,2	14,4	15,7	16,3	16,9	17,7	18,6	19,9	21,3	23,6
2,3	2,6	2,9	3,4	3,5	3,6	3,7	3,8	3,9	4,1	4,3	4,6	5,1	5,4	6,0	6,0	6,7
16,9	18,3	21,0	24,3	25,1	26,8	29,6	31,4	32,6	34,8	37,5	39,2	42,9	47,2	51,4	50,1	55,4
10,4	11,0	11,6	12,2	12,8	13,7	14,2	15,0	15,8	16,2	17,4	18,4	19,9	21,4	23,3	24,9	27,6
0,75	0,8	0,85	0,9	1,0	1,2	1,3	1,4	1,5	1,7	1,9	2,1	2,3	2,4	2,7	2,9	3,3
1,4	1,8	2,0	2,3	2,4	2,6	2,9	3,1	3,5	3,9	4,2	4,6	4,8	5,1	5,5	5,8	6,1
0,6	0,6	0,75	0,9	0,9	1,0	1,1	1,2	1,4	1,6	1,7	1,9	2,0	2,2	2,4	2,6	2,8
1,4	1,5	1,6	1,75	1,8	1,9	2,1	2,2	2,4	2,5	2,7	2,8	3,0	3,3	3,7	3,9	4,1
2,2	2,4	2,7	3,0	3,2	3,5	3,8	4,1	4,4	4,7	5,0	5,5	6,1	6,7	7,4	7,4	8,0
1,9	1,9	2,0	2,15	2,3	2,4	2,6	2,9	3,1	3,3	3,6	4,1	4,6	5,1	5,9	6,8	7,8
20,0	24,0	29,0	39,0	43,6	47,2	52,6	57,0	61,6	66,7	74,8	85,6	98,3	111,2	127,3	129,0	145,3
0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,3	0,3	0,3	0,3	0,3	0,4	0,5	0,5	0,5
0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,3	0,3	0,3	0,3	0,3	0,3	0,4	0,4	0,4	0,4	0,4
124,9	139,6	157,1	186,8	198,9	212,3	233,1	251,2	267,0	283,5	306,0	332,4	363,6	398,8	441,3	448,8	491,1

БИБЛИОГРАФИЯ

1. НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

- Маркс, К. Капитал, Т. I, III.
Энгельс, Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства.
Энгельс, Ф. Очерки критики политической экономии (Собр. соч. Маркса и Энгельса, т. II, стр. 293—320).
Ленин, В. И. К характеристике экономического романтизма, Соч., т. II.
Ленин, В. И. Империализм, как высшая стадия капитализма.
Сталин, И. В. О диалектическом и историческом материализме.— «Вопросы ленинизма», изд. 11-е, 1939, стр. 535—563.

* * *

- Арсеньев. Начертание статистики Российского государства.— Ч. I. О состоянии народа, Спб. 1818, 245 стр.
Батищев, С. Народонаселение и общественное развитие.— «Под знаменем марксизма», 1939, № 2, стр. 125—134.
Вейнберг, Б. П. Положение центра населенности России с 1613 по 1913 г.— «Известия Русского географического общества», Петроград, 1915, стр. 385—408.
Воейков, А. И. Распределение населения земли в зависимости от природных условий и деятельности человека.— Спб. 1911, 109 стр.
Волков, Е. З. Динамика народонаселения СССР за восемьдесят лет.— М.—Л. Гиз, 1930, 271 стр.
Ганнушкин, П. Б. Народонаселение как самостоятельный фактор в экономической эволюции.— М. 1899, 56 стр.
Герман, И. О числе жителей в России.— «Статистический журнал», 1806, т. I, ч. II, стр. 11—32.
Герман, К. Статистические исследования относительно Российской империи.— Ч. I. О народонаселении. Спб. 1819, 325 стр.
Гозулов, А. И. Переписи населения.— М., Союзоргучет, 1936, 588 стр.
Гольдштейн, И. М. Проблемы населения во Франции.— Спб. 1903, 272 стр.
Готье, Ю. В. Замосковский край в XVII в.— Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси, изд. 2-е, М., Соцэкгиз, 1937, 407 стр.
Греков, Б. Д. Киевская Русь.— М. 1939, изд. 3-е, 282 стр.
Ден, В. Э. Новая Европа.— Петроград. «Право». 1922, 152 стр.
Его же. Население России по пятой ревизии. Подушная подать в XVIII веке и статистика населения в конце XVIII в.— Т. I, М. 1902, 376 стр.
Дербек, Ф. А. История чумных эпидемий в России с основания государства до настоящего времени. Спб. 1905, 385 стр.
Жуковский, Ю. Г. Население и земледелие. Спб. 1909, 197 стр.
Зомбарт, Современный капитализм.— Т. I, полутом I, М. 1931, 511 стр.; т. III, полутом I, 1930, 604 стр.; полутом II, 1930, 584 стр.

- Зябловский, Евдоким. Статистическое описание Российской империи в нынешнем ее состоянии с предварительными понятиями о статистике и о Европе вообще в статистическом виде.— Кн. 1, Спб. 1808, 347 стр.
- Инама-Штернегг, К. Т. Народонаселение Европы в средние века и в первое время до конца XVIII столетия.— Статья в сб. «Народонаселение и учение о народонаселении», М. 1897, стр. 16—38.
- Каутский, К. Размножение и развитие в природе и обществе.— Госиздат Украины, 1923, изд. 2-е, стр. 178.
- Клочков, М. Население России при Петре Великом по переписям того времени.— Т. I, Переписи дворов и населения (1678—1721), Спб. 1911, IV + 435 стр.
- Кулишер, И. М. История экономического быта Западной Европы.— Изд. 8-е, М. 1931, т. I, 322 стр.; т. II, 450 стр.
- Его же. История русского народного хозяйства.— М., «Мир», 1925, т. II, 440 стр.
- Куркин, П. И. Рождаемость и смертность в капиталистических государствах Европы.— М., Союзоргучет, 1938, 88 стр.
- Лапшо-Данилевский, А. С. Организация прямого обложения в Московском государстве со времени смуты и до эпохи преобразований.— Спб. 1890, 557 стр.
- Лацинский, А. С. Хронология всемирной военной истории.— Спб. 1901, 352 стр.
- Лященко, П. И. История народного хозяйства СССР.— Т. I, Соцэкгиз, 1939, 675 стр.
- Мальтус, Т. Р. Опыт о законе народонаселения.— Пер. П. А. Бибилова, Спб. 1868, т. I, 476 стр.; т. II, 468 стр.
- Манту, П. Промышленная революция XVIII века в Англии.— Гиз, 1925, 359 стр.
- Маркус, Б. Л. Труд в социалистическом обществе.— М., Госполитиздат, 1939, 308 стр.
- Мейер, Эд. Народонаселение в древности.— Статья в сб. «Народонаселение и учение о народонаселении». М. 1897, стр. 39—64.
- Миклашевский, И. Н. К истории хозяйственного быта Московского государства.— Ч. I. Заселение и сельское хозяйство южной окраины XVII века. М. 1894, 310 стр.
- Милюков, П. Очерки по истории русской культуры.— Изд. 7-е, М. 1918, ч. I, 327 стр.
- Его же. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого.— Спб. 1892, 736 + 156 стр.
- Нитти, Ф. С. Народонаселение и общественный строй.— Спб. 1898, 342 стр.
- Огановский, Н. П. Закономерность аграрной эволюции.— Ч. II, Саратов 1911, 632 стр.
- Покровский, В. И. Население. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона (старый), т. 40, стр. 615—638.
- Его же. Влияние колебаний урожая и хлебных цен на естественное движение населения. Ст. в сб. «Влияние урожая и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства».— Спб. 1897, т. II, стр. 171—370.
- Плещеев. Обзорение Российской империи в нынешнем ее новоустроенном состоянии.— Спб. 1793.
- Смирнов, П. Движение населения Московского государства. История России, в очерках и статьях.— М., т. II, стр. 62—80.
- Соловьев, С. М. История России с древнейших времен.— Изд. 3-е, Спб. 1894, кн. I—6.
- Тойнби, Арн. Промышленный переворот в Англии в XVIII столетии.— Перев. с англ., с предисл. А. И. Чупрова, М. 1912, 229 стр.
- Третьяков, П. Н. Подсечное земледелие в Восточной Европе.— «Известия Государственной академии истории материальной культуры», т. XIV, в. I, 1932, 39 стр.
- Чечулин, Н. Д. Начало в России переписей и ход их до конца XVI века.— Спб. 1889, 23 стр.

- Щербатов, М. М. Статистика в рассуждении России.— М. 1859 (написано в 1776—1777 гг.), 96 стр.
- Янсон, Ю. Э. Сравнительная статистика населения (состав населения, брачность, рождаемость, механическое движение населения).— Слб. 1892, 443 стр.

II. НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ

- Abel, Wilhelm. Bevölkerungsgang und Landwirtschaft im ausgehenden Mittelalter im Lichte des Preis- und Lohnstatistik.— «Schmoller's Jahrbuch», 1934, J. 58, S. 33—62.
- — Agrarkrisen und Agrarkonjunktur in Mitteleuropa von 13 bis zum 19 Jahrhundert.— Berlin 1935, 179 S.
- — Wachstumsschwankungen mitteleuropäischer Völker seit dem Mittelalter. Ein Beitrag zur Bevölkerungsgeschichte und Lehre.— «Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik», 1935, B. 142, H. 6, S. 670—692.
- Albrecht, Edmund. Die Bevölkerungsbewegung einer Mecklenburgischen Landgemeinde vom 17 bis zum 20 Jahrhundert.— «Arch. f. Bevölkerungswiss.», 1940, J. 10, H. I, S. 33—45.
- * Ammann, H. Die Bevölkerungsentwicklung der italienischen Schweiz.— Zürich 1924.
- Andreades, A. De la population de Constantinople sous les empereurs byzantins.— «Metron», 1920, v. I, № 2, p. 68—119.
- Baines, J. A. The recent growth of population in Western Europe; an essay in international comparison.— «Journal of the Royal Stat. Society», 1909, XII, v. 72, p. IV, 685—717.
- Ballod. Grundriss d. Statistik, enthaltend Bevölkerungs-, Wirtschafts-, Finanz- und Handelsstatistik.— Berlin 1913, 348 S.
- * Barbieri, Gino. Quattro secoli di storia demografica di un paese trentino: Coredò d'Anaunia. Contributi del laboratorio di Statistica, serie 5. Publ. del Univ. Catt. de S. Cuore, serie 8, Statistica, v. 9, p. 227—244.
- Barocka, Egon. Grundbesitzverfassung und Bevölkerungswachstum.— Oppeln 1924, 112 S.
- Baudrillart. La question de la population en France au XVIII siècle au point de vue de l'histoire et de l'économie politique.— «Journal des économistes», 1885, 4 serie, 8 année, № 5, v. 161—184; № 6, VI, p. 337—354.
- Bauer, Stephan. Zur Entstehung der Physiokratie. Auf Grund ungedruckter Schriften Fr. Quesnays.— «Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik», 1890, XXI, Neue Folge, S. 113—158.
- * Befolkning i oldtiden. Stockholm, A. Bonnier, 1936, 161 p. Setelig, Haakon, ed.
- * Befolkning under medeltiden. Utg. av Ad. Schück. Stockholm, Bonnier, Oslo 1938, 180 p. Nordisk kultur 2.
- Behre, Otto. Geschichte der Statistik in Brandenburg—Preussen bis zur Gründung des königlichen statistischen Bureaus.— Berlin 1905, 468 S. Ueber den Anteil germanischer Völker an der Entwicklung der Statistik.— «Allg. stat. Archiv», B. VII, Halbband I, S. 50—89.
- Bein, Louis. Die Industrie des sächsischen Voigtlandes. Wirtschaftsgeschichtliche Studie. T. I. Die Musikinstrumenten Industrie.— Leipzig, Duncker, 1884, 99 S. T. II. Die Textile Industrie. Leipzig, Duncker, 1884, 556 S.
- Beloch, Karl Julius. Die Bevölkerung der griechisch-römischen Welt.— Leipzig 1886, 520 S. Histor. Beitr. zur Bevölkerungslehre, I.
- — La popolazione d'Italia, nei secoli 16, 17, 18.— «Bull. de l'Inst. Int. de Stat.», 1888, v. 3, part I, p. 1—42.
- — Zur Bevölkerungsgeschichte des Altertums (отвер Seck'y).— «Jahrb. f. Nationalökonomie und Statistik», 1897, B. 13, H. 3, S. 321—343.
- — Die Bevölkerung Gallicus zur Zeit Caesars.— Rheinisches Museum für Philologie, 1899, J. 54, S. 414—445.

- — Die Bevölkerung im Alterthum.—«Zeitschrift für soz. Wissenschaften», 1899, J. II, S. 505—515, 600—621.
- — Bevölkerungsgeschichte der Republik Venedig.—«Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik», 1899, III Folge, B. 18, H. I, S. 1—49.
- — Die Bevölkerung Europas zur Zeit der Renaissance.—«Zeitschrift für soz. Wissenschaften», 1900, J. III, S. 765—786.
- — Die Bevölkerung Italiens im Alterthum.—«Beiträge zur alten Geschichte», v. 3, 1903, S. 471—490.
- — Ricerche sulla storia della popolazione di Modena e del Modenese.—«Riv. ital. di Sociologia», 1908, I—II, p. 1—48.
- — Die Volkszahl als Factor und Gradmesser der histor. Entwicklung.—«Historische Zeitschrift» (Meinecke), München u. Berlin, 3 Folge, 1913, B. 15, S. 321—337.
- * — — Bevölkerungsgeschichte d. Italien. Teil I. Grundlagen. Die Bevölkerung Siziliens u. d. Königreichs Neapel.—Berlin, W. Grueter, VIII+284. Teil 2. Die Bevölkerung des Kirchenstaates, Toscana und der Herzogtum am Po. Berlin, De Gruyter, 1939, VIII + 312 S.
- Die Bevölkerung England im Mittelalter und in der Gegenwart.—«Jahrb. f. Nationalök. und Stat.», 1864, B. 2, S. 472—473.
- Bodart, Gaston. Losses of life in modern wars. Austria-Hungaria. France.—Oxford 1916, 207 p.
- * Boislisle, M. A. Le budget et la population de la France sous Philippe de Valois.—«Annuaire Bulletin de la Société de l'Histoire de France», 1875.
- Bouthoul, Gaston. La population dans le Monde.—Paris, Payot, 1935, 253 p.
- Bowen, Esra. An hypothesis of population growth.—New York 1931, 238 p.
- Brodnitz, Glog.—Englische Wirtschaftsgeschichte.—Jena, Fischer, 1918, 515 p.
- Brownlee, J. The History of the birth and death rates in England and Wales taken as a whole from 1570 to the present time.—«Public Health» 1916, v. 29, № 9, p. 210—222; № 10, p. 228—238.
- Brüschweiler, C. Bevölkerung. Stand und Entwicklung.—«Handbuch der Schweizerischen Volkswirtschaft».—1939, B. I, S. 251—254.
- Bücher, K. Zur mittelalterlichen Bevölkerungsstatistik mit besonderer Rücksicht auf Frankfurt am Main.—«Zeitschrift f. d. ges. Staatswissenschaften», 1881, B. 37, H. 3, S. 535—580; 1882, B. 38, H. 1, S. 78—117; 1885, B. 41, H. 3-4, S. 488—579.
- — Die Bevölkerung von Frankfurt am Main im XIV und XV Jahrhundert. Sozialstatistische Studien.—Tübingen 1886, 736 S.
- Bunle, H. De la meilleure méthode pour dégager et mesurer la tendance du mouvement naturel de la population.—Congrès international de la population. Paris 1938, T. I, p. 255—268.
- Burchardt, Albrecht. Ueber Kinderzahl und jugendliche Sterblichkeit in früheren Zeiten.—«Zeitschrift für Schweiz. Statistik», 1907, B. 43, S. 395—405.
- * Burckhard, M. Die Bevölkerung des Fürstentums Calenberg-Göttingen gegen Ende des 16 Jahrhunderts.—Leipzig, Degener, 1935, 449 S.
- Burgdörfer, Friedrich. Der Geburtenrückgang und seine Bekämpfung. Die Lebensfrage des deutschen Volkes.—Berlin 1929, 191 S.
- — Volk ohne Jugend. Geburtenschwund und Ueberalterung des deutschen Volkskörpers. Ein Problem der Volkswirtschaft der Sozialpolitik der nationalen Zukunft.—Berlin 1932, 448 S.
- Büsching, A. F. Erdbeschreibung.—T. I, II, III, 8 Aufl., 1788.
- Carli, Filippo. L'equilibre des nations d'après la démographie appliquée.—Paris, Payot, 1923, 308 p.
- * — — Il movimento demografico in Italia dall XI al XIII secolo.—Firenze, Cosa Editrice Poligrafica Univ., 1936.
- Caro, Georg. Zur Bevölkerungsstatistik der Karolingerzeit.—«Beiträge zur älteren deutschen Wirtschafts- und Verfassungsgeschichte», Leipzig 1905, S. 38—45.
- Carr-Saunders, A. M. World population. Past growth and present-trends.—Oxford 1936, 336 p.

- — The population problem. A study in human evolution.—Oxford, Clarendon Press, 1922, 516 p.
- — The growth of the population of Europe.—«European Civilization, its origin and development» (ed. Edward Eyre), v. V. Economic History of Europe since the reformation, Oxford. Univ. Press, London 1937, p. 326—347.
- Cauderlier, G. Les lois de la population et leur application à la Belgique.—Paris 1900, 572 p.
- — Les lois de la population en France.—Paris 1902, 178 p.
- Cavaignac, Eugène. Notes de démographie antique.—«Journal de la Société de statistique de Paris», 1935, An. 76, № 1, p. 4—9.
- Cicotti, Ettore. Il problema demografico nel mondo antico.—«Metron», 1931, v. 9, № 2, 111—165.
- Colmeiro, Manuel. Historia de la economia politica en Espana. Madrid 1863, T. I, 505 p.; T. II, 595 p.
- Conrad, J. Ein Beitrag zur Beurteilung des Bevölkerungsverhältnisse Spaniens im Mittelalter.—«Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik», 1880, B. I, S. 183—188.
- — Grundriss zum Studium der politischen Oekonomie. IV. Statistik. Allgemeine Statistik. Bevölkerungsstatistik.—Jena 1923, 5 Aufl. bearb. Hesse, 244 S.
- Coulton, G. G. The medieval village.—Cambridge 1926, 603 p.
- * — — The Black Death.—London 1929.
- Crome. Ueber die Grösse und Bevölkerung der sämtlichen Europäischen Staaten.—Leipzig 1785, 461 S.
- Cunningham, W. The growth of English industry and commerce in modern times.—Cambridge, t. I, 1917; t. II, 1919, 1039 p.
- Curschmann, F. Hungersnöte im Mittelalter. Ein Beitrag zur Deutschen Wirtschaftsgeschichte des 8 bis 13 Jahrhunderts.—Leipzig, Teubner, 1900, 217 S.
- Daczynska, Zofia. Stoff und Methode der historischen Bevölkerungsstatistik.—«Jahrb. f. Nationalökonomie und Statistik», 1896, II Folge, B. XI, S. 481—506.
- Denton, Rev. W. England in the Fifteenth Century.—London 1888, 337 p.
- Dieterici. Ueber die Vermehrung der Bevölkerung in Europa seit dem Ende oder Mitte des siebzehnten Jahrhunderts.—Abhandl. Königl. Akad. d. Wissenschaft zu Berlin, Phil.—Hist. Klasse, 1850, S. 73—115.
- Donnaciolo, P. e Saibante, M. Lo sviluppo demografico di Verona e della sua provincia dalla fine dei sec. XV ai giorni nostri.—Metron 1926, v. 6, № 3/4, p. 56—181.
- Doren, Alfred. Italienische Wirtschaftsgeschichte.—Jena 1934, 740 S.
- (Döring, G.) Die Bevölkerungsbewegung im Weltkrieg. I. Deutschland u. Frankreich, 1917, 147 S. II. Oesterreich-Ungarn, 1919, 82 S. III. 35 Millionen Menschenverlust in Europa. 1920, 63 S.
- Dublin, Loui J. & Lotka, Alfred.—On the true rate of natural increase as exemplified by the population of the United States. 1920.—«Journal of the Amer. Stat. Assoc.», 1925, v. XX, № 150, p. 305—339.
- Dvoracek, F. Recensements de la population en Bohême, Moravie et Silesie au cours des années 1754—1921 (текст чешский). Cechoslov. Stat. Vestnik, 1924, An. 5, №№ 7/9; 1925, An. 6, №№ 1, 7/8, 9/10; 1926, An. 7, №№ 1—10.
- Eheberg, K. Th. Strassburgs Bevölkerungszahl seit Ende des 15 Jahrhunderts bis zur Gegenwart.—Jahrb. f. Nationalökonomie u. Stat., 1885, N. F., B. VIII, S. 412—430.
- * Ehrhart, W. Die Sterblichkeit in der Reichstadt Kempten (Allgau) in den Jahren 1606—1624 u. 1686—1870 (München).—Archiv für Hygiene und Bacteriologie, 1936, B. 116, S. 115—130.
- Elster, Ludwig. Der Bevölkerungsstand und die Bevölkerungsbewegung der neuesten Zeit bis zum Ausbruch des Weltkrieges.—«Handwörterbuch d. Staatswiss. S.», 4. Aufl., 1924, B. II, S. 687—697.
- Engel, E. Das Anwachsen der Bevölkerung im preussischen Staate seit 1816.—«Zeitschrift des königl. Preuss. Stat. Bureau», 1860, J. I, S. 9—31.

- Espana Poblacion. «Enciclopedia universal ilustrada».—Tomo XXI, Barcelona, p. 384—385.
- Eulenb urg, Franz. Zur Bevölkerungs- und Vermögensstatistik des 15 Jahrhunderts.—«Zeitschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte», 1894/95, B. 3, S. 424—467.
- Fabre, P. Eine Nachricht über die Bevölkerungsziffer Englands zu Zeiten Heinrichs II.—«Zeitschrift für Sozial- u. Wirtsch. Gesch.», B. I, 1893, S. 149—153.
- Fircks, Arthur. Bevölkerungslehre und Bevölkerungspolitik.—Leipzig 1898, 492 S.
- Fischer, Alfons. Geschichte des deutschen Gesundheitswesens.—B. I, Berlin 1933, 343 S.; B. II, Berlin 1933, 591 S.
- * Fischer von der Eger, A. Erdumfassende Sicht über die Bevölkerungsentwicklung.—«Archiv für Bevölkerungswissenschaft u. Bevölkerungspolitik», 1934, J. 4.
- * Franz, Leonhard. Sterblichkeit in vorgeschichtlicher Zeit.—«Ziel und Weg», 1939, v. 9, № 1, S. 4—6.
- * — — Zur Bevölkerungsgeschichte des frühen Mittelalters (Starker Bevölkerungsrückgang im 5 und 6 Jahrhundert duh Seuchen).—«Deutsches Archiv für Landes- und Volksforschung», 1938, B. 2, H. 2, S. 404—416.
- Gasquet, Francis Aidan. The great pestilence (A. D. B. 48—49). Now commonly known as the Black Death.—London 1893, 244 p.
- Gini, Corrado. La dinamica delle popolazione.—«Demografia», Turin. 1930, p. 545—575.
- Girard, Albert. Le chiffre de la population de l'Espagne dans les temps modernes.—«Revue d'histoire moderne», 1928, t. 3, p. 420—436; 1929, t. 4, p. 1—17.
- Glonner, Stephan. Bevölkerungsbewegung von 7 Pfarreien bayerischen Bezirkamte Tölz seit Ende des XVI Jahrhunderts.—«Allg. Stat. Archiv», J. IV, 1895, Ha. 4band, S. 263—279.
- Gmelin, Julius. Bevölkerungsbewegung im Hallischen seit Mitte des XVI Jahrhunderts.—«Allgem. Stat. Archiv», 1902, B. VI, S. 240—283.
- Gonner, Edward, C. R. The population of England in the eighteenth Century.—«Journal of the Royal Stat. Society», 1913, v. 76, part 111, p. 261—303.
- Goury du Roslan. Essai sur l'histoire économique de l'Espagne.—Paris 1888, 355 p.
- * Grieser, R. Das Schatzregister der Grossvogtei Celle von 1438 und andere Quellen zur Bevölkerungsgeschichte der Kreise Celle Fallingsbostel, Soltau und Burgdorf zwischen 1428 und 1442.—Hildesheim 1934.
- Griffith, Talbot G. Rickman's second series of eighteenth century population figures.—«Journal of the Royal Stat. Society», 1929, v. 92, part 2, p. 236—263.
- — Population problem of the age of Malthus.—Cambridge University Press, 1926, 276 p.
- Guillard, A. Eléments de statistique humaine, ou démographie comparée, 1855.
- Guillaume. Recherches sur le mouvement de la population dans le canton de Neuchatel de 1760 à 1875.—«Zeitschrift für Schweiz. Statistik», 1876, J. XII, H. 4, S. 205—214.
- Häbler, Konrad. Die wirtschaftliche Blüte Spaniens im XVI Jahrh. und ihr Verfall. Exkurs I: Bevölkerung.—Berlin 1888, S. 144—159.
- Haliczer, J. Cartes quantitatives de la population de l'Europe vers 1720, 1820 et 1930. Situation du centre de gravité du peuplement.—Comptes rendus du Congrès International de Géographie: Varsovie, 1934, t. III, Varsovie, 1937, p. 556—570.
- Hanauer, W. Soziale Hygiene im Mittelalter.—«Handwörterbuch der Sozialen Hygiene», Leipzig 1912, B. II, S. 425—438.
- «Handbuch der Sozialen Hygiene», hrsg. A. Gottstein, Schlossmann a. Teleky, B. I—V, 1925—1927.
- Hansen, Georg. Die drei Bevölkerungsstufen. Ein Versuch, die Ursachen

- für das Blühen und Altern der Völker nachzuweisen.—München 1889, 406 S.
- * Hartwig, J. Die natürliche Bevölkerungsbewegung in den Lübeckischen Kirchspielen, Nusse und Behlendorf von 1626 bis 1760.—«Archiv für Bevölkerungswiss. und Bevölkerungspolitik», 1937, H. 3, S. 234—237.
- * Harzendorf, Fritz. Quellen und Methode bevölkerungsgeschichtlicher Untersuchungen.—«Archiv für Bevölkerungswiss.», 1939, B. 9, № 1, S. 8—14.
- Hecker, J. F. C. Die grossen Volkskrankheiten des Mittelalters.—Historisch-pathologische Untersuchungen. Gesammelt und in erweiterter Bearbeitung herausgegeben von Dr. August Hirsch. Berlin 1865, 432 S.
- * Heckh, G. Bevölkerungsgeschichte und Bevölkerungsbewegung des Kirchspiels Böhringen auf der Uracher Alb vom 16. Jahrhundert bis zur Gegenwart.—«Archiv für Rassen- und Gesellschaftsbiologie», 1939, v. 33, № 2, S. 126—169.
- Hendricks, Fr. A review of the statistics of Spain down to the year 1857 and 1858 chiefly founded on the Spanish census return of those years.—«Journal of the statistical Society», v. XXIII, 1860, p. 147.
- Hesse. Geschichte d. Bevölkerung.—«Wörterbuch der Volkswirtschaft», Jena, 4. Aufl., B. III, S. 382—387.
- Hoeniger, K. Der Schwarze Tod in Deutschland, 1882.
- Hoffmann, J. G. Die Bevölkerung des preussischen Staates nach den Ergebnissen der zu Ende des Jahres 1837 amtlich aufgenommenen Nachrichten.—Berlin 1839, 292 S.
- Huber, Bunle, Boverat. Population de la France, son évolution et ses perspectives.—Paris, Hachette, 1933, XIII + 249 p.
- Hume D. Of the populousness of ancient nations, 1752. «Essays moral, political and literary», v. I, London, 1882, p. 381—443.
- Imbart de la Tour. Les paroisses rurales dans l'ancienne France. Deuxième partie.—«Revue historique», 1897, v. LXIII, I—IV, S. 1—41.
- Inama-Sternegg, Karl Theodor. Die volkswirtschaftlichen Folgen des 30-jährigen Krieges für Deutschland insbesondere für Landwirtschaft.—«Historisches Taschenbuch», J. 1864, S. 1—104.
- — Deutsche Wirtschaftsgeschichte.—Leipzig, 2. Aufl., 1909, B. I, 755 S.
- — Die Quellen der historischen Bevölkerungsstatistik.—«Statistische Monatschrift», 1886, Jahrg. XII, S. 387—408.
- * — — Die Entwicklung der Bevölkerung Europas seit 1000 Jahren.—Bericht über den VII. int. Kongress für Hygiene und Demographie, 1887, H. 25.
- Inama-Sternegg und Häpke. Die Bevölkerung des Mittelalters und der neuen Zeit bis Ende des 18. Jahrhunderts in Europa.—«Handwörterbuch d. Staatswissenschaften», Jena 1924, 4. Aufl., B. II, S. 670—687.
- Inman, A. H. Domesday and Feudal Statistics.—London 1900, 161 p.
- Jastrow, J. Die Volkszahl deutscher Städte zu Ende des Mittelalters und zu Beginn der Neuzeit. Ein Ueberblick über Stand und Mittel der Forschung.—Berlin 1886, VIII, 219 p.
- * Jensen, A. La population dans les pays nordiques au 18-ème siècle.—«Nationalökonomisk Tidskrift», 1935, v. 73, part 1/2, p. 1—63.
- John. Geschichte der Statistik. Erster Teil. Von dem Ursprung der Statistik bis auf Quetlet (1835).—Stuttgart 1884, 376 S.
- Jones, P. E. & Judges, A. V. London population in the late seventeenth century.—«Econ. Hist. Review», 1935, v. VI, № 1, p. 45—63.
- Kahrstedt, Ulrich. Die Bevölkerung des Altertums.—«Handwörterbuch d. Staatswissenschaften», 4. Aufl., 1924, B. 2, S. 655—670.
- * Keyser, Erich. Bevölkerungsgeschichte Deutschlands.—Leipzig 1938.
- Kisskalt, Karl. Die Sterblichkeit im 18. Jahrh. (nach Königsberger Material).—«Zeitschrift für Hygiene und Infektionskrankheiten», 1921, S. 438—511.
- * Kittel, E. Bevölkerungsgeschichte und Erbhofrechte in der Mark Brandenburg.—«Archiv für Bevölkerungswissenschaft u. Bevölkerungspolitik», 1934.
- * Koch, M. Ueber die älteste Bevölkerung Oesterreiches und Bayern.—Leipzig 1856.

- Koetzschke, R. Grundsätze d. Deutsch. Wirtschaftsgeschichte.— 1921, 2 Aufl., 73 S.
- — Allgemeine Wirtschaftsgeschichte des Mittelalters.— Jena 1924, 626 S.
- Krausze, Johannes. Unterschiedliche Fortpflanzung im 17 und 18 Jahrhundert. Ein Beitrag zur historischen Bevölkerungsstatistik des Landvolks.— «Archiv f. Bevölkerungswiss.», 1940, J. 10, H. I, S. 24—33.
- Kretschmer, Konrad. Historische Geographie von Mitteleuropa.— München u. Berlin 1904, 650 S.
- * Krzywicki, L. Contribution au problème de l'estimation de la population en Pologne aux X et XI-e siècles.— *Przegł. d. Stat.*, 1938, p. 1/2, p. 177—205.
- Kuczynski, R. R. Population. — «Enc. of Soc. Sci.», v. 12, 1934, p. 240—248.
- — Population movements.— Oxford 1936, 121 p.
- Lamprecht, K. Deutsches Wirtschaftsleben im Mittelalter.— B. I, Leipzig 1886, p. 141—165.
- Levasseur, Emile. La population française.— T. I, Paris 1889, 468 p.; T. II, Paris 1891, 529 p.; T. III, Paris 1892, 569 p.
- Levasseur and Bodio, L. Statistique de la superficie et de la population des contrées de la terre.— «Bulletin Inst. Int. de Stat.», 1902, v. 12, 1, 2, p. 1—110.
- * Loesch, August. Das Problem einer Wechselwirkung zwischen Bevölkerungs- und Wirtschaftsentwicklung.— «Weltwirtsch. Archiv», 1938, B. 48 (3), S. 454—469.
- * Lot, Ferdinand. Conjectures démographiques de la France au IX siècle.— «Moyen Age», 1921, 1—27, 109—137.
- — L'état des paroisses et des feux de 1328.— «Bibl. Ecole des Chartes», 1929, XC, p. 51—107, 256—315.
- * Luzzato, Gino. La popolazione del territorio padovano nel 1281.— «Nuovo Archivio Veneto», 1902.
- Lu(z)zato, G(in)o. Popolazione.— «Enciclopedia Italiana», 1935, v. 27, p. 914—923.
- * Maggiore-Perni, F. La popolazione di Sicilia dal X al XVIII secolo.— Palermo 1892.
- Maitland, Frederik, William. Domesday Book and beyond. Three essays in the early history of England. Cambridge, Univ. Press, 1897, 527 p.
- Mantoux, Paul. La révolution industrielle au XVII siècle. Essai sur les commencements de la grande industrie moderne en Angleterre.— Paris 1906, p. 534.
- * Marshall, T. H. The population of Bedfordshire, 1871 to 1914. Publ. of the Beds. Hist. Record Soc., v. 16.
- — The population of England and Wales from the industrial revolution to the world war.— «Econ. Hist. Review», 1935, IV, v. 5, № 2, p. 65—78.
- * Mauersberg, Hans. Beiträge zur Bevölkerungs- und Sozialgeschichte Niedersachsens.— Hannover 1938, 238 S.
- Mayr. Statistik und Gesellschaftslehre.— B. II. Bevölkerungsstatistik, Tübingen 1926, 2 Aufl., 875 S.
- Moheau. Recherches et considérations sur la population de la France. 1778—N. ed., Paris 1912, 302 p.
- * Moke, M. La population et la richesse de la France au XIV-e siècle.— Memoir (read before the Royal Academy of Belg.), Ap. 7 1856, t. XXX.
- Mombert, Paul. Bevölkerungslehre.— Jena, Fischer, 1929, 490 p.
- — Die Anschauungen des 17 und 18 Jahrhunderts über die Abnahme der Bevölkerung.— «Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik», 1931, B. 135, S. 481—503.
- — Bevölkerungsentwicklung und Wirtschaftsgestaltung.— Leipzig, Buske, 1932, 77 S.
- — Ueber die geringe Zuverlässigkeit älterer Volkszählungen.— «Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik», 1933, S. 745—751.
- — Die Entwicklung der Bevölkerung Europas seit der Mitte des 17 Jahrhunderts.— «Zeitschrift für Nationalökonomie», 1936, B. 7, H. 4, S. 533—545.

- Moreau de Jonnés, Alex. *Eléments de statistique.*— Paris 1856, 464 p.
 — — *Etat économique et social de la France depuis Henri IV jusqu'à Louis XIV, 1589 à 1715.*— Paris, Reinwald, 1867, 491 p.
- Mulhall, Michael G. *The Dictionary of Statistics*, 4 éd., London 1909, 853 p.
- * Mueller, Ilse. *Bevölkerungsgeschichtliche Untersuchungen in drei Gemeinden des Württembergischen Schwarzwaldes (1584—1933).*— «Archiv für Bevölkerungswissenschaft», 1939, J. 9, № 3, S. 185—206; J. 9, № 4, S. 247—264.
- Niceforo, A. *The development of population in Italy (up to 1914 from the days of ancient Rome).* Proc. of the World Pop. Conf.— Geneve 1927, p. 59—70.
- Nielsen, Axel. *Dänische Wirtschaftsgeschichte.*—Jen, Fischer, 1933, 600 S.
- Olbricht, Konrad. *Die Vergroßtädterung des Abendlandes zu Beginn des Dreissigjährigen Krieges.*—«Pettermanns geographische Mitteilungen», J. 85, 1939, H. 11/12, S. 349—353.
- * Olinski H. u. Walden H. *Beiträge zur Elbinger Bevölkerungsstatistik der letzten drei Hunderte—Elbinger. Jahrbuch.* 1931, H. 9, S. 57—111.
- * Pardi, G. *Storia della popolazione di Firenze.*—«Arch. Stor. Ital.», 1916.
- * Parenti, G. *La popolazione della Toscana sotto la reggenza Lorenese.*— Firenze, 1938, 204 p.
- Pearl, R. *The Natural History of population.*—Oxford Univ. Press, London, Milford, 1939, 416 p.
- Pirenne, V. Henri. *Les denombrements de la population d'Ypres au XV-e siècle (1412—1506).* (Contribution à la statistique sociale du moyen âge).—«Vierteljahrsschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte», 1903, B. 1, H. 1, S. 1—32.
- * Prato, G. *Censimenti e popolazione in Piemonte nei secoli XVI, XVII e XVIII.*—«Riv. it. di Sociol.», 1906, Maggio-Agosto.
- Price, Rich. *An essay on the population of England, from the Revolution to the present time.*—London, Cadell, 1780, 82 p.
- * Prinzing Friedrich. *Das Bevölkerungsgesetz.*—«Allg. Stat. Archiv», B. 6, Halbband 2, 1904, S. 1—34
- — *Die Bevölkerungsentwicklung in Irland.*—«Zeitschrift für Sozialwissenschaft», 1914, J. 5, H. 1, S. 18—29; H. 2, S. 94—108.
- — *Epidemics resulting from wars.* Oxford. At the Clarendon Press, 1916, 340 p.—Carnegie endowment for international peace, Division of economics and history.
- — *Handbuch der medizinischen Statistik.*—Jena, Fischer, 1931, S. 672.
- Rabinowicz, Leon. *Le problème de la population en France.*—Paris 1929, 425 p.
- Ratzel, Friedrich. *Anthropogeographie. T. II, Die geographische Verbreitung des Menschen. Zweiter Abschnitt. Das statistische Bild der Menschheit.*—3 Aufl., Stuttgart 1922, S. 95—258.
- * de Reiffenberg. *Mémoire cour en reponse à cette question proposée par l'Académie Royale, de Bruxelles quel a été l'état de la population etc. dans les provinces des Pays-Bas pendant le 15—16 siècles.*—Bruxelles 1812.
- Reuter, Edward Byron. *Population problems.*—Philadelphia, Lippincot, 1923, 338 p.
- * Riediger, Hans. *Die Bevölkerung der urholtsatischen Kirchspiels Bramstedt vom Beginn d. 30-jähr. Krieges bis zum Ende d. Nordkrieges.*—Kellinghusen Hay, 1937, 152 S.
- Roesle, E. *Die Entwicklung der Bevölkerung in den Kulturstaaten in den ersten Jahrzehnt dieses Jahrhunderts mit einem Rückblick auf die bisherige Entwicklung.*—1914, B. 9, S. 74—104, 344—391; 1915, B. 10, S. 140—166, 296—348, 402—426; 1916, B. 11, S. 34—73, 165—213, 423—446; 1917, B. 12.
- — *Die Wirkung des 30-Jährigen Krieges auf die Entwicklung einer ländlichen Bevölkerung.*—«Archiv für Sozial. Hygiene und Demographie», 1932, B. 7, H. 3, S. 209—214.

- Rogers, James E. Thorold. A history of agriculture and prices in England.—1866, v. I, p. 711; v. II, p. 714.
- — Six centuries of work and wages.—London 1884, v. I, S. II, 591 p.
- — England before and after the Black Death.—Fortnightly Review, 1865, v. III, 191 p.
- — Economic interpretation of History.—9 éd., 547 p.
- Rubin, M. Population and birth-rate, illustrated from historical statistics.—«Journal of the Royal Society», v. LXIII, 1900, p. 596—625.
- Rümelin, Die Bevölkerungslehre.—«Schönbbergs Handbuch der polit. Oekon.», 2 Aufl., B. II, S. 829—952.
- * Russel, Josiah Cox. The expansion of peoples in medieval Europe 1000—1500.—Mimeographed reading for Social Science, 1936, Univ. of North Carolina.
- — Medieval population.—«Soc. Forces», 1937, v. 15, № 4, p. 503—511.
- * Salvioli, G. Sullo stato e la popolazione d'Italia prima e dopo le invasioni barbariche.—Atti R. Acc. d. Sc. di Palermo, 1899; «Storia economica dell'Italia nell'Alto Medioevo», Napoli 1913.
- * Saporì, A. Sull'attendibilità di alcune statistiche medievali.—«Arch. Storico Italiano», 1932.
- * Sars, J. E. Oblysning om Folkemaengders Bevoegelse i Norge fra det 13 til det 17 Aarhundrede.—Norske hist. Tidsskrift, 1881, 2 Raekke, III.
- Savorgnan, La popolazione dell'Europa.—«Scientia», 1935, p. 241—248.
- * Scharf, Joachim. Studien zur Bevölkerungsgeschichte der Rheinlande auf epigraphischer Grundlage.—Berlin, Tritsch, 174 S. Neue Dt. Forschungen. Abt. Alte Geschichte. B. 3, S. 184.
- Schmidt, Ludwig. Zur Frage nach der Volkszahl der Wandalen.—Byzantinische Zeitschrift», 1906, B. 15, S. 620—621.
- Schmoller, Gustav. Die historische Entwicklung des Fleischkonsums sowie, der Vieh- und Fleischpreise in Deutschland.—«Zeitschrift für d. ges. Staatswissenschaft», 1881, B. 27, S. 284—362.
- — Umrisse und Untersuchungen zur Verfassungs-, Verwaltungs- und Wirtschaftsgeschichte, besonders des preussischen Staates im 17 und 18 Jahrhundert.—Leipzig 1898, 686 S.
- — Grundriss der allgemeinen Volkswirtschaftslehre. Erster Teil.—Leipzig 1908, 580 S.
- * Schneider, Wilhelm Ludwig. Bevölkerungsbewegung und Wirtschaftsgestaltung. Ein Beitrag zur heoretischen Grundlegung der Beziehungen zwischen Bevölkerung und Wirtschaft.—Forchheim, Mauser, 1936, 98 S.
- Schnitzler, J. H. L'empire des Tsars au point actuel de la science. Tome II. La population.—Strasbourg 1862, 748 p.
- Schoene, L. Histoire de la population française.—Paris. 1893.
- * Schuur, K. Kinderzahl und Kindersterblichkeit früherer Jahrhunderte.—Cottbus, Popp, 1936, 22 S.
- Sée, Henri. Peut-on évaluer la population de l'ancienne France? «Revue d'écon. pol.», 1924, v. 38, N 4, p. 647—655.
- — Französische Wirtschaftsgeschichte.—B. I, Jena, Fischer, 1930, S. 434.
- Seeck, Otto. Die Statistik in der alten Geschichte.—«Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik», 1897, B 13, H. 2, S. 161—176.
- * Shorth, Th. A comparative history of the increase and decrease of mankind in England and several countries abroad.—London 1767.
- Snow, E. C. Influence of the growth of population on the development of industry.—«Journal of the Royal Stat Society», v. 98, p. 2.
- * Steinmüller, K. Beiträge zur Bevölkerungsstatistik eines Dorfes (1600—1800).—Leipzig 1930, 64 S.
- Strakosch-Grassman, G. Die Zahl der Landbevölkerung in Deutschland im Mittelalter.—«Deutsche Geschichtsblätter», 1913, B. XIV, S. 285—296, 310—322.
- Sundbärg, Gustav. Bevölkerungsstatistik Schwedens 1750—1900. Einige Hauptresultate.—XIV Int. Kongress für Hygiene u. Demographie, Stockholm 1907, 170 S.

- — *Aperçus statistiques internationaux: onzième année.*—1908, 396 p.
- * *Sundquist, S.* Sveriges folkmängd på Gustav II Adolfs tid. En demografisk studie.—Land, Ohlsson, 1938, 284 p.
- Süssmilch, Johann Peter.* Die göttliche Ordnung in den Veränderungen des menschlichen Geschlechts aus der Geburt, dem Tode und der Fortpflanzung desselben.—Berlin, 5. Ausg., 1790—1792, T. I, 576 + 130 S.; T. II, 580 + 81 S.; T. III, 850 + 119 S.
- Thompson James Westfall.* Economic and social history of the middle ages.—New York 1928
- — *Economic and social history of Europe in the later middle ages 1300—1530.*—New York, Century Co, 545 p.
- Troeltsch.* Die Callver Zeughandlungskompagnie und ihre Arbeiter. Exkurs III. Zur altwürttembergischen Bevölkerungsstatistik insbes. in Schwarzwaldgebiet, 1650—1800. Jena, Fischer, 1897, 484 p.
- * *Tscharnke, Hans.* Bevölkerungsgeschichte und Raumforschung. Archiv für Bevölkerungswissenschaft, 1937, B. 7, H. 2, 91—110.
- Usher, Abbot Payson.* An introduction to the industrial history of England.—Boston 1920, London 1921, 529 + XXXIV p.
- — *The history of population and settlement in Eurasia.*—«Geograph. Review», 1930, S. 110—132.
- Verhandlungen des internationalen Kongresses für Bevölkerungsforschung.*—Band VII. Abteilung für Demographie. Roma 1934, 807 S.
- * *Virgilio, Filippo.* La popolazione di Siena dalla seconda metà del sec. XVI alla fine del sec. XVII.—Studi senesi, 1907.
- — *Il problema della popolazione,* Milano 1924, 600 p.
- Wales, W.* An inquiry into the present state of population in England and Wales and the properties which the present number of inhabitants bears to the number at former periods.—London 1781.
- Walford, Cornelius.* The famines of the world: past and present.—«Journal of the Stat. Society», v. 41, № 3, p. 433—576.
- Wallase, R.* A dissertation on the numbers of mankind in ancient and modern times.—Edinburgh 1809, 2 ed., p. 338.
- Wappäus, J. F.* Allgemeine Bevölkerungsstatistik.—B. I, Leipzig 1859, 352 S.; B. II, Leipzig, 1861, 581 S.
- Werminghoff, Albert.* Unsere Volkszahl in Vergangenheit und Gegenwart, Halle 1917, 30 S. Flugschriften des Bundes zur Erhaltung und Mehrung der deutschen Volkskraft, № 13.
- Wernike.* Das Verhältnis zwischen Geborenen und Gestorbenen in historischer Entwicklung und die Gegenwart in Stadt und Land.—Jena 1889, 91 S. (Sammlung nationalök. und stat. Abhandlungen der Staatswissenschaft. B. 6, H. 1).
- Westergaard, Harald.* Die Lehre von der Mortalität und Morbidität. Antropologisch-statistische Untersuchungen.—Jena, Fischer, 1901, 702 S.
- Willcox, Walter F.* The Expansion of Europe in Population.—«American Econ. Review», 1915, v. 5, p. 737—752.
- — *Increase in the population of the earth and of the continents since 1650.*—«International Migrations», New York; Nat. Bureau of Econ. Res., 1931, v. II, p. 33—82.
- — *The length of life in the early roman empire. A methodological note.*—Congrès international de la population, 1938, t. I, p. 14—22.
- Williams, R. Price.* On the increase of population in England and Wales.—«Journal of the statistical Society», 1880, v. 43, p. 462—508.
- Winkler, Wilhelm.* Einige alte und neue Masse des natürlichen Bevölkerungswachstums.—«Revue de l'Institut International de Statistique», 6 An., livr. 1, 1938, p. 25—49.
- Wolfe, A. B.* The fecundity and fertility of early man.—Human Biol., 1933, v. 5, p. 35—60.
- * *Wopfner, Hermann.* Beiträge zur Bevölkerungsgeschichte der österreichischen Länder.—«Wirtsch. u. Kultur». Festschr. f. A. Dopsch; Baden 1938, S. 155—161.
- Woytinsky, W. I.* Die Welt in Zahlen. Erstes Buch. Die Erde. Die Bevölkerung. Der Volksreichtum.—Berlin, Mosse, 1925, 236 S.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Знаком * обозначены книги и статьи, с которыми автор, к сожалению, не смог ознакомиться вследствие отсутствия их в библиотеках Москвы; часть этих работ была все же использована автором по другим источникам.

2. В библиографию вошли не все работы, приведенные в тексте: в списке даны только книги и статьи, имеющие непосредственное отношение к вопросам истории населения.

3. Пользуюсь случаем выразить свою признательность руководящим работникам читального зала фундаментальной библиотеки по общественным наукам Академии наук СССР Р. М. Ленской и Р. И. Воллерштейн, а также всему коллективу сотрудников за внимательное отношение к автору-читателю.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абель** (Abel), Вильгельм — 59, 101, 124, 131, 202, 350—352.
Альбрехт (Albrecht), Эдмунд — 230.
Амман (Ammann), Гектор (1894—) — 79, 177, 178.
Аммиан (Ammianus), (ок. 330—ок. 400) — 25.
Андреадес (Andreades), Андрэ (1876—) — 77, 178.
Баас (Baas), Иоганн Герман (1838—1909) — 98.
Байн (Bein), Луи — 133.
Бакхауз (Backhaus), Александр (1865—) — 394.
Баллод (Ballod), Карл (1864—) — 49, 50, 54, 64, 92, 93, 164, 205.
Бауэр (Bauer), Стефан (1865—1934) — 352.
Белох (Beloch), Карл Юлиус (1854—1929) — 8, 9, 16, 19—22, 26, 28—30, 33—35, 38, 40—43, 46, 47, 49, 50, 52—54, 58, 61, 63, 64, 66—70, 75, 78, 87, 94, 95, 98, 121—123, 125, 140, 142, 146, 151, 152, 158, 159, 161—163, 167, 168, 174, 177, 187, 203, 206, 210, 325, 355.
Беляев — 86.
Бергер (Berger) — 219.
Блок (Block), Морис (1816—1901) — 71, 169.
Блэк (Black), Вильям — 215.
Блэшилл (Blachill) — 114.
Бовера (Boverat), Фернанд — 205.
Богер (Bogaerts), Феликс Гильом Мари (1805—1851) — 79.
Богданов, А. А. (1873—1928) — 367.
Бодар (Bodart), Гастон (1867—) — 140, 143, 171, 334.
Бодио (Bodio), Луиджи (1840—1920) — 234.
Бодрильяр (Baudrillart), Анри Жозеф Леон (1821—1892) — 39, 143, 144.
Боланже (Baulenger) — 142.
Бонваллэ-Дегрос (Bonvallet Desbrosses) — 144.
Бонн (Bonn), Мориз Юлиус (1873—) — 155.
Бонштеттен (Bonstetten), Альбрехт — 177.
Борткевич, В. И. (1868—1931) — 111.
Бособр (Beausobre), Луи, де (1730—1783) — 215.
Ботеро (Botero), Джиованни (1540—1617) — 212.
Бофорт (Beaufort) — 157.
Брентано (Brentano), Луио (1844—1931) — 46, 50, 52, 88, 373.
Бродниц (Brodnitz), Георг (1876—) — 7, 50, 52, 53, 59, 351.
Броунли (Brownlee), Джон — 216, 224, 225.
Брюшвайлер (Brüschweiler), Карл (1878—) — 178.
Буагильбер (Bois-Guillebert), Пьер (1646—1714) — 139.
Булгаков, С. Н. (1871—) — 160.
Бургдорфер (Burgdörfer), Фридрих (1890—) — 205, 309—312, 315, 320, 321.
Буркхардт (Burckhardt), Альбрехт (1853—) — 104, 351.
Бутуль (Bouthoul), Гастон — 37, 40, 325.
Бэверидж (Beveridge), Вильям Генри (1879—) — 393.
Бэк (Böckh), Рихард (1824—1907) — 316.
Бэлов (Below), Георг (1858—1927) — 352.
Бэнль (Bunle), Анри — 205, 311.
Бэре (Behre), Отто — 24, 132—134, 220, 222, 225, 332, 345, 363, 397.
Бэш (Bushe) — 157.
Бюффон (Buffon), Жорж Луи Леклер (1707—1788) — 144.
Бюхер (Bücher), Карл (1847—1930) — 15, 32, 107, 125, 219.
Бюшинг (Büsching), Алтон Фридрих (1724—1793) — 143, 166, 168, 215.
Вагенфюр (Wagenführ), Ральф — 398.
Вайнштейн, О. Л. — 153.
Валек-Чернеки (Waleck-Czernecki), Тадеуш (1889—) — 20.

- Ваппеус (Warrens), Иоганн Эдуард (1812—1879) — 384.
 Вебер (Weber), Адольф (1876) — 370.
 Вейнберг, Б. П. — 181, 184, 192, 193, 355.
 Вейс (Weiss), Шарль (1812—1882) — 74.
 Вельсхов (Welschow), Ганс Матиас (1796—1862) — 80.
 Вермингхоф (Werminghoff), Альберт (1869) — 131.
 Вернике (Wernicke), Иоганнес — 219.
 Вестергорд (Westergaard), Гаральд (1853—1936) — 345, 346, 349, 362, 363.
 Вилер (Wyler), Юлиус (1891) — 178.
 Виллемс (Willems), Жан Франс (1793—1846) — 79.
 Винклер (Winkler), Вильгельм (1884) — 178.
 Винклер (Winkler), Вольфганг Фридрих (1890) — 311, 360.
 Вирджилии (Virgili), Филиппо (1865) — 65, 169, 171.
 Вирмингхаус (Wirminghaus) — 74.
 Витерсгейм (Wietersheim), Эдуард (1787—1865) — 20.
 Вобан (Vauban), Себастиан (1633—1707) — 139, 396.
 Водовозов, Н. В. (1870—1896) — 116.
 Волков, Е. З. (1883) — 265, 341.
 Воейков, А. И. (1842—1916) — 97, 173, 330, 378.
 Войтинский (Woytinski), В. С. (1885) — 93, 259.
 Вольтер, Франсуа Мари (1694—1778) — 38, 144, 387, 388.
 Воссюс (Vossius), Исаак (1618—1689) — 16, 18, 180, 214.
 Галичер (Haliczer) — 171, 174, 176—178, 203.
 Галлей (Halley), Эдмунд (1656—1742) — 100, 110, 165.
 Гамс (Gams) — 71, 73.
 Ганауэр (Hanauer), Вильгельм (1866) — 23, 32, 114, 348.
 Гансен (Hanssen), Георг (1809—1894) — 395.
 Гансен (Hansen), Георг — 175, 176.
 Гардинг (Hardinge) — 156.
 Гаррисон (Harrison), Вильям (1534—1593) — 153.
 Гартман (Hartmann), Людо Морич (1865—1924) — 64.
 Гаске (Gasquet), Фрэнсис (1846—1929) — 57.
 Гаусхофер (Haushofer), Макс (1840—1907) — 50, 52.
 Гвичардини (Guicciardini), Лодовико (1523—1589) — 16, 175, 176.
 Геблер (Hibler), Конрад (1857) — 71, 72, 74, 75, 165—167.
 Гекер (Hecker), Юстус Фридрих Карл (1795—1850) — 97, 98.
 Гелерт (Göhler) — 110.
 Генигер (Höniger) — 126, 127, 130.
 Герар (Guegard), Бенжамен (1797—1854) — 34—36.
 Герберштейн (Herberstein), Сигизмунд (1186—1566) — 180.
 Германи (Fermann), Жан Фред — 228.
 Герман, К. Ф. (1767—1838) — 179, 183, 194, 36.
 Геродот (ок. 484—425 до н. э.) — 14.
 Гессе (Hesse), Альберт (1876) — 50, 52.
 Гиббон (Gibbon), Эдуард (1737—1794) — 8, 19, 20.
 Гийяр (Guillard), Ахилл (1799—1876) — 38, 40, 140, 141, 143.
 Гиндели (Zindely), Антон — 76.
 Глей (Gley) — 29.
 Глоннер (Glonner), Стефан — 219.
 Гмелин (Gmelin) — 73, 103, 127, 131, 135, 143.
 Гнайт (Gneist), Рудольф (1816—1895) — 52.
 Гозулов, А. И. — 295.
 Гонсалес (Gonzalez), Тома — 71.
 Гоннер (Gönnner), Эдуард Картер Керси (1862—1922) — 147, 151, 152.
 Готье, Ю. В. (1873) — 86, 189, 190, 191.
 Гофман (Foffmann), Иоганн Готфрид (1765—1847) — 132, 208, 209.
 Грас (Gras), Норман (1884) — 366.
 Граунт (Graunt), Джон (1620—1674) — 100, 110, 212, 217.
 Греков, Б. Д. (1882) — 83 — 85.
 Гретцер (Graetzer, J.) — 228.
 Гриффитс (Griffith), Тальбот (1899) — 148, 150, 151, 157, 224—226, 402.
 Гросман (Groszmann) — 333.
 Гротьян (Grotjahn), Альфред (1869—1931) — 103.
 Гуридю Рослан (Goury du Roslan) — 70, 7.
 Гуттен, Ульрих, фон (1488—1523) — 124.
 Гюбнер (Hübner), Отто (1818—1877) — 234.
 Д'Авити (D'Avity), Пьер (1573—1635) — 141, 212.

- Дарвин (Darwin). Чарльз (1809—1882)—102.
 Дашинская (Daczynska), Софья—220.
 Девенпорт (Davenport), Франс Гардинер—56.
 Делакурт (de la Court), Питер (1618—1685)—175.
 Делевский (Delevski), Ю.—382.
 Делиль (Delisle), Леопольд Виктор (1826—1910)—42.
 Дельбрюк (Delbruck), Ганс (1848—1929)—25, 27.
 Дентон (Denton), В.—57—59.
 Де Прони (De Prony)—144.
 Дербек, Ф. А. (1866—)—341, 344, 346, 347.
 Деринг (Döring)—286, 287.
 Джини (Gini), Коррадо (1884—)—351.
 Джиффен (Giffen), Роберт (1837—1910)—332.
 Джоджес (Judges, A. V.)—220.
 Джонс (Jones, P. E.)—220.
 Джонсон (Johnson), Самуэль—221.
 Диакон, Лев—83.
 Диодор—17, 24.
 Дитеричи (Dieterici), Карл Фридрих Вильгельм (1790—1859)—131, 134, 135, 137, 138, 162, 163, 167, 168, 179, 203, 212.
 Дитцель (Dietzel) Генрих (1857—)—370.
 Добс (Dobbs), Томас—157.
 Дорен (Doren), Альфред (1869—)—64, 65, 68.
 Дрэпер—116.
 Дублин (Dublin), Луи Израэль (1882—)—109, 111, 320.
 Дюбо (Dubos), Жан Багист (1670—1742)—8.
 Дюпо (Dupos)—139.
 Дюпон де Немур (Dupont de Nemours), Пьер Самуэль (1739—1817)—139.
 Дюринг (Dühring), Евгений (1833—1921)—405.
 Дюро-де-ля-Маль (Dureau de la Malle), Адольф Жюль Цезарь Август (1777—1857)—38, 39, 351.
 Жирар (Girard), Альберт—71, 72, 73, 165.
 Жукровский, Ю. Г. (1822—1907)—12, 200, 379—381.
 Зайцев—265.
 Зеринг (Serling)—25.
 Зибель (Sibel), Генри (1817—1895)—24.
 Зомбарг (Sombart), Вернер (1863—)—8, 17, 29, 64, 93, 94, 352, 398.
 Зэкк (Seeck), Отто (1850—1921)—25.
 Зюсмилх (Süssmilch), Иоганн Петер (1707—1767)—135, 143, 173, 207, 214—216, 219, 346.
 Зябловский, Е. Ф. (1763—1846)—234.
 Иерсет (Gjercet), Кнут—174.
 Инама-Штернегг (Inama-Stein-negg), Карл Теодор (1843—1908)—9, 15, 28, 32, 46—50, 52, 54, 60, 65, 72, 75, 79, 81, 87, 100, 113, 114, 126, 128, 142, 153, 160, 161, 163, 168, 173, 177, 186, 199, 351.
 Инман (Inman A. J.)—46, 48, 50, 52, 54, 351.
 Иоллес (Jolles, C.)—124.
 Ион (John, V.)—47.
 Ионсен (Johnson O. A.)—174.
 Ист (East), Эдуард Мэррей (1879—)—13, 14, 200.
 Ист (East), Гордон—200.
 Кавеньяк (Cavaignac), Эжен (1876—)—34, 73.
 Каллон (Caillon)—144.
 Канн (Kahn), Эрнст (1884—)—217.
 Канц (Canz), Израэль Готтлиб (1690—1753)—17, 214.
 Карр-Саундерс (Carr-Saunders), Александр Моррис (1886—)—16, 58, 60, 102, 106, 108, 109, 167, 195, 205, 207, 209, 221, 254, 270, 343, 370.
 Карштедт (Kahrstedt), Ульрих (1888—)—21.
 Каультон (Coulton), Джордж Гордон (1858—)—41, 55.
 Каутский, Карл (1854—1938)—408.
 Кауфман, И. И. (1848—1916)—5.
 Кафан (Karhan), Фриц (1888—)—127, 129.
 Кобнер (Kobner), Рихард (1885—)—105, 106.
 Кенэ, Франсуа (1694—1774)—118, 351, 352.
 Керсебум (Kersseboom), Виллем (1691—1771)—176.
 Кетле, Адольф (1796—1874)—4.
 Кёчке (Kötzsckhe), Рудольф (1867—)—12, 26, 28—30, 50, 52, 125.
 Кинг (King) Грегори (1648—1712)—47, 146, 147, 151, 213, 214.
 Кинтанилья (Quintanilla), Алонсо—71, 72.
 Киус (Kius)—395.
 Клеменсин (Clemencin)—71.
 Клочков, М. В. (1877—)—103, 181, 184.
 Ковалевский, М. М. (1851—1916)—38, 39, 41, 365, 366, 370.

- Ковиль (Coville), Альфред (1860—) — 40.
- Коллинвуд (Collingwood) (1889—) — 44.
- Кольмейро (Colmeiro), Мануэль (1818—1894) — 71, 72.
- Кондорсе, Жан Антуан (1743—1794) — 144.
- Конрад (Conrad), Иосиф (1839—1915) — 70, 71, 74, 139, 151.
- Копперс (Coppers), Вильгельм (1886—) — 366.
- Краусе (Krausse) — 361.
- Крейтон (Creighton) Чарльз (1841—1918) — 57, 153, 201, 343.
- Кречмер (Kretschmer), Конрад — 94.
- Кроме (Crome), Август Фридрих Вильгельм (1753—1833) — 168, 169, 214, 215.
- Круг (Krug), Леопольд (1770—1843) — 133, 396.
- Кулишер, И. М. (1878—1934) — 23, 27, 30, 31, 60, 113, 115, 117, 176, 191, 220, 227.
- Кунов (Kunow), Генрих (1862—) — 8.
- Куркин, П. И. (1858—1934) — 286, 287.
- Куршман (Curschman), Фриц (1874—) — 31, 32.
- Кучинский (Kuczynski), Роберт (1876—) — 93, 199, 200, 205, 211, 217, 316—321.
- Кэннингам (Cunningham), Вильям (1849—1919) — 48.
- Кювелье (Cuvelier), Жозеф (1869—) — 80.
- Лавуазье, Антуан (1743—1794) — 144, 396.
- Лампрехт (Lamprecht), Карл (1856—1915) — 25, 26, 28—30, 117, 351, 352.
- Ланге, Фридрих Альберт (1828—1875) — 5.
- Ланглуа (Langlois), Шарль Виктор (1863—1929) — 41.
- Ланглас, Пьер-Симон (1749—1827) — 144.
- Лаппенберг (Larpenberg), Иоганн Мартин (1794—1865) — 49, 50, 52.
- Лацинский, А. С. (1850—19??) — 89.
- Левассер (Levasseur), Пьер Эмиль (1828—1911) — 9, 34—36, 38—40, 42, 121, 137—139, 141—144, 171, 234, 325, 384, 351, 371, 372.
- Ленин, В. И. (1870—1924) — 5, 6, 12, 241, 257, 380, 381, 404.
- Либерманн (Libermann) — 53.
- Ливий (Livius), Тит (59 до н. э.—17 н. э.) — 24.
- Липсиус (Lipsius) — 17, 18, 57.
- Лист (List), Фридрих (1789—1846) — 405.
- Ло (Lot), Фердинанд (1866—) — 35, 40.
- Лотка (Lotka), Альфред Джемс (1880—) — 109, 111, 320, 321.
- Лубны-Герцыг, Л. И. (1880—) — 338.
- Луццато (Luzzato), Джино — 36, 50, 52, 205.
- Лучинский — 183.
- Люс (Luce) — 41.
- Лященко, П. И. (1876—) — 82.
- Маджоре Перни (Maggiore Perri) — 65, 67.
- Майр (Mayr), Георг (1841—1925) — 254.
- Майрс (Myres) — 45.
- Мак-Доннелль (Mac Donnell) — 109.
- Мак-Куллох (Mac Culloch), Джон Рамзай (1789—1864) — 50, 52, 53, 157.
- Маколей, Томас (1800—1859) — 8.
- Малле (Mallet) — 220.
- Мальтус, Томас Роберт (1766—1834) — 3, 8, 116, 237, 360, 384, 385, 403, 411.
- Манту (Mantoux), Поль Жозеф (1877—) — 152.
- Маркс, Карл (1818—1883) — 4, 5—7, 59, 89, 99, 119, 120, 154, 160, 165, 330, 331, 380, 381, 383, 386, 387, 392, 393, 400, 401, 406, 408—411.
- Маршалл (Marshall), Альфред (1842—1924) — 408.
- Маршалл (Marshall), Т. — 224.
- Маршалл (Marshall), Эдуард (1791—1852) — 79.
- Мейцен (Meitzen), Август (1822—1910) — 88, 133.
- Менцель (Menzel) — 126.
- Мерримэн (Merriman), Рожер (1876—) — 73.
- Мессанс (Messance) — 143, 144.
- Милак (Milack) — 18.
- Милюков, П. Н. (1859—) — 181, 182, 185, 188, 192, 193, 367, 370.
- Мирабо, Виктор де Рикетти (1715—1789) — 8, 118, 144, 351.
- Момберт (Mombert), Пауль (1876—) — 9, 18, 29, 115, 127, 132, 135, 136, 137, 205, 208—210, 220, 243.
- Монтион (Montyon), Антуан (1733—1820) — 144.
- Монтескье, Шарль (1689—1755) — 18, 118, 144.
- Моо (Moheau) — 140, 141, 144, 214, 215, 226.

- Моро де Жонэ (Moreau de Jonpès), Александр (1778—1870)—10, 43, 71, 86, 112, 113, 137—142, 145, 167, 171, 204, 393, 396.
- Мэйтленд (Maitland), Фредерик Вильям (1850—1906)—47, 48, 49, 51, 52.
- Мэлхолл (Mulhall), Майкел (1836—1900)—44, 51, 52, 54, 62, 67, 74, 76, 138, 154—156, 167, 193, 211, 397.
- Невер (Nevers), Луи (1539—1596)—141, 351.
- Нейман (Neumann), Каспар (1648—1715)—100.
- Неккер (Necker), Жак (1732—1804)—144.
- Нильсен (Nielsen), Аксель (1880)—80, 200.
- Ниссен (Nissen)—8, 63.
- Нитти (Nitti), Франческо Саверио (1868)—370, 384, 385, 387, 403, 408.
- Новосельский, С. А. (1872)—99, 112.
- Огановский, Н. П. (1874—1937)—86, 181, 189, 192, 193.
- Ольбрихт (Olbright)—123, 173, 181, 204.
- Ортес (Ortes), Джаммария (1713—1790)—387.
- Павинский (Pawinski), Адольф (1840—1896)—86.
- Паевский, В. В. (1893—1934)—112.
- Пайскер (Peisker)—76.
- Паперный, Д.—385.
- Пеллер (Peller)—362.
- Переира (Pereyra), Карлос (1871)—165.
- Петрушевский, Д. М. (1863)—57.
- Петти, Вильям (1623—1687)—62, 155, 175.
- Пиренн (Pirenne), Анри (1862)—41, 217, 218.
- Плиний (62?—114?)—68.
- Плутарх (46?—120?)—24.
- Покровский, В. И. (1838—1915)—9, 335, 341.
- Покровский, М. Н. (1868—1932)—372.
- Поле (Pohle), Людвиг (1869—1926)—370.
- Поммель (Pommeilles)—144.
- Попов—182.
- Поуэль (Powell), Эдгар—56.
- Прайс (Price), Ричард (1723—1791)—118, 147, 352.
- Принцинг (Prinzing), Фридрих (1859)—51, 52, 54, 73, 98, 110, 111, 114, 127, 131, 138, 151, 220, 225, 254, 343, 345.
- Пэджд (Padge)—57.
- Пэрль (Pearl), Раймонд (1879—1940)—4, 381, 382, 405.
- Рабинович (Rabinovicz)—40, 51, 52.
- Разин—84, 186.
- Ратцель (Ratzel) Фридрих (1844—1904)—199, 372, 373.
- Резле (Roesle), Эмиль (1875)—Рейтер (Reuter), Эдуард Байрон (1881)—16, 21, 61, 92, 93, 156, 157.
- Рибарк (Rybak), Иосиф—399.
- Рид (Reed), Лоуэлл (1886)—4.
- Рикардо, Давид (1772—1823)—233.
- Рикман (Rickman), Джон (1771—1840)—148—152, 154.
- Ричиоли (Riccioli), Дживованни Батиста (1598—1671)—17, 19, 180, 206, 212—214.
- Роббинс (Robbins), Элен—42.
- Роджерс (Rogers), Джемс Эдвин Торуюльд (1823—1890)—46, 54, 55, 57, 59, 60, 146, 151—154, 342, 351.
- Рожков, Н. А. (1868—1927)—189.
- Роллер (Roller), Отто (1871)—104, 226.
- Рубин (Rubin), Маркус (1854—1923)—223, 224.
- Рэссель (Russel), Джосиа Кокс—63, 93.
- Рюмелин (Rümelin), Густав (1815—1888)—21, 92, 98, 127, 131.
- Садлер (Sadler), Майкел Томас (1780—1835)—3.
- Саласар (Salazar)—71, 74.
- Сансовино (Sansovino), Франческо (1521—1586)—212.
- Сарс (Sars), Иоганн Эрнст (1835—1917)—174.
- Сарториус - Вальтерсхаузен (Sartorius-Waltershausen), Август (1852)—401.
- Саус (South)—157.
- Сегун-Мартин де Лоннас (Segun Martin de Lonnaz)—167.
- Секкендорф (Seckendorff), Вайт Людвиг (1626—1692)—212.
- Сибом (Seebohm), Фридрих (1833—1912)—51, 52, 55—57, 151, 155.
- Сисмонди, Жан Шарль Леонард Симон (1773—1842)—6.
- Сказкин, С. Д. (1890)—126, 153.
- Скальвейт (Skalweit), Бруно—394, 397.
- Смирнов, П.—181, 188, 191, 192, 193, 194, 397.
- Соловцов—339, 340.

- Соловьев, С. М. (1820—1879) — 83, 89—91, 188, 340, 341, 347.
- Сталин, И. В. (1879—)—6, 11, 257, 258, 364, 365, 369, 370, 378, 383.
- Станиловский—339, 340.
- Степанов (Скворцов), И. И. (1870—1928)—367.
- Стракош-Грассман (Strakosch-Grassmann), Густав (1869—)—124, 127, 132, 199, 208, 209.
- Струве, П. Б. (1870—)—6.
- Струйк (Struysk), Никола (1686—1769)—215.
- Сундберг (Sundbarg), Аксель Густав (1857—1914)—81, 168, 174, 207, 208, 210, 211, 221, 224, 230, 234, 235, 238, 240, 243, 246, 248, 251, 253, 262, 265, 268—270, 276, 291, 292, 333, 390, 397.
- Супан (Supan), Александр (1847—1920)—241.
- Сэ (Sée), Анри Эжен (1864—)—39, 141.
- Гатищев, В. Н. (1686—1750)—182.
- Тацит (ок. 55—120)—25.
- Тейнер (Theiner)—87.
- Террэй (Terray)—144.
- Тойнби (Toynbee), Арнольд (1852—1883)—47, 118, 154, 401.
- Томпсон (Thompson), Джемс Вестфаль (1869—)—40, 58, 98.
- Томпсон (Thompson), Уоррен Симпсон (1887—)—61, 98.
- Торнтон (Thornton), Вильям Томас (1813—1880)—408.
- Торхам (Thorham)—54.
- Тревельян (Travelyan), Джордж Маколей (1876—)—51, 52.
- Трельч (Tröltsch), Вальтер (1866—)—222.
- Третьяков, П. Н. (1909—)—82, 373, 375.
- Тэрнер (Turner)—51, 52.
- Уилкоккс (Willcox), Вальтер (1861—)—9, 109, 205—210, 212, 214—216, 259, 293.
- Ульпиан (Ulpian) (170?—228)—109.
- Уокер (Walker), Фрэнсис (1840—1897)—221.
- Уоллес (Wallace), Роберт (1697—1771)—8, 214.
- Уолфорд (Walford), Корнелиус (1827—1885)—30, 31, 111, 116, 339.
- Устариц (Uztariz), Иеронимо (1670—1732)—71, 166.
- Ушер (Usher), Аббот Пэйсон (1883—)—9, 12, 13, 28, 35, 40, 49, 51, 52, 54, 56, 57, 71, 72, 75, 131, 138, 139, 152, 153, 164, 167, 169, 171, 176, 177, 204, 325, 351, 355, 358, 359.
- Уэльс (Wales), Гильом (1734—1798)—147.
- Фабр (Fabre), Поль—53.
- Фабри (Fabri)—215.
- Фабрициус (Fabricius, С. А.)—134.
- Фальбек (Fahlbeck), Понтус (1850—1923)—366.
- Фарр (Farr), Вильям (1807—1883)—4, 151, 152, 224, 343.
- Ференци (Ferenczi), Имре (1884—)—73, 165.
- Фергюссон (Fergusson)—166.
- Фернандес (Fernandez)—165.
- Ферхюльст (Verhulst), Пьер Франсуа (1804—1849)—4.
- Фильдон—403.
- Финлезон (Finlaison), Джон (1783—1860)—149, 151, 152.
- Фиркс (Fircks)—10, 92, 127, 131.
- Фицгибон (Fitzgibbon)—403.
- Фишер (Fischer), Альфонс (1873—)—103, 114, 228, 362, 363.
- Флетчер, Джемс (1548—1611)—180.
- Фовиль (Foville), Альфред, де (1842—1913)—43.
- Форбонэ (Forbonnais), Франсуа (1722—1800)—143.
- Форд (Foord), Эдуард—22, 77.
- Фортунаци (Fortunati), Паоло—327.
- Франк (Franck), Себастиан (1499—1543)—124.
- Франк (Frank), Тенней (1876—)—63.
- Фруд (Froude), Джемс Антоний (1818—1894)—106.
- Фруманто (Froumenteau), Никола—141.
- Фукидид (ок. 460—ок. 399 до н. э.)—343.
- Хаулет (Howlett), Джон (1731—1804)—147.
- Хаутон (Houghton), Джон—146.
- Хендрикс (Hendricks), Фр.—71, 72, 166, 168.
- Хип (Hear), Вильям Гордон—102.
- Холмс (Holmes, W. G.)—77.
- Хори (Haury)—25.
- Хэйгартс (Haygarth)—362.
- Цан (Zahn), В.—129.
- Цумпт (Zumpt), Август Вильгельм (1815—1877)—20.
- Цурита (Zurita)—71.
- Чалмерс (Chalmers)—54.
- Чибарно (Cibrario), Лунджив (1802—1870)—70, 200.
- Шванекке (Schwanecke)—127.

- Шерр (Scherr), Иоганн (1817—1886) — 126.
- Шмидт (Schmidt), Людвиг (1862—) — 25, 366, 395.
- Шмоллер (Schmoller), Густав (1838—1917) — 8, 21, 24, 32, 34, 49, 51, 52, 54, 92, 93, 98, 109, 121, 123, 131, 136, 138, 139, 153, 164, 181, 191, 192, 205, 350—352, 372, 397.
- Шницлер (Schnitzler), Иоганн Генрих (1802—1871) — 180, 192, 193, 195.
- Штейн, В. М. (1890—) — 375.
- Штейнмец (Steinmetz), Рудольф (1862—) — 338, 339.
- Штеффен (Steffen), Густав (1864—) — 51, 52, 57, 59, 154.
- Шуберт (Schubert), Фридрих Вильгельм (1799—1868) — 168, 169.
- Шурц (Schurtz), Генрих (1863—1903) — 366.
- Щеголев, П. П. (1903—) — 398.
- Эеберг (Eheberg), Карл Теодор (1855—) — 118, 228.
- Эйлер (Euler), Леонард (1707—1783) — 387.
- Экспилли (Expilly), Жан Жозеф (1719—1793) — 144, 214, 215.
- Эльстер (Elster), Людвиг (1856—) — 168, 170, 172, 195, 234, 235.
- Эмбар де ля Тур (Imbart de la Tour) — 36.
- Энгес (Angus), Джон — 346.
- Энгельс, Фридрих (1820—1895) — 4, 22, 23, 27, 97, 383, 386, 387, 412.
- Эрслев (Erslev), Кристиан (1852—1930) — 80.
- Эуленбург (Eulenburg), Франц (1867—) — 121, 122.
- Юбер (Hubere), Мишель (1888—) — 205.
- Юм (Hume), Давид (1711—1776) — 19.
- Юнг (Young), Артур (1741—1820) — 157.
- Юрашек (Juraschek), Франц (1849—1910) — 234, 235.
- Юшков — 83.
- Яблоновский (Jablonowski), Александр (1829—1913) — 86.
- Янсон, Ю. Э. (1835—1892) — 74, 107, 125.
- Ястров (Jastrow), Игнац (1856—) — 118.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть I

1. Введение	3
2. Источники и методы	13
3. Краткий очерк населенности древнего мира	17

Часть II

Феодализм

1. Введение	23
2. Германия	24
3. Франция	33
4. Англия	44
5. Италия	62
6. Испания и Португалия	68
7. Дунайские страны и Балканы	75
8. Швейцария, Бельгия, Голландия, Скандинавия	79
9. Россия	81
10. Сводный очерк	91
11. Рождаемость и смертность в XI—XV вв.	99

Часть III

Разложение феодализма и первоначальное накопление

1. Введение	119
2. Германия	121
3. Франция	137
4. Англия	145
5. Италия	158
6. Испания и Португалия	164
7. Дунайские страны и Балканы	169
8. Скандинавские страны, Бельгия, Голландия, Швейцария	173
9. Россия	179
10. Сводный очерк	196
11. Население Европы в 1500—1800 гг. в представлении современников	212
12. Рождаемость и смертность в XVI—XVII вв.	216
13. Рождаемость и смертность в XVIII в.	220

Часть IV

Промышленный капитализм

1. Введение	232
2. Общий прирост населения за столетие в целом	234
3. Динамика рождаемости	238
4. Динамика смертности	243
5. Динамика миграционных потоков	246
6. Естественный и действительный прирост населения	248
7. Динамика брачности	250
8. Итоговый расчет	255

Часть V
Империализм

1. Введение	257
2. Исчисление населения Европы в XX в.	258
3. Динамика рождаемости	267
4. Динамика смертности	279
5. Динамика миграционных потоков	290
6. Естественный прирост и действительный прирост	293
7. Истинный коэффициент естественного прироста	300
8. Динамика брачности	321
9. Итоговый расчет	324

Часть VI

Общий обзор роста населения Европы за 1000—1940 гг.

1. Введение	325
2. Случаи падения численности населения	329
3. Войны и их влияние	331
4. Голодные годы и их влияние	339
5. Эпидемии и их влияние	342
6. Теории волнообразной динамики населения	350
7. Общий ход динамики населения	352
8. География роста населения	354
9. Динамика рождаемости и смертности	358

Часть VII

Рост населения и способ производства

1. Население и хозяйство	364
2. Плотность населения и техника производства	371
3. Темп роста населения и общественные формации	380
4. Темпы роста населения и темпы роста продукции	392
5. Рост населения в переломный момент хозяйственного развития	400
6. Связь экономических и демографических процессов в условиях капитализма	405
7. Итоги	409

Приложения

Сводная таблица численности населения по отдельным странам Европы	414
Библиография	416
I. На русском языке	416
II. На иностранных языках	418
Именной указатель	428

Редактор С. С. Бальзак

Подписано в печать 21/I 1941 г. Печ. л. 27¹/₄. Уч. авт. л. 28,5.
Зн. в печ. листе 47.000. Тираж 10.000 экз. А 32817. Заказ № 126.
Цена книги 7 р. 25 к. Переплет 1 р. 50 к.

Набрано в типографии газеты «Правда» имени Сталина,
Москва, ул. «Правды», 24.

Отпечатано в 3 тип. «Красный пролетарий» Огиза РСФСР треста
«Полиграфкнига». Москва, Краснопролетарская, 16.